

ВЕСТНИК
Томского государственного университета
2015. № 391. Февраль

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ
- КУЛЬТУРОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО
- ЭКОНОМИКА
- ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА
- НАУКИ О ЗЕМЛЕ
- БИОЛОГИЯ И ХИМИЯ

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY, SOCIAL
AND POLITICAL SCIENCES
- CULTURAL STUDIES
- HISTORY
- LAW
- ECONOMICS
- PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS
- EARTH SCIENCES
- BIOLOGY AND CHEMISTRY

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL
2015. № 391. February

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.;
А.А. Глазунов, д-р техн. наук, проф.; **В.И. Голиков**, канд.
ист. наук, доц.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
Л.С. Гринкевич, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р
пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.;
Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук,
проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**,
канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **О.М. Краснорядцева**,
д-р психол. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал.
наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского Дома
Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**,
канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ;
А.И. Потekaев, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прокументов**,
д-р юрид. наук, проф.; **Г.Н. Прокументова**, д-р пед. наук,
проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слизов**,
канд. хим. наук, доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства
ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**,
канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьяна**, канд. геол.-
минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.;
О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**,
д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.;
Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice
Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics,
Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in
Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**,
PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor;
Ye. Borisov, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in
Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology,
Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor;
V. Golikov, PhD in History, Associate Professor; **A. Gortsev**,
Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of
Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor;
T. Demeshkina, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr.
of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**,
Dr. of Economics, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and
Mathematics, Senior Researcher; **O. Krasnoriadtseva**, Dr. of
Psychology, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and
Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State
University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and
Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of
Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of
Law, Professor; **G. Prozumentova**, Dr. of Education, Professor;
Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor;
Yu. Slizhov, PhD in Chemistry, Associate Professor;
V. Sumarokova, Director of TSU Publishing House;
S. Sushchenko, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**,
PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor;
G. Tatianin, PhD in Geology and Mineralogy, Associate
Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**,
Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of
History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor;
E. Shrager, Dr. of Engineering, Professor

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ВЫПУСКА

Т.А. Демешкина, д-р филол. наук, проф.; **В.П. Зиновьев**, д-р
ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.;
О.М. Краснорядцева, д-р психол. наук, проф.;
Д.С. Воробьев, канд. биол. наук, доц.; **В.П. Парначев**,
д-р геол.-минер. наук, проф.; **Л.М. Прокументов**,
д-р юрид. наук, проф.; **Г.Н. Прокументова**, д-р пед. наук,
проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р
пед. наук, проф.

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE

T. Demeshkina, Dr. of Philology, Professor; **V. Zinoviev**, Dr. of
History, Professor; **V. Kanov**, Dr. of Economics, Professor;
S. Kulizhskiy, Dr. of Biology, Professor; **O. Krasnoriadtseva**,
Dr. of Psychology, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology,
Associate Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and
Mineralogy, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor;
G. Prozumentova, Dr. of Education, Professor; **E. Chernyak**,
Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor

Журнал «Вестник Томского государственного университета»
включён в «Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук»
(http://vak.ed.gov.ru/ru/help_desk/list/)

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694,
электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.
ISSN: печатный вариант – 1561-7793;
электронный вариант – 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Certificates of registration: printed version № 018694,
electronic version № 018693
Issued by the Russian Federation State Committee for Publishing
and Printing on April 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
April 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Абдрашитова М.О. Фольклорная карта Томска в жанре современной городской легенды	5
Антошина Е.В. О фрагментах, не вошедших в окончательную редакцию романа В.В. Набокова «Дар»	10
Баль В.Ю. Гоголевская традиция и тема героя времени в романе А. Иванова «Блуда и МУДО»	21
Бичевин А.Г. Субъектная реализация темы познания в сборнике Н.С. Гумилёва «Огненный столп»	29
Болотникова О.Н. Феноменология домашнего пространства в литературе русского сентиментализма	34
Гарбуйо И. Русская «грибная» метафора и способы ее эквивалентного перевода на итальянский язык	40
Корнильцева И.Б. «Великий банкир» И. Франки в переводе А.Н. Островского: итальянская пьеса в контексте творчества русского драматурга	46
Кузнецова С.С. Номинации звуков природы в идиолекте носителя народно-речевой культуры	52

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

Бальчиндоржиева О.Б. Социальная гармония в китайской философии	58
Бредихин С.С. Человек в труде. Социальный и антропологический аспекты	64
Гапонов А.С. Основания справедливости в обществе позднего капитализма (формально-прагматический подход)	70
Дыдров А.А. Человек бессмертный: религиозная фикция или будущее науки?	76
Евстропов М.Н. Субъективность сущностного одиночества: этюд о Хайдеггере и Бланшо	80
Киселев В.И. Характеристика напряженности системы совместной деятельности	92
Мартыненко Т.С. Глобальная социология Г. Терборна: теория социальных неравенств	97
Хитрук Е.Б. Эссенциальный подход к интерпретации социокультурного предназначения женщины в философии Георга Зиммеля	102
Чигвинцева О.А. Социальная субъективность в структурах артикуляции	109

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Курьянова Т.С. Сохранение нематериального культурного наследия: опыт национальных республик Южной Сибири	113
Прядуха Н.А. Музыкально-звуковые возможности декора деревянной архитектуры в организации культурного ландшафта города (на примере города Барнаула)	118

ИСТОРИЯ

Зиновьев В.П. Бюджет горнорабочих Сибири в конце XIX – начале XX в.	122
Кириллов А.К. Податной спор купца Г.И. Фуксмана с Министерством финансов в 1913 г.: формальные доводы и их действительная подоплёка	127

CONTENTS

PHILOLOGY

Abdrashitova M.O. The folklore map of Tomsk in the genre of modern urban legend	5
Antoshina E.V. Excerpts not included into the final version of V.V. Nabokov's <i>The Gift</i>	10
Bal V.Yu. Gogol tradition and the theme of the hero of time in A. Ivanov's novel <i>Bluda i Mudo</i>	21
Bichevin A.G. Subjective realization of the theme of cognition in N. Gumilev's collection <i>The Pillar of Fire</i>	29
Bolotnikova O.N. Phenomenology of domestic space in the literature of Russian sentimentalism	34
Garbujo I. Russian "mushroom" metaphor and its equivalent translation into Italian	40
Korniltseva I.B. A.N. Ostrovsky's translation of I. Franchi's <i>The Great Banker, or Payment of a Million Upon Presentation</i> in the context of the playwright's work	46
Kuznetsova S.S. Nominations of nature sounds in the idiolect of the folk speech culture representative	52

PHILOSOPHY, SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES

Balchindorzhieva O.B. Social harmony in Chinese philosophy	58
Bredikhin S.S. Human in labor. Social and anthropological aspects	64
Gaponov A.S. Grounds for justice in the society of late capitalism (the approach of formal pragmatics)	70
Dydov A.A. Immortal man: religious fiction or future of science?	76
Evstropov M.N. Subjectivity of essential solitude: a study in Heidegger and Blanchot	80
Kiselev V.I. Handling the tensions of the joint work system	92
Martynenko T.S. G. Therborn's global sociology: theory of social inequalities	97
Khitruk E.B. The essential approach to the interpretation of the social and cultural mission of women in the philosophy of Georg Simmel	102
Chigvintseva O.A. Social subjectivity in the structures of articulation	109

CULTURAL STUDIES

Kuryanova T.S. Preservation of intangible cultural heritage: the experience of the national republics of South Siberia	113
Pryadukha N.A. Music and sound potential of wooden architecture in organizing the cultural landscape of the city of Barnaul	118

HISTORY

Zinoviev V.P. The budget of miners in Siberia in the late 19th – early 20th centuries	122
Kirillov A.K. Tax controversy between merchant Grigoriy Fuksman and the Treasury in 1913: formal arguments and true reasons	127

Рыгалова М.В. Геоинформационные системы и технологии в отечественной исторической науке: основные направления применения	133
Сарычева Т.В. Становление физического воспитания в системе народного просвещения в Западной Сибири в 1920-е гг.	140
Фоминных С.Ф., Степнов А.О. Томский период жизни профессора Б.П. Токина	148

ПРАВО

Ахмедшин Р.Л. Тактика допроса иностранных граждан	155
Камнев А.С. Пересмотр не вступивших в законную силу приговоров, постановленных судом с участием присяжных заседателей, в России: традиция и международные стандарты уголовного правосудия	160
Ширижик В.М. Процесс формирования раннефеодальной государственности в Центральной Азии в период правления Чингисхана	167

ЭКОНОМИКА

Бородин А.И. Концепция механизма управления финансовым потенциалом предприятия	171
Фомина Ю.А., Редчикова Н.А. Аграрные рынки стран БРИКС: условия совместного инновационного развития	176

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Иванова И.В. Разработка модели сопровождения саморазвития учащихся во внеурочной деятельности в условиях освоения ФГОС начального общего образования на примере сельских школ Калужской области	183
Кабачкова А.В., Дмитриева А.М. Возможности оздоровительной физической культуры для женщин пожилого возраста (55–68 лет)	195

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Колубаева Ю.В. Химический состав подземных вод зоны активного водообмена территории северной части Кольвань-Томской складчатой зоны	202
Малолетко А.А. Физико-географические предпосылки формирования сухопутных трактов на территории Кольвано-Воскресенского ведомства в 1760–1762 гг.	209
Савичев О.Г., Гусева Н.В., Абдуллаев Б.Д. Водный баланс системы озёр Шира – Иткуль (Хакасия)	214
Черedyкo Н.Н., Журавлев Г.Г. Крупномасштабные режимы изменения климата и согласованность изменений пространственно-временной структуры поля атмосферных осадков в Алтайском регионе	220

БИОЛОГИЯ И ХИМИЯ

Габрук Н.Г., Ву Тхи Лиен, Буй Тхи Зыонг. Сорбция ионов меди бурыми водорослями <i>Sargassum swartzii</i>	227
Голубина О.А., Горельский В.А., Жильцов К.Н., Лайком А.О. Свойства пирогенных торфяных эутрофных почв болота таган (юг Томской области)	232
Перминова Д.А., Мальков В.С., Курзина И.А., Бабушкина Т.Б. Древесные композиционные материалы на основе карбаминоформальдегидных смол, модифицированных гликолурилом	238
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	242

Rygalova M.V. Geographic information systems and technology in domestic historiography: the main directions of use	133
Sarycheva T.V. Formation of physical education in the system of public education in Western Siberia in the 1920s	140
Fominykh S.F., Stepnov A.O. Tomsk period in the life of Professor B.P. Tokin	148

LAW

Akhmedshin R.L. Tactics of interrogation of foreign citizens	155
Kamnev A.S. Review of an otherwise final jury trial decision: legal tradition and international law standards of criminal justice	160
Shirizhik V.M. Formation of the feudal state in Central Asia during the reign of Genghis Khan	167

ECONOMICS

Borodin A.I. The concept of the mechanism of management in the financial potential of the enterprise	171
Fomina Yu.A., Redchikova N.A. BRICS agricultural markets: conditions for cooperative innovation development	176

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

Ivanova I.V. Developing a model of students' self-development support in extracurricular activities in rural schools of Kaluga Oblast in the context of primary education FSES	183
Kabachkova A.V., Dmitrieva A.M. The possibility of improving physical training for women aged 55–68	195

EARTH SCIENCES

Kolubaeva Yu.V. The chemical composition of the groundwaters of the active water exchange zone of the northern part of the Kolyvan-Tomsk folded zone	202
Maloletko A.A. Physiographic preconditions for building overland roads in Kolyvan-Voskresensk department in 1749–1762	209
Savichev O.G., Guseva N.V., Abdullaev B.D. Water balance of the Shira – Itkul lake system (Khakassia)	214
Cheredko N.N., Zhuravlev G.G. Large-scale modes of climate change and the consistency of changes in the spatio-temporal structure of the field of atmospheric precipitation in the Altai region	220

BIOLOGY AND CHEMISTRY

Gabruk N.G., Vu Thi Lien, Bui Thi Duong. Sorption of copper ions by brown algae <i>Sargassum swartzii</i>	227
Golubina O.A., Gorelski V.A., Zhiltsov K.N., Laikom A.O. Properties of pyrogenic eutrophic peat soil of Tagan mire (south of Tomsk Oblast)	232
Perminova D.A., Malkov V.S., Kurzina I.A., Babushkina T.B. Wood composite materials based on glycoluril-modified urea-formaldehyde resins	238
BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	242

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.161.1

М.О. Абдрашитова

ФОЛЬКЛОРНАЯ КАРТА ТОМСКА В ЖАНРЕ СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ ЛЕГЕНДЫ

*Работа выполнена за счет средств субсидии в рамках реализации
Программы повышения конкурентоспособности ТПУ.*

Представлено описание модели пространства города, отраженной в фольклорном жанре легенды. На материале современных легенд о Томске, активно функционирующих в городской среде, выявлены наиболее частотно актуализируемые образы городского пространства. В соответствии с установками исследуемого жанра представлена система образов знаковых городских мест, каждый из которых репрезентирует особую семиотическую и аксиологическую значимость.

Ключевые слова: городское пространство; фольклор; легенда; картина мира.

Понимание фольклора как динамичного культурного явления позволяет взглянуть на него как на систему, отражающую мировоззрение фольклорного коллектива любой социокультурной ситуации.

Фольклор, бытующий в современности, сочетает в себе специфику современной фольклорной среды, характеризующейся неоднородностью (см.: [1–3] и др.). Гетерогенный характер современной социокультурной ситуации во многом детерминирован технологическим прогрессом, повлекшим активное взаимодействие фольклорных традиций города и деревни, смещением устного творчества и книжной литературы, а также процессами урбанизации, приведшими к разнородности населения города.

Особой пестротой можно охарактеризовать и культурное пространство города, который выступает как «котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» [4. С. 453]. Город предстает как система взаимосвязанных между собой культурных кодов, как точка переплетения ментальных культурных установок, традиций, где географические локальные образы представляют собой сгустки символов и стереотипов, свойственные культурной традиции. «Внешнее городское пространство в сознании горожанина наполняется внутренним содержанием. Объекты городского пространства предстают как семиотически нагруженные, поскольку они семиотически взаимодействуют с желаниями, представлениями, установками индивидуума или коллектива, отдельной социальной группы» [5. С. 18–19].

Городское пространство становится местом, где процесс социализации личности протекает одновременно в нескольких социумах, каждому из которых присуще свое мировосприятие. Мозаичность картин мира, параллельно функционирующих в сознании носителей современной культуры, лишает членов фольклорного коллектива устойчивой системы представления о действительности. Идентификация члена определенной социальной группы может осуществляться при помощи актуализации в сознании культурных кодов, знаний, функционирующих внутри отдельно взятого коллектива.

Трансляция культурных знаний, принятых в фольклорном социуме, осуществляется посредством фоль-

клорных произведений различных жанровых форм. Установки жанра во многом детерминируют актуализируемое содержание.

В центре нашего внимания находится жанр легенды. Всплеск интереса к данному жанру привел к появлению множества научных трудов, посвященных его изучению: формулировке определения, классификации, описанию формальной и содержательной сторон (см.: [6–11] и др.). В данной статье легенда понимается как несказочное фольклорное произведение, в котором представлены возможные или реальные события, происходившие в прошлом.

К установкам данного фольклорного жанра можно отнести описание какого-либо необычного события, представленного в сочетании с реальным положением дел. Комбинирование правды и вымысла в описании событий как регионального, так и мирового масштаба, а также включение локальных и временных подробностей повествования позволяют жанру легенды актуализировать установку на относительную правдоподобность рассказываемого. При этом вымышленный характер описываемых в легендах событий, как правило, мотивирован особыми мифологическими представлениями, актуализирующимися в сознании носителя современной культуры. «В современном обществе мифологическое сознание интегрировано в сложную структуру когниции, являясь ее существенной частью» [12. С. 33]. Миф здесь осмысливается как «...совокупность субъективных иллюзорностей культуры, которые позволяют одной культуре отделить себя от другой культуры. <...> Иллюзорные конструкции мифа оказываются своеобразными линиями демаркации между культурами. Это то, что позволяет человеку постоянно ощущать принципиальное отличие своего от чужого и принципиальную недоступность своего для чужого взгляда» [13. С. 25]. Мифологические представления, репрезентируемые в легенде, во многом детерминируют ее семиотические, аксиологические, прагматические ориентиры. Мифологические установки, функционирующие в сознании носителя культуры, способствуют также выполнению одной из основных функций жанра легенды – дидактической, согласно которой в легенде представлены некоторое событие и ряд возможных нежелательных последствий.

Таким образом, посредством легенды транслируется алгоритм поведения носителей культурной традиции в определенных ситуациях. Необходимость соблюдения сценария поведения в ситуациях микрокосмоса часто детерминирована актуализируемым и поддерживаемым в легендах чувством страха, бессилия человека перед враждебным, полным непредсказуемости миром. Оказание сильного эмоционального воздействия благодаря территориальной и временной соотнесенности рассказчика и его слушателей с событиями и героями, о которых в них повествуется, также является одной из ключевых установок жанра легенд.

Выявление особенностей восприятия города в текстах легенд возможно осуществлять в соответствии с разными принципами. В данной работе принята попытка моделирования образа города по принципу организации городского пространства.

Цель данной статьи – описать структуру городского пространства, актуализируемую в фольклорных текстах городских легенд о Томске.

Материалом для исследования послужили шестьдесят два текста современных легенд, посвященных городу и его жителям и представленных в городской культурной среде Томска. Большую часть материала (тридцать четыре легенды) составили современные тексты, включенные в личную коллекцию автора, собранную во время студенческой фольклорной экспедиции, а также социолингвистического опроса жителей Томска. Вторая часть материала представлена двадцатью восьмью текстами, зафиксированными в городском интернет-контенте: личных страницах жителей города, а также сайтах региональных, городских организаций, включающих информацию о культурной составляющей жизни Томска.

В результате проведенного исследования нами была выстроена пространственная модель Томска, репрезентирующая культурную насыщенность географических, территориальных, архитектурных ипостасей городского пространства. Моделируемые образы во многом свидетельствуют о достаточно высокой степени развития культуры и цивилизации, что обусловлено тем, что «по мере возникновения и развития духовной культуры, искусства создаются и развиваются географические образы, в значительной степени дистанцированные по отношению к непосредственным, явно видимым нуждам общества» [14. С. 164]. В фольклорном тексте пространство города наделяется аксиологическим содержанием; отдельные его элементы хранят в себе особую мифологию.

Знаковыми в фольклорной традиции города, актуализируемыми в легенде, становятся образы водоемов, расположенных в пределах города и пригорода, зданий, архитектурных памятников и монументов, центральных площадей и улиц, мест, связанных с известными людьми.

Номинации географических объектов, а также описание ландшафта (*возвышенность, гора*) соотносимы с определенными культурными знаниями, посредством которых Томск вписан в общую ментальную карту сибирского региона и российского пространства в целом. Результаты исследования показали, что ключевыми образами в описании города Том-

ска являются образы рек (*Томь, Ушайка, Басандайка*). Так, в легендах Томск в первую очередь предстает как город между двух рек (*между реками Томью и Обью раскинулся зеленый город*), располагающийся на возвышенности (*на горе стоит, возвышается над равниною*). Возвышенное географическое положение города мотивирует бытование легенд о нахождении его на древнем вулкане. Так, *территория города Томска находится на древнем вулкане, что объясняет расположение города на возвышенности. Согласно исследованиям данной местности, обрывистые склоны Лагерного сада являются остатками стенки вулкана, действующего несколько веков назад (из личной коллекции автора)*.

Посредством образов водных пространств, репрезентируемых в легендах, моделируется ситуация неразделенной или запретной любви между девушкой и молодым человеком, приведшей к трагической гибели одного из влюбленных. Как правило, героиня бросается в реку и погибает. Одним из ключевых оснований, по которым осуществляется структурирование городского пространства, является семиотическая оппозиция «свое / чужое» пространство, где «свой» мир – это мир уникальных, индивидуальных, определенных в своей конкретности и известных социуму объектов. «Чужой малопонятный, неизвестный, нерасчлененный, опасный» [15. С. 88]. Вода, как правило, представляет «чужой» мир. Смерть героини в водном пространстве детерминирует уход в мир темного, непознанного. При этом в легендах, актуализирующих номинации озер (*Белое озеро, Копыловское озеро*), водное пространство как представитель «чужого» мира выявлено в меньшей степени. Наряду с враждебностью и опасностью водного пространства в легендах отмечается, что озера в рамках города и пригорода осмысляются культурным сознанием как более освоенное пространство. Так, по одной из легенд *Белое озеро называется белым ввиду его окружения белыми березами или белой рыбой, населяющей водоем*. Частотны упоминания об использовании озерных вод для хозяйственных нужд горожан (*коней напоил и сам напился, людей напоили, белье постирала*).

Стереотипное видение Томска, представленное в текстах легенд, актуализирует образы зданий, архитектурных памятников, построек (*Университетская роща, Дом ученых, Дом Асташевых, памятник Г.Н. Потанину, памятник «Младенец в капусте», памятник беременной женщине у медицинского университета*). Однако, безусловно, ключевыми образами учреждений, актуализированными в легендах, стали образы высших учебных заведений, сосредоточенных в центре города.

Как уже отмечалось, моделирование культурно-географического пространства города во многом базируется на мифологических представлениях. «Миф – историчен в пределах определенной культуры как ее непосредственный элемент <...> он есть элемент непосредственной коммуникации, которая реализуется “здесь и сейчас”. Миф репрезентируется вербально, прежде всего, в системе мифологем – мифологических образах, мотивах, имеющих регулярно воспроизводимые текстовые репрезентации» [16. С. 77].

В жанре легенды наиболее частотно актуализируется региональный миф, согласно которому Томск является одним из основных научно-образовательных центров страны. Наличие университетов, научно-исследовательских институтов актуализирует многочисленные образы «интеллектуального города». В текстах легенд упоминаются университетские корпуса, Университетская роща, памятник святой Татьяне, являющейся покровительницей студенчества. При этом в соотношении с жанровыми установками в легенде привычные места, знакомые люди становятся «очевидцами» или участниками сверхъестественных событий. Так, согласно одной из легенд Университетская роща является опасным местом для одиноких путников. *Говорят, в Университетской роще видели стаю необычных собак, выведенных сотрудниками бактериологической лаборатории «Вириона» или студентами биолого-почвенного факультета* (<http://gorgaz.tomsk.ru/2010/09/mify-i-legendy-drevnego-tomska>). Правдоподобность легенды подкрепляется определенными географическими координатами описываемых фактов и событий: упоминание биолого-почвенного факультета Томского государственного университета, бактериологической лаборатории медицинского центра «Вирион», Университетской рощи, находящейся поблизости, что позволяет моделировать в сознании носителей культуры соответствующий образ рощи. Множество деревьев, узкие тропинки между корпусами университета могут способствовать созданию особой таинственной и одновременно враждебной атмосферы данного места.

Специфично в фольклоре о Томске и изображение городских памятников. Можно отметить, что упоминание памятников и монументов в текстах легенд часто сопряжено с идеей возможности человека оказать влияние на собственную судьбу. В легенде прописан алгоритм поведения в ситуации необходимости изменения своей жизни в лучшую сторону. Так, например, существуют студенческие легенды, посвященные памятнику святой Татьяне. Согласно одной из них *святая Татьяна по сей день продолжает молиться за томское студенчество, в связи с чем студенты часто подходят, прикасаются к памятнику для успешного завершения сессии* (из личной коллекции автора). Согласно другой легенде *женщина, которая первая прикоснулась к капустному мальчику с момента установки памятника на проспекте Ленина, вскоре забеременела, поэтому молодые женщины вяжут ленточки на памятник, чтобы вскоре забеременеть* (<http://gorgaz.tomsk.ru/2010/>).

Включение в текст легенд номинаций некоторых архитектурных объектов города может актуализировать в сознании носителя культуры чувство страха и беспомощности перед потусторонними силами. Так, существуют легенды *о доме Асташевых, населенном привидениями. Люди, посетившие этот дом, рассказывают о привидениях – умершей чете Асташевых, предлагают послушать рассказы об их жизни, навсегда лишаящие гостей дара речи* (из личной коллекции автора).

«Фольклорная» карта территории города Томска репрезентирует также знаковые площади и улицы го-

рода (*Соляная площадь, улица Ленина, Кузнечный мост, Воскресенская гора, Лагерный сад, Главпочтамт, улица Розы Люксембург*). Каждое из этих мест соотносено с определенными необычными событиями. В текстах легенд площадь Соляная предстает как место выпадения необыкновенно большого количества снега (*снежные сугробы закрыли прилавки, и весь снег стал соленым. Долгое время еще эту площадь называли Солено-снежная*). Воскресенская гора стала местом событий, связанных с образом дракона, спасшего мальчика от городского пожара или нападения врагов.

Актуализация названий городских улиц и площадей обусловлена, прежде всего, активным функционированием в городской культуре легенд о подземельях Томска, расположенных под центральными улицами города. Подземелья являются одним из самых распространенных сюжетов городских легенд о Томске. Описание тайных подземных ходов носит достаточно подробный характер, отвечая установкам жанра, направленным на видимую правдоподобность рассказа (*глубокие, темные, метра три шириной, стены, укрепленные камнями или деревянными досками, может проехать тройка лошадей*). Кроме того, в текстах легенд репрезентированы номинации конкретных, часто знакомых рассказчику лиц, обнаруживших тайные ходы (*мой знакомый, мой прадед, друг моего друга*). В качестве причин возникновения подземных ходов указывается необходимость жителей Томска тайно покинуть город (*один из ходов вел из города на другой берег реки Томи*), захоронения людей (*по одной из легенд, в одном из ходов стояли закрытые гробы*), или хранения богатств (*в подземельях стояли сундуки с сокровищами, ценные экземпляры книг*). Так, по одной из легенд *под Домом ученых, расположенном в центре города, находятся подземные ходы, по которым в прошлом веке передвигались и прятали наиболее ценные экземпляры книг из своих библиотек известные ученые (из личной коллекции автора)*.

В легендах о подземельях также наблюдается реализация семиотической бинарной оппозиции «свое / чужое» пространство. В соответствии с фольклорными (и далее мифологическими) представлениями подземелье соотносимо с «чужим» миром. Этим, по видимому, мотивированы такие характеристики подземного пространства, как таинственность, неизвестность, враждебность. Так, в томских легендах рассказывается о людях (*полковник, сын полковника, местные мальчишки, знакомый, сантехник*), которые погибли в подземельях под городом, случайно попав в них. Отметим также, что неугасающий интерес к изучению вопроса тайных ходов, расположенных под городом, и достаточно правдоподобное повествование легенд во многом обусловили популярность романа-хроники «Томские трущобы», написанного в начале прошлого века В.В. Курицыным, а также регулярное появление заметок в современных региональных средствах массовой информации о необходимости изучения этого вопроса.

В «фольклорный» портрет Томска могут включаться представления, актуализируемые в сознании

его жителей и гостей города – известных людей, когда-либо посетивших Томск. Центр города – проспект и площадь Ленина, набережная Томи с памятником А.П. Чехову, организующим культурный центр губернаторского квартала, – также является знаковым местом Томска, получившими отражение в легендах. Так, *писатель А.М. Волков, приехав на учебу в педагогический институт из Казахстана, прогуливаясь по центру города, назвал Томск Изумрудным городом* (vk.com/topic-47458807_27609182), в то время как *А.П. Чехов, потеряв из-за плохих томских дорог свою калошу в районе набережной Томи, напротив, отзывался о Томске как об унылом городе с отменными обедами* (<http://crowded-house.narod.ru/monument/chekhov.htm>).

Итак, в жанре легенды осуществляется моделирование городского пространства, транслируются установки, детерминирующие определенное видение носителями культурной традиции его территории в целом и отдельных элементов в частности. В соответствии с нагруженным культурным контекстом на первый план выходят географические и архитектурные образы, повествующие о событиях прошлого, которые имеют видимые последствия в настоящем. Город предстает как система культурных кодов, поддающихся распознаванию носителями данной субкультурной традиции.

В картине мира моделируется представление о родном городе как о месте, имеющем определенный природный ландшафт: расположенный на возвышенности между двух рек. Географическими особенностями являются в основном водоемы (реки, озера). Структуру городского пространства организует его центр с ведущими университетами и Университетской рощей. Под центральными улицами и площадями города проходят тайные подземные ходы. Город характеризуется густой растительностью и плохим качеством дорог.

Каждый элемент «фольклорной» карты города имеет свои аксиологические ориентиры, стабилизирующие установки культурной традиции. Знание данного культурного кода является фактором, идентифицирующим носителя современной культуры как жителя Томска. Водное, подземное пространства, а также лесопарковые зоны представляют определенную опасность для человека, детерминированную возможным негативным воздействием потустороннего мира. Образы архитектурных памятников и монументов служат выполнению прагматической функции. Посредством легенд путем обращения к мистическим силам актуализируется знание о способности человека оказать влияние на собственную судьбу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов К.А. Повседневность и мифология: исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб. : Искусство-СПб, 2001. 438 с.
2. Неклюдов С.Ю. Специфика слова и текста в устной традиции // Евразийское пространство: звук, слово, образ. М., 2003. С. 108–119.
3. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура; Inmemoriam. СПб. : Петербургское востоковедение, 2003. 464 с.
4. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб, 2000. 704 с.
5. Эмер Ю.А. Пространственная модель города в фольклоре // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 1 (13). С. 18–24.
6. Аллатов С.В. Повествовательная структура легенды : (Кн. Источники и поэтика фольклорных сюжетов об искушении) : дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. 192 с.
7. Булашев Г. Украинский народ в своих легендах, религиозных взглядах и верованиях. Киев : Довира, 1992. 416 с.
8. Майер А.С. Московские городские легенды как исторический источник: историческая память и образ города: дис. ... канд. ист. наук. 303 с.
9. Никитин М.В. Реализация концепта «страх» в сценариях городской легенды. Челябинск, 2002. 196 с.
10. Degh L. The "belief legend" in modern society: form, function and relationship to other genres // American Folklegend: A Symposium / ed. by W.D. Hand. Berkley : University of California Press, 1971. P. 55–68.
11. Dorson R.M. America in legend: Folklore from the colonial period to the present. NY : Pantheon Books, 1973. 336 p.
12. Резанова З.И. Имя и миф в лингвофилософской и позитивно-лингвистической интерпретации XX в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2009. № 3 (7). С. 32–48.
13. Лобок А.М. Антропология мифа. Екатеринбург, 1997. 685 с.
14. Митин И.И. От когнитивной географии к мифогеографии и интерпретации пространства и места // Первая российская конференция по когнитивной науке : тез. докл. Казань : КГУ, 2004. С. 163–165.
15. Губалова И.В., Эмер Ю.А. Современная сибирская деревня в фольклорном отражении (лингвокультурологическое описание) // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 294. С. 86–92.
16. Резанова З.И. Мифологема «Томск – Сибирские Афины» в коммуникативных тактиках публицистического дискурса (на материале еженедельной периодики г. Томска) // Язык и культура. 2010. № 1 (9). С. 77–84.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 ноября 2014 г.

THE FOLKLORE MAP OF TOMSK IN THE GENRE OF MODERN URBAN LEGEND

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 5–9. DOI 10.17223/15617793/391/1

Abdrashitova Maria O. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: abdrashitova@tpu.ru

Keywords: urban space; folklore; legend; worldview.

Reflecting the main mental trends of the present socio-cultural situation, modern folklore is characterized by its inhomogeneity. In most cases it is determined by the mixture of urban and rural traditions caused by technocratic progress and the process of urbanization. City in modern folklore is treated as a system of interconnected mental and cultural trends, traditions. Cultural knowledge, accepted in a folk society, is transferred with the help of folklore texts of various genres. Our attention is focused on the genre of legend, defined as a narration, describing possible and real past events. In accordance with the requirements of the genre, a possible event is depicted as a real one. In the texts of legends a mythological element is often represented, which determines their semiotic, axiological and pragmatic orientation. One of the main functions of a legend is didactic, due to which the behavioral algorithm in a particular situation can be stated. The aim of the paper is to describe the structure of urban space reflected in the folklore texts of

legends about Tomsk. The material of the research are legends (functioning in modern folklore) recorded in the urban environment of Tomsk. The texts are taken from the city's Internet-content as well as from the author's personal collection. In legends urban space is modeled, reflecting the trends determining a specific view of a territory in general and its elements in particular. In the worldview, perception of the native city is based on a particular natural landscape: Tomsk is situated on a hill between two rivers. Geographical features of the city are mainly conveyed with the help of the images of water: rivers (*Basandaika, Ushaika, Tom*) and lakes (*Beloe Ozero, Kopilovskoe*). The structure of urban space is organized around its center with the leading universities and the university grove. There are secret underground routes, located under the main streets and squares of the city. The city center is characterized by its foliage and poor quality roads. Every element of the "folklore" city map has its semiotic and axiological values which help keep to cultural traditions. Awareness of the cultural code is treated as the factor identifying a modern culture-bearer as a citizen of Tomsk. Water, underground, park space is characterized as a dangerous territory prone to afterworld's influence. The images of architectural monuments actualize the pragmatic function of legends. By means of legends (in connection with the genre of superstitious beliefs) referring to mystique the possibility of a person to influence their fate is reflected.

REFERENCES

1. Bogdanov K.A. *Povsednevnost' i mifologiya: issledovaniya po semiotike fol'klornoy deystvitel'nosti* [Daily life and mythology: research on semiotics of folk reality]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB Publ., 2001. 438 p.
2. Neklyudov S.Yu. *Spetsifika slova i teksta v ustnoy traditsii* [Specificity of speech and text in the oral tradition]. In: Ivanov V.V. (ed.) *Evraziyskoe prostranstvo: zvuk, slovo, obraz* [Eurasian space: sound, word, image]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2003, pp. 108–119.
3. Putilov B.N. *Fol'klor i narodnaya kul'tura; Inmemoriam* [Folklore and popular culture; Inmemoriam]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2003. 464 p.
4. Lotman Yu.M. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb Publ., 2000. 704 p.
5. Emer Yu.A. Space model of the city in folklore: on collective self-identification of a citizen. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, 2014, no. 1(13), pp. 18–24. (In Russian).
6. Alpatov S.V. *Povestvovatel'naya struktura legendy: (Kn. Istochniki i poetika fol'klornykh syuzhetov ob iskushenii)*: dis. kand. filol. nauk [Narrative structure of the legend: (Sources and poetics of folk stories about temptation). Philology Cand. Diss.]. Moscow, 1998. 192 p.
7. Bulashev G. *Ukrainskiy narod v svoikh legendakh, religioznykh vzglyadakh i verovaniyakh* [Ukrainian people in their legends, religious views and beliefs]. Kiev: Dovira Publ., 1992. 416 p.
8. Mayer A.S. *Moskovskie gorodskie legendy kak istoricheskiy istochnik: istoricheskaya pamyat' i obraz goroda*: dis. kand. ist. nauk [Moscow urban legends as a historical source: the historical memory and image of the city. History Cand. Diss.]. Moscow, 2008. 303 p.
9. Nikitin M.V. *Realizatsiya kontsepta "strakh" v stsenariyakh gorodskoy legendy* [The implementation of the concept of "fear" in the scenarios of urban legends]. Chelyabinsk, 2002. 196 p.
10. Degh L. *The "belief legend" in modern society: form, function and relationship to other genres*. In: Hand W.D. (ed.) *American Folklegend: A Symposium*. Berkley: University of California Press, 1971, pp. 55–68.
11. Dorson R.M. *America in legend: Folklore from the colonial period to the present*. NY: Pantheon Books, 1973. 336 p.
12. Rezanova Z.I. The name and the myth in the linguistic philosophical and positive-linguistic interpretation of the 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2009, no. 3 (7), pp. 32–48. (In Russian).
13. Lobok A.M. *Antropologiya mifa* [Myth anthropology]. Ekaterinburg, 1997. 685 p.
14. Mitin I.I. [From cognitive geography to mythogeography of interpretation of space and place]. *Pervaya rossiyskaya konferentsiya po kognitivnoy nauke* [First Russian Conference on Cognitive Science]. Kazan: Kazan State University Publ., 2004, pp. 163–165. (In Russian).
15. Tubalova I.V., Emer Yu.A. *Sovremennaya sibirskaya derevnya v fol'klornom otrazhenii (lingvokul'turologicheskoe opisanie)* [Modern Siberian village in folklore reflection (linguoculturological description)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2007, no. 294, pp. 86–92.
16. Rezanova Z.I. Mifologema "Tomsk – Sibirskie Afiny" v kommunikativnykh taktikakh publitsisticheskogo diskursa (na materiale ezhenedel'noy periodiki g. Tomsk) [Mythologem "Tomsk – Siberian Athens" in communication tactics of journalistic discourse (based on weekly periodicals of Tomsk)]. *Yazyk i kul'tura – Language and culture*, 2010, no. 1, pp. 77–84.

Received: 18 November 2014

О ФРАГМЕНТАХ, НЕ ВОШЕДШИХ В ОКОНЧАТЕЛЬНУЮ РЕДАКЦИЮ РОМАНА В.В. НАБОКОВА «ДАР»

Проанализированы тексты, не вошедшие в окончательную редакцию романа В.В. Набокова «Дар». Анализ рассказа «Круг» позволяет уточнить значение сюжетной линии, связанной с жизнеописанием Н.Г. Чернышевского и путешествием К.Н. Годунова-Чердынцева. Обращение к черновику продолжения «Русалки» уточняет некоторые моменты взаимодействия В.В. Набокова с «пушкинскими» дискурсами эмиграции и, в частности, его отношение к пушкиноведческим изысканиям В.Ф. Ходасевича. Фрагмент «Второе добавление к “Дару”» позволяет уточнить смысловые уровни сюжета, в которых воплощена идея мимикрии пространства, времени и человеческих личностей.

Ключевые слова: В.В. Набоков; сюжет; русская литература XX в.; литература русского зарубежья; поэтика.

Роман В.В. Набокова «Дар» является одним из наиболее привлекательных объектов исследования с точки зрения сюжетостроения, поскольку, в отличие от других произведений В.В. Набокова, история его создания представлена в опубликованных текстах черновиков и вариантов. В архивах сохранились, были опубликованы и отчасти прокомментированы (в основном, благодаря усилиям А. Долинина, Б. Бойда и Дж. Грейсона) тексты, которые в роман не вошли. Эти фрагменты играют важную роль в процессе истолкования сюжета, проясняя его темноты и недоговоренности. Мы приводим здесь список этих текстов: «Второе добавление к “Дару”» («Отцовские бабочки»), 1939, «Solus Rex» (опубликован в журнале «Современные записки»), 1940, «Ultima Thule» (опубликован в «Новом журнале»), 1942, «Розовая тетрадь», или папка № 6, хранящаяся в Библиотеке Конгресса США (Вашингтон), в которой среди других материалов находится рукописная записная книжка с неопубликованными набросками и заметками для продолжения «Дара» и черновик продолжения драмы А.С. Пушкина «Русалка». Материалы «папки № 6» впервые были описаны Б. Бойдом, а затем проанализированы Дж. Грейсон в статье «Метаморфозы “Дара”» [1].

Несмотря на то что роман был опубликован в 1937–1938 гг., работа над ним не была завершена. Одной из причин этой незавершенности была неполная публикация. В 1938 г. В.В. Набоков предполагал опубликовать полный текст «Дара» в эмигрантском издательстве «Петрополис» [2]. Совладелец издательства А.С. Каган предлагал В.В. Набокову издать роман в двух книгах. Так как В.В. Набоков не мог согласиться с тем, что одна из глав окажется опубликованной в разных книгах, он увеличил второй том романа. В него вошли четвертая и пятая главы, а также два приложения. Одно из них известно как рассказ «Круг», опубликованный впервые в 1934 г. в «Последних новостях». Вторым приложением стало «Второе добавление к “Дару”» [3]. Мнения исследователей по поводу даты создания этого текста разошлись. Б. Бойд предполагает, что В.В. Набоков написал фрагмент весной 1939 г., Дж. Грейсон на основании выявленного ею сходства «Второго добавления...» и второй главы романа относит время его написания к 1937 г., когда В.В. Набокову пришлось предложить В.В. Рудневу вторую главу вместо от-

вергнутой четвертой [1. С. 625]. Текст «Дара», включающий четвертую главу, был опубликован в 1952 г. в издательстве имени Чехова в Нью-Йорке. Это издательство при поддержке фонда Форда публиковало книги русских авторов, запрещенных в Советском Союзе.

«Дар» стал романом, завершающим европейский период творчества В.В. Набокова в силу объективных причин – в мае 1940 г. писатель с семьей оказался в США. Начало работы над «Даром» относится к 1933 г., когда В.В. Набоков начал составление жизнеописания Н.Г. Чернышевского. Годы работы над романом (1933–1937) стали переломными в истории предвоенной эмиграции. Если в начале 1930-х гг. наследие Н.Г. Чернышевского оставалось значимым для определенного круга представителей эмиграции, то к 1937 г. сама возможность существования эмиграции в ее довоенном варианте вызывала сомнения.

В начале работы над романом В.В. Набоков в большей степени опирался на типичные тексты эмиграции. Эти тексты могли принадлежать как художественной литературе, так и публицистике. В частности, фрагмент, с которого началась работа над романом, имеет непосредственное отношение к дискуссиям, которые еще в начале 1930-х гг. велись на страницах эмигрантских изданий. Сама история публикации «Дара» стала элементом такой дискуссии.

«Дар» был впервые опубликован в парижском журнале «Современные записки» в 1937–1938 гг. Публикация романа была сопряжена с трудностями. Журнал «Современные записки» был организован в 1920 г. пятью редакторами-издателями, которые в свое время были членами одной партии социалистов-революционеров и представляли ее во Всероссийском учредительном собрании. Журнал позиционировался как стоящий вне политики, но в своих воспоминаниях М.В. Вишняк, один из редакторов журнала, писал: «Да и мог ли вообще быть в эмиграции журнал “русской культуры и литературы”, то есть орган свободной и независимой мысли, без того, чтобы он не отталкивался от царящей на родине деспотии? И возможно ли вообще литературно-культурное творчество в полном отрыве от политики?» [4. С. 12]. Редакторы «Современных записок» считали своей исторической миссией поддержку «преемственности русского культурного и общественного развития в духе свободы»

[4. С. 14]. Однако идеологией партии эсеров было народничество, а одним из идеологов – Н.Г. Чернышевский. Таким образом, М.В. Вишняк отстаивал тот вариант свободы и демократии, который был близок и понятен ему лично. В.В. Набоков вел переписку по поводу публикации «Дара» с В.В. Рудневым. Однако мнение М.В. Вишняка оказалось решающим [5. С. 176]. В.В. Руднев писал Набокову в письме от 13.08.1937: «...именно потому, что Чернышевский – не вымышленный персонаж, а лицо историческое, притом игравшее выдающуюся роль в русском освободительном движении, – неизбежно, дорогой Владимир Владимирович, хотите ли Вы, хочу ли я этого или нет, возникает вопрос: возможно ли к такому произведению применить оценку лишь художественную исключительно, и не подлежит ли оно, по необходимости, также критерию общественному?» [Там же. С. 180]. Возражения и резкую критику со стороны М.В. Вишняка вызвало не только жизнеописание Н.Г. Чернышевского, но и несколько суждений автора «Дара» о Белинском.

Эпатирующее жизнеописание Н.Г. Чернышевского стало, по мнению редакторов «Современных записок», нарушением негласного «табу», несмотря на то что критика «интеллигентского просветительства» оказывала заметное влияние на молодое поколение эмиграции. Еще в 1924 г. в Берлине вышла книга С.Л. Франка «Крушение кумиров», где автор описывал в том числе и черты мировоззрения того поколения русской интеллигенции, которое сформировалось до 1905 г. По наблюдению С.Л. Франка, вера в революцию как торжество абсолютного добра в сознании русских интеллигентов приводила к тому, что «Не только нигилисты 60-х годов, но и люди 90-х годов ощущали поэзию Некрасова гораздо лучше, чем поэзию Пушкина, которому не могли простить ни его камер-юнкерства, ни веры в самодовлеющую ценность искусства; мечтательно наслаждались бездарным нытьем Надсона, потому что там встречались слова о “страдающем брате” и грядущей гибели “Ваала”. Сомнения в величии, умственной силе и духовной правде Белинского, Добролюбова, Чернышевского представлялись хулой на духа святого» [6. С. 13]. Не только произведения искусства, но и научные теории оценивались по той же шкале: «Сомневаться в правильности дарвинизма, или материализма, или социализма значило изменять народу и совершать предательство» [Там же].

Очевидно, редакторы «Современных записок» относились к поколению, описанному С.Л. Франком. Их реакция в большей степени была предсказуема. В меньшей степени поддается объяснению интерес В.В. Набокова к биографии Н.Г. Чернышевского, учитывая тот факт, что книга С.Л. Франка вышла в 1924 г., а работа над «Даром» началась в 1933 г. Еще в 1924 г. С.Л. Франк писал об иронических выпадах в адрес народничества как идеологии прогрессивно настроенной интеллигенции: «Сейчас, когда всякий мало-мальски здравомыслящий человек воочию видит уродливость и ложность этой веры, осмеяние ее немногого стоит» [Там же. С. 18]. Сложно представить, что В.В. Набоков этого не понимал. Жизнеописание

Н.Г. Чернышевского можно рассматривать как опыт деконструкции отмирающего дискурса, что, в целом, не было редкостью для литературы эмиграции, однако в то же время не было и доминирующей тенденцией.

Складывается впечатление, что В.В. Набоков во многом разделял взгляды автора «Крушения кумиров», несмотря на очевидное расхождение, так как С.Л. Франк предлагал выход из кризиса в сторону возрождения веры. Книга С.Л. Франка отличалась не только глубоким и ясным анализом духовного состояния эмиграции, но и той культурной ситуации, в которой оказались эмигранты в Европе. С.Л. Франк обозначил свою эпоху как трагическую, время разрушения устоявшихся форм жизни, разочарование русского общества в революции и в политике. В этой ситуации его беспокоил выбор человека: «Душа подвергается сильнейшему соблазну либо отречься от всякой святости и предаться пустоте и призрачной свободе цинического неверия, либо с угрюмым упорством вцепиться в обломки гибнущего старого здания жизни и с холодной ненавистью отвернуться от всего мира и замкнуться в себе» [6. С. 9]. Однако существовали и другие варианты поведения в ситуации утраты ориентиров.

Тема общеевропейского духовного кризиса, отразившегося в русской культуре, была осмыслена в работах философа и писателя Ф.А. Степуна. Современный исследователь творчества Ф.А. Степуна В.К. Кантор в статье «Серебряный век как предвестие и стилистика русского тоталитаризма (перечитывая Федора Степуна)» [7] обращает внимание на концепцию «многодушия» или душевного хаоса, который личность приобретает вместе с индивидуальной свободой. В работе «Природа актерской души» Ф.А. Степун писал: «Нет сомнения, что вне выхода в творчество артистический путь до конца сливается с путем катастрофическим, превращаясь из специфической формы разрешения многодушия в единодушие, в удушение души на безвыходных путях многодушия» [8. С. 163]. Тип «актера в жизни», как отмечает В.К. Кантор [7. С. 215], свойствен русской культуре и воплотился, в частности, во многих представителях революционного движения. На рубеже веков тип «актера в жизни» был унаследован представителями культуры Серебряного века, которые «обогатили» его идеями выхода за рамки рампы в «живую мистерию». Идея «живой мистерии», в свою очередь, оказалась очень близка массам людей, для которых существовала настоятельная потребность реализации вновь обретенной свободы на путях «артистизма», минуя долгий и многотрудный подъем к индивидуальному творчеству. Революция и установившийся затем тоталитарный режим могут рассматриваться как грандиозные трагические «спектакли», в которых участвовали и погибали носители «артистических душ».

Идея революции как спектакля и революционеров (а позднее – тиранов) как актеров была чрезвычайно близка В.В. Набокову. В «Даре» можно обнаружить внутреннюю связь между «артистизмом» наследников Серебряного века (Яша Чернышевский) и «артистизмом» революционеров и прогрессивных деятелей в лице Н.Г. Чернышевского и В.Г. Белинского. Первый

эпизод жизнеописания Н.Г. Чернышевского представлен в романе как видение, подобное тому, что можно наблюдать на сцене, когда поднимается занавес и о. Гавриил и его сын Николая выходят «с особой театральной яркостью восставших из мертвых» [9. С. 219].

Однако «артистизм» – понятие соотносимое, но не аналогичное «театральности». К проявлениям «артистизма» можно отнести восприятие собственной жизни со стороны, с позиции наблюдателя, когда Н.Г. Чернышевский описывает в дневнике свои чувства: «Выкатилось три слезы, – с характерной точностью заносит он в дневник, – и мимоходом читатель мучится невольною мыслью, может ли число слез быть нечетным, или это только парность их источника заставляет нас требовать чета?» [Там же. С. 198]. Любовное чувство к Надежде Лободовской приобретает у Н.Г. Чернышевского черты мелодрамы, когда он представляет себе смерть ее мужа от чахотки и свою женитьбу на молодой вдове. Театральные репризы сопровождают его ухаживание за Ольгой Сократовной, это и описанные в дневнике «шуточные церемонии», и желание быть спасителем «падшей женщины».

Политическая деятельность Н.Г. Чернышевского также представлена в жизнеописании как театрализованный проект, в котором герой исполняет роль подвижника с аллюзиями на крестный путь Христа. Так как Н.Г. Чернышевский отрицал значение искусства, его «артистическое» видение жизни приобретало черты «живой мистерии», где роль и актер оказывались неразличимы. Одним из таких эпизодов является символическая казнь Н.Г. Чернышевского, которую автор называет «шутовской», но описывает ее как таинственный обряд или ритуал, напоминающий ритуалы мнимой смерти с последующим воскресением в новом качестве. Однако после казни воскресения не происходит, и вслед за мистерией начинается фарс. Пребывание Н.Г. Чернышевского в сибирской ссылке показано в тонах абсурда, когда реальность героя утрачивается и заменяется обесцененными и случайными аналогами.

Отсутствию творческого начала, которое превратило «артистизм» Н.Г. Чернышевского в бессмысленное нагромождение фактов, которым, тем не менее, он сам пытался придать оттенок чего-то значительного, противопоставлена внутренняя свобода его антипода, А.С. Пушкина. Свобода выбора темы, свобода отказа от «общественного» звучания литературного произведения и свобода вымысла образуют основу того мира, в котором ничто не повторяется дважды. Своеобразным аккомпанементом теме «артистизма» в жизнеописании является тема «узоров судьбы», которая предстает в аспекте умножения, копирования, самоповторения. Самоповторы являются вариантом «артистического» отношения к жизни, как и ведение дневника, но они не очевидны герою жизнеописания, их выявляют биографы. Несмотря на то что, по мнению исследователей (например, Д.Б. Джонсон «Миры и антимирy Владимира Набокова». СПб. : SYMPOSIUM, 2011), тема «узоров судьбы» является одной из наиболее близких В.В. Набокову тем, в жиз-

неописании Н.Г. Чернышевского автор говорит о найденных совпадениях с иронией.

Яша Чернышевский как представитель культуры Серебряного века наследует «артистизм», выработанный революционерами – современниками автора «Что делать?». Отметим лишь одну черту – стремление к ритуальности и абсурдный характер ритуала, во время которого Яша был принесен в жертву. Подобно жертве, принесенной Н.Г. Чернышевским, жертва Яши оказывается бессмысленной. Яша Чернышевский погибает в попытке слияния с другими людьми, во имя интересов коллектива, который в данном случае состоит из двух его друзей. «Коллективное» начало в культуре Серебряного века выражалось и в зарождении массовой культуры, и в стремлении психоанализа создать образ универсальной, обезличенной, а значит, в каком-то смысле, «коллективной» души, приложимой к истолкованию любых индивидуальных черт. Н.Г. Чернышевский в изображении Федора постепенно утрачивает личность, также стремясь посвятить себя благу коллективной жизни.

Идеологии народничества, преломленной в культуре Серебряного века и во многом в культуре довоенной эмиграции, противостояла идея России как части Европы. Если народничество воспринималось как идеология коллектива, а русская культура в духе народнической идеологии изображалась как стремящаяся к отказу от личностного и творческого начала, то в свете ценностей европейской культуры на первый план выходили личность и ее уникальный путь. На развитие этой идеи были направлены усилия многих представителей русского зарубежья. За несколько лет до начала Второй мировой войны русская эмиграция утверждала равноправное присутствие русской культуры среди культур Европы торжественными широкомасштабными мероприятиями в честь А.С. Пушкина в память столетия его гибели. Написание «Дара» по времени практически совпадает с этими событиями, и можно предположить, что «пушкинская» составляющая сюжета во многом инициирована ими.

Русская эмиграция пыталась предложить Европе некоторые ценности русской культуры в качестве помощи в преодолении духовного кризиса. Такой ценностью была, в частности, поэзия А.С. Пушкина. В романе «Дар» пушкинская тема звучит в соответствии с контекстом этих событий, однако наброски к продолжению «Дара» из «Папки № 6» свидетельствуют о сомнениях В.В. Набокова в том, что эмиграции удастся пронести ценности пушкинской поэзии через мрак Второй мировой войны. Таким образом, «пушкинская» тема возникает в «Даре» как тема кризиса ценностей европейской культуры, которые более чем за полвека до событий, описанных в романе, получили пародийное преломление в судьбе Н.Г. Чернышевского.

Название романа также можно истолковать как «пушкинское». На этот факт исследователи обращали внимание [10], однако, на наш взгляд, утверждение А. Долинина о том, что название романа отражает полемику с пушкинским стихотворением «Дар напрасный, дар случайный...», может быть, по меньшей мере, уточнено. Эпизод беседы отца Федора с

гостем, где и присутствует реплика, полемизирующая с пушкинскими строками «Дар напрасный, дар случайный...» из стихотворения 1828 г., является фрагментом не вошедшего в окончательную редакцию романа «Второго дополнения к “Дару”». Отец Федора утверждает, что согласен с духовенством в том, что дар жизни не может быть напрасным и случайным. Можно предположить, что отец Федора имеет в виду известный поэтический диалог А.С. Пушкина и митрополита Московского Филарета. Однако обстоятельства, сопутствующие этому диалогу, были прокомментированы пушкиноведами и хорошо известны. Поэтому стихотворение «Дар напрасный, дар случайный...» вряд ли могло восприниматься автором романа как пушкинское кредо.

Основным фактом, вызывающим сомнения в том, что В.В. Набоков полемизирует с А.С. Пушкиным в названии своего романа, является время его написания. Фрагмент, о котором шла речь, был написан в 1937–1939 гг.; это было время, когда эмиграция переживала кульминацию чествования А.С. Пушкина. Подготовка к торжествам началась в 1934 г., таким образом, «Дар» писался параллельно событиям, предшествовавшим памятной дате. Так, например, в 1934 г. С. Лифарь с помощью пушкиниста М.Л. Гофмана издал с факсимильным воспроизведением автографов «Путешествие в Арзрум». Эта книга происходила из коллекции книг и автографов С.П. Дягилева, выкупленной С. Лифарем у французского правительства. Возможно, этот факт послужил основанием для того, что в «Даре» именно «Путешествие в Арзрум» попадает в поле зрения Федора, когда он собирается писать книгу об отце. Еще хотелось бы отметить издание в 1936 г. в Брюсселе романа «Евгений Онегин» с иллюстрациями М. Добужинского и предисловием В. Ходасевича, которое могло косвенным образом повлиять на решимость В.В. Набокова в составлении собственного комментария к «Евгению Онегину» и переводу романа на английский язык.

Эмиграция создавала образ Пушкина как человека европейской культуры, обладающего особой осознанностью своего индивидуального дара, о чем писал В. Вейдле в статье «Пушкин и Европа»: «От гениев ему родственных Пушкина отличает, однако, глубокая осознанность его дара впитывать и преображать, и особенно сознание той роли, которую призван выполнить этот дар не только по отношению к его собственному творчеству, но и к настоящему и будущему его народа» [11. С. 260]. Осознанность дара и преданность ему отличает Федора и в этом смысле он становится наследником Пушкина, что, возможно, и отражает название романа В.В. Набокова. Однако в то же время нельзя не отметить двойственность темы дара в романе В.В. Набокова. Дар творчества является как благословением личности, возвышающим ее над бессмысленным хаосом истории и инстинктивной жизнью природы, так и проклятием. В данном случае наряду с «пушкинской» составляющей можно обнаружить и «лермонтовскую». О роли поэзии М.Ю. Лермонтова в творческом наследии эмиграции и в романе «Дар» писал А. Долинин [10]. Внимание исследователя в данном случае сосредоточилось на

идее благословения Федором изгнания и чужбины, которые сыграли важную роль в раскрытии его дара. А. Долинин обращает внимание на возможный полемический «ответ» Федора Лермонтову, в поэзии которого звучит тема внутреннего бунта личности. Если рассматривать «Дар» в контексте более поздних произведений В.В. Набокова, то можно обнаружить, что Лермонтов равно близок ему, как и Пушкин. Несмотря на противостояние поэтов «парижской ноты», возглавляемых Георгием Адамовичем и осознававших себя как наследников Лермонтова и В.Ф. Ходасевича, чьи взгляды В.В. Набоков разделял в большей степени, в своем романе он изображает дар как райский, с одной стороны, и дьявольский, мучительный – с другой, так как за него приходится заплатить Зиной, чья гибель описана во фрагментах «Розовой тетради» или «Папки № 6» [1]. В окончательном варианте романа «демоническая» сторона дара проявляется лишь легкой иронией в теме забытых ключей.

Хотелось бы отметить еще один аспект «пушкинской темы», несколько проясняющий сюжет «Дара», в особенности присутствие в нем жизнеописания Н.Г. Чернышевского. В середине 20-х гг. XX в. появилось большое количество текстов, посвященных жизни и творчеству А.С. Пушкина. Это были не только научные исследования, но также киносценарии, пьесы и романы. Авторами этих произведений становились как советские писатели, так и, в меньшей степени, писатели зарубежья. Пушкинская тема воплотилась в рассказах Ивана Лукаша «Дурной арапчонок» (1926), «Заветный перстень» (1924), «Треуголка» (1928), написанных в духе «романизированной биографии», в фантастическом рассказе Саши Черного «Пушкин в Париже» (1926), в очерке Г. Иванова «Чекист-пушкинист» (1932) и многих других (эти и другие рассказы и рецензии опубликованы в сборнике «Тайна Пушкина. Из прозы и публицистики первой эмиграции». М.: Эллис Лак, 1999).

Доля произведений советских авторов оказывается более значительной. В советской «пушкиниане» формировались тенденции интерпретации жизни и творчества поэта. Одним из первых авторов, создавших устойчивый шаблон подобной интерпретации, стал В.В. Вересаев, автор книг «Пушкин в жизни» (1926), «Александр Сергеевич Пушкин» (1936), а также статей и новелл о Пушкине. Вересаев выдвинул теорию «двух планов», в соответствии с которой Пушкин – поэт разительно отличался от Пушкина в частной жизни. Я.Л. Левкович в статье «Пушкин в советской художественной прозе и драматургии» (1967) дает следующую оценку: «Попытка Вересаева “очеловечить” облик поэта свелась к измельчению и опошлению. Теория “двух планов” пришлась по вкусу сочинителям, спекулировавшим на сенсационном материале новых документальных данных. Мотивы дореволюционной обывательской повести и мешанской драмы были повторены в советской литературе, обогащенные новыми документальными данными и сдобренные изрядной порцией вульгарного социологизма. Тезис Вересаева о “иногда прямо пошлом” человеческом облике поэта смаковался на все лады» [12. С. 143].

Идеи Вересаева развил в своем романе «Пушкин и Дантес» (1928) русский футурист и авиатор В. Каменский. Этот роман в том же 1928 г. был опубликован в Берлине, поэтому существует некоторая вероятность того, что В.В. Набоков мог ознакомиться с романом Каменского. Книги В.В. Вересаева также были известны в зарубежной России. Роман «Пушкин и Дантес» вызвал негодование историков литературы эмиграции. Так, в статье 1938 г. «Искаженный Пушкин» историк литературы и славяновед из Белграда А.Л. Погодин возмущенно процитировал отрывок из романа Каменского, в котором изображены Пушкин и барон Геккерн накануне дуэли, при этом барон стоит на коленях и умоляет Пушкина об отсрочке. Пушкин «как человек высокой справедливости сознавал, что не имеет права насильственно помешать увлечению своей жены, ибо в прошлом сам много и пылко горел в огне сердечных успехов» [13. С. 302]. Нужно отметить, что в своих новеллах и В.В. Вересаев изображал Пушкина как «отравленного эротизмом циника» [12. С. 141].

На наш взгляд, жизнеописание Н.Г. Чернышевского можно рассматривать как своеобразную пародию на «романизированные биографии» А.С. Пушкина, во всяком случае, известны критические высказывания В.В. Набокова по поводу подобных биографий, а сама тема подобных биографий возникла именно в связи с текстами о Пушкине. Жизнеописание Н.Г. Чернышевского строится как пародийная «романизированная биография». Так, В.В. Набоков иронически обыгрывает несовпадение Чернышевского в жизни и Чернышевского как философа и писателя, подобно тому как поступает с Пушкиным Вересаев. Любовная коллизия Чернышевского и его жены развивается в духе романа Каменского. Общий тон повествования в жизнеописании Чернышевского периодически напоминает о стиле «обывательской повести» по определению Левкович. В.В. Набоков был не одинок в своих попытках использовать изобретенный Вересаевым стиль писаний о Пушкине, его, по версии О. Лекманова [14], преобразил в своих «Анекдотах из жизни Пушкина» Д.И. Хармс. Хотелось бы отметить, что текст В. Каменского изначально существовал как киносценарий, а затем как пьеса для театра. Остается открытым вопрос, в какой степени стилистика киносценария могла повлиять на становление стиля романа Каменского. Киносценарий как жанр провоцировал авторов на более свободное обращение с фактами биографии А.С. Пушкина, как это произошло, например, с М. Блейманом и И. Зильберштейном, авторами сценария «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 г.», который также вызвал возмущение А.Л. Погодина. В 1936 г. по этому сценарию был поставлен советский звуковой художественный фильм.

В ситуации духовного кризиса европейской культуры русская классическая литература воспринималась эмиграцией как заповедное хранилище ценностей гуманистической культуры, как образец высокого искусства, как эталон русского языка, несмотря на то что каждый из названных пунктов порождал споры и многообразные толкования. Сюжет «Дара» сформировался в контексте борьбы полемических суждений,

поэтому, несмотря на то что тема романа в целом лежит в несколько иной плоскости, его героем становится начинающий писатель. Образ Федора Годунова-Чердынцева, с одной стороны, тесно связан с поисками духовного самоопределения младшим поколением эмигрантов, а с другой стороны, его невозможно истолковать вне контекста трудов К.К. Годунова-Чердынцева, это монография «Бабочки Российской империи» и трактат о происхождении видов, о которых упоминается во «Втором добавлении к “Дару”».

Русская литература XIX в., по свидетельству В. Варшавского [15], стала для «эмигрантских сыновей», к которым принадлежал и В.В. Набоков, единственным способом изучения прошлого русской культуры и понимания постигшей ее трагедии. Поэтому вполне логичным выглядит выбор начинающего поэта в качестве главного героя романа. Образ начинающего писателя, человека, существующего в ситуации исторической и культурной неопределенности, размытости, также принадлежит культуре эмиграции, особенно поколению «сыновей», он отразился в текстах Б. Поплавского (например, романы «Аполлон Безобразов» (1932), «Домой с небес» (1935)) В. Ходасевича (сборник лирики «Европейская ночь» (1927)) и многих других авторов. Русская литература оставалась также инструментом самопознания. Именно в произведениях русской классики «эмигрантские сыновья» находили экзистенциальные модели причастности замыслам, выходящим за рамки объективных законов политэкономии. В. Варшавский определяет этот опыт как разновидность религиозного опыта, который пытались обрести люди, далекие от религии, часто атеисты. Основной дискурсивной формой такого опыта являлись «прекраснодушные разговоры» «русских мальчиков» или «архивных юношей», описанные в «Рудине» И.С. Тургенева, «Братьях Карамазовых» Ф.М. Достоевского, которые были продолжены и в эмиграции.

В. Варшавский описывает личности эмигрантов, которые считает наиболее типичными в их восхождении от идеологии народничества к христианству, которое приводило одних, как В.М. Зензинов, к самопожертвованию, а других, как И.И. Фондаминский, принявший крещение в фашистском концлагере, к мученической смерти. Младшее поколение эмигрантов имело опыт участия в Гражданской войне, однако этот опыт подтверждал скорее заблуждения идеологов народничества относительно истинных настроений крестьян и рабочих в России. Поэтому «поколение сыновей» совершало свой выбор в ситуации «крушения кумиров» с ощущением неверия, пустоты, напрасной жертвы. Такое положение вещей порождало разнообразные судьбы и типы, многие из них нашли свое отражение и в произведениях В.В. Набокова. В ранней прозе и драмах В.В. Набоков отразил тип героя, чей жизненный путь отмечен тайной миссией по отношению к Советской России, несмотря на то что сущность этой «миссии» нигде не объясняется, поэтому невозможно «привязать» такого героя ни к какому конкретному политическому контексту. Это герой, играющий опасную, жертвенную роль, при этом жертва и опасность необходимы ему как спосо-

бы изживания пустоты существования (герой романа «Машенька» (1926), Ганин, живущий по подложному польскому паспорту, бывший член партизанского отряда, главный герой пьесы «Человек из СССР» (1927), Грузинов и отец Сони Зилановой в романе «Подвиг» (1932)). Этот тип героя появляется в сюжетных коллизиях, связанных с мотивом перехода границы.

Мотив перехода границы постепенно эволюционирует и в романе «Дар» представлен как путешествие К.К. Годунова-Чердынцева в Азию. В данном случае темы жертвенности и тайной миссии сохраняются, но предстают в переосмысленном виде, о чем будет сказано ниже. В.В. Набоков тяготел также к типу героя, который, сознавая относительность культурных, исторических, политических смыслов, живет «тайной миссией» в отношении к собственной личной истории. В наиболее «чистом виде» такой герой представлен в романе «Пнин». Однако прототипами таких героев могли быть представители старшего поколения эмиграции, с которыми писатель постоянно общался.

Так, В.М. Зензинов и В.В. Набоков познакомились в конце 1930-х гг., а оказавшись в Америке, вели переписку. Дружеские интонации писем не оставляют сомнений в глубокой обоюдной симпатии адресатов. Для В.В. Набокова В.М. Зензинов был живым напоминанием о довоенном Париже и раннем периоде жизни в эмиграции. В.М. Зензинов, в свою очередь, искренне заботился о В.В. Набокове, устраивал для него литературные чтения в Нью-Йорке, несмотря на то что деликатно выражал свое неприятие четвертой главы «Дара». Неизменным было также теплое отношение В.В. Набокова к И.И. Фондаминскому, погибшему в концлагере. Его судьба долго оставалась неизвестной Зензинову и Набокову, что было одной из постоянных тем их переписки. Как пишет В. Варшавский, И.И. Фондаминский, в прошлом эсер, «придя к религиозной вере и отбросив шелуху интеллигентского мирозерцания... не стал, однако, обличителем интеллигентской морали и до конца жизни хранил верность мистическому вдохновению ордена той христианской "нравственной закваске", которая определила жития лучших представителей интеллигенции» [15. С. 244]. Несмотря на то что В.В. Набоков не говорил о христианстве как источнике терпения, милосердия, смирения, прощения, любви к ближнему для его героев в ситуации хаоса истории и утраты смысла личного существования, его человеческие связи указывают на этот источник. Названные качества личности служат основой для исполнения другой «тайной миссии» провидения других измерений и форм наличной реальности, которые отражаются в поэтическом вымысле Федора и научных изысканиях его отца.

Мотив «перехода границы» в «Даре» видоизменяется в нескольких направлениях. «Границу» переходит отец Федора, отправляясь в свое последнее путешествие в Азию. К.К. Годунов-Чердынцев совершает путешествие в том же направлении, что и Н.Г. Чернышевский, в азиатскую часть России и за ее пределы, но при этом открывает для себя совершенно другой мир. Это противопоставление было развито В.В. Набоковым в рассказе «Круг», где действующим

лицом оказывается ровесник Федора и символический «потомок» Н.Г. Чернышевского.

Рассказ «Круг» был написан в 1934 г. и опубликован в парижской газете «Последние новости». В этом рассказе впервые звучит фамилия Годуновых-Чердынцевых и описывается их имение. Главной героиней рассказа становится Таня, старшая сестра Федора. Рассказ логически примыкает к жизнеописанию Н.Г. Чернышевского, так как ведется от лица сына школьного учителя, студента-медика, сторонника прикладного знания и социального служения Иннокентия Бычкова. Сельская школа была построена на средства К.К. Годунова-Чердынцева, что, однако, вызывало у Иннокентия чувство раздражения, усвоенное, возможно, из проповеди Л.Н. Толстого. Как отмечает В.К. Кантор, «Начиная с Льва Толстого, значительная часть русских философов Серебряного века пыталась отказаться от возрожденческих принципов искусства и науки, ибо они ведут к цивилизации, чуждой почвенной культуре народа» [7. С. 198]. К.Н. Годунов-Чердынцев совершает путешествия как ученый-энтомолог, в то время как строительство сельской школы является для него лишь эпизодом.

Сюжет рассказа строится по одной из часто повторяющихся у В.В. Набокова схем – это схема «кругов сна» (или пересекающихся реальностей), в которых последовательно оказывается герой. В данном случае сюжетная схема становится и композиционной, и отражается в названии рассказа. Первый «круг сна» – это жизнь Иннокентия в имении Лешино, где он впервые встречает Таню, второй – это встреча с ней в эмиграции. Сама Таня является носителем еще одной разновидности реальности, в которую Иннокентий войти не может, и по этой причине Таня остается для него такой же загадочной и недоступной, как Россия, с которой ему не удастся слиться, несмотря на программное братание с «народом» и презрение к «аристократии». Таня, как кажется Иннокентию, имеет с Россией непосредственную связь, вне пространства и времени, воплощает ее.

Наиболее значимой для нас чертой рассказа «Круг» является условность связей между элементами сюжета и их смыслом. Так, например, Иннокентий показан в узнаваемом историческом контексте, он сын народника и толстовца и в какой-то степени разделяет взгляды отца. Однако исторический контекст для автора не играет значимой роли, он является в данном случае лишь объектом легкой иронии и позволяет выстроить логику движения сюжетных ходов, объясняет мотивы поведения героя. «Россия» также является весьма условным пространством, поскольку совпадает с теми пространствами, куда отправляется К.К. Годунов-Чердынцев. Неведомые реальности существуют не только где-то в отдалении, но и Россия оказывается для Иннокентия такой реальностью, однако он не принимает саму идею существования других реальностей. Поэтому «круг» замыкается, Таня остается «привлекательной и неуязвимой».

Н.Г. Чернышевский, как и Иннокентий Бычков, становится символом существования в реальности, воспринимаемой ими как единственная данность. Оба героя верят в наличие «объективных законов» приро-

ды и социума (а также в то, что являются их носителями, им не чужда также идея «перекраивания» неудачной реальности путем политического терроризма) и противятся самой идее «умножения» реальностей, будь то «чистое искусство», научные исследования или путешествия. Эта позиция оказывается весьма противоречивой, так как материалист Чернышевский «не совпадает» с реальностью, в объективном существовании которой он уверен. Иннокентий Бычков также «не совпадает» с реальностью Тани. Возможно, более близкой для В.В. Набокова была идея творения реальности в каждом акте человеческого мышления или чувственного восприятия. «Реальность» в этом случае может представлять хаос пестрых сведений и впечатлений, из которого невозможно вычлени какой-то единственно верный по смыслу фрагмент. «Убедительная» картинка на «лицевой» стороне реальности оборачивается хаотичными переплетениями событий, мыслей, впечатлений на ее «изнаночной» стороне, эта известная набоковская метафора дополняется не менее известной метафорой «узоров», которые создают иллюзию осмысленного сочетания фактов, подобно рисунку на крыле бабочки. Однако иллюзорность совпадений и сочетаний не является для Федора тайной, несмотря на то что «узоры» становятся вдохновляющей силой поэзии.

Путешествие в неведомые земли, где путешественник выступает в роли первопроходца, волновало воображение В.В. Набокова еще в начале творческого пути. В 1924 г. В.В. Набоков опубликовал пьесу «Полус». По мнению А. Бабикова [16. С. 560], в основу пьесы легли впечатления В.В. Набокова от прочтения дневников капитана Р.Ф. Скотта о его путешествии на Южный полюс. Путешествие Р.Ф. Скотта трагически завершилось в 1912 г., но начало эпохи покорения Северного и Южного полюсов относится ко второй половине XIX в., когда состоялись экспедиции Ф. Нансена, Р. Пири, Р. Амундсена и многих других. Дневники и книги исследователей Арктики и Антарктики составляют обширный каталог изданий и могут рассматриваться как составляющая дискурсивного поля естественнонаучных исследований, где они смыкаются с мощным дискурсивным потоком формирующейся психиатрии и психологии. Можно говорить о пересечении данных дискурсивных полей, так как описания полярных экспедиций неизбежно включают в себя фрагменты, повествующие о пограничных ситуациях существования, о неожиданных реакциях человеческой психики и физиологии на чрезвычайные климатические условия.

Необходимо отметить также факт наблюдения полярными исследователями непознанных явлений природы, ситуацию существования в «неназванном» мире. Все названные аспекты нашли свое отражение в пьесе В.В. Набокова «Полус».

В романе «Дар» В.В. Набоков обобщил свой опыт описания различных состояний человеческого сознания. Многосложные антитезы жизненного пути материалиста Чернышевского и натуралиста Годунова-Чердынцева позволили ему обозначить различие между двумя мировоззренческими позициями. Если Чернышевский верит в социальную эволюцию, поз-

воляющую сохранить и развить «полезное» в материальном смысле, то Годунов-Чердынцев отмечает непостоянство наблюдаемой реальности.

Федор, описывая воображаемое путешествие отца в горах Тянь-Шаня, показывает, как выявляются скрытые подробности пейзажа в зависимости от освещения. Блеск солнечных лучей «растворяет» скалу, на которую невозможно взглянуть, «в тени же мрак, поглощающий подробности: так, что всякая краска жила волшебным умноженной жизнью, и менялась масть лошадей, входящих в тополеву прохладу» [9. С. 106]. Идея «умноженной жизни» легла в основу трактата Годунова-Чердынцева о происхождении видов, которая изложена в пересказе Федора во «Втором приложении к “Дару”». Живые существа, с точки зрения Годунова-Чердынцева, воспринимаются нами как различные в силу того, что идея вида воплощается неравномерно в зависимости от того, в каких обстоятельствах происходит воплощение. Дарвиновская идея эволюции видов с целью выживания заменена идеей вариаций вида. Вариации возникают до тех пор, пока не будут исчерпаны все возможности превращений: «Если вообразить шар, то его экватор будет означать пространственный цикл вида в его идеальный период, а средний меридиан цикл возможных изменений типа во времени. В центре же шара находится сердце вида, идея вида, оригинал его» [3].

Воспроизведение вариаций видовых форм может быть сопоставлено с такими явлениями, как развитие музыкальной темы или сложного композиционного целого в живописи. Смысл вариации заключается, возможно, в ней самой, однако Годунов-Чердынцев предполагал, что бесконечные метаморфозы мира, где стихия вариаций и превращений захватывает не только представителей определенного вида, но и выражается в явлениях межвидовой мимикрии, игре сил природы, непрерывных смещениях смыслов в «неназванном» мире, обращены к человеческому разуму. Разум в данном случае предстает не как результат эволюции, а как изначально присутствующий элемент «прекрасного хаоса природы». Разум природы, которым наделяется и человек, отмечен художественным чутьем, воображением и юмором. Таким образом «дух природы» вступает в союз с человеком, и целью этого союза являются не утилитарные цели выживания.

Трактат Годунова-Чердынцева оказывается незавершенным, однако исходя из контекста других произведений В.В. Набокова, можно предположить, что «видовые вариации» присущи также пространству, времени и человечности. Определенный свет на цели духовного союза человека и природы проливают теории американского философа и психиатра У. Джеймса. Два наиболее известных биографа В.В. Набокова, Б. Бойд и Э. Филд, упоминают о знакомстве В.В. Набокова с трудами У. Джеймса. Сам В.В. Набоков упоминает об этом факте в одном из писем к Эдмунду Уилсону. Выдающийся американский психолог и философ У. Джеймс, один из основателей прагматизма и функционализма, служил профессором психологии Гарвардского университета, где организовал в 1892 г. первую в США лабораторию прикладной психологии. Эта лаборатория наследова-

ла Обществу психических исследований, организованному в Лондоне в 1882 г. и занимавшемуся исследованиями в области парапсихологии (телепатия, гипноз, спиритизм). Исследования подобных феноменов входили в область многообразных научных интересов У. Джеймса. Можно предположить, что именно знакомство с его взглядами вызвало у В.В. Набокова глубокий интерес к парапсихологии, однако справедливо также то, что феномены парапсихологии стали основой художественного вымысла во множестве произведений в XX в.

В данном случае хотелось бы обратить внимание на трактат У. Джонса, не имеющий прямого отношения к парапсихологии. Трактат «Вселенная с плюралистической точки зрения» в русском переводе был издан в 1911 г. в Петербурге под редакцией приват-доцента Г.Г. Шпета. Здесь американский философ сформулировал понятие монизма. У. Джеймс писал: «С точки зрения монизма мир не собрание фактов, один великий все-содержащий факт, вне которого нет ничего: ничто его единственная альтернатива» [17. С. 20]. Развивая идеи монизма, У. Джеймс рисует картину вселенной, где все элементы находятся в связи друг с другом, включая и индивидуальное сознание, которое может являться периферией неизвестного другого «я», связи с которым не осознает. Эта идея, как кажется, является в модифицированном виде в трактате Годунова-Чердынцева. Идея вариаций вида имеет некоторое сходство с идеями У. Джонса, поскольку предполагает наличие определенного центра как воплощения идеи единства и множество видовых вариаций, связанных друг с другом и в то же время воспринимаемых как уникальные. Идея межвидовой мимики также получает свое обоснование, в данном случае два организма неосознанно проявляют себя как части единого целого. Мимикрия утверждает многообразие типов связей, У. Джонс в своем трактате утверждает также, что связи могут быть потенциальными, неосуществленными в данный момент, могут возникать новые типы связей, поскольку вселенная не замкнута, а «нанизана».

Трактат Годунова-Чердынцева является своеобразным «ключом» к поэзии Федора. Идея сплошного единства смежных элементов опыта воплощается в его стихах и желании написать биографию своего отца. В стихотворениях Федора многочисленны также примеры «смещения» соположенных явлений. Сознание Федора сливается с сознанием его отца, прошлое и настоящее сливаются в пространственном и временном значениях, берлинские улицы, дома, деревья, автомобили, облака постоянно «смешиваются», образуя все новые и новые вариации реальности. У. Джеймс описывал этот процесс следующим образом: «Наша “множественная вселенная” все-таки образует “единую вселенную”; ибо каждая часть, не будучи в действительном и непосредственном соединении, тем не менее потенциально или косвенно соединена со всякой другой, даже наиболее от нее удаленной частью, благодаря тому обстоятельству, что каждая часть неразрывно связана и как бы смешана со своими ближайшими соседними частями» [17. С. 179].

Плюрализм вселенной, с точки зрения У. Джонса, состоит в том, что каждый элемент внутри целого может существовать индивидуально, отбрасывая и восстанавливая любые типы связей, не теряя при этом своей тождественности. Так Федор «отбрасывает» большинство связей с Берлином и его обитателями, как немцами, так и эмигрантами, и устанавливает связи со своим прошлым и Зиной Мерц. Переживание своей отъединенности парадоксальным образом позволяет ему сохранить чувство принадлежности целому. Так, например, Зина оказывается и частью некоего целого и неповторимой: «Навстречу Федору Константиновичу прошла молоденькая, с бутылкой молока, девица, похожая чем-то на Зину, или, вернее, содержащая частицу того очарования, и определенного и вместе безотчетного, которое он находил во многих, но с особенной полнотой в Зине, так что все они были с Зиной в какой-то таинственной родственной связи, о которой он знал один, хотя совершенно не мог выразить признаки этого родства (вне которого находившиеся женщины вызывали в нем болезненное отвращение)» [9. С. 295].

Все многообразие возникающих и разрушающихся связей между элементами единой реальности составляет основу поэзии, однако поэзия только фиксирует наличие реальных или потенциальных вариантов. Попытки истолкования обнаруженных связей чаще всего оказываются ложными. Так, например, немец, которого Федор встречает в трамвае и мысленно обвиняет во всех неприемлемых, с его точки зрения, чертах национального образа жизни, внезапно оказывается русским. В этот момент Федор воспринимает свою ошибку как умную, лукавую, изысканную и добрую шутку жизни. Однако иллюзорно осмысленные «узоры», в сущности, не являются безобидными. Демоническая природа иллюзий, возникающих из попыток зафиксировать определенный тип связей, приписав им статус факта, порождает абсурдные замкнутые миры тоталитарных режимов, идеологических систем, научных концепций и т.п. Федор легко замечает «остроумный обман» природы, однако вспоминает предостережение своего отца: «При наблюдении происшествий в природе надобно остерегаться того, чтобы в процессе наблюдения, пускай наивнимательнейшего, наш рассудок, этот болтливый вперед забегающий драгоман, не подсказал объяснения, незаметно начинающего влиять на самый ход наблюдения и искажающего его: так на истину ложится тень инструмента» [Там же. С. 296].

Путь героя «Дара» протекает среди феноменов реальности, являющей свое многообразие и в то же время единство, что проявляется на разных уровнях бытия и восприятия. Восприятие целостности мира природы и времени вызывает у Федора ощущение счастья, однако следующим логическим ходом в развитии этого сюжета может являться и столкновение с демоническими мирами иллюзий, и «упражнения» в переживании единства более сложного порядка, например живых и умерших. Этот тип единства можно рассматривать как вариант «смещения» отдельных личностей. В «Даре» Федор пытается «сесть, как в кресло» в душу другого человека, чтобы увидеть мир

его глазами. Однако переживание связи с душой умершего дано не ему, так как в фактическую смерть своего отца он не верит, а родителям Яши Чернышевского. Мать Яши реагирует как медиум, его отец сходит с ума.

Самому Федору также предстояло (в планах продолжения романа) пережить такой вариант единства с трагически погибшей Зиной. Сюжетная линия, связанная с темой общения с умершими, развивается в таких фрагментах, не вошедших в окончательную редакцию романа, как рассказы «Solus Rex» и «Ultima Thule». Тема общения с умершими принадлежит естественнонаучному дискурсу рубежа XIX–XX вв., когда развивающаяся психиатрия охватывала в научных исследованиях и феномены парасихологии. Эти феномены, в частности спиритизм, широко обсуждались в научной литературе, но еще более популярны они были в художественной литературе, послужив дискурсивной основой вымысла. В.В. Набоков использовал тему общения с умершими для формирования сюжета о единстве различных элементов реальности. Неосознанное слияние отдельных душ или их «фрагментов», «мимикрия» душ позволяет создавать неограниченное количество вариантов реальности, а также некие новые существа. Андрогин, сиамиские близнецы, пары «живой – умерший» интересовали В.В. Набокова как варианты человечности, варианты реальности и проводники расширенного человеческого опыта. К.К. Годунов-Чердынцев искал такого единения с природой, которая скрывает в себе обращенный к человеку разум. Открытая им бабочка в романе называется *orpheus Godunov*, так как нарост, который создает самец этого вида на брюшке самки, напоминает лиру. Образ Орфея в окончательной редакции романа больше не встречается, однако орфическая тема любви к умершей развивается в «Ultima Thule».

Помимо этого, значимость образа Орфея для понимания замысла «Дара» своеобразно подчеркнул сам В.В. Набоков. В музее писателя, расположенном в доме Набоковых на Большой Морской улице в Санкт-Петербурге, хранятся копии титульных листов отдельных изданий романов Набокова, украшенные его автографами. Обычно Набоков изображал фантастическую бабочку и давал ей шуточное псевдонаучное название. На одном из таких листов, к роману «Дар» с посвящением Вере Набоковой, изображена бабочка *Parnassius orpheus Godunov*. В этом контексте можно рассматривать еще один значимый фрагмент, не вошедший в окончательную редакцию «Дара», черновик окончания драмы А.С. Пушкина «Русалка», написанный Федором Годуновым-Чердынцевым. Текст, написанный Федором, можно рассматривать и как реплику в полемике вокруг произведений А.С. Пушкина, которая развернулась в среде пушкинистов в 1920–1930-е гг.

Помимо контекста памятных дат, «пушкинская» тема в «Даре» связана с исследованиями В.Ф. Ходасевича. Из его пушкиноведческих работ наиболее известной была книга «О Пушкине», вышедшая в 1937 г. в Берлине. Помимо непосредственного предмета биографии и творчества А.С. Пушкина, пушкиноведческая литература 1920–1930-х гг. была полем полемических суждений о вымысле. В.Ф. Ходасевич

спорил по этому поводу с В.В. Вересаевым, автором книги «Пушкин в жизни», составленной из отзывов современников о поэте. Вересаев надеялся таким образом воссоздать «объективную» картину личности А.С. Пушкина. Ходасевич отзывался о книге Вересаева критически: «Пушкин без творчества – живой труп», – писал он в статье 1927 г. «Пушкин в жизни» [18. С. 143]. Однако его собственный подход к исследованию поэтического текста сложно назвать последовательным. В упомянутой статье Ходасевич настаивает на праве критика субъективно истолковывать «факты» биографии поэта, так как критическое исследование является творческим актом. Художественный мир поэта Ходасевич называет «сырым материалом», из которого критик творит свой мир.

В то же время поэт лишен права на чистый вымысел, поскольку сам он пользуется «явлениями действительности» как материалом, при этом его целью является «правда о мире»: «И как цель поэтического творчества – вскрыть правду о мире, показав его в новом виде, так цель критики – вскрыть правду о поэзии, посмотрев на нее с новой точки зрения» [Там же. С. 142]. «Правду о поэзии» Ходасевич понимал как правду биографического факта, «завуалированного» поэтическими приемами.

В таком ключе выдержана глава о драме А.С. Пушкина «Русалка» в книге В.Ф. Ходасевича «Поэтическое хозяйство Пушкина», вышедшей в 1924 г. в Ленинграде и затем переработанной в 1937 г. в книгу «О Пушкине». Именно книга «Поэтическое хозяйство Пушкина» упоминается В.В. Вересаевым, упрекавшим Ходасевича в субъективном истолковании фактов биографии поэта. В.Ф. Ходасевич писал о «Русалке» следующее: «Скажу прямо: “Русалка”, как весь Пушкин, – глубоко автобиографична. Она – отражение истории с той девушкой, которую поэт “неосторожно обрюхатил”. Русалка это и есть та безымянная девушка, которую отослали рожать в Болдино, князь – сам Пушкин» [19. С. 119]. По некоторым сведениям, девушка покончила с собой, по другим – благополучно жила в Болдино со своим ребенком. Ходасевич выбирает первый вариант развития событий. Далее он развивает свою мысль и путем сопоставлений драмы «Русалка» с другими текстами А.С. Пушкина приходит к выводу, что «подобно “Янышу королевичу”, “Русалка” должна была стать трагедией возобновившейся любви к мёртвой, что подтверждается и наброском “Как счастлив я...”, и психологической близостью этой темы Пушкину» [Там же. С. 148]. По мнению Ходасевича, концовка драмы предполагала гибель Князя от рук русалки, «мстящего призрака», который воплощал мучительное для поэта воспоминание.

В.В. Набоков вряд ли мог разделять мнение В.Ф. Ходасевича об автобиографической природе сюжета драмы «Русалка». Заключительная сцена пьесы, написанная героем романа «Дар», не предполагает также развития темы мести русалки. Встречая Русалочку, Князь воспринимает ее рассказ как вымысел ребенка: «Вот так мы в детстве тщимся бытие / сравнивать мечтой с каким-то миром тайным» [16. С. 485]. Позже, узнавая в Русалочке черты ее матери, Князь воодушевляется желанием встречи с умершей. Он

видит сквозь воду Царицу-Русалку и идет к ней, не смотря на страх. Он не реагирует на предостережение Русалочки, которая прямо указывает Князю на свою нечеловеческую сущность «нежити», лишенной души. Князь, по мнению Русалочки, тоже лишен души за свой поступок: «На темном дне отчизну ты узнаешь, / где жизнь течет, души не утруждая. / Ты этого хотел...» [Там же. С. 487]. И, наконец, финальная песня русалок изображает картину речной свадьбы, освещенной луной.

Царица-Русалка соединяется со своим женихом-утопленником и смеется. Смех Царицы-Русалки можно истолковать как торжество отомщенной. Но так как мотив мести в сцене отсутствует, Русалочка говорит Князю о том, что ее мать помнит и любит его, смех приобретает другие значения. Царица-Русалка может смеяться, радуясь тому, что Князь не поверил словам Русалочки о нежити, что его человеческие чувства оказались сильнее страха смерти. В этом желании «переспорить» смерть и утвердить ценность памяти и любви Князь сближается с образом Орфея. Обращает на себя внимание и «скопление» нескольких версий происходящего в финале сцены. Русалочка предупреждает Князя, он идет к Царице-Русалке, затем следует песня русалок. Все эти действия происходят практически одновременно, они отражают несколько возможных версий реальности, ни одна из которых не является «подлинной». Возможно, именно этим объясняется жест Пушкина, который тоже присутствует в этой сцене: «Скрываются. Пушкин пожимает плечами» [16. С. 488]. Таким образом, финальная сцена к пьесе «Русалка» содержит в себе и полемику с

В.Ф. Ходасевичем (так как В.В. Набоков подчеркивает свободу вымысла, никак не связанного с биографией автора), и мотив общения с умершей, который приобретает свое значение в контексте темы единой реальности. Также В.В. Набокову удается изобразить многомерную, многовариантную реальность, лишенную окончательной определенности.

Подводя итоги, можно сказать, что сюжет «Дара», воплощенный также и во фрагментах, не вошедших в его финальную редакцию, предстает в более сложном и развернутом виде. В результате роман «Дар» обретает связь как с ранними романами В.В. Набокова, так и с его поздней англоязычной прозой. Несколько смещенными выглядят основные темы романа. Из «романа о творчестве» он превращается в роман о вымысле, многовариантной реальности, которая обращена к человеку в поисках соучастника ее метаморфоз, однако принципиально не поддается истолкованию. Попытки найти «узоры» оборачиваются множеством «поддельных» реальностей, как это происходит с Н.Г. Чернышевским в ссылке. Одержимость желанием найти «ключи» к событиям своей или чужой жизни изображена В.В. Набоковым в следующем, уже англоязычном, романе «Подлинная жизнь Себастьяна Найта». Человеку, в логике В.В. Набокова, дано не истолковать реальность, а пережить множество форм ее воплощения, однако для этого ему необходимо, отбросив страх и демонический соблазн нахождения «узоров» (или ходов), научиться соединяться со всем, что его окружает, «мимикрировать», создавая новые и новые варианты существования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грейсон Дж. Метаморфозы «Дара» // В.В. Набоков: Pro et contra. СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1997.
2. Долинин А. «Дар»: добавления к комментариям // NOJ/НОЖ Nabokov Online Journal. 2007. Vol. 1.
3. Набоков В.В. Второе добавление к «Дару» / вступ. заметка Б. Бойда // Звезда. 2001. № 1. С. 85–109. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2001/1/nabokov-pr.html>
4. Вишняк М.В. «Современные записки». Воспоминания редактора // Indiana University Publications. Graduate School. Slavic and East European Series. 1957. Vol. 7. P. 12.
5. Из переписки В.В. Набокова с редакторами / вступ. заметка, публ. и ком. Г.Б. Глушанок // Звезда. 2002. № 7. С. 176.
6. Франк С.Л. Крушение кумиров. Берлин : The YMCA PRESS Ltd., 1924.
7. Кантор В.К. Серебряный век как предвестие и стилистика русского тоталитаризма (Перечитывая Федора Степуна) // Федор Августович Степун. М. : РОССПЭН, 2012.
8. Степун Ф.А. Сочинения. М. : РОССПЭН, 2000.
9. Набоков В.В. Дар // Набоков В.В. Собрание сочинений : в 4 т. М. : Правда, 1990. Т. 3.
10. Долинин А. Три заметки о романе Владимира Набокова «Дар» // В.В. Набоков: pro et contra. СПб. : РХГИ, 1997. С. 697–740.
11. Вейдле В. Пушкин и Европа // Пушкин в эмиграции. 1937 / сост., коммент., вступ. очерк В. Перельмутера. М. : Прогресс-Традиция, 1999.
12. Левкович Я.Л. Пушкин в советской художественной прозе и драматургии // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Ин-т театра, музыки и кинематографии. Л. : Наука, 1967.
13. Погодин А.Л. Искаженный Пушкин // Тайна Пушкина. Из прозы и публицистики первой эмиграции. М. : Эллис Лак, 1999.
14. Лекманов О. Об одном источнике «Анекдотов из жизни Пушкина» Даниила Хармса. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/383071.html>
15. Варшавский В.С. Незамеченное поколение. М. : Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына ; Русский путь, 2010.
16. Набоков В. Трагедия господина Морна. Пьесы. Лекции о драме. СПб. : Азбука-классика, 2008.
17. Джеймс У. Вселенная с плюралистической точки зрения / пер. с англ., под ред. прив.-доц. Г.Г. Шпета. М. : Книгоиздательство «Космос», 1911.
18. Ходасевич В.Ф. «Пушкин в жизни» (По поводу книги В.В. Вересаева) // Собрание сочинений : в 4 т. М. : Согласие, 1997. Т. 4.
19. Ходасевич В.Ф. Поэтическое хозяйство Пушкина. Л. : Мысль, 1924.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 октября 2014 г.

EXCERPTS NOT INCLUDED INTO THE FINAL VERSION OF V.V. NABOKOV'S *THE GIFT*

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 10–20. DOI 10.17223/15617793/391/2

Antoshina Elena V. Tomsk Economics and Law Institute (Tomsk, Russian Federation). E-mail: arancia@mail.ru

Keywords: V.V. Nabokov; plot; Russian literature of 20th century; theory of literature; literature of Russian emigration.

The subject of analysis in the article is excerpts excluded from V.V. Nabokov's novel *Gift*. The most significant from these excerpts are stories "Circle", "The second addition to *Gift*" and the draft of a sequel of A.S. Pushkin's drama "Mermaid". These texts are studied in context of the history and culture of Russian emigration of 1920–1940s. Analysis of these contexts allows us to clarify the origin of these excerpts and their meaning in the structure of V.V. Nabokov's novel plot. On the early stages of the novel written in 1933, V.V. Nabokov was addressing topical political and literary discourses of Russian emigration. He used some typical opinions by N.G. Chernyshevsky for a written biography of this person. V.V. Nabokov borrowed the principle of construction of such a biography in A.S. Pushkin's biographies of 1920–1930s. The biography of N.G. Chernyshevsky was thought up as parody on a "novelized biography". At the same time, the biography of N.G. Chernyshevsky became a basis of the next level of the novel's plot, the subject of this was an illogical reality. One of the significant themes of Chernyshevsky's biography is the theme of "patterns", or coincidences. In search of "patterns", N.G. Chernyshevsky (as a character of Nabokov's novel) comprehends his own life as similar to a theater play. It is a way to a profound crisis, when an individual finds oneself in false realities. These levels of sense of Chernyshevsky's biography are found when comparing the story with the plot of "Circle". The plot of the story "Circle" is based on the theme of the incomprehensible reality of Russia which the main character of the story cannot enter. The analysis of the excerpt "The second addition to *Gift*" allows us to clarify the novel's plot sense levels which do not have a direct link with the history of Russian emigration. These levels of sense are connected with V.V. Nabokov's philosophical and natural ideas about similarity of the elements of universe. These elements may be interpreted as variants which can manifest their belonging to the universe in the way of mimicry. The ability to mimicry is a feature not only of butterflies, but also of time, space and individuals. Merging elements of the universe join in a new sequence of variants. Humanity is variable, too. V.V. Nabokov was interested in the images of androgynes, Siamese twins. He tried to understand what characteristics of reality these creatures are able to observe. A part of the soul of a dead person can be a part of the soul of a living person. This couple is also a part of variable humanity and variable reality. This idea is realized in the plot about communication with dead persons (not with ghosts). In drafts of the novel, Zina died and Theodore wrote some texts which have a link with this event. This way the stories "Solus Rex", "Ultima Thule" and the draft of a sequel of A.S. Pushkin's drama "Mermaid" were created.

REFERENCES

1. Grayson J. *Metamorfozy "Dara"* [Metamorphoses of the Gift]. In: *V.V. Nabokov: Pro et contra*. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 1997.
2. Dolinin A. "Dar": dobavleniya k kommentariyam [The Gift: adding to the commentary]. *Nabokov Online Journal*, 2007, vol. 1.
3. Nabokov V.V. Vtoroe dobavlenie k "Daru" [The second addition to the Gift]. *Zvezda*, 2001, no. 1, pp. 85–109. Available from: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2001/1/nabokov-pr.html>.
4. Vishnyak M.V. "Sovremennye zapiski". Vospominaniya redaktora ["Modern notes". Memories of the editor]. *Indiana University Publications. Graduate School. Slavic and East European Series*, 1957, vol. 7, p. 12.
5. Iz perepiski V.V. Nabokova s redaktorami [From the correspondence of V.V. Nabokov with editors]. *Zvezda*, 2002, no. 7, p. 176.
6. Frank S.L. *Krushenie kumirov* [The collapse of idols]. Berlin: The YMCA PRESS Ltd., 1924.
7. Kantor V.K. *Serebryanny vek kak predvestie i stilistika russkogo totalitarizma (Perechityvaya Fedora Stepuna)* [The Silver Age as a harbinger and style of Russian totalitarianism (Rereading Fedor Stepun)]. In: *Fedor Avgustovich Stepun*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2012, pp. 187–234.
8. Stepun F.A. *Sochineniya* [Works]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2000. 999 p.
9. Nabokov V.V. *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Works. In 4 vols.]. Moscow: Pravda Publ., 1990. Vol. 3.
10. Dolinin A. *Tri zametki o romane Vladimira Nabokova "Dar"* [Three notes on Vladimir Nabokov's *The Gift*]. In: *V.V. Nabokov: pro et contra*. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 1997, pp. 697–740.
11. Veydle V. *Pushkin i Evropa* [Pushkin and Europe]. In: Perel'muter V. *Pushkin v emigratsii. 1937* [Pushkin in exile. 1937]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 1999.
12. Levkovich Ya.L. *Pushkin v sovetskoy khudozhestvennoy proze i dramaturgii* [Pushkin in the Soviet prose fiction and drama]. In: *Pushkin: Issledovaniya i materialy* [Pushkin: Research and Materials]. Leningrad: Nauka Publ., 1967.
13. Pogodin A.L. *Iskazhenny Pushkin* [Distorted Pushkin]. In: Filina M.D. *Tayna Pushkina. Iz prozy i publitsistiki pervoy emigratsii* [Pushkin's mystery. From the prose and journalism of the first emigration]. Moscow: Ellis Lak Publ., 1999.
14. Lekmanov O. *Ob odnom istochnike "Anekdotov iz zhizni Pushkina" Daniila Kharmsa* [A source of "Anecdotes from the life of Pushkin" by Daniil Kharms]. Available from: <http://www.ruthenia.ru/document/383071.html>.
15. Varshavskiy V.S. *Nezamechennoe pokolenie* [Unnoticed generation]. Moscow: Russkiy put' Publ., 2010. 544 p.
16. Nabokov V. *Tragediya gospodina Morna. P'esy. Lektsii o drame* [Tragedy of Mr. Morn. Plays. Lectures about the drama]. St. Petersburg: Azbuka-klassika Publ., 2008. 639 p.
17. James W. *Vselennaya s pluralisticheskoy tochkoy zreniya* [A pluralistic Universe]. Translated from English by G.G. Shpet. Moscow: Kosmos Publ., 1911.
18. Khodasevich V.F. *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Works: in 4 vols.]. Moscow: Soglasie Publ., 1997. Vol. 4.
19. Khodasevich V.F. *Poeticheskoe khozyaystvo Pushkina* [Pushkin's poetry]. Leningrad: Mysl' Publ., 1924.

Received: 18 October 2014

ГОГОЛЕВСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ТЕМА ГЕРОЯ ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ А. ИВАНОВА «БЛУДА И МУДО»

Рассматриваются принципы введения образов и сюжетов произведений Н.В. Гоголя (повестей «Невский проспект» и «Портрет», поэмы «Мертвые души», комедии «Ревизор») в роман А. Иванова «Блуда и МУДО». Анализируются функции гоголевских образов и сюжетов в структуре романа для выявления специфики диалога А. Иванова с классикой. Определяется актуальность сюжетных ходов и образов произведений классика для осмысления темы героя времени в современную эпоху.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь; А. Иванов; современная русская проза.

Традиция русской литературы XIX в. в творчестве писателей начала XXI в. занимает не последнее место. Современные писатели часто при попытке осмыслить проблемы текущей повседневности обращаются к сюжетам, мотивам и образам классических произведений. Идея отталкивания от чужого с целью создать свое приводит к неожиданным творческим результатам, иллюстрирующим, с одной стороны, мысль о литературной преемственности, с другой стороны, об универсальности и неисчерпаемости ключевых повествовательных элементов русской литературы XIX в.

Роман А. Иванова «Блуда и МУДО», опубликованный в 2007 г., являет яркий пример сознательной и очевидной ориентации на творческое наследие Гоголя. Критиками и рецензентами уже неоднократно была отмечена гоголевская традиция в романе [1, 2]. В романе «Блуда и МУДО» Иванов обращается к традиции плутовского романа в гоголевском понимании возможностей этого жанра. Главный герой романа Иванов Моржов подобно Чичикову через свои «похождения» авантюрного характера, с одной стороны, создает условия для обзора и панорамного рассмотрения современных нравов, с другой – для пристального изучения темы героя времени.

Нет необходимости говорить, что тема героя времени заняла в русской литературе свое место, определив магистральные сюжеты классических произведений, в которых разговор о времени сопряжен с размышлением о его современниках и наоборот. Соответственно, обращение А. Иванова к этой знакомой русской литературе теме позволяет выйти к социально-философской глубине осмысления законов современной жизни и их сопричастности к формированию героя времени. Все действие в романе происходит в 2000-е гг., а местом действия является вымышленный уральский провинциальный городок Ковязин, который воплощает в себе универсальную модель современной реальности с ее законами и нравами.

Гоголевская традиция существует в ивановском смысловом контексте произведения, который заявлен уже в названии романа «Блуда и МУДО». В названии романа одновременно сочетаются провокационность и смысловая многослойность. Оба понятия, присутствующие в названии, отражают ключевые свойства современного мира. Подобно Гоголю Иванов вскрывает катастрофическую ситуацию бездуховности современной жизни, выражающуюся в отсутствии каких-либо нравственных ориентиров. Но если у Гоголя

данная тема была сопряжена с разговором о живой и мертвой душе, пронизанным гуманистическими настроениями, то Иванов о кризисе духовной жизни современника говорит лексически скупой и приземленно. В романе Иванова зафиксирован именно очередной этап в развитии современности, определенный К.С. Когути и Н.П. Хрящевой как постистория [3], в котором произошел «кризис вербальности» из-за формирования особого типа мышления. Мышления, которое в романе определено как «пиксельное» в значении точечное, фрагментарное, поверхностное, лишённое глубины и истинного смысла: «невозможности трансляции ценностей словом» [4. С. 79].

Рассмотрим подробно возможные толкования каждого элемента названия романа. Этимология слова «блуд» включает в себя как ситуацию блуждания, связанную с безрезультатным поиском смысла жизни, так и блуд в значении «распутства» и «разврата». Каждый из героев своими мыслями и поступками выражает симптомы этой болезни современности в ее обоих вариантах. В романе представлены всевозможные варианты и духовного, и физического «блуда». Причинами духовного блуждания героев являются незрелость души (Соня, Алена), удовлетворённость поверхностными смыслами (Роза), пребывание в плену ложных иллюзий (Милена), полная атрофия духовной жизни (Ленчик и его приятели). Обозначенная в романе проблема пиксельного мышления неразрывно связана с ситуацией жизненных блужданий героев, дезориентированных в пространстве духовных ценностей.

Блуда физическая, в свою очередь, представлена тоже в самых различных вариантах: ради карьеры и «места под солнцем» (Милена), как случайный служебный роман (Роза), по причине наивности (Соня), в силу проявления животно-физиологических инстинктов (Ленчик и его компания), из-за гипертрофированного эротизма (Моржов).

Также в романе присутствует и «словесный блуд», так определены моральные сентенции на педсовете Шкиляевой, которой присуща нечистоплотность в финансовых вопросах на своей должности директора МУДО.

В целом вся атмосфера свободных нравов и их последствий в романе отсылает к наблюдениям Жана Бодрийяра о современном состоянии общества, о господствующих в нём настроениях:

«Оргия – это каждый взрывной момент в современном мире, это момент освобождения в какой бы то

ни было сфере. <...> Сегодня игра окончена – все освобождено. И все мы задаем себе главный вопрос: что делать теперь после оргии... нет больше самого закона ценности... есть лишь нечто похожее на эпидемии ценности, на разрастание метастазов ценности, на ее распространение и рассеивание, зависящее лишь от воли случая» [5. С. 7].

В то же время МУДО (муниципальное учреждение дополнительного образования «Родник» г. Ковязина) как авторский аббревиатурный неологизм является в некоторой степени противостоянием современному пиксельному мышлению, когда слово теряет свои возможности отражать сущность вещей, так как сами вещи теряют сущность. Говорить о благородной цели образования этого учреждения в романе не приходится как по причине отсутствия необходимого педагогического энтузиазма работников, так и из-за постоянного недобора детей в кружки. Подобно Гоголю, который в свое время шокировал публику оксюморном «мертвые души», Иванов не аббревиатурным вызывающе-неприличным значением «МУДО» поставил диагноз современному обществу и его социальным институтам. Но несмотря на то что авторский неологизм Иванова ориентирован на поиск адекватного определения вещей и процессов, существующих в современной реальности, это словотворчество лишено ценностных и мирозидательных основ, поскольку оно лишь форма без содержания и глубины. Заслуживает внимания также тот факт, что активное использование этой аббревиатуры всеми героями рождает абсурдную лингвистическую ситуацию: создается ощущение, как будто неприличный подтекст не является очевидным для героев. Со стороны Моржова, которому в романе принадлежит гипотеза о «кризисе вербальности», есть поминание «непристойности» названия, но он тут же вскрывает тупиковую ситуацию «спасения» репутации учебного учреждения: «МУДО – оно и есть МУДО» [4. С. 34]. Герметичность этой формулировки подтверждает еще раз мысль о потере словом своих смысловых резервов, несмотря даже на то, что оно стремится отражать сущность вещей и явлений.

Именно в контексте данных смысловых акцентов понимания особенностей современной действительности в романе Иванова актуализируется тема героя времени с опорой на гоголевские повествовательные ходы. В свое время гоголевское толкование образа героя времени включило в себя осмысление не только фигуры дельца-предпринимателя, ставшего символом эпохи погони за капиталом, но и фигуры художника, являвшегося символом идеального начала, предшествующей эпохи романтических умонастроений. Также в определенной степени комедия «Ревизор» была продолжением этой темы, но уже с представлением двух возможных вариантов героя времени – Хлестакова как символа артистичной пустоты современника и Ревизора как носителя высокой моральной нормы. Подобное гоголевское соединение в логике рассуждений о герое времени оказалось созвучно размышлениям Иванова о современнике.

Моржов представлен в романе первоначально как художник, а потом по ходу развития действия – как

авантюрист и плут, перехитривший государственную систему, а затем уже как каратель, воздающий по заслугам грешникам. Рассмотрим подробно каждую из ипостасей героя.

Склад творческого мышления Моржова как художника продиктован духом его времени. Можно сказать, что он самостоятелен и самодостаточен в творческом самоопределении: не раскрыта история его становления как художника, нет упоминания о его учителях, кумирах, о признанных гениях живописи, которые поразили его творческим мастерством:

Моржов не числил свои пластины ни по разряду реализма, ни концептуального искусства... он делает просто декор – декор для стиля хай-тек. Он изначально нацелился на хай-тек – в него и попал» [4. С. 36].

По сути получается, что Моржов имеет возможность и творческий потенциал творить именно в том направлении, которое он изначально выбрал, не встречая для этого никаких преград. Можно даже говорить об определенном коммерческом успехе Моржова как художника: его картины покупают по выгодной цене для декорирования компьютерных офисов и промышленных рекреаций. Этот факт художника очень устраивает, так как он изначально сознательно отказывается создавать картины для салонов, музеев и частных коллекций. Соответственно, говорить о творческой драме художника в романе не приходится: его картины востребованы аудиторией, на потребительские вкусы которой он ориентируется в своем ремесле.

Работы героя представлены как пластины. Традиционно пластина – это основа, на которой происходит создание живописного полотна, они могут быть изготовлены из разного материала: дерево, холст, фанера, картон, бумага, папье-маше, пергамент, слоновая кость, перламутр, природный камень, стекло, известковая штукатурка, линолеум. Выбор основы и технология ее подготовки определяются идейно-эстетическими задачами, которые ставит для себя художник. Предельная сосредоточенность Моржова на материальной первооснове творчества указывает на эстетический минимализм, граничащий с аскетизмом. Аскетизм, который обусловлен сознательным отказом от претензий создавать наполненные высоким содержанием творения: «...рукотворная и жеманная среда художественно-организованного микрокосма отвергла Моржова, техногенные и функциональные площади хай-тека прямо-таки намагничивали пластины на себя» [Там же].

Описание пластин в романе представлено фрагментарно, лишь через названия. Упоминаются серии таких пластин, как «Городские углы», «Рельсы и шпалы», «Изгибы», «Еловые стволы». Описан лишь один из углов-прототипов, который Моржов взял для серии пластин «Городские углы»:

Выкрашенный руст фундамента, рыхлая желтая штукатурка стены, исцарапанный, но все равно по-женски соблазнительный точечный изгиб балясины, тупой брус перил, а сбоку прислонен разбухший от сырости дощатый поддон, и все это наискосок перечеркнуто безвольной мяткой нитью телефонного провода-воздушки, что свесился с крыши... Из-под угла

отчаянно топорщился куст – словно завопил от боли, когда его прищемило зданием. Во всей этой фактуре была такая энергетика, такая прочность временного нелепого, халтурного и случайного [4. С. 35].

Угол этот принадлежит зданию, в котором находится Дом пионеров (прежнее название МУДО). Здание, имеющее архитектурно-историческую ценность в масштабах города Ковязина, свою особую внутреннюю жизнь, воспроизводится Моржовым фрагментарно и поверхностно, а точнее, им преследуется цель передать только «энергетику» современности. Эта логика осмысления реальности соотносится с философско-эстетической позицией Моржова, которая основана на отказе от объема, глубины и смысла:

Объем – это всегда смысл. Органично писать со смыслом и без объема умели только древнерусские иконописцы. Так что пластины Моржова в некотором роде были антииконами. Моржов не хотел никакого смысла. Только поверхность. Только поверхность. Глубины не надо. В глубине и больно, и стыдно – непристойно [Там же. С. 37].

Творческая манера Моржова описания «не свя-тых» вещей языком религии по своей сути далека от антирелигиозного пафоса. Традиционно икона – это объект поклонения, это святыня, которая выступает символом высшего идеала. Моржов своими пластинами эту нишу занимать не стремится, его пластины – это элемент декора, ему большего и не надо.

В этом случае можно заметить, что Ивановым по-новому решается гоголевская проблема соотношения живописи и иконописи, светского и духовного в творчестве художника. Если гоголевский художник, создавший портрет ростовщика, при дальнейшем определении судьбы своих картин стоял перед выбором между гостиницей или церковью, то ивановский герой выбирает между музеями и рекреациями офисов.

Одновременно в романе Иванова происходит переосмысление такого понятия, как антиикона. В. Лепахин отмечал, что портрет гоголевского ростовщика стал своеобразной антииконой [6], как символом произведения искусства, которое в качестве предмета изображения берет предметы не христианские и поэтому не вызывает высокие побуждения у человека, а наоборот, сеет томительные впечатления. В. Лепахин в своих рассуждениях о месте иконы и антииконы в творчестве Гоголя опирается на вполне справедливое замечание И. Анненского в «Книге отражений» о подобии поэмы «Мертвые души» и комедии «Ревизор» портрету живого ростовщика, в котором запечатлена низменная природа человеческой натуры [7]. Лепахин, продолжая это рассуждение, отмечает что «Гоголь смотрел на продолжение “Мертвых душ” в некотором смысле как на переход от живописи (1-й том) к иконописи (2-й и 3-й тома), от портрета и портретности к иконе и иконичности. Это должен был быть переход от творения верных, но мертвых подобию (живопись), которые способны ожить, но не способны оживить читателя или зрителя, к художественному воскрешению человека, которое возможно лишь в иконописи» [6]. Вполне очевидно, что в романе Иванова антиикона становится символом поверхностного отражения реальности,

без стремления художника обозначить метафизическую глубину и воздействовать на реальность, преобразить её. Иными словами, в полемическом обыгрывании этой гоголевской установки происходит, во-первых, отказ от инфернального мистицизма в гоголевском понимании, во-вторых, отказ от миссионерского начала в творчестве художника.

При всей вписанности Моржова как художника в контекст современной эпохи, с ее настроениями и предпочтениями, его образ осмыслен также через призму культурной традиции романтизма. Именно в эпоху романтизма впервые была вскрыта вся многогранность проблем творческой личности. Эта традиция встраивается в структуру образа Моржова в гоголевском преломлении, так как в его творчестве она получила максимально полное воплощение в русской словесной культуре. Столкновение в образе Моржова духа современности и традиций культурной памяти порождает особый фон осмысления данной ипостаси героя времени.

Рассмотрим подробно специфику присутствия аллюзий на гоголевских художников Черткова и Пискарёва в структуре образа Моржова.

С Моржовым, как и с Чертковым, случился коммерческий успех не без вмешательства сверхъестественных сил. Пластины Моржова, долгое время не востребованные, принесли хорошую прибыль: «пластины вдруг взяли и продались на какой-то никому неизвестной “Старобарской биеннале”» [4. С. 8]. В рассуждениях Моржова о внезапном обогащении актуализируются традиционные смыслы о неизбежности пагубного влияния денег на личность:

Затем появились деньги. Вообще-то про деньги Моржов мечтал уже давно и думал, что встретит их морально подготовленным. В запасе даже имелись перечни предметов роскоши, подлежащих первоочередной покупке. Но деньги появились тихо и без предупреждения, словно лёгкое недомогание. Несмотря на их число, весьма внушительное по меркам города Ковязина, они вдруг показались Моржову зыбкими, как головокружение. Их зыбкость эстетически противоречила живописной мощи намеченных приобретений, и Моржов, соблюдая гармонию, ничего не стал покупать [Там же].

Но иллюзия моржовской гармонии разрушается под влиянием Призрака Великой Цели, который начинает посещать художника и навязывать ему свою волю о необходимости траты денег. В этом возникшем «диалоге» между Моржовым и Призраком Великой Цели можно наблюдать формальное повторение жизненной перипетии художника Черткова, который изменил своему высокому призванию, соблазнившись богатствами, обнаруженными в «живом портрете». Моржов же весьма рационален в размышлении об иррациональных событиях, ставших причиной обогащения: он не погружается стихийно в доступные ему теперь радости жизни. В ситуации с Моржовым скорее наблюдается парадоксальное переворачивание логики поступков человека, судьба к которому благосклонна:

Моржов начал нервничать. Вдруг судьба обидится на то, что Моржов не пользуется её подарками, и окончательно повернётся к Моржову тем местом, в

которое его уже нацелила бывшая жена? А пользоваться подарками судьбы поспешно и бессистемно Моржов всё равно остерегался [4. С. 8].

Призрак Великой Цели, бесцеремонно вторгающийся в судьбу Моржова, очень напоминает ожившего ростовщика в повести «Портрет» как внешностью, так и поведением. В романе Иванова «призрак являлся в рубище, имел тёмный лик, словно обожжённый неведомым огнём, крючковатый нос и горящие глаза. Он был лыс, как яйцо. С гневом библейского пророка он требовал потратить деньги на себя» [Там же]. Каждая деталь в описании Призрака Великой Цели напоминает облик гоголевского ростовщика, ставшего прототипом «живого портрета». Лицо гоголевского ростовщика «смуглое», «запалённое», «бронзовое», «бронзового цвета», а глаза – «необыкновенного огня» [11. С. 93].

Само появление призрака Моржова напоминает тактику поведения призрака ростовщика с «живого портрета». У гоголевского призрака «судорожно искаженное лицо», глаза «готовы сожрать», губы «вытягиваются как будто бы хотят высосать» [Там же. С. 94], а у Иванова призрак «корчит угрожающе рожи» [4. С. 8]. Оба призрака стараются быть замеченными: у Гоголя совершаются манипуляции с деньгами на глазах у бедного художника, а у Иванова «призрак стал различными жестами привлекать внимание Моржова к себе» [Там же]. Призраки очень настойчивы, логика их поведения сводится к указанию на самое уязвимое место в жизни героев: у обоих художников остро стоит вопрос с жильем. Для Черткова первоначально деньги привлекались возможностью снять хорошую отдельную квартиру и, не испытывая бытовых неудобств, посвятить себя служению искусству. Жилищный вопрос Моржова также оставляет желать лучшего, но его решение этой проблемы связано лишь с устранением элементарных бытовых неудобств, а не поиском места для тихого служения высокому искусству.

В мечте Черткова сразу угадывается очевидная опасность – замещение духовных ценностей материальными, что и произошло в итоге. Моржов, в свою очередь, о высокой цели даже не мечтает: «...исходя из нажитого опыта, Моржов считал, что жизненные цели должны быть мелкими, близкими и грязными» [Там же]. Великую цель пытается ему навязать Призрак, мыслящий предсказуемыми романтическими штампами, пронизанными прагматизмом современности. Моржов не внимает уговорам призрака, а наоборот, ему откровенно стыдно за него:

Намёки его сводились к тому, что деньги не вечны, что новые деньги принесут только новые пластины, а закрашивать их, сидя в общаге на койко-месте, невозможно. На запотевшем стекле вечности Призрак пальцем писал: «Сними квартиру, идиот! <...> Призраку не хватало вкуса, чтобы осознать: моржовские пластины к этому служению непригодны. Да и сам Моржов тоже <...> в его советах таился внутренний изъясн. Великая Цель – и какая-то там съёмная квартира... Это была нелепость, которая компрометировала всю идею. Цель не может быть Великой, когда она обеспечивается такой прозаической ерундой [3. С. 8–9].

В этом парадоксальном столкновении указаний соблазнителя и объективного взгляда жертвы искушения обнаруживается еще одно из проявлений представленного в романе «кризиса вербальности». В романе Иванова происходит своеобразная инверсия смыслов слов: призрак пытается «соблазнением» сподвигнуть к великой цели, а не увести от неё, как было в гоголевской повести. Тем самым в романе обнажается изменение трактовки темы «власти злата» в судьбе творческой личности в эпоху современности, когда найти неискушенный и чистый творческий порыв уже невозможно.

В наследство от Пискарева Моржову переходит мечта о некоем идеальном образе женщины, который он именует «мерцоидом». «Мерцоид» Моржова по своей сути – это аналог музы, которая обычно является спутницей любой творческой личности. Но, за исключением лишь одной женщины – Аленушки, происходит снижение и опошление неустанный поиска и удержания «мерцоида». Моржов приземлен, даже крайне физиологичен в своем стремлении удержать «мерцоид» очередной женщины, с которой у него случаются любовные связи. Гипертрофированная любвеобильность Моржова является источником его многочисленных любовных приключений, сосредоточенных именно на физиологическом аспекте, лишенном романтических порывов.

Единственная живописная цитата, которая присутствует в романе, указывает на его интерес именно к телесной женской красоте, а не духовной тайне. Одну из своих женщин сравнивает с Афродитой Тициана. Хотя в этом сравнении есть фактическая неточность: в описываемой позе изображена Венера Урбинская у Тициана.

Стелла полулежала на диване, скрестив ноги. Медово лучась под взглядом Моржова, она медленно закинула левую руку себе за голову, а правую невесомо переместила на живот, чуть прикрыв ладонью лono [Там же. С. 215].

Особое место среди женщин Моржова, легкомысленных, ветреных и не чуждых случайных любовных связей, занимает Аленушка, которая, как и красавица Пискарева, – проститутка. Несмотря на свой род занятий, она становится для Моржова настоящей музой, прекрасным идеалом. Заслуживает внимания этимология имени героини, его сказочно-живописная традиция толкования. Имя Алена в переводе с древнегреческого означает «солнечная», «сияющая», «одухотворяющая», «притягивающая», «привораживающая». Сказочно-живописная традиция, в свою очередь, отсылает к образу Аленушки, полной скорби и тоски по своему братцу Иванушке, и к живописному полотну Васнецова, который с необычайным художественным мастерством запечатлел это неподдельное человеческое горе.

Само описание Аленушки очень живописно и вскрывает возможность присутствия в ней метафизической глубины и смысла: «как тонко, как точно, нежно прорисованы черты, как гипнотически-сладостны эти движения губ, ресниц, кистей рук, как завершены и гармоничны жесты, позы, изгибы... За чем создана эта изысканная красота?» [4. С. 112].

Пристально изучая девушку, Моржов понимает, что «Алёнушка не была развратницей, порченой девкой. В ней и портить-то было нечего» [Там же. С. 113]. При осмыслении отношений Моржова и Алёнушки заслуживает внимания такая деталь внешности Моржова, как очки, символическое значение которых имеет двойственную природу. С одной стороны, они символ более зоркого взгляда, с другой стороны, уход, сохранение себя за стеклянной пеленой очков. Алёна – единственная из женщин Моржова, которая просит их снять, создавая тем самым условия для прозрения Моржова, возможности проникновения в глубинный смысл вещей, избегаемой в творчестве.

Смерть Алёны – это страшная трагедия для Моржова, это своеобразный конец надеждам приобрести высокий идеал. Алёна – жертва безнравственного пренебрежения к жизни другого человека, которое является господствующим в эпоху пиксельного мышления. Последний «мерцоид», который видит Моржов, – это «мерцоид» убитой девушки. «Мерцоид» Моржов не стремится сохранить в мире грез и видений, а наоборот, разрушает его, сообщая ему о смерти Алёны. Этим Моржов отличается от Пискарева, который хочет пребывать с вымышленным прототипом его Перуджиновой Бьянки в идеальных сновидениях. Эта ситуация корреспондирует логике эпизода, когда Моржову стыдно за Призрак Великой Цели. Аналогичным образом выявляется ситуация исчерпанности прежних метафизических смыслов, которые не выполняют прежней миссии обнаружения несовершенств реальности. Тем самым в романе через актуализацию темы творческой личности, как одной из возможных ипостасей героя времени, выявляется ситуация слома культуры и обостренное ощущение исчерпанности прежних ценностей.

Очевидно, что сам Моржов, обладая определенной чуткостью в понимании законов времени, в своем выборе профессионального поприща идет по пути наименьшей сопротивляемости. Отказываясь творить, он соглашается быть методистом выставочного зала в МУДО, в обязанности которого входит «картинки развешивать»: «что дадут, то и повесит» [4. С. 18]. Вероятно, именно нереализованное творческое начало Моржова проявляется в аванюре с собиранием сертификатов для МУДО. Сертификаты, которые предполагает собрать Моржов, – это современная ивановская версия списков мертвых душ крестьян: на бумаге они есть, а физически не существуют. Сертификаты никогда не учившихся в МУДО детей позволят создать иллюзию востребованности учебного заведения и спасти его от преобразования в Антикризисный центр. Иными словами, афера Моржова – это очередная попытка перехитрить государственную систему, воспользоваться ее недочетами против нее самой. Далеко не альтруистические мотивы определяют активное участие Моржова в данной афере, его итоговая цель даже далека от цели Чичикова. В свое время вся афера Чичикова была пронизана сладкими грезами о «бабешке», с которой мечталось создать семью. Капитал, о котором мечтал Чичиков, должен был приблизить момент осуществления обычного мещанского счастья. Моржов, в свою очередь, мещанских и обы-

вательских мотивов лишен, он мыслит ценностями своей эпохи. Эпохи, в которой жажда наживы капитала становится уже не самым страшным явлением.

Тут стоит обратить внимание на номинацию героя, его фамилию и имя – Борис Моржов. В этимологическом словаре Фасмера представлены две версии происхождения имени Борис. По первой версии происхождение связано с именем древнего болгарского вождя, крещенного в 864 г., которое пришло из монг. bogori «маленький», а по второй – это уменьшенная форма от Борислав. Также отмечено, что это имя имело дополнительные смыслы, так как название дня празднования Святых Бориса и Глеба «Боришь день» было созвучно слову барыш [8]. Из-за данного созвучия святой Борис на Руси считался приносящим прибыль. Отмечание этого праздника было связано с надеждами получать в течение всего года «барыши» [9]. Вполне очевидно, что толкование имени от старославянского имени Борислав, имеющего значение «славный в борьбе», «борец» [10], отсылает к героическому началу героя, которое тут же снижается «коммерческой» трактовкой имени.

Корреспондирует «коммерческому» толкованию имени значение фамилии от общерусского термина «маржа» – разница между ценой и себестоимостью. Одно лишь настораживает – это различие в написании: чередование а/о в первом слоге. Думается, причина этого в ироническом авторском переосмыслении кризиса вербальности. В этом случае представлена ситуация отставания слова за объектом номинации, что и снимает необходимость его правильного написания. Если героизм борца, хотя и в ироническом ключе, но присутствует в образе Моржова, то стремление к выгоде в традиционном смысле этого слова ему не свойственно. Стоит также отметить, что в основе аферы Моржова заложена абсурдная социальная ситуация: спасения никому не нужного МУДО от преобразования его в никому не нужный Антикризисный центр. В этой ситуации тоже, пожалуй, представлен симптом изображаемого времени – смысловая пустота действия, лишенного даже логического целеполагания, которое сохранит свою актуальность до конца.

Моржов одержим желанием обладать всеми дамами, работающими в МУДО. В случае его преобразования в Антикризисный центр возможность «заполучить» всех может ускользнуть. Смещение целеполагания из области финансового благополучия в область сексуальную говорит не об избытке секса и наслаждения в современной жизни, а о «сексуальной декомпенсации, вызванной просачиванием секса во все области жизни» [5. С. 17]. Данное обстоятельство – верный признак размывания сексуальности, так как теряются смыслоопределяющие границы этого свойства человеческой природы.

Важно отметить, что герой, «изобретая» неновый способ для новой цели, самостоятельно проводя аналогии между собой и Чичиковым, активно использует собственный глагол «чичить», означающий приобретение сертификатов. В этом словотворчестве героя проявляется его некая самостоятельность, индивидуальная позиция в вездесущем «кризисе вербально-

сти». Герой, наделяя новыми смыслами старый авантюрный сюжет, берет на себя ответственность за его словесное определение. Но в то же время говорить о том, что Моржов может справиться с ролью творца новых явлений и их словесных определений, мы не можем. Тип новых отношений, который пытается выстроить Моржов с работницами МУДО, им самим никак не определяется. Щекин, работающий также в МУДО, вербализует тайные желания Моржова через концепцию «фамильона» как «новой постмодернистской ячейки общества» [4. С. 311], пришедшей на смену традиционной семье.

Думается, в этом контексте размышлений дополнительные смыслы приобретает такая деталь, как сертификат. Сертификат – это своеобразная фикция учащегося в МУДО ребенка. Пустота на месте ребенка как символа семейных уз – верный знак тупиковости нового типа «фамильных» отношений. Да и сам Моржов своим необузданным эротизмом актуализирует не идею продолжения рода, а являет черты ложного героизма современности, пронизанного идеями «голливудства». Хотя в то же время Моржов достаточно объективно и трезво признает в себе антигеройское начало:

Знал бы ты, Щекандер, какой я герой... Я же весь картонный. На подпорках. Для социума у меня кодировка от алкоголизма, а для друзей – пластиковая карточка. Для врагов – пистолет, для баб – виагра. Сам по себе я ничто [Там же. С. 310].

С. Беляков отмечает, что герой «создан по принципу оксюморона: святой грешник, бескорыстный служитель порока, пошляк и поэт» [12]:

Жить приходилось в сатире, а душе хотелось эпоса, потому Моржов смотрел не на рынок, а на просторы, распахнутые перед обрывом Крестопоклонной площади [4. С. 61].

Ложное, надуманное супергеройство Моржова с наибольшей полнотой проявляется в действиях, связанных с приобретением сертификатов. Приобретение сертификатов Моржовым мыслится через получение их от подруг его бурной молодости, с которыми уже случались либо короткие любовные связи, либо длительные романы с определенным рядом обязательств. По причине того, что знакомые Моржова работают в школах, они действительно могут помочь ему. Схема, которой пытается следовать Моржов, включает в себя обязательный элемент соблазнения, выступающий некоторой гарантией успешного завершения операции. Посещение каждой из дам во многом напоминает визиты Чичикова к помещикам. Но принципиальная разница заключается в том, что обе стороны – и Моржов, и посещаемые им дамы – прекрасно осведомлены о недостатках государственной системы в сфере образования, поэтому разговор о сертификатах прямолинеен и конкретен. Вообще, Моржову в большинстве случаев не везет с приобретением сертификатов у знакомых учителей, первоначальная логика чичиковского везения не сопутствует ему. Моржов нахрапист и даже чересчур самоуверен. Тонкость и деликатность Чичикова оказываются Моржовым не востребованы, «голливудское» геройство не включает в себя эту черту. Проницательность многих старых зна-

комых Моржова пробуждает уязвленную женскую гордость, которая уменьшает шансы на удачное завершение авантюры.

Но вопреки литературной традиции афера с собиранием сертификатов завершается в романе Иванова удачно. Седьмая, последняя часть романа, сотканная из аллюзий уже на комедию «Ревизор», является удачным завершением аферы Моржова: проверка на наличие несуществующих детей в МУДО проходит успешно. Отсюда можно сказать, что весьма своеобразно в романе воплощаются темы ревизора и ревизии.

Обратимся к двум формам воплощения темы ревизии в романе. Во-первых, ревизия у Иванова представлена в самом «чиновничьем» смысле этого слова. Чиновники должны приехать в Троельгу, где находится летний лагерь МУДО, для проверки качества его работы. Последняя часть романа начинается с цитатной отсылки к комедии Гоголя «Ревизор», которая произносится Моржовым, главным организатором обмана. Ивановым изображена предельная степень виртуозного цинизма «оболванивания» государственной системы. Во всей этой ситуации Моржов берет на себя не роль Хлестакова, так как он лишен яркого актёрского дарования и творческой легкости импровизации, а еще раз более органично и уже с пониманием дела входит в роль Чичикова с его предусмотрительностью и продуманностью деталей в общении с людьми, от которых многое зависит.

Также во всем этом «спектакле» особую значимость приобретает традиция несценических персонажей у Гоголя, которая четко была определена В. Набоковым: «...особая манера заставлять “второстепенных” персонажей высказываться при каждом повороте пьесы (романа или рассказа), чтобы на миг блеснуть своим жизнеподобием» [13. С. 432]. Роль несценических персонажей отводится как несуществующим детям, список которых сформирован из добытых Моржовым сертификатов, так и американским туристам, которые должны были приехать в летний лагерь МУДО в Троельге. Тут стоит отметить, что в самом начале романа совершенно по-гоголевски возникает новость о приезде американских детей в пионерский лагерь в Троельге. Естественно, никакие американские дети не приезжают, и весь летний лагерьный сезон «состоялся» за счет семи детей, посещавших во время учебного года кружки. Стечение данных обстоятельств порождает «спектакль» в романе, который должен представить вполне реалистичную картину бурной рабочей деятельности летнего лагеря, обусловленной присутствием в нём не только своих детей, но и американцев. Хитрости и уловки Моржова, основанные на верном сочетании деликатной угодливости и предсказуемых привычных условий наших национальных реалий (плохие дороги и мосты в загородной местности, гложущий служебный транспорт, помощь местного населения за вполне определенную и очевидную плату), позволяют пройти проверку.

Парадоксальность финала авантюры заключается в том, что цель, связанная с собиранием сертификатов, теряет для Моржова свой смысл по мере ее реализации. Во-первых, соблазнение всех работниц МУДО произошло по мере приближения к цели, во-вторых, вихрь событий, связанных с гибелью Аленушки, об-

наруживает совершенно новую грань героя времени. Грань Моржова как героя времени, сопряженную со вторым проявлением темы ревизии в романе. Своеобразной моржовской ревизии подвергаются виновники гибели Аленушки. Моржов вершит собственный суд, который по сути – самосуд, продиктованный отсутствием надежды на возможность торжества справедливости в современном мире. Подобная трактовка образа ревизора позволяет обнажить тупик в духовной жизни современника, осознающего отсутствие духовной метафизической реальности.

Финал романа – это исчезновение Моржова без пояснений, куда он исчез и как дальше сложится его судьба. Подобное окончание романа – это логическое завершение сюжета, в основе которого лежит диалог человека со временем. В этой попытке диалога, в силу сложившихся литературных традиций, обнажается невозможность диалога, герой при всем его соответствии эпохе, определённом навыке видеть и понимать время оказывается вытеснен на обочину современной жизни.

Таким образом, в романе А. Иванова гоголевский каталог сюжетов оказывается востребован для осмысления проблемы героя времени современной

эпохи. Соблюдение гоголевской последовательности рассмотрения ипостасей героя времени, с одной стороны, позволяет Иванову во всей полноте осмыслить и обозначить факт универсальности логики классика. С другой стороны, аллюзии на гоголевских героев в структуре образа Моржова обнажают очевидное противоречие между традиционными ценностными системами и современными. Сопряженная с темой героя времени концепция «кризиса вербальности» реализуется как на авторском уровне, так и на уровне героя. Причем можно говорить о точках соприкосновения между автором и героем. Автор проверяет возможность проявления «кризиса вербальности» на уровне словесной культуры, когда диалог с классиком возможен только при определенных смысловых трансформациях его сюжетных единиц. Моржов, в свою очередь, также проверяет возможность соотнесения себя с гоголевскими образами: насколько они адекватно и полно передают смысл его поступков. «Встреча» автора и героя происходит также в пространстве словотворчества с целью верного определения событий современной действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенедиктов К. Краевед становится новым Гоголем // Интернет-журнал «Новая политика». 2007. № 252. URL: <http://www.novopol.ru/~kraeved-stanovitsya-novym-gogolem--text22297.html> (дата обращения: 5.10.2014).
2. Черняк М. С Гоголем на дружеской ноге: юбилейные заметки // Знамя. 2009. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2009/6/ch14.html> (дата обращения: 20.10.2014).
3. Когут К.С., Хрящева Н.П. Образ «постистории» в романе Алексея Иванова «Блуда и МУДО» // Кормановские чтения. Ижевск, 2011. С. 300–311.
4. Иванов А. Блуда и МУДО. СПб.: Азбука, 2011. 480 с.
5. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000. 258 с.
6. Лепяхин В. Живопись и иконопись в повести Н.В. Гоголя «Портрет». По редакции «Арабесок». URL: <http://www.nesusvet.narod.ru/ico/books/lepahin2/gogol.htm> (дата обращения: 20.10.2014).
7. Анненский И. Портрет // Книга отражений. М., 1976. С. 13–20.
8. Этимологический словарь Фасмера. URL: <http://znachenieslova.ru/slovar/fasmer/boris> (дата обращения: 20.10.2014).
9. Большая энциклопедия русского народа. URL: <http://znachenieslova.ru/slovar/fasmer/boris> (дата обращения: 20.10.2014).
10. Словарь личных имен. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/personal_names/406/%D0%91%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%B2 (дата обращения: 20.10.2014).
11. Гоголь Н.В. Портрет // Собр. соч. : в 8 т. М., 1984. Т. 3. С. 89–141.
12. Беляков С. Блуда и диверсант // Новый мир. 2008. № 6. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2008/6/be13.html (дата обращения: 20.10.2014).
13. Набоков В.В. Государственный призрак // Собр. соч. : в 5 т. СПб.: Симпозиум, 1997. Т. 1. С. 400–522.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 28 октября 2014 г.

GOGOL TRADITION AND THE THEME OF THE HERO OF TIME IN A. IVANOV'S NOVEL *BLUDA I MUDO*

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 21–28. DOI 10.17223/15617793/391/3

Bal Vera Yu. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ver_bal@sibmail.com

Keywords: N.V. Gogol; A. Ivanov; modern Russian prose.

Alexey Ivanov's *Bluda i MUDO* (Fornication and MUDOApha), published in 2007, is a vivid example of a conscious and clear orientation to the creative legacy of Gogol. In the novel, the author considered the mores of modern society and the image of "the hero of time". The problem of the hero of time is one of the important themes of Russian literature which has not lost its relevance to contemporary writers. At the time Gogol comprehended the problem of "Hero of Time" through the images of artists (Piskarev, Chertkov), businessman-entrepreneur (Chichikov) and Revizor. Ivanov used this sequence of Gogol in the novel. Ivanov keeps Gogol's sequence considering the incarnation of the hero of time and this allows him to comprehend it in its entirety. In Ivanov's novel the hero of time is Morzhov who reflects the features of his era and at the same time sentences it. Like Gogol, Ivanov in his novel reveals the disastrous situation of the lack of spirituality in modern life, which is expressed in the absence of any moral guidelines. Morzhov's concept of "krizis verbalnosti" (crisis of the verbal) reflects the disease of modern society represented in the novel. The reason of the crisis of the verbal is a special type of modern thought which in the novel is defined as a "pixel". Pixel means a dot, fragmentary, superficial, lacking depth and true meaning. The plot of the novel logic is formed by relying on Gogol's narrative moves and reveals the exhaustion of the traditional system of values in modern society. Allusions to artists Chertkov and Piskarev can detect changes in the type of thinking and creative manner of the modern artist, like Morzhov. Through the key themes that accompany Gogol's artists, through themes of the "power of gold" and "ideal" the image of the artist is redefined. Comparison of Morzhov with Chichikov gives an opportunity to reflect the image of the modern adventurer who manages to deceive the public system. Identifica-

tion of different motives that drive Morzhov and Chichikov in their adventures allows designating a shift in the system of values of the modern era. Giving Morzhov the role of a judge who punishes the guilty is an opportunity to define the image of the Inspector in the modern reality. Such an interpretation of the image of the Inspector can detect a deadlock in the spiritual life of a contemporary who is aware of the lack of spiritual metaphysical reality.

REFERENCES

1. Benediktov K. Kraeved stanovitsya novym Gogolem [A local historian becomes the new Gogol]. *Novaya politika*, 2007, no. 252. Available from: <http://www.novopol.ru/~kraeved-stanovitsya-novyim-gogolem--text22297.html>. (Accessed: 5th October 2014); Chernyak M. S Gogolem na družeskoy noge: yubileynye zametki [On friendly terms with Gogol: anniversary notes]. *Znamya*, 2009, no. 6. Available from: <http://magazines.russ.ru/znamia/2009/6/ch14.html>. (Accessed: 20th October 2014).
2. Kogut K.S., Khryashcheva N.P. [The image of "post-history" in the novel by Alexey Ivanov Fornication and MUDAlpha]. *Kormanovskie chteniya* [Kormanovskiye readings]. Izhevsk, 2011, pp. 300–311. (In Russian).
3. Ivanov A. *Bluda i MUDO* [Fornication and MUDAlpha]. St. Petersburg: Azbuka Publ., 2011. 480 p.
4. Baudrillard J. *Prozrachnost' zla* [Transparency of the evil]. Moscow: Dobrosvet Publ., 2000. 258 p.
5. Lepakhin V. *Zhivopis' i ikonopis' v povesti N.V. Gogolya "Portret"*. *Po redaktsii "Arabesok"* [Art and iconography in N.V. Gogol's Portrait. By the edition of the Arabesque]. Available from: <http://www.nesusvet.narod.ru/ico/books/lepahin2/gogol.htm>. (Accessed: 20th October 2014).
6. Annenskiy I. *Kniga otrazheniy* [Book of reflections]. Moscow, 1976, pp. 13–20.
7. Vasmer M. *Etimologicheskii slovar'* [Etymological Dictionary]. Available from: <http://znachenieslova.ru/slovar/fasmer/boris>. (Accessed: 20th October 2014).
8. *Bol'shaya entsiklopediya russkogo naroda* [The Great Encyclopedia of the Russian people]. Available from: <http://znachenieslova.ru/slovar/fasmer/boris>. (Accessed: 20th October 2014).
9. *Slovar' lichnykh imen* [Dictionary of personal names]. Available from: http://dic.academic.ru/dic.nsf/personal_names/406/%D0%91%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%B2. (Accessed: 20th October 2014).
10. Gogol N.V. *Sobraniye sochineniy: v 8 t.* [Works. In 8 vols.]. Moscow, 1984. Vol. 3, pp. 89–141.
11. Belyakov S. *Bluda i diversant* [Fornication and saboteur]. *Novyy mir*, 2008, no. 6. Available from: http://magazines.russ.ru/novy_mi/2008/6/be13.html. (Accessed: 20th October 2014).
12. Nabokov V.V. *Sobraniye sochineniy: v 5 t.* [Works: in 5 vols.]. St. Petersburg: Simpozium Publ., 1997. Vol. 1, pp. 400–522.

Received: 28 October 2014

СУБЪЕКТНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ТЕМЫ ПОЗНАНИЯ В СБОРНИКЕ Н.С. ГУМИЛЁВА «ОГНЕННЫЙ СТОЛП»

Рассматривается субъектная структура сборника Н.С. Гумилёва «Огненный столп» в аспекте реализации темы познания. Познание интерпретировано в терминах личностной проблематики. Анализ ориентирован на выявление концептуального единства сборника посредством раскрытия тематического своеобразие произведений «Огненного столпа» в системе «субъектных форм выражения авторского сознания». Единство предопределено позицией автора, актуализирующей тематику познания как образно-сюжетный комплекс на субъектном уровне.

Ключевые слова: автор; тема познания; лирический субъект; лирический герой.

В современном гумилевоведении произведения, вошедшие в сборник «Огненный столп» (1921), становятся объектом многочисленных, нередко диаметрально противоположных интерпретаций. Указанным обстоятельством обусловлена актуальность подхода к рассмотрению сборника в плане его структурно-содержательной целостности, иными словами, в аспекте раскрытия авторского присутствия в тексте. Автор определяется как «совокупность творческих принципов, долженствующих быть осуществленными» [1. С. 26], а также как *концепция*, «некоторое мироотношение», воплощенные в произведении или группе произведений. При этом автор непосредственно в текст не входит – он опосредован, прежде всего, «субъектными формами выражения авторского сознания» (термин Б.О. Кормана) [2. С. 8].

В сборнике «Огненный столп» актуализированы следующие субъектные формы (типы лирического субъекта)¹:

– *лирический герой* (стихотворения «Лес», «Леопард», «Персидская миниатюра», «Заблудившийся трамвай», «Канцона первая», «Канцона вторая», «Слоненок», «У цыган», «Ольга», «Память», «Мои читатели»);

– *лирическое «МЫ»* («Шестое чувство», «Слово», «Молитва мастеров»);

– *«ролевой» герой* («Подражанье персидскому», «Пьяный дервиш»);

– *лирический повествователь* («Дева-птица»).

Также представлена особая *«интерсубъектная форма»* («Душа и тело», «Перстень»).

Лирический герой, по определению Б.О. Кормана, есть «носитель сознания и предмет изображения», субъект и объект одновременно. Лирический герой существует в качестве самостоятельной темы и отличается «известной определенностью бытового, житейского, биографического облика» [2. С. 48]. Грамматическими показателями формы являются наличие местоименной формы первого лица единственного числа, а также личные формы глаголов.

В случае употребления лирического «МЫ» субъект может совпадать с объектом, однако на первом плане здесь, как правило, круг явлений, передающий «убеждение во всеобщем характере закономерностей» [4. С. 19].

«Ролевая» лирика классифицируется как явление двусубъектное и двуродовое, развивающееся на путях лирики и драмы.

При использовании формы лирического повествователя («внеличной формы выражения авторского сознания») «высказывание принадлежит третьему лицу, а субъект речи грамматически не выявлен» [5. С. 314].

Необходимо отметить тенденцию к сближению форм лирического героя и лирического повествователя в произведениях с субъектом как героем повествования «о самом себе» (таковы балладные по сюжетной структуре стихотворения «Заблудившийся трамвай», «Леопард»; особое место занимает «Память» как текст с двусубъектной организацией), а также сближение лирического героя с *лирическим «Я»*, формой, характеризующейся возможной грамматической выраженностью субъекта и самоценной ролью объектного плана («Лес», «Персидская миниатюра», где на первом плане не субъективная оценка, но изображаемый предмет, определенное явление, событие). В стихотворениях «Ольга» и особенно «У цыган» наблюдается усиление качеств лирического «Я», которое, тем не менее, лишено статуса самостоятельной субъектной формы.

Следует указать на «оличнение» обобщенно-собирающего «МЫ» «Молитвы мастеров», его включенность в сферу лирического героя.

Отмеченная «интерсубъектная форма», представленная драматизированной лирикой сборника, обладает свойствами лирического героя (сосредоточенность на событиях внутреннего мира в стихотворении «Душа и тело»), лирического «Я» и лирического повествователя (объективация внутреннего мира), «ролевого» героя (наделение «души» и «тела» известной самостоятельностью посредством автора характеристики) либо объединяет повествователя и ролевого героя («Перстень»).

Каждая из субъектных форм по-своему «преломляет» художественно воссозданную реальность: один и тот же образ или мотив, попадая в контекст различных субъектов сознания, демонстрирует функциональную неоднородность (к примеру, образ вина и мотив опьянения в стихотворениях «Ольга» и «Пьяный дервиш»).

Обобщенно образно-сюжетная специфика реализуется на тематическом уровне. В тематическом отношении мир «Огненного столпа» сконцентрирован на антропологических универсалиях. Однако, как представляется, особое внимание следует обратить именно на *тему познания*, востребованную в творче-

стве старших символистов, особенно в произведениях В.Я. Брюсова – «наставника» Н.С. Гумилёва (период «ранних» сборников «Путь конквистадоров», «Романтические цветы», «Жемчуга»), и получившую в лирике последнего интенсивную разработку. Здесь в качестве примера актуальны декларации лирического героя «Пути конквистадоров» (ср.: «Но дальше песня меня уносит, / Я всей вселенной увижу звенья (здесь и далее далее курсив мой. – А.Б.), / Мое стремление иного просит, / Иных жемчужин, иных камней» («На мотивы Грига») [6. С. 59]), а также пафос стремления к «к новым землям», открытия «иных областей» цикла «Капитаны» в сборнике «Жемчуга». Герой восхищен мастерством «вольных каменщиков» (ср.: «Слова их скупы и случайны, / Но взоры ясны и упрямы, / Им древние открыты тайны, / Как строить каменные храмы» («Средневековые», сб. «Колчан») [Там же. С. 207], гением русского иконописца (ср.: «Я твердо, я так сладко знаю, / С искусством иноков знаком, / Что лик жены подобен раю, / Обетованному Творцом» («Андрей Рублев», сб. «Костер» [Там же. С. 230])). При этом углубленную трактовку и принципиально новое содержание тема познания получит в последнем прижизненно подготовленном к печати сборнике Н. Гумилёва, раскрываясь в области взаимодействия «субъектных форм выражения авторского сознания».

Вместе с тем, переходя к анализу субъектной реализации темы познания в сборнике, следует предварительно учесть значительное влияние параллельно развивающейся смысловой линии, связанной с темой смерти. Семантически ею объединен весь корпус текстов «Огненного столпа», при этом реализация темы на субъектном уровне дифференцирована в большинстве случаев употребления перечисленных субъектных форм.

Различие в эмоциональной озвученности семантики конца наиболее существенна для *лирического героя*. Очевидно, что восприятие факта смерти героем в таких стихотворениях, как «Лес» и «Леопард», «Персидская миниатюра» и «Заблудившийся трамвай», «Канцона первая» и «Канцона вторая», несходно. В первом случае неотвратимость «предположительна»: акцентируется, прежде всего, значительность и протяженность временной дистанции, отделяющей от конца («Когда я кончу *наконец* / Игру в cache-cache со смертью хмурой» («Персидская миниатюра»), «Или, *может быть*, когда умрем, / Мы в тот лес направимся вдвоем» («Лес») [6. С. 260]). Второй группой текстов представлен мрачный образ смерти: наступление ее приближено непосредственно к границам настоящего момента, момента переживания и его мгновенного отхода в необратимое прошлое; использован ряд конструкций, призванных зафиксировать «бездистантность» присутствия: «*Вот* затылок мне сдавила / Точно медная рука...» («Леопард») [Там же. С. 273], «Голову срезал палач и мне, / Она лежала вместе с другими / *Здесь*, в ящике скользком, на самом дне» («Заблудившийся трамвай») [Там же. С. 268], «Маятник старательный и грубый, / Времени непризнанный жених, / Заговорщицам секундам *рубит* / Головы хо-рошенькие их» («Канцона вторая») [Там же. С. 264].

Лирический герой обессилен и оставлен с моментом конца один на один (исключение – «Канцона вторая», где общая участь героя и его возлюбленной подчеркнута использованием местоимения «мы» с семантикой «доверительности»).

Образ времени и вводимая им тема судьбы, иначе говоря, *смысловая соотношенность будущего с прошлым и настоящим*, т.е. (в обозначенном контексте семантического поля «конца») *перспективы и отсутствия перспективы* с соответствующими им образно-эмоциональными эквивалентами, отсылают к открывающему «Огненный столп» стихотворению «Память». Собственно процесс воспоминания героя в стихотворении составляет план настоящего, в то время как череда объективации лирического героя (его «ипостаси») изолирована в прошлом. Важно отметить следующие моменты: во-первых, переход к будущему времени от настоящего (открытие перспективы) связан с моментом самоутверждения лирического героя, которое, в свою очередь, фиксирует событие *утвержденного знания*, что находит выражение, в частности, в интенсивном употреблении грамматического «Я»: «Я – угрюмый и упрямый зодчий / Храма, встающего во мгле, / Я возревновал о славе Отчей, / Как на небесах, и на земле» [6. С. 259]. Во-вторых, следует обратить внимание на эпизодичность акта знания в общей последовательности объективации героя, более того, на его охваченность настоящим (в данном случае можно говорить о напряженной символической связи образов смерти и настоящего времени как констатации факта естественной невозможности свободы движения во временных интервалах).

Причем, как можно видеть, активность настоящего осуществлена в сфере *лирического «МЫ»*, в противоречивом отношении слияния-отторжения с которым находится форма лирического героя. В стихотворении объединены сознание «МЫ», охватывающее сознание лирического героя как некоторую «точку приложения» закономерностей, точка зрения героя – его прошлое, настоящее и будущее, и, наконец, Память как особое начало, структурирующее личность в ходе самопознания.

Лирическое «МЫ» стихотворений «Слово» и «Шестое чувство» есть то, что позволяет рассматривать их не столько в плане «прогрессивной антропологии», сколько в ключе ветхозаветного понимания несовершенства человеческой природы.

За формой лирического «МЫ» закреплена семантика «отсроченной перспективы», что связано с ослаблением живой памяти («Но *забыли* мы, что осияно / Только слово среди земных тревог» («Слово») [6. С. 261]), непониманием (вопросительные конструкции «Шестого чувства»: «*Что делать нам с бессмертными стихами?*» [Там же. С. 266], «Так век за веком – *скоро ли, Господь?*» [Там же. С. 267]), т.е., в конечном итоге, *незнанием*. С тем в таком случае связано незнание? Наиболее очевидным представляется: с ослаблением автономии индивидуального начала «Я», его потерей в родово-природном универсуме, несвободой.

Возвращаясь к лирическому герою, укажем на аналогичный – «природный» – контекст гибели героя

в стихотворении «Леопард»: «Пальмы... с неба страшный пламень / Жжет песчаный водоем... / Данакиль припал за камень / С пламенеющим копьем» [6. С. 273].

Отчетливо связь смерти, родового сознания и забвения-незнания в настоящем прослеживается в стихотворении «Ольга»: «Все забыл я, что помнил ране / Христианские имена, / И твое лишь имя, Ольга, для моей гортани / Слаще самого старого вина» [Там же. С. 269–270]. Однако при этом, как видно, и в самозабвении присутствует элемент ценностного приятия.

В стихотворении «У цыган» также передано состояние «потери координат»: в восприятии субъекта стерта грань перехода от реального контекста к предощущаемым слоям бытия, что сообщает ситуации опасную двусмысленность. Представлена модель формы с проявленным, но пассивным перволичным субъектом. В завершении стихотворения подчеркнут внезапный переход к сознанию «МЫ»: «Что ж, господа, половина шестого? / Счет, Асмодей, нам приготовь!...» [Там же. С. 271].

Акт познания в стихотворении «Заблудившийся трамвай» выводит сознание героя за пределы детерминации (видения судьбы как роковой предопределенности), что, вместе с тем, не связано с целеполаганием и не выходит за пределы настоящего времени: «Понял теперь я: наша свобода – / Только оттуда бьющий свет», и далее: «И сразу ветер знакомый и сладкий, / И за мостом летит на меня / Всадника длань в железной перчатке / И два копыта его коня» [Там же. С. 269]. В этом плане сюжет «Заблудившегося трамвая» может быть истолкован как восхождение от незнания к знанию: «Где я? Так томно и так тревожно / Сердце мое стучит в ответ: / Видишь вокзал, на котором можно / В Индию Духа купить билет» [Там же. С. 268]. И все же основой эмоциональный тон стихотворения – это тон безысходности: герой находится во власти автоматизма, у него принципиально, бытийно отсутствует возможность «сойти на остановке».

Тенденция к некоторому смягчению трагизма связана в сборнике с определением личностного пространства, актуализированного в образах, несущих семантику позитивной уединенности, а также особой – «одомашненной» – экзотики; налицо сужение горизонта видения основного субъекта. Как нетрудно заметить, эти образы дублируют негативную семантику с «обратным знаком». Отсюда уподобление посмертной судьбы персидской миниатюре, любви – слоненку или сказочному лесу. Всюду здесь дифференцированность, творческая игра, ирония определяют течение лирического сюжета. Субъект (лирический герой) в то же время находится на некоторой дистанции от воображаемых картин, образов, явлений – герой не столько участник, сколько *пассивный созерцатель* (близость к форме *лирического «Я»*).

Важно отметить, что единственное стихотворение сборника, где лирический герой является самостоятельной, *отдельной* субъектной формой – «Канцона первая» – позитивно по тональности, что для Гумилёва в целом нехарактерно.

Тема познания в свете его *осуществленной* результативности доминирует в стилизованной «ролевой»

лирике сборника. Стихотворения «Пьяный дервиш» и «Подражанье персидскому» демонстрируют прямое утверждение ценности знания, представляя собой обращение к традициям суфийской поэзии. «Невежество» <...> состоит в том, что он (человек. – А.Б.) “забыл” о своем предназначении и ищет Истину-клад повсюду, но не в самом себе» [7. С. 75].

Драматизированная лирика сборника как наиболее «удобный» способ *разделения* субъектов речесознания в пределах одного произведения демонстрирует расширение позитивной трактовки темы познания. «Сверх-Я», объемлющее душу и тело в единственном стихотворении, связано с самоопределением: «Я тот, кто спит, и кроет глубина / Его невыразимое прозвание; / А вы, вы только слабый ответ сна, / Бегущего на дне его сознания!» [6. С. 263]. Схожая ситуация в стихотворении «Перстень», героиня которого совершает открытие нового ценностного измерения бытия: «Просто золото краше тела / И рубины красней, чем кровь, / И доныне я не умела / Понять, что такое любовь» [Там же. С. 275].

Познавательная перспектива открывается в стихотворении «Дева-птица» с *лирическим повествователем* и поэме «Звездный ужас». Однако в первом случае явлено несовпадение ищущего (дева-птица) и искомого (мальчик-птица) во времени (см.: [8. С. 264]), тогда как во втором предпринята попытка гармонизировать «трагедию познания» через сюжетное введение иного типа сознания, способного видеть *новое*: «И снова Гарра / Долго, долго на небо смотрела. / “Нет, – сказала, – это не цветочки, / Это просто золотые пальцы / Нам показывают на равнину, / И на море, и на горы зендов, / И показывают, что случилось, / Что случается и что случится”» [6. С. 282].

Если в поэме «Звездный ужас» со всей определенностью представлены два типа восприятия – точка зрения старшего поколения, живущего в настоящем, но принадлежащего всецело прошлому («Молчаливо ждали все, что скажет / Старший сын с седой бородой» [Там же. С. 279–280]), и новое видение окружающего мира, открытое младшему поколению, направленному в будущее, то корпус лирических текстов «Огненного столпа» воссоздает динамически развертывающуюся, направленную «по восходящей», но не находящую какого-либо итогового разрешения панораму моделей существования.

Осью семантического сюжета книги становится развитие способности «внутреннего видения», ориентированной на необходимость безошибочного выбора системы координат: «внешнебытийных» (пространственно-временных), социальных, нравственных и духовных. В этом смысле «последний вопрос» книги «Огненный столп» – это еще и вопрос *выживания*. Неслучайно в завершающем сборник стихотворении «Мои читатели» находим: «Но когда вокруг свиснут пули, / Когда волны ломают борта, / Я учу их, как не бояться, / Не бояться и делать что надо» [Там же. С. 278] (в тексте, таким образом, конкретизирован существенный аспект образа предполагаемого *адресата* высказывания).

Познание же, в поэтической терминологии Н. Гумилёва, получает особую трактовку: имеется в

виду, прежде всего, активность *отделенного* сознания – в противоположность пассивной «слитности», ведущей к незнанию.

Суть указанного процесса развития внутреннего видения заключается в выделении круга самоидентичности («Я»); исходная посылка лирической ситуативности ищет при этом опоры в абсолютной дифференцированности, несущей понимание единства в осознанной раздельности. Это *установка автора*, которая также может быть сформулирована как *идея «границы»*. Чем отчетливей проведены границы «Я», тем вероятнее достижение «позитивного результата» – таковы в общих чертах смысловой объем и направленность субъектной реализации темы познания в сборнике «Огненный столп». Интенция абсолютизации личностного начала в сборнике отвечает основным идеям русской персоналистической философии (Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский). В человеческой природе, по Н.А. Бердяеву, «есть образ абсолютной Личности», но в ней же заключен «дуализм принадлежности <...> к двум мирам, – миру божественному и свободному и миру животному и необходимому» [9. С. 278].

В черновых рукописях «Поэмы начала», близкой по времени создания к произведениям «Огненного столпа», содержатся три варианта второй песни первой книги «Дракон». В автографе 3 читаем о сотворении мира: «В этом мире блаженно-новом, / Как

сверканье и как тепло, / Было *между* (выделено автором. – А.Б.) числом и словом / И не слово и не число. // Превращая в тепло сверканье, / Светоносцем оно звалось, / Потому что *полное знание* / В нем едином дивно слилось. // И оно, помыслив *отдельность* / Как *священнейшее из прав*, / Разорвало святую цельность, / Красной молнией в бездну пав», и далее: «О *отдельность*! Ты пламень счастья / Даже в холоде и во тьме! / Ты блаженное сладострастье / Замышлять и желать и смеять! // В силе скрытое материнство / Ей открыло ее пути: / – *Уничтожиться как единство* / И как *множество расцвести*. // Но распавшиеся частицы / Друг ко другу вновь повлекло, / И как огненные зарницы / Полыхнули добро и зло» [10. С. 208–209].

В приведенном отрывке, помимо онтологизации ценности «разделенного» бытия, важно и то, что общий замысел «Огненного столпа» в данном контексте может рассматриваться как путь развития метафизической образности, связанной с масштабной художественной реконструкцией всемирно-исторического процесса и его преломлением в плане индивидуальной судьбы, что, в свою очередь, позволяет видеть в сборнике «Огненный столп» шаг к разработке лиро-эпоса нового типа, попытка создания которого фигурировала в числе задач «позднего» периода творчества Н.С. Гумилёва.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Субъект («субъект сознания»), по формулировке Б.О. Кормана есть тот, чье сознание выражено в тексте; наличие лирического субъекта – «минимальное условие лирического высказывания» [3. С. 182]. Основой приведенного перечня субъектных форм являются наиболее распространенные классификации Б.О. Кормана (автор-повествователь, собственно автор, лирический герой, герой «ролевой» лирики) и С.Н. Бройтмана (лирический повествователь, лирическое «Я», лирический герой, «ролевой» герой).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. С. 9–226.
2. Корман Б.О. Лирика Некрасова. Ижевск: Удмуртия, 1978.
3. Кузнецова И. Поэт и лирический герой: дуэт на карандашах // Октябрь. 2004. № 3. С. 181–189.
4. Корман Б.О. Лирика и реализм. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986.
5. Бройтман С.Н. Лирический субъект // Введение в литературоведение: учеб. пособие / Л.В. Чернец, В.Е. Хализев, А.Я. Эсалнек и др.; Под ред. Л.В. Чернец. М.: Высш. шк., 2004. С. 310–322.
6. Гумилёв Н.С. Стихи. Письма о русской поэзии / вступ. ст. Вяч. Иванова; сост., науч. подгот. текста, послесл. Н. Богомолова. М.: Худ. лит., 1990.
7. Степанянц М.Т. Восточная философия: Вводный курс. Избранные тексты. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997.
8. Маковский С.М. На Парнасе «Серебряного века» // Н.С. Гумилев: pro et contra / сост., вступ. ст. и прим. Ю.В. Зобнина. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2000. С. 255–266.
9. Бердяев Н.А. Опыт философского оправдания христианства (о книге Несмелова «Наука о человеке») // Духовный кризис интеллигенции / сост. и коммент. В.П. Сапова. М.: Канон+, 1998. С. 269–293.
10. Гумилёв Н.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М.: Воскресенье, 2001. Т. 4.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 23 ноября 2014 г.

SUBJECTIVE REALIZATION OF THE THEME OF COGNITION IN N. GUMILEV'S COLLECTION *THE PILLAR OF FIRE*

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 29–33. DOI 10.17223/15617793/391/4

Bichevin Anatoly G. Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: bichevin.an@yandex.ru

Keywords: author; theme of cognition; lyric subject; lyric hero.

In the article N.S. Gumilev's poetic collection *The Pillar of Fire* is considered in the aspect of different models of subjective realization of the theme of cognition. The theme of cognition prevails in the collection and determines the direction of developing the themes of fate and death, and is specified in the sphere of interaction between "the subjective forms of author's consciousness expression". The perspective of interaction between the "subjects of consciousness" is determined by the author's intention, revealing the strategy of the author's individual formulating the theme of cognition. Particularly, the scheme of relations between the forms of the lyric hero and the lyric "We" is important; it uncovers the models of "presence and absence of a perspective" in the solution of the

problems initiated by the development of the themes of time (fate) and death. "The dialogue of consciousnesses" is expressed in the tendency to separation of subjective forms (consciousnesses) as a positive reality in the artistic world of *The Pillar of Fire* and in merging the forms as a negative reality. Sovereignty of the subject (first of all, the lyric hero who is independent of "We"), synonymous with the act of cognition, gets a high value status, indicating the attempt of overcoming the universal determinism. The texts of *The Pillar of Fire* are analyzed according to the significance of each poem in the construction of a single plot, in the reflection about the ways of developing the ability of "inner vision", "methods" of independence. The poems "The Forest", "The Leopard", "The Persian Miniature", "The Tram that Lost its Way", "Canzonet One", "Canzonet Two", "A Baby Elephant", "Among the Gypsies", "Olga", "My Readers" demonstrate different approaches to the themes of fate and death in the sphere of the lyric hero. In "Memory" the meaning of correlation between the forms of the lyric hero and the lyric "We" is expressed. The poems "The Drunk Dervish" and "Imitation of the Persian" create the context of implemented knowledge by the reference to the traditions of Sufi poetry. "The Word" and "The Sixth Sense" show the model of "epistemological insolvency" of undifferentiated collective consciousness. Dramatized "The Soul and the Body" leads to the statement of the consciousness of "Super I". The narrative poems "Bird-Girl" and "Star Horror" and also the dramatic poem "Ring" open the prospect of mastering the new "recourses of cognition" by the characters of works. Among the reasons explaining the "centripetal" character of the author's intention the existential direction of the personality concept and the ideological context of age are pointed out. The "idea of borders" contributing to the definition of "the subjective drawing" is connected with the evolution of the poet's world view, appealing to metaphysical problems (the history of the world and the history of the spirit) and to the questions of its creative realization.

REFERENCES

1. Bakhtin M.M. *Avtor i geroy. K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [Author and hero. On the philosophical foundations of the humanities]. St. Petersburg: Azbuka Publ., 2000, pp. 9–226.
2. Korman B.O. *Lirika Nekrasova* [Lyrics by Nekrasov]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1978. 300 p.
3. Kuznetsova I. Poet i liricheskiy geroy: duet na karandashakh [Poet and lyrical hero: duo on pencils]. *Oktyabr'*, 2004, no. 3, pp. 181–189.
4. Korman B.O. *Lirika i realizm* [Lyrics and realism]. Irkutsk: Irkutsk State University Publ., 1986. 95 p.
5. Broytman S.N. *Liricheskiy sub"ekt* [The lyrical subject]. In: Chernets L.V. (ed.) *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to Literary Studies]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 2004, pp. 310–322.
6. Gumilev N.S. *Stikhi. Pis'ma o russkoy poezii* [Poems. Letters on Russian poetry]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. 383 p.
7. Stepanyants M.T. *Vostochnaya filosofiya: Vvodnyy kurs. Izbrannye teksty* [Eastern Philosophy: Introductory course. Selected texts]. Moscow: Vostochnaya literatura RAS Publ., 1997. 503 p.
8. Makovskiy S.M. *Na Parnase "serebryanogo veka"* [On the Parnassus of the Silver Age]. In: Zobnin Yu.V. *N.S. Gumilev: pro et contra*. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 2000, pp. 255–266.
9. Berdyaev N.A. *Opyt filosofskogo opravdaniya khristianstva (o knige Nesmelova "Nauka o cheloveke")* [Experience of philosophical justification of Christianity (Science of Man by Nesmelov)]. In: Sapov V.P. *Dukhovnyy krizis intelligentsii* [The spiritual crisis of the intelligentsia]. Moscow: Kanon + Publ., 1998, pp. 269–293.
10. Gumilev N.S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 10 t.* [Complete works. In 10 vols.]. Moscow: Voskresen'e Publ., 2001. Vol. 4.

Received: 23 November 2014

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ДОМАШНЕГО ПРОСТРАНСТВА В ЛИТЕРАТУРЕ РУССКОГО СЕНТИМЕНТАЛИЗМА

Анализируются особенности осмысления домашнего пространства в русском сентиментализме и выявляется их связь с установками гораццианства, с философией умеренности, простоты и близости к природе, противопоставленной соблазнам городской цивилизации. Описываются жанровые формы репрезентации дома, тяготеющие к идиллии. Намечаются два типа пространственных сюжетов, связанные с расширением идиллического домашнего пространства или с его разрушением из-за вторжения чуждого внешнего мира.

Ключевые слова: русское гораццианство; идиллия; сентиментализм; семиотика пространства; Г.Р. Державин; В.В. Капнист; М.Н. Муравьев; Н.М. Карамзин.

Роль домашнего пространства существенно изменяется при переходе от классицистической литературы к сентиментальной. В русском классицизме площадкой событий выступало в первую очередь универсально-космическое или обобщенно-социальное пространство, специфику которого отражала трагедия, где домашний интерьер обозначался лапидарно и не выполнял сюжетных или характерологических функций. О.Б. Лебедева применительно к трагедиям А.П. Сумарокова справедливо констатировала: «Камерность действия трагедии, ее единое место, тождественное сценической площадке, подчеркнуты в репликах персонажей словесным рядом, в котором сосредоточен сюжет трагедии: *дом (храм, темница) – чертоги (комнаты, хранилища, покои)*. Здесь нет действия как такового, здесь есть только сообщение о нем. События же происходят за пределами дома, в практически необозримом бесконечном пространстве, которое описано максимально обобщенно» (курсив мой. – О.Б.) [1. С. 119]. Обращение к домашнему пространству связывалось с низкими жанрами, комедией или сатирой, влияние которых к последней трети XVIII в. постепенно преобразовывало доминирующую поэтику. В комедиях В.В. Капниста и Д.И. Фонвизина, в лирике Г.Р. Державина дом становился уже не условной бытовой площадкой, но сферой существования героев, насыщаясь характерологическим содержанием.

Однако подлинное преобразование домашней семиотики принес только сентиментализм, изменивший эстетико-философские приоритеты [2. С. 20–53]. Сенсуализм сделал человека центром художественной панорамы, а главным предметом интереса – формирование его личности, происходящее под воздействием чувственных впечатлений. «Незначительные или почти незаметные впечатления, – утверждал Дж. Локк в “Мыслях о воспитании”, – производимые на нашу нежную организацию в детстве, имеют очень важные и длительные последствия» [3. С. 411]. Это обострило внимание к источникам личностного опыта, к ближайшей сфере бытия, очерченной, прежде всего, кругом дома и семьи, образцом чему может служить программа домашнего воспитания в основополагающем труде сентиментальной педагогики – «Эмиле» Ж.-Ж. Руссо: «Нет картины более прелестной, чем картина семьи; но недостаток одной черты портит все остальные. Если у матери слишком мало здоровья,

чтоб быть кормилицей, то у отца окажется слишком много дел, чтоб быть наставником. Дети, удаленные, разбросанные по пансионам, по монастырям и коллегам, перенесут в другое место любовь к родительскому дому или, лучше сказать, вынесут оттуда привычку ни к чему не быть привязанными» [4. С. 40]. Домашняя обстановка, организация домашнего пространства, отношения между членами семьи становились первичными факторами взросления ребенка и важнейшей характерологической чертой взрослого человека, усвоившего определенный способ жизни.

Органичному переходу от апологии внешнего мира к приоритету дома и частной сферы способствовало гораццианство, являвшееся не только литературным феноменом, но и влиятельной культурной практикой. Гораццианская философия, столь востребованная в позднем классицизме, как западноевропейском, так и русском, утверждала значимость малого личностного мира, своеобразного убежища от тревог и соблазнов мира большого, социально-исторического.

Как справедливо констатировал В. Каплун, гораццианство предлагало «...парадигму просвещенной “философской жизни” вдали от суетной, пустой и основанной на раболепстве жизни двора. Это жизнь “частного лица”, позволяющая сохранить спокойствие духа, достоинство и внутреннюю свободу» [5. С. 206]¹. Семья и любовь, дружба и творчество, природа и книги – вот истинные ценности уединенного философа, а их защитой и оградой выступает дом, личный микрокосм. В русской культуре он предстал в виде дворянского поместья и в пространственном плане включал в себя не только сам дом, но и окружающий садово-парковый комплекс². В таком качестве домашняя сфера рисуется, например, в державинской апологии гораццианства – в послании «Евгению. Жизнь Званская», начинающейся гимном умеренности и свободы:

Блажен, кто менее зависит от людей,
Свободен от долгов и от хлопот приказных,
Не ищет при дворе ни злата, ни честей
И чужд сует разнообразных! [8. С. 326].

Ритм повседневной жизни поместья – прогулки и любование природой, чтение и обед, хозяйственные заботы и игры с деревенскими детьми – организует художественную композицию, а ее пространственным центром становится дом, откуда герой выходит и куда неизменно возвращается:

Стекл заревом горит мой храмовидный дом,
На гору желтый всход меж роз осиявая,
Где встречу водомет шумит лучей дождем,
Звучит музыка духовая [8. С. 332].

Русский сентиментализм переосмыслил горацанскую пространственную семантику, сделав сельский дом едва ли не единственной сферой органичного существования, резко противопоставленной суете городской цивилизации. Классицистическая взаимодополнительность сменялась антитезой, как в «Послании к Дмитриеву» Н.М. Карамзина:

А мы, любя дышать свободно,
Себе построим тихий кров
За мрачной сению лесов,
Куда бы злые и невежды
Вовек дороги не нашли
И где б без страха и надежды
Мы в мире жить с собой могли... [9. С. 76].

Для поэта с образом дома-защиты был связан биографический контекст, обстановка пребывания в Знаменском. Н.М. Карамзин долгие годы не имел собственного дома, и его пристанищем становились дома друзей: вначале дом «Дружеского общества» (Масонский дом) в Кривоколенном переулке, затем, по возвращении из европейского путешествия, дом Плещеевых на Тверской улице. В 1793–1795 гг. таким домом был деревенский особняк Плещеевых. Как отметил Ю.М. Лотман, «мотив дома, скрытого дремучим лесом, характерен для Знаменского цикла и представляет собой символическое прочтение реального пейзажа» [10. С. 241].

В «Послании к Дмитриеву» были синтезированы основные сюжетные мотивы горацанства, и приобрел символично-пластическую завершенность сам образ дома. Его особая значимость определялась четко выраженной противопоставленностью большому миру, который в «Посвящении другу моего сердца», вступлении к авторскому альманаху «Аглая», назван «печальным»: «Мы живем в печальном мире, где часто страдает невинность, где часто гибнет добродетель» [9. С. 73]. В «Послании» оппозиция углубляется, «мрачный свет» здесь – обитель «злых и невежд», где «злодеи слабых угнетают, безумцы хвалят разум свой», где царствует «порок» и «истина опасна, одним скучна, другим ужасна» [Там же. С. 75–77]. Участвовать в делах этого мира, питая надежду «пременить людей», – значит вступить на путь высокой героики («И часто яд тому есть плата, // Кто гласом мудрого Сократа // Дерзает буйству угрожать») [Там же. С. 75], но отказаться от права быть просто человеком. Герой или мудрец-философ черпает силу в самом себе – человек слаб, и за его спиной должна стоять некая духовная общность. Только благодаря ей он может стать субъектом истории – выходя из дома и возвращаясь в него. Так пространственный образ жилища, окруженного лесом-оградой, превращается в этико-идеологическую метафору.

Пожалуй, наиболее последовательную апологию домашнего уединения мы найдем в лирике В.В. Капниста, убежденного горацанца. По заключению Клауса Шарфа, «...горацанские элементы определяли не только образ мыслей Капниста, его “менталитет”,

“психологию” или “идеологию”, но и его жизнь: дружба, уверенность в себе и автопортрет поэта, религия и философия жизни, похвала дворянской сельской жизни и критика города» [11. С. 410]. Программное воплощение они обрели в «Обуховке», сразу провозглашающей идеал камерного существования:

В миру с соседями, с родными,
В согласьи с совестью моей,
В любви с любезною семьей
Я здесь отрадами одними
Теченье мерю тихих дней [12. С. 261].

Эта мирная сельская жизнь противопоставлена городской суете, негативный образ которой Капнист создал в целом ряде стихотворений («Ничтожество богатств», «Против корыстолюбия», «Ода на счастье» и др.). Город видится поэту как бурлящий поток, но движение его бессмысленно и жестоко, способно скорее разрушить, исказить личность, чем принести истинное успокоение.

Так призрак счастья движет страсти,
Кружится ими целый свет.
Догадлив, кто от них уйдет:
Они всё давят, рвут на части,
Что им под жернов попадет [Там же. С. 262].

В этом свете деревенское поместье становится истинным прибежищем, а его центром выступает скромный дом:

Приютный дом мой под соломой
По мне, – ни низок, ни высок;
Для дружбы есть в нем уголок,
А к двери, знатным незнакомой,
Забыла лень прибить замок.

Горой от севера закрытый,
На злачном холме он стоит
И в рощи, в дальний луг глядит;
А Псёл, пред ним змеей извитый,
Стремясь на мельницы, шумит [Там же. С. 261].

У Капниста и в сентиментальной традиции в целом такой дом предстает обычно как «хижина», простое жилище, где «ни слоновая кость, ни золотой потолок не сверкают» (перевод эпиграфа к «Обуховке»), и в этом плане он наследует поэтике идиллии, хронотоп которой, по мысли М.М. Бахтина, отличается «органической прикреплённостью, приращённостью жизни и ее событий к месту – к родной стране со всеми ее уголками, к родным горам, родному долу, родным полям реке и лесу, к родному дому» [13. С. 158]. Дом здесь обособлен от большого мира и связан с жизнью рода, наследует его традиции. В пределах его разворачивается сюжет индивидуальной жизни, для него характерна цикличность, повторяемость событий, компенсируемая подробностью описаний, детализацией домашнего пространства. Цикличность домашнего бытия вписывается в цикличность природных ритмов.

При очевидной близости к мирообразу сентиментализма, запечатленного в «Обуховке», идиллический хронотоп дома отражал и современные тенденции. Прежде всего, это было связано с замкнутостью и самодостаточностью идиллического пространства, уже невозможных в иной эпохе. Даже негативно оце-

нивая внешний социально-исторический мир, авторы-сентименталисты не могли уйти от его влияния. В результате основным пространственным сюжетом становился выход героя за пределы домашней сферы, имеющий два возможных исхода – расширение дома до пределов универсума или крах идиллического хронотопа.

Для сюжета первого типа характерна диалектика замкнутости и открытости домашнего пространства. С одной стороны, связанной с горацианским культом дружбы, дом открыт для посещений, визитов, в нем всегда много людей, это место дружеских собраний и бесед. С другой стороны, отражающей творческую фантазию героя, само домашнее пространство стремится к расширению вовне, втягивая в свою сферу преобразованную в виде садов и парков природу: «пейзажные парки были второй зоной окружения дворца или виллы, за которой <...> шла очень часто третья <...> лес или сельская местность с хозяйственными постройками» [14. С. 290]. Такие кольца составляли единое целое с домом, раздвигая его территорию, как в «Обуховке», где беседка, маленький дом, вклинивается в окрестный лес:

Пред ним, в прогалине укромной,
Искусство, чтоб польстить очам,
Пологость дав крутым бутрам,
Воздвигнуло на горке скромной
Умеренности скромный храм [12. С. 261].

Образцом подобной организации пространственной сферы может служить «эмилиева трилогия» М.Н. Муравьева («Эмилиевы письма», «Обитатель предместия», «Берновские письма»). Для повествователей, в частности, очень значимо разграничение города и деревни, но не как стереотипных горацианско-руссоистских топосов, а с точки зрения личностных интересов³: столица, где живут адресаты Эмилия и автора Берновских писем, – это и место официально-должностной жизни (о ней неоднократно упоминает и Обитатель предместия), и средоточие духовно-интеллектуальных удовольствий (театр, Академия художеств, новые книги и т.п.), и пространство интенсивного общения, встреч с новыми людьми; деревня манит к себе иным, прекрасной природой, возможностью побыть частным человеком, большей интимностью контактов, сосредоточенностью занятий. Субъективность восприятия делает мягкими переходы между пространственными зонами, стоит вспомнить характеристику Обитателем своего предместья («Не выезжая из города, пользуясь всеми удовольствиями деревни, затем что живу в предместии» [16. С. 69]) как совмещающего достоинства сразу двух локусов.

Этим, возможно, объясняется и легкость перемещения персонажей, варьируемая в пределах от прогулки до переезда из города в город («И так между нами, как я почитаю тебя у берегов Невы, ты переносишься со скоростью ветра в необъятную окружность древней столицы» [Там же. С. 188]). Герои трилогии с равным правом могут быть названы и «странствователями», и «домоседами», вернее, такими редкими людьми, которые превращают любой уголок, где оказались, в свой дом. Сквозная интим-

зация пространства тоже, очевидно, следствие напряженной тяги к впечатлениям: так, почти каждое письмо цикла, начинаясь выразительной пейзажной или интерьерной зарисовкой, что акцентирует момент локальности, пространственной сосредоточенности, разворачивается в дальнейшем в насыщенный ряд встреч, занятий, раздумий. Пространство заполняется людьми, раздвигается благодаря их передвижениям (введение в сферу действия Малинников, поместья Былинских, и Красного Бора, места военного лагеря), обнаруживает еще неизвестные уголки (например, в эпизоде с Васильковым), радует редкостными картинами (описание грозы в «Берновских письмах») – и превращается в итоге в космос, в универсум, тем более что культура и ее орудия, особенно книгопечатание, позволяют «не выходя из горницы <...> узнать происхождение целой Европы» [16. С. 107]⁴. Так, очень органично для повествователей, «горница» или «домик» становятся аналогом мироздания, его знаковым замещением, будучи одновременно отражением личности самого героя, жилище или поместье которого глубже характеризует человека, нежели его слова о себе (ср. дом и деревни графа Благоворова vs имения анонимного Князя).

Второй пространственный сюжет связан с вторжением внешнего мира в домашнее пространство, в результате чего нарушается идиллическая обособленность и происходит разрушение дома. Воплощение его мы находим у Н.М. Карамзина в повести «Бедная Лиза»⁵. Уже во вступлении обозначается антитеза большого мира, представленного Москвой, «сей ужасной громадой домов и церквей» [20. С. 605], и скромного жилища Лизы, теперь разрушенного и запустевшего: «Саженьях в семидесяти от монастырской стены, подле березовой рощицы, среди зеленого луга, стоит пустая хижина, без дверей, без окончин, без полу; кровля давно сгнила и обвалилась. В этой хижине лет за тридцать перед сим жила прекрасная, любезная Лиза с старушкою, матерью своею» [Там же. С. 607]. Предопределенность финала смещает интерес повествования к его причине, которой становится контакт двух миров – выход героини за пределы дома в город, чуждое пространство.

Носителем его ценностей и способа существования становится Эраст. Первое появление Эраста в пространстве Лизы столь внезапно, что напоминает пробуждение от долгого сна: «На другой день ввечеру сидела она под окном, прядла и тихим голосом пела жалобные песни, но вдруг вскочила и закричала: “Ах!...” Молодой незнакомец стоял под окном» [Там же. С. 609]. Герой далеко не случайно появляется в окне. Окно здесь – символ эмоциональной открытости, жажды нового; в пространственном плане оно предназначено не столько для защиты от вторжения (это функция двери), сколько для контакта с внешним миром.

После прихода Эраста идиллический распорядок дома-хижины меняется, и это приводит Лизу в смещение: «Лиза возвратилась в хижину свою совсем не в таком расположении, в каком из нее вышла» [Там же. С. 613]. Примечательно, что вскоре сам дом перестает быть центром личного пространства героини – свидания с Эрастом проходят вне хижины: «После сего

Эраст и Лиза, боясь не сдержать слова своего, всякий вечер виделись (тогда как Лизина мать ложилась спать) или на берегу реки, или в березовой роще, но всего чаще под тению столетних дубов (саженях в осьмидесяти от хижины) – дубов, осеняющих глубокий чистый пруд, еще в древние времена ископанный» [20. С. 613]. Природа заступает место дома, воплощая переход из сферы упорядоченного существования в мир «естественных» страстей, все более интенсивных. Нагнетание ситуации сопровождается в финале возмущением природных стихий, что превращает идиллическую гармонию в хаос. Лиза оказывается изгнанницей, она уже не может найти себе покоя ни в одном пространстве и даже словно отдалается от самой себя, «вышла из города и вдруг увидела себя на берегу глубокого пруда» [Там же. С. 620]. Разрушение мира героини влечет за собой необратимые последствия – ее гибель, а вместе с ней гибель дома, становящегося выморочным пространством: «Лизина мать услышала о страшной смерти дочери своей, и кровь ее от ужаса охладела – глаза навек закрылись. Хижина опустела. В ней воет ветер, и суеверные поселяне, слыша по ночам сей шум, говорят: “Там стонет мертвец; там стонет бедная Лиза!”» [Там же. С. 621].

Специфический вариант деформация домашнего пространства обрела в повести «Остров Борнгольм» Н.М. Карамзина. Уже начало повествования связало два мотива, домашнего уюта, творческих забав дружеского круга («устроимся в тихом кабинете своем <...> сядем вокруг алого огня и будем рассказывать друг другу сказки, и повести, и всякие были») и путешествия, «странствия в чужих землях, далеко, далеко от моего отечества» [20. С. 661]. Связаны они медиальным мотивом возвращения. Нарратор мыслит его как свою последнюю цель, как отказ от путешествий и обретение покоя: «Отечество и друзья ожидают тебя; время успокоиться в их объятиях, время посвятить страннический жезл твой сыну Маину, время повесить его на густейшую ветвь того дерева, под которым играл ты в юных летах своих» [Там же. С. 661–662]. Но непредсказуемой игрой обстоятельств, судьбы, возвращение затрудняется и превращается в поиск пути домой. Его главное условие – преодоление препятствий, одно из которых символизирует образ моря [21. С. 575–622], непредсказуемой стихии, в любой момент готовый поглотить человека: «Чтобы живо чувствовать всю дерзость человеческого духа, – патетически восклицает автор, – надобно быть на открытом море, где одна тонкая дощечка <...> отделяет нас от влажной смерти, но где искусный пловец, распуская парусы, летит...» [20. С. 664].

Семантика противоборства стихии, вызывающего напряжение духовных сил и повышенную, даже болезненную чувствительность к неожиданно возникающим ситуациям и впечатлениям (ср. частотность наречия «вдруг» в тексте), сопутствует, тем самым, развитию мотива страсти. В повествовании усиливается эмоционально-экспрессивное начало⁶, и это подготавливает к восприятию центральной ситуации – встрече сначала с молодым человеком, поющим о своей несчастной и запретной любви, а затем и с оби-

тателями мрачного замка, девушкой и старцем, открывающими путешественнику ужасную семейную тайну. Так становится очевидным и второе условие возвращения домой – преодоление страстей, их обуздание, пусть насильственными средствами⁷.

В этом контексте сам образ дома существенно изменяется, он превращается в крепость, не столько укрывающую героев от внешнего мира с его историческими коллизиями, сколько спасающую мир от разрушительных желаний обитателей замка. Это дом-темница, открытый для гостей, но закрытый для его хозяев. Показательно и то, что семантика затерянного в море острова тоже трансформируется: это остров одиночества, лишенный связей с другими, общение с путешественником и само его пребывание в замке своей случайностью подчеркивают принципиальную невозможность для героев регулярной коммуникации, даже отношения между близкими людьми здесь принудительны. В сферу отчуждения вовлекается и повествователь, вначале как человек, в котором просыпаются неясные и томительные чувства, симптомы душевной раздвоенности, а затем и как автор, осознающий невозможность продолжить повествование ввиду его дисгармоничности. В результате возвращение домой, программная цель героя, отодвигается все дальше, заслоняемая наплывом новых переживаний и ситуаций, и не будь вступительного фрагмента, мы так и не узнали бы, вернулся ли он на Родину⁸.

Символическим противовесом образу дома-замка с его мрачным готическим обликом и подавляемыми преступными страстями выступил в первой книге «Аглаи» идиллический образ дома-хижины, пристанища обыкновенных, незаметных людей с чувствами простыми и ясными. Таково жилище Маши и Анюты из «Нежности дружбы в низком состоянии», открытое для окружающего мира (недаром это постоянный двор), но духовно независимое от него. Этот дом – своеобразный микрокосм, средоточие основополагающих ценностей общежития, любви, уюта, труда, душевной искренности: «Мы рады всегда белому свету; встаем, молимся Богу, целуемся, работаем с охотой, шутим, смеемся, говорим почти без умолку; а когда сказать нечего, так взглядываем друг на друга. После работы отдыхаем, играем с детьми, и не видим, как проходит день» [25. С. 82]. Между тем и здесь сюжет поиска заявляет о себе: дом обретается героями после вынужденной разлуки, выхода в большой мир и испытания одиночеством. Ценность близкого окончательно понимается только в удалении от него, и весь динамический план произведения (путешествие) развивается на основе элегической ситуации потери друга (пребывание Анюты в Москве), так окончательно и не исчерпанной (болезнь Маши, ее возможная смерть), и идиллического мотива возвращения (ср. природно-пейзажный фон пешего странствия vs образ моря в «Острове Борнгольм»). Так окончательно утверждается телеология дома: «Благополучно пришли мы домой, взяли своих малюток, наняли себе эту избу, и стали держать постоянной двор. – Бог к нам милостив, сударыня; дети наши не терпят нужды» [Там же. С. 88].

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. о рецепции творчества Горация в [6].
- ² См. о гораццианском начале в русской усадебной культуре в [7].
- ³ Ср. замечание И.Ю. Фоменко по поводу дневниковой записи Муравьева о прогулках по городу и его предместьям: «Город и деревня в этом описании не контрастируют, не изображены как чуждые и враждебные друг другу сферы бытия. <...> Муравьев склонен в равной степени наслаждаться и извлекать для себя пользу и из того, и из другого» [15. С. 122].
- ⁴ Ср. также наблюдения В.Н. Топорова и В.С. Киселева в [17. С. 386–516; 18. С. 64–89].
- ⁵ См. подробнее о пространственной организации повести в [19. С. 164–205].
- ⁶ См. о лирической атмосфере повести в [22. С. 100–116].
- ⁷ Мотив страстей, его исторический и философский контекст полно рассмотрены в работах В.Э. Вацура [23. С. 190–209] и П.А. Орлова [24. С. 197–234].
- ⁸ Роль композиционной рамы выполняет и следующий далее в альманахе «Аглая», месте первой публикации повести, текст «Путешествия в Лондон», фрагмент из «Писем русского путешественника», от лица которого ведется повествование. О его возвращении известно заранее, поэтому сюжет поиска дома обретает в итоге более оптимистическое звучание. См. о повествовательной связи «Острова Борнгольм» и «Писем» [10. С. 239–240].

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебедева О.Б. История русской литературы XVIII века : учеб. М., 2003.
2. Киселев В.С. Метатекстовые повествовательные структуры в русской прозе конца XVIII – первой трети XIX века : дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2006.
3. Локк Дж. Соч. : в 3 т. М., 1988. Т. 3.
4. Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения : в 2 т. М., 1981. Т. 1.
5. Каплун В. «Жить Горацием или умереть Катонem»: российская традиция гражданского республиканизма (конец XVIII – первая треть XIX века) // Неприкосновенный запас. 2007. № 5.
6. Busch W. Horaz in Rußland: Studien und Materialien. München, 1964.
7. Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. М., 2003.
8. Державин Г.Р. Полное собрание стихотворений. Л., 1957.
9. Карамзин Н.М. Полное собрание стихотворений. М. ; Л., 1966.
10. Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина // Лотман Ю.М. Карамзин. СПб., 1997.
11. Шарф К. Гораццианская сельская жизнь и европейский дух в Обуховке: Дворянский интеллигент Василий Капнист в малороссийской провинции // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века. М., 2012.
12. Капнист В.В. Избранные произведения. Л., 1973.
13. Бахтин М.М. Эпос и роман. СПб., 2000.
14. Лихачев Д.С. Поэзия садов. Л., 1982.
15. Фоменко И.Ю. Из прозаического наследия М.Н. Муравьева // Русская литература. 1981. № 3.
16. Муравьев М.Н. Полное собрание сочинений. СПб., 1819. Ч. 1.
17. Топоров В.Н. Из истории русской культуры. Том II: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Книга I. М., 2001.
18. Киселев В.С. Метатекстовые повествовательные структуры в русской прозе конца XVIII – первой трети XIX века. Томск, 2006.
19. Топоров В.Н. «Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения. М., 1995. С. 164–205.
20. Карамзин Н.М. Избранные сочинения : в 2 т. М. ; Л., 1964. Т. 1.
21. Топоров В.Н. О «поэтическом» комплексе моря и его психофизиологических основах // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.
22. Канунова Ф.З. Из истории русской повести (Историко-литературное значение повестей Н.М. Карамзина). Томск, 1967.
23. Вацура В.Э. Литературно-философская проблематика повести Карамзина «Остров Борнгольм» // Державин и Карамзин в литературном движении XVIII – начала XIX века. Л., 1969 (XVIII век. Сб. 8).
24. Орлов П.А. Русский сентиментализм. М., 1977.
25. Аглая. М., 1794. Кн. 1.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 17 сентября 2014 г.

PHENOMENOLOGY OF DOMESTIC SPACE IN THE LITERATURE OF RUSSIAN SENTIMENTALISM

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 34–39. DOI 10.17223/15617793/391/5

Bolotnikova Olesya N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: bolotnikovao@mail.ru

Keywords: Russian imitation of Horace; idyll; sentimentalism; semiotics space; G.R. Derzhavin; V.V. Kapnist; M.N. Muravjov; N.M. Karamzin.

In Russian classicism, a platform of events was universal cosmic or generalized social space, and an appeal to the domestic sphere was associated with low genres, comedy or satire. Sensationalism made man a centre of the artistic panorama, and the main subject of interest became the formation of their personality which occurs under the influence of sensory impressions. It heightened attention to the sources of personal experience, to the nearest sphere of being delineated primarily by the range of home and family. Organic transition from the outside world apology to the priority of home and private sphere was contributed to by Horationism (imitation of Horace) which is not only a literary phenomenon, but also an influential cultural practice. The article analyses the features of home space reflection in Russian sentimentalism and reveals their relationship with orientations of Horationism, with the philosophy of moderation, simplicity and closeness to nature, opposed to the temptations of urban civilization. Sentimentalism reinterpreted Horatian spatial semantics, making a rural house almost the only area of organic existence. Classic complementarity of the public and the private was replaced by an antithesis, like in V.V. Kapnist's "Obukhovka" or N.M. Karamzin's "Epistle to Dmitriev". In the sentimental tradition, the house usually appeared as a "hut", a simple home. In this regard, it followed the poetics of an Idyll (periodicity, recurrence of events, details). Yet, it reflected a contemporary trend where the basic spatial plot became the hero's going beyond the domestic sphere with two possible outcomes: extension of the house to the limits of the universe (M.N. Muravjov's "Trilogy of Emily") or collapse of the idyllic chronotope due to the alien invasion of the outside world (N.M. Karamzin's "Poor Liza"). The image of the house had a specific variation in the story "The Island of Bornholm" by N.M. Karamzin, where it turned into a fortress

which saves the world from the destructive desires of the castle inhabitants rather than gives the heroes a shelter from the outside world with its historical collisions.

REFERENCES

1. Lebedeva O.B. *Istoriya russkoy literatury XVIII veka* [The history of Russian literature of the 18th century]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 2003. 418 p.
2. Kiselev V.S. *Metatekstovye povestvovatel'nye struktury v russkoy proze kontsa XVIII – pervoy trety XIX veka*: dis. d-ra filol. nauk [Metatextual narrative structures in the Russian prose of the end of the 18th – the first third of the 19th centuries. Philology Dr. Diss.]. Tomsk, 2006.
3. Locke J. *Sochineniya: v 3 t.* [Works. In 3 vols.]. Moscow, 1988. Vol. 3.
4. Rousseau J.-J. *Pedagogicheskie sochineniya: v 2 t.* [Pedagogical works: in 2 vols.]. Moscow, 1981. Vol. 1.
5. Kaplun V. "Zhit' Goratsiem ili umeret' Katonom": rossiyskaya traditsiya grazhdanskogo respublikanizma (konets XVIII – pervaya tret' XIX veka) ["Live like Horace or die like Cato": Russian tradition of civic republicanism (the end of the 18th – the first third of the 19th centuries)]. *Neprikosnovennyy zapas*, 2007, no. 5.
6. Busch W. *Horaz in Rußland: Studien und Materialien*. München, 1964.
7. Dmitrieva E.E., Kuptsova O.N. *Zhizn' usadebnogo mifa: utrachennyy i obretennyy ray* [Life of the manor myth: lost and found paradise]. Moscow: OGI Publ., 2003. 528 p.
8. Derzhavin G.R. *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel' Publ., 1957.
9. Karamzin N.M. *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete Poems]. Moscow; Leningrad, 1966.
10. Lotman Yu.M. *Karamzin*. St. Petersburg: Iskustvo Publ., 1997. (In Russian).
11. Sharf K. *Goratsianskaya sel'skaya zhizn' i evropeyskiy dukh v Obukhovke: Dvoryanskiy intelligent Vasiliy Kapnist v malorossiyskoy provintsii* [Horatian rural life and the European spirit in Obukhovka: Nobility intellectual Basil Kapnist in Little Russian province]. In: Glagoleva O., Shirle I. (eds.) *Dvoryanstvo, vlast' i obshchestvo v provintsial'noy Rossii XVIII veka* [Nobility, government and society in the provincial Russia of the 18th century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012.
12. Kapnist V.V. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Leningrad: Nauka Publ., 1973.
13. Bakhtin M.M. *Epos i roman* [The epos and the novel]. St. Petersburg: Azbuka Publ., 2000. 304 p.
14. Likhachev D.S. *Poeziya sadov* [Poetry of gardens]. Leningrad: Nauka Publ., 1982. 341 p.
15. Fomenko I.Yu. Iz prozaicheskogo naslediya M.N. Murav'eva [The prose heritage of M.N. Murav'ev]. *Russkaya literatura*, 1981, no. 3.
16. Murav'ev M.N. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. St. Petersburg, 1819. Pt. 1.
17. Toporov V.N. *Iz istorii russkoy kul'tury* [From the history of Russian culture]. Moscow, 2001. Vol. 2, book 1.
18. Kiselev V.S. *Metatekstovye povestvovatel'nye struktury v russkoy proze kontsa XVIII – pervoy trety XIX veka*: dis. d-ra filol. nauk [Metatextual narrative structures in the Russian prose of the end of the 18th – the first third of the 19th centuries. Philology Dr. Diss.]. Tomsk, 2006.
19. Toporov V.N. "Bednaya Liza" Karamzina. *Opyt prochleniya* [Poor Liza by Karamzin. The experience of reading]. Moscow: RGGBS Publ., 1995, pp. 164–205.
20. Karamzin N.M. *Izbrannye sochineniya: v 2 t.* [Selected works: in 2 vols.]. Moscow; Leningrad, 1964. Vol. 1.
21. Toporov V.N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in the mythopoetic]. Moscow: Progress – Kul'tura Publ., 1995.
22. Kanunova F.Z. *Iz istorii russkoy povesti (Istoriko-literaturnoe znachenie povestey N.M. Karamzina)* [From the history of the Russian novel (historical and literary value of the stories by N.M. Karamzin)]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1967. 188 p.
23. Vatsuro V.E. *Literaturno-filosofskaya problematika povesti Karamzina "Ostrov Borngol'm"* [Literary and philosophical problems in Karamzin's The Island of Bornholm]. In: Makogonenko G.P. (ed.) *Derzhavin i Karamzin v literaturnom dvizhenii XVIII – nachala XIX veka* [Derzhavin and Karamzin in the literary movement of the 18th – early 19th centuries]. Leningrad, 1969.
24. Orlov P.A. *Russkiy sentimentalizm* [Russian sentimentalism]. Moscow: Moscow State University Publ., 1977. 271 p.
25. *Aglaya*, 1794, book 1.

Received: 17 September 2014

РУССКАЯ «ГРИБНАЯ» МЕТАФОРА И СПОСОБЫ ЕЕ ЭКВИВАЛЕНТНОГО ПЕРЕВОДА НА ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫК

На материале тематической группы наименований грибов русского и итальянского языков исследуются вопросы лексической лакунарности и связанные с ней проблемы перевода метафорической лексики. Сопоставительный анализ данных наименований в двух языках позволил выявить лексические лакуны в итальянском языке, причины их существования и способы их заполнения при переводе текстов разных жанров. Исследование выполнено в рамках лингвокультурологии, сопоставительной лексикологии и теории перевода.

Ключевые слова: лингвокультурология; фитометафора; сопоставительный анализ; лакунарность; межъязыковая лакуна; лексическая лакуна; практика перевода.

Существует множество дефиниций и классификаций понятия «лакуна». Лакуны, например, разделяются на «лингвистические» и «экстралингвистические» (культурологические), на «когнитивные», «семантические» и «лексические» и т.д. Лингвистические лакуны могут быть «внутренними», выявляющимися при изучении языковой системы одного языка, и «межъязыковыми», выявление которых возможно в процессе сопоставительного исследования языков. О классификации лакун по разным основаниям подробно пишет в своей диссертационной работе Г.В. Быкова [1].

Предметом нашего исследования являются межъязыковые лексические лакуны, связанные с метафорическим осмыслением природного мира.

В статье лакунарность изучается не относительно наименований грибов, которые присутствуют в обоих языках, а относительно метафорических значений в лексических системах данных языков.

В процессе сопоставления, по словам Г.В. Быковой, «нетрудно убедиться, что нередко лексическая единица одного языка не находит словарного эквивалента в другом. Теория и практика перевода, а также методика обучения иностранным языкам знают множество примеров, когда понятие, выраженное в одном языке, не имеет наименования в другом языке» [1. С. 50]. Об этом свидетельствует тематическая группа (далее ТГ) «Наименования грибов», анализ которой представляет немалый интерес, поскольку она мало исследована в двух языках (Л.Ф. Пуцилева [2], Т.Н. Панкова [3], А.Г. Дементьева [4]). Мы обнаружили, что в русском языке грибные наименования (*мухомор*, *боровик*, *поганка*, *опенок*, *сморчок* и др.) развивают метафорические значения, а в итальянском даже не вызывают образных ассоциаций: единственным метафорически продуктивным является слово *гриб*. Оно развивает переносное значение в обоих языках на основании визуального признака – формы предмета (в русском языке *атомный гриб*, *грибок* в значении «клапан», *грибок* во дворе и т.д.; в итальянском *fungo atomico* – атомный гриб, *fungo dell'innaffiatoio* – сетка лейки, букв. гриб лейки и т.д.) или на основании особенностей растения – их быстрого роста (в обоих языках *расти*, как *грибы* – *crescere come funghi*).

Таким образом, данная ТГ для русских и итальянцев имеет разную коммуникативную значимость. Конечно, коммуникативная значимость языковой единицы, по-видимому, связана со значимостью выражаемого ею концепта для культуры народа [5. С. 77].

Н.И. Конрад, Ю.А. Сокорин и И.Ю. Марковина утверждают, что именно на взаимосвязь языка и культуры опирается понятие лакуны [1. С. 24]. Однако внеязыковая действительность, окружающая носителей двух языков, не должна обязательно различаться, а «может быть абсолютно идентичной, и все же один язык замечает и лингвистически оформляет те стороны этой действительности, которые другой язык предпочитает не выражать. Таким образом, лакуна – это отсутствие лексемы при наличии концепта (мыслительного образа) у носителей языка» [6. С. 7].

Следует отметить, что и в России, и в Италии растут грибы, и обе страны имеют богатый опыт использования грибов, и в обоих языках существует более сотни названий разных видов грибов. Однако, заметим, ни в одной стране не было таких грибных промыслов, как в России, в хозяйстве которой лесной промысел занимал большое место. Грибы и ягоды являются одними из главнейших компонентов русской кухни, используемых во множестве национальных блюд. На наш взгляд, значимость лесных продуктов, являющихся важной составляющей русского быта и, соответственно, значимость наименований грибов в словаре говорящих, а также относительно регулярная метафоризация фитонимов объясняют активный процесс метафоризации в этой лексической области. Сочетания собственно языковых тенденций и внеязыковых факторов способствуют появлению регулярных «грибных» метафор в русском языке. Отсутствие грибных метафор в итальянском языке объяснить непросто: собственно языковые факторы в равной мере способствуют образованию вторичных переносных значений в обоих языках (см. закон семантической аналогии Ю.Д. Апресяна [7] и явление регулярной многозначности, отмеченное Д.Н. Шмелёвым [8, 9], Э.В. Кузнецовой [10] и Ю.Д. Апресяном [11]). Можно предположить, что особую важность в процессе семантической деривации приобретают «фоновые знания», связанные со значимостью предмета для социума.

В данной работе мы рассматриваем метафоры *сморчок*, *мухомор*, *поганка* и *старый гриб*, которые развивают в большинстве случаев негативную семантику. В частности, мы исследуем семную структуру метафорических значений, зафиксированных в словарях, и их коммуникативное варьирование на материа-

ле Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [12], для того чтобы выявить способы адекватного перевода многоплановых русских метафор на итальянский язык, не имеющий соответствующей метафорической подсистемы. Мы считаем, что выявление новых денотативных и коннотативных компонентов в метафорическом значении (семное варьирование лексической единицы в речи) очень важно для лучшего понимания и освоения переносного значения изучаемыми русский язык как иностранный.

Рассматривая метафорическое значение слова *сморчок*, отраженное в словарях («прост. о маленьком, невзрачном или старом, морщинистом человеке. – *Вы знаете этого... этого Кишкина? – Кажется, где-то видал: такой гнусный сморчок.* Мамин-Сибиряк. Золото» [13. Т. 4. С. 157]), мы выделили несколько основных сем: *маленький рост, слабость, малосильность, невзрачность, старость, дряхлость, сморщенность* и эмоциональная оценка «*отвращение, пренебрежение, презрение*». Основные семы переносного значения связаны с визуальным (*сморчок* – гриб маленький, неказистый, сморщенный) и осязательным (на ощупь гриб дряблый) ощущениями.

Однако переносное значение этого слова, представленное в словаре, не дает полной картины семного варьирования, широко представленного в реальной коммуникации. Мы обнаружили, что фитометафора *сморчок*, варьируясь, развивает новые коннотации, как, например, выражение социального неравенства субъекта и объекта оценки: *Бригадир на него только глазами сверкнул. – Своё дело знай, сморчок! Таскай кирпичи!* (А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича); выражение возрастной разницы говорящего и объекта-адресата оценки: *он схватил сына за чуб. – Ты знаешь, сморчок поганый, что за это будет? Знаешь?* (Михаил Бубеннов. Белая береза). Метафора *сморчок* интерпретирует комплекс качеств, как внешних, так и внутренних. Иногда эти характеристики «сходятся» в одном объекте оценки, иногда актуализируются моральные качества, оценка же преобладает отрицательная: *Надо видеть, как этот сморчок строит из себя супермена. <...> И только я знаю, какой он есть на самом деле. Трусливый, закомплексованный дурак, который оттягивается на унижении тех, кто слабее и похож на него же* (Галина Щербакова. Моление о Еве).

В случаях, когда фитометафора используется только для описания внешнего вида человека, вполне может происходить смягчение отрицательной оценки: *слабый, немощный, сморщенный, старый, но добрый*. Например: *Он был совершенный сморчок, старичишка добрый* (Ф.Ф. Вигель. Записки). *Сморчок*, существительное мужского рода, обычно употребляющееся по отношению к мужчинам, может характеризовать и существо женского пола: *Ирина сидела на диване между князем Кoko и г-жою X., известною некогда красавицей и всероссийской умницей, давным-давно превратившейся в дрянной сморчок, от которого отдавало постным маслом и выдохшимся ядом* (И.С. Тургенев. Дым). Если физические характеристики человека (старость, дряхлость, сморщенность, невзрачность) и презрительная оценка метафоры

сморчок зафиксированы в словарях, то нравственный, гендерный, социальный и возрастной компоненты выявляются только в контекстном анализе. Таким образом, можно говорить об активном развитии данной фитометафоры.

Семантика лексемы *сморчок*, представленная в словарях, вполне соотносима с метафорическим значением словосочетания *старый гриб* («о старом и обрюзгшем человеке» [14. С. 145] или о «дряхлом старике» [15]), которое основывается – как и *сморчок* – на внешнем сходстве старого гриба и старого человека (некрасивый, сморщенный, разваливающийся), а также на основе осязательных ощущений (дряблый): *Чем встретила свою старость (ведь она же стара, как и он!). Говорят, старость милостива к некрасивым. Возможно, Варя к старости похорошела, хотя трудно себе это представить. Не то, что он – бывший красавец, а ныне старый гриб, пень, коряга* (И. Грекова. Фазан). В отличие от метафоры *сморчок*, в выражении *старый гриб* почти всегда актуализируется сема «старость»: либо человек действительно старый, либо внешне он похож на старика, либо кажется намного старше своих лет. Часто это выражение выступает в сравнительных оборотах и в сочетании с такими эпитетами, как *сморщенный, сгорбившийся* и т.д.: *Худоцавый, маленький, сморщенный, как старый гриб, но все еще неугомонно-бойкий, мессер Галеотто, подпирая голову обеими руками, внимательно смотрел на колбу* (Д.С. Мережковский. Воскресшие Боги, Леонардо Да Винчи).

Иногда *старый гриб* имеет ярко негативную коннотацию. Рассматривая различные контексты, мы можем выделить те компоненты значения, которые актуализируют оценку, например оценка на основе внутренних качеств человека: *6 мая последняя (третья) попытка сдать вождение. И снова старый гриб меня заваливает. Друзья успокаивают тем, что здесь и по 20 раз сдают* (Александр Бовин. Пять лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства). В данном текстовом фрагменте речь идет о человеке старшего возраста, к которому относятся неодобрительно. Вернее, в данном контексте «старым грибом» назван вредный человек, который мешает другому реализовать планы. Таким образом, основанием оценки является скорее не старость, а многообразие негативных морально-нравственных качеств человека (подобное характерно для многих русских метафор, отражающих внешние признаки человека: *дылда, детина* и др.).

Гендерный компонент в значении выражения «старый гриб» вполне ощутим (в первую очередь о мужчине), однако выражение может употребляться и по отношению к женщинам, но только в сравнительном обороте: *Она посинела и сморщилась от холода, как старый гриб...* (Федор Аврамов. Деревянные кони). В последнем случае «старый гриб» является только внешней характеристикой.

Теперь рассмотрим метафору *мухомор*. Переносное значение данного слова в словарях разных типов представлено достаточно последовательно и полно. Если обобщить полученные результаты, то *мухомором*, по данным словарей, называют дряхлого человека [13. Т. 2. С. 314–315], старика, зануду [16], а также скучно-

го, неприятного человека [17]. В сленге *мухомор* употребляется как пренебрежительное название наркомана, употребляющего галлюциногены [18], а также может использоваться в качестве бранного слова [19]. В основе данных значений находятся свойства мухомора «быть ядовитым» и «вызвать галлюцинации». Эти смысловые компоненты словари отражают, как правило, при помощи иллюстративного материала. В исследуемых нами контекстах НКРЯ наименее распространенным является значение, связанное с физическим обликом (мы обнаружили только один контекст, в котором на первый план выступают признаки «дряхлость» и «старость»). Чаще всего *мухомор* – это человек неприятный, вредный, злой (и необязательно старый): *я сама терпеть не могу, когда этакий мухомор вдруг вздумает давать волю рукам и лезть целоваться...* (А.В. Амфитеатров. Марья Лусьева). В следующем контексте *мухомор* человек – старый, но и хитрый, приносящий вред другому: *А все равно он не так прост, так хочет казаться. Очень даже себе на уме, старый мухомор. Мастер наводит тень на плетень. Тут он мне как-то под большим секретом поведал берущую за живое повесть любви и ареста Эдмона Дантеса, выдавая ее за собственную* (Сергей Гандлевский. НРЗБ). Фитоним *мухомор* используется также в сравнительных оборотах: *как мухомор* или *похож на мухомор*; основанием для сравнения является красный цвет и / или белые крапинки (в данном случае сравнение с мухомором может обходиться и без отрицательных коннотаций), а также ядовитость: *Что у тебя? – спрашивает Гном, пятнистый от прыщей, как мухомор* (Мариам Петросян. Дом, в котором...); *крошечный жук в ядовитую, как мухомор, крапинку, упал на лист с устрашающим стуком...* (Андрей Битов. Фотография Пушкина). Отметим, что сравнительный оборот обычно передает какую-либо одну характеристику объекта, в отличие от многоплановой метафоры.

Фитоним *поганка*, по данным основных толковых словарей, не развивает переносных значений. Однако в НКРЯ приводятся весьма интересные примеры, где характеристики *поганка* или *бледная поганка* употребляются по отношению к человеку. Именно в этих случаях мы выявили, что чаще всего актуализируются семы «подлость, вредительство». В этих случаях метафоры развивают компонент прямого значения «ядовитый». Итак, *поганкой* может быть назван негодяй, подлец, не порядочный человек, например: *Это предположение подтвердилось, когда на другой день утром сестры узнали, как пропал из монастыря воевода Полуект Степаныч и как ночью слепец Брехун принес монашеское одеяние черного попа Пафнутия. – Девки-поганки дело, – решила и мать изуменья. – Не инако могло быть, как через нее. Она, поганка, переиначила себя в честный образ мниха... То-то, кыргызское отродье, посмеялась над святою обителью* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Охонины брови); *А вот то, что беременная, понимаешь, всего 4 тыщи получает – это она зараза такая. И забеременеть она, поганка, хотела аж два года как (от святого Духа, наверное, брат тут ну совершенно ни при чем). Да еще, понимаешь, вяжет, гулять не ходит и в семейных беседах неактивно участвует. Не удивительно при отношении «ууу, на наши*

достаток поразились» (Женщина + мужчина: Брак-форум).

Данная метафора является многоплановой семантической единицей, служащей для образной интерпретации как внутренних (см. контексты выше), так и внешних характеристик человека: *поганкой* может быть назван человек с бледной кожей – основой переноса является цвет гриба. Причины бледности кожи могут быть разными: *незагорелая кожа или нездоровый вид человека: И вот сейчас, т.е. послезавтра надо надеть супер открытое платье, а я как бледная поганка:(((на соларий времени нету* (Красота, здоровье, отдых: Косметика и парфюм – форум); *«Бледная поганка» – это из-за того, что я просиживал целые дни радиосхемами, которые безуспешно паял – от этого, конечно, портился цвет лица* (Юрий Нечипоренко. Шпак); *Из зеркала на меня смотрела высокая блондинка с желтыми фингалами и тоже грозила мне пальчиком. Бледная поганка* (Иржи Грошек. Легкий завтрак в тени некрополя).

В итоге мы можем утверждать, что семантика фитонимов *сморчок*, *мухомор* и *поганка* активно расширяется и варьирует оценочное содержание.

Анализируя словари итальянского языка, фрагменты дискурса и материалы, полученные нами при проведении направленных психолингвистических экспериментов, мы не смогли найти ни одной итальянской эквивалентной метафоры. Закономерно встает вопрос о том, какими средствами можно заполнить данные лексические лакуны. Для этого мы опираемся на материалы двуязычных словарей, а также на русские оригинальные и итальянские переводные художественные тексты. В электронном двуязычном словаре [20] переносные значения рассмотренных нами фитонимов передаются следующим образом: слово *сморчок* переводится как *omicciattolo* или *omino*, что означает «невзрачный человечек» и «человечек», и *mezzacartuccia* (букв. половина патрона). Эти слова, по словарю GRADIT, имеют общую семантику, обозначающую «человека со скудными физическими или моральными / интеллектуальными качествами» [21]. При этом суффикс *-ino* передает семантику «маленький рост», а суффикс *-iattolo* – уменьшительную, пренебрежительную, презрительную оценку. В последнем случае можно сказать, что итальянский вариант двуязычного словаря передает главные семы слова *сморчок*. Теперь обратимся к способам эквивалентного перевода. Интересно отметить, что данное слово переводится разными способами, в зависимости от коннотации, которая должна выступать на первый план, по мнению автора.

Рядом с ними бегают с и суетится с утра до ночи какой-нибудь несчастный сморчок «из благородных», Иван Фомич Суриков, – в нашем доме, над нами живет, – вечно с продранными локтями, с обсыпавшимися пуговицами, у разных людей на посылках, по чьим-нибудь поручениям, да еще с утра до ночи [22. С. 411].

Insieme a loro corre e si affanna da mane a sera qualche disgraziato omiciattolo di «nobili» nati come Ivan Fomic Surikov, (abita nella nostra casa al piano di sopra), sempre con gomiti sdrucciati, i bottoni mancanti. Fa il galoppino di qua e là per commissioni dalla mattina alla sera tardi [23. P. 457].

В данном переводе смысл передается посредством слова *omicciattolo* (см. выше). При данном лексическом выборе переводчик сумел передать и физические, и моральные качества героя-сморчка (человек жалких внутренних и внешних характеристик). Однако через три страницы, при описании все того же героя, фитоним *сморчок* переводится существительным *disgraziato* (неудачник), «несчастный человек, вызывающий жалость и сострадание» [21] или «человек, заслуживающий порицания, презрения или сострадания» [24]. Во втором случае в итальянском переводе семантика уменьшительности (которую переводчик вначале удачно передал через *omicciattolo*) нейтрализуется, «отодвигается», а пренебрежительно-сочувственная актуализируется:

*Но когда я, в марте месяце,
поднялся к нему наверх, чтобы
посмотреть, как они там «за-
морозили», по его словам, ре-
бенка, и нечаянно усмехнулся
над трупом его младенца, по-
тому что стал опять объяс-
нять Сурикову, что он «сам
виноват», то у этого сморчка
вдруг задрожали губы...*
[22. С. 414].

*Quando però a marzo salii da
lui per vedere com'era morto
«di freddo» il suo bambino,
erano parole sue, e sorrisi
involontariamente vicino al
cadavere del suo piccino,
perché avevo ripreso a
spiegargli che la colpa era
sua, a quel disgraziato
tremarono all'improvviso le
labbra...* [23. P. 460].

Кроме того, смысл данной фитометафоры можно передать с помощью таких слов, как, например, *moccioso* или *donnicciola*:

*Бригадир на него только
глазами сверкнул. – Свое дело
знай, сморчок! Таскай кир-
пичи!* [25. С. 80].

*Il caposquadra si limitò a
fulminarlo con un'occhiata: –
Fa' il tuo lavoro, moccioso!
Porta su i mattoni!*
[26. P. 98].

*Ирина сидела на диване
между князем Коко и г-жою
Х., известною некогда краса-
вицей и всероссийской умни-
цей, давным-давно превра-
тившиеся в дрянной смор-
чок, от которого отдавало
постным маслом и выдох-
шимся ядом* [27. С. 121].

*Irina era seduta su un divano
fra il principe Cocò e la
signora Ch., una volta nota
beltà e schietta intelligenza
russa, che da gran tempo
s'era ormai tramutata in
un'abbietta donnicciola che
sapeva d'olio di quaresima e
di veleno da quattro soldi*
[28. P. 135].

В данном контексте переводчик выбирает слово *moccioso* – «сопляк», которым с презрением обычно называют очень молодого человека. Но здесь переводчик посредством этого слова, актуализирующего отношение «старший – младший», пытается передать лишь социальное неравенство героев, безотносительно возраста.

В следующем контексте переводчик сталкивался с необходимостью учета гендерной семантики: тут слово «сморчок», относящееся к женщине, переводится как *donnicciola*, от слова «*donna*» – «женщина», с

суффиксом *-icciola*. В этом лексическом выборе переводчика гендерный компонент играет главную роль. Кроме того, суффикс *-icciola* содержит в себе уменьшительную и пренебрежительную оценку.

Обе фитометафоры *мухомор* и *старый гриб* в двуязычном словаре переводятся одним и тем же выражением: *vecchio cadente* (дряхлый человек). В значении данного словосочетания на первый план выступают семы «старость» и «пришедший в упадок». Данный вариант перевода лишь частично передает смысл русских фитонимов, потому что не актуализируется сема «вредность, ядовитость», присутствующая семантике *мухомора* и в некоторых случаях значению *старый гриб*.

По нашему мнению, можно было бы передать пренебрежительную оценку при помощи суффикса *-accio*: существительное *vecchiaccio* (*vecchio* + *-accio*, старикашка), по словарю GRADIT, обозначает не только старого человека с неприятным и грязным внешним видом, но также человека с вредным, плохим характером [21].

Что касается фитонима *поганка*, в двуязычном словаре переносное значение отсутствует. В данном случае, на наш взгляд, процесс компенсации лексической лакуны осуществляется описательным (вредный человек) или синонимическим способами (*canaglia* – негодяй).

При отсутствии эквивалентной метафоры невозможно предложить однозначный перевод. Конечно, в процессе перевода контекст, передающий множество коннотаций, определяет выбор подходящей лексической единицы, поэтому, как показал анализ переводов фитометафоры *сморчок*, русская «грибная» метафора может иметь несколько вполне адекватных интерпретаций.

Подведем итоги.

Анализ метафорических значений в русском и итальянском языках выявляет разную значимость единиц ТГ «Наименования растений» в процессе метафорообразования: «грибная» тема, актуальная для русского языка, оказывается невостребованной в итальянском метафорическом словаре. Часто *сморчок*, *мухомор*, *поганка* и *старый гриб* содержат в себе негативную оценку, связанную не только с физическими качествами, но и с моральными и интеллектуальными. Следует отметить, что признак *старый*, актуализирующийся во многих значениях, часто используется в качестве маскировки, скрывающей в характеристике оценку других отрицательных черт характера человека.

Эта лексическая лакуна в той или иной степени заполняется другими лексическими и морфологическими средствами итальянского языка. На наш взгляд, в передаче негативной оценки очень важную роль играют суффиксальные образования, передающие, как и в русском языке, множество эмотивно-оценочных значений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быкова Г.В. Лакунарность как категория лексической системологии : дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1999. С. 24–50.
2. Пуцилева Л.Ф. Культурно детерминированные коннотации русских зоонимов и фитонимов (на фоне итальянского языка) : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009.

3. Панкова Т.Н. Национальная специфика метафорической номинации (на материале русских и английских лексем, объединённых семантическим компонентом «растение»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009.
4. Демьянова А.Г. Когнитивные основы формирования переносных значений фитонимов (на материале английского, русского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2012.
5. Карасик В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под. ред. И.А. Стернина. Воронеж: ВОРГУ, 2001. С. 75–79.
6. Муравьев В.Л. Лексические лакуны (на материале лексики французского и русского языков). Владимир, 1975. С. 7.
7. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М.: Наука, 1974.
8. Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа текста. М.: Наука, 1973.
9. Шмелёв Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. М.: Просвещение, 1964.
10. Регулярная многозначность в лексико-семантических группах русских глаголов / под. ред. Э.В. Кузнецовой. Иркутск, 1989.
11. Апресян Ю.Д. О регулярной многозначности // Известия АН СССР. Сер. Литературы и языка. 1971. Вып. 6. С. 509–523.
12. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/corpora-intro.html>
13. Словарь русского языка: в 4 т. / под. ред. А.П. Евгеньевой. М., 1986.
14. Толковый словарь русского языка / под. ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1994.
15. Большой толково-фразеологический словарь Михельсона (оригинальная орфография). URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/michelson_old
16. Словарь русских синонимов. URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_synonims
17. Словарь русского арго. URL: http://russian_argo.academic.ru
18. Универсальный дополнительный практический толковый словарь И. Мостицкого. URL: http://mostitsky_universal.academic.ru
19. Современный толковый словарь русского языка Ефремовой. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova>
20. Новый большой русско-итальянский словарь. URL: <http://www.lingvo-online.ru>
21. De Mauro T. Il grande dizionario italiano dell'uso, 6 vol. / T. De Mauro. Torino: UTET, 1999 (CD-ROM) (GRADIT).
22. Достоевский Ф.М. Идиот. СПб.: Азбука-классика, 2009. С. 411–414.
23. Dostoevskij F.M. L'idiota, Garzanti, 1990. P. 457–460.
24. Gabrielli A. Grande dizionario italiano. Milano: Hoepli, 2011. URL: http://www.grandidizionari.it/dizionario_italiano.aspx
25. Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 6 т. Frankfurt a/M.: Посев, 1971.
26. Solzhenitsin A. Una giornata di Ivan Denisovich, Einaudi, 1999.
27. Тургенев И.С. Сочинения И.С. Тургенева. М.: Изд. Братьев Салаевых, 1868.
28. Turgenev I.S. Fumo, ed. Rizzoli, 1964.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 09 декабря 2014 г.

RUSSIAN "MUSHROOM" METAPHOR AND ITS EQUIVALENT TRANSLATION INTO ITALIAN

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 40–45. DOI 10.17223/15617793/391/6

Garbujo Ilaria. Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: ilariagarbujo@gmail.com

Keywords: linguistic culturology; phytometaphor; comparative analysis; lacunarity; interlanguage lacuna; lexical lacuna; practice of translation.

This article considers the issues related to the lexical lacunarity and to the difficulties in adequate translation of Russian phytonyms. This research revolves around the concept "lacuna" of G.V. Bykova, N.I. Konrad, Yu.A. Sorokin, I.Yu. Markovina, etc., which is based on the connection between language and culture. The subject of this study are metaphors formed by the denominations of mushrooms in the Russian and Italian languages. Particularly, this paper focuses on the phytonyms *smorčok* (morel), *mukhomor* (fly agaric), *poganka* (toadstool) and *staryy grib* (old mushroom) which develop figurative meanings with negative semantics. The particular interest of the work lies in the choice of the thematic group which has rarely been an object of study itself. The aim of this paper is to investigate the trends in the process of metaphorization of this thematic group, to detect lexical lacunae concerning phytometaphors in the dictionaries, to analyze the types of lacunae and to clarify why such lacunae exist and how to eliminate them. For the research different types of Russian and Italian dictionaries, as well as texts from the Russian National Corpus (RNC) and the results of psycholinguistic experiments, were used. Investigating the given thematic group, we have found out a big difference between the two languages: in Russian mushroom denominations develop metaphorical meanings, while in Italian they do not even bring up figurative association. We have analyzed the variation of the metaphorical semantics of these denominations as registered in dictionaries and realized in texts (RNC) in order to understand how to convey the meaning of the Russian metaphor as fully as possible when there is no Italian equivalent. As a result, we have brought to light that commonly the figurative meaning of the analyzed words has a negative connotation (*unpleasant, bad, detestable* etc.) and the semantic feature *old age* is often a "camouflage" in phytometaphors, hiding the speaker's intentions to interpret negatively any other unpleasant traits of a given person. In the work the possible means to eliminate the lexical lacuna in question are examined. The search for equivalents is realized on the basis of lexicographic sources and original and translated texts. In conclusion, an interlingual lexical lacuna was identified: in the process of metaphorization the theme "mushrooms", relevant as it is in the Russian language, is clearly absent in Italian. This lexical lacuna is more or less successfully covered in Italian thanks to other means, lexical (using descriptive periphrases or synonyms) or morphological (word-formal derivatives with emotional-evaluation formants).

REFERENCES

1. Bykova G.V. *Lakunarnost' kak kategoriya leksicheskoy sistemologii*: dis. d-ra filol. nauk [Lacunarity as a category of lexical systemology. Philology Dr. Diss.]. Voronezh, 1999, pp. 24–50.
2. Putsileva L.F. *Kul'turno determinirovannyye konnotatsii russkikh zoonimov i fitonimov (na fone ital'yanskogo yazyka)*: dis. kand. filol. nauk [Culturally determined connotations of Russian zoonyms and phytonyms (against the background of the Italian language). Philology Cand. Diss.]. St. Petersburg, 2009.
3. Pankova T.N. *Natsional'naya spetsifika metaforicheskoy nominatsii (na materiale russkikh i angliyskikh leksem, ob"edinennykh semanticheskimi komponentami "rastenie")*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [National specificity of metaphorical nomination (based on Russian and English words united by the semantic component "plant"). Abstract of Philology Cand. Diss.]. Voronezh, 2009.
4. Demyanova A.G. *Kognitivnye osnovy formirovaniya perenosnykh znacheniy fitonimov (na materiale angliyskogo, russkogo i frantsuzskogo yazykov)*: dis. kand. filol. nauk [Cognitive bases of formation of figurative meanings of phytonyms (in English, Russian and French). Philology Cand. Diss.]. Tambov, 2012.

5. Karasik V.I., Slyshkin G.G. *Lingvokul'turnyy kontsept kak edinita issledovaniya* [Linguocultural concept as a unit of study]. In: Sternin I.A. (ed.) *Metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki* [Methodological problems of cognitive linguistics]. Voronezh: Voronezh State University Publ., 2001, pp. 75–79.
6. Murav'ev V.L. *Leksicheskie lakuny (na materiale leksiki frantsuzskogo i russkogo yazykov)* [Lexical gaps (based on the vocabulary of French and Russian languages)]. Vladimir, 1975.
7. Apresyan Yu.D. *Leksicheskaya semantika (sinonimicheskie sredstva yazyka)* [Lexical semantics (synonymous means of language)]. Moscow: Nauka Publ., 1974. 367 p.
8. Shmelev D.N. *Problemy semanticheskogo analiza teksta* [Problem of the semantic analysis of the text]. Moscow: Nauka Publ., 1973. 280 p.
9. Shmelev D.N. *Ocherki po semasiologii russkogo yazyka* [Essays on semasiology of the Russian language]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1964. 243 p.
10. Kuznetsova E.V. (ed.) *Regulyarnaya mnogoznachnost' v leksiko-semanticheskikh gruppakh russkikh glagolov* [Regular polysemy in lexical-semantic groups of Russian verbs]. Irkutsk, 1989.
11. Apresyan Yu.D. O regulyarnoy mnogoznachnosti [On regular polysemy]. *Izvestiya AN SSSR. Ser. lit. i yaz.*, 1971, issue 6, pp. 509–523.
12. Russian National Corpus. Available from: <http://www.ruscorpora.ru/corpora-intro.html>. (In Russian).
13. Evgen'eva A.P. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of Russian language: in 4 volumes]. Moscow, 1986.
14. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. (eds.) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian]. Moscow: Azbukovnik Publ., 1994.
15. *Bol'shoy tolkovo-frazeologicheskij slovar' Mikhel'sona (original'naya orfografiya)* [Large idiom dictionary by Michelson (original spelling)]. Available from: http://dic.academic.ru/contents.nsf/michelson_old.
16. *Slovar' russkikh sinonimov* [Dictionary of Russian synonyms]. Available from: http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_synonyms.
17. *Slovar' russkogo argo* [Dictionary of Russian slang]. Available from: http://russian_argo.academic.ru.
18. *Universal'nyy dopolnitel'nyy prakticheskiy tolkovyy slovar' I. Mostitskogo* [The Universal Additional Practical Explanatory Dictionary by I. Mostitskiy]. Available from: http://mostitsky_universal.academic.ru.
19. *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka Efremovoy* [Efremova's Modern Dictionary of Russian language]. Available from: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova>.
20. *Novyy bol'shoy russko-ital'yanskiy slovar'* [The New Comprehensive Russian-Italian dictionary]. Available from: <http://www.lingvo-online.ru>.
21. De Mauro T. *Il grande dizionario italiano dell'uso*, 6 vol. Torino: UTET, 1999 (CD-ROM) (GRADIT).
22. Dostoevsky F.M. *Idiot*. St. Petersburg: Azbuka-klassika Publ., 2009, pp. 411–414.
23. Dostoevsky F.M. *L'idiota*. Garzanti, 1990, pp. 457–460.
24. Gabrielli A. *Grande dizionario italiano*. Milano: Hoepli, 2011. Available from: http://www.grandidizionari.it/dizionario_italiano.aspx.
25. Solzhenitsyn A.I. *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Works: in 6 vols.]. Frankfurt: Posev, 1971.
26. Solzhenitsyn A. *Una giornata di Ivan Denisovich*. Einaudi, 1999.
27. Turgenev I.S. *Sochineniya I.S. Turgeneva* [Works by I.S. Turgenev]. Moscow: Izd. Brat'ev Salaevykh Publ., 1868.
28. Turgenev I.S. *Fumo*, ed. Rizzoli. 1964.

Received: 09 December 2014

И.Б. Корнильцева

«ВЕЛИКИЙ БАНКИР» И. ФРАНКИ В ПЕРЕВОДЕ А.Н. ОСТРОВСКОГО: ИТАЛЬЯНСКАЯ ПЬЕСА В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСТВА РУССКОГО ДРАМАТУРГА

Рассматриваются предпосылки обращения А.Н. Островского к переводу пьесы итальянского драматурга И. Франки «L' origine di un gran banchiere o Un milione pagabile a vista»: впечатления заграничного путешествия 1862 г., внимание к общественной и культурной жизни современной Европы, интерес к вопросам русской и европейской истории. Проблематика и поэтика пьесы «Великий банкир» (в русском переводе) исследуются в контексте творчества А.Н. Островского 1860–1870 гг.

Ключевые слова: А.Н. Островский; И. Франки; историческая и семейная хроника; мелодрама; перевод; русско-итальянские литературные связи.

Первым переводом А.Н. Островского с итальянского языка стала пьеса Итало Франки «L' origine di un gran banchiere o Un milione pagabile a vista» («Происхождение великого банкира, или Уплата миллиона по предъявлению», 1864), названная в переводе «Великий банкир» (1867). Пьеса была одобрена Театрально-литературным комитетом 7 сентября 1867 г. и в том же году представлена на сцене Малого театра. Перевод впервые напечатан в журнале «Отечественные записки» [1. С. 109–162].

Автор пьесы – журналист Энрико Монтацио (1816–1886), писавший под псевдонимом Итало Франки¹.

Активное участие Энрико Монтацио в общественной жизни Италии, Франции, Англии, богатство наблюдений и размышлений о событиях, потрясавших Европу в 1840–1860-х гг., дали писателю большой материал для создания пьесы, в которой проблемы современной жизни решаются на историческом материале недавнего прошлого.

Пьеса «L' origine di un gran banchiere o Un milione pagabile a vista» после выхода в Милане в 1864 г. была весьма популярна в Италии благодаря актёру Эрнесто Росси, относительно игры которого в предисловии к изданию Итало Франки (Э. Монтацио) писал: «Я должен признать, по правде говоря, что достопочтенный Эрнесто Росси, который в течение 6 месяцев представлял исключительно эту комедию, в последние 4 вечера в Турине сделал из роли Натана настоящее, великое творение, так что в благодарность я должен засвидетельствовать ему здесь публично моё восхищение и мою признательность» [3. С. 5].

Задаче воссоздания исторических событий, на фоне которых развивается драма личной жизни обыкновенных людей, служит масштабный хронотоп. Художественное пространство пьесы охватывает три страны: Германию, Францию и Англию. Время в пьесе – два наиболее значительных момента в европейской истории 1800–1820-х гг.: Французская революция и крах наполеоновских войн, время Священного союза².

Для Островского итальянская пьеса, в которой проблемы духовного развития героя рассматривались в большом контексте европейской истории, представляла большой интерес.

За пять лет до начала перевода, в апреле–мае 1862 г., А.Н. Островский вместе с двумя близкими друзьями – М.Ф. Шишко (магистром химии, заведующим

освещением петербургских театров) и И.Ф. Горбуновым (мастером устного рассказа, актером и писателем) – предпринял путешествие по Европе.

Пристальное внимание к жизни Европы и характер её восприятия во многом были обусловлены исключительной важностью для творчества Островского проблемы национального характера. Эта проблема, обозначенная и воплощённая Островским в комедиях москвитянинского периода с явной идеализацией патриархального быта, позже была скорректирована писателем: он отказался от славянофильской концепции, актуализировал социальные и демократические аспекты изображения. Но сама проблема национального своеобразия, неразрывно связанная с идеей утверждения значимости русской культуры, истории, быта, оставалась ключевой при решении Островским вопросов психологии, культуры и приобретала особую актуальность в ходе знакомства драматурга с Европой. Зарисовки жизни других стран в дневнике драматурга характеризуются эпически-спокойным, внимательно-заинтересованным наблюдением европейской жизни в её различных проявлениях и постоянным сравнением, соотношением увиденного с русским.

В дневнике Островский неоднократно размышляет над увиденным в Европе, в частности в Италии, сравнивая с русскими обычаями, нравами, искусством:

«22 апреля/4 мая. Воскресенье. Италия. Триест.

Триест. Совершенно другая природа. Германия с своим климатом осталась за горами; воздух чище, море бирюзовое. Были в греческой церкви у обедни; служба – наша, особенный, очень приятный напев “Христос воскрес”. Восхитительная кофейная, темная, прохладная, вся в зеркалах. Совсем другие женщины, страшная чернота волос и глаз, очень грудасты. Костюмы разнообразны. С мола ловят рыбу (бычков), в закидку, без удилица; наживка из раковин. Мостовая из больших, продолговатых камней, гладкая, как тротуар. По кофейным музыка: итальянец на скрипке, итальянка с гитарой; женщины-крестьянки продают розы. Костюм женщин: юбка, корсет другой материи, белые рукава и манишка, сверх корсета платок, на голове белый платок завязан так, что конец висит на спине (обшит кружевом). Чистота белья необыкновенная! У ильрийцев короткие панталоны. Были в Пратере, много хороших женщин, красавиц девушек и красавцев мальчиков. Детей красивее я не видал никогда. Акация цветет,

груши! уж большие. Какие волосы, какие груди! Встречаются рыжие совсем. Были в театре. Гармония; он нас поразил своей красотой. Тенор сильный, и все голоса подобраны ровно. Давали Отелло. Вот бы нам такого тенора» [4. Т. 10. С. 391–392].

Не без влияния впечатлений от заграничного путешествия, усилившего внимание к проблемам национального своеобразия народов Европы и России, в 1860-е гг. Островский создаёт пьесы на исторические темы, отмеченные большим эпическим масштабом и представляющие собой опыты в жанре хроники. Он пишет целую серию драматических хроник: «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» (1-я редакция 1861, публ. 1862; 2-я редакция, публ. 1866), «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» (1866, публ. 1867) и «Тушино» (1866, публ. 1867). Можно полагать, что масштаб «Великого банкира», захватывающий наполеоновскую эпоху на её начальных и заключительных этапах, дававший возможность показать историческое движение в Европе, соответствовал интересам Островского, углубившегося в вопросы истории.

«Тушино»

Дивимся мы не мало, что за время
Пришло на нас. Не диво бы чужие,
А то своя же братья, нашей веры;
Крещеные, – идут с Лисовским паном:
Не то что сброд, голодные холопья,
В них Бога нет и с них взыскать нельзя,
А свой же брат – дворяне [4. Т. 6. С. 128].

Избранные ситуации, когда свои воюют против своих же, позволяли более ярко показать психологические коллизии. Как известно, изначально стимулом к историческим событиям, как в России, так и в Европе, было стремление к равенству, но результатом насаждающегося «равенства» стал разбой и разочарование, когда освободители становятся избавителями с паролем «и кошелёк и жизнь» [4. Т. 9. С. 104], а «люди прячутся от людей, как звери от собак» [Там же. С. 100]. Смута имеет одинаковое проявление независимо от нации.

Таким образом, интерес Островского к проблемам истории и человека в её движении во многом предопределил внимание драматурга к пьесе И. Франки.

Обращение к исторической теме у Островского связано с глубоким пониманием национального и народного. Драматург в критическом разборе романа Ч. Диккенса «Домби и сын» (1847) отмечал: «Для того, чтобы быть народным писателем, мало одной любви к родине, – любовь дает только энергию, чувство, а содержания не дает; надобно еще знать хорошо свой народ, сойтись с ним покороче, сродниться» [4. Т. 10. С. 524].

В письме к Ф.А. Бурдину от 25 сентября 1866 г. Островский сообщал: «Современных пьес я писать более не стану, я уж давно занимаюсь русской историей и хочу посвятить себя исключительно ей – буду писать хроники, но не для сцены; на вопрос, отчего я не ставлю своих пьес, я буду отвечать, что они не удобны» [Там же. Т. 11. С. 228].

В 1866 г. драматург создаёт историческую хронику «Тушино», в которой представлено смутное время России начала XVII в., когда «тушинский вор» Лжедмитрий II стал посягать на престол царя Василия Шуйского. Островского занимает эпоха смутного времени не столько с точки зрения историко-политической проблематики, сколько с точки зрения влияния политических процессов на жизнь и судьбу отдельных людей. Островский рисует психологическое состояние народа в условиях нестабильности, полной невозможности понять, кто прав, кто виноват. Изображение кризисного времени для драматурга открывало возможность поставить проблему личности на историческом фоне. Такую попытку показать судьбу человека в момент ломки исторической эпохи Островский увидел в «Великом банкире» И. Франки. Характерно, как перекликаются реплики московского дворянина Дементия Редрикова, отца Максима и Николая Редриковых из «Тушино», и Натана из «L'origine di un gran banchiere o un milione pagabile a vista»:

«L'origine di un gran banchiere o un milione pagabile a vista»

Libertà! fratellanza! Possano queste parole essere auspicie di un'era nuova, e valere per tutta l'umanità! Se esse suonano il vero, non più oppressione di gentili sopra israeliti, o, locchè è più dura legge, d'israeliti su israeliti!³

[3. Р. 12].

Размышляя о положении драматического искусства в 1881 г., А.Н. Островский писал: «Еще сильнее действуют на свежую публику исторические драмы и хроники: они развивают народное самопознание и воспитывают сознательную любовь к отечеству. <...> Историк передает, что было: драматический поэт показывает, как было, он переносит зрителя на самое место действия и делает его участником события» [4. Т. 10. С. 138].

Создание жанра хроники на материале отечественной истории у Островского основывалось на традициях драматургии Пушкина: «Я беру форму „Бориса Годунова“ – писал Островский по поводу хроники „Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский“». По признанию А.С. Пушкина, он «расположил свою трагедию по системе отца нашего Шекспира» [5. Т. 11. С. 66]. Иностранец исследователь Э. Брентон отмечал: «Самая большая дань Пушкина – разумеется, „Борис Годунов“, кажущийся почти что сознательным переименованием Шекспира. Исполненный раскаяния узурпатор Борис по прямой линии восходит к Генриху IV, так же как Юродивый напоминает шута короля Лира. Волнующаяся толпа, бояре, Борисовы стрельцы – все это придает пьесе узнаваемый облик шекспировской хроники» [6. С. 219].

В связи с вопросом о литературной традиции в хрониках Островского и переводимой им хроники «Великий банкир» следует указать на одну особенность впечатлений Островского от Франкфурта и на

связь этих впечатлений с шекспировским творчеством и пьесой И. Франки.

В дневниках А.Н. Островского есть запись о прогулке по Франкфурту, где упоминаются «банкирские изящные дворцы» и «дом царя банкиров Ротшильда» [4. Т. 10. С. 386]. Островский обращает внимание на положение еврейской общины в этом немецком городе: «Потом проехали по жидовскому кварталу узенькой улицей вроде Щербаковского переулка, только с узенькими, высокими, очень бедными домами. Из одного такого домика вышло семейство Ротшильдов. Очень невзрачный домишко, нам его показывал извозчик. Заходили в богатую синагогу. Франкфурт – жидовское гнездо и земля обетованная» [Там же. С. 382].

Эта дневниковая заметка позволяет говорить о том, что Островского интересовала еврейская тема, социальное положение и психологическое состояние обитателей еврейского квартала Франкфурта. Текст итальянской пьесы давал возможность освежить впечатления от заграничного путешествия и художественно осмыслить психологию нового слоя буржуазной Европы – банкиров, ростовщиков, людей, связанных с накоплением богатства. Не случайно фамилия героя Готшильд близка по звучанию с фамилией Ротшильда.

Некоторые сюжетные ситуации и персонажи итальянской пьесы восходят к комедии Шекспира «Венецианский купец»: темы ростовщичества, банкротства, выгоды, противостояние религий и любовь вне границ и конфессий. Образ еврея Натана генетически связан с образом еврея-ростовщика Шейлока. Для Островского творчество Шекспира всегда было образцом в изображении страстей и характеров: «...самые совершенные произведения драматические написаны англичанином», – говорил он [Там же. С. 110]. Современник драматурга А.Ф. Кони, вспоминая литературные беседы с Островским о Шекспире и Сервантесе, писал: «Анализируя <...> человеческие страсти как материал для драматического произведения, он находил, что каждая из них имеет своего рода представителя в отдельных образах, разработанных Шекспиром» [7. С. 196]. Именно эта общечеловеческая универсальность привлекала Островского и направляла его внимание к художественному восприятию и осмыслению образов мировой драматургии. Обращение к переводу пьесы о «великом банкире» опиралось на знание и понимание Островским важности традиций Шекспира. Островский дважды перевел комедию «The Taming of the Shrew» («Укрощение злой жены») (1850) в прозе и «Усмирение своенравной» (1865) в стихах и начал перевод «Антония и Клеопатры» (1886). В описании библиотеки Островского [8. С. 16] упоминается десятитомное собрание сочинений Шекспира «Shakespeare W. The works. The texts revised by A. Dyce», в которое включён текст «Венецианского купца». Таким образом, работа над Шекспиром была для Островского не только школой перевода, она питала творческое воображение драматурга при создании образа героя нового времени в «Великом банкире», выполненном по канве шекспировского шедевра.

Интерес Островского к пьесе И. Франки был обусловлен и сближением драматургов в эстетической установке на изображение обыкновенного человека в процессе его духовного развития, представленного на разных этапах, т.е. в движении во времени, хроникально.

Жанр хроники в середине 1860-х гг. приобретал в творчестве Островского универсальный характер. За два года до перевода «Великого банкира» Островский заканчивает пьесу «Пучина», где изображает духовную драму современного героя. Кисельников (главный герой «Пучины»), проходит путь от студента-идеалиста до мелкого судейского чиновника. Это история молодого человека, окончившего университет, вступающего в жизнь с надеждами и упованиями на светлое будущее. После женитьбы его затягивает пучина быта. Чистота помыслов трагически затмевается нищетой, и в одну из тягостных минут помрачения Кисельников совершает преступление – берёт взятку, что приводит его к безумию, предсказанному в первом действии размышлением: «Бедность страшна не лишениями, не недостатками, а тем, что сводит человека в тот низкий круг, в котором нет ни ума, ни чести, ни нравственности, а только пороки, предрассудки да суеверия» [4. Т. 6. С. 235]. Судьбы героев Островского и И. Франки складываются по-разному, но они равно поставлены в ситуацию жизненных испытаний. Натан говорит: «Я имел основание сказать, что с того времени я стал человеком, я перестал быть рабом, нищим... я сам распоряжаюсь своим...» [Там же. Т. 9. С. 124]. Не только бедность может свести человека в «низкий круг». Путь в бездну порока может указать и богатство. Богатство является проверкой доблести, нравственности, великодушия, богатство сопровождается ответственностью, которая представляет собой испытание совести.

Островский обратился к жанру хроники, чтобы изобразить жизнь героя в её развитии. В «Пучине» события жизни Кисельникова изображаются через временные отрезки в пять и семь лет. В «Великом банкире» представлена хроника конца 1792 и начала 1814 г. В обеих пьесах показаны изменения главных героев, основанные на принятом когда-то решении, оказавшимся поворотным для их жизни.

Важным аспектом жанровой стратегии Островского был вопрос о способах создания психологически точной картины душевной жизни обыкновенного человека. Здесь оказался важен опыт европейской мелодрамы, достоинство и ограниченность которой осознавал русский драматург.

В «Пучине» Островский использовал сюжетную схему мелодрамы Виктора Дюканжа «Тридцать лет, или Жизнь игрока»⁴, в свою очередь, являющейся переработкой комедии Ж.-Ф. Реньяра «Игрок»⁵. В тексте «Пучины» даётся оценка европейской мелодраме, происходит критическое осмысление классической мелодрамы В. Дюканжа. В начале пьесы идёт разговор студентов, которые высказываются по поводу постановки «Жизни игрока»: «Сухая пьеса. Голая мораль»; «Всё эффекты, всё ужасы нарочно прибраны, как на подбор» [4. Т. 6. С. 201]. Высказывания студентов делают явной мысль Островского о непри-

ятии им мелодраматических эффектов. Однако это одна сторона вопроса. Для Островского характерна и заинтересованность в мелодраме как в жанре, наиболее доступном и любимом простым зрителем, как возможность активного культурного, эстетического влияния на малообразованную среднюю публику: зритель должен получить урок воспитания чувств.

Наконец, мелодрама как жанр устремлена на изображение психологической, душевной жизни. Пьеса «L'origine di un gran banchiere o un milione pagabile a vista» носит мелодраматический характер.

Отношение Островского к мелодраме и способы разработки психологического анализа видны в характере его перевода.

Островский сохраняет эмоциональность высказываний героев. Примером тому может служить взволнованная речь Натана. В сцене встречи Натана и маркиза, когда аристократ подаёт бедному еврейку руку, Островский, для передачи чувства удивления и благодарности героя, вводит вместо двух вопросительных знаков три вопросительных и один восклицательный.

Italo Franchi	Подстрочный перевод	А.Н. Островский
Nat. Che? Voi non avete ribrezzo a toccare la mano del lebbroso, voi, un marchese, un cristiano, mentre i miei fratelli non vogliono stringerla? Eccola. (Gliela stringe.) [3. P. 18].	Что? Вы не боитесь подать руку прокажённому, вы, маркиз, христианин, в то время как мои братья не хотят пожать её? Вот она. (Пожимает.)	Натан. Как? Вы не боитесь подать руку прокажённому? Вы? Маркиз, христианин, между тем как мои братья не хотят пожать её! (Пожимает.) [4. Т. 9. С. 103].

В переводе полностью сохраняется синтаксис оригинала в сцене, где Натан, желая спасти себя и

маркиза, выкрикивает лозунги французской революции:

Nat. I Francesi ! Silenzio, se vi è cara la vita. (Gridando sull'uscio) Libertà, fraternità, uguaglianza! Viva i nostri liberatori (Guardando dietro ad essi dopo che sono passati) Se ne sono iti, i nostri liberatori! [3. P. 18].	Французы! Молчите, если жизнь вам дорога. (Кричит из двери.) Свобода, братство, равенство! Да здравствуют наши освободители! (Смотрит вслед за толпой.) Ушли, наши освободители!	Французы! Молчите, если жизнь дорога вам. (Кричит в дверь.) Свобода, братство, равенство! Да здравствуют наши освободители! (Смотрит вслед за толпой.) Ушли избавители! [4. Т. 9. С. 104].
--	--	--

Вместе с тем драматург снимает «лютый» мелодраматизм в сценах, где

герой прибегает к нарочито эффектным фразам:

Italo Franchi	Подстрочный перевод	А.Н. Островский
I miei antenati adorarono il vitello d'oro ; adoro il denaro anch'io, ma il denaro che nutrice. Il denaro macchiato di sangue fa sempre la ruggine. [I vostri correligionarii hanno un certo proverbio intorno alla farina del diavolo... Io non voglio che il denaro mi si converta in cenere. Vorrei piuttosto che il piombo mi si convertisse in argento fra le mani, che l'argento mi diventasse oro]. Il vostro segreto è sicuro meco. (Va verso la cuna) [3. P. 16–17].	Мои предки обожали золотого тельца; обожаю деньги и я, но деньги, которые кормят. Деньги, запятнанные кровью, всегда ведут к разорению. [У ваших единоверцев есть хорошая поговорка – вокруг муки дьявола (Полностью поговорка звучит как «La farina del diavolo finisce in crusca» и означает, что всё полученное нечестно никогда не даст хороших результатов. т.е. станет прахом, пеплом. – И.К.)... Я не хочу, чтобы деньги превратились в пепел. Я бы скорее хотел, чтобы свинец превратился в серебро через руки, чем чтобы серебро стало золотом.] Ваш секрет – это моя безопасность. (Идёт к люльке.)	Мои предки обожали золотого тельца; обожаю деньги и я, но деньги трудовые. Деньги, запятнанные кровью, всегда ведут к разорению. Я не изменю вашей тайне. (Идёт к люльке.) [4. Т. 9. С. 103].

В итальянском оригинале приведённый отрывок в два раза длиннее за счёт пространного аллегорического объяснения принципов, мыслей и поступка Натана. Островский сокращает сложные словесные конструкции, снимая мелодраматический колорит. Описанная ситуация изображает моральную позицию Натана: он

даже не думает выдавать маркиза санкюлотам, продавая ювелирные украшения беглого гражданина Бон-Анфан (под чьим именем скрывается де Сен-Каст), тем самым помогая ему выживать в сложной сложившейся обстановке, так как прежде всего маркиз – доверитель, клиент.

Эффектность и повышенная эмоциональность «снимаются» при характеристике «сыновей французской республики».

Так, говоря о санкюлотах, маркиз употребляет слово «lurido», имеющее в переводе на русский язык прямое значение «грязный» и переносное «мерзкий, отвратительный».

Italo Franchi	Подстрочник	А.Н. Островский
Spero di aver fatto perdere la mia traccia a questi luridi sanculotti [3. P. 13].	Надеюсь, что я успел скрыть свои следы от этих мерзких санкюлотов.	Я надеюсь, что успел скрыть следы свои от этих тощих санкюлотов [4. Т. 9. С. 100].

При переводе Островский использует определение «тощий», т.е. «пустой, слабый, худой», характеризующее физическое состояние солдат, их измождённость, а не качества характера. Возможно, Островский прибегает к этому, чтобы показать всеобщую бедственность положения, охватывающего всех участников «освободительного» процесса.

Небольшие по объёму, но лексически значимые изменения вносят, например, в изображение революции совершенно другие оттенки: на смену коварству и личному интересу приходят печаль и понимание того несчастного положения, в котором оказываются действующие лица всех сторон конфликта:

Italo Franchi	Подстрочный перевод	А.Н. Островский
Rita Ah Nathan, trista la libertà che viene con turpi parole sul labbro [3. P. 22].	Ах, Натан, печальна свобода, которая приходит с подлыми речами на губах.	Ах, Натан! Печальна свобода, которая приходит с грустными речами на губах [4. Т. 9. С. 107].
Rita Mentre passavo per la via del Faro massacravano un infelice prigioniero [3. P. 23]	Когда я шла по улице Фаро, они избивали какого-то несчастного пленника.	Рита. Когда я шла по улице Фаро, они убивали какого-то несчастного [4. Т. 9. С. 107].

Островский сделал перевод «Великого банкира» и опубликовал его, кроме «Отечественных записок», ещё дважды: в издании С.В. Звонарёва (1872) и Н.Г. Мартынова (1886). Повторная публикация свидетельствует о том, что на материале перевода драматург искал позитивного героя времени, утверждая духовную стойкость обыкновенного человека. В «Великом банке» Островскому была близка идея нравственного

противостояния человека власти денег. Творческое освоение мелодрамы способствовало выработке способов психологического анализа. Таким образом, деятельность Островского-переводчика неразрывно связана с оригинальным творчеством драматурга. Работа над переводами обогащала писателя идеями, опытом европейского театра и способствовала расцвету русской национальной драматургии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Энрико Монтацио (Enrico Montazio) родился в Портико ди Романья 28 сентября 1816 г., умер во Флоренции 22 октября 1886 г. Его настоящая фамилия Вальтанколи. Изучал литературу и медицину в университете Пизы, но посвятил себя профессии публициста. После работы во Флоренции в различных изданиях основал литературный журнал «Флорентийское обозрение» (1843), а потом политическую газету «Человек из народа» (1847). За статьи, написанные после побега Великого герцога Тосканского Леопольда II, Монтацио был привлечён к судебному процессу, где его приговорили к пожизненному тюремному заключению. Позднее приговор был заменён на изгнание, вследствие чего Э. Монтацио отправился в Марсель, а затем в Париж. Там сотрудничал в различных периодических изданиях, а одно, L'Appel, основал самостоятельно. Одновременно вёл переписку с журналами, субсидируемыми Австрией, что осуждалось и порицалось итальянскими патриотами. Из Парижа отправился в Лондон, где также нашёл способ упражняться в мастерстве журналиста, управляя la Presse de Londres, и писал статьи для английских ежедневных газет. Обанкротившись в 1860 г., вернулся в Италию с намерением вступить в отряд добровольцев к Гарибальди, возглавив в Турине «Иллюстрированный мир» и «Современное обозрение». Писал статьи и романы для различных журналов, один из них – «Современная Италия», продолжая проживать в Турине, основал во Флоренции, куда он вернулся в 1865 г. После переезда сотрудничал с флорентийскими, а также с некоторыми иностранными газетами, но большую часть своей деятельности посвящал «Журналу Италии», где работал как переводчик иностранных романов, когда не писал своих (здесь и далее перевод мой. – И.К.) [2].

² Содержанием пьесы «Великий банкир» стали события, связанные с наполеоновской эпохой. В первом действии события происходят в 1792 г. в еврейском квартале Франкфурта. Натан Готтшильд, обедневший ювелир, отвергнутый собратьями из-за женитьбы на христианке Рите, за вознаграждение помогает маркизу Де Сан-Каст с ценными бумагами, которые французский дворянин, бежавший из Парижа, просит отправить своей семье. Вошедшие во Франкфурт солдаты Французской революции убивают маркиза-аристократа, а листок с адресом жены и сына, написанный маркизом перед гибелью, Натан вынужден уничтожить, чтобы не подвергать опасности Риту и маленькую дочь. Таким образом, состояние маркиза остаётся у Натана, который поклялся своей жене найти наследника Де Сан-Каст и отдать причитающееся. Второе действие происходит в 1814 г. на даче Натана Готтшильда, теперь уже успешного лондонского банкира, сумевшего стать таковым благодаря начальному капиталу – деньгам маркиза. Натан воспитывает дочь. Волею судеб учитель музыки маленькой Риты, Виктор, оказывается сыном маркиза Де Сан-Каст. Молодой человек вынужден скрывать свое происхождение, которое открывается благодаря случайности – купленной шкатулке. Первым об этом узнаёт Натан, перед которым встаёт нравственный выбор – вернуть деньги законному наследнику или пустить их в оборот. Банкир исполняет свой нравственный долг.

³ Свобода! братство! Если бы эти слова были предвестниками новой эры и имели значение для всего человечества! Если бы они звучали правдой, не было бы больше притеснения дворян над евреями, или этого жестокого закона израильтян над израильтянами!

⁴ Кисельников предстает перед зрителями как и герой мелодрамы В. Дюканжа «Тридцать лет, или Жизнь игрока» (1827) Жорж де Жермани, который за 30 лет (действие пьесы начинается в 1790 г. и заканчивается в 1820 г.) проходит путь от юности до старости, от богатства до крайней нищеты, от страсти к игре и легкого воровства до самых глубин порока и преступления.

⁵ Реньяр Жан Франсуа (Jean Francois Regnard, 1655–1709) – французский комедиограф, ближайший преемник Мольера. В истории французской комедии Реньяр занимает место крупнейшего представителя развлекательной комедии положений. Реньяр часто впадал в карикатуру, прибегал к водевильным эффектам, стараясь во что бы то ни стало угодить зрителям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Великий банкир. Комедия в двух частях. Итало Франки. Перевод А.Н. Островского // Отечественные записки. 1871. № 7. С. 109–162.
2. *Enciclopedia italiana* Treccani. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/enrico-montazio_\(Enciclopedia-Italiana\)](http://www.treccani.it/enciclopedia/enrico-montazio_(Enciclopedia-Italiana)).
3. *L'origine di un gran banchiere o Un milione pagabile a vista* : commedia in 2 parti / di Italo Franchi. Milano : F. Sanvito, 1864. 88 p.
4. Островский А.Н. Полн. собр. соч. : в 12 т. М. : Искусство, 1973–1980.
5. Пушкин А.С. Полн. собр. соч., 1837–1937 : в 16 т. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1959.
6. Брентон Э. Шекспир – русский // Вопросы литературы. 2007. № 4. С. 214–223.
7. Кони А.Ф. А.Н. Островский // А.Н. Островский в воспоминаниях современников. М. : Худ. лит., 1966. 630 с.
8. Библиотека А.Н. Островского (Описание). АН СССР. Л. : Библиотека АН СССР, 1963. 272 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 22 октября 2014 г.

A.N. OSTROVSKY'S TRANSLATION OF I. FRANCHI'S *THE GREAT BANKER, OR PAYMENT OF A MILLION UPON PRESENTATION IN THE CONTEXT OF THE PLAYWRIGHT'S WORK*

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 46–51. DOI 10.17223/15617793/391/7

Korniltseva Irina B. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irinakorniltseva@mail.ru

Keywords: A.N. Ostrovsky; I. Franchi; historical and family chronicle; melodrama; translate; Russian-Italian literary relations.

The article considers prerequisites and reasons why Ostrovsky referred to translating the play by Italian playwright Italo Franchi *L'origine di un gran banchiere o un milione pagabile a vista* (1864): travel abroad, artistic understanding of the new European bourgeoisie psychology, the playwrights interest to the issues of Russian and European history. Ostrovsky translated *The Great Banker* (1867) and published it twice, apart from *Notes of the Fatherland*: in S.V. Zvonarev's volume (1872) and in N.G. Martynov's volume (1886). The second publication attests to the significance he gave to the translated play. Interconnection of A.N. Ostrovsky and I. Franchi experiences in writing memorials and learning new methods of psychological analysis is investigated. In 1860s Ostrovsky creates a series of memorials, marked by deep epicism, which was also typical for I. Franchi's play: the events take place during the French Revolution (1792) and at the end of Napoleonic Wars (1814), and are set in Germany and England. Reference to translating the play "about the great banker" was connected with studying the Shakespearean tradition: some situations of the plot and characters of the Italian play go up to Shakespeare's *Merchant of Venice*. Ostrovsky's interest to I. Franchi's play was also conditioned by the two playwrights' rapprochement in their attitude to picturing an ordinary man on different stages of their spiritual development. In mid-1860s, the genre of memorial became universal for Ostrovsky's creativity. The playwright referred to the genre of memorial to picture the life of a hero in its development. Two years before translating *The Great Banker* Ostrovsky had completed his play *Depth*, where he depicts the inner drama of a modern hero. One of the aspects in Ostrovsky's genre strategy was the question of the ways of creating precise psychological image of an ordinary person's spiritual life. In this context, European melodrama experience appeared to be very important. Ostrovsky's attitude to melodrama and ways of psychological analysis development can be traced in peculiarities of the translation. The playwright saves the emotionalism of the heroes' speech, but reduces pseudoromantic utterances, thus, removing the melodramatic colour. Ostrovsky's translating activity is inextricably tied with his own creativity. Work on translations enriched the writer with new ideas, the experience of European theatre, and contributed to the prosperity of Russian national dramaturgy.

REFERENCES

1. Velikiy bankir. Komediya v dvukh chastyakh. Italo Franki. Perevod A.N. Ostrovskogo [Great Banker. Comedy in two parts. Italo Franchi. Translated by A.N. Ostrovsky]. *Otechestvennye zapiski – Notes of the Fatherland*, 1871, no. 7, pp. 109–162.
2. *Enciclopedia italiana* Treccani. Available from: [http://www.treccani.it/enciclopedia/enrico-montazio_\(Enciclopedia-Italiana\)](http://www.treccani.it/enciclopedia/enrico-montazio_(Enciclopedia-Italiana)).
3. *L'origine di un gran banchiere o Un milione pagabile a vista*: commedia in 2 parti di Italo Franchi. Milano: F. Sanvito, 1864. 88 p.
4. Ostrovsky A.N. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 12 t.* [Complete Works: in 12 vols.]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1973–1980.
5. Pushkin A.S. *Polnoye sobraniye sochineniy, 1837–1937: v 16 t.* [Complete Works, 1837–1937: in 16 vols.]. Moscow; Leningrad: USSR AS Publ., 1937–1959.
6. Brenton E. Shekspir – russkiy [Shakespeare – a Russian]. *Voprosy literatury*, 2007, no. 4, pp. 214–223.
7. Koni A.F. *A.N. Ostrovskiy* [A.N. Ostrovsky]. In: Grigorenko V.V., Makashina S.A. (eds.) *A.N. Ostrovskiy v vospominaniyakh sovremennikov* [A.N. Ostrovsky in the memoirs of the contemporaries]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1966.
8. *Biiblioteka A.N. Ostrovskogo (Opisanie)* [A.N. Ostrovsky's Library (A description)]. Leningrad: USSR AS Library Publ., 1963. 272 p.

Received: 22 October 2014

НОМИНАЦИИ ЗВУКОВ ПРИРОДЫ В ИДИОЛЕКТЕ НОСИТЕЛЯ НАРОДНО-РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

Описаны номинации звуков природы в идиолекте типичного русского старожила Сибири. Рассматриваются обозначения звуков диких и домашних животных, а также природных стихий. Количественный анализ звукообозначений позволяет сделать вывод о том, какие сферы природы наиболее значимы для говорящего. Текстовая реализация данных единиц в повседневной бытовой речи и отдельных фольклорных жанрах даёт возможность реконструировать представления о звуках природы, типичные для носителя традиционной культуры.

Ключевые слова: идиолект; диалектная языковая личность; русские говоры Сибири; звукообозначение; семантика; народно-речевая культура.

Заявленная тема является частью исследования особенностей сенсорного восприятия, отраженных в речи типичного представителя русских старожилов Среднего Приобья. Данная работа выполняется в рамках масштабного проекта по изучению феномена диалектной языковой личности, осуществляемого учеными Томской диалектологической школы (см. подробнее: [1]). В качестве источников материала использованы записи спонтанной речи диалектоносительницы В.П. Вершининой, 1909 г. рождения, сделанные в полевых условиях томскими диалектологами (около 10 000 страниц), а также созданный на их основе «Полный словарь диалектной языковой личности» [2].

Обозначения звуков природы как часть лексико-семантического поля «звук» рассматривались в разных аспектах преимущественно в художественной речи (Н.В. Атаманова, Н.А. Курашкина, Н.А. Мишанкина, Е.В. Падучева, М.В. Попова, И.В. Пархоменко, Е.В. Свинцицкая и др.). Данные единицы были также предметом специальных исследований на материале диалектной и фольклорной речи (М.Г. Вершинина, С.А. Ганичева, В.В. Усачёва, Т.В. Цивьян). Анализ особенностей номинаций звука в идиолексиконе рядового носителя русского языка производится впервые. Цель статьи – описание номинаций звуков природы как фрагмента языковой картины мира носителя традиционной народно-речевой культуры.

Исследование проводилось в ономазиологическом аспекте: от понятия «звук природы» к средствам его языкового выражения. За единицу анализа принят лексико-семантический вариант (ЛСВ) слова или фразеологизма. В состав исследуемого микрополя вошли единицы с общим значением звука, употребляемые по отношению к явлению живой и неживой природы (*орать* ‘издавать громкие крики (о птицах, животных)’, *свистеть* ‘издавать, производить свист’). В то же время были исключены из анализируемого материала ЛСВ, где значение «звук природы» утеряно при метафоризации (*ла'яться* ‘ругаться, браниться’) или при включении во фразеологический оборот (*нетухом запеть* ‘о чувстве радости, восторга’), пословицу (*кото'ра собака лает, та лу'че не укусит, а кото'ра не лает, дак укусит та* – ‘опасен скрытый враг’). Не рассматривались также слова, имеющие звукоподражательные корни (*сверчок*), междометия для подзывания животных (*у'та-у'та*). Однако даже при таком

узком подходе семантическое микрополе «Звуки природы» предстаёт весьма обширным: выявлено 76 номинаций (что составляет около трети всех обозначений звука в идиолекте) и более 250 контекстов.

Чаще всего для номинации звука используются глаголы (*реветь*) и звукоподражательные междометия (*гав*), достаточно редки имена существительные (*рёв*); зафиксированы одно наречие (*рёвом*) и фразеологический оборот, имеющий усилительное значение (*рёвом реветь*).

Звуки природы можно разделить на несколько типов: звуки домашних животных, звуки диких животных, звуки неживой природы. Именно эти противопоставления представляются релевантными для народно-речевой культуры. Рассмотрим номинации этих групп звучания.

Звуки домашних животных обозначают около 50 единиц, отмечено около 200 контекстов с ними. Самыми частотными и разнообразными среди них являются обозначения звуков кошки и собаки.

Кошка как единственное животное, проживающее в доме, чаще всего попадает в поле зрения говорящего. Микрополе обозначений звуков, издаваемых кошкой, включает 18 лексем, в большинстве случаев это диалектные или просторечные варианты общерусских слов. Наиболее употребительны глагол *мя'вкать* и однокоренные ему: *Кышшо'нка мя'вкат и мя'вкат, на улице осталась; Даже не мя'вкнула и домой; Я ему [коту] давала мяса, ну немного, а он всё равно мя'учит бе'гат; А она замя'вала, кы'ска-то опе'ть при мне же; Коробку поставила там, тряпку поло'жила, и в баню унё'рла [кошку]. Она ешо помя'вала мале'нько, и я легла. Часто используются звукоподражания: Она «мяу-мяу, мяу-мяу, мяу-мяу» – ну никакого спок'я нету. Представлены и другие единицы, используемые также для обозначения звуков, издаваемых человеком: *Ой, посты'ла-то кака' [кошка]. Так будет вякаты и вякаты; А сёдни кы'ска в и'збу попала и давай Ваську [кота] тут лупить. Он давай вижже'ть, орать.**

Среди номинаций звуков собаки самым частотным является общерусское обозначение *лаять*: *Я вышла. Шарик лает, я вышла. Используются также однокоренные глаголы с дополнительным семами начала или продолжительности действия: Встала, собака залаяла, я думаю: или он ходил на улицу? – не слышать было; Так-то всё время он лает. На Ивана*

Комара *оне'ть полаял* [пёс]. Другие единицы, обозначающие собачий лай, используются реже: *Я взяла его, да хотела за шею-то взять* [пса], а он так от на меня: «Гав-гав-гав» – за' руки прям; Чё-то всё время собачонка тоже там... *вя'кат*; Как не надоед *тявкать* таку' беду. *Тя'вкат, тя'вкат* [пёс]! Сильный, истошный лай описывается при помощи глаголов со значением интенсивного действия: *Шарик чё-то но'нче лаял. Там ходят по берегу, и он лает без ума, насажа'тся, надрыва'тся*; Я думаю: может, Макар'ич, поди стук'нется. А Шарик *рвёт!* *Рвёт*, лает. Для номинации звуков собаки так же, как и в случае с кошкой, может использоваться обозначение звуков человека, таким образом снимается граница между миром человека и животных: *Я только хотела [подойти] – «гав!» – закричи'л на меня* [пёс]. Обозначается не только лай, но и рычание, вой как звуки, характерные для собаки и вместе с тем имеющие специфический характер звучания: *А я его [пса] стала брать, он прямо рычит, рычит, я его за это место взяла, за ошейник-то его – ну, думаю, тут он меня не достанет, – он как поверьнётся, как меня тянет!*; *И тут Лёню-то как забрали, соба'ки-то прямо выли, увезли...*

Среди других звуков животных достаточно часто используются обозначения звуков коровы: *А она говорит это... ну, про коров, корова де-то ревёт, я говорю: ваша ли чё ли?; Вчара' Лена у нас, там телчо'нка – прямо ревом ревёт*. Отмечена также диалектная номинация: *Вон ходит [бык] какой-то буз'ует*. [Что значит «бузует?»] Ну, *кричит* ли как ли. Так и говорят «буз'ует».

Номинации звуков кур, цыплят, петухов также частотны и отличаются разнообразием (что соответствует системе литературного языка): *Так а е'то га'када [курица] – так она, может, там чё-нить де-нибу'дъ увидела; Пару'ня – курица па'рит. Клохчет курица, и её называют «пару'ня»; А петух на эту, на коню'шину залетел: «Ку-ку-ку-у!»; – там поёт; Она гыт: «Я пошла сено давать, а там: “Кок! Кок!” – курица»; Я говорю, гладишь – вытянулся, «пи-пи» – и пропал, гыт [цыплёнок]. Номинации звучания других домашних животных и птиц единичны: [Как купленный поросёнок?] *Коля говорит: «Рю'хат»; Хотела, думаю: «однако я куплю овечку ма'леньку да буду ро'стить да и заколю зимой» – а будет тут орать; Ну а он выпустил его [барана], Владимир-то: заскакал, гыт, ревет прямо, ревет...; [Передаёт речь односельчанки:] «Коня ставила, он хра'нат». «Ржёт» надо сказать, а она «хра'нат»; Гуся', гусака да гу-си'цу до'ржит. Они ходят по ограде, режут тут-ка, в загородке. Периферию поля составляют обозначения неголосовых звуков тех домашних животных, для которых представлено и голосовое звучание: *А у меня борови'шка пёстрый был. А утром встанет – только уши хлопают, и бежит; Ночью усну кода', она [кошка] с печки вот отсэ'да как бахнется на пол, прям и сразу пробужусь*.**

Многочисленны номинации звуков вредителей – мышей и крыс, своеобразной подгруппы животных, которых называют домовыми, в отличие от домашних [3]. Своеобразны и звуки этих животных – они также

являются шумовыми, а не голосовыми. Для их номинации используются преимущественно диалектные единицы со звукоподражательной основой: *От я [в]стала, села, сидела-сидела – шебарча'т* прям! А крысы, наверно, ходят; Ну, но'нче на печке чё-то *шуруди'ло*. Яйца там, скорлупа-то лежит, яи'чна. <...> *Кто-то у меня сидел, Физа, однако? «Чё-то, гыт, шуруди'т на печке»*. Я пошла. Ну, там, наверно, мышь; *Грызлись* [крысы] – прям не дай бог, только *стукото'к* стоит... *хрумото'к*; А потом это у меня как мыши заходили, как *заскреблись!* Востребованность диалектных единиц в данном случае объясняется, вероятно, отсутствием соответствующих номинаций в системе литературного языка, в котором представлены обозначения голосового звучания мышей (*писк, пищать*), в речи диалектоносительницы они не отмечены. Своеобразно и собственно звукоподражательное обозначение звуков, свойственных грызунам: *А там у меня сухари были, мешочек сзюфа'новый, засушенный и там положено. Слушаю – там: «скыр-скыр-скыр-скыр!»* Пошла – там уж дырку прогрызли. Мыши. Представлена также невербальная имитация звуков мышей и крыс: *А потом слушаю: [скребёт ногтями по дверце буфета] там, там скребутся мыши*.

Звуки остальных животных информант в своей речи упоминает гораздо реже. Отмечены 13 единиц, 26 употреблений. Среди них выделяется микрополе звучания насекомых, причём для их номинирования обычно используются обозначения широкой звуковой семантики: *Мухи поют, пчёлы поют, и никого. Гудела, гудела муха; «Откэ'да-то муха, говорит, я её убить не могу, и она шурчи'т...»; Ну и ночью у меня шумел всё [комар], реже – специальное обозначение: Ну и ночью у меня жу'же'л всё [комар]*.

Лексемы, обозначающие звуки диких зверей и птиц, немногочисленны: *Де она [рысь] сидела-то? Я не поняла. На дереве, зашипела, гыт; Нет, она [ку-кушка], может, тут она кукует? Может, одна ли две ли там прилетели. Мало их. А раньше-то. «Ку-ку, ку-ку...» – ой, немыслимо!; Раньше от едешь с полей, <...> а они [волки] за Чистым та'мо-ка воют-воют!* Для многих упоминаемых диких животных (медведь, лиса, лягушка, змея, воробей, ворон и др.) звуковые характеристики отсутствуют, хотя в русском языке существуют номинации их звучания, а информант сталкивался с этими животными в жизни. Не зафиксированы в идиолекте и обозначения звуков растений.

Номинации звуков неживой природы немногочисленны, поле включает 12 единиц, 25 употреблений. К звукам неживой природы можно отнести звуки воды, воздуха, грома и других природных явлений. Относительно часто источником звука является текущая и / или бурлящая вода: *На Томи. Она не застыла пуг'тём, а там, видно, ешо' де стрежь-то, она бури'т, вода-то; Яков Мур'за говорит это, что у тебя там чё попало [в сеть], перемёт ли чё ли, гыт, ши'бко бу'лькат*. Для номинации звуков воды диалектоносительница активно использует звукоподражания: *А лук-то поставила на плиту... на плитку. А потом... с ём [сыном] игра'м, игра'м в карты. Слушаю: «буль, буль, буль!» – он сварился у меня! Выкинула; Налью воды*

только – кап, кап, кап [умывальник]!; Копала, копала там лёд [в холодильнике], а потом оттэ'да: фф-ссс! – как её называют? Жидкость-то эта. Вся вышла.

Употребительны также обозначения звуков грозы: Мо'лонь сверкали – вчара' ли позавчара' ли. Это... гром гремел; Погря'мыват ешо [гром]; У меня хоро'ша икона была. Ка-ак гром грянет, она упадёт – всё изломалась. Источниками звука могут выступать также другие атмосферные явления – ветер, дождь: А ветер был! Ветер сви'шиэт, оборвало провод где ли кого ли – в о'бизм, не было света; Си-ильный пошёл [дождь]. А я думала, град прямо стукал. Шифери'шка тут, как крыша дак... зы'кал.

Номинации звуков животных в речи информанта могут сопровождаться их интерпретацией. Общую модель интерпретации можно представить так: звук – сигнал чего-либо. При этом различается характер связи звука и его смысла, связь может быть как реальной, так и условной, символической. Термин «символическое значение» используем в качестве рабочего, подразумевая, что звук может быть символом абстрактной сущности.

Лай собаки имеет для деревенского жителя утилитарное значение – сообщать о приходе чужих, оберегать от воров: Уснула – слышу, кто-то стукатся, Шарик даёт; А это, хоро'ша собака. Если так хоть кто пойдёт, дак не дай бог. Уви'дют дык отступ'ются, убежут. Большой, да как рывкнет, даёт-то; Я и так его [пса] худо кормлю, не шибко хорошо. А зачем он? Кода' даёт, кода' совсем не даёт. Такие интерпретации регулярно встречаются в текстах. Как отклонение от нормы расценивается и отсутствие необходимых звуков этого животного, и наличие ненужных: ...утираши'ли [воры] весь конбико'рм и... все мешки. [Собаки нет?] Есь собака, гыт, не даяла да-же. Ма'ленька собачонка. Не даяла; Надоел кобель, никакого толку [нет от него] Не даёт. Не даёт, не кусает, в дом не пускает; ...либо по берегу там собачонка ли овечка ли, конь ли, корова – он [пёс] будет даять, насажа'ться прямо. Иногда диалектоносительница интерпретирует лай как просьбу о пище: [Куда пошли?] Шарiku дать [поест], даёт он. Рычание означает проявление агрессии, угрозы: его [пса] только берёшь, а он так за руки хвата'т. <...> А... счас мале'нько, как-то помаленечку, и то – «р-р-р...» – я привязываю его. Не желает. В легенде о «хлебе на собачью долю» вой собак передаёт страдание животных и в то же время выступает как просьба, обращённая к высшим силам: Ну и вот, оспо'дь бог, гыт, прогневался, и голод созда'л. Хлеб, чтобы не... не было никого. Собаки, гыт, воют всё! – это мама рассказывала. <...> Ну и, говорит, собаки воют, гыт, все, это... прям голод! А потом бог, гыт, послал – соба'ччу долю. Мама всё говорила: «Собак корьмить – это на соба'ччу долю счас едим». Вот это говорила, я помню. [А что бог послал?] Ну, хлеб послал. Три года хлеба, гыт, не было. Дак собаки все пропали бы, если так. Если хлеба-то не было. <...> А потом... выли собаки и просили. В другом варианте этой легенды наряду с обозначениями звуков животного использованы обозначения звуков человека: И, гыт, так, гыт, плакали, собаки выли, гыт – прямо, гыт... выли!

Фольклорные тексты, в которых упоминались бы звуки кошки, в речи информанта отсутствуют. Интерпретации звуков кошки разнообразны, но носят сугубо бытовой характер. Чаще всего мяуканье расценивается как просьба о пище: Чё ты заря'вкел, замя'вкел? Вон там у тебя есь питание – и ешь. Звуки кошки часто интерпретируются также как проявление болезни или определённого физиологического состояния: Этот раз мя'вкала [кошка] – она, видно, боле'т. Мя'вкат, мя'вкат ночью! Я думаю: наверно, котить-ся будет. Не знаю. Перестала; Так он, заденешь [хвост кота] – он так – «а'у!» прям сразу ревел. А теперь он зажил у него. В определённой ситуации такие звуки воспринимаются информантом как просьба впустить в дом: [В]стала, кы'ска – ну прямо от рёвом ревет, просится, – а она на улице была. В редких случаях животному приписываются эмоции, проявлением которых служит звук: Она [новая кошка в доме] видит, что чужо', стала прямо... Она: «Мяу, мяу!»; [У кошки утопили котят]: Теперь будет це'лу неделю за мной ходить, пишиша'ть. Интерпретация тесно связана с оценкой, в большей части примеров она негативна. В отдельных случаях эмоция, вызванная звуком, обозначена лексически: Мя'вкат – и – ой! «Мя-ау, мя-ау» – вот э'дак вот ходит [кот], надоел. Средством снятия негативных эмоций становится ирония, создаваемая через уподобление звука животного звуку человека: [Коту]: Брысь, не стонай! Надоел.

«Мышиные» звуки являются свидетельством существования животных, если они не видны: [Мышей много?] Я не знаю, много ли немного, ну царапались. Даже от тут от, я клюшкой взяла там, подпиха'ла туды' под низ-то, а там сара'натся, а потом выско-чил мышь отсэ'дова. Звуки мышей, как и сами животные, издающие их, оцениваются отрицательно: ...ладонью так по стене постукай, либо чем-нибудь. Может, не будут [скрестись мыши]. Я постукаю кода', дак они перестают. Прям неприятно как-то. Звучанию мышей приписывается отрицательное символическое значение: Говорят, к худому от эти, мыши грызутся. В речи информанта негативные последствия звука сформулированы обобщённо. Шум мышей под кроватью, по некоторым приметам, предвещает покойника [4. С. 348].

Негативное значение придаётся и пению кур «попугушину», которое расценивается как ненормальное и потому – как дурная примета: Курица кода' поёт – «ой, говорят, к плохому», как-то неприятно было, кода' курицы пели. А бывает, пели курицы. В данном случае символическое значение и непосредственное эмоциональное впечатление от звука («неприятно было») тесно связаны друг с другом. При гадании на женихов согласное кудахтанье курицы и петуха, напротив, воспринимается положительно: И выпустят петуха с курицей. Кото'ры подерутся курица с петухом, дак, значит, мужик будет бить жену. А если не будет, дак тогда' дружно – если попьют, да наговаривают: «Ка-ка-ка-а, ка-ка-ка-а...» – «Ой, хороший муж будет, хорошо будем жить!» В данном случае важна не принадлежность звука определённому животному, а характер этого звука. Со звуковыми

подражаниями курице связаны многие обряды народной культуры, подражание другим животным используется реже [5. С. 296–299].

Несколько народных примет связано со звуками диких птиц. Так, сорока по традиционным представлениям – вестник гостей: *Катерина Вадимовна, наверно, сорока начикота'ла на твои'м дворе <...> Чико'тит кода' сорока-то, говорят, к гостям*. Сам звук сороки при этом воспринимается нейтрально. Звукам кукушки в соответствии с народной традицией придаётся отчётливо негативный смысл: *А кукушка кукует или нет? Говорят – на голый лес, как рано кукует кукушка – худо*. Пение на голый лес (т.е. до появления первых листьев, раньше срока) как прогноз неурожая – славянская примета [6. С. 38]. В речи диалектоносительницы и сама птица воспринимается негативно, что связано с другой приметой: появление кукушки у дома – к смерти: *А кукушка-то прилетела, а сосед-то возьмёт палку <...> да палкой по антенне-то хво'шишт! – Она всё равно кукует. Говорят, к худому, что она кукует, кукушка, а черт ё знает, где к худому, может, правда, где, а может, так. [Если к дому прилетает или в лесу тоже?] К дому, к дому. К дому, она к им на антенну прилетела. <...> Он ружьё-то взял <...> в антенну как стре'лил! – кукушка-то упала да прям на неё, на Нину-то на эту*.

Звуки диких животных вызывают страх: [*волки*] за Чистым та'мо-ка воют-воют! Ой, так прям: «У-у-у!» – жутко прямо даже. Негативная эмоция связана с представлением о самом животном как опасном. В то же время приведённый пример согласуется с тезисом Н.А. Мишанкиной о том, что звуки леса чаще всего воспринимаются как маркер чужого, а значит, опасного пространства [7. С. 8].

Звук грома – единственный из всех звуков неживого мира, получающий символическую интерпретацию. Отмечена примета, в которой особую значимость приобретает первый гром: *Ну я слыхала, Матрёна от говорила: первый гром как грянет, надо перевёртываться через голову так, чтобы спина не болела*. Подобные приметы широко известны в славянском мире [8. С. 560].

Своеобразной чертой интерпретации звукообозначений в идиолекте можно назвать также случаи ошибочного восприятия. Так, звуки человека могут восприниматься как звуки животного: *Это, пойдём дрова резать, с ём [односельчанином], а он это, режет, а у его чё-то свистело, это лёгки, ли чё ли так. Там: ф-ф-ф-ю! Режем [дрова], а я всё думаю: где птички поют-то? Кода режем, а у его там: «ф-ф-ф-ю!» – свистит. Возможна и обратная ситуация (звуки животного ошибочно принимаются за звуки человека): [*Кот стучит лапой*] *Так ночью за-стук'кат, я думаю, кто стук'катся [в дом]*. Звуки артефактов могут быть восприняты как звуки природы: *Ночью от так от машины идут, я думаю: гром ли чё ли гремит?* Такие примеры ярко отражают целостность восприятия мира, характерную для диалектоносителя. Возможно, подобные примеры имеют фольклорную основу, так как они близки приёму отрицательного сравнения.*

Проанализировав обозначения звуков природы в идиолекте, реализованные в текстах бытовой речи и некоторых фольклорных жанрах (приметы, легенда), можно сделать следующие выводы. Во-первых, своеобразны способы номинации звука. Характерная особенность речи В.П. Вершининой – использование обозначений звуков человека для передачи звуков животных (*стонать, визжать, орать* – о кошке, *кричать, закричать* – о быке, собаке, *наговаривать* – о курах, *петь* – о птицах, насекомых). Эта черта идиолексикона отражает представления о мире как о целом, в котором «всё связано со всем» [9. С. 343–344; 10. С. 7–9; 11. С. 105]. По-видимому, данную особенность можно считать специфической именно для носителей диалекта, так как она отмечается и в других русских говорах [12. С. 59].

Используемые диалектные единицы могут не иметь соответствующих лексем в системе литературного языка (здесь выделяется подгруппа обозначений шумовых звуков грызунов: *шебарчи'ть, шуруди'ть, стукото'к, скыр-скыр-скыр-скыр*). Для обозначения звуков животных в отдельных случаях употребляются единицы, которые в литературном языке включают сему «звук» лишь в качестве периферийной (*рвать, грызться*). Можно отметить также широкое использование звукоподражаний, что является одним из проявлений изобразительности как характерного принципа повествования в народно-речевой культуре [13].

В лексиконе диалектоносителя поле «звуки природы» асимметрично: номинации звуков живой природы преобладают над номинациями звуков неживой природы (в 3 раза больше ЛСВ, в 4 раза больше контекстов). Это связано с большей значимостью сферы живого в диалекте. Сфера звуков живого представлена в идиолекте звуками зверей, птиц и насекомых, отсутствуют обозначения звуков растений. Микрополе «домашние животные» гораздо обширнее микрополя «дикие животные» (по числу ЛСВ – в 2 раза, по числу употреблений в речи – в 4 раза). Эти выводы в целом совпадают с теми, что были получены при изучении обозначений звука в пермских говорах [12. С. 59; 14. С. 41].

Звук по сравнению с другими перцептивными свойствами и процессами (цветом, светом, размером, запахом, вкусом) оценивается довольно редко. Обычный критерий оценки – практический: негативно оцениваются громкие, навязчивые звуки кота, представлена позитивная оценка громкого лая собаки, отпугивающего воров. Обозначения звуков неживой природы чаще всего нейтральны в эмоциональном плане.

Звучанию животных диалектоноситель приписывает разнообразные значения, бытовые (мяуканье кошки – просьба) или символические (кукование у дома – к смерти). Символические значения, зафиксированные в приметах, отражают традиционные народные представления о животных. При этом звуки одних животных оцениваются однозначно отрицательно (волк, мыши, кукушка), других – нейтрально (звуки сороки), третьих – амбивалентно (курица, собака).

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванцова Е.В. Идиолектология // Томская диалектологическая школа: историографический очерк / под ред. О.И. Блиновой. Томск, 2006. С. 157–164.
2. Полный словарь диалектной языковой личности / под ред. Е.В. Иванцовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006–2012. Т. 1–4.
3. Домашние животные // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб. : Брокгауз-Ефрон. 1890–1907. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/37926 (дата обращения: 21.11.2014).
4. Гура А.В. Мышь // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М. : Междунар. отношения, 2004. Т. 3. С. 347–349.
5. Гура А.В. Кукушка // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М. : Междунар. отношения, 2004. Т. 3. С. 36–40.
6. Усачёва В.В. Звукоподражание // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М. : Междунар. отношения, 1999. Т. 2. С. 296–299.
7. Мишанкина Н.А. Феномен звучания в интерпретации русской языковой метафоры : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002. 23 с.
8. Толстой Н.И. Гром // Славянские древности: этнолингвистический словарь М. : Междунар. отношения, 1995. Т. 1. С. 558–560.
9. Иванцова Е.В. Исследование типологических черт диалектной языковой личности // Языковая личность: моделирование, типология, портретирование (Сибирская лингвоперсонология) / под ред. Н.Д. Голева, Н.Н. Шпильной. М. : Ленанд, 2014. С. 308–347.
10. Гынгазова Л.Г. Физическое и духовное пространство в дискурсе носителя традиционной культуры // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте. Томск : UFO-PLUS, 2007. С. 107–109.
11. Гынгазова Л.Г. Метафорическое миромоделирование в дискурсе языковой личности // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 1 (9). С. 7–11.
12. Вершинина М.Г. Диалектная звуковая картина мира: зоофоносфера (на материале пермских говоров) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 11 (29) : в 2 ч. Ч. II. С. 58–60. URL: www.gramota.net/materials/2/2013/11-2/12.html (дата обращения: 28.11.2014).
13. Гольдин В.Е. Изобразительность диалектной речи // Бюллетень фонетического общества. № 7. Тексты устной речи. Бохум, 2001. С. 49–58. URL: <http://sarteorlingv.narod.ru/Articles/Izobrazitel.htm> (дата обращения: 20.11.2014).
14. Вершинина М.Г. Лексика природы как фрагмент диалектной звуковой картины мира (на материале пермских говоров) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Русская филология. 2013. № 5. С. 40–44.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 10 декабря 2014 г.

NOMINATIONS OF NATURE SOUNDS IN THE IDIOLECT OF THE FOLK SPEECH CULTURE REPRESENTATIVE

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 52–57. DOI 10.17223/15617793/391/8

Kuznetsova Svetlana S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: opty@sibmail.com

Keywords: idiolect; dialect language personality; Siberian dialects of Russian; sound nomination; semantics; folk speech culture.

The article describes a fragment of the idiolect of a folk speech culture representative – nominations of nature sounds. In the studied material lexemes naming sounds of wild and domestic animals and natural elements are presented. Nominations of plant sounds are not fixed in the idiolect. Among the nominations of domestic animal sounds, lexemes which mean 'sound of a cat' are the most numerous group. A little fewer lexemes characterizes the sounds of a dog. Nominations of mouse sounds, as well sounds of hens, geese, cows, pigs and other domestic animals, are presented. Nominations of noisy sounds of mice are numerous; many of them are dialectal units. Nominations of wild animal sounds are a small group despite the fact that they present sounds of different types of animals (insects, birds and animals). The mention of the sounds of wild birds (cuckoo, magpie) is associated with superstitious beliefs. The sounds of inanimate nature (thunder, wind, water) are also rarely mentioned. The dialect speaker often interprets animal sounds as a signal. For example, cat's meowing is treated as a request for food. The sounds of nature, moreover, can be attributed a certain symbolic value in accordance with the folk tradition. There are folk signs associated with the sounds of the cuckoo, magpie, chicken, mice, and thunder in the studied idiolect. The mention of animal sounds has an extremely negative assessment on the emotional level. This is due to the fact that animals are evaluated by the dialect language personality by the pragmatic criterion, the sound is not important from this point of view. With the exception of the nomination of the dog barking, which has a practical value and, due to this, gets a positive rational assessment. Mentions of the sounds of inanimate nature are usually emotionally neutral, and this confirms their overall low value. There are numerous dialect words among the nominations of nature sounds, and this is explained by the relevance of this sphere in the peasant life. At the same time, the high frequency of some tokens on the background of the rarity of others leads to the conclusion that for the informant the most valuable natural sphere is "domestic animals". Specifics of nature sound nominations consists, first, in the extensive use of onomatopoeia, and, second, in using lexemes that can characterize man for naming sounds of animals. These observations correlate with the findings about such peculiarities of the informant's outlook as imaginative and undifferentiated, holistic perception of the world.

REFERENCES

1. Ivantsova E.V. *Idiolektologiya* [Idiolectology]. In: Blinova O.I. (ed.) *Tomskaya dialektologicheskaya shkola: istoriograficheskiy ocherk* [Tomsk Dialectological School: historiographical essay]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2006, pp. 157–164.
2. Ivantsova E.V. (ed.) *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Complete Dictionary of the dialect language personality]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2006–2012. Vols. 1–4.
3. *Domashnie zhivotnye* [Domestic animals]. *Entsiklopedicheskiy slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona* [Collegiate Dictionary of F.A. Brockhaus and I.A. Efron]. St. Petersburg: Brokgauz-Efron Publ., 1890–1907. Available from: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/37926. (Accessed: 21st November 2014).
4. Gura A.V. *Mysh'* [Mouse]. In: *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: ethno-linguistic dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 2004. Vol. 3, pp. 347–349.
5. Gura A.V. *Kukushka* [Cuckoo]. In: *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: ethno-linguistic dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 2004. Vol. 3, pp. 36–40.
6. Usacheva V.V. *Zvukopodrazhanie* [Onomatopoeia]. In: *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: ethno-linguistic dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 1999. Vol. 2, pp. 296–299.
7. Mishankina N.A. *Fenomen zvuchaniya v interpretatsii russkoy yazykovoy metafory*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [The phenomenon of sound in the interpretation of Russian language metaphor. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Tomsk, 2002. 23 p.

8. Tolstoy N.I. *Grom* [Thunder]. In: *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar'* [Slavic Antiquities: ethno-linguistic dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 1995. Vol. 1, pp. 558–560.
9. Ivantsova E.V. *Issledovanie tipologičeskikh čert dialektnojazykovoj ličnosti* [A study of typological features of the dialect language personality]. In: Golev N.D., Shpil'naya N.N. (eds.) *Jazykovaja ličnost': modelirovanie, tipologija, portretirovanie (Sibirskaja lingvopersonologija)* [Language personality: modeling, typology, portraiture (Siberian linguopersonology)]. Moscow: Lenand Publ., 2014, pp. 308–347.
10. Gyngazova L.G. *Fizicheskoe i dukhovnoe prostranstvo v diskurse nositelya traditsionnoj kul'tury* [Physical and spiritual space in the discourse of traditional culture representative]. In: Rezanova Z.I. (ed.) *Kartiny russkogo mira: prostranstvennye modeli v jazyke i tekste* [Pictures of the Russian world: spatial patterns in the language and the text]. Tomsk: UFO-PLUS Publ., 2007, pp. 107–109.
11. Gyngazova L.G. Metaphorical world modelling in the discourse of the language personality of a dialect speaker. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija – Tomsk State University Journal of Philology*, 2010, no. 1 (9), pp. 7–11. (In Russian).
12. Vershinina M.G. Dialectal sound picture of the world: zoophonosphere (by the material of Permian dialects). *Filologičeskie nauki. Voprosy teorij i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 2013, no. 11 (29), pt. II, pp. 58–60. Available from: www.gramota.net/materials/2/2013/11-2/12.html. (Accessed: 28th November 2014). (In Russian).
13. Gol'din V.E. *Izobrazitel'nost' dialektnoj reči* [Expression potential of dialect speech]. *Byulleten' fonetičeskogo obščestva*, 2001, no. 7, pp. 49–58. Available from: <http://sarteorlingv.narod.ru/Articles/Izobrazitel.htm>. (Accessed: 20th November 2014).
14. Vershinina M.G. *Leksika prirody kak fragment dialektnoj zvukovoj kartiny mira (na materiale permskikh govorov)* [Vocabulary of nature as a fragment of the dialect sound picture of the world (based on Permian dialects)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. "Russkaja filologija" – Bulletin MGOU" series "Russian philology"*, 2013, no. 5, pp. 40–44.

Received: 10 December 2014

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 1 (901); 304

О.Б. Бальчиндоржиева

СОЦИАЛЬНАЯ ГАРМОНИЯ В КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Даны историко-философский анализ понятия гармония «Хэ» как общественного идеала в конфуцианстве, даосизме, буддизме, а также ее интерпретации в современной социально-философской мысли Китая. В качестве существенного вопроса социальной гармонии рассматривается проблема социальной справедливости. Рассмотрены институциональные особенности современного периода развития китайского общества, препятствующие достижению социальной справедливости.

Ключевые слова: гармония; единство; общественный идеал; конфуцианство; буддизм; даосизм; равенство; справедливость.

Традиционными философскими элементами, которые используются в концепции развития современного Китая, можно назвать следующие: стремление к единству, которое достигается через совмещение противоположностей; стремление к гармонии и срединности.

Мир в китайском понимании представляется как некое единство, находящееся в положении неустойчивого равновесия противоположностей. Внутренние связи противоположностей не всегда характеризуются борьбой, но еще и взаимным переходом.

Рассмотрим историю развития представлений о гармонии и гармоничном обществе в Китае. Категория «Хэ» – согласие, дружба, гармония – имеет огромное значение для традиционной культуры Китая. Она понимается как основной принцип коммуникации, основная норма регулирования отношений между людьми, между человеком и обществом, между государствами. Конфуций видел в гармонии основу существования Космоса, закон развития всех явлений. Гармония – это соблюдение меры, стремление к срединности, отсутствие чрезмерности. Гармония есть достижение единства различных явлений, но это не простое единство. Как известно, один из постулатов конфуцианства звучит как «Хэ эр бу тун», который означает, что гармоничное единство не есть простое единство, а такое, в котором сохраняется многообразие. Например, в процессе приготовления пищи для достижения желаемого вкуса должны быть смешаны соленое, кислое, сладкое, острое или пряное.

С древности много внимания уделялось социальной гармонии как основе взаимопонимания, разрешения конфликтов, сотрудничества, взаимопомощи. Можно сказать, что данная категория является высшим общественным идеалом, к которому стремится культура конфуцианства, суть его в согласовании всего неоднородного и достижении на этой основе нового гармоничного единства, в рождении чего-то нового в процессе взаимодействия противоположностей.

В конфуцианстве существовало много интерпретаций на тему того, что же есть гармония «Хэ». Представители конфуцианства выявили характер и механизм социальной гармонии, сформулировали ее сравнительно системное понимание.

Во-первых, понятие гармонии подразумевает гармоничные отношения внутри семьи: доброе, заботли-

вое отношение родителей к детям, почитание детьми родителей, согласие между мужем и женой, любовь между братьями.

Гармоничные отношения не ограничиваются семейными, в целом люди в отношении к другим людям должны проявлять добросовестность, почтение, взаимное смирение, следование ритуалу.

Семейные отношения экстраполируются также и на государство: правители должны соблюдать воздержание и любить народ, народ же должен соблюдать дисциплину и чтить закон. То есть Конфуций полагал, что в обществе должен быть строгий иерархический порядок, уважение к ритуалу, чтобы люди могли жить в гармонии.

Во-вторых, гармония между человеком и природой. В конфуцианстве человек – часть природы. Человек и природа взаимозависимы, но не взаимозаменяемы. Мэн-цзы полагал, что необходимо охранять окружающую среду, только так люди могут быть счастливы и здоровы. Он писал, что «если не соблюдать сроки сельскохозяйственных работ, не будет вдоволь пропитания, если загрязнять водоемы, не будет вдоволь рыбы, если ходить в лес с топором в ненадлежащее время, не будет вдоволь деревьев». В этом отрывке акцент делается на том, что необходимо уважать законы природы и нельзя сверх меры потреблять природные ресурсы.

Китайский философ эпохи Хань Дун Чжуншу, развивая идею Мэн-цзы, выдвигает тезис «Тянь жэнь чжи ци, хэ эр вэй и», который означает, что в мире все взаимосвязанно, взаимозависимо, находится в отношениях взаимной гармонии.

В-третьих, гармоничные отношения между государствами. Хаос и раздор в эпоху «борющихся царств» привел к распаду династии Чжоу. В это время в конфуцианской мысли была сформулирована идея о «согласии со всеми соседними государствами». Эта идея легла в основу концепции «гармоничного мира» Ху Цзиньтао.

В конфуцианской культуре гармоничное общество будущего – это общество Великого Единения (Датун).

Утопия датун впервые была изложена в главе «Лиюнь» канона «Лицзи»: «Когда шли по Великому пути (Дадао), Поднебесная принадлежала всем [для управления], выбирали мудрых и способных, учили верности, совершенствовались в дружелюбности. По-

этому родными человеку были не только его родственники, а детьми не только его дети. Старцы имели призрение, зрелые люди – примирение, юные – воспитание. Все бобыли, вдовы, сироты, одинокие, убогие и больные были присмотрены. Своя доля была у мужчин, свое прибежище – у женщин. Нетерпимым [считалось] тогда оставлять добро на земле, но и не должно было его копить только для себя; нестерпимо было не дать силам выхода, но и не полагалось [работать] только для себя. По этой причине не возникали [злые] помыслы и не чинились кражи и грабежи, мятежи и смуты, а люди, выходя из дому, не запирали дверей. Это и называлось Великим Единением (Датун)» [1. С. 100]. Здесь мы видим, как идеал Датун рисует нам картину первобытного коммунизма, в ней выражено стремление к всеобщему равенству.

Представители даосизма разработали собственную модель гармоничного общества – «малое государство с небольшим населением», в котором нет ни войн, ни эксплуатации, ни угнетения. Идеальное общество хорошо описано в 80-м чжане «Дао-дэ цзина»: «Государство должно быть маленьким, население – малочисленным. Если и есть разные орудия, ими не следует пользоваться. И пусть люди до самой смерти не уходят из своих родных мест. Если есть лодки или повозки, ими не следует пользоваться; если есть оружие и воины, ими не стоит хвастаться. Пусть люди восстановят завязки узелков вместо письма. Пусть их пища будет вкусной, одежда хорошей, жилище удобным, а нравы приятными. Пусть [население] соседних царств видит друг друга, слышит пение петухов и лай собак. А люди пусть долго живут и не стремятся к общению» [2]. Таким образом, даосы представляли гармоничное общество, основа которого – равенство, взаимопонимание, взаимоуважение, толерантность.

С точки зрения даосизма гармония – это некий механизм, посредством которого все вещи через борьбу и столкновение приходят к состоянию взаимозависимости и единства. Согласно философии даосизма достижение состояния гармонии возможно путем соблюдения принципа недеяния (Увэй).

«В “Чжуан-цзы”, как и в “Дао-дэ цзине”, речь, по сути, идет об одном: людьми никто не должен управлять, функции администратора мешают вольной жизни человека. Совершенномудрый должен стоять во главе Поднебесной и так осуществлять принцип недеяния, чтобы люди его даже не замечали (“Лучший правитель тот, о котором знают только понаслышке; хуже те, кто требует признания и любви, еще хуже те, кого люди боятся, а самые плохие те, кого народ презирает”). Чиновников не должно быть вообще – о них в даосских трактатах не упоминается. Есть разве что пренебрежительная фраза из 18-го чжана “Дао-дэ цзина” о том, что когда в государстве беспорядок, появляются “верные слуги” (комментарий подсказывает, что имеются в виду именно чиновники). Словом, даосы полагают, что при нормальной упорядоченной организации общества оно вполне может обойтись без аппарата администрации. А люди должны жить в стиле первобытных общин, не только не знавших, но не желавших знать благ цивилизации», – пишет известный историк-востоковед Л.С. Васильев [2].

Представления о гармонии в философском учении буддизма явно выражены уже в его ранних формах. В буддизме существует положение, согласно которому «так как это существует, то то существует; так как это возникает, то то возникает». Одно из базовых учений буддизма пратитья – самутпада (закон причинно-зависимого происхождения) утверждает: все находится в зависимости от другого явления. Геше Джампа Тинлей в своих лекциях доступно объясняет учение: «Мы – живые существа – зависим друг от друга. Вы можете какое-то время оставаться самостоятельным, ни от кого не зависеть, но может наступить момент, когда вы остро ощутите зависимость от окружающих, от других людей, от внешнего мира. Я, например, сейчас завишу от этого стула: если он исчезнет, то я упаду. А если возьму и сломаю ножку стула, то есть нанесу вред окружающему, – то тем самым причину и страдание себе, – ведь упаду тут же, как только ножка стула сломается. Люди, из опыта зная эту закономерность, обычно не обижают тех, от кого зависят. Но наша связь с окружающим миром глубже, чем простая зависимость от некоторых людей, – это взаимозависимость. Люди, которые понимают всеобщую взаимосвязь, знают, что если человек нарушит что-то, то это отразится на нем самом, и поэтому стараются не причинять вреда окружающим людям и даже предметам. А сейчас вы видите взаимосвязь вещей, людей, явлений даже на примере экономики: все страны настолько взаимосвязаны, что лучше не наносить вреда соседям, иначе это отразится на тебе же. Поэтому лучше не обижать соседей, чтобы самому жилось хорошо. В таком жестком экономическом мире приходится думать не только о себе, но и об окружающих соседях, чтобы их беды не отразились на тебе» [3].

Рассуждая о философских идеях различных школ китайского буддизма, в частности школы Хуаянь, Л.Е. Янгутов и А.К. Хабдаева пишут: «Согласно их суждениям, любое явление или предмет эмпирического мира – это результат действия двух причин, главной инь (因) и второстепенной юань (缘). В свою очередь, каждое явление или предмет эмпирического мира может стать причиной другого явления или предмета, но совместно с главной причиной. Самостоятельно, без главной причины, подняться до уровня причин предмет не сможет. В то же время он сам является следствием другого предмета, ставшего его причиной, но совместно с главной причиной. Таким образом, каждая вещь или каждая пылинки существует в зависимости от другой пылинки, являясь в то же время причиной третьей пылинки, которая, в свою очередь, также является причиной четвертой и т.д., а все они вместе зависят от сознания, которое, в свою очередь, зависит от них – всех и каждого... Все взаимообусловлено, все взаимозависимо, одно обуславливает все, и все обуславливает одно... Все едино» [4. С. 258–259].

Нагарджуна, великий индийский философ II в. н.э., говорил: «Природа явлений – это взаимозависимость, тогда как сами они пусты» [5]. А это означает, что ничто (ни одна дхарма) не обладает своебытием, т.е. нет ни одной сущности, которая бы существовала

сама по себе в силу своей собственной природы. Таким образом, все дхармы пусты, безсущностны и безопорны.

О.О. Розенберг, анализируя философское учение буддизма, пишет: «Будда же постоянно учил, что такого самостоятельного “я” нет, что нет и обособленного от него мира, нет самостоятельных “предметов”, нет обособленной “жизни”; все это неразрывные корреляты, отделимые друг от друга только в абстракции» [6. С. 81–82]. Таким образом, буддизм не признает индивидуальное «Я», которое составляло бы личность как таковую, наделенную эмоциями, чувствами, волей, желаниями. «Я» ложно, т.е. индивид, ощущающий собственную «самость» и противопоставляющий себя внешнему миру как некую самостоятельную сущность, на самом деле не является таковым.

Если индивид в своих действиях отталкивается лишь от собственных желаний, ради собственного удовольствия, своими действиями наносит вред другим людям, не зная ни любви, ни сострадания, то он создает негативные плоды, в результате чего обретает страдания. «Если вы совершили неправильный поступок, то он оставляет след в вашем сознании, который переходит из жизни в жизнь. Существуют негативные, позитивные и нейтральные следы. От плохого поступка остается отрицательный след – в карме, – и он отражается на вас в будущем перерождении. Вот почему не надо наносить вред другим людям, совершать негативные поступки: они запоминаются в карме, и вы из-за этого становитесь несчастным. Если хотите быть счастливыми, то нужно сотворить причину, которая сделает вас счастливыми. Одна из главных причин – это помощь другим» [4].

Великий тибетский святой Цзонхава (1357–1419) в своем трактате «Великие этапы пути Бодхи» разработал учение о трех личностях (малой, средней и высшей) [7]. Малая личность заботится о благах только этого мира и не заботится о «спасении». Средняя – отворачивается от благ бытия и греха, но заботится только о личном «спасении и благополучии». Великая – желает избавить от страданий других. Это и есть Бодхичитта.

В буддизме гармония выступает тождеством индивида и Будды, сансары и нирваны, нет различия между природой человека и Буддой. «Тождество истинного и иллюзорного, абсолютного и условного, сансары и нирваны обусловило представления об отсутствии бинарных оппозиций, в том числе оппозиций субъекта и объекта, отрицание каких бы то ни было противоположностей, двойственностей» [8. С. 80]. Природа Будды есть истинная реальность как она есть и природа всех дхарм (подобно тому как вода есть природа любой волны, а вода остается той же самой и в горном потоке, и в грязной луже). Следовательно, природа Будды есть истинная природа всех феноменов. А из этого Махаяна делает еще один радикальный вывод: нирвана и сансара тождественны, между ними нет сущностного различия; сансара есть лишь иллюзорный аспект нирваны, никогда не возникавший, никогда не исчезающий, подобно тому как не может возникнуть или исчезнуть иллюзия: на то она и

иллюзия, что не имеет реального онтологического статуса и не существует «в себе».

Тождественность индивида другим индивидам и даже каждому живому существу снимает на индивидуальном уровне проблемы отчуждения, одиночества, насилия, единственной проблемой становится очищение сознания. Учение буддизма учит человека ограничивать свой эгоизм и агрессию, наоборот, воспитывает такое устремление, как ненасилие.

В современных китайских философских исследованиях проблема гармонии часто рассматривается под углом зрения учения марксизма. Например, работа Хуан Хайдуна «Строительство гармоничного общества – основной результат китаизации марксизма», где он пишет о том, что «концепция строительства гармоничного общества, предложенная Ху Циньтао, есть сочетание философии марксизма и традиционных китайских представлений о гармонии» [9. С. 31]. Ван Фумин и Ван Гохун пишут: «Материалистическая диалектика должна служить методологической основой построения гармоничного общества» [10]. Ван Чуньмэй в работе «Идеи Дэн Сяопина о социальной гармонии» утверждает, что хотя в высказываниях и трудах Дэн Сяопина не содержится концепции социальной гармонии, но он выдвинул ряд идей, имеющих важнейшее теоретическое и практическое значение в деле строительства гармоничного общества [11].

Китайские философы, объединяя традиционные китайские взгляды и западные учения, выделяют следующие аспекты в понимании гармонии между человеком и обществом:

1. Основным элементом общества является человек, человек – существо социальное. Гармония между человеком и обществом – нахождение баланса между общественными и индивидуальными интересами.

2. Гармония в системе горизонтальных связей: между индивидами, между различными социальными группами, социальными слоями, классами. Наличие или отсутствие устойчивых и гармоничных связей между элементами социальной структуры является решающим фактором социальной гармонии.

3. В особенно принципиальных моментах теория социальной гармонии не противопоставляется либерально-демократическим ценностям – ведь гармония не предполагает установления однообразия и уравниловки, наоборот, предполагает признание различий и того, что люди могут иметь различные ценности, ставить перед собой различные цели [12. С. 48].

При рассмотрении вопроса о социальной гармонии ее часто сравнивают с бесконфликтностью, которая вовсе не является ее признаком. Однако полное отсутствие конфликтов в обществе ведет к застою или даже к регрессу. В конфликтах есть и позитивное начало, их можно рассматривать как источник развития. Таким образом, в гармоничном обществе не отрицается наличие конфликтов, но создаются необходимые механизмы, например правовые или нравственные, для их эффективного разрешения, не позволяя им перерасти в социальные столкновения. Социальная гармония не исключает различных форм проявления конфликтов (демонстрации, выступления, пикеты и т.д.), но только в рамках законности.

Таким образом, социальная гармония – форма разрешения социальных противоречий, достижение единства или согласованности между сторонами противоречия.

Одним из наиболее эффективных механизмов является система сбора и анализа общественного мнения, создание беспрепятственных каналов для выражения общественного мнения. Все это способствует выявлению признаков социальной нестабильности и ее предупреждению. Социальная гармония является ключом к рационализации общественного порядка.

С точки зрения социальной этики наиболее существенным вопросом социальной гармонии является вопрос о социальной справедливости, потому что социальная гармония означает достижение баланса между интересами различных социальных групп, в целом всех членов общества. Ее основа – политическое равенство и социальная справедливость. Невозможно построение общества социальной гармонии без соответствующей нравственной культуры. Без воспитания нравственности построение гармоничного общества возможно лишь авторитарными способами.

Социальная гармония – это ценностная ориентация, осуществление которой возможно только при соблюдении многих условий. Содержание понятия «справедливость» в разное время зависело от исторического фона, от конкретной экономической, социальной обстановки того периода, потому она – исторически изменчивое явление. В новых условиях ее содержание обогащается. Но всегда неизменной оставалась суть справедливости «каждому по заслугам». Так, например, Аристотель выделял распределительную и уравнивающую справедливость. Первая связана с распределением благ согласно принципу достоинства, т.е. пропорционально заслугам каждого. Критерием второй является арифметическое равенство. Она уравнивает труд и его оплату, вред и его возмещение, стоимость товара и его цену.

Справедливость означает, в первую очередь, равенство, но не только в юридическом смысле, как равенство перед законом, но и равенство возможностей независимо от пола, расы, возраста, социального статуса и т.д. Так называемое равенство возможностей.

Также справедливость подразумевает правосудие. Правосудие – моральный императив, принятый большинством и имеющий универсальное значение. Принцип справедливости является той точкой, где право и нравственность встречаются и взаимно дополняют друг друга.

Для современного мира характерны процессы глобализации, политической поляризации, повышения социального и культурного многообразия. В этих новых формах социальной структуры для поддержания стабильности общества одинаково необходимы и внешняя сила закона, и внутренняя сила нравственности.

Представления о социальной справедливости в Китае можно интерпретировать в следующих двух аспектах:

1. В аспекте экономической справедливости: традиционная плановая экономика означала уравниловку и означала равенство всех – независимо от того, хо-

рошо или плохо человек трудится, но на самом деле это и скрывало самое большое неравенство. В такой ситуации подавлялись инициативность, активность, что отражалось на развитии производительных сил. Подобная эгалитарная идеология противоречит новой цели всестороннего строительства общества «сяокан» (общество малого благополучия).

Главное условие экономической справедливости – честная конкуренция. Честная конкуренция в условиях рыночной экономики – это основной принцип рационального распределения общественных благ. Конкуренция – мощный стимул и двигатель экономического развития. Ключевая роль конкуренции – увеличение производительности и экономической эффективности, стимулирование инноваций.

Сочетание справедливости и эффективности, придерживаясь социалистического принципа распределения по труду, но и с учетом и других факторов. Отрегулировать систему: пусть сначала разбогатеют некоторые, а затем все остальные. В теории социализма с китайской спецификой существенным требованием является всеобщее процветание.

2. В аспекте политической справедливости: начиная с эпохи Просвещения, когда философами была выработана теория «естественного права», человечество боролось за гарантии политических, социальных, экономических, культурных прав, без которых немыслима социальная справедливость в современном мире.

Как мы знаем, в условиях строительства социализма в общественной жизни Китая сохраняется немало несправедливых явлений. Для достижения справедливости необходимо сначала преодолеть институциональные препятствия. Во-первых, несовершенство правовой системы. В этом смысле принципы социальной справедливости должны достичь определенной степени реализации в праве. В свою очередь, правовой механизм призван обеспечивать принципы справедливости в других сферах жизни общества. Уровень социальной напряженности также достаточно велик, в стране не прекращались акции протеста, забастовки, волнения, демонстрации. Причинами социальной напряженности являются процессы изъятия крестьянских земель для государственных нужд; проблемы экологического характера, возникающие в результате строительства новых потенциально опасных производств; коррупция партийно-государственного аппарата. Обо всем этом немало говорилось на XVIII съезде Коммунистической партии Китая (КПК). В качестве решения были предложены следующие меры: создание новой модели экономики, ориентированной на повышение внутреннего спроса; реформа системы распределения доходов; усиление борьбы с коррупцией и т.д.

Во-вторых, несовершенство социалистической рыночной экономики. В Китае сложилась ситуация неполного перехода к рыночной экономике, что привело, например, к отсутствию четких стандартов конкуренции, далека от совершенства система контроля и надзора. В результате недобросовестной конкуренции довольно часто происходят случаи подделки и производства товаров низкого качества, а иногда продук-

ции, наносящей вред здоровью людей. В тех областях, где сохранилось государственное регулирование, распространены остаются такие явления, как хищение государственного имущества правительственными чиновниками, коррупция, взяточничество, злоупотребление полномочиями и т.д. Несомненно, в сфере экономической деятельности требуется строгое исполнение закона, привлечение к ответственности виновных, защита прав и законных интересов всех граждан [12. С. 63].

Понятно, что гармоничное общество не может сформироваться стихийно, а является результатом активного строительства. В период быстрых социальных изменений или стремительного развития появляется опасность временного дисбаланса при переходе от старого равновесия к новому. В течение этого времени социальная динамика должна находиться под контролем органов государственной власти, так как в этот период не определены ценности, нет четких правил, стандартов поведения, трудно отличить справедливое от несправедливого. Люди оказываются в ситуации неопределенности, они ориентируются на краткосрочные цели, нарастает социальная напряженность. В публичной сфере это ведет к росту коррупции, власть становится инструментом для достижения личных интересов; в частной сфере – к разрастанию различных форм девиантного поведения. Потому успех в деле строительства гармоничного общества более всего зависит соответствующих изменений духовного состояния людей, их характера, социальной психологии.

На XVI съезде КПК была выдвинута установка неуклонно возвышать и внедрять национальный дух: «Национальный дух является моральной опорой выживания и развития нации. Без одухотворенности и

высокой морали нация не сможет найти свое место в ряду других наций» [13. С. 39]. Поскольку в КНР считают, что возвышение и внедрение национального духа необходимо соединять со «строительством идеологии и стиля» партии, т.е., иначе говоря, «встраивать» это требование в комплекс базовых идей КПК, данное решение, несомненно, должно быть отнесено к числу ее идеологических новшеств. Возвышение и внедрение национального духа называют в КНР «стратегической задачей», тем самым акцентируя значимость новой установки для решения важнейших проблем современного существования и развития страны. Ядром национального духа считается патриотизм. Национальный дух – это также квинтэссенция китайской культуры, в том числе и традиционной. Признается необходимость включения возвышения и внедрения национального духа в процесс народного образования (на всех уровнях, начиная с детского сада). Отмечается необходимость всемерно возвышать и внедрять национальный дух через литературу, театр, кино, телевидение, музыку, хореографию [14. С. 23].

Подводя итог, хотелось бы отметить, что под давлением нарастающих социальных противоречий осознается необходимость установления гармонии между человеком и обществом (индивидуальным и социальным), а также между индивидами. Хотя существующих противоречий и конфликтов нельзя избежать, но через их взаимное согласование, приспособление и комбинирование их можно привести к эффективному совмещению и разумному сочетанию. Очень важно, чтобы в обществе установились взаимное уважение, взаимопомощь, взаимное доверие. В первую очередь это взаимное доверие между обществом и властью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лицзи. Глава Лиунь («Действительность установлений») / пер. И.С. Лисевича // Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. М.: Мысль, 1973. Т. 2.
2. Васильев Л.С. Древний Китай. Т. 3 // Историческая библиотека. URL: http://historylib.org/historybooks/Vasilev-L-C-_Drevniy-Kitay--Tom-3-Period-CHZhango--V-III-vv--do-n-e--71 (дата обращения: 18.05.2014).
3. Джампа Тинлей. К ясному свету // Библиотека Исследователь. URL: <http://www.ligis.ru/librari/1340.htm> (дата обращения: 26.05.2014).
4. Янгутов Л.Е., Хабдаева А.К. Традиции Абхидхармы в Китае. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2010.
5. Есть ли у Вселенной начало? Глава из книги Мэтью Рикарда и Тринх Тхан Ксана «Бесконечность в одной ладони: от Большого взрыва до Просветления» // Буддизм Алмазного Пути. Традиция Карма-кагью. URL: <http://www.buddhism.ru/est-li-u-vselennoy-nachalo> (дата обращения: 26.05.2014).
6. Розенберг О.О. Труды по буддизму. М.: Наука: Изд-во Вост. лит., 1991.
7. Кузнецов Б.И. Основные идейные принципы учения Шонхавы «Великие этапы пути Бодхи» // Библиотечный комплекс Международного университета природы, общества и человека «Дубна». URL: http://lib.uni-dubna.ru/search/files/relel_ist_kuznecov/relel_ist_kuznecov.pdf (дата обращения: 20.12.2013).
8. Янгутов Л.Е. Китайский буддизм: тексты, исследования, словарь. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998.
9. Хуан Хайдун. Строительство гармоничного общества – основной результат китаизации марксизма // Вестник научной концепции развития и теории гармоничного общества. 2007. № 6. С. 31–34.
10. Ван Фумин, Ван Гохун. Философия марксизма – основа строительства социалистического гармоничного общества // Вестник научных инноваций. 2008. № 15. URL: <http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotal-ZXDB200815156.htm> (дата обращения: 26.06.2014).
11. Ван Чуньмэй. «Идеи Дэн Сяопина о социальной гармонии» // Теоретические исследования. 2007. № 4. URL: http://d.wanfangdata.com.cn/Periodical_tans200704005.aspx (дата обращения: 26.06.2014).
12. Лэй Шао. Нравственное содержание концепции всестороннего строительства общества сяокан: дис. ... д-ра филос. наук. Чанша, 2005.
13. Цзян Цзэминь. Всестороннее формирование общества средней зажиточности, открытие новой главы в деле построения социализма с китайской спецификой. Доклад на XVI съезде КПК / Цзэминь Цзян. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2002.
14. Первый год нового руководства КНР: итоги, проблемы, перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 4.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 11 ноября 2014 г.

SOCIAL HARMONY IN CHINESE PHILOSOPHY

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 58–63. DOI 10.17223/15617793/391/9

Balchindorzhieva Oyuna B. Buryat State University (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: baoyu2008@yandex.ru

Keywords: harmony; unity; social ideal; Confucianism; Buddhism; Taoism; equality; equity.

This paper is devoted to the problem of social harmony. Although we believe that from this study comparative conclusions can be easily made. The focus of the study is China, one of the most rapidly developing countries today. Fast economic development of East Asian countries, the appearance of the East Asian model of modernization on its own basis revealed some advantages of eastern culture which is based on the teachings of Confucius. In the 13th century Western thinkers were delighted by the organically holistic worldview of eastern teachings. This paper presents a historical-philosophical analysis of the "harmony" concept as a social ideal in Confucianism, Taoism, Buddhism, and its interpretation in the modern Chinese philosophy. In Buddhism, the question of social harmony is not distinguished as an abstracted system, but implicitly contains original ways to resolve social contradictions through awareness of not-existence of the single "I" and of correlation of all phenomena. According to the tenets of Taoism, harmony is a mechanism by which all things through struggle come to the correlation and unity. From the view of Confucianism, harmony is the highest value and the most important law of life. Harmony appears in concord of all the inhomogeneous, in achieving through this of a new harmonious unity, in the birth of something new in the process of interaction of the opposites. In modern Chinese science, the notions of social harmony, harmonious society are studied, first, in the context of the concept of building a harmonious society proposed in the early 20th century by former President of China Hu Jintao; second, from the view of the so-called Chinesized Marxism. On this basis, the author defines social harmony as a form of resolving social conflicts, achievement of the unity or coherence between the parties to conflict. An essential issue of social harmony is the issue of social equity. The legal aspects of social equity in China are also examined. The institutional features of the modern period in the development of Chinese society hindering the achievement of social justice are considered. The author also makes an attempt to analyze social justice in the political and economic dimension. In conclusion, the important role of the state in the ideological and moral education of the people in order to harmonize social relations is emphasized.

REFERENCES

1. *Drevnekitayskaya filosofiya. Sbranie tekstov v dvukh tomakh* [Ancient Chinese Philosophy. Collection of texts in two volumes]. Moscow: Mysl' Publ., 1973. Vol. 2.
2. Vasil'ev L.S. *Drevniy Kitay* [Ancient China]. Available from: http://historylib.org/historybooks/Vasilev-L-C-_Drevniy-Kitay---Tom-3--Period-CHzhango--V-III-vv--do-n-e--/71. (Accessed: 18th May 2014).
3. Dzhampa Tinley. *K yasnemu svetu* [To clear light]. Available from: <http://www.ligis.ru/librari/1340.htm>. (Accessed: 26th May 2014).
4. Yangutov L.E., Khabdaeva A.K. *Traditsii Abkhidkhar'my v Kitae* [bhidharma traditions in China]. Ulan-Ude: VSGAKI Publ., 2010.
5. Ricard M., Ksana T.T. *Beskonechnost' v odnoy ladoni: ot Bol'shogo vzryva do Prosvetleniya* [Infinity in one palm: from the Big Bang to Enlightenment]. Available from: <http://www.buddhism.ru/est-li-u-vseennoy-nachalo>. (Accessed: 26th May 2014).
6. Rozenberg O.O. *Trudy po buddizmu* [Writings on Buddhism]. Moscow: Nauka: Vostochnaya literatura Publ., 1991.
7. Kuznetsov B.I. *Osnovnye ideynyie printsipy ucheniya Shonkhavy "Velikie etapy puti Bodkhi"* [The main ideological principles of Shonhava's doctrine "Great stages of the Bodhi path"]. Available from: http://lib.uni-dubna.ru/search/files/rel_ist_kuznecov/rel_ist_kuznecov.pdf. (Accessed: 20th December 2013).
8. Yangutov L.E. *Kitayskiy buddizm: teksty, issledovaniya, slovar'* [Chinese Buddhism: texts, study vocabulary]. Ulan-Ude: Buryat State University Publ., 1998.
9. Huang Haidong. *Stroitel'stvo garmonichnogo obshchestva – osnovnoy rezul'tat kitaizatsii marksizma* [Building a harmonious society: the main result of Chinese adaptation of Marxism]. *Vestnik nauchnoy kontseptsii razvitiya i teorii garmonichnogo obshchestva*, 2007, no. 6, pp. 31–34.
10. Wang Fumin, Wang Guohong. *Filosofiya marksizma – osnova stroitel'stva sotsialisticheskogo garmonichnogo obshchestva* [The philosophy of Marxism: the basis of building a socialist harmonious society]. *Vestnik nauchnykh innovatsiy*, 2008, no. 15. Available from: <http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotal-ZXDB200815156.htm>. (Accessed: 26th June 2014).
11. Wang Chunmei. *Idei Den Syaopina o sotsial'noy garmonii* [Ideas of Deng Xiaoping's social harmony]. *Teoreticheskie issledovaniya*, 2007, no. 4. Available from: http://d.wanfangdata.com.cn/Periodical_tans200704005.aspx. (Accessed: 26th June 2014).
12. Lei Shaoe. *Nravstvennoe sodержanie kontseptsii vsestoronnego stroitel'stva obshchestva syaokan*: dis. d-ra filos. nauk [The moral content of the concept of building a Xiaokang society. Philosophy Dr. Diss.]. Chansha, 2005.
13. Jiang Zemin. *Vsestoronnee formirovanie obshchestva sredney zazhitochnosti, otkrytie novoy glavy v dele postroeniya sotsializma s kitayskoy spetsifikoy. Doklad na XVI s"ezde KPK* [Comprehensive formation of a society of average affluence, opening a new chapter in building socialism with Chinese characteristics. Paper presented at the XVI Congress of the CPC]. Beijing: Zhen'min' chuban'she Publ., 2002.
14. *Pervyy god novogo rukovodstva KNR: itogi, problemy, perspektivy* [The first year of the new Chinese leadership: results, problems and prospects]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2004, no. 4.

Received: 11 November 2014

ЧЕЛОВЕК В ТРУДЕ. СОЦИАЛЬНЫЙ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Предпринимается попытка исследования современного положения человека в труде в социальном и антропологическом аспектах. Показано, что положение человека в труде претерпевает фундаментальные изменения, связанные с переходом социокультурной реальности в состояние постмодерна. В процессе исследования формулируется ряд значимых выводов и обобщений.

Ключевые слова: человек; труд; социокультурная ситуация; постмодерн; смерть труда.

В классическом марксизме выдвигалось положение о том, что естественная эволюция общества приведет к отмиранию механизмов эксплуатации, одним из которых являлся капиталистический труд. Этот труд свободной продажи человеком своих умений и способностей будет уничтожен¹ и на его место придет неотчужденная деятельность коммунистического человека. Сходные идеи эволюции труда высказывались и в позитивизме². О. Конт показывает развитие общества как прогрессивный эволюционный процесс, ведущий к господству разума позитивной науки³. На последней стадии этого движения разум занимает главенствующее положение, что в приложении к труду означает развитие научной организации труда⁴ и гармонизацию общественных отношений, основанных на разумном разделении труда.

Однако реальное развитие положения человека в труде продемонстрировало ограниченность подобных линейных прогрессистских теорий. Труд человека действительно переходит в новое состояние, однако параметры труда в данном состоянии довольно далеки от идеализированных предположений, выдвигаемых в марксизме и позитивизме. Вопреки позитивизму труд не только не утрачивает противоречивого характера, но, напротив, его противоречия предельно усложняются и усиливаются. В то же время труд никоим образом не приближается и к марксистскому идеалу коммунистического труда – несмотря на своеобразное размытие и умирание труда, которое фиксируется рядом теоретиков, на смену ему не приходит никакой благой внеэксплуатационной свободной деятельности, но, напротив, вся человеческая деятельность, включая досуговую, превращается в труд, который, потеряв свой смысл, становится силой чистого принуждения. Анализ данного состояния труда предпринимается в ряде концепций, дающих совершенно разный ответ на вопрос о том, что происходит с трудом на современном этапе общественного развития.

Теоретик постмарксизма Ю. Хабермас осмысливает современное положение человека в труде через противопоставление интеракции (коммуникативных действий и разума) и труда (инструментальных действий и разума). Труд не способен привести к освобождению человека от человека (на это способна лишь интеракция), но лишь к освобождению человека от природы. Соответственно, современный общественный этап есть этап перехода от труда к интеракции [3].

Близкую позицию занимает Х. Арентс, который проводит различие труда, работы и активности.

Контекст свободной коммуникации позволяет человеку существовать в современном мире не как «рабочее животное» (animal labourer) или «человек производящий» (homo faber), но как творческий субъект «начинающий новое» [4].

Теоретики постиндустриализма (Р. Арон, Д. Белл и др.) полагают, что в современном мире происходит становление нового общества, основанного на примате разума и знания и соответствующем переходе от господства «тяжелого» индустриального труда к распространению «легкого» труда, связанного с умственной деятельностью, сферой услуг и телекоммуникационных технологий [5].

Все данные трактовки смысла и роли труда в современном мире рассматривают существующие кризисы и противоречия в трудовом атрибуте человеческого бытия в качестве гибели прежнего, основанного на усилении труда и перехода общества в новое состояние, в котором труд становится легким, позитивным и менее проблематичным. На наш взгляд, подобная точка зрения неверна и не позволяет схватить ключевую суть происходящих изменений. Усилие⁵ является фундаментальной характеристикой труда, а современное состояние труда не в коей мере не является позитивным; даже его кажущаяся легкость оборачивается «невыносимой легкостью бытия». В связи с этим мы считаем необходимым представить собственную позицию относительно положения человека в труде в современном социокультурном контексте, основанную на идеях постмодернизма и постструктурализма.

Изначальный выход человека за рамки строгой детерминированности природного мира заложил основы фундаментального противоречия между человеческой субъективностью и природной объективностью⁶. Человек, являясь местом укоренения свободы, пытался противостоять тоталитарной необходимости природы через трудовое ее освоение⁷, формируя культуру как посредствующее звено в отношениях с реальностью⁸. Конечной целью этого было превращение природы в царство свободы и субъективности. Однако с течением времени разрешение основного противоречия между человеком и реальностью все более усложнялось постепенным отчуждением посредствующих элементов культуры, вырождением их в противостоящие и подчиняющие его структуры; человек утрачивал субъективность, становясь объективным структурным придатком, т.е. переход из актуального состояния в потенциальное.

Современная социокультурная ситуация, зачастую обозначаемая как эпоха постмодерна, характеризу-

ется завершением этого процесса, достижением предела, окончательного разрыва человека и объективной реальности, тотального отчуждения социокультурной реальности⁹. Постмодерн есть эпоха «суперимпериализма» – эпоха предельного отчуждения структур.

Подобное фундаментальное изменение социокультурной реальности сопровождается коренным переворотом в социальном и антропологическом статусе труда.

Согласно Ж. Бодрийяру, сначала на смену «донаучной» фазе развития промышленной системы, для которой характерна максимальная эксплуатация рабочей силы, приходит фаза машинного воспроизводства, преобладания основного капитала, где овеществленный труд выступает не только в форме продукта или продукта, применяемого как средство труда, но и в форме самой производительной силы; сегодня сам труд более не главенствует, на его место теперь поставлена машина, превратившаяся в главный элемент производства, управляющий живым трудом, т.е. произошло омертвление труда [6].

Омертвление труда выражается, на наш взгляд, в трех формах: 1) инфляция труда¹⁰; 2) симуляция труда¹¹; 3) обесмысливание труда¹². Это омертвление позволяет символизировать труд, сделать его знаком, внести в него и внести его в симулятивно-информационные порядки; труд более не есть труд реальный, но труд знаковый. Это позволяет наблюдать такие бессмысленные, с точки зрения эпохи неомодерн, и тем более эпохи модерн, феномены, как независимость заработной платы и самого труда от реальной экономики, подпавшей под власть знаковой экономики. Соответственно, и структурные элементы трудового процесса, такие как эквивалентности вещей или стоимости, теряют всякие основания, всякую меру, становясь эффектом произвола.

Согласно М. Фуко, труд становится дрессурой [7. С. 49], направленной на воспроизводство системы подавления и эксплуатации человека со стороны отчужденных структур¹³. При этом, как показывает Ж. Бодрийяр, сегодня главное место занимает уже не производительный труд, а труд – услуга, представляющая собой всегда производство информации и информационный обмен, т.е. по существу виртуальную, символическую, симулятивную экономику, экономику обращения знаков. Кроме того, само производство утрачивает свою первоочередную приоритетность, уступая ее потреблению [6].

Эмпирические исследования фиксируют, что труд все более размывается, с одной стороны, сливаясь с теми видами практик, которые ранее считались отличными от него¹⁴, а с другой стороны, включаясь в процесс дезинтеграции и распространения нестандартных форм труда (неполное рабочее время, разделение рабочего места и др.) [8. С. 11–24].

Ж. Батай фиксирует, что труд, производящий материальные блага, оборачивается их истреблением¹⁵. Наряду с производством в эпоху постмодерна становится необходимым антипроизводство, которое формирует нехватку, нужду, т.е. реализует «высшую цель капитализма – ввести нехватку туда, где всегда есть избыток» [9. С. 378].

По мнению З. Баумана, время труда становится фрагментированным¹⁶ и представляет собой систему неопределенных длительностей [11. С. 28]. Труд в эпоху постмодерна построен на принципе неопределенности и краткосрочности. Постоянный стабильный труд становится уделом ограниченной прослойки. Неопределенность труда служит индивидуализирующей силой, уничтожающей всякое понятие о производстве и труде как «общем деле». Об этом свидетельствуют конкретно-эмпирические данные: сопоставление статистик отношения к труду в 1960–1970-е гг. в 1990-е гг. позволяет утверждать, что трудовая деятельность становится чисто инструментальной ценностью, базирующейся на идее голей функциональности труда, а гарантированность места работы выдвигается на одно из лидирующих мест [12. С. 478].

Труд включается в игру слабых связей, его растекающаяся, подвижная, разделенная, разобщенная и дерегулированная версия уничтожает зависимость от него Капитала¹⁷. Если ранее он был постоянным и планомерным, то теперь он превратился в спонтанную низкооплачиваемую труд-услугу, бывшие рабочие-специалисты стали прислужой. В рамках эмпирических исследований западные социологи оперируют термином «флексibilität» (гибкость) для определения подобного состояния труда, при этом в этих исследованиях подчеркивается, что такая гибкость ведет не только к прямым воздействиям на психическое здоровье трудящегося, приводя его в состояние депрессии и упадка, вызванного чувством незащищенности и отсутствием стабильности, но и приводит к коррозии социальности, атомизации, необоснованной и негативной интенсификации труда [7, 13, 14]. При этом данные тенденции не являются отрывочными или единичными, но укладываются в новую модель бытия человека в труде, которую принято обозначать как постфордистскую модель. Эмпирические исследования [15. С. 244–255], проводимые в западных странах, в которых становление новой модели труда происходит наиболее интенсивно, позволяют выделить следующие черты этой модели: 1) флексбилизация; 2) разграничение (детерриторизация); 3) деформализация; 4) самоорганизация и управление контекстом (сотрудники должны стремиться к повышению своих усилий и изыскивать для этого ресурсы); 5) идеологизация (в направлении идеологии корпоративного государства фашизма); 6) индивидуализация; 7) фрагментация интересов.

А. Горц в работе «Критика экономического разума» подводит итог многолетним исследованиям проблем постмодернистского труда¹⁸. Согласно Горцу, развитие капитализма следует понимать как увеличивающийся разрыв между сферой труда и жизни. Все возрастающая рационализация и специализация приводят к тому, что отдельный трудящийся оказывается простой функцией производства, подчиненной бюрократизации, функционализации и омертвлению жизни. Человек включается в круговорот, в котором его частичное отчужденное бытие в труде стремится к восполнению в частной жизни, однако это восполнение необходимо нуждается в средствах, добыть которые можно лишь включившись в еще более интенсивное

отчуждение. Происходит «трудоуизация» всего бытия человека: каждая секунда его жизни отныне должна быть трудом, более нет места ни досугу, ни игре, ни тем более созерцанию. Дойдя до предела, рациональность и отчуждение уничтожают не только человека, но и само общество, сам труд. Распадающаяся социальность и трудовое поведение держатся от окончательного крушения лишь на скелете голой функциональности, в рамках которой индивиды выступают в роли программируемых (через зрелища и развлечение) функциональных механизмов¹⁹. Чем больше человек стремится к тому, чтобы его индивидуальный труд удовлетворял его желания, тем больше он ведет всю систему труда к краху, так как ее правилом является принципиальное несоответствие желаний отдельных трудящихся общему результату их труда.

Группа «Кризис» (Р. Курц, Р. Шольц, Н. Тренкле и др.) в «Манифесте против труда» указывает, что умерший, никому не нужный труд не отошел в мир иной, но стал предметом культа, «иррациональной абстракцией» и как таковой главной тоталитарной силой. Чтобы поддерживать культ умершего труда, государственная система подавления в союзе с капиталом тратит все средства для поддержания бессмысленной иллюзии труда и идеологического оправдания через тезис «кто не работает, тот не ест». Досуг, любые нетрудовые формы существования уничтожены; теперь всякое время подчинено трудовой логике и трудовому измерению, а досуг есть не более чем время внутри труда, необходимое для возобновления сил. Человек перестает существовать и на его месте разветвляется чистая функциональность производства²⁰, лишенная смысла, мышления, заботы о бытии.

Анализ современного труда позволяет нам зафиксировать, что труд сегодня есть чистая затрата рабочей силы независимо от конкретного содержания, осуществляющаяся как самоцель. Труд есть несамостоятельная, механизированная деятельность, вырванная из социального контекста и подчиненная рациональности по той стороне реальных потребностей. Труд есть нечто абсолютно оторванное от жизни, то место, в котором время перестает быть живым и становится просто сырьем. В труде имеет значение не то что делается, а сам факт делания, поскольку именно он несет функцию возрастания ценности капитала ради самого возрастания. Накопление мертвого труда в качестве капитала есть единственный смысл всего социального строения. Умерший труд в своем пережитии²¹ подчиняется логике восполнения и постоянного отрицания в утверждении наличия²². В основании его лежат симуляторная реальность и смерть.

Труд становится трудом иллюзии – трудом по производству иллюзорного существования. Логика иллюзии – однонаправленная тоталитарность, ярким пример которой является телевидение – не человек смотрит его, но оно «говорит» ему; между телевидением и человеком нет диалога, есть лишь монолог, с которым невозможно спорить. Но человек и не желает спорить, он желает добывать информацию, которая становится продуктом его труда иллюзии. В этом труде создается капсула иллюзии, в которой человек

пребывает в непреодолимом одиночестве собственной иллюзии, но это одиночество совмещено с одиночеством всех внутри масс. Иллюзия становится всеобщим опосредователем, лишая человека непосредственности в любом отношении.

Бытие человека в труде, окончательная трансформация человека в трудового человека, т.е. человека тотально определенного и детерминированного трудом, проявляется также и в развитии практик себя. М. Яцино характеризует эти практики как профессионализацию субъективности [19. С. 227]. Мы можем выделить следующие составляющие данного процесса:

1. Самоконтроль и самодисциплина (навязывание необходимости следить за собой, чтобы соответствовать стандартам моды, использование психоаналитических процедур для объяснения себя себе). Реализация самоконтроля осуществляется по трем направлениям: познание себя, управление собой, забота о себе.

2. Регуляция повседневности как основной механизм подавления и контроля.

3. Индивидуализация, разрыв с другими, не допускающая, однако, никакого проявления подлинной самобытности. Такая индивидуализация есть, прежде всего, статусная индивидуализация, проявляющаяся в стремлении жить напоказ в перспективе оценивания массами. Причем данная индивидуализация осуществляется через внешнюю тоталитарную групповую интеграцию.

4. Тотальная профессионализация (корпоративные тренинги, работа на статусный и коммерческий результат как единственная возможность достичь чего-то и проявить себя, требования обязательной самореализации, прагматический мистицизм [19. С. 246] и др.).

5. Уничтожение критичности мышления (навязывание внешнего позитивного отношения к работе, необоснованного самодовольного оптимизма, сохранения дистанции по отношению к работе, эстетизация и экстравагантность, нарциссизм, восприятие вместо разума и пр.).

6. Уничтожение широты мышления (следует мыслить лишь в направлении поставленных целей, никогда не обращать внимания на недостойные области мышления (политика, социальный строй в целом и пр.), не мыслить глубоко и проблемно, не искать иных путей, не пытаться понять причины и основания, а также конечные следствия).

7. Культ внешнего общения.

8. Труд смерти (омертвление) и имитация жизни исходящие из смерти человека и смерти труда²³.

В конечном счете, практика себя есть труд над собой извне, т.е. структурация себя.

Одновременно изменяется и социальная составляющая труда – на место коллективов приходят освобожденные сингулярности, образующие «сложный ансамбль постоянно пребывающих в становлении «диких», не прирученных механизмами легитимной репрезентации производительных сил» [20. С. 43].

Таким образом, исследование социального и антропологического аспектов положения человека в труде показывает наличие ряда фундаментальных сдвигов в этом положении, свидетельствующих о переходе человека и его труда в новое состояние

размытости и иллюзорности. При этом труд становится фронтальным антропологическим феноменом, поскольку именно в нем сосредоточиваются ключе-

вые противоречия между онтологическими основаниями человеческого существования и их радикальным смещением в условиях эпохи постмодерна.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Труд уже стал свободным во всех цивилизованных странах; дело теперь не в том, чтобы освободить труд, а в том, чтобы этот свободный труд уничтожить» [1. С. 192].

² Позитивизм и марксизм, радикально расходясь в том, каким образом должен быть достигнут прогресс человечества (марксизм – революция; позитивизм – укрепление порядка), тем не менее, во многом сходились в том, что касается достижения на конечной максимально развитой стадии технического развития человечества некоего гармоничного идеального труда.

³ Общемировое историческое движение по неименному пути интеллектуального прогресса от теологической стадий к метафизической, а затем и высшей позитивной называется Контом «законом трех стадий» и объявляется главным законом социальной динамики. (О полной несостоятельности данного «закона» см., например, [2. С. 152–171].)

⁴ Согласно Конту, именно через применение науки в труде человечество колоссально раскрывает свои ресурсы (происходят концентрация и организация рабочих масс, непрерывно растет богатство, конфликт же между пролетариатом и капиталом Конт просто объявляет несущественным отклонением, которое будет вскоре изжито), при этом судьба конкретного человека Конта волнует крайне мало. В конечном счете здесь, как и всегда у Конта, абстрактный дух (наука) одерживает вверх над материальностью (материальное существование человека).

⁵ При этом «усилие» следует понимать как у-силу, т.е. пребывание человека у порога трудовой силы, способной к радикальной трансформации реальности.

⁶ При этом человеческая субъективность изначально представляет собой аструктурную естественно-историческую общность, или «массу».

⁷ Человек, таким образом, занимает специфическое онтологическое положение: он через труд оформляет объективную реальность, вносит в нее смысл, производя тем самым реальность культурную; отсюда человек изначально является человеком трудящимся – homo labor. При этом в силу подобного понимания становится ясно, что помимо человека нет и не может быть труда, следовательно, бессмысленно говорить просто о «труде», так как его не существует, есть лишь человек, который всегда является человеком трудящимся, но не homo faber (так или иначе умелым и производящим является практически любое живое существо), homo creator (человек ничего не творит из ничего, но лишь оформляет реальность) или homo ludens (игрой заняты многие животные, она неспецифична для человека, при этом сама игра человека может быть понята как производство человеком самого себя). Человек трудящийся о-формляет и о-смысляет реальность.

⁸ Под культурой мы понимаем тотальность четырех элементов: материального, идеального, социального (сюда включается все поле отношения человека с Другим, в том числе с самим собой как с Другим) и исторического (сюда включается все поле отношений с человеческим временем, развитием). Данные элементы имеют крайне сложную природу: они, с одной стороны, являются сторонами собственной природы человека, а с другой – моментами размечания им объективной реальности, т.е. являются субъект-объектными. В момент выхода человека из природной неразличности рождаются одновременно и указанные элементы, причем именно во взаимодействии с ними отныне и проходит вся жизнь человека, именно через них ему дана объективная реальность. При этом человек не создает культуру, она рождается объективно в ходе культивирования человеком себя, в этом смысле скорее культура рождает человека; культура, в конечном счете, есть сам человек.

⁹ Неверно говорить о современной ситуации как ситуации кризиса или тупика, это именно предел, край пропасти.

¹⁰ Сегодня труд есть чистая затрата рабочей силы. Труд ради труда – вот лозунг этой инфляционной тавтологической модели, в которой труд становится бессмысленной самоцелью.

¹¹ Из-за господства омертвленного труда над живым рушится вся диалектика производства... В производстве и экономике все начинает поддаваться взаимной подстановке, обращению, обмену в ходе той же бесконечной игры отражений... Бесконечно отражаются друг в друге производительные силы и производственные отношения, капитал и труд, потребительная и меновая стоимость: это и значит, что производство растворяется в коде [6. С. 66]. Такой труд есть «фундаментальная репрессия и контроль» [Там же. С. 63], проникающие всюду, охватывающие все элементы человеческой жизни.

¹² Главным обесмысливающим фактором всегда была смерть, лишаящая труд человека реальной онтологической ценности. Сегодня, когда смерть стала самой жизнью, бессмысленность становится тотальной.

¹³ Фуко называет три основных функции труда: производство, символизацию и дрессуру (обучение индивидов покорности, послушанию, дисциплине и самоконтролю).

¹⁴ Например о слиянии политики и труда писала еще Х. Арендт (см.: [4]).

¹⁵ «Лишь конкретное живое существо или ограниченные совокупности живых существ сталкиваются с проблемой нужды. Но человек – это не только отдельное существо, оспаривающее свою часть ресурсов у живого мира и других людей. Человека одушевляет общее движение истечения (расточения) живой материи, и он не в силах остановить его; даже – на самой вершине – его суверенность в мире живого отожествляет его с этим движением; она исключительным образом обрекает его на славное дело, на бесполезное потребление» [9. С. 19].

¹⁶ О тирании фрагментарного момента и медленном времени см. также [10].

¹⁷ Это та самая зависимость, о которой говорил Гегель в своей диалектике раба и господина.

¹⁸ Рассмотрение теории А. Горца ведется по материалам статьи [16].

¹⁹ Наивной формой борьбы с этим является детскость (в том числе и в форме игризации (см., например, [17. С. 207–276])). Но усмотрение игризации как феномена дает лишь поверхностный взгляд только тогда, когда будет понята основа этой игризации, только тогда станет ясно, что эта характерная для постмодерна игра не есть легковесная игра-просто-так, но игра-в-серьез. При этом следует понимать два важных момента: во-первых, детство как проявление чего-то неполноценного, идеализированного, искусственно наделенного мягкостью есть ложная категория; истинная детскость серьезна, проблематична и глубока; во-вторых, игра может быть элементом подавления человека в попытке маскировки негативного труда под названием всего лишь игры, в которой фрагментарный человек играет одну из своих жизненных ролей.

²⁰ Ей соответствует чистая и всеобъемлющая функциональность потребления, которую подробно рассматривает Ж. Бодрийяр [18]. Однако Бодрийяр, усматривая основания этого культового состояния потребления в желании иллюзорных социальных различий, мнимого счастья обеспеченности и безопасности, продиктованных структурной идеологией, не видит самого корня этого состояния. Этот корень заключается в структурной эксплуатации желания как антропо-онтологического основания труда.

²¹ Пережитие является наиболее чудовищной формой существования: жизнь есть всегда соединение бытия и небытия («бытие-к-смерти», «влечение к смерти»), в то время как пережитие есть отсрочивание смерти ценой перманентного омертвления; уничтожение конца через существование в условиях сошедшего с ума времени, свертывающего в петли и выставляющего в качестве перспективы отработанные копии-симулякры прошедшего или еще не наступившего.

²² Труд всегда содержал момент небытия создания, закладку в основание всего производимого смерти, но сегодня это стало его главной и единственной задачей.

²³ При этом смерть труда имеет подлинно фундаментальные последствия, ибо труд есть то, через что человек существует и осуществляет себя в мире. Смерть же человека означает не просто его родовую гибель, но и смерть всего его окружения, всех его связей, т.е. мира в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. Т. 3.
2. Соловьев В. Теория О. Конта о трех фазах в умственном развитии человечества // Соч. 2-е изд. Т. 1.
3. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» / пер. с нем. М.: Практикс, 2007.
4. Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни / пер. с нем. и англ. В.В. Библихина. СПб.: Алетейя, 2000.
5. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: пер. с англ. М.: Академия, 1999.
6. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.
7. Jenkins A. Flexibility, individualization and employment insecurity in France // European Journal of Work and Organizational Psychology. 1998. № 7. P. 22–38.
8. Шевчук А.В. О будущем труда и будущем без труда (футурологические дискуссии) // Экономическая социология. 2005. Т. 6, № 3. С. 11–24.
9. Батай Ж. Проклятая доля: пер. с фр. М.: Гнозис, 2003.
10. Eriksen T.H. Tyranny of the moment: fast and slow time in the information age. L.: Pluto Press, 2001.
11. Бауман З. Индивидуализированное общество: пер. с англ. М.: Логос, 2002.
12. Темницкий А.П., Бессокирная Г.П. Сопоставление статистик отношения к труду советских рабочих в 60–70-е годы и российских в 90-е (по данным пяти исследований) // Человек и его работа в СССР и после. М.: Аспект-Пресс, 2003.
13. Wichert I. Job insecurity and work intensification: The Effects on health and well-being // Job Insecurity and the Work Intensification. L.: Routledge, 2002. P. 92–111.
14. Клемент К.М. Флексибельность по-русски – сгибаемые и негибкие работники // Отечественные записки. 2007. № 4. С. 1–13.
15. Найнхоффер Г. Современные «постфордистские» новации в западноевропейском менеджменте // Становление трудовых отношений в постсоветской России (Социологический анализ пяти случаев российского менеджмента в сравнении с практикой Канады и Германии). М.: УКТФ, 2004. С. 244–255.
16. Дамье В.В. Социальная философия Андре Горца // Наперекор. 1999/2000. № 10. С. 18–23.
17. Кравченко С.А. Игнорация общества: блага и проблемы // Сборник научно-популярных статей – победителей конкурса РФФИ 2007 года. М.: Октопус – Природа, 2008. Вып. 11. С. 270–276.
18. Бодрийяр Ж. Общество потребления / пер. с фр. Е. Самарская. М.: Республика, 2006.
19. Яццо М. Культура индивидуализма. М.: Гуманитарный Центр, 2012.
20. Пензин А. «Революционное чудовище»: понятие множества в философии Антонио Негри // Синий диван. 2004. № 5.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 10 ноября 2014 г.

HUMAN IN LABOR. SOCIAL AND ANTHROPOLOGICAL ASPECTS

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 64–69. DOI 10.17223/15617793/391/10

Bredikhin Sergei S. Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: sergei189@mail.ru

Keywords: human; labor; socio-cultural situation; postmodern; death of labor.

The article is an attempt to research the present situation of human labor in social and anthropological aspects. The author demonstrates that the human position in labor is undergoing fundamental changes associated with the transition of the socio-cultural reality in the postmodern condition. During the research, the author formulated a number of important conclusions and generalizations. In the first part of the article the prospects of development of labor in terms of the classical conceptions of Marxism and positivism are discussed and conclusions are made that the predictions offered by these conceptions have not been realized. Further, possible explanations for the changes occurring in labor from the point of view of a number of modern conceptions are given. It is concluded that a number of considered conceptions have insufficient explanatory power, and it is offered to explore the question of the fundamental changes in the anthropological and social components of labor through the author's approach based on post-modern and post-structuralist conceptions. In the second part of the article, the basic transformations of labor in the socio-cultural context of the postmodern era are studied. Attention is fixed on the process of immobilization of labor, which is expressed in three forms: simulation, inflation and loss of meaning. Next, the questions of blurred specificity of labor through its association with other types of practices and dissemination of non-standard forms of labor are discussed. The question of the transformation of temporal parameters of labor is considered. Time of labor becomes fragmented. Labor today is a system of indefinite duration. Labor in the postmodern era is built on the principle of uncertainty and short-term basis. Permanent stable labor becomes the destiny of a bounded layer. In the third part of the article, basing on the analysis of empirical material of the human condition in labor, generalization of the main parameters of the new model of labor typical of the postmodern era is made. Seven parameters of this model are identified, such as flexibilization, individualization, deformatization, self-organization, and others. Further, the issues of dual displacements in labor nature are stated: on the one hand, there is "laborization" of the human being and the nature of labor becomes a self-sufficient totalitarian force against the human, on the other hand, the nature of labor becomes simulating and illusionary. In the last part of the article, the changes in human existence, which are caused by changes in the nature, social and anthropological status of labor, are captured. Eight components of the process of "laborization" of human existence are identified, including individualization, self-control, the regulation of everyday life, and others. At the end of the article, it is stated that labor is now acquiring negative and contradictory features; at the same time it takes the position of a frontal anthropological phenomenon accumulating transgressive trends of the postmodern era.

REFERENCES

1. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1959. Vol. 3.
2. Solov'ev V. *Sochineniya* [Works]. Moscow, 1988. Vol. 2, pp. 122–138.
3. Habermas J. *Tekhnika i nauka kak "ideologiya"* [Engineering and Science as "ideology"]. Translated from German by M.L. Khor'kov. Moscow: Praxis Publ., 2007. 208 p.
4. Arendt H. *Vita activa, ili O deyatel'noy zhizni* [Vita activa, or about active life]. Translated from German and English by V.V. Bibikhin. St. Petersburg: Aletyya Publ., 2000. 437 p.
5. Bell D. *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo* [The coming post-industrial society]. Translated from English. Moscow: Akademiya Publ., 1999. 782 p.
6. Baudrillard J. *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic exchange and death]. Moscow: Dobrosvet Publ., 2000. 387 p.

7. Jenkins A. Flexibility, individualization and employment insecurity in France. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 1998, no. 7, pp. 22–38.
8. Shevchuk A.V. About Future of Work and Future Without Work (Futurology Discussions). *Ekonomicheskaya sotsiologiya – Economic Sociology*, 2005, vol. 6, no. 3, pp. 11–24.
9. Bataille J. *Proklyataya dolya* [Accursed share]. Translated from French. Moscow: Gnozis Publ., 2003. 208 p.
10. Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized Society]. Translated from English. Moscow: Logos Publ., 2002. 390 p.
11. Eriksen T.H. *Tyranny of the moment: fast and slow time in the information age*. London: Pluto Press, 2001. 192 p.
12. Temnitskiy A.P., Bessokirnaya G.P. *Sopostavlenie statistik otnosheniya k trudu sovetskikh rabochikh v 60–70-e gody i rossiyskikh v 90-e (po dannym pyati issledovaniy)* [Comparison of statistics of attitude to labor of the Soviet workers in '60-'70s and Russian workers in '90s (according to five studies)]. In: Zdravomyslov A.G., Yadov V.A. *Chelovek i ego rabota v SSSR i posle* [Man and their work in the USSR and later]. Moscow: Aspekt-Press Publ., 2003.
13. Wichert I. *Job insecurity and work intensification: The Effects on health and well-being*. In: *Job Insecurity and the Work Intensification*. London: Routledge, 2002, pp. 92–111.
14. Klement K.M. *Fleksibel'nost' po-russki – sgibaemye i nesgibaemye rabotniki* [Flexibility in Russian: flexible and unflexible employees]. *Otechestvennye zapiski*, 2007, no. 4, pp. 1–13.
15. Naynhoffer G. *Sovremennye "postfordistskie" novatsii v zapadnoevropeyskom menedzhmente* [Modern "post-Fordist" innovations in Western European management]. In: *Stanovlenie trudovykh otnosheniy v postsovetskoy Rossii (Sotsiologicheskii analiz pyati sluchaev rossiyskogo menedzhmenta v sravnenii s praktikoy Kanady i Germanii)* [Formation of labor relations in post-Soviet Russia (sociological analysis of five cases of Russian management in comparison with practice in Canada and Germany)]. Moscow: UKGF, 2004, pp. 244–255.
16. Dam'e V.V. *Sotsial'naya filosofiya Andre Gortsa* [Social Philosophy of André Gorz]. *Naperekor*, 1999/2000, no. 10, pp. 18–23.
17. Kravchenko S.A. *Igraizatsiya obshchestva: blaga i problemy* [Gamification of society: benefits and problems]. In: *Sbornik nauchno-populyarnykh statey – pobediteley konkursa RFFI 2007 goda* [Collection of popular science articles – winners of RFBR, 2007]. Moscow: Oktopus – Priroda Publ., 2008, issue 11, pp. 270–276.
18. Baudrillard J. *Obshchestvo potrebleniya* [Consumer Society]. Translated from French by E. Samarskaya. Moscow: Respublika Publ., 2006. 269 p.
19. Yatsino M. *Kul'tura individualizma* [Culture of individualism]. Kharkiv: Gumanitarnyy Tsentr Publ., 2012. 280 p.
20. Penzin A. "Revolutsionnoe chudovishche": ponyatie mnozhestva v filosofii Antonio Negri [The revolutionary monster": the notion of plurality in the philosophy of Antonio Negri]. *Siniy divan*, 2004, no. 5.

Received: 10 November 2014

ОСНОВАНИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ОБЩЕСТВЕ ПОЗДНЕГО КАПИТАЛИЗМА (ФОРМАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД)

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 13-06-00119) в рамках проекта «Концептуальные основания прикладной этики: методология принятия морального решения».

Рассматривается вопрос о том, каким образом возможна справедливость в обществе позднего капитализма, предложенная в формальной прагматике концепция жизненного мира, а также раскрывается значение данной концепции для понимания природы общества. Реконструируется разработанная Ю. Хабермасом теория коммуникации; обозначаются патологии общества позднего модерна; тематизируются возможные основания справедливости в формально-прагматической перспективе.

Ключевые слова: справедливость; жизненный мир; коммуникация; коммуникативная рациональность; общество позднего капитализма; формальная прагматика; Ю. Хабермас.

Справедливость является важнейшей категорией не только философии, этики или права, но и повседневной социальной практики, поскольку затрагивает широкий спектр человеческих взаимоотношений. Наряду с понятиями «добро» и «истина», понятие «справедливость» с давних времён прочно обосновалось в сознании человека, являясь важнейшим регулятором общественных отношений. Данная категория включает в себя множество аспектов, связанных, во-первых, с определением обязанностей людей в обществе, а во-вторых, со способом распределения совместно произведённых духовных и материальных благ.

Единого представления об источниках и содержании понятия справедливости, как известно, не существует. Споры по поводу того, что считать справедливым, ведутся с давних времён и порождают разные этические концепции. Сторонники одних концепций связывают идею справедливости с равенством, сторонники других – с индивидуальными заслугами. В одних этических теориях реализация идеи справедливости связана с деятельностью государства, в других – с процессами конкуренции.

Между тем, несмотря на разнообразие концепций, согласие по поводу понятия справедливости является важным основанием для самого общества. По замечанию А. Макинтайра, «согласие по поводу того, каковы должны быть соответствующие правила, всегда должно быть предварительным условием согласия по поводу природы и содержания конкретных добродетелей» [1. С. 330]. Отсутствие данного согласия порождает общественные противоречия и конфликты. Из вышесказанного следует, что наряду с проблемой определения сущности справедливости не менее важной является проблема того, как возможно (и возможно ли вообще) общественное согласие по поводу того, что считать справедливым.

В классической философии возможность солидарности относительно вопросов справедливости связывалась с познанием «общей человеческой природы» [2. С. 17]. В рамках современного состояния философии, которое определяется как постметафизическое [3. С. 16], отрицается существование общей человеческой природы. Поэтому проблема оснований справедливости приобретает особую актуальность и остроту.

Данная статья посвящена вопросу о том, каким образом возможна справедливость в условиях современного общества. Используя ресурс формальной прагматики, мы выявим возможные основания солидарности в постметафизической перспективе.

Решая эту проблему, мы: 1) рассмотрим предложенную в формальной прагматике концепцию жизненного мира и раскроем значение данной концепции для понимания природы общества; 2) реконструируем разработанную Ю. Хабермасом теорию коммуникации; 3) обозначим патологии общества позднего модерна; 4) тематизируем возможные основания справедливости в формально-прагматической перспективе.

1. Концепция жизненного мира. Теория жизненного мира позволяет представить общество не только как систему, состоящую из структур, которые функционируют анонимно и независимо от сознания людей, составляющих общество, но и как то, что постоянно конституируется самими индивидами в процессе повседневных коммуникативных практик. В общем смысле жизненный мир представляет собой глубокий слой нетематического знания, которое организовано в определённую универсальную структуру.

Впервые понятие «жизненный мир» вводит Э. Гуссерль. С его точки зрения, жизненный мир имеет следующие характеристики: во-первых, для феноменов жизненного мира характерна субъективная достоверность, т.е. эти феномены воспринимаются нами как непосредственно очевидные и интуитивно достоверные; во-вторых, эти феномены являются «анонимными» и содержание их определяется не активностью нашего мышления, а нашим жизненным миром; в-третьих, жизненный мир является чем-то целым; в-четвёртых, способ существования жизненного мира отличен от способа существования физических вещей. Предметы и вещи всегда «из мира» или «в мире», но сам жизненный мир не является объектом среди других объектов. Гуссерль указывает, что «мы обладаем мировым горизонтом как горизонтом возможного опыта вещей» [4. С. 188].

Таким образом, любая наша деятельность всегда предполагает, как фон, универсальный нетематический горизонт. В-пятых, жизненный мир невозможно тематизировать, так как он не является объектом.

Социальный аспект жизненного мира был исследован Альфредом Шюцем. Он поставил вопрос о смысловых структурах повседневного мира, или социальной реальности. Шюц понимал жизненный мир как мир социального, мир повседневности. Этот мир интересен по своему статусу, т.е. он переживается как общий для всех людей, принадлежащих определённому жизненному миру. Интересность жизненного мира указывает на то, что наше сознание и любое действие сущностно социальны. Социальный мир, мир социальных отношений, которому принадлежим мы, имеет для нас огромную значимость. Одновременно каждый из нас уверен, что этот мир имеет смысл и значение не только для него, но также и для других людей. Каждый из нас в своей повседневной практике исходит из того, что его действия, ориентированные на других, будут пониматься ими по аналогии с тем, как он понимает действия других, ориентированные на него. Мир повседневной практики – это интересующий мир. Этот мир выступает основанием и необходимым условием социальной коммуникации. Социальный мир включает в себя некоторую совокупность принимаемого на веру знания, это знание разделяется всеми индивидами. Часть нашего знания имеет социальное происхождение. Это значит, что «лишь небольшая часть нашего знания о мире рождается в нашем личном опыте. Большая его часть имеет социальное происхождение, передана мне моими друзьями, родителями, учителями и учителями моих учителей» [5. С. 16]. Усваивая это знание, мы становимся полноправными участниками общества, которому принадлежим. Любое социальное действие формируется в повседневности и реализуется посредством тех значений, которые делают мир осмысленным для действующего индивида.

Хабермас продолжает традицию исследования жизненного мира. Он тематизирует данный феномен, анализируя ситуацию коммуникативного взаимодействия. В данной перспективе жизненный мир предстаёт как контекст, который образует горизонт процессов взаимопонимания. Фон коммуникативной ситуации образуют её общие определения, разделяемые всеми участниками коммуникативного взаимодействия. Эти общие определения ситуации в простых случаях неявно предполагаются согласованными. Лишь в сложных случаях согласованное понимание ситуации является продуктом сознательных стремлений. Благодаря этим общим определениям участники коммуникации могут идентифицировать фрагменты ситуации, относя их к миру физических объектов, к миру социальных норм или миру субъективных переживаний. Из жизненного мира, который присутствует в коммуникативной ситуации как интуитивно ясная сеть достоверностей, выделяется сфера тех предметностей, о которых в том или ином случае может быть достигнуто согласие. Если дальше проводить это различие, то становятся всё более заметными, с одной стороны, «горизонт бесспорных, интересующих разделяемых и нетематизируемых самоочевидностей, остающийся за спиной участников коммуникации» [6. С. 206], а с другой – «объекты, которые они могут воспринимать и которыми могут манипулировать,

обязующие нормы, которые они могут соблюдать или нарушать, а также привилегированным образом доступные переживания, которые они могут манифестировать» [6].

Таким образом, жизненный мир выступает своеобразным резервуаром для осуществления интерпретации. С одной стороны, жизненным миром формируется интуитивно понимаемый контекст коммуникативного взаимодействия, а с другой стороны, он является источником ресурсов для процессов интерпретации, в которых участники коммуникации стараются покрыть возникающую в той или иной ситуации действия потребность во взаимопонимании. Хабермас замечает: «В то время как сопряжённый с той или иной ситуацией фрагмент жизненного мира в качестве некоей проблемы надвигается на действующего индивида, так сказать, спереди, сзади его поддерживает жизненный мир, который не только образует *контекст* процессов понимания, но и предоставляет для них *ресурсы*» [Там же. С. 202]. Жизненный мир обеспечивает своих участников запасом культурных самоочевидностей, из которого участники коммуникации заимствуют устраивающий образ интерпретации.

2. Коммуникация в структуре социального действия. Формальную прагматику язык интересует как речевой акт или действие, которое превращает языковое предложение в соразмерную контексту речи ситуацию. Примечательно то, что формальная прагматика рассматривает язык и коммуникацию как основу социальной жизни. С точки зрения Хабермаса, именно коммуникация, которая сплетает социальную ткань и обеспечивает её поступательную рационализацию, является фундаментом общества, а не материальные производительные силы. Коммуникативное действие, в котором благодаря механизмам взаимопонимания в среде естественного языка происходит координация планов действия участников, обеспечивает воспроизводство общества как «жизненного мира».

С точки зрения формальной прагматики мы можем выделить два модуса языкового употребления: когнитивный и коммуникативный. В нашей языковой практике «мы либо *говорим о том, что имеет или не имеет место*, либо *говорим что-нибудь кому-нибудь другому*, так что последний понимает то, что говорится» [6. С. 39]. Соответственно, первый способ употребления языка называется когнитивный, а второй – коммуникативный. Только второй способ употребления языка сущностно связан с условиями коммуникации. Понимание того, что говорится, требует участия в коммуникативном действии. Необходимо, чтобы сложилась определённая языковая ситуация, в которой один из её участников находится в коммуникации с другим участником, говорит о чём-то и выражает то, что он сам об этом думает. При когнитивном употреблении языка подразумевается всего одно фундаментальное отношение – отношение между языковыми предложениями и чем-то, имеющим место в мире, т.е. тем, о чём сообщается в этих предложениях. При коммуникативном модусе языкового употребления – при употреблении языка с целью достижения взаимопонимания с другим человеком – подразумеваются три фундаментальных отношения; «выражая *своё*

мнение, говорящий налаживает коммуникацию с другим членом той же языковой общности и говорит ему о чем-то, имеющем место в мире» [6. С. 39]. В первом случае подразумевается связь между языком и реальностью, во втором случае языковое сообщение, во-первых, выражает намерения говорящего, во-вторых, устанавливает связь между говорящим и слушателем, в-третьих, указывает на нечто, имеющее место в реальности. Таким образом, в отличие от когнитивного коммуникативный модус языкового употребления имплицитует не одно, а три отношения. Когда мы высказываемся в рамках повседневного контекста о чем-либо, мы вступаем в отношение не только с чем-то, имеющим место в объективном мире, но ещё с чем-то в социальном мире, мире социальных отношений, а также к чему-то в субъективном мире, мире собственных переживаний.

Важно также отметить, что эти два модуса языкового употребления фундируют две различные познавательные установки. При когнитивном употреблении языка наблюдатель полагает, что некоторое положение дел имеет место или будет иметь место, занимает объективирующую установку по отношению к некоторому положению дел в объективном мире. При коммуникативном употреблении языка тот, кто участвует в коммуникации, т.е. что-либо высказывает и понимает смысл того, что говорится, занимает перформативную установку, установку участника. Перформативная установка даёт возможность участникам коммуникативного взаимодействия оценивать те притязания на значимость, которые участники выдвигают в ожидании принятия или неприятия со стороны друг друга. Эти притязания критически оцениваются и в результате их интерсубъективного признания формируются условия для рационально мотивированного консенсуса. Кроме того, общаясь друг с другом в перформативной установке, участники коммуникации также выполняют определённые действия, благодаря которым воспроизводится и общий для них жизненный мир.

Перформативная установка является конститутивной для так называемого коммуникативного действия. О коммуникативном действии мы можем говорить тогда, «когда акторы идут на то, чтобы внутренне согласовать между собой планы своих действий и преследовать те или иные свои цели только при условии *согласия* относительно данной ситуации и ожидаемых последствий, которое или уже имеется между ними, или о нём ещё только предстоит договориться» [6. С. 199–200]. Хабермас противопоставляет данный тип действия действию стратегическому, для которого конститутивной является объективирующая установка. В коммуникативном действии «участники согласуют и координируют планы своих действий; при этом достигнутое в том или ином случае согласие измеряется интерсубъективным признанием притязаний на значимость» [Там же. С. 91]. Участники коммуникации, общаясь друг с другом, посредством своих речевых действий выдвигают притязания на значимость: во-первых, притязание на истинность (когда обращаются к чему-то в объективном мире), во-вторых, притязания на правильность (когда обраща-

ются к чему-то в социальном мире) и, в-третьих, притязания на правдивость (когда ссылаются на что-то в субъективном мире) своих высказываний. Если в стратегическом действии воздействие одного участника коммуникации на другого происходит эмпирически, т.е. через угрозу применения различного рода санкций, для того чтобы принудить к выполнению желанных действий, то в коммуникативном действии один участник предлагает другому рациональные мотивы присоединиться к нему.

Важно отметить, что всякий акт коммуникативного употребления языка направлен на достижение взаимопонимания. Взаимопонимание является внутренним телосом коммуникации. Процесс взаимопонимания направлен на достижение согласия, которое зависит от рационально мотивированного одобрения содержания того или иного высказывания. С точки зрения Хабермаса, «согласие невозможно навязать другой стороне, к нему нельзя обязать соперника, манипулируя им: то, что *явным образом* производится путём внешнего воздействия, нельзя *считать* согласием. Последнее всегда покоится на общих убеждениях» [6. С. 200].

Действие понимается как процесс овладения ситуацией. Коммуникативный аспект связан с совместным истолкованием ситуации, достижением консенсуса. Субъектам коммуникативного действия приходится договариваться о чем-либо, что происходит в мире, если они хотят на основе взаимного согласия реализовать свои планы исходя из общего понимания ситуации, в рамках которого происходит их взаимодействие. В качестве системы отчёта участники коммуникативного взаимодействия имплицитно выдвигают три концепта формальных миров: концепт объективного мира, концепт социального мира и концепт субъективного мира. С помощью данных концептов они могут устанавливать, что имеет место в том или ином случае. Эти концепты соотносятся с тремя функциями речевого действия. Речевое действие может служить для обозначения каких-то событий в мире, в этом случае говорящий ссылается на нечто, происходящее в объективном мире. Кроме того, с помощью речевого действия может быть установлено межличностное взаимодействие, когда говорящий ссылается на социальные нормы, существующие в социальном мире. Также речевое действие может служить выражением личных переживаний, тогда говорящий ссылается на нечто, происходящее в его субъективном мире. Таким образом, концепция трёх миров является своеобразной точкой отсчёта, которая служит основанием возможности достижения взаимопонимания между участниками коммуникативного взаимодействия. В повседневной коммуникативной практике наше согласие фундировано одновременно разделяемым нами пропозициональным знанием, согласием в нормативном плане и взаимным доверием.

3. Патологии общества позднего капитализма. Исследуя патологии позднекапиталистического общества, исследователи часто указывают на такие характерные для него явления, как «утрата свободы» и «утрата смысла». Оба эти явления возникают вследствие вторжения инструментальной рациональности в

сферу социальных практик, формируемых коммуникативным взаимопониманием. Если в обществе раннего капитализма данный процесс осуществлялся главным образом в сфере производства, то в современном обществе (обществе позднего капитализма) он проникает в социальную и культурную сферы.

«Утрата свободы» в обществе позднего капитализма возникает потому, что в результате процесса рационализации из жизненного мира выделяются такие формально организованные сферы действия, как государственное управление и экономика, взаимосвязи жизненного мира попадают в зависимость от этих элементов социальной системы. Сами же области государственного управления и экономики утрачивают связь с контекстами жизненного мира и становятся свободными от его норм, кроме того, данные области больше не формируются механизмами коммуникативного взаимопонимания. Достигнув автономности по отношению к символическим структурам жизненного мира, институты социальной системы становятся нейтральными по отношению к культуре и личности. В данном контексте общество предстаёт как свободная от нормативных связей совокупность деперсонализированных институтов, существование которой не зависит от конкретных мотивов членов общества и их индивидуальных особенностей. В противовес выделению из жизненного мира подсистем государственных учреждений и капиталистической экономики в самом жизненном мире формируются публичная и частная сферы. Основным элементом приватной сферы является семья, тогда как основным элементом публичной сферы является сеть коммуникаций, благодаря которой происходит вовлечение индивидов в процесс воспроизводства культуры (свободные ассоциации граждан и т.п.).

В данных условиях социальная реальность распадается на две сферы: 1) сферу действий, которая формируется жизненным миром и является коммуникативно структурированной; 2) сферу действий, которая является формально организованной и нейтральной по отношению к жизненному миру. Первая сфера связана с механизмом социальной интеграции, а вторая – с механизмами системной интеграции. Социальная интеграция тесно связана с феноменом языкового взаимопонимания, тогда как в формально организованных областях действия определяющими становятся механизмы саморегуляции.

В результате взаимодействия жизненного мира и элементов системы осуществляется процесс так называемой реальной абстракции. Данный процесс превращает элементы жизненного мира во «входные данные» для конкретной подсистемы, т.е. элементы утрачивают свою уникальность и индивидуальность. В системе рыночной экономики происходит, с одной стороны, обмен заработной платы на труд, а с другой – услуг и благ на потребительский спрос. В системе государственного администрирования происходит обмен организационной деятельности на налоги, а политических решений – на лояльность масс.

Таким образом, процесс реального абстрагирования приводит к колонизации жизненного мира и характерному для общества позднего капитализма типу

овеществления. Данный тип овеществления не является специфически классовым и не связан только со специфическим типом производства.

Другая проблема позднего капитализма связана с отделением экспертных сообществ от культурной традиции. Это и порождает феномен «утраты смысла» в настоящее время. Проблема заключается в том, что экспертные культуры ставят под вопрос авторитет традиции и её притязание на значимость. Как замечает Хабермас, «форма понимания, основанная на силе аргументов, становится столь прозрачной, что повседневная практики коммуникации не оставляет больше никакой ниши для господства идеологических структур» [7. С. 369]. В результате повседневное сознание оказывается дезориентированным. Оно уже не может опираться на традиционные ценности и значимости. В современном просвещённом обществе становится невозможным целостная интерпретация мира, воплощенная в intersubjectively разделяемом знании. Это приводит к тому, что «повседневное сознание, отосланное к традициям, претензии которых на значимость уже отвергнуты, оказывается вне сферы влияния традиционализма и прибывает в состоянии безнадёжного распада. Место “ложного” занимает “фрагментированное” сознание, которое препятствует просвещению с помощью механизма овеществления» [Там же. С. 370].

4. Коммуникативная рациональность как условие справедливости в обществе позднего капитализма. Как же преодолеть разрыв между жизненным миром и системой? Возможно ли достижение согласия относительно принципов справедливости? Что будет основанием морального согласия?

Отвечая на эти вопросы, Ю. Хабермас обращается к анализу процесса аргументации и тем правилам, которые имплицитно признаются всеми участниками дискуссий. Способ обоснования моральных норм вытекает из «имплицитного содержания всеобщих предпосылок аргументации» [8. С. 114].

Как уже было отмечено, с точки зрения формальной прагматики коммуникации внутренне присущи универсальные стандарты рациональности, которые предполагаются каждым её участником. Рациональность коммуникации связана с теми притязаниями на значимость, которые имплицитно присутствуют в коммуникативном модусе языкового употребления, а именно притязаниями на пропозициональную истинность, субъективную искренность и нормативную правильность. Выражение имеет притязание на истинность, так как оно отображает нечто в объективной реальности, оно притязает на то, чтобы быть правдивым, поскольку оно выражает намерения говорящего, и оно притязает на то, чтобы быть правильным, так как соотносится с «общественно признанными ожиданиями». Эти притязания являются необходимыми условиями рациональной коммуникации. Они могут подвергаться критике или быть полностью обоснованными, приниматься или отвергаться слушателем. Но, тем не менее, они с необходимостью предполагаются каждым участником осмысленной коммуникации. Действия структур коммуникативной рациональности не ограничиваются только локальными

контекстами, но обеспечивают выход за пределы той языковой ситуации, в которой реализуется коммуникативное действие. С этикой тесно связано притязание на нормативную правильность моральных высказываний.

В повседневной жизни моральные нормы координируют наши действия на двух взаимосвязанных уровнях коммуникативного взаимодействия. На первом уровне они регулируют социальные взаимоотношения, связывая и направляя мотивы нашего действия. На втором уровне – уровне моральных противоречий – моральные нормы актуализируют свои основания и направляют наши критические высказывания. Таким образом, «мораль не только подсказывает, как должны поступать члены общности; она в то же самое время даёт основания для достижения консенсуса и урегулирования тех конфликтов, к которым привели рассматриваемые действия» [8. С. 52]. Моральные нормы обладают собственным когнитивным содержанием, которое может актуализироваться во время моральных противоречий.

Моральные споры могут быть разрешены с помощью того потенциала обоснования, который внутренне присущ нормам морали. Обоснование здесь понимается «как практики публичного оправдания, в ходе которой критикуемые притязания на значимость по-

лучают поддержку в виде тех или иных оснований. При этом критерии рациональности, придающие этим основаниям их весомость, сами могут быть подвергнуты обсуждению» [8. С. 104]. В моральных дискуссиях участники стремятся к преодолению конфликта через достижение нарушенного согласия, т.е. средством преодоления моральных противоречий является открытая аргументированная дискуссия. Цель такой дискуссии – достижение intersubjectively взаимопонимания, которое и может привести к согласию относительно действительности той или иной моральной нормы.

Свою общезначимость моральные нормы могут получать в реальном практическом дискурсе. Претендовать на общезначимость могут только те моральные нормы, которые в процессе реального обсуждения получили одобрение. Действительность моральной нормы устанавливается тогда, когда все те, чьи интересы эта норма затрагивает, свободно принимают те явные и неявные последствия, к которым приведёт её принятие. При этом важно, что «одобрение», которое достигается в условиях дискурса, представляет собой согласие, мотивированное эпистемическими основаниями; его нельзя понимать как договорённость, рационально мотивированную в эгоцентрической перспективе каждого» [Там же. С. 112].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Макинтайр А.* После добродетели: исследования теории морали. Москва : Академ. проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2000. 384 с.
2. *Рорти Р.* Случайность, ирония, солидарность. М. : Русское феноменологическое общество, 1996. 280 с.
3. *Habermas J.* Nachmetaphysisches Denken. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1988. 286 s.
4. *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб. : Владимир Даль, 2004. 399 с.
5. *Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 1056 с.
6. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб. : Наука, 2006. 380 с.
7. *Хабермас Ю.* Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // Теоретическая социология: Антология : в 2 ч. М. : Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 2. С. 353–372.
8. *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб. : Наука, 2001. 417 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 01 декабря 2014 г.

GROUND FOR JUSTICE IN THE SOCIETY OF LATE CAPITALISM (THE APPROACH OF FORMAL PRAGMATICS)

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 70–75. DOI 10.17223/15617793/391/11

Gaponov Alexander S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: gaponov@sibmail.com

Keywords: justice; world of life; communication; communicative rationality; society of late capitalism; formal pragmatics; Habermas.

A single view on the source and content of the concept of justice, as we know, does not exist. Disputes over what constitutes the fair are underway since ancient times and generate different ethical concepts. Supporters of some concepts associate the idea of justice with equality, others with individual merits. In some ethical theories realization of the idea of justice is related to the activities of the state, in others with the processes of competition. This article deals with the question of how justice is possible in today's society. Using the resources of formal pragmatics, we will identify possible reasons of solidarity in post-metaphysical perspective. Solving this problem, we (1) consider the concept of life-world, proposed in formal pragmatics, and reveal the importance of this concept for understanding the nature of society; (2) reconstruct the theory of communication developed by Habermas; (3) indicate the pathology of late modern society; (4) thematize the possible grounds of fairness in the formal-pragmatic perspective. (1) The theory of life-world allows us to represent the society not only as a system consisting of structures that operate anonymously and independently of the consciousness of people in the society but also as something that is constantly constituted by individuals in the course of everyday communicative practices. In a general sense life-world is a deep layer of non-thematic knowledge that is organized in a certain universal structure. (2) Formal pragmatics is interested in language as a speech act or action that makes a linguistic sentence a situation commensurate to the context of speech. It is noteworthy that formal pragmatics considers language and communication as the basis of social life. From the point of view of Habermas, it is communication, which weaves the social fabric and provides its progressive rationalization, that is the foundation of society, not the material productive forces. A communicative act, which coordinates the action plan of the participants by mechanisms of mutual understanding in the natural language, provides reproduction of society as a life-world. (3) Investigating the pathology of late capitalist society, researchers often indicate such characteristic phenomena as "loss of freedom" and "loss of meaning". Both these phenomena are caused by the penetration of instrumental rationality into social practices generated by communicative rapport. If in the society of early capitalism this process was carried out mainly in the area of

production, in modern society (society of late capitalism) it penetrates into the social and cultural spheres. (4) The method of justification of moral norms follows from the implicit content of the general argument prerequisites.

REFERENCES

1. MacIntyre A. *Posle dobrodeteli: issledovaniya teorii morali* [After Virtue: a study of moral theory]. Moscow: Akademicheskiiy proekt Publ.; Ekaterinburg: Delovaya kniga Publ., 2000. 384 p.
2. Rorty R. *Sluchaynost', ironiya, solidarnost'* [Contingency, Irony, Solidarity]. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoy obshchestvo Publ., 1996. 280 p.
3. Habermas J. *Nachmetaphysisches Denken*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1988. 286 p.
4. Husserl E. *Krizis evropeyskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya* [The crisis of European sciences and transcendental phenomenology]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2004. 399 p.
5. Schutz A. *Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom* [Selected works: The world glowing with sense]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004. 1056 p.
6. Habermas J. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystvie* [Moral consciousness and communicative action]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2006. 380 p.
7. Habermas J. *Otnosheniya mezhdru sistemoy i zhiznennym mirom v usloviyakh pozdnego kapitalizma* [The relationship between the system and the life-world in the conditions of late capitalism]. In: *Teoreticheskaya sotsiologiya: Antologiya: v 2 ch.* [Theoretical Sociology: An Anthology: in 2 parts]. Moscow: Knizhnyy dom "Universitet" Publ., 2002. Pt. 2, pp. 353–372.
8. Habermas J. *Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoy teorii* [Involvement of the other. Essays in Political Theory]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2001. 417 p.

Received: 01 December 2014

ЧЕЛОВЕК БЕССМЕРТНЫЙ: РЕЛИГИОЗНАЯ ФИКЦИЯ ИЛИ БУДУЩЕЕ НАУКИ?

Долгое время проблема бессмертия человека не выходила за рамки религиозного дискурса. Сегодня же оппозиция безграничности и ограниченности присутствует и в головах «художников» (и в телах текстов), и в умах деятелей науки. Интеграция научной базы и философского ее осмысления выводит нас на вопрос даже не столько о возможности существования человека бессмертного, сколько о человечности этого бессмертного существа.

Ключевые слова: бессмертие; вечность; «смертническая» парадигма; ограниченность; трансгуманизм; иммортология.

Бессмертие – понятие, встроенное не только в религиозные системы, но и в научные гипотезы, концепции и теории. Религия, фундированная верой в сосуществование посюстороннего и потустороннего миров, также основывается на признании превосходства трансцендентного, высшей ценности запредельного и абсолютного. Человек, обладающий возможностью слияния с недоступным чувственности началом, по природе своей является дуальным существом. Как дуализм природы человека питает веру в достижение бессмертия, так и вера в достижение бессмертия человеком питает дуализм. Человек – это обладатель бессмертной души и тленного тела. Человек и вечен (понятие бессмертия становится излишним) и ограничен (*res extensa*).

Традиционной, укрепившейся в сознании многих людей является точка зрения о невозможности достижения бессмертия человеком, находящимся в мире без бога. Человек сводится в этом случае к *res extensa*, к «машине», а природное есть не что иное, как изменяемое, протяженное, изменяющееся, непостоянное.

Человек в мире без бога, кажется, не связан никакими надличностными нормами, «подлинно сущими» началами, нигде не укоренен и не тянется к эфиру. Однако многочисленные ученые, отвергающие веру в трансцендентное начало, не придающие значения метафизике, все же пытаются принимать меры, способствующие увеличению продолжительности жизни, стремятся создать лекарство от старости, «эликсир» жизни, панацею от всех болезней.

Основополагающими проблемами, непосредственно связанными с понятием бессмертия, являются, во-первых, проблема поиска смысла жизни и смысложизненных ориентиров в мире, где уничтожается бинарная оппозиция потустороннего-посюстороннего; во-вторых, выявление метаморфоз самоидентификации человека, готовящегося обрести долголетие; в-третьих, мысленное моделирование решения проблемы о смысле жизни в условиях обретенного практического бессмертия; в-четвертых, поиск вероятного различия в отношении к смысложизненным вопросам человека, не достигшего долголетия (или не знающего о предстоящем долголетии), и человека, обретающего практическое бессмертие.

Языковыми структурами репрезентируются устойчивые представления о человеке как смертном существе. Языковая ткань пронизана «нитьями», тянущимися к смерти, и далеко не каждый человек в состоянии трезво оценить то, что «по умолчанию», с самого рождения, включается в дискурсивные

«смертнические» практики («смерть найдет причину»; «бойся Бога: смерть у порога»; «дума за горами, а смерть за плечами»; «богатство человека от смерти не избавит» и т.д.).

Более того, существуют веские основания полагать смерть и смертность традиционными, устойчивыми темами различных произведений искусств (выше это уже было доказано примерами из копилки народной мудрости). Смерть становится тем, что как будто подлечит персонификации. Смерть мыслится антропоморфной, «идолы рода» пронзают сознание, пропитанное фатализмом и смирением перед неизбежностью конца [3]. «Смертническая» парадигма становится своего рода *Urdoxa*. Дискурсы литературных произведений пропитаны мыслями о неизбежности смерти (что же остается, как ни смирение?). Корневище «смертнической» парадигмы уходит в древность. Трагедия становится прочно стоящим на «ногах» жанром, смерть «просачивается» и в комедию. Позднее смерть – «гостья» романов любого рода. Вероятно, вообще не существует автора, не упомянувшего о смерти в каком-либо собственном произведении. *Urdoxa* представляет собой Код всех Кодов, смыслообразующее Прамнение [5. С. 105–106], но в сердцевине этого Прамнения есть червоточина. Мнение, призванное «успокоить» человека, претендующее на роль основы в познании мира, несет в себе зародыш глубочайшего кризиса. Если род, сообщество, человечество еще могут претендовать на вечность, славу, воплощение тех или иных идей, то индивид обречен оставаться «винтиком», игрушкой в руках Смерти. Смерть выступает референтом многочисленных знаков и знаковых систем. Небесполезным представляется исследование и вскрытие «смертнического» дискурса. Насмешка над смертью тоже каждый раз актуализирует ужасающий человека феномен. Единственно возможным выходом из положения является практическая борьба со смертью, которую ведет наука в лице некоторых ученых. Их идеи нередко вызывают насмешки, ученые вынуждены сталкиваться с *doxa* и отвечать вновь и вновь на утомляющие и отвлекающие от дел вопросы и возражения («бессмертие является прелюдией к вечной скуке»; «практическое бессмертие способствует возникновению диктаторских режимов, глубокому перевороту в политике социума»; «вечная жизнь есть по существу продление дряхлости» и т.д.).

Классическая литература принимает смерть как данность, зачастую воспекает так называемую героическую смерть (вспомним хотя бы многочисленные

стихи самураев). Дискурс, пытающийся «посмеяться» над смертью, «обмануть» ее, посредством введения в ткань повествования информации о новых технологиях, препятствующих старению, объявляется «фантастическим». Литература такого рода часто признается «низкопробной». Ярлык «фантастика» как будто снимает все вопросы, нивелирует серьезнейшие мировоззренческие проблемы (зачем всерьез размышлять о «фантастике»?).

Борьба со «смертнической» парадигмой должна вестись и посредством образования альтернативных дискурсов. Интерпретации сущности бессмертия и последствий его достижения, существующие в фантастической литературе, аудиовизуальных произведениях, вне сомнения, не являются достаточными. Хотя не следует недооценивать и значение литературно-художественных творений. Именно они с неодолимой силой воздействуют на эмоционально-чувственный мир человека, выступают источником неосознаваемой привычки читать, видеть и слышать о бессмертии. Собственно говоря, следует согласиться с известным российским футурологом в том, что фантастическая литература «борется» с извечной футурофобией. Футурофобия распространяется, в числе прочего, и на «грозящие» возникнуть новейшие технологии [10]. В беспредельности и перманентном становлении фантастической литературы сталкиваются и сплетаются линии ризомы: одни из корешков тянутся от *Urdoxa*, Прамнения (смерть естественна, а бессмертие – пустопорожние мечты), другие – от мнений прогрессивно настроенных художников, изображающих долгую и счастливую жизнь, образуя иную парадигму. Линии ризомы сплетаются, но пока верх одерживают «смертнические отростки».

История философской мысли фактически выступает историей сравнительно незначительных модификаций смертнической парадигмы. Существуют основания для смены понятия парадигмы на понятие эпистемы (в том смысле, какой вложил в это понятие М. Фуко). Представления о смерти интегрированы едва ли не во все философские учения, осознанием смертности человека пронизаны планы имманенции. Концепты, творимые философами, если и не прямо указывают на смертность человека, то во всяком случае интенсивная точка «пробега» в плане имманенции «факт» смертности, факт, въевшийся в дискурсы. Что бы ни доказывали мыслители, будь то бытие Бога, эманацию сверхъестественного начала, примат собственных морально-этических установок, смерть незримо присутствует в этих доказательствах. Смертность, иными словами, то, с чем молчаливо соглашались. Смертность человека нередко и то, с чем спорят. Однако «споры» ведутся на территории религии.

Философское течение экзистенциализма, актуализировавшее постановку вопроса о смысле жизни и ценностных ориентирах, в лице отдельных представителей тоже признавало факт смертности человека. Религиозный экзистенциализм истинной задачей жизни каждого видел поиск человеком самого себя в Боге и обретение целостности в подлинном мире, свободном от разрушительных последствий объективации. «Я» и «Ты» всегда смертны, но смертны как тела, как

«физис», однако «психе» является «сгустком» Бога, которым наделено каждое Его творение, каждый человек. В мире вещей, «объектов», каждый есть тело, каждый выступает объектом («Он») для любого другого, однако достижение подлинной самости – это вовсе не изоляция от другого, а объединение с другим в Боге. Религиозный экзистенциализм решает вопрос о смысле жизни в пользу Смысла, а не смыслов. Первый обретается не в мире вещей [2].

Атеистический экзистенциализм явил миру идеи, представляющие собой целый калейдоскоп воззрений. Подлинное бытие, экзистирование, отягощенность свободой, толкание Сизифом камня – все это далеко не пустые слова, а сложнейшие элементы миропонимания и мировидения [6]. В этом миропонимании скрывалась глубочайшая кризисность. Ее лаконично выразил Э. Фромм: сложнейшая экзистенциальная проблема человека заключалась в поиске гармонии между безграничными возможностями каждого человека и ограниченностью человеческой жизни [8].

Попытки устранить факт смертности сводились к совету Эпикура и его сторонников: не следует пускать смерть в собственную жизнь, иными словами, не следует думать о смерти. В противном случае смерть уже гостит на пороге жизни, уже закидывает щупальца в бытие. Человек есть, но смерти еще нет. Однако же когда смерть наступает, человека уже нет – таков вывод позднеантичного мыслителя [9]. Данная мысль Эпикура напоминает наркотик, призванный скорее временно успокоить человека, нежели устранить существующую проблему. Наступает период, когда вновь умирает кто-либо из близких, и на горизонте опять возникают слова латинской поговорки – «*tempo mori*».

Постструктурализм как целокупность идей плеяды выдающихся мыслителей как будто перестал обращать внимание на «метафизическую» проблематику, замалчивая отношение человека и смерти. Идеи Ж. Делеза и Ф. Гваттари о ризоме едва ли соотносятся с идеями практического бессмертия [4. С. 14–15]. Тем более поиск смысла жизни сопряжен с пробеганием координат, многие из которых выступают лишь вариациями доксы. Смысл жизни – это рекомбинация уже имеющихся в Вавилонской библиотеке ответов на тождественный вопрос [1].

Философским системам, таким образом, имманентно представление о смертности человека. Некоторые из них принимают смерть как должное (стоицизм), некоторые, напротив, констатируют кризисность бытия человека, возникающую в связи с осознанием факта смертности.

Альтернативными смертнической парадигме являются трансгуманистические идеи. Известно то, что в рядах трансгуманистов отсутствует должная сплоченность. Это выражено, во-первых, в различных ожиданиях и прогнозах футурологов (сторонников трансгуманизма), во-вторых, во введении в дискурсивные практики принципиально различных концептов («трансчеловек» у Н. Бострома [11], «неочеловек» у Д. Ицкова [7] и т.д.). Вероятно, дело даже не в использовании трансгуманистами различных понятий и терминов, а в том, что за этой поверхностностью скрывается ориентация мыслителей на абсолютную интегра-

цию человека и Hi-Tech. Интеграция человека и высоких технологий таит в себе не столько опасность контроля со стороны «заинтересованных» структур (введение чипов в область головного мозга), сколько растворение антропного начала, диффузию человеческого и машинного с последующей аннексией человеческого искусственным интеллектом. Собственно говоря, возникновение Е-человека, экзистующего в виртуальном пространстве, означает абсолютную детерриториализацию в мире человека и ретерриториализацию в мире машины, растворение в электронном Другом. Трансгуманизм, фундированный, в числе прочего, идеей возникновения постчеловека и Е-человека, совершает редукцию, низводя природу homo sapiens до одного лишь сознания, и отрицает важность и целесообразность существования тела (по крайней мере, по версии автора «FAQ по трансгуманизму» Н. Бострома [11]).

Альтернативный дискурс – дискурс трансгуманизма – освещает другой полюс, иное видение будущего человека (существа?). От смертнической эпистемы трансгуманисты предлагают перейти к жизни в Сети, к жизни, абсолютно обусловленной механическим Другим. Смена территории, детерриториализация человека как существа природного и ретерриториализация в пространстве, зависимость от функционирования машины («помощь машины») – вот чаяния трансгуманизма, мыслимый предел мечтаний.

Необходимости консенсуса, а де-факто создания принципиально иной системы воззрений, требует эпоха, требует сама жизнь, которую наполняет противоборство религиозных ортодоксов и радикальных трансгуманистов. Альтернативой смертнической парадигме и мечтам о рождении Е-человека является иммортология (научный иммортализм).

Таким образом, назрела необходимость развития и укрепления иной мировоззренческой парадигмы, альтернативной «смертническим» идеям и радикальным трансгуманистическим идеям. Не только создание теоретического пласта иммортологии, но реальное ознакомление людей с ее постулатами – одна из приоритетных задач. Следует ли говорить о том, что смысложизненные вопросы, связанные с возможностью обретения практического бессмертия, продолжают мушкетироваться и подогреваться не только разнородную публику, но даже ученых-специалистов. Проблема обретения смысла жизни является корневой, ее игнорирование чревато превращением человека в «искусственный интеллект», преобразующий знаки («формальные символы»), но не видящий за ними референта. Вне сомнения, бросить силы на поиск смыслообразующих ориентиров необходимо не только смертным и мирящимся с этим «фактом», но и тем, кто пошел по пути интеграции с Hi-Tech.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борхес Х.Л. Вавилонская библиотека. URL: <http://www.lib.ru/BORHES/kniga.txt> (дата обращения: 22.09.2014).
2. Бубер М. Я и Ты. URL: <http://lib.ru/FILOSOF/BUBER/ihunddu2.txt> (дата обращения: 11.02.2014).
3. Бэкон Ф. Великое восстановление наук. Новый Органон. URL: <http://www.lib.ru/FILOSOF/BEKON/nauka2.txt> (дата обращения: 22.09.2014).
4. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория ; Москва : Астрель, 2010. 895 с.
5. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб. : Алетейя, 1998. 288 с.
6. Камю А. Миф о Сизифе : философский трактат. URL: <http://philosophy.ru/library/camus/01/4.html>
7. Ицков Д. Заповеди жизни нечеловека. URL: <http://www.2045.ru/news/31383.html> (дата обращения: 22.09.2014).
8. Фромм Э. Этюды о любви. М. : АСТ ; Астрель ; Полиграфиздат, 2011. 223 с.
9. Эпикур. Письмо к Менекею. URL: http://nibirukov.narod.ru/nb_russian/nbr_teaching/nbr_teach_library/nbr_library_classics/nbr_classics_epicurus_letter_to_menoceus.htm (дата обращения: 22.09.2014).
10. Бестужев-Лада И.В. Социальное прогнозирование. Курс лекций. Ч. 1. URL: <http://alt-future.narod.ru/Future/socprog1.htm> (дата обращения: 22.09.2014).
11. Bostrom N. Structure of the global catastrophe: Risks of human extinction in the XXI century. URL: <http://www.scribd.com/doc/6250354> (дата обращения: 22.09.2014).

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 18 ноября 2014 г.

IMMORTAL MAN: RELIGIOUS FICTION OR FUTURE OF SCIENCE?

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 76–79. DOI 10.17223/15617793/391/12

Dydyrov Artur A. South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: zenonstoik@mail.ru

Keywords: immortality; eternity; "death" paradigm; limitations; transhumanism; immortology.

Immortality is a concept which is embedded not only in the religious systems, but also in the scientific hypotheses, concepts and theories. Religion, well-founded by a belief in the coexistence of this world and other worlds, is also based on the recognition of the superiority of the transcendent, the highest value of the absolute and the transcendent. A person with the ability to merge with the beginning inaccessible to sensuality is a dual being by its nature. The dualism of human nature nourishes faith in the achievement of immortality and the belief in the achievement of immortality by a human feeds dualism. The human is the holder of an immortal soul and a perishable body. The human is eternal (the concept of immortality becomes redundant) and confined (*res extensa*). Traditional for many people, is the point of view of the impossibility of achieving immortality by a person in the world without God. However, many scientists who reject belief in a transcendent principle are still trying to take measures to facilitate the increase in life expectancy, seeking to create a cure for old age, an "elixir" of life, a panacea for all diseases. Fundamental problems directly related to the concept of immortality are the following: firstly, the problem of finding the meaning of life and the meaning of life landmarks in the world where the binary opposition of otherworldly / worldly is destroyed; secondly, the identification of the metamorphosis of self-identification of a human preparing to gain longevity; thirdly, mental simulation to solve the problem of the meaning of life in a practical newfound immortality; fourthly, search for probable differences in relation to the meaning of life of a person who has not attained longevity (or does not know about the upcoming longevity) and a human who finds practical immortality. The notion of hu-

man mortality is immanent to philosophical systems. Some of them accept death as a tribute, others, on the contrary, state the crisis of the being of a human arising in connection with the realization of the fact of death. Alternative discourse is the discourse of transhumanism which illuminates the other pole, a different vision of the future of a human (being?). Transhumanists offer to go from death episteme to life in the Web, to life absolutely caused by a mechanical Other. Change of the territory of a human as a natural being and reterritorialization in the space, the dependence on the operation of the machine ("machine aid"): these are the aspirations of transhumanism, a conceivable ultimate dream. Thus, there is a need in developing and strengthening of a different ideological paradigm, alternative to the ideas of "death" and radical transhumanist ideas. Not only the creation of a theory of immortology but also people's real knowledge of its precepts are a priority.

REFERENCES

1. Borges H.L. *Vavilonskaya biblioteka* [Library of Babel]. Available from: <http://www.lib.ru/BORHES/kniga.txt>. (Accessed: 22nd September 2014).
2. Buber M. *Ya i Ty* [I and Thou]. Available from: <http://lib.ru/FILOSOF/BUBER/ihunddu2.txt>. (Accessed: 11th February 2014).
3. Bacon F. *Velikoe vosstanovlenie nauk. Novyy Organon* [Great restoration of Sciences. New Organon]. Available from: <http://www.lib.ru/FILOSOF/BEKON/nauka2.txt>. (Accessed: 22nd September 2014).
4. Deleuze J., Guattari F. *Kapitalizm i shizofreniya* [Capitalism and Schizophrenia]. Ekaterinburg: U-Faktoriya Publ.; Moscow: Astrel' Publ., 2010. 895 p.
5. Deleuze J., Guattari F. *Chto takoe filozofiya?* [What is philosophy?]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 1998. 288 p.
6. Camus A. *Mif o Sizife: filozofskiy traktat* [The Myth of Sisyphus: a philosophical treatise]. Available from: <http://philosophy.ru/library/camus/01/4.html>.
7. Itskov D. *Zapovedi zhizni neocheloveka* [Life Commandments of neo-man]. Available from: <http://www.2045.ru/news/31383.html>. (Accessed: 22nd September 2014).
8. Fromm E. *Etyudy o lyubvi* [Studies on love]. Moscow: AST; Astrel'; Poligrafizdat Publ., 2011. 223 p.
9. Epicurus. *Pis'mo k Menekeyu* [Letter to Menoeceus]. Available from: http://nibirukov.narod.ru/nb_russian/nbr_teaching/nbr_teach_library/nbr_library_classics/nbr_classics_epicu-rus_letter_to_menoceus.htm. (Accessed: 22nd September 2014).
10. Bestuzhev-Lada I.V. *Sotsial'noe prognozirovanie. Kurs lektsiy* [Social forecasting. Lectures]. Pt. 1. Available from: <http://alt-future.narod.ru/Future/socprog1.htm>. (Accessed: 22nd September 2014).
11. Bostrom N. *Structure of the global catastrophe: Risks of human extinction in the XXI century*. Available from: <http://www.scribd.com/doc/6250354/>. (Accessed: 22nd September 2014).

Received: 18 November 2014

СУБЪЕКТИВНОСТЬ СУЩНОСТНОГО ОДИНОЧЕСТВА: ЭТЮД О ХАЙДЕГГЕРЕ И БЛАНШО

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ МК-1872.2013.6.

Рассматривается парадоксальная фигура «сущностного одиночества» в мысли Мартина Хайдеггера и Мориса Бланшо. Парадокс этой фигуры заключается в том, что, будучи предельной субъективацией, сущностное одиночество исключает субъективность. Хайдеггер опирается на этот парадокс в своей критике субъекта. Бланшо применительно к сущностному одиночеству говорит о «субъективности без субъекта», аналогичной фундаментально-онтологической фигуре «голового бытия».

Ключевые слова: Хайдеггер; Бланшо; сущностное одиночество; субъективность; теория субъекта; экзистенциальная аналитика; фундаментальная онтология.

Я хотел бы остановиться на одном проблематическом локусе теории субъективности и вместе с тем критики субъекта – на фигуре «сущностного одиночества», обратившись при этом к мысли Мартина Хайдеггера и Мориса Бланшо. Само выражение «сущностное одиночество» я беру из одноименного текста Бланшо (*La Solitude essentielle*, 1953)¹, и этот текст будет одним из основных источников моего анализа.

Одиночество вообще, как известно, – излюбленная тема философии экзистенциальной или чем-то напоминающей экзистенциальную. Сущностное, глубинное одиночество, в котором мы обнажаемся до того, что мы сами суть, – вот опыт, в котором самость, как кажется, должна присутствовать в «чистом» виде. В этом опыте нашей онтологической «подлинности» мы оказываемся, в каком-то смысле, вне мира или без мира – вне пространства коммуникации, вне привычного поля обмена мнениями, вне какого бы то ни было контекста. Вот, казалось бы, место принятия на себя своего собственного существования – место, в котором героический и иронический субъект может сойтись, наконец, в рукопашной с самим реальным или самой пустотой, место, где, собственно, и гнездится всегда ускользающая субъективность. Однако парадоксальным образом «наиболее собственным» опытом субъекта оказывается такой опыт, в котором сам субъект становится невозможным. В этом опыте не удерживается никакая самость, и об этом опыте нельзя говорить от первого лица. Таков парадокс сущностного одиночества, к которому – каждый по своему – были весьма чувствительны и Хайдеггер, и Бланшо.

В случае Хайдеггера сущностное одиночество связано как раз с его концепцией собственного (подлинного, аутентичного – *eigentlich*) существования. Хайдеггер говорит об обнажении экзистенции, об уединении (*Vereinzelung*) вот-бытия до «наиболее собственного» способа быть. В лекционном курсе 1929–1930 гг. «Основные понятия метафизики» [4, 5] вопрос об «одиночестве» (*Einsamkeit*) заявлен как один из главных метафизических наряду с вопросами о мире (*Welt*) и конечности (*Endlichkeit*)². Уединение здесь – это аб-солюция экзистенции, её от-решение, становление собой как предоставление себе или отпущение себя на свободу (чуть ли не «отрешённость», *Gelassenheit*) – и экзистенциальное обращение, и

своеобразная «методическая» процедура, предоставляющая доступ к «самим вещам», как они себя кажут: «Конечность *существует* только в истинной обращённости к концу (*Verendlichkeit*). А в этой последней совершается в конечном итоге *уединение* (*Vereinzelung*) человека до его неповторимого вот-бытия. Смысл уединения не в том, что человек упорствует в своём тщедушном и маленьком Я, раздувающимся в замахе на ту или иную мнимость, которую считает миром. Такое уединение есть, наоборот, то *одиночество* (*Vereinsamung*), в котором каждый человек только и достигает близости к существу всех вещей, к миру. Что такое это *одиночество* (*Einsamkeit*), в котором человек всегда будет оказываться словно единственным (*Einzig*)? – Что это такое – *уединение*?» [4. С. 8–9; 5. С. 29].

Уединение также имеет значение специфической индивидуации – вот-бытие отделяется от озаботившего его мира, возвращается к себе из «падения» в мир. Однако это «возвращение к себе» отнюдь не стоит понимать как погружение во «внутренний мир» или в какую иную область интериорного, поскольку никакого «внутреннего мира» нет. Это не изоляция «субъекто-вещи» в онтическом (или даже онтологическом) вакууме, в безмирной пустоте, которую Хайдеггер спешит окрестить «безобидной» (SZ § 40 [6. С. 188]). Напротив, в этом уединении вот-бытие обнажается для себя именно как бытие-в-мире. Это уединение в мире как предстояние перед миром, а не убежание в мир.

Можно ли говорить о какой-то специфической субъективности этого уединённого до наиболее собственного способа быть вот-бытия? Есть ли субъект у сущностного одиночества? Кто обнажается здесь – и кто же, если не субъект? И вообще – можно ли относительно экзистенциальной аналитики Хайдеггера в целом говорить о какой-либо теории субъекта? Ведь Хайдеггер неоднократно заявляет о своём отказе от самого понятия «субъект». Пожалуй, с этого вопроса и стоило бы начать.

Несмотря на непримиримую борьбу Хайдеггера с «субъектом», по поводу проблемы его собственного отношения к теории субъективности в критике складывается две по видимости противоположные позиции, за которыми стоят разные философские интересы: с одной стороны, радость от изведения субъекта, с другой – желание его сохранить.

Одна позиция признаёт, что Хайдеггеру удалось показать возможность онтологии существования без субъекта. В рамках этой позиции экзистенциальная аналитика Хайдеггера прочитывается преимущественно в оптике его позднего «поэтического мышления», которое, в типологии Алена Бадью, занимает место опыта, уклоняющегося и от субъективности, и от объективности [7. С. 43]. Однако здесь же возможно и смещение философии Хайдеггера в сторону полюса, ориентированного на объект мышления (как то делает, например, Эммануэль Левинас, в полемическом запале обвиняя Хайдеггера в «стыдливом материализме» [8. С. 280]). В рамках этой позиции мы можем сближать Хайдеггера с Людвигом Витгенштейном или Гилбертом Райлом, или со структурализмом, встраивая его тем самым в общую линию «элиминации субъекта», делающую акцент на разного рода автоматических, аутопоэтических, самообслуживающих структурах, на онтологических машинах, в работе которых нет ничего личного. Для Хайдеггера такой автоструктурой, прежде всего, будет язык (который сам говорит). Как бы то ни было, в целом в рамках этой позиции мы верим хайдеггеровским декларациям – хотя бы применительно к его собственной теории, как бы мы к ней в конечном итоге не относились. Забавно, что Хайдеггера здесь берут в союзники как те, кто возражает против субъекта дежурным «я просто не понимаю, о чём тут речь», так и те, кто всерьёз *зачарован* устранением субъективности и автоматизмом.

Другая позиция настаивает на том, что Хайдеггер, вопреки собственным декларациям, всё-таки говорил о субъекте, но в каком-то другом (или даже «более глубоком») смысле. Эта интерпретация опирается преимущественно на саму экзистенциальную аналитику «Бытия и времени» и ряда смежных с ним текстов – на тот философский прожект, который самим же Хайдеггером был впоследствии отставлен. Таковы в основном экзистенциально-философские и феноменологические, а также психоаналитические трактовки Хайдеггера, таково его прочтение у Хьюберта Дрейфуса [9] и т.д. В рамках этой позиции мы фактически отказываем Хайдеггеру в доверии и утверждаем, что его борьба с субъектом окончилась ничем, или что эта борьба далеко ещё не закончилась, или, оправдывая Хайдеггера, говорим, что он отказывается от субъекта в достаточно узком, специфическом «метафизическом» смысле (субъект как субстанция, субъект, коррелирующий с объектом), однако этим смыслом не исчерпывается всё содержание субъективности, что как раз и проявляет себя в его же (Хайдеггера) мысли, фактически реализующей другую, неметафизическую трактовку субъекта.

Говоря о субъективности сущностного одиночества, я тем самым также отказываю Хайдеггеру в полном доверии. Но что касается этих двух позиций по поводу Хайдеггера, а также стоящих за ними философских интересов, то они не представляются мне такими уж противоположными. Сущностное одиночество как раз это хорошо демонстрирует. Элиминация субъекта и радость (наслаждение), которую мы можем по этому поводу испытывать, связаны с той

«возможностью невозможного» (небытия, смерти), которая конститутивна для субъективности (если верить и в то же время не верить Хайдеггеру). Это удовольствие напоминает удовольствие ребёнка, который прячется или представляет себя мёртвым. А кому как не детям знать о том, что такое сущностное одиночество?

Вернёмся, однако, к Хайдеггеру и посмотрим на то, как разворачивается его борьба с субъектом. Прежде всего, Хайдеггер разделяется с ним в порядке деструкции метафизической традиции: для него теория субъективности, как она сложилась в западной мыслительной традиции, оказывается средоточием недомыслия. Применению терминов «душа», «дух», «сознание», как он отмечает в «Бытии и времени», «всегда сопутствует странное отсутствие потребности спросить о смысле означенного ими сущего» (SZ § 10 [6. С. 46]). *Subiectum* – это римский перевод греческого *ύποκειμενον* – перевод одного только слова без перевода сопутствующего ему опыта, отсюда и беспочвенность говорящей о «субъекте» западной метафизики, как пишет Хайдеггер в «Истоке художественного творения» [10. С. 57]. Однако традиционные представления о «субъекте» загораживают доступ к *тому, что есть*, не только в силу своей непродуманности – они также и совершенно превратны. Образцом, *парадигмой* этой превратности для Хайдеггера выступает, разумеется, картезианская онтология, истолковываемая им через субъект-объектную оппозицию, а также через представление субъективного и объективного как двух автономных областей, «вещей» или субстанций со всей сопутствующей метафорикой «внутреннего» и «внешнего». На основе такой онтологии вырастает также представление об опосредованном характере связи с миром и вообще сама метафизическая проблема отношения к «внешней реальности». (Отметим, что это характерная черта многих критик субъективности: Гилберт Райл [11] или Томас Метцингер [12], критикуя субъекта в целом, критикуют фактически лишь специфическим образом истолкованное картезианство.)

Один из основных упреков Хайдеггера этой всегда по существу картезианской (как он полагает) метафизике субъекта состоит в том, что в ней, ставящей субъекта во главу угла как интенциональное сущее, упускается вопрос о специфическом *бытии* этого сущего [13. С. 116–122], об экзистенции: «*Декарт*, кому приписывают открытие *cogito sum* как исходной базы новоевропейского философского вопрошания, исследовал *cogitare* своего *ego* – в известных границах. Напротив, *sum* он оставляет полностью неразобранным, хотя оно вводится с той же исходностью, что и *cogito*» (SZ § 10 [6. С. 45–46]). Эта инвектива адресована также – и ближайшим образом – Эдмунду Гуссерлю, а следом за ним и всему феноменологическому движению в целом. Не упустить из виду бытие интенционального как раз и призвана экзистенциальная аналитика. Однако, переводя её задачу на язык кантовской философии, Хайдеггер формулирует её не иначе как «предваряющую онтологическую аналитику субъективности субъекта» (SZ § 6 [6. С. 24]). (Отметим, что в таком контексте выражение «субъектив-

ность субъекта» фактически указывает на возможность какого-то другого – «неметафизического» или критически исправленного – употребления понятия «субъективность».)

Очевидно, что, отказываясь от языка метафизической теории субъекта, Хайдеггер, скажем так, не вполне отказывается от интерпретируемых этим языком «реалий». Он принципиально различает вопрос о «кто» и вопрос о «что» – и, соответственно, «экзистенциалы» и «категории» как две «основовозможности бытийных черт»: «Отвечающее им сущее требует всегда разного способа первичного опроса: сущее есть кто (экзистенция) или что (наличность в широчайшем смысле)» (SZ § 9 [6. С. 45]). Отличительной чертой экзистенции или вот-бытия – поскольку это такое сущее, для которого дело всегда в его бытии, – оказывается то, что оно «всегда моё» (*Jemeinigkeit*), а потому, обращаясь к нему, мы так или иначе должны использовать личные местоимения: «я есть», «ты есть» (SZ § 9 [14. С. 42]). Именно *Jemeinigkeit* обуславливает возможность подлинного или неподлинного характера экзистирования. Другими словами, бытие является для меня «моим» прежде, чем окажется собственным или несобственным.

Между тем, говоря о «кто» вот-бытия (*das Wer des Daseins*), Хайдеггер вместо «я» или «субъекта» пользуется понятием «самость» (*Selbst, Selbstsein*). И дело тут, конечно, не только в употреблении одних слов вместо других (хотя это, опять же, и не отрицает вышеупомянутых «реалий»). На первый взгляд, предметное поле – «материал» в самом абстрактном и ни к чему не обязывающем смысле – остаётся для Хайдеггера «тем же», что и в метафизической теории субъекта, однако вместе с постановкой вопроса о субъективности субъекта как о его существовании кардинальным образом меняется способ концептуализации этого материала – и сам материал, иначе концептуализированный, претерпевает определённые модификации (всё происходит в соответствии с описанием структуры опыта в гегелевской «Феноменологии духа»: вместе с «сознанием» меняется и сам «предмет» [15. С. 52]).

Прежде всего, в рамках такого изменения подхода к материалу и в связи с этим – изменения самого материала – Хайдеггер выходит за рамки оппозиции субъекта и объекта, сознания и предмета. Впрочем, о таком исходе мечталось уже давно, более того – фактически он уже давно совершился в рамках гуссерлевской, и ещё раньше – гегелевской феноменологии. Этот критический исход вместе с тем оказывался прокладыванием дороги к исходному опыту, к почве мысли. Однако традиционно считавшийся первичным «непосредственный чувственный опыт», как показывает Хайдеггер, не так уж первичен. Так, концептуализируемый опыт оказывается уже тем самым опытом в теоретико-познавательной модальности, предполагающим рефлексивную позицию субъекта – не исходным, но фундированным в опыте повседневности, в практической освоенности и практическом участии в мире. Для Хайдеггера теория вообще перестаёт быть радикальной почвой для постановки вопроса о бытии субъекта (в этом, как он сам полагает, пункт его рас-

хождения с Гуссерлем). Горизонтом, исходя из которого можно поставить вопрос о бытии субъекта, для Хайдеггера выступает фактичность экзистенции, мыслящаяся им как концептуализация той исходной интегральности опыта, которая не допускает его редукции к теоретическому:

«Эмпиричность факта вот-бытия, в качестве какого всякий раз существует любое вот-бытие, мы называем *фактичностью*... Понятие фактичности заключается в себе: бытие-в-мире “внутримирного” сущего, именно так, что это сущее может понимать себя как сопряжённое в своём “историческом пути” с бытием сущего, встречного ему внутри его собственного мира» (SZ § 12 [6. С. 56], перевод изменён).

Фактичность подразумевает дотеоретическое и даже «дорефлексивное» бытие-в-мире. И это бытие интегральной фактичности таково, что ни мир, ни самость не могут быть оторваны друг от друга. Более того, сочетающая их «граница» проходит не между «внутри» и «снаружи»: «Субъект и объект не совпадают с вот-бытием и миром» (SZ § 13 [6. С. 60], перевод изменён).

В «традиционной» же теории субъекта, так или иначе картезианской, Хайдеггера не устраивает как раз разделение мира и самости, которое, с одной стороны, результируется объективированием вещей, с другой – формирует представление о заповедной зоне «внутреннего», о каком-то особом закутке интерьерности. И этот закуток «внутреннего» раздражает его, как мне кажется, в намного большей степени, чем объективирование. С объективированием ещё можно считать как со своего рода общей «судьбой бытия», а вот интерьерность совершенно непристойна, ей нет места. Она методически изгоняется Хайдеггером уже на уровне понятийного аппарата, на уровне образующих концепции метафор. В экзистировании он делает акцент на *эк-*, т.е. на экстатической его составляющей. И эта направленность *вне себя* такова, что самость уже не существует в качестве устойчивого отправного пункта, а есть постольку, поскольку её границы и целостность постоянно нарушаются. Все эти границы радикальным образом поставлены под вопрос в самой концепции бытия-в-мире, в рамках которого самость, мир и бытие-в оказываются элементами общего подвижного целого. Показательно, что, подвергая деструкции субъект-объектную оппозицию, Хайдеггер не довольствуется диалектической равнозначностью внешнего и внутреннего, не прибегает и к апофатическому отрицанию того и другого, но подчёркивает, что всё является «внешним». В бытии-в-мире нет никакого сугубого «внутри» – оно всегда при вещах, оно всегда расположено к ним и направлено из себя: бытие-при-мире всегда снаружи (SZ § 13 [6. С. 62]). Вот-бытие (*Dasein*) – это «снаружи-бытие» (*Draussen-sein* – SZ § 13 [14. С. 62]).

В эту общую тенденцию изведения интерьерности вписывается и утверждение Хайдеггера о том, что одиночество (в смысле одинокости существования, отсутствия других) фактически является производным модусом бытия-вместе: «Одиночество (*Fehlen*) и “разлука” (*Fortsein*) суть модусы бытия-вместе (*Mitdasein*) и возможны лишь поскольку вот-бытие

как со-бытие (*Mitsein*) даёт встретиться в своём мире вот-бытию других» (SZ § 26 [6. С. 121; 14. С. 121], перевод изменён). Бытие-вместе как экзистенциал указывает на неизбывность со-бытия с другими, на брешь в экзистенции, носящей в себе «голос друга» (SZ § 34 [6. С. 163]; см. также [16]), равно как и голоса «людей» (*das Man*), на её постоянное пребывание в сартрианском «аду», который есть «другие». Перед лицом этих «других» у экзистенции нет укрытия, они подтачивают её, как вода камень, заклёвывают её, какстая голубей. Собственно, экзистенциал *Mitdasein*, как он разработан в «Бытии и времени», представляет собой не столько структуру социальной связи, или трансценденции к Другому, сколько, опять же, указывает на принципиальную разомкнутость или уязвимость вот-бытия – на то, что всякое его «внутри» всегда уже открыто вовне. В то же время, не будучи выражением радикальной трансценденции к Другому, экзистенциал со-бытия остаётся всецело *имманентным*, нисколько не препятствуя своеобразному «экзистенциальному солипсизму» *Dasein* (SZ § 40 [6. С. 188]). В качестве имманентной вот-бытию структуры, в качестве *экзистенциала Mitdasein* аналогичен скорее структурам интериоризации Другого в психоанализе.

Самость по сути всегда *вне себя*. Она принципиально не может в себе удержаться: в самой основе её устройства, в самом её «у себя» – такая структура, как «не-по-себе» (*Un-zuhause*). Это не-по-себе, открыто проявляющееся в ужасе, оказывается тем, что определяет существование как заботу, переход и экстаз, как движение вне-себя, включая бегство от себя и падение в мир. «Не-по-себе», опять же, структурно напоминает психоаналитическую фигуру травмы. Травматическая субъективность также не может удержаться в себе, не может обладать собой, натываясь в себе на непрозрачное, не пускающее «внутри» вытесненное содержание. Однако в контексте экзистенциальной аналитики Хайдеггера, конечно же, совершенно не обязательно иметь в виду какой-то конкретный и историчный травматический эпизод, который в данном случае будет не более чем «онтическим» обстоятельством. Экзистенция в целом онтологически травмирована или представляет собой след обширной онтологической (имеющей «структурный» характер) травмы.

Это имманентное изгнание вовне, эта структура самости как самоизгнания находит выражение также в целом ряде других экзистенциалов: заброшенность (*Geworfenheit*), вина (*Schuld*) и, наконец, решимость (*Entschlossenheit*) как ещё одна отличительная черта существования в модусе подлинности. Решимость – это принятие на себя радикальных возможностей экзистирования, в том числе той возможности невозможного, которую представляет собою смерть (SZ § 50 [6. С. 250]). Такая решимость, опять же, отнюдь не предполагает надстраивание задним числом субъекта как всё того же старого доброго автономного деятеля, распорядителя интенциональных актов. Такая решимость – скорее то, что *постигаем Dasein*, то, что с ним *случается*, – то онтологическое событие, которое разыгрывается в поле существования, и участником которого оказывается само это существование.

Одиночество как близость к онтологической «сущности» и радикальная индивидуация как доступ к этому одиночеству – как уединение – в экзистенциальной аналитике Хайдеггера связаны преимущественно с двумя «основороасположениями» или «фундаментальными настроениями». Это ужас (*Angst*, в «Прологемах к истории понятия времени» (§ 30), в «Бытии и времени» (§ 40), в «Что такое метафизика?» [17], и др.) и глубинная скука (*Langeweile*, в «Основных понятиях метафизики» (§ 18, 29–39), и опять-таки в «Что такое метафизика?»). Эти основонастроения открывают для вот-бытия мир как целое, и, так сказать, открывают саму открытость. Ужас, как пишет Хайдеггер в «Бытии и времени», ужасается от бытия-в-мире как такового (SZ § 40 [6. С. 186]) и ужасается за это бытие (SZ § 40 [Там же. С. 188]). В ужасе его *от-чего* и его *за-что* тождественны, это тождество разомкнутого и размыкания. В ужасе вот-бытие обнаруживает то «ничто», в которое оно «выдвинуто» [17. С. 22] – бытие как «ничто из сущего», как то «ничто», которое оно само собой являет.

Ужас уединяет присутствие до его «сущностного одиночества»: «Ужас отнимает... у вот-бытия возможность, падая, понимать себя из “мира” и публичной истолкованности. Он отбрасывает вот-бытие назад к тому, за что берёт ужас, к его собственной способности-быть-в-мире. Ужас уединяет вот-бытие в его наиболее своём бытии-в-мире, которое в качестве понимающего сущностно бросает себя на свои возможности. С за-что ужаса вот-бытие разомкнуто ужасом как бытие-возможным, а именно как то, чем оно способно быть единственно от себя самого как уединённого в одиночестве (*vereinzelt in der Vereinzelung*)» (SZ § 40 [6. С. 187–188], перевод изменён).

Ужас не просто показывает возможности собственного и несобственного в нейтральном модусе равноценности («В ужасе лежит возможность отличительного размыкания, поскольку он уединяет. Это одиночество возвращает вот-бытие из его падения и показывает ему собственность и несобственность как возможности его бытия» (SZ § 40 [6. С. 190–191], перевод изменён)). Для Хайдеггера ужас уже есть размыкание к возможности собственного бытия («Ужас обнажает в вот-бытии бытие к наиболее своей способности быть» (SZ § 40 [6. С. 188], перевод изменён)).

Глубинная скука точно так же оказывается опытом «собственного» и в этом смысле индивидуует *Dasein*, «уединяет и тем размыкает вот-бытие как “solus ipse”» [Там же], среди отказывающего ему сущего, в целом обнажая перед ним мгновение как «проблеск решимости вот-бытия быть вот-тут-бытием, которое всегда есть экзистирование в полностью схваченной ситуации – как неповторимое и единственное» [5. С. 265].

Но *кто* уединяется в этих ситуациях ужаса или скуки? Или же в этой единственной в своём роде ситуации, о которой мы можем сказать: ужас, скука, существование? «Самость» или же «кто» вот-бытия – это, в первую очередь, *das Man*, неопределённо-личное «люди», такая структура, которая всегда уже наличествует для бытия-в-мире. «Люди» как способ

самопонимания и самополагания вот-бытия в пространстве «публичной истолкованности» – это фигура, характерная для экзистенциальной «неподлинности». Эта неподлинность характеризуется, на первый взгляд, как бы дефицитом присутствия, недостатком личного участия и собственного «я», и этим как раз и отличается от экзистенциальной подлинности. Однако для Хайдеггера это совершенно не так. Прежде всего, как раз для неподлинности и характерна специфическая прочность и обеспеченность присутствия – та самая почва под ногами, которую теряет вот-бытие в модусе подлинности: «Несобственность вот-бытия означает, однако, не где-то “меньше” бытия или “низшую” ступень бытия. Несобственность может, наоборот, обусловить полнейшую конкретность вот-бытия в его деловитости, активности, заинтересованности, жизнерадостности» (SZ § 9 [б. С. 43], перевод изменён). Неподлинное существует в модусе свойскости и освоенности, оно «у себя дома» (*Zuhause*), тогда как в подлинном открывается истинное не-по-себе (*Un-zuhause*). Однако и личное участие в смысле развития собственного «я» вовсе не отличает собственное от несобственного. Отличительная черта собственного существования, до которого уединяет «сущностное одиночество», это не просто открытость тем или иным возможностям – такая открытость характерна для экзистенции в принципе, в том числе и для несобственных модусов экзистирования – но – прежде «наброска» или «проекта» – открытость самой открытости, разомкнутость самой разомкнутости. Это опыт неубегания в себя, равно как и от себя (кстати говоря, радикальную трактовку такого экзистенциального и императивного опыта «неубегания» мы находим у Жоржа Батая в его концепции «суверенности» как бытия без отсрочки и «глубинной» субъективности [18. С. 342–359]). В наиболее собственном своём выражении эта открытость открытости рискует превратиться во что-то вроде онтологического *раптусса*, в одержимость «бытием».

«Наиболее собственный» опыт у Хайдеггера – так же, как и опыт «несобственный», – оказывается таким, что ставит под вопрос субъективность как первое лицо. Например, в ужасе, как отмечает Хайдеггер, не мне, но «человеку» (*das Man*) делается страшно [17. С. 21]. На это мало обращают внимания «экзистенциалистские» прочтения Хайдеггера, видящие в «подлинности» всё то же противостояние самости нивелирующему порядку, аналогичное противостоянию негативного субъекта и мира. Между тем наиболее «собственным» состояниям в хайдеггеровской трактовке парадоксальным образом присуща и наибольшая несобственность и безличность. Та безличность, что открывается в ужасе или глубинной скуке, бесконечно превосходит обиходную безличность *das Man*, являющую собой место повседневной *идентичности*. Более того, можно сказать, что в повседневности безличный характер «людей» по большей части скрыт, и только в «подлинном» опыте он обнажается и заявляет о себе в полный рост. Так что, возможно, экзистенциальная подлинность – это просто «непотоптенность» безличности.

Постановка под вопрос собственной самости в опыте наиболее собственного мобилизует экзистен-

цию, целиком и полностью затребывая себе её «кто». Однако «кто», самость уже не является центром этого опыта, хотя ей и необходимо в нём участвовать – быть в своём настоящем, чтобы без остатка предстоять собственной «бытийной возможности». Но именно в этом своём настоящем самость оказывается смещена, ей тут не-по-себе. Таков парадокс «сущностного одиночества»: обнаружение несобственного в самом собственном, открытие не-по-себе в самом что ни на есть у-себя (это, переиначивая гегелевское определение свободы и истинной бесконечности³, нахождение иного в своём у себя). На этот парадокс, как мне представляется, во многом и опирается Хайдеггер в своей борьбе с субъектом. Но этот же парадокс, делая субъективность проблематической, делает проблематической также и саму эту борьбу. Так что самость и *тот, кто* ведёт с ней агон, подобно гераклитовским борцам, поддерживающим друг друга, вместе проваливаются в нескончаемость некоей агонии.

Ужас и скука свидетельствуют о том, что одиночество не является лишь каким-то особенным, исключительным состоянием, но представляют собой как бы глубинный фон экзистирования, тон, который его пронизывает, поле, на котором оно разыгрывается. Онтически переживание ужаса или глубинной скуки лишь актуализирует всегда дремлющую суть («Успокоенно-освоившееся бытие-в-мире есть модус жути вот-бытия, не наоборот. Не-по-себе экзистенциально-онтологически следует принимать за более исходный феномен» (SZ § 40 [б. С. 189], перевод изменён)). Само вот-бытие как вот-бытие и бытие-в-мире есть одиночество. Открытость открытости, «просвет» экзистирования есть солипсически замкнутое у-себя. Обратно чему у-себя уединения есть истиснутое и пронизанное не-по-себе. И наоборот, и так далее. Изведение и восстановление субъекта, скажем мы, разом и доверяя, и не доверяя Хайдеггеру.

Его критика субъекта, как и вообще его критика метафизики, – это не просто отбрасывание ложного как ложного, но указание на фундированный характер ложного и поиск его истока. «Деструкция» – это также и генетический метод, разбор до основания. Возможность ложного и превратного для Хайдеггера заключается в самой истине как несокрытости [10. С. 85–86] (в таком своём отношении к ложному Хайдеггер, опять же, напоминает Гегеля). Соответственно, самый сильный хайдеггеровский аргумент против «субъекта, каким мы его знаем», заключается в отсылке к тому, что возможность этой субъективности (представляющей и противопоставляющей себя миру) фундирована более исходным бытием-в-мире.

Что же происходит в набросанной Хайдеггером картине с этой «субъективностью, какой мы её знаем», что же случается здесь с «самим я»? Абсурдно полагать, что «я», «первое лицо», будет располагаться где-то *между* фундаментальным дорефлексивным опытом повседневности, опытом повседневного «ниспадения» в анонимность мира и опытом наиболее собственного, который также ставит «я» под вопрос. Субъективность субъекта – это *позиция* по отношению к этим пожирающим возможностям, это жест

своеволия; и Хайдеггер фактически просто игнорирует эту позицию, он не придаёт ей сколь бы то ни было решающего значения, решающим для него оказывается только онтологическое послушание. Экзистенциальная философия, философия анархической субъективности – столь же тематически близкая экзистенциальной аналитике Хайдеггера, сколь и глубинно ей чуждая, – делает ставку на эту позицию; но самая большая опасность, которая такого рода философию подстерегает, состоит в *присвоении* этой позиции как ускользающей возможности и рискованного жеста.

Сама категория «субъекта» исторически отнюдь не исчерпывается коррелятивной оппозицией «субъект-объект», в рамках которой субъективность хотел локализовать Хайдеггер. Помимо этой оппозиции субъективность может означать также безотносительную, иррелевантную интериорность. Таково, например, парадоксальное «внутреннее» (*Innerlichkeit*) Сёрена Кьеркегора [20. С. 206–271]; такую логическую возможность безотносительной субъективности, «субъекта без визави», использует сегодня Ален Бадью [7. С. 59]. Причём субъект наследует эту безотносительную интериорность, делающую невозможной его тотализацию, опять же, от греческого ὑποκειμενον. Именно благодаря этой иррелевантной интериорности – «внутреннему» без «внешнего» – субъект для Декарта есть «вещь», «субстанция» (и, стало быть, для картезианской онтологии совсем не обязательна субъект-объектная корреляция). Но о такой безотносительной интериорности для Хайдеггера, разумеется, не может идти и речи. (Впрочем, нет, может – однако применительно уже не к «субъекту, каким мы его знаем», и вообще не к человеку, но к художественному творению. Однако об этом мы ещё скажем позже.)

Субъект в качестве *subiectum* и ὑποκειμενον – это *подлежащее* опыта, подлежащее того, что происходит. Примечательно, что, отвергая *subiectum*, ὑποκειμενον и субстантивацию экзистенции, Хайдеггер, тем не менее, акцентирует её пассивность и аффективность – тот момент «страдания», который как раз характеризует *подлежащее* как таковое. Более того, философия Хайдеггера призывает нас к подлечанию. *Dasein* раскрывается так, что мы можем понять, о чём речь, только сами войдя в тот «просвет», который его *Da* размыкает – только «изнутри», только из прилежания онтологической ситуации, только говоря: «я есть», «ты есть».

Итак, многое свидетельствует в пользу того, что хайдеггеровская экзистенциальная аналитика описывает какую-то другую субъективность, отличную от старого доброго автономного деятеля – онтологического «приказчика», распорядителя интенциональных актов. Но что это за субъективность, которая вымещает саму себя? Кто этот человек, которому «страшно» – остающийся, когда нет человека? Собственно ли это человек? Возможно, онтологическое событие, наступающее и захватывающее *Dasein* без остатка, – то событие, которое оно само являет, – не исключает чего-то вроде субъективности «немного свидетеля» (*martyr*) [21. С. 26–28]. Это всегда вытесненная и неприсваиваемая меоническая субъективность, «голая жизнь» как субъект пайдеи, само место разыгрыва-

ния онтологического события – что-то вроде «почвы», «земли», противостоящей «миру» в художественном творении. Эта вытесненная меоническая субъективность во многом как раз и оказывается в центре внимания Бланшо.

На близость мысли Бланшо и Хайдеггера неоднократно обращалось внимание в критике. Так, согласно формулировке канадской исследовательницы Тилотамы Раджан, Бланшо – это Хайдеггер, только со знаком минус [22. С. 66]. Во всяком случае, влияние Хайдеггера на Бланшо очевидно. Бланшо начинает своё знакомство с его философией в 1927 или 1928 г. благодаря своему другу Эмманюэлю Левинасу. Чтение *Sein und Zeit*, по его признанию, стало тогда настоящим интеллектуальным потрясением [1. С. 44]. Для Бланшо особую значимость приобрели такие темы хайдеггеровской экзистенциальной аналитики, как бытие-к-смерти и онтологическая дифференция, бытие как «ничто из сущего». Его прочтение Хайдеггера, впрочем, поначалу вполне соответствовало общему интеллектуальному климату Франции того времени. Вслед за Александром Кожевым, заявившим о принципиальной близости гегелевской и хайдеггеровской феноменологии, взгляд на идеи Хайдеггера формировался в рамках его перекрёстного с Гегелем прочтения, в ходе которого и онтологическая дифференция, и бытие-к-смерти оказывались напрямую связанными с идеей негативности. В 1950-е гг. для Бланшо особо значимой становится хайдеггеровская философия искусства. Так, одна из важнейших его критических книг – «Пространство литературы» (*L'Espace littéraire*, 1955 [2, 3]) – содержит, с одной стороны, довольно много полемики, по большей части неавной, с «Источком художественного творения» (*Der Ursprung des Kunstwerkes*, 1936, опубликовано в 1950 [10]). С другой стороны, мы располагаем и свидетельством Батая об «инциденте», когда Хайдеггер, отождествившись с ним как с «лучшей мыслящей головой Франции», перепутал его с Бланшо [23. С. 582].

Бланшо сближается с Хайдеггером тематически, когда мыслит в пространстве фундаментально-онтологических фигур, таких как «ночь», «нейтральное» или «сущностное одиночество». Если Хайдеггер – это философ, осмысляющий поэтическое и практикующий поэтическое мышление, то Бланшо – это писатель, приближающийся к фундаментально-онтологическим фигурам, отталкиваясь от размышлений по поводу литературы, опытов письма и умирания. Между тем Бланшо всегда поддерживает по отношению к Хайдеггеру критическую дистанцию.

«Сущностное одиночество» (*solitude essentielle*), помимо того, что представляет собой одну из постоянно звучащих тем литературного письма Бланшо⁴, получает концептуальную разработку в его критических текстах, прежде всего в сборнике «Пространство литературы»⁵ (а также в «Бесконечной беседе» (*L'Entretien infini*, 1969 [27]), во фрагментарных текстах «Шаг вне» (*Le Pas au-delà*, 1973 [28]), «Письмо катастрофы» (*L'Écriture du désastre*, 1980 [29]) и т.д.). Сущностное одиночество – это одна из важнейших инстанций опыта письма и опыта умирания. Два этих предельных опыта для Бланшо всегда так или

иначе представлены в связке. Если мы и можем говорить о какой-то субъективности письма, умирания или какого-то иного опыта-предела, то это сущностное одиночество. Что же оно собой представляет?

В «Пространстве литературы» Бланшо начинает говорить о «сущностном одиночестве» с указаний на то, чем оно не является. Это не житейская одинокость и даже не уединение художника [2. С. 11; 3. С. 11]. Важным различием, позволяющим понять, о чём же здесь идёт речь, оказывается различие между сущностным одиночеством и одиночеством в мире [2. С. 263; 3. С. 255]. Одиночество в мире – это радикальная индивидуация субъекта, это его способность говорить «нет» всем вещам, совпадающая со способностью говорить от первого лица. Одиночество в мире – это одиночество экзистенции, занимающей позицию по отношению к бытию, живущей за счёт отрицания бытия, одиночество в мире – это само её существование, бытие-в-мире: «То, что делает меня мною, это решение быть постольку, поскольку в своём бытии я отделён от бытия, быть без бытия, быть тем, кто ничего не должен бытию, быть тем, у кого есть власть отказа от бытия, быть абсолютно неестественно («*dé-naturé*»), абсолютно отдельно, т.е. абсолютно абсолютно» [2. С. 263].

Отметим, что перед нами разворачивается картина, представляющая собой плод перекрёстного опыления Хайдеггера и Гегеля. Осуществление онтологической дифференции – различения между бытием и сущим, составляющего само событие экзистенции, – мыслится как гегелевская негативность. Для вот бытия всегда есть дело до бытия в том смысле, что оно живёт и самоутверждается за счёт негации бытия. Показательно, что одна из интерпретаций этого исключаемого и негируемого «бытия» у Бланшо – это «природа» (та самая природа, которую Гегель, по выражению Фейербаха, сослал в примечания). Бытие – это стихийное реальное. Однако реальное в данном случае не означает действительное. Действительное – это мир, это место действия негативности, это порядок, учреждаемый исключением, это историческое пространство борьбы и труда. Бытие же не есть мир – оно вне, до или после мира – оно попросту «есть», оно есть «есть», оно есть это ничего не утверждающее утверждение. Бытие – то подлежащее негации, в котором нет никакой негативности. Оппозиция мира и бытия напоминает в данном случае оппозицию мира и земли в «Истоке художественного творения» Хайдеггера [10. С. 81–82].

Сущностное одиночество, в отличие от одиночества экзистенции (или даже одиночества как экзистенции), – это одиночество без мира – вне, до, или после мира, по ту или даже по эту сторону его. Бланшо, говоря о литературном опыте, связывает сущностное одиночество не столько с фигурой автора, творца, субъекта, сколько с самим творением [2. С. 11–12; 3. С. 11–13]. Именно творение оказывается сущностно одиноким, оно стоит совершенно особняком, вне каких бы то ни было порядков или контекстов (отметим, не вдаваясь в подробности, что Бланшо в данном случае различает творение (*œuvre*) и книгу (*livre*), т.е. действительное произведение: тво-

рение – то, что автор имеет в виду, но то, что он пишет – всего лишь книга как приближение к творению и его подмена [2. С. 13; 3. С. 13–14]). Автор же причастен сущностному одиночеству не в силу собственной субъективности, а в силу своей причастности творению. Это, опять же, ответ на хайдеггеровский «Исток художественного творения», в котором утверждалось само-стояние или в-себе-самом-стояние (*Insichstehen, Insichselbststehen*) творения [10. С. 73], которое, собственно, и трактуется Бланшо как «сущностное одиночество». Если для Хайдеггера самостояние творения означает его принадлежность миру, который оно собой размыкает и вообще впервые открывает – структура, отметим для себя, аналогичная экзистенциальному *solus ipse* размыкающей мир экзистенции, но при этом к экзистенции, самости и т.п. никакого отношения уже не имеющая, – то для Бланшо это одиночество бытия до или после мира. Но это одиночество, как мы предположили выше, представляет собой аналог безотносительной субъективности – иррелевантного «внутреннего», при этом – в качестве творения – целиком и полностью вынесенного «вовне».

Сущностное одиночество связано с тем утверждением, которое творение собой являет. Это простое онтологическое утверждение «есть», утверждение без всякого смысла и без всякой негативности – утверждение, ничего не утверждающее. Это утверждение языка, который не говорит и не сообщает, в нём нет никакой коммуникации, в нём нет ни меня, ни другого. Сущностное одиночество, будучи связанным с этим ничего не утверждающим «есть», оказывается поэтому как бы одиночеством самого бытия, бытием как одиночеством. Сущностное одиночество – это одиночество сути (бесформенное русское выражение «суть» хорошо, на мой взгляд, подходит для обозначения того, что «не является ничем из внутримирового сущего»: это «голое бытие», фундаментально-онтологическая стихия – *essence*, или, в написании Эммануэля Левинаса, *essance* [30. С. 13]).

Всё это представляется странным, поскольку одиночество перестаёт быть собственной характеристикой субъекта, смещаясь, казалось бы, ближе к полюсу объекта. Однако творение – это не объект (объект или вещь в данном случае – это книга), оно как бытие – ни субъект, ни объект⁶. Тем не менее остаётся вопрос: как это сущностное одиночество может быть связано с экзистенцией? Какое отношение оно имеет к опыту – при чём тут опыт письма, например? А для Бланшо такая связь с опытом, как бы то ни было, представляется важной.

В опыте письма проявлением сущностного одиночества оказывается смещение от позиции субъекта собственной речи к так называемому повествовательному субъекту, переход от «я» к «он» или даже «оно» (*il, on*). Впрочем, даже говоря «я», повествовательный субъект не говорит от собственного или первого лица. Это не писатель говорит, когда пишет, – он представляет слово некоему безличному, ничейному и неприсваиваемому голосу. Это смещение осмысливается Бланшо как структура, аналогичная опыту смерти. Опыт смерти не является «переживаемым», он невоз-

можен от первого лица. Что-то вроде маленькой смерти представляет собой, согласно Бланшо, и событие письма.

Тот безличный голос, которому доверяет себя письмо, для Бланшо являет собой речь, совпавшую с языком, — язык, взятый как целое. Язык вне коммуникации, ничего не говорящий — то самое неутверждающее онтологическое утверждение «есть», логос бытия, неразличимый с нечленораздельным «варварским» бормотанием. Это не я или ты, это оно говорит. Говорит «говорит». «Говорит».

Помимо письма и умирания, опытом сущностного одиночества для Бланшо оказывается также опыт зачарованности, который можно понимать и как радикальный эстетический опыт («страсть к образу», как характеризует его Бланшо [3. С. 24]), и как такую ситуацию, когда мы видим привидение (да, да — здесь один из истоков «хонтологии» Жака Деррида [31]). «Всё исчезло из виду» само, в свою очередь, ставшее видимостью — последней и неустранимой [2. С. 265; 3. С. 257], — вот самодовлеющий образ, или творение, или же то, что мы называем призраком.

Опыт свидетельствует об экзистенциально значимой связи сущностного одиночества и одиночества в мире. Каков же характер этой связи? Само бытие-в-мире как одиночество в мире — это труд так называемого сокрытия бытия. Одиночество поддерживает и осуществляет мир, оно — реализация свободы, в нём — залог и возможность сообщества — вне бытия, в отделении от бытия. В сущностном же одиночестве нет ни мира, ни меня, ни другого — в нём «за мной» проступает «бытие», «бытие» как само сокрытие. Сокрытие бытия отнюдь не противоположно бытию, поскольку само «бытие» есть не что иное, как гипертрофированное отрицание «бытия». Радикальная индивидуация одиночества, взятая в своей «абсолютной абсолютности», уже ничего не индивидуирует. Если суть экзистенции и её «суверенности» — в «ничто» [18. С. 323–324], то в сущностном одиночестве это «ничто» как раз и выступает со всей прямоотой, но, выступая, подвешивает также и возможность самой экзистенции, выводит из строя экзистенцию как возможность. Мир опирается на то, что без мира, выбивая это у себя из-под ног. Спор между двумя одиночествами вовсе даже не есть спор, однако связь между ними не является и диалектической, поскольку вместе они не составляют целого, так как целое всегда предстаёт лишь как частный момент их связи.

Сущностное одиночество для Бланшо — это опыт собственного отсутствия. Когда я один, меня нет. Есть он: «В своей основе зачарованность связана с нейтральным, неличным присутствием, неопределённым “он” (*On*), огромным безликим Некто (*Quelqu'un*)» [2. С. 24]. Пребывающий в сущностном одиночестве уже не может говорить от первого лица, уже не может сказать «я», его присутствие смещается этим «Некто». «Он» — вот настоящий субъект сущностного одиночества, если это вообще субъект. Это уже не вполне даже «люди» или же обобщённый и усреднённый «человек» хайдеггеровской подлинности или неподлинности. Этот субъект напоминает скорее редуцированное подлежащее в безличных

грамматических конструкциях. Бланшо говорит о нём так: «Тот без лица, которому сопричастны, но кто Тому сопричастен?... Никто не сопричастен Тому» («*le Il sans figure, le On dont on fait partie, mais qui en fait partie?... Personne ne fait partie du On*» [2. Р. 22]). Разумеется, это неопределённо-личное *Il* или *On* («Он», «Оно», «Тот», «Некто», «Кто-то») первым делом отсылает к *il* («он», «оно») в онтологической формуле Левинаса *il y a* («имеется»), а также к *es* («оно») в хайдеггеровской корневой онтологической фразе *es gibt* («дано») — формулировках, выражающих анонимный или нейтральный онтологический факт, наличие или самоданность «бытия». И «Некто», очевидно, лишь одна из версий характерной для самого Бланшо фигуры «нейтрального» (*le neutre*)⁷, этого «присутствия отсутствия» во всевозможных вариациях. А потому, как кажется, «Некто» — это не более чем персонификация принципиально имперсональной онтологической стихии — олицетворение «бытия». Как кажется, «Некто» имеет сугубо метафорическое значение, «Некто» — не более, чем троп.

Однако в таком случае возникает вопрос: почему бы тогда не говорить о чём-то совершенно безличном, зачем вводить эту неопределённо-личную фигуру «Некто», «Кого-то»? Зачем здесь вообще персонификация, есть ли в ней какая-то сущностная необходимость, кроме, быть может, необходимости грамматической? Не кроется ли в этой персонификации «бытия», наоборот, совершенно превратное истолкование «бытийного различия», ведущее к его повторному забвению?

Отметим, что персонификация разных абстрактных сущностей вообще довольно часто встречается в прозе Бланшо. На взгляд его исследователя и биографа Кристофа Бидана, фигура «Некто» из «Сущностного одиночества» — это, по сути, фантастическая или мифическая антропоморфизация «творения» в противовес нейтрализации фигуры автора [1. С. 311] — «невидимый напарник» (или «напарница», *partenaire invisible* [2. С. 206]), подобный призраку Эвридики, на который оборачивается взгляд Орфея [2. С. 179–184; 3. С. 174–179]. При этом сам же Бидан настаивает на «реальности» этого опыта фантастического у Бланшо.

Поиск оправдания персонификации («Кого-то») открывает перед нами несколько перспектив. Во-первых, это перспектива имманентной инаковости тождественного (субъекта), (само)аффективности и т.д. «Кто-то» легко может быть интерпретирован как «оно» в составе всякого «я», как «реальное» и т.п. Это сама местоименность всякого я, тот самый «человек», которому «страшно» в хайдеггерианском ужасе. Хотя человек ли это? Данная имманентная всем и каждому инаковость является неприсваиваемой. «Некто» — это тот, кто подвергается исключению из всякого «я», чтобы это «я» сделалось возможным, чтобы оно заговорило от первого лица, совершая привацию языка и разрывая его с речью. Это исключаемое может оказывать «сопротивление» своей (ре)интеграции, хотя в каких-то случаях может и давать о себе знать. Письмо, например, даёт ему слово. Бессознательное психоаналитического дискурса — лишь одна из возможных интерпретаций этого «Некто», необязательно

самая верная. И, очевидно, она вряд ли будет исчерпывать то, о чём говорит Бланшо. Главное, чем мы в данном случае располагаем, – это сама структура исключения. Мы имеем указание на вытесненную и отторгнутую основу личности, при этом, впрочем, нам по-прежнему непонятно, почему эта основа всё ещё остаётся «Кем-то». Таким образом, вопрос о сущностной необходимости персонификации этой основы – вопрос о сущностной необходимости «Кого-то» – остаётся без ответа.

Следующая перспектива, открываемая вопросом о смысле «Некто», – это нестираемость, неизгладимость онтологической стихии. Об этой неизгладимости в составе «самого субъекта, каким мы его знаем», будет свидетельствовать, в частности, парадокс самоотречения: отрекаясь от себя, я остаюсь при этом отречении. Иначе говоря, «я» не может само себя устранить, как бы оно этого ни желало. На этот парадокс обращал внимание, в частности, Гегель, говоря о самоотказе самосознания, которое, как самосознание, находит себя и собственное удовлетворение даже в этом совершенно негативном по отношению к себе самому движении [15. С. 116–117].

Этот парадокс свидетельствует об онтологической инерции – о том, что «остаётся» при умерщвлении и уничтожении, о нестираемом «следе» всякой редукции, прекрасным выражением чего оказывается левиновская концепция «наличия», *il y a*. Однако само это наличие, как мы помним, *безлично* – почему же тогда в качестве нестираемого остатка присутствует «Некто»? Является ли нестираемость «Кого-то» частным случаем онтологической нестираемости и нечистоты вообще? (Другим примером тут могла бы выступать невозможность «чистого» небытия). Или же нестираемость «Кого-то» имеет более исходный характер, чем нестираемость «чего-то» (или даже самого «бытия»), первичным образом раскрывая перед нами смысл нестираемости вообще? Таков мог бы быть ответ в духе Левинаса, и тогда это была бы нестираемость Другого, этическое «не убий» – исходная невозможность убийства, отсылающая к равноисходному первоубийству, лицо Другого как след и следствие его смерти. Но «Кто-то», «всё ещё присутствующий, когда никого нет» [2. С. 22], не является Другим в том смысле, что не имеет лица.

Между тем стоит признать, что вообще то безличное, о котором любят говорить и Хайдеггер, и Бланшо, имеет смысл, прежде всего, в качестве *экзистенциала*, описывая ситуацию разрушения или «превосхождения» личного, «тебя» или «меня». Говоря по-гегелевски, небытие субъекта есть не чистое небытие, но небытие чего-то. Вернее, «Кого-то». Безличное значимо именно в свете возможности или невозможности лица, поэтому такая категория не вполне применима собственно к вещам (подручному) или природным стихиям или применима по отношению к ним только в переносном смысле, хотя и работает в случае радикального отсутствия или уничтожения чего угодно вообще (как «привидение» (*apparition*) Бланшо или *il y a* Левинаса).

Подобно удовлетворению от самоотречения, эффект нестираемости даёт о себе знать в том, что битва

с субъектом заканчивается его восстановлением. И вообще создаётся такое впечатление, что борьба с субъектом – это элемент самой субъективности, десубъективация – это провокация субъекта. Но опять же, со своей стороны, ни десубъективации самой по себе, ни десубъективации в её по видимости «диалектической» связи с субъективацией недостаточно для того, чтобы говорить о субъективности (хотя, возможно, десубъективация для этого и необходима). Или же это такое условие возможности субъекта, которое налицо тогда, когда субъект уже есть. Левинас, опять же, хорошо уловил пропасть этого разрыва между субъективностью и её условием, говоря о появлении субъекта (гипостазировании) как о событии, не имеющем никакого основания в бытии [32. С. 37].

Однако всё это очевидным образом возвращает нас к исходной точке нашего спрашивания о необходимости «Кого-то». Этот «Некто» в итоге предстаёт перед нами как тривиальный проблематический локус, как место самой проблематичности. «Кто» – это вопрос. Ещё одним ответом на него может быть формулировка, встречающаяся в поздней фрагментарной книге Бланшо «Письмо катастрофы» – «субъективность без субъекта»: «Левинас говорит о субъективности субъекта; если нужно ещё поддерживать это слово – почему? а почему бы и нет?, – то, возможно, следовало бы говорить о *субъективности без субъекта*, о раненом месте, ушибе тела умирающего, уже мёртвого, владельцем которого уже не может быть никто, о котором никто не скажет: я, моё тело, одушевлённое единственным смертным желанием: желанием умереть, желанием, которое само умирает несобственной смертью, – без того, чтобы эту смерть превзойти» [29. С. 43].

Впрочем, развёрнутая здесь формулировка аналогична, опять же, «существованию без существующего» или *il y a* Левинаса. Голое бытие, которое мы имеем за вычетом всего существующего – без мира, вне, до или после него – голое бытие, так похожее на «голую жизнь», – как раз и есть субъективность без субъекта. (Но как бы то ни было, я не вижу в этом лишь неправомерное употребление слов. Я нахожу в этом, если угодно, фигуру минимальной субъективности. Если требуется слово для обозначения самой неизгладимости и нестираемости, то это слово и есть «субъективность». Хотя, возможно, в таком случае она уже и не является субъективностью какого-либо «я».) Иными словами, объединяя утверждение субъективности с её изведением, сущностное одиночество выражает *бытие субъекта, когда его нет*.

«Кто-то» является совсем рядом, когда умирают [2. С. 22], является как привидение, как ближний всякого умирания. Как говорит Бланшо – в противовес или в дополнение к идее Хайдеггера о том, что смерть «всегда моя», и невозможно снять с кого-либо его умирание (SZ § 40 [6. С. 237]), – «никогда не я умираю, но «умирают» (*on meurt*), умирают всегда другие, на уровне нейтральности и безличности вечного Он (*Il*)» [2. С. 253]. Субъективность сущностного одиночества – тот, кто умирает, – это *on* в неопределённо-личной конструкции *on meurt*. Умирают всегда *вместо*, «несобственной смертью»; «смерть – это всегда любая смерть» («La mort est toujours une mort quelconque» [2. Р. 253]).

«Кто-то» здесь – это не просто «интериоризация» Другого (если не понимать интериоризацию в натуралистическом психологическом смысле, «внутреннее» как то, что попросту не-объективно), потому что этот «Кто-то», не принадлежа миру и не будучи представляемым объектом, остаётся всегда снаружи, всегда внешним, необратимым вовнутрь. И в то же время этот «Кто-то» всегда уже внутри – может быть, даже более внутри, чем я сам по отношению к себе – ближе ко мне, чем я сам. Но это не Бог. Это вместо меня, представляющее собой место моей субъективности. Это всегда из всего исключаемое подлежащее – поэтому он и умирает вместо, – имярек, вместо имени, умерший «кто-то», который отныне со мной всегда. «Кто-то» – фигура абсолютного исключения, которая оказывается в неисключающей связи с кем угодно. Место субъективности как место сообщества, неприсваиваемое общее место. Но это также и локус дискommunikации, в котором язык не говорит, поскольку совпал со своей речью: в общности нет ничего общего. (Отметим, что в идее сущностного одиночества Бланшо во многом предвосхищает тот дискурс по поводу общности, который займёт о себе у Жана-Люка Нанси и Джорджо Агамбена и участником которого он сам же впоследствии станет: его книга «Непризнаваемое сообщество» (*La Communauté inavouable*, 1983 [33]) – ответ на «Непроизводительное сообщество» (*La Communauté désœuvrée*, 1983 [34]) Нанси; своеобразным ответом на обе эти книги станет «Грядущее сообщество» (*La Comunità che viene*, 1990 [35]) Агамбена.)

Сказанное можно было бы подытожить формулой: сущностное одиночество – это всегда внешнее, но не предметное, не становящееся от этого чем-то и, оставаясь кем-то, не становящееся от этого другим. Но Бланшо далёк от создания какой-либо законченной теории субъекта. В своём литературном и критическом письме он как бы постоянно апробирует разные вариации субъективности, или, что то же, её десубъективации, или её деконструкции, в том числе предьявляя сам по-

вествовательный голос посредством специфических техник письма (например, шизофренически расщепляя повествовательную инстанцию на неопределённое множество ведущих диалог голосов). Один из последних его текстов на эту тему – небольшое эссе под названием «Кто?» (*Qui?* 1989 [36]), написанное как ответ на характерный вопрос «Кто приходит после субъекта?»⁸. Этот текст поначалу также представляет собой диалог расщеплённого на *je* («я») и *moi* («меня») повествовательного голоса, в котором, в том числе, перебираются разные возможности интерпретации этого «кто» («сверхчеловек, или тайна события» (*Ereignis*), или неопределённое требование непроизводительного сообщества (*communauté désœuvrée*), или странность абсолютно Другого, или, быть может, последний человек, который оказывается не последним» [Там же. С. 50]), однако этот бесконечный диалог в итоге приостанавливается – ради очередного обращения, очередной цитаты, очередного непритязательного указания – которым и я на этот раз позволю себе закончить:

«И так далее. Я останавливаю здесь этот слишком привычный диалог, оставляя также свою попытку прояснить вопрос, не игнорируя того обстоятельства, что я уклоняюсь от него напрасно, поскольку он не рассеивается, но продолжает тревожить своей настоятельностью. “Кто же приходит после субъекта?”. Понимая, не понимая этот вопрос, позволю себе позаимствовать у Клода Морали название одной из его книг, а также цитату, откуда это название берётся: “Как если бы раздавался приглушённо этот зов, радостный зов, крик детей, играющих в саду: “кто я сегодня?” – “кто займёт моё место?” И ответ – радостный, бесконечный: *он, он, он (lui, lui, lui)*”. Только дети могут сделать считалку из того, что открывается навстречу невозможности, и только дети могут её радостно петь.

Будем же и мы, пускай в тревоге и тяжести неуверенности, хотя бы время от времени, этими детьми» [36. С. 51].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бланшо пишет «Сущностное одиночество» в 1952, впервые публикует в журнале *La Nouvelle Nouvelle Revue française* в 1953 г. [1. С. 306], впоследствии этот текст открывает книгу «Пространство литературы» (*L'Espace littéraire*, 1955 [2. С. 9–25; 3. С. 9–26]).

² Правда, в рамках самого этого курса тема одиночества так и не получила разработки – из трёх вопросов Хайдеггер ограничился здесь, фактически только вопросом о «мире». Но тема одиночества присутствует здесь имплицитно – прежде всего, в анализе глубокой скуки.

³ «...в своём переходе в другое нечто лишь сливается с самим собою, и это отношение с самим собою в переходе и в другом есть истинная бесконечность» [19. С. 234].

⁴ Прежде всего в таких текстах, как «Тёмный Фома» (*Thomas l'Obscur*, 1941, rééd. 2005; *Thomas l'Obscur. Nouvelle version*, 1950 [24]) и «Последний человек» (*Le dernier homme*, 1957 [25]). Русский перевод «Последнего человека» и новой, сокращённой версии «Фомы» есть в сборнике «Рассказ?», составленном В.Е. Лапицким [26].

⁵ Открывающее этот сборник эссе, которое так и называется: «Сущностное одиночество», сопровождается также приложением «Сущностное одиночество и одиночество в мире» (*La Solitude essentielle et la solitude dans le monde* [2. С. 263–265; 3. С. 255–257]).

⁶ Отметим, что Бадью размещает Бланшо там же, где Хайдеггера, – в пространстве мысли как без субъекта, так и без объекта, характерном для поэтического «подшития» философии, вменяя ему в вину «литературный фетишизм» [7. С. 39].

⁷ К слову, само понятие «нейтрального» впервые появляется именно в тексте «Сущностное одиночество», как раз в приведённой выше цитате («зачарованность связана с нейтральным... присутствием...») [2. С. 24]), хотя здесь оно ещё не субстантивировано [1. С. 308].

⁸ Текст был написан для международного журнала *Topoi*, в котором в 1988 г. был опубликован его английский перевод. См. также вышедший позже сборник, озаглавленный тем же характерным вопросом: «Кто приходит после субъекта?» [37].

ЛИТЕРАТУРА

1. Bident C. Maurice Blanchot: partenaire invisible. Seyssel : Champ Vallon, 1998. 634 p.
2. Blanchot M. L'Espace littéraire. Paris : Gallimard, 1955. 294 p.
3. Бланшо М. Пространство литературы / пер. Б.В. Дубина, С.Н. Зенкина, Д. Кротовой, В.П. Большакова, Ст. Офертаса, Б.М. Скуратова. М. : Логос, 2002. 288 с.

4. Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 29/30. Die Grundbegriffe der Metaphysik. Welt – Endlichkeit – Einsamkeit. Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 1983. 542 s.
5. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. Мир – конечность – одиночество / пер. В.В. Бибихина, А.В. Ахутина, А.П. Шурбелёва, послесл. А.П. Шурбелёва. СПб. : Владимир Даль, 2013. 592 с.
6. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. В.В. Бибихина. М. : Ad Marginem, 1997. 451 с.
7. Бадью А. Манифест философии / сост. и пер. В.Е. Лапицкого. СПб. : Machina, 2003. 184 с.
8. Левинас Э. Тотальность и Бесконечное / пер. и ком. И.С. Вдовиной // Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. М. ; СПб. : Университетская книга, 2000. С. 66–291.
9. Dreyfus H.L. Being-in-the-World: A Commentary on Heidegger's Being and Time. Division I. Cambridge, Massachusetts : The MIT Press, 1991. 370 p.
10. Хайдеггер М. Исток художественного творения / пер. А.В. Михайлова // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М. : Гнозис, 1993. С. 47–116.
11. Райл Г. Понятие сознания / общ. ред. и предисл. В.П. Филатова. М. : Идея-Пресс ; Дом интеллектуальной книги, 1999. 408 с.
12. Metzinger T. Being No One: The Self-Model Theory of Subjectivity. Cambridge, Massachusetts : Bradford Books ; The MIT Press, 2003. 699 p.
13. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени / пер. и послесл. Е.В. Борисова. Томск : Водолей, 1998. 384 с.
14. Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 2001 (18 Aufl.). 445 s.
15. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / пер. Г.Г. Шпетера. М. : Наука, 2000. 495 с.
16. Федье Ф. Голос друга / пер., вступ. заметки и ком. О.А. Седаковой. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. 80 с.
17. Хайдеггер М. Что такое метафизика? / пер. В.В. Бибихина // Время и бытие. М. : Республика, 1993. С. 16–27.
18. Батай Ж. Суверенность / пер. Т.А. Левиной, О.Е. Ивановой // «Проклятая часть»: Сакральная социология. М. : Ладомир, 2006. С. 311–487.
19. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1 : Наука логики / пер. Б. Столпнера ; под ред. Е. Ситковского. М. : Мысль, 1975. 452 с.
20. Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам» / пер. Н. Исаевой, С. Исаева. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2005. 680 с.
21. Агамбен Дж. Номо sacer. Что остаётся после Освенцима: архив и свидетель / пер. И. Левиной, О. Дубицкой, П. Соколова ; под ред. Д. Новикова. М. : Европа, 2012. 192 с.
22. Rajan T. The Double Detour: Sartre, Heidegger, and the Genealogy of Deconstruction // After Post-Structuralism: Writing the Intellectual History. Toronto : Univ. of Toronto Press, 2002. P. 43–87.
23. Bataille G. Choix de lettres (1917–1962) / ed. de M. Surya. Paris : Gallimard, 1997. 640 p.
24. Blanchot M. Thomas l'Obscur. Nouvelle version. Paris : Gallimard, 1950. 174 p.
25. Blanchot M. Le dernier homme: récit. Paris : Gallimard, 1957. 159 p.
26. Бланио М. Рассказ? Полное собрание малой прозы / сост., пер. и послесл. В.Е. Лапицкого. СПб. : Академ. проект, 2003. 574 с.
27. Blanchot M. L'Entretien infini. Paris : Gallimard, 1969. 640 p.
28. Blanchot M. Le Pas au-delà. Paris : Gallimard, 1973. 187 p.
29. Blanchot M. L'Écriture du désastre. Paris : Gallimard, 1980. 219 p.
30. Lévinas E. Autrement qu'être ou au-delà de l'essence. Paris : LGF, 1990. 288 p.
31. Деррида Ж. Призраки Маркса / пер. Б. Скуратова под ред. Д. Новикова. М. : Logos-altera ; Ecce homo, 2006. 256 с.
32. Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека / пер. А.В. Парибка ; вступ. ст. и ком. Г.И. Беневица. СПб. : НОУ – Высшая религиозно-философская школа, 1999. 265 с.
33. Blanchot M. La Communauté inavouable. Paris : Éditions de Minuit, 1983. 91 p.
34. Nancy J.-L. La Communauté désœuvrée. Paris : Christian Bourgois, 1983 (rééd. 1986). 197 p.
35. Агамбен Дж. Грядущее сообщество / пер. Дм. Новикова. М. : Три квадрата, 2008. 144 с.
36. Blanchot M. Qui? // Cahiers Confrontation. 1989. № 20. P. 49–51.
37. Who Comes After the Subject? / ed. by E. Cadava, P. Connor, J.-L. Nancy. New York ; London : Routledge, 1991. 258 p.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 02 декабря 2014 г.

SUBJECTIVITY OF ESSENTIAL SOLITUDE: A STUDY IN HEIDEGGER AND BLANCHOT

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 80–91. DOI 10.17223/15617793/391/13

Evstropov Maxim N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: stropov@gmail.com

Keywords: Heidegger; Blanchot; essential solitude; subjectivity; theory of subject; existential analytics; fundamental ontology.

There is a paradox lying within essential solitude: being an experience of radical subjectivity, it demonstrates the impossibility of the subject. Martin Heidegger and Maurice Blanchot, each from his own part, were rather sensitive to this paradox. For Heidegger solitude is, first of all, related to the concept of "authentic" (*eigentlich*) existence. The seclusion of *Dasein*, its individuation until its "ownmost" way of being is associated mainly with such "fundamental moods" as *Angst* and boredom (*Langeweile*). But, paradoxically, this "ownmost" experience individualizing being-in-the-world is radically impersonal, and its impersonality even overcomes the everyday impersonality of "the They" (*das Man*). If in everydayness of being-in-the-world the impersonal character of "the They" is mostly concealed, then in the "ownmost" experience it is bared and reveals itself in all its magnitude. Nonetheless, even in this situation we can still talk of some atavistic subjectivity of a "mute witness" (*martyr*) similar to the "Earth" opposing the "World" in the work of art. For Blanchot essential solitude is no longer the solitude of being-in-the-world, but the solitude of being without the world – before, after, or just beyond it. When talking about the literary experience, Blanchot associates essential solitude not with the figure of author, but rather with the work of literature itself: it is the work that stands completely alone, without any general order or context. Essential solitude is related to the statement that the work itself is – to the elementary ontological "there is", without any sense or negativity. The author is related to essential solitude not because of his or her own subjectivity, but rather because of his or her relation to the work. The experience of writing reveals it as a shift from the position of the subject of one's own speech to the so called narrative voice – neutral, impersonal, belonging to no one. This shift is considered by Blanchot as analogous to the experience of death which can never be experienced in the first person. The essential solitude for Blanchot is the experience of one's own absence. There is no me when I am alone, there is "Someone" (*Quelqu'un*). And it is this faceless "Someone" who is the real subject of essential solitude, if this is a subject at all. This "Someone" reminds of a grammatical subject of impersonal sentences, such as Heidegger's *es gibt* or Emmanuel Lévinas' *il y a*, ontological formulae expressing the bare fact of being. So, as it seems to be, "Someone" is but a *personification* of a principally impersonal ontological element. But is there any essential necessity for this per-

sonification, except that of grammatical use? If there is such, it can be well expressed by Blanchot's formula "subjectivity without subject". It is analogous to Lévinas' "existence without existent", so within it "subjectivity" becomes the name of ineffacement itself.

REFERENCES

1. Bident C. *Maurice Blanchot: partenaire invisible*. Seyssel: Champ Vallon, 1998. 634 r.
2. Blanchot M. *L'Espace littéraire*. Paris: Gallimard, 1955. 294 p.
3. Blanchot M. *Prostranstvo literatury* [The space of literature]. Translated by B.V. Dubin, S.N. Zenkin, D. Krotova, V.P. Bol'shakov, St. Ofertas, B.M. Skuratov. Moscow: Logos Publ., 2002. 288 p.
4. Heidegger M. *Gesamtausgabe*. Bd. 29/30. *Die Grundbegriffe der Metaphysik. Welt – Endlichkeit – Einsamkeit*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1983. 542 p.
5. Heidegger M. *Osnovnye ponyatiya metafiziki. Mir – konechnost' – odinochestvo* [Basic concepts of metaphysics. World – finitude – loneliness]. Translated by V.V. Bibikhin, A.V. Akhutin, A.P. Shurbelev. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2013. 592 p.
6. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated by V.V. Bibikhin. Moscow: Ad Marginem Publ., 1997. 451 p.
7. Badiou A. *Manifest filosofii* [Manifesto of philosophy]. Translated by V.E. Lapitskiy. St. Petersburg: Machina Publ., 2003. 184 p.
8. Lévinas E. *Izbrannoe. Total'nost' i Beskonechnoe* [Selected works. Totality and infinity]. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 2000, pp. 66–291.
9. Dreyfus H.L. *Being-in-the-World: A Commentary on Heidegger's Being and Time. Division I*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1991. 370 p.
10. Heidegger M. *Raboty i razmyshleniya raznykh let* [Works and reflections of different years]. Moscow: Gnozis Publ., 1993, pp. 47–116.
11. Ryle G. *Ponyatie soznaniya* [The concept of mind]. Moscow: Ideya-Press; Dom intellektual'noy knigi Publ., 1999. 408 p.
12. Metzinger T. *Being No One: The Self-Model Theory of Subjectivity*. Cambridge, Massachusetts: Bradford Books; The MIT Press, 2003. 699 p.
13. Heidegger M. *Prolegomeny k istorii ponyatiya vremeni* [Prolegomena to the history of the concept of time]. Translated by E.V. Borisov. Tomsk: Vodoley Publ., 1998. 384 p.
14. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2001 (18 Aufl.). 445 p.
15. Hegel G.W.F. *Fenomenologiya dukha* [Phenomenology of Spirit]. Translated by G.G. Shpet. Moscow: Nauka Publ., 2000. 495 p.
16. Fedier F. *Golos druga* [Voice of a friend]. Translated by O.A. Sedakova. St. Petersburg: Izd-vo Ivana Limbakha Publ., 2010. 80 p.
17. Heidegger M. *Vremya i bytie* [Time and Being]. Moscow: Respublika Publ., 1993, pp. 16–27.
18. Bataille J. *"Próklyataya chast'": Sakral'naya sotsiologiya* [The Accursed Share: Sacred sociology]. Moscow: Ladimir Publ., 2006, pp. 311–487.
19. Hegel G.W.F. *Entsiklopediya filosofskikh nauk* [Encyclopedia of Philosophy]. Moscow: Mysl' Publ., 1975. Vol. 1, 452 p.
20. Kierkegaard S. *Zaklyuchitel'noe nenauchnoe posleslovie k "Filosofskim krokhham"* [Concluding Unscientific Postscript to Philosophical Fragments]. Translated by N. Isaeva, S. Isaev. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ., 2005. 680 p.
21. Agamben J. *Homo sacer. Chto ostaetsya posle Osventsima: arkhiv i svidetel'* [Homo sacer. What remains after Auschwitz: archives and witness]. Translated by I. Levina, O. Dubitskaya, P. Sokolov. Moscow: Evropa Publ., 2012. 192 p.
22. Rajan T. *The Double Detour: Sartre, Heidegger, and the Genealogy of Deconstruction*. In: *After Post-Structuralism: Writing the Intellectual History*. Toronto: Univ. of Toronto Press, 2002, pp. 43–87.
23. Bataille G. *Choix de lettres (1917–1962)*. Paris: Gallimard, 1997. 640 p.
24. Blanchot M. *Thomas l'Obscur*. Nouvelle version. Paris: Gallimard, 1950. 174 p.
25. Blanchot M. *Le dernier homme: récit*. Paris: Gallimard, 1957. 159 p.
26. Blanchot M. *Rasskaz? Polnoe sobranie maloy prozy* [A story? A complete collection of short prose works]. Translated by V.E. Lapitskiy. St. Petersburg: Akademicheskiiy proekt Publ., 2003. 574 p.
27. Blanchot M. *L'Entretien infini*. Paris: Gallimard, 1969. 640 p.
28. Blanchot M. *Le Pas au-delà*. Paris: Gallimard, 1973. 187 p.
29. Blanchot M. *L'Écriture du désastre*. Paris: Gallimard, 1980. 219 p.
30. Lévinas E. *Autrement qu'être ou au-delà de l'essence*. Paris: LGF, 1990. 288 p.
31. Derrida J. *Prizraki Marksa* [The Ghosts of Marx]. Translated by B. Skuratov. Moscow: Logos-altera; Ecce homo Publ., 2006. 256 p.
32. Lévinas E. *Vremya i Drugoy. Gumanizm drugogo cheloveka* [Time and the Other. Humanism of another person]. Translated by A.V. Paribok. St. Petersburg: NOU Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola Publ., 1999. 265 p.
33. Blanchot M. *La Communauté inavouable*. Paris: Éditions de Minuit, 1983. 91 p.
34. Nancy J.-L. *La Communauté désœuvrée*. Paris: Christian Bourgois, 1983 (rééd. 1986). 197 p.
35. Agamben J. *Gryadushchee soobshchestvo* [The Coming Community]. Translated by Dm. Novikov. Moscow: Tri kvadrata Publ., 2008. 144 p.
36. Blanchot M. *Qui? Cahiers Confrontation*, 1989, no. 20, pp. 49–51.
37. Cadava E., Connor P., Nancy J.-L. (eds.) *Who Comes After the Subject?* New York; London: Routledge, 1991. 258 p.

Received: 02 December 2014

ХАРАКТЕРИСТИКА НАПРЯЖЕННОСТИ СИСТЕМЫ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Характеризуется напряженность, возникающая в силу определенной активности усилий различных субъектов – организатора и исполнителя, в системе совместной деятельности. Напряженность социальная в научной литературе имеет широкую предметную область и практически во всех областях выступает как серьезная проблема совместной деятельности. Автор на основе прикладных исследований делает акцент на атрибутивности социальной напряженности, её полярности, характеризующейся как с отрицательной, так и с положительной стороны. Данный всесторонний подход к интерпретации напряженности в совместной деятельности позволяет обеспечить качественную диагностику современного общественного развития. Цель данной статьи – основные моменты философской рефлексии социальной напряженности (предмет) в системе совместной деятельности (объект).

Ключевые слова: социальная напряженность; условия совместной деятельности; нравственность; воля.

Проблемы социальной напряженности в системах совместной деятельности и связанные с ними проблемы перспективного развития этих систем занимают особое место в социальных науках, так как напрямую связаны с возможностью управления обществом. Для современной России, переживающей период поиска наиболее рационального пути развития, проблема управляемости, в частности социальным напряжением, особенно актуальна.

В процессе перехода общества к рыночным отношениям значение прогнозирования и коррекции социальной напряженности постоянно возрастает, так как политика – это не только умиротворение социальных отношений, но и поддержание определенной активности напряженности системы совместной деятельности, прежде всего, в системе производственных отношений.

В последние годы в научной литературе возросло количество публикаций, рассматривающих различные аспекты проблем как *умиротворения отношений*, так и *активизации деятельности*. В совокупности политико-социологические исследования должны дать такое теоретическое описание совместной деятельности, которое обеспечило бы на практике её устойчивость (стабильность) [1]. Однако до настоящего времени принципиально не определены и не сформулированы основополагающие подходы в прогнозировании *наличия и изменения* социальной напряженности как на микро-, так и макроуровне. Как следствие одностороннего – негативного восприятия социальной напряженности допускаются ошибки в управленческой деятельности, что приводит к появлению острых проблем в политической, экономической и социальной сферах.

В связи с этим закономерно встает вопрос в объяснении самой *природы* социальной напряженности: каковы ее сущностные признаки и необходимые условия? Другими словами, речь идет о настоятельной потребности в разработке проблем социальной напряженности, о создании общей теоретической схемы обеспечения эффективной совместной деятельности. По сути, это попытка подойти к возможности решения актуальной проблемы – выбора пути развития, где выверенный, научно обоснованный выбор, к примеру, между западноевропейской и восточноевропейской культурой производства, гармонично сочетающий принципы индивидуализма и коллектив-

ности, экономической эффективности и социальной справедливости, позволит наконец-то избежать крайностей в проведении обоснованных, а порой и необходимых социально-экономических реформ.

Проблема напряжения социальной системы в современной научной литературе не получила должного освещения. Достаточно сказать, что понятие «социальная напряженность» в основном употребляется в негативном значении и рассматривается как *феномен*. Следует сразу подчеркнуть, что такое суженное, одностороннее воззрение на основной параметр – *атрибут* совместной деятельности социальных субъектов – не дает, как нам представляется, возможности эффективного мониторинга, более точного измерения и особенно, что очень важно, более «мягкой» коррекции социальной напряженности или, одним словом, её управляемости.

В настоящее время практически всеми исследователями приводятся признаки социальной напряженности только отрицательного плана. В результате социальная напряженность трактуется как нежелательное, отрицательное явление в социальной практике. Вместе с тем есть и другое мнение: ещё А.С. Ахиезер выдвигал идею, что существует и конструктивная напряженность, выполняющая функцию преодоления социокультурных противоречий. Вектор этой напряженности направлен против дезорганизации, энтропийных процессов [2. С. 145].

Нельзя сказать, что автор данной статьи при исследовании социальной напряженности придерживался гипотетической (в диалектическом ключе) трактовки Ахиезера, напротив, исследования автора проводились в заводской лаборатории и носили сугубо прикладной характер, однако выводы оказались идентичными. В 1992 г. мной была предпринята попытка найти механизм сравнения, лежащий в основе оценки вкладов и отдач работников Кузнецкого металлургического комбината (КМК) г. Новокузнецка (Кузбасс). Выявление такого механизма позволяло, во-первых, вести постоянное наблюдение и, во-вторых, что более важно, прогнозировать изменение социальной напряженности на ранней стадии её (изменения) проявления. Отсюда вытекала и главная задача: дать развернутую формулировку, что есть социальная напряженность и механизм ее измерения. Выяснить, как соотносятся социальный и психологический факторы в совместной деятельности, а также попытаться рас-

смотреть зависимость работоспособности от справедливости оценки «вкладов и отдач» работников и возможности управляемости этой зависимостью (если таковая имеется).

Совместная деятельность как субстанциальная основа общественной жизни людей связана с целенаправленным совершенствованием жизни человека и исторически складывающихся, в силу определенной специфики совместной деятельности, отношений в человеческом обществе, причем напряженных отношений. *Напряженность* в системе совместной деятельности, или *характеристика активности*, усилий субъектов деятельности, определяется их воздействием на трудовую среду в производственном процессе, при котором их целесообразные усилия обусловлены заинтересованной субъективностью. Заинтересованность субъектов играет значительную роль в формировании определенных социальных отношений, характеризующихся положительной или отрицательной напряженностью.

Социальная связь обуславливает зависимость человека (как социального субъекта) от других людей (социальных субъектов) в удовлетворении первоочередных, жизненно важных потребностей: питания, продолжения рода, признания. Если такие потребности, как «питание» и «размножение», присущи и растительному миру, то потребность в признании – одобрении деятельности индивида другими – или значимость, ценность индивида в миссии человеческого рода – человеческая потребность.

Человеком рождается каждый – по образу, по сущности же каждый является тем, что он делает. В деятельности, а вернее, в совместной деятельности с другими проявляется социальная сущность человека, и в ней же – совместной деятельности – появляется возможность его развития, совершенствования перехода «от животности к человечности». Стало быть, совместная деятельность как один из важнейших атрибутов общества связана с целенаправленным совершенствованием жизни человека и исторически складывающихся в силу определенной специфики совместной деятельности отношений в человеческом обществе. Иными словами, сущность человека определяется совокупностью исторически определенных общественных отношений, с одной стороны, и с другой – тем деятельным статусом, что он занимает в обществе.

Таким образом, человек подчинен социальным институтам, которые предоставляют ему возможность удовлетворять первоочередные потребности. Однако каждый человек в той или иной мере испытывает противоречивое чувство к обществу и его социальным институтам. С одной стороны, человек не хочет быть зависимым и на протяжении всей своей жизни стремится к свободе, т.е. к необремененности социальными связями. С другой стороны, только в обществе человек может удовлетворить жизненно важные фундаментальные потребности. Этот противоречивый процесс, если позволительна такая аналогия, можно определить как «прокрустово ложе». Здесь каждый индивид, уникальный по своей природе, обязан подчинить свою свободу общей необходимости. Тем самым стать в определенном смысле «типичным», оста-

ваясь в то же самое время самим собой; т.е. чем менее наша деятельность связана с деятельностью других людей, тем она (социально) свободнее и, наоборот, чем больше деятельность наша связана с другими людьми, тем она несвободнее. Другими словами, уникальность индивида «отталкивает» социум, в котором он (индивид) представляет себя не иначе, как типичным и зависимым. Социум «притягивает» индивида, так как только здесь, в социуме, он может удовлетворить свои основные фундаментальные потребности (питание, продолжение рода, признание). Поэтому идеи или принципы удовлетворения потребностей, т.е. условия совместной деятельности, и определяются нами в качестве основных базовых ценностей как отдельного индивида – субъекта совместной деятельности, так и социума в целом.

Данное приведенное выше противоречие составляет сущность жизненной силы (*vitalife*) [3], которая является социально-биологической причиной постоянного напряженного состояния – интенции к деятельности, её движущей силой. Причем напряженность как атрибут совместной деятельности в зависимости от удовлетворенности или неудовлетворенности результатом и условием совместной деятельности может иметь как положительное, так и отрицательное значение [4]. Это одна – *интеграционная* – сторона диалектического единства совместной деятельности.

Другая сторона социальной деятельности в том, что природа изолированного индивида лишена всякого значения; ещё Гёте утверждал, что «человек невыносим без людей». Следовательно, термин «социальное» в реальной действительности, прежде всего, включает общую совместную деятельность. Поэтому индивиды могут быть определены только через отношения ко всем другим индивидам, включенным в некоторую структуру, или, иначе, – систему совместной и, прежде всего, производственной деятельности. В этой связи следует особо подчеркнуть, что конкретизирующая характеристика социальной системы – системы совместной производственной деятельности, её качественно специфический способ взаимодействия – это сближение, обмен, уподобление энергий, усилий противоположных, но диалектически связанных сторон – *организатора и исполнителя*.

Производство в принципе невозможно без организации. Индивид, обладающий организаторскими способностями и организующий совместную деятельность, является её организатором – руководителем (ведущим, господствующим). Противоположная роль в системе совместной деятельности, естественно, принадлежит исполнителю (ведомому, подчиняющемуся). Стало быть, совместная производственная деятельность возможна только при обязательном наличии руководителя и исполнителя; не может быть совместной деятельности исполнителей без руководителя и производственной деятельности вообще без исполнителей, какую бы социальность (формацию, или тип общества) мы не рассматривали. Совместная деятельность без организатора – такая же бессмыслица, как и совместная деятельность без непосредственных исполнителей. Таково главное условие системы совместной производственной деятельности.

Отношения внутренних противоположных сторон системы совместной производственной деятельности «организатор – исполнитель» составляют диалектическое противоречие, основу постоянного изменения развития системы, её «светлое будущее» как некий нарратив [5]. Разность отношений к условиям совместной деятельности – господству и подчинению, естественным образом создает напряжение. Или, иначе: социальное напряжение есть разность отношений индивидов к условию совместной деятельности; неважно, рассматриваем ли мы организацию совместной деятельности как процесс или же как социальный институт. Это и есть противоположная, *дифференцирующая*, сторона диалектического единства совместной деятельности.

Как известно, результат совместной деятельности выше, чем сумма составляющих индивидуальных усилий. Такой эффект приращения, полученный в ходе совместной деятельности, называется синергией ($2+2=5$) и является одним из свойств организаций. Но не всегда. Для того чтобы этот эффект проявился в полной мере, организатор должен создать оптимальные условия и мотивацию для совместной деятельности. Если этого нет, то результативность организации будет даже хуже, чем сумма составляющих индивидуальных усилий членов организации ($2+2=3$).

В своё время автором был проведён ряд конкретных исследований по проблеме социальных отношений – условий совместной деятельности в части определения тесноты связи показателей: трудовой и технологической дисциплины. Весьма продуктивно в этой работе проявила себя корреляция дисциплинарных показателей с показателями социальной напряженности. В качестве методики измерения социальной напряженности использовалась статистическая обработка вторичной информации (результаты производственной деятельности, количество персонала, фонд оплаты и квалификационный доход каждой страты), показавшая высокую степень прогностической вероятности.

Теснота связи вышеназванных показателей, отчетливо ощущаемых на уровне эмпирии, из-за отсутствия надежной диагностики социальной напряженности долгое время не поддавалась рациональному объяснению. В конце концов, отказавшись от измерения социальной напряженности методом построения шкал и применив аппарат статистической обработки данных в системе социальных отношений персонала предприятия [6], автором были обнаружены, кроме коррелируемости проблемных показателей, и уровни флуктуации социальной напряженности.

Конкретные субъекты в реальных ситуациях всегда оценивают затраты своей энергии (усилий) безотносительно к форме этой затраты во взаимодействии друг с другом. Производство, независимо от его вида, т.е. производство вообще, в принципе невозможно без различия интересов руководителя и исполнителя (работодателя и работника), специфика деятельности которых и составляет единство умственного и физического труда процесса производства. Единство умственной и физической составляющих – человеческий труд – не только объединяет рабочего и руководителя, но и в моральном плане уравнивает того и другого.

Производственное единство противоположностей и его моральная однородность, таким образом, взаимоувязывает психологический (воля) и социальный (нравственность) аспекты совместной деятельности. Так, если у отдельных работников (гомогенной группы), скажем, страты «рабочие», показатель внутренней напряженности или психологические аспекты совместных усилий, одним словом, работоспособности, могут быть абсолютно разными, то при всей палитре чувств социальный показатель, учитывая однородность группы, один. Иными словами, «взявшись за гуж», в группе можно определенное время проявлять любое усилие. Однако показатель работоспособности (совместных усилий) группы, зависящий от разных «настроений-усилий», но в одном промежутке времени, т.е. в ритме или знаменитом «эй ухнем!», будет один – социальный.

В отличие от животного, поведение которого определяется его инстинктами, его биологической природой, поведение человека определяется природой того социального организма (социума), в состав которого он входит, природой существующих в этом «организме» общественных, прежде всего производственных или, как мы отметили выше, нравственно-волевых отношений. Резюмируя вышесказанное, в форме импликации констатируем: если есть совместная деятельность, то обязательно присутствует напряжение – сила, производящая эту деятельность; если есть сила, то как отражение данной силы или её характеристикой является определенная напряженность совместной деятельности, или *социальная напряженность*.

Таким образом, социальная напряженность есть нравственно-волевая характеристика совместной деятельности индивидов в поле определенного социума. Она (*социальная напряженность*) как духовный системообразующий фактор характеризует совместную деятельность, её неотъемлемое свойство (атрибут) – *социальное напряжение* – с качественной стороны (позитивная или негативная). Количественную сторону социального напряжения будет отражать *работоспособность* как физический системообразующий фактор совместной деятельности (с уровнями: максимальная, оптимальная и сниженная). Сущность стабильной напряженности в совместной деятельности, таким образом, будет заключаться в *поддержании оптимальной работоспособности* или, другими словами, в поддержании позитивной, т.е. *положительной* социальной напряженности.

Поскольку при анализе причин удовлетворенности или неудовлетворенности условиями совместной деятельности (социальной напряженности) приходится рассматривать две различные группы факторов (психологические и социальные), то в результате анализа выясняется, что эти два чувства не являются прямо противоположными друг другу. Обратным чувством удовлетворения условиями совместной деятельности является его отсутствие, а не неудовлетворенность. Обратным чувством неудовлетворенности является, в свою очередь, его отсутствие, а не удовлетворение условиями совместной деятельности. Коротко: соотношение, например, 50% удовлетворенности и 50%

неудовлетворенности индивида(ов) в системе совместной деятельности будет означать не что иное, как равнодушие, социальную инертность.

Из сказанного само собой разумеется, что социальная напряженность может иметь стабильность только относительную, что определенным образом согласуется с концепцией И. Пригожина об относительно динамических, нестабильных системах с неравновесными структурами. Абсолютно стабильная социальная напряженность – это значит никакая, а точнее, напряженность отсутствует (или о ней ничего сказать нельзя – нет разницы), т.е. индивид в процессе совместной деятельности испытывает 50% удовлетворения и 50% неудовлетворения (крайний же случай, к примеру, – полную (сто процентную) удовлетворенность индивида можно оценивать уже как патологию).

Поэтому выразить степень изменения социальной напряженности абсолютным показателем (что и происходит при социологических опросах) – значит не учитывать ее направленность, и, наоборот, при определении направленности не представляется возможным без противоречий определить степень изменения. Коротко: работоспособность (высокая – низкая) и настрой на работу (конструктивный – деструктивный), или социальная напряженность (нравственность – воля) как характеристика совместной деятельности, может иметь различные соотношения своих бинарных компонентов, к примеру: 80 и 20%, 40 и 60, 60 и 40, 20 и 80%, но их сумма всегда равна 100%. Другими словами, нравственные и волевые интенции индивида могут быть в процессе совместной деятельности изменчивы, но нравственно-волевой интервал всегда остается инвариантным. Следовательно, какой бы малой величиной не характеризовалась, к примеру, «воля», она всегда будет присутствовать в совместной деятельности. Значит, в социальной напряженности как системном понятии структура ее (нравственность – воля) неизменна при любых, в то же время, количественных изменениях ее составляющих.

Таким образом, относительно стабильной социальной напряженностью будет период согласия (консенсуса) в социуме, при котором нравственно-волевой или социально-психологический континуум совместной деятельности находится в относительно равновесном соотношении, т.е. большинство индивидов социума согласно с условиями совместной деятельности. Говорят: в социуме присутствует работоспособность. Нестабильность социальной напряженности выражает наличие конфликтной ситуации, при которой нарушается относительно равновесное соотношение нравственно-волевого, или социально-психологического, континуума совместной деятельности, т.е. растет число индивидов и усиливается их несогласие с условиями совместной деятельности, соответственно, уменьшается работоспособность социума. Конфликт (наименьшая работоспособность) и энтузиазм (наивысшая работоспособность) являются крайними, противоположными по значению полюсами напряженности системы совместной деятельности.

Следовательно, мы можем выделить следующие варианты поведения в зависимости от степени – меры работоспособности:

- при возрастании положительной социальной напряженности: от старательности до энтузиазма;
- при возрастании отрицательной: от так называемой работы с «прохладцей» до саботажа;
- особый случай латентной напряженности (когда нет удовлетворения от условий совместной деятельности, но отсутствует и явное проявление недовольства, т.е. то, что называется равнодушием, безразличием).

Следует отметить, что проведенная нами корреляция факторов напряженности труда и социальной напряженности выявила, кроме тесной связи, ещё и закономерность, а именно обратную пропорциональную зависимость: с увеличением отрицательной социальной напряженности снижается напряженность труда, и наоборот: с увеличением напряженности труда отрицательная социальная напряженность снижается (и, следовательно, повышается положительная).

Таким образом, показатель социальной напряженности есть реакция (эмоция, т.е. чувство удовлетворения или неудовлетворения работника) на распределение результатов совместного труда (или разность между затраченной энергией и полученным вознаграждением за работу).

Выводы. Отношения частных работников при совместной деятельности будут всегда носить общественный (нравственно-волевой) характер; суть дела не изменится, коллективом мы назовем производственное объединение или, говоря сегодняшним языком, корпорацией. Сущность совместной деятельности состоит вообще в опосредующей деятельности, которая, обуславливая взаимное воздействие и взаимную целенаправленную деятельность каждого, приводит или, вернее, постоянно стремится привести к равновесию постоянно возникающее условное социальное неравенство (Н. Смелзер), которое имеет природную базу – абсолютное природное неравенство (Ж.-Ж. Руссо). Однако и стремление к равновесию, как проявляется в ходе наших исследований, также имеет природную основу. Таким образом, эти специфически разные, если их рассматривать в отдельности, действия внутренне связаны между собой в одну естественную систему.

Исходя из системности и используя «математический аппарат измерения», можно с полным основанием работоспособность как степень социальной напряженности и настрой на работу – ее направленность, выразить как векторную величину. В свою очередь, это позволит определить социально-экономическую, т.е. гармоническую, характеристику или эффективность совместной деятельности индивидов в определенном поле социума и корректировать её колебания, иными словами, управлять напряженностью системы совместной деятельности.

Уровень колебания показателя социальной напряженности (социограмма) в этом случае будет говорить о наличии определенных, действующих в данное время условий развития духовной сферы жизнедеятельности или, иными словами, об уровне развития культуры производства, чем и должен, прежде всего, руководствоваться политик в процессе управления напряженностью современной системы совместной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Киселев В.И. Основания устойчивости системы «совместная деятельность» на различных этапах её развития // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. Томск. 2013. № 4. С. 92–97.
2. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. III. М., 1991. С. 145–146.
3. Бергсон А. Избранное: Сознание и жизнь. М. : РОССПЭН, 2010. 399 с.
4. Киселев В.И. Социальная напряженность как социально философская категория (постановка проблемы) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. СПб., 2013. № 160. С. 166–174.
5. Сыров В.Н. К вопросу о нарративной природе социальной реальности и эпистемологическом статусе исторического нарратива // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. Томск. 2009. № 3. С. 39–53.
6. Киселев В.И. Социологическое измерение социальной напряженности. Факультетские исследования. Вып. 4: Региональное развитие и политика: материалы регион. науч.-практ. конф. / отв. ред. д-р социол. наук, проф. Л.Л. Шпак. Кемерово : Фирма Полиграф, 2007. С. 188–190.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 09 ноября 2014 г.

HANDLING THE TENSIONS OF THE JOINT WORK SYSTEM

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 92–96. DOI 10.17223/15617793/391/14

Kiselev Viktor I. Novokuznetsk Branch-Institute of Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: ilichsteel@mail.ru

Keywords: social relations; social tensions; stability; morality; will.

Social tension in the joint activities of individuals must be considered from the perspective of the most important connections and relationships. In the context of communication and interaction, which has a rich variety of links, there are certain social relations. The empirical material of specific case studies of social relations, especially in the industrial field, enables one to substantiate the nature of social tension, the dialectical unity of its opposite sides, morality and freedom. The "fight" of these opposite sides as an inherent contradiction of "joint action" generates energy. Energy of joint work not only supports, provides activities in time, but also is the basis for the development of the system. The development of joint activities is carried out on the basis of objective socio-economic laws. However, at the same time, each stage in the development of the system requires some conscious adjustment of the tension at work, or, in short, manageability. For Russia, which is experiencing a period of radical transformation in all spheres of public life, the transformation of the socio-political life, the problem of handling social tensions is particularly relevant. In the process of political transition to a market economy, the value of prediction and correction of social tension is likely to continue to grow, because policies not only to appease social relations, but also to maintain a specific tension in joint activities and, above all, in the industrial relations system. In recent years, the scientific literature has increased the number of publications dealing with various aspects of issues such as the pacification of relations, revitalization. Taken together, the political and sociological research should give such a theoretical description of joint activities that would ensure its stability in practice. To date, however, basic approaches in predicting the existence and changes of social tension, both at the micro and macro level, are not defined and formulated. A consequence of the unilateral, negative perception of social tension is mistakes in management leading subsequently to pressing problems in the political, economic and social spheres.

REFERENCES

1. Kiselev V.I. Foundation of the sustainability of the system "joint activities" at various stages of its development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2013, no. 4, pp. 92–97. (In Russian).
2. Akhiezer A.S. *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta* [Russia: a critique of historical experience]. Moscow, 1991. Vol. 3, pp. 145–146.
3. Bergson A. *Izbrannoe: Soznanie i zhizn'* [Selected works: Mind and life]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010. 399 p.
4. Kiselev V.I. Sotsial'naya napryazhennost' kak sotsial'no filosofskaya kategoriya (postanovka problemy) [Social tension as a social philosophical category (stating the problem)]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena – IZVESTIA: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*, 2013, no. 160, pp. 166–174.
5. Syrov V.N. K voprosu o narrativnoy prirode sotsial'noy real'nosti i epistemologicheskom statuse istoricheskogo narrativna [On the narrative nature of social reality and on the epistemological status of historical narrative]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2009, no. 3, pp. 39–53.
6. Kiselev V.I. [Sociological dimension of social tension]. *Fakul'tetskie issledovaniya. Vyp. 4: Regional'noe razvitiye i politika: materialy region. nauchno-praktich. konf.* [Faculty research. Vol. 4: Regional Development and Politics: Materials of the regional scientific-practical conference]. Kemerovo, 2007, pp. 188–190. (In Russian).

Received: 09 November 2014

ГЛОБАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ Г. ТЕРБОРНА: ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НЕРАВЕНСТВ

Статья посвящена теории социальных неравенств Г. Терборна, основным аналитическим приемом которой является рассмотрение неравенств как совокупности трех измерений: витального, экзистенциального и ресурсного. Представлены истоки и основные положения современной теории социального неравенства, механизмы воспроизводства системы равенства / неравенства, а также обосновывается необходимость возвращения класса в качестве главной действующей силы в борьбе с социальным неравенством.

Ключевые слова: социальное неравенство; Г. Терборн; класс; витальное неравенство; экзистенциальное неравенство; ресурсное неравенство.

Теории социального неравенства являются неотъемлемой частью социологии с момента ее возникновения. Сегодня, под влиянием глобальных процессов, появляется новый предмет исследований – глобальное социальное неравенство. Глобализация не только меняет масштаб изучения привычных национальных неравенств, но порождает совершенно новые типы неравенств (например, информационное), а также накладывает «старые» типы неравенств на «новые», требуя модификации исследовательской методологии.

Теоретические подходы, призванные осмыслить глобальное социальное неравенство, представляют собой главным образом попытки ответить на вопрос, как взаимовлияние и взаимосвязь различных государств на межнациональном уровне сказываются на структуре неравенства внутри этих государств и можно ли говорить о едином глобальном неравенстве или же оно представляет собой совокупность национальных. И, соответственно, представить контуры «новой» социологии.

Одной из попыток не только представить «портрет» социологии XXI в., но и выстроить соответствующую реальности теорию социального неравенства, находящейся в неразрывной связи с социальной практикой, является подход шведского социолога Гёрана Терборна. По его мнению, неравенства становятся одной из центральных тем социологии XXI в., основной чертой которой выступает глобальность ее предмета. «Глобальная социология отличается от универсалистской тем, что исходит не из чего-то предположительно общего для всех, а из глобальной вариативности, глобальной связанности и глобальной интер-коммуникации» [1. С. 48]. Глобальной социологии свойственно принятие множественности мира, а не представление его в виде единого пространства, где действуют универсальные объяснительные механизмы.

Г. Терборн исходит из того, что любое исследование социального неравенства должно предваряться ответом на вопросы о том, что такое неравенство, чем оно отличается от различия и кто является основными субъектами отношений социального неравенства. По мнению социолога, разница между различием и неравенством предполагает некоторую общность сравниваемых объектов, т.е. должно существовать представление о возможности подобного сравнения. В то же время само установление неравенства ведет к разрыву

этой общности и фиксирует, по мнению Г. Терборна, нарушение нормы равенства.

Именно по этой причине точкой отсчета в изучении социального неравенства Г. Терборн считает эпоху Просвещения, когда неравенство начинает рассматриваться в качестве, прежде всего, социальной конструкции, а не естественного положения вещей. Тем не менее для шведского социолога очевидно, что идеал абсолютного равенства не может быть реализован. Вопрос о степени равенства, которое должно существовать в обществе, Г. Терборн решает при помощи концепции Амартии Сена и его работы «Возвращение к проблеме неравенства» [2]. Индийский экономист и лауреат Нобелевской премии считает, что в самом общем виде необходимая мера равенства представляет собой «равенство возможностей делать то, что мы хотим» [Там же]. В своих работах Г. Терборн производит попытку концептуализации данного положения, утверждая необходимость применения интегральных показателей, способных фиксировать различные измерения социального неравенства.

Признавая некоторое ограничение теории К. Маркса для рассмотрения современного социального неравенства, Г. Терборн отмечает марксизм в качестве наиболее ценного теоретического основания изучения данной проблемы в настоящее время. Один из серьезных прорывов в изучении неравенств был обозначен феминистскими концепциями, которые не только способствовали включению иной перспективы, но и внесли значительный вклад в вопрос о соотношении различия и неравенства. Среди авторов, относящихся к этому направлению, Г. Терборн особенно выделяет Джулиет Митчелл [3], Марту Нуссбаум [4] и Джудит Батлер [5].

Важным источником, способствовавшим обогащению теории социального неравенства, Г. Терборн называет теории равенства и социальной справедливости Джона Ролза [6] и Амартии Сена [2, 7]. Социологам, по мнению шведского учёного, «еще многое предстоит узнать из философского дискурса» [8. С. 14]. Обращение теоретиков социального неравенства к социальной эпидемиологии или социальной медицине было еще одним важным шагом в осознании этой проблемы. Наиболее ценными в этой области Г. Терборн называет работы Ричарда Уилкинсона [9, 10].

Наконец на осознание глобального социального неравенства в наибольшей степени повлиял мир-

системный анализ И. Валлерстайна [11], «который открыл нам глаза на систематическое мышление и изучение взаимосвязей между различными частями мира» [8. С. 14].

Кроме того, обозначая в истории теории социального неравенства наиболее ценные элементы, Г. Терборн считает необходимым зафиксировать ряд уроков, которые должны учесть социологи при построении современной теории социального неравенства:

1. Неравенство представляет собой сложный и многомерный феномен, центральной характеристикой которого является его моральная и социальная значимость. Масштабы неравенств изменяются от семьи или организации до мира в целом.

2. Особое внимание должно уделяться поиску причинных механизмов производства и воспроизводства неравенства, а также способам достижения равенства.

3. Теория неравенства должна выстраиваться в междисциплинарных рамках, включающих не только экономику и политические науки, но и медицину, психологию и другие науки. Необходим отказ от монокультурализма [Там же. С. 15–16].

На базе указанных положений Г. Терборн производит попытку конструирования собственной теории социального неравенства. Основным аналитическим приемом Г. Терборна в изучении неравенств является постулирование множественности форм неравенств и на этой основе выделение трех его измерений:

1) витальное, или биологическое, неравенство фиксирует базовую характеристику человеческого существования, поскольку обращается к таким категориям, как продолжительность жизни, здоровье. Утверждение Г. Терборна «неравенства убивают» [12. С. 7] преимущественно относится именно к данному измерению. Несмотря на первостепенную важность витального неравенства, оно часто рассматривается как различие;

2) экзистенциальное неравенство очерчивает систему иерархий, основанных на категориях включения / исключения. Примерами подобного измерения неравенства являются расизм и сексизм, выстраиваемые на основе различий между индивидами. Категориями, характеризующими экзистенциальное неравенство, выступают свобода и уважение;

3) ресурсное неравенство – распределение любых имеющих ценность в данной социальной системе ресурсов, например средств производства, верблюдов [13]. Г. Терборн подчеркивает, что в то время как большинство социологов рассматривают ресурсное неравенство как единственное проявление неравенств, оно лишь одно из измерений.

Г. Терборн отмечает, что существует два способа представления социального неравенства: «лестница» и «круги». По мнению автора, социологи чаще всего отдавали предпочтение именно лестнице соответственно изучению иерархизированных неравенств. Круги, в свою очередь, представляют собой горизонтальное представление неравенства, которое, тем не менее, имплицитно содержит отсылку к вертикальному. Примерами этого могут являться отношения ядро – периферия, центр – спутник, инсайдер – аутсайдер. Каждому из выделяемых Г. Терборном измерений

неравенств соответствуют свои «арены» («поля» в терминологии П. Бурдьё, «подсистемы» в теории Н. Лумана), в которых действуют субъекты. Так, основным пространством витального неравенства является семья, экзистенциального – сфера социального взаимодействия, ресурсное неравенство преимущественно создается отношениями собственности и занятости. Эти пространства, «арены» действия, взаимосвязаны и накладываются друг на друга.

Значительное влияние на существующие неравенства оказывают четыре основных фактора дифференциации, которые включают природное богатство (индивидов, групп, территорий), систему структуризации возможностей и выгод, производительность или эффективность акторов, индивидуальные и коллективные действия по распределению ресурсов, в том числе посредством использования государства. Указанные факторы дифференциации, накладываясь друг на друга, оформляют измерения неравенства в теории Г. Терборна, оказывая на каждое из них различное влияние.

Отсюда следует, что витальное неравенство определяется через: 1) природные условия – генетические и экологические; 2) ресурсные условия (включая познавательные); 3) культурные различия (например, потребление). Витальное неравенство может сглаживаться или возрастать под действием на него экзистенциального неравенства. Экзистенциальное неравенство оформляется только под влиянием культуры – через культурную систему и первичную социализацию, хотя может иметь естественные корни (например, цвет кожи) или определяться напрямую культурой (например, посредством религии). Ресурсное неравенство определяется природными богатствами, различиями в продуктивности и систематическим структурированием возможностей и выгод. Классовая борьба является формой действий по распределению ресурсов.

Г. Терборн подробно рассматривает систему механизмов производства, воспроизводства и изменения социальных неравенств, которая представляет собой совокупность четырех дуальных позиций, где каждому механизму неравенства противостоит свой механизм равенства. Механизмами неравенства являются дистанцирование, исключение, иерархизация (отношения господства и подчинения) и эксплуатация. Им противостоят такие механизмы равенства, как компенсация (или поддержка), включение, организационное / институциональное выравнивание и перераспределение (см. подробнее: [14]). Эти механизмы кумулятивны. Все механизмы неравенства, кроме дистанцирования, направленно помещают одних субъектов в более привилегированное положение, чем других [13. С. 14]. Причиной этого является то, что отношения неравенства располагаются между двумя полюсами. С одной стороны, отношения неравенства между субъектами могут носить ненаправленный характер, например, А получает большее преимущество, чем Б, за счет более удачной стартовой позиции или собственного поведения. Этот механизм Г. Терборн обозначает как дистанцирование. Противоположный полюс составляют отношения неравенства, в которых А

направленно использует Б для достижения и сохранения своего положения. Этим механизмом является эксплуатация [13. С. 11–12]. Социальное неравенство всегда ограничено. Его границы меняются с течением времени и на различных территориях. В изучении неравенств наибольшее внимание необходимо уделять именно барьерам, фиксирующим и воспроизводящим это неравенство.

Характеризуя неравенство и равенство в современных обществах, Г. Терборн отмечает, что, несмотря на разнообразную динамику этих отношений в различных регионах, можно выявить некоторые общие тенденции. Так, витальное неравенство со второй половины прошлого века усиливается, особенно в отношении Африки и ряда других регионов в связи с распространением заболеваний. Экзистенциальное неравенство уменьшается начиная с появления движений за равные права меньшинств и других слоев, возникающих также со второй половины XX в. Ресурсное же неравенство, особенно экономическое, неизменно растет. Распад СССР, по мнению Г. Терборна, серьезно усугубил этот процесс.

Обращаясь к изучению глобального неравенства в современном мире, Г. Терборн отмечает, что «глобальные последствия не обязательно глобально продуцируются» [14. С. 40]. Тем самым социолог предостерегает исследователей от недооценки роли государства в современном мире.

Глобальное неравенство может быть, в частности, результатом механизма дистанцирования, действующим в глобальном масштабе, также неравенства возникают из различных комбинаций глобального и национального. Среди основных комбинаций социолог выделяет следующие:

1. Преимущественно национальные движущие силы неравенства.

2. Глобальная история и национальное неравенство.

3. Преимущественно транзитивные глобальные процессы неравенства.

«Каждая из трех возможных комбинаций способна продуцировать одну и ту же глобальную картину или показатели неравенства» [Там же. С. 41]. Тем самым глобальность влияет на национальный уровень посредством глобальной истории, глобального распространения и глобальных обстоятельств, где важнейшими процессами являются процессы глобального переплетения (т.е. взаимоналожение и взаимопересечение групп акторов на различных уровнях) и сети, а также глобальные потоки, роль которых также неоднозначна. Эти процессы влияют на неравенство, порождая локальные процессы его продуцирования, среди которых важнейшие механизмы:

- 1) глобальное (или международное) влияние на создание национальных программ;

- 2) формирование моделей институтов, означающее разработку и предписание создания национальных институтов определенного рода (две формы: во-первых, либерализация посредством дерегуляции, приватизации и открытия границ, где главными движущими силами были МВФ, Всемирный банк и стоящее за ними Правительство США; во-вторых, дви-

жения за права человека в целом и в частности в интересах слабых и дискриминируемых категорий, разрабатываемые ООН посредством таких инструментов, как конференции и конвенции;

- 3) политические предписания (например, в рамках «политики реструктуризации», или политики над контролем рождаемости) [14].

По мнению Г. Терборна, новый глобальный порядок носит классовый характер, поскольку снижающееся межнациональное неравенство (по сравнению с выдвинувшимся на первый план в середине XX в. глобальным неравенством между странами) подчеркивает возрастающее социальное неравенство внутри стран. Шведский социолог видит два основных варианта развития класса в современном мире: развитие среднего класса и консолидация рабочего [15]. Для социолога, на которого оказали наибольшее влияние, по его собственному признанию, К. Маркс, М. Вебер, Э. Томпсон, П. Андерсон, А. Грамши, А. Лефевр и Л. Альтюссер [16], наиболее приемлемым с идеологической точки зрения является второй вариант. В ситуации роста среднего класса Г. Терборн видит две возможные перспективы: появление глобального среднего класса потребителей или политизация среднего класса, в котором он также видит наличие протестного потенциала, который может иметь непредсказуемые последствия.

Деиндустриализация Европы и Северной Америки заставляют Г. Терборна искать новые пространства для консолидации рабочего класса, которые он находит, прежде всего, в Азии: «Эстафета индустриального рабочего класса была передана Китаю, развивающемуся центру мирового производства товаров массового потребления» [15. С. 5]. Наконец, еще одной возможностью для объединения рабочего класса служит мобилизация разнородных низших слоев, прежде всего, стран Азии, Африки, Латинской Америки, преградой для которой служат в настоящее время такие факторы, как религия, этничность, вид занятости и т.п. В качестве примера Г. Терборн приводит тайское движение «красных футболок», которое «стало важнейшей политической силой страны на выборах в июле 2011 года» [Там же].

Оценивая перспективы реализации своих прогнозов, Г. Терборн замечает: «Самый вероятный сценарий развития событий – постепенное воплощение всех четырех вариантов. Влияние каждого из вариантов предсказать невозможно, и кроме того, оценка смысла и значимости результатов, вероятнее всего, будет предметом дискуссии» [Там же].

«В то время как национальные государства остаются внушительными структурами, и классовые конфликты в основном остаются внутринациональными, новый этап глобального неравенства являют собой возрождение значимости класса и падение значимости нации как определяющих факторов человеческой жизни» [Там же]. Рассматривая возможность для увеличения равенства, Г. Терборн считает перспективным формирование нового общественного движения, союза в борьбе за равенство. Тем не менее нет однозначных предпосылок для подобного сценария, а потому важную роль продолжает играть государство. Именно способность и возможность государственного перераспре-

деления могут быть мощным механизмом социального равенства даже в условиях капитализма [8. С. 23].

Таким образом, теория социальных неравенств Г. Терборна представляет собой попытку построения теории глобальных неравенств, основным аналитическим приемом которой является выделение трех измерений неравенства: витального, экзистенциального и ресурсного. Теория шведского социолога предлагает во многом марксистское понимание неравенства, дополняя его теорией справедливости и некоторыми положениями феминистской социологии и социальной медицины. Учитывая возникающую множественность показателей и индикаторов социального неравенства в соответствии с предложенной Г. Терборном схемой его

изучения, основной задачей социологии в настоящее время является тщательный анализ отношений глобального неравенства, возникающих как результат противоречивого взаимодействия глобальных и национальных процессов, с целью выявления динамики этих отношений. Неравенства, предстающие в виде совокупности разнонаправленных процессов, требуют как специального рассмотрения отдельных проявлений, так и синтезирующего взгляда. Теоретическую позицию Г. Терборна невозможно отделить от его идеологических установок, в соответствии с которыми борьба за социальное неравенство не должна прекращаться, и понятие «класс» вновь ложится в основу этого движения за равенство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Терборн Г. Начало второго века социологии: времена рефлексивности, пространств идентичности и узлы знания // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1, № 1. С. 46–49.
2. Sen A. Inequality Reexamined. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. 207 p.
3. Mitchell J. Women – the Longest Revolution // New Left Review. 1966. № 40. С. 11–37.
4. Nussbaum M. Women and Development. New York : Cambridge University Press, 2001. 312 p.
5. Butler J. Gender Trouble. New York : Routledge, 1990. 172 p.
6. Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge ; MA : Harvard University Press, 1971. 607 p.
7. Sen A. The Idea of Justice. London : Penguin, 2009. 467 p.
8. Therborn G. Inequalities and Latin America: From the Enlightenment to the 21st Century // Working Paper Series. 2011. № 1. P. 1–31.
9. Wilkinson R.G. The Impact of Inequality: How to Make Sick Societies Healthier. New York : The New Press, 2005. 368 p.
10. Wilkinson R., Pickett K. The Spirit Level. London : Allen Lane, 2010. 400 p.
11. Wallerstein I. The Modern World System. New York : Academic Press, 1974. 233 p.
12. Therborn G. The Killing Fields of Inequality. Cambridge ; Malden : Polity Press, 2013. 180 p.
13. Therborn G. Inequalities of the World: New Theoretical Frameworks, Multiple Empirical Approaches. London : Verso, 2006. 332 p.
14. Терборн Г. Глобализация и неравенство: проблемы концептуализации и объяснения // Социологическое обозрение. 2005. Т. 4, № 1. С. 31–62.
15. Терборн Г. Глобальное неравенство: возвращение класса // Глобальный диалог. 2011. Т. 2, № 1. С. 3–5.
16. Интервью с профессором Йораном Терборном // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 1. С. 5–19.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 21 октября 2014 г.

G. THERBORN'S GLOBAL SOCIOLOGY: THEORY OF SOCIAL INEQUALITIES

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 97–101. DOI 10.17223/15617793/391/15

Martynenko Tatyana S. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: ts.martynenko@gmail.com

Keywords: social inequality; G. Therborn; class; vital inequality; existential inequality; resource inequality.

The problem of social inequality is one of the main theoretical issues in sociology. In the age of globalization there is a new subject, "global social inequality". Its novelty lies in the fact that there is not only an increase in the scale of inequality, but also an emergence of new types of inequality, as well as interpenetration of the "old" and "new" types that requires modification of research methodology. The economic, universalist (resource) approach to global inequality denies its fundamental novelty and recognizes only the change in the scale. It is opposed by a pluralist approach of "global sociology", and G. Therborn's theory of "social inequalities" is a constituent part of it. Therborn identifies three dimensions of inequality: vital, existential and resource. Each dimension corresponds to their "field": vital dimension corresponds to family, existential to social interaction, resource to property and employment. These fields are molded from vertical and horizontal inequalities which are denoted by metaphors of "ladders" and "circles". Each of the inequalities is formed by the influence of four differentiation factors: 1) nature; 2) the system of structuring opportunities and benefits; 3) productivity and efficiency of action; and 4) individual and collective redistributive action. Vital inequality could be flattened or increased under the influence of existential inequality; existential under the influence of the resource inequality. The class struggle is the main form of redistribution of resources. System of production, reproduction and change of inequality can be represented in the form of four dual positions where each mechanism of inequalization (distancing, exclusion, hierarchization, exploitation) is opposed by its own mechanism of equalization (compensation, inclusion, organizational / institutional alignment and redistribution). Since global inequality is not always globally emerged, it is not only a result of the global distancing, but also a result of various combinations of global and national inequalities. Growth of importance of inequalities within countries under the influence of global polarization determine the class character of the new global order. There are two main trends: development of the middle class and consolidation of the working class. Development of the middle class includes globalization of the consumer middle class and politicization, protest of the national middle classes. Consolidation of the working class includes de-industrialization of developed countries and concentration of the working class in Asia, as well as the mobilization of the lower strata in Africa, Asia and Latin America.

REFERENCES

1. Therborn G. Nachalo vtorogo veka sotsiologii: vremena refleksivnosti, prostranstv identichnosti i uzly znaniya [The beginning of the second century of sociology: the times of reflexivity, spaces of identity and knowledge nodes]. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Sociological Review*, 2001, vol. 1, no. 1, pp. 46–49.

2. Sen A. *Inequality Reexamined*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. 207 p.
3. Mitchell J. Women – the Longest Revolution. *New Left Review*, 1966, no. 40, pp. 11–37.
4. Nussbaum M. *Women and Development*. New York: Cambridge University Press, 2001. 312 p.
5. Butler J. *Gender Trouble*. New York: Routledge, 1990. 172 p.
6. Rawls J. *A Theory of Justice*. Cambridge; MA: Harvard University Press, 1971. 607 p.
7. Sen A. *The Idea of Justice*. London: Penguin, 2009. 467 p.
8. Therborn G. Inequalities and Latin America: From the Enlightenment to the 21st Century. *Working Paper Series*, 2011, no. 1, pp. 1–31.
9. Wilkinson R.G. *The Impact of Inequality: How to Make Sick Societies Healthier*. New York: The New Press, 2005. 368 p.
10. Wilkinson R., Pickett K. *The Spirit Level*. London: Allen Lane, 2010. 400 p.
11. Wallerstein I. *The Modern World System*. New York: Academic Press, 1974. 233 p.
12. Therborn G. *The Killing Fields of Inequality*. Cambridge; Malden: Polity Press, 2013. 180 p.
13. Therborn G. *Inequalities of the World: New Theoretical Frameworks, Multiple Empirical Approaches*. London: Verso, 2006. 332 p.
14. Therborn G. Globalization and inequality: Issues of conceptualization and of Explanation. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Sociological Review*, 2005, vol. 4, no. 1, pp. 31–62. (In Russian).
15. Therborn G. Global'noe neravenstvo: vozvrashchenie klassa [Global inequality: the return of the class]. *Global'nyy dialog*, 2011, vol. 2, no. 1, pp. 3–5.
16. Interview with Professor Göran Therborn. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2013, no. 1, pp. 5–19. (In Russian).

Received: 21 October 2014

ЭССЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ ЖЕНЩИНЫ В ФИЛОСОФИИ ГЕОРГА ЗИММЕЛЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (грант № 13-06-00119 А).

Рассматривается концепция «женской культуры», предложенная знаменитым немецким философом Георгом Зиммелем. Подход, лежащий в основе данной концепции, характеризуется как эссенциальный, поскольку предполагает существование независимых и диаметрально противоположных по содержанию мужской и женской сущностей. В статье анализируется проблематичность решения «женского вопроса» в рамках эссенциальной парадигмы.

Ключевые слова: женская культура; женская сущность; женское движение; эссенциализм; бинаризм.

Эссенциальная парадигма мышления предполагает, что любой предмет и любое явление могут быть поняты и описаны лишь в свете соответствия своему онтологическому прообразу, представляющему собой метафизическое основание, сущность предмета. В этой связи социальные процессы и роли также должны интерпретироваться в контексте соответствия или несоответствия своему сущностному «априори». Социокультурное предназначение женщины в классическом философском дискурсе описывалось в категориях пассивности, чувственности, телесности, ущербности главным образом потому, что мыслилось как выражение «женской сущности», противостоящей «мужской сущности». Последняя же, в свою очередь, представлялась априорной гарантией активной, разумной, созидательной функции мужчин в социуме. Концептуально эссенциализм, противопоставление социальных ролей мужчины и женщины, а также субординация между ними представляют собой единое целое, предполагают и обуславливают друг друга. Однако их единство настолько устоялось в традиции, что становится как бы незаметным вследствие своей «естественности».

Как замечает знаменитый французский философ и социолог Пьер Бурдьё, «сексизм – это эссенциализм, так же как этнический или классовый расизм. Он стремится свести исторически сформированные социальные различия к биологической природе, функционирующей как некоторая сущность, из которой неумолимо выводятся все жизненные акты. И среди других форм эссенциализма, несомненно, труднее всего искоренить сексизм» [1. С. 9]. Особая трудность в плане преодоления гендерной субординации связывается П. Бурдьё с тем обстоятельством, что человеческие тела в прямом смысле «носят» на себе отличительные знаки сексистской интерпретативной схемы. Действительно, дуализм онтологии и антропологии не имеет того означивающего доступа к телам, который оказывается возможным в социальном пространстве. «Труд, направленный на то, чтобы сделать “природой” произвольный продукт истории, в данном случае находит очевидное основание во внешних телесных различиях, а также в совершенно реальных результатах, произведенных в телах и умах (то есть в реальности и в представлениях о реальности) тысячелетней работой по социализации биологического и биологизации социального. Такая работа, меняя местами при-

чины и следствия, представляет натурализованную социальную конструкцию как оправдание природой произвольного представления о природе, лежащее в основании как самой реальности, так и представлений о ней» [Там же]. Таким образом, сексизм можно рассматривать как самый очевидный или «наглядный» эссенциализм, поскольку та смысловая схема, которую он навязывает человеческому мышлению, представлена в ярких образах повседневности – одежде, осанке, походке, жестикуляции, косметике, инкорпорированных в тела и схемы восприятия индивидов.

Тесная взаимосвязь эссенциальной парадигмы мышления и представлений о поляризации полов имеет еще одну важную особенность. Как бы тому или иному конкретному мыслителю ни было очевидно наличие в обществе механизмов гендерной субординации, с одной стороны, и настоятельной потребности преодолеть эту субординацию – с другой, обнаружение действительных методов преодоления сексизма невозможно, по крайней мере, до тех пор, пока мышление остается в рамках эссенциальной схемы. Ярким примером такого теоретического тупика может по праву служить концепция «женской культуры» знаменитого немецкого философа, социолога и культуролога Георга Зиммеля.

Итак, в своем философском эссе «Женская культура» Георг Зиммель прежде всего пытается прояснить понятие культуры как таковой: «Культуру можно рассматривать как совершенствование индивидов, которое достигается посредством объективации духа в исторической деятельности рода» [2. С. 234]. Представляя культуру, таким образом, как некий уникальный синтез стремящихся к совершенствованию и возвышению субъектов, с одной стороны, и накопленных поколениями объективных знаний, нравов и ценностей – с другой, Г. Зиммель утверждает два важных относительно самостоятельных аспекта культуры – субъективный и объективный. Это определение культуры помогает, с точки зрения автора, наиболее ясно охарактеризовать суть современного ему женского движения. Дело в том, что сторонники феминизма обозначают претензии исключительно в субъективном плане, проблематизируя в своей деятельности лишь возможности приобщения к объективному культурному багажу представительниц женского пола и не затрагивая перспективу преобразования самого этого объективного аспекта культуры, его дополнения

специфическим женским содержанием. «Поскольку женщины стремились перенять формы жизни и деятельности мужчин, речь для них шла о личном участии в уже существующих, но закрытых для них культурных сферах, которые, как они полагали, дадут им новое счастье, новые обязанности или новое развитие личности; здесь борьба всегда идет только за права отдельных людей, пусть даже их число составляет миллионы в настоящем или будущем, а не за то, что выходит за пределы всего единичного и личного. Речь идет о количестве ценностей, а не о создании объективно новых» [2. С. 235]. По мнению Г. Зиммеля, здесь кроется фундаментальный для женского движения вопрос – способна ли женщина вообще изменить объективное содержание культуры, обогатить его чем-то новым, а не только дополнять уже существующие формы. Если женское движение ограничится только насущной постановкой вопроса о необходимости открыть доступ женщинам ко всему богатству культурного содержания, которое, кстати сказать, создано не ими, то изменившаяся культурная ситуация все же будет подтверждать ограниченность женской природы. Другими словами, успех феминизма может вопреки ожиданиям обусловить его же решительный крах, сделав очевидной способность женщин приобщаться к уже созданному, и их же неспособность создавать! Это вопрос о самой природе или сущности женского, а точнее, «о принципиальном отношении женской сущности к объективной культуре» [Там же].

Обозначив, таким образом, основную проблему своего эссе, Г. Зиммель считает необходимым оговорить еще одно важное обстоятельство. Сформированная тысячелетиями объективная культура, к которой пытаются получить доступ женщины, не является бесполкой. Человеческая культура – это абстракция, не имеющая с реальностью ничего общего. Сохраняя объективность формы своего существования, т.е. относительную независимость от обстоятельств той или иной эпохи, претензий, амбиций или варварства того или иного конкретного индивида или сообщества, культура, тем не менее, не находится вне половых различий. «Напротив, – утверждает Г. Зиммель, – наша объективная культура является – за исключением очень немногих областей – только мужской. Мужчины создали искусство и промышленность, науку и торговлю, государство и религию. Вера в чисто “человеческую” культуру, в которой речь не идет о мужчинах и женщинах, происходит из того же основания, из которого такой культуры не существует, – из наивного отождествления “человека” и “мужчины”, вследствие чего во многих языках оба понятия выражаются одним словом» [2. С. 235–236]. Оставляя в стороне вопрос о том, является ли мужской характер объективной культуры следствием женской неспособности к созиданию объективно значимого либо лишь следствием очевидного превосходства мужского пола в силе, необходимо, по мнению автора, признать таковой характер культуры бесспорной данностью, сложившейся в результате «многообразного сплетения исторических и психологических мотивов» [Там же. С. 237].

Мужской характер объективной культуры открывает перед исследователем еще одну замечательную

перспективу: анализируя особенности многообразных форм человеческой / мужской культуры, можно сформулировать те черты специфически мужского характера, которые формируют природу или сущность мужчины. Так, необходимо отметить, с точки зрения Г. Зиммеля, специализацию, господствующую в подавляющем большинстве известных культурных форм. Специализация, или разделение сфер деятельности, раскрывает существенную односторонность или раздробленность мужского существа. «Создается впечатление, что мужчина скорее способен направлять свою силу по односторонне установленному направлению, не нанося этим ущерба своей личности, именно потому, что он воспринимает эту дифференцированную деятельность в чисто объективном аспекте как нечто отделенное от его субъективной жизни, как нечто полностью дифференцированное от его личного существования, причем своеобразным и трудно поддающимся понятиям образом и тогда, когда он со всей интенсивностью отдается этой объективной и специализированной задаче» [2. С. 238]. Женская же природа лишена такой исключительной способности культивировать специфический род деятельности, не нанося ущерба своей глубинной личностной основе. Лишенность специализированного восприятия реальности, таким образом, выступает основной характеристикой женской природы. Термин «лишенность», подчеркивающий ущербность женской натуры, кажется здесь вполне уместным, поскольку именно эта дифференцированность мужского существа тесно связана с творческим потенциалом, который и привел в реальность все многообразие форм объективной культуры. Однако Г. Зиммель спешит поправиться: «...не в смысле ущербности, а вследствие того, что выраженное здесь как недостаток полностью вытекает из позитивных свойств женской натуры» [Там же]. «Если вообще эта душевная особенность может быть выражена в символе, то он будет состоять в следующем: в натуре женщин периферия теснее связана с центром, части более соответствуют целому, чем в натуре мужчин» [Там же].

Эта специфика женской сущности выражается в совершенно различных областях человеческой жизни. И все положительные следствия, проистекающие из этой природной особенности женского существа, игнорировались долгое время лишь постольку, поскольку избирательный характер культурного «видения» был жестко ограничен рамками мужского языка и мужского мышления, в которых все проявления женского автоматически помещаются в ранг ущербных и маркируются как отклонение от нормы. Однако на самом деле положительный характер недифференцированности женского восприятия очевиден во многих сферах общественной жизни. Например, в пенитенциарной системе. «Опытные знатоки тюремных порядков, – пишет Г. Зиммель, – при введении в тюрьмах женщин-надзирательниц указали на необходимость принимать на эту должность только образованных женщин» [2. С. 239]. Причина же такой необходимости была обусловлена тем фактом, что мужчина, как правило, с готовностью подчиняется надзирателю, даже если тот по уровню образования уступает за-

ключенному. В то время как женщина в значительной степени чувствует себя уязвленной, будучи вынуждена подчиняться менее образованной надзирательнице. Мужчина, следовательно, оказывается способен отделить довольно специфический вид объективного отношения от глубинного субъективного ядра своей личности, а женщина воспринимает происходящий контакт лишь в тесной связи с остальными измерениями индивидуальности. Это же касается, например, такого известного явления, как чрезмерная обидчивость женщин: не будучи в состоянии (благодаря своей природе) отделить частный аспект от целого, женщина воспринимает односторонне направленную колкость в свой адрес как попытку поставить под вопрос всю целостность ее существа. Наиболее точно эту неразделенность в женском существе центра и периферии отражает психологическое понятие верности. Верность себе, любимому, вещам, воспоминаниям является столь естественной для женщин, что вполне может быть признана объективацией ее глубинного существа. В то же время способность делать периферию независимой от центра, решать фактические задачи беспристрастно и объективно располагает к неверности, свойственной мужской натуре. Поэтому, «конечно, мужчины объективнее женщин» [2. С. 240].

Однако сами слова, которые мы черпаем в устоявшемся, культурно обусловленном (а следовательно, мужском) языке и прилагаем к различению мужской и женской сущностей, привносят в характеристику женского оттенок ущербности и неполноценности. Действительно, «необъективность», «предвзятость», «пристрастность» в «мужском мире», которым, по сути, является человеческая культура, ассоциируются с отклонением от нормы. Г. Зиммель осознает своеобразный логический тупик или «порочный круг», к которому начинают сводиться его рассуждения. Решать вопрос о возможной причастности женщин не только к субъективному, но и к объективному аспекту культуры можно лишь определив или выявив в женщинах некоторую самостоятельную и имеющую положительное содержание сущность. Однако средства, критерии и понятия, с помощью которых эксплицируются основные характеристики этой сущности, неизменно воспроизводят вторичное представление о женщине. Другими словами, пытаюсь «беспристрастно» и «объективно» разграничить мужскую и женскую натуру, мыслитель неизбежно впадает в необъективность и пристрастность, поскольку использует в своем труде специфически мужской инструментарий, подчиняет свой предмет мужскому критерию и языку. Г. Зиммель настойчиво прилагает усилия для того, чтобы избежать этой логической западни. «Помочь здесь может лишь радикальный дуализм: только если придать существованию женщин как таковому в принципе иную основу, отличную от основ мужского существования, построить две жизненные тотальности и каждую из них по совершенно автономной формуле, это наивное смешение мужских ценностей с ценностями вообще может быть устранено» [2. С. 241].

Смешение объективного как надполового культурного багажа и объективного как специфически мужского восприятия реальности способствует тому,

что усмотреть в якобы объективной, а на самом деле мужской культуре потенциал женской тотальности более чем проблематично. Попытки женщин субъективно приобщиться к культурному полю выявляют скорее не саму оригинальную женскую сущность, а более или менее удачные попытки подражать мужскому в усвоении приведенных мужчинами в действительность культурных форм. Поэтому, например, очевидны успехи женщин в преподавании, научном коллекционировании, музыкальном исполнении, поскольку сами эти области не связаны с подлинной созидательной активностью. Они направлены на умножение и транслирование уже существующего. «Короче говоря, пишет Г. Зиммель, – в рамках существующей культуры они [женщины] проявляют себя тем больше, чем в большей степени предмет их труда уже воспринял дух этой, то есть мужской, культуры, и оказываются несостоятельными, когда требуется исконная продукция, то есть когда женщинам пришлось бы ввести свою изначально по-иному направленную оригинальную энергию в формы, требуемые объективной, следовательно, мужской культурой» [2. С. 242]. Однако эта пародийная погоня за обладанием мужскими формами культуры на деле лишь подтверждает справедливость подчиненного положения женщин в обществе. Только если женщины «создадут то, что не могут создать мужчины» [Там же], вопрос об оправданности претензий феминистского движения может быть решен положительно. В этом стержень и суть, по мнению Г. Зиммеля, женского вопроса в современности.

Несмотря на уже, казалось бы, подведенную черту в рассуждениях о женской сущности, ее положительном потенциале и практически незаметной или трудно эксплицируемой способности к подлинному созиданию, Г. Зиммель все же пытается дать на основной женский вопрос современности утвердительный ответ, т.е. обнаружить, как он выражается, в «пробелах» мужской культуры доказательства действительного творческого потенциала женской природы.

Медицина. Во врачебном искусстве, по мнению Г. Зиммеля, объективные методы исследования не могут быть эффективны в степени, сравнимой с эффективностью субъективного вчувствования и сопереживания пациенту. Медицина может выйти на совершенно новый уровень, если задействует в полной мере специфически женское, как считает автор, умение проникаться чужой болью, воспринимать больного как бы всем своим существом. Особенно печально выглядит эта уверенность Г. Зиммеля на фоне современной медицины, где подавляющее большинство персонала представлено женщинами, за редким исключением не собирающимися практиковать особые методы понимания и сопереживания, да и находящимися, по правде сказать, в условиях, не предполагающих такой заботы о пациенте в принципе. Кроме этого, женщины могут существенно усовершенствовать процесс лечения женщин, особенно из низших слоев населения, поскольку сходная конституция облегчает взаимопонимание, а следовательно, диагностирования и терапии, особенно актуальные в тех случаях, когда

пациентка не владеет достаточными средствами выражения. «Таким образом, в этой области женщины могут вследствие особенностей своего пола и в чисто теоретическом смысле достигнуть того, что недоступно мужчине» [2. С. 244].

История. Историческая наука также может быть полем для реализации уникальных созидательных свойств женской натуры, поскольку развитие этой области исследования обнаружило несостоятельность так называемой теории фотографирования. Согласно этой концепции ученый, используя объективные методы, как бы прямо отображает происходившие в прошлом события, «фотографически» переносит их в свою теорию. Однако сами отображаемые события не являлись последовательностью холодных фактов, они реализовывали собой что-то чувства и стремления, объективировали представления исторических персонажей об окружающем мире, их понимание себя и своего места в этом мире. По этой причине объективное изложение исторического материала с необходимостью должно быть дополнено своеобразной «вчувствующейся фантазией», не столько излагающей события, сколько их интерпретирующей. Историческая истина не может и не должна, таким образом, определяться с позиций беспристрастной фактологической точности. Напротив, историческое знание должно быть подобно художественному искусству, в котором единичная модель отображается в различных картинах, поскольку интерпретируется художественной фантазией различных мастеров. При этом ни одна из картин не представляет собой единственно верный вариант, но все они дополняют друг друга, схватывая в модели нечто недоступное другим. Поэтому «в той мере, в какой история является прикладной психологией, женская натура может служить в ней основой оригинальных свершений» [2. С. 247]. Исходя из «априори своей сущности», женщины могут видеть «иное» в прошедших событиях. Но помимо этого они могут видеть то же самое «иначе», чем мужчины. И эту инаковость женского взгляда нельзя рассматривать с позиций альтернативы истинного и ложного, она несет в себе важный аспект, просто недоступный мужчинам вследствие их «априори». «Сколь ни проблематичными и предварительными, — пишет Г. Зиммель, — с точки зрения принципиальных связей не кажутся такие возможности, я все-таки полагаю, что в исторической науке могут быть специфические женские функции, успехи, основанные на особых органах восприятия, вчувствования и конструкции, присущих женской душе, начиная от глухого понимания народных движений и непризнанных мотиваций отдельных лиц до расшифровки надписей» [Там же].

Литература. Наибольших успехов в объективации своей оригинальной сущности женщины добились в области литературного искусства. Именно здесь, по мнению Г. Зиммеля, в последнее время стали встречаться авторы, которым удается избежать подражания мужской манере письма и произвести благодаря этой независимости нечто по-настоящему глубокое и интересное. Однако даже эти значительные примеры не могут вполне избежать определенных проблем, связанных с тем, что основные вырази-

тельные формы в литературе, а также принятые средства выражения, некое соотношение открытости и закрытости внутренних переживаний писателя, несут на себе явный отпечаток мужского характера и мужской объективной культуры. Это вполне объяснимо, поскольку все основные установки писательской деятельности выработаны мужчинами и очевидным образом соответствуют их особенностям и представлению о мире, их сущностному априори. «Традиционные внутренние формы лирики, ее словарный запас, сфера чувств, в котором она пребывает, отношение между переживанием и символом выражения — все это при различной сфере действия в каждом случае в целом установлено по известной общей мере выявления душевного переживания, а именно по мужской» [2. С. 248]. В одной только области литературы образуются некий пробел, открывающий пространство для живой и содержательной объективации женского существа. Это роман. В отличие от драмы или лирики этот жанр предполагает большую подвижность традиционных форм, меньшую необходимость сводить все линии повествования к единой последовательности основного сюжета. Роман допускает открытость определенных аспектов, их уход в бесконечность. Интуиция изначально склонила женщин к роману, предчувствуя очевидную возможность их успеха на этом поприще. Форма романа «именно потому, что она не является “формой” в строгом смысле слова, достаточно гибка, чтобы позволить ряду современных романов считаться специфически женскими творениями» [Там же. С. 249].

Искусство. Поскольку Г. Зиммель вообще анализирует женское существо посредством традиционных бинаризов, например посредством противопоставления разумного и чувственного, женское предназначение очевидно представляется ему выходящим за рамки всякого рациио. В этом контексте понятно его превозношение искусства, особенно связанного со значительной ролью жеста, мимики и тела вообще, как очевидного поля для женской самореализации. Оригинальная манера двигаться, присущая женскому априори, особое отношение к пространству — все это делает оправданными большие надежды относительно женских форм и содержаний в подобном виде творчества. Искусство танца и актерское мастерство наиболее точно отражают специфику женской натуры. Это связано с особым чувством пространства, которое сформировано той жизненной необходимостью, которая помещает женское существование в замкнутое пространство дома, где нет ничего незнакомого и нечего завоевывать. В этом смысле движения мужчин более резки и динамичны, поскольку им надлежит постоянно быть готовыми к завоеванию новых пространств, однако менее изящны и гармоничны. Актерскому искусству в женщине способствует еще и упомянутая выше особенность ее существа, а именно нераздельность центра и периферии, которая погружает во время актерской игры все женское существо в глубинный акт художественного творчества. «И если вообще существует нечто подобное формуле женской сущности, то она совпадает с сущностью актерского мастерства» [2. С. 252].

Все рассмотренные проявления женского сущности в различных сферах культурной жизни лишь подтверждают, с точки зрения Г. Зиммеля, «естественную» противоположность полов. Особая вчувствующаяся роль женщины, связанная также со специфическим единством в ее существе центра и периферии, наиболее адекватно может быть выражена при помощи понятия красоты. «Женщина должна быть прекрасной» – таков социальный императив, обращенный к «прекрасному полу». Нельзя, однако, сводить эту красоту лишь к чертам лица или фигуры. «Если мужчина выходит из своих пределов, помещает свою силу в свое деяние и тем самым, динамически или идеально, “означает” что-то, создавая или представляя лежащее вне его, то идея женской сущности составляет ту не подверженную прорыву периферию, ту органическую замкнутость в гармонии частей сущности между собой и в их равномерном отношении к центру, – что и есть формула прекрасного» [2. С. 254]. Женщина, таким образом, не может быть значительной, поскольку не способна трансцендировать свою природу, она закончена, имманентна и, следовательно, прекрасна. Ее тело обладает правильными чертами и плавными переходами, оно является воплощением пассивного призвания. В то время как резкие переходы и грубые черты мужского тела обнаруживают в нем призвание вступать в деятельное соприкосновение и даже борьбу со внешним миром.

Более всего красота и целостность женского сущности находят свое отражение в двух областях «в высокой степени творческих в культурном отношении или считающихся таковыми: это – дом и влияние женщин на мужчин» [Там же. С. 255].

Дом. Как и всякая другая область социального бытия, дом представляет собой, с одной стороны, некую часть реальности, связанную с другими частями, дополняющую их. Однако, с другой стороны, дом можно рассматривать как самостоятельное целое, некий мир, имеющий свои порядки, существующий по своим законам. И то и другое значение важны для обоих полов, однако важны в разной степени. Для мужчины дом – подспорье для его основной деятельности, для женщины – весь ее мир, «самодовлеющая ценность и цель» [Там же. С. 257]. Чтобы мужчина мог нарушать границы, устремляясь в бесконечность, эти границы должны быть очерчены и заботливо хранимы. Поэтому «дому свойственно то реальное и символическое отношение к сущности женщины, благодаря которому он мог стать ее великим культурным деянием» [Там же. С. 259].

Влияние на мужчин. Объективная культура создается мужчинами. Но кто создает мужчину, питает его душу, вдохновляет, воспитывает, придает смысл всем его свершениям? Г. Зиммель призывает быть осторожными в ответе на данный вопрос. Ни смягчение нравов в обществе, ни содержательный аспект объективного созидания не имеют своим источником женское существо. Влияние женщины на мужчину предполагает скорее исключительную способность сообщать другому то, чего не имеет сам сообщающий. «Женщины дают то, что парадоксальным образом есть нечто непосредственное, пребывающее в них бытие, которое, коснувшись мужчины, освобождает в

нем то, что феноменологически совсем не похоже на данное женщиной; только в мужчине оно становится “культурой”» [2. С. 261].

Таким образом, чем больше и в больших подробностях Г. Зиммель обрисовывает могучий творческий потенциал женской сущности, тем с большей очевидностью он осознает практическую невозможность признать имеющее место в культуре проявления женского начала оригинальным объективным содержанием культуры. Как бы значительны ни были возможные или реальные успехи женского пола в искусстве, медицине, науке, ведении домашнего хозяйства и вдохновляющем влиянии на мужчин, все они по праву могут быть отнесены к категории «вторичной оригинальности». Выдающиеся достижения отдельных женщин только подтверждают общее правило – расширяя субъективный аспект культуры, женщины не способны к созиданию чего-то принципиально иного, отличного от уже сформированных и утвержденных форм объективной мужской культуры.

Поэтому в завершении своей работы Г. Зиммель вновь обращается к поставленному в ее начале вопросу об отношении женской сущности к объективной стороне культуры. «Если бы свобода передвижения, к которой стремятся женщины, привела к объективации женской сущности, подобно тому как существующая культура является объективацией мужской, а не к равным по содержанию повторениям женщинами мужской культуры, то этим в самом деле была бы открыта для культуры новая часть света» [2. С. 263]. То «бы», которое автор использует при характеристике вклада женщин в объективную культуру, отчетливо свидетельствует о том, что «радикальный дуализм», к которому для разрешения этого вопроса обращался Г. Зиммель, «не помог», и проблема объективной культурной оригинальности женского пола остается открытой. Однако автор не вполне осознает, что этот радикальный дуализм, т.е. противопоставление, поляризация мужской и женской сущностей, равно как и само утверждение этих сущностей, только усугубляет проблему, помещая и удерживая вопрос о женском социокультурном призвании в рамки эссенциально-дуалистической парадигмы, по сути своей объективной, а следовательно, мужской.

Несмотря на явную неудачу в разрешении поставленного им вопроса, Г. Зиммель продолжает отчаянные попытки описать свою «идеальную цель» и возможные пути ее достижения. Он предполагает, что отсутствие убедительных примеров объективации оригинальной женской тотальности в современной культуре может быть результатом слишком долгого периода неравенства в обществе мужчин и женщин, после которого, вероятно, необходим столь же длительный период «преувеличенного равенства». Однако равенство прав и свобод не сможет устранить формальное препятствие к объективации женской сущности, а именно: пронизанность всех сфер культуры мужскими критериями, ценностями и способами выражения. И, следовательно, оптимистический прогноз на будущее в этой области неизбежно сталкивается с сомнением и возможностью того, что «объективная культура не только по своему сложившемуся к насто-

ящему времени содержанию, но и как таковая, как форма утверждения вообще настолько гетерогенна женской сущности, что объективная женская культура является *contradictio in abjecto*» [2. С. 264]. Более того, существует вероятность того, что понятия культуры, объективности и мира, являющиеся условием возможности основного для этого эссе вопроса, сами являются продуктом дифференцированного, а следовательно, мужского мировосприятия. И само исследование женской сущности с таких позиций репрессивно влияет на ее имманентную тотальность, являясь залогом неудачи.

Подводя итог этому краткому анализу эссе Г. Зиммеля, можно отметить два значимых аспекта представленного в нем подхода к изучению половой дифференциации.

Во-первых, нельзя не подчеркнуть, что для своего времени и в контексте господствовавших в конце XIX – начале XX в. установок, анализ женского призвания и культурного потенциала, представленный в работе «Женская культура», можно назвать по-настоящему блестящим. Г. Зиммель не только раскрывает здесь проблематику феминизма в совершенно неожиданном философском контексте сосуществования объективного и субъективного измерений культуры, но выражает также признание существующего положения вещей недостаточным и проблематичным в связи с невозможностью в современных условиях реализации глубинного творческого потенциала женской натуры. Более того, Г. Зиммель в прямом смысле «прозревает» ставшее намного позднее в гендерной теории общим местом отождествление человеческого и мужского, являющееся базисом традиционной западноевропейской культуры. Ставя и пытаясь решить вопрос о социокультурном потенциале женской природы в рамках эссенциальной парадигмы, автор, тем не менее, обнаруживает способность признать ее очевидные границы, связанные с предвзятостью языка, форм и критериев размышления.

Во-вторых, можно с уверенностью утверждать, что логический тупик, в который заходит анализ Г. Зиммеля, обусловлен тем, что автор не смог вполне осознать всеохватность эссенциальной установки, ее репрессивное воздействие на сам ход рассуждения. В самом деле, полагая своей целью поиск пространства для объективации женской сущности в альтернативном объективной / мужской культуре измерении, Г. Зиммель исходит из существования неких акуль-

турных и аисторичных в своем истоке сущностей мужчины и женщины, которые должны быть противопоставлены друг другу посредством «радикального дуализма» и атрибуты которых концептуализируются также дуально в рамках противопоставления разумного и чувственного, субъективного и объективного, активного и пассивного, внешнего и внутреннего и т.п. Основная проблема здесь кроется в том, что по сути объективная / мужская культура, эссенциализм и дуализм являются одним и тем же и, следовательно, невозможно вырваться из пут первого посредством второго или третьего. Чтобы искать женское призвание по ту сторону мужской культуры, нужно, прежде всего, избрать установки, не признающие существование априорной женской сущности и ее традиционных бинарных атрибуций. Поляризация полов, дуализм и эссенциализм суть тождественны и являются основным источником традиционных дистинкций объективной / мужской культуры.

Таким образом, можно вполне согласиться с суждением Юргена Хабермаса о том, что «Зиммель нам сегодня странным образом одновременно далек и близок» [3. С. 548]. *Близость* так живо и актуально представленного женского вопроса сочетается с *далекостью* эссенциальных посылок и формулировок, полагающих в основу развития культуры «априорную сущность» женщины, несвободную, однако, «и от мужских фантазий» [Там же. С. 549].

Классическим философам всегда казалось, что решение сформулированной ими задачи возможно и зависит лишь от качества прилагаемых усилий. Однако проблема полового неравенства вскрывает настолько глубокие слои исходной парадигмы мышления и восприятия мира, что успешная борьба с ними представляется в высшей степени затруднительной, если не невозможной. «Мы могли бы утверждать, – пишет Дейл Спендер, – что мы изобрели сексизм на пустом месте, мы создали произвольные и приблизительные категории “мужской” нормы, и категории “женского” – как отклонения от этой нормы... Но создав уже эти категории в нашем языке и мышлении, мы очутились в западне, так как мы отказываемся организовать этот мир любым другим способом – менее предвзятым и не столь несовершенным. Действительно, мы можем утверждать, что созданная нами западня настолько всепроницающая, что мы не можем даже представить себе мир, созданный по другим правилам» [4. С. 779].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдые П. Мужское господство // Социальное пространство: поля и практики / пер. с фр.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 286–365.
2. Зиммель Г. Женская культура // Избранное. Т. 2: Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. С. 234–265.
3. Хабермас Ю. Зиммель как диагност времени / пер. М.И. Левиной // Избранное. Т. 2: Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. С. 539–549.
4. Спендер Д. Мужчина создал язык // Введение в гендерные исследования. Ч. II: хрестоматия / под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 775–783.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 10 ноября 2014 г.

THE ESSENTIAL APPROACH TO THE INTERPRETATION OF THE SOCIAL AND CULTURAL MISSION OF WOMEN IN THE PHILOSOPHY OF GEORG SIMMEL

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 102–108. DOI 10.17223/15617793/391/16

Khitruk Ekaterina B. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lubomudr@vtomske.ru

Keywords: women's culture; women's essence; women's movement; essentialism; binarism.

The concept of "women's culture" proposed in the philosophy of the famous German philosopher Georg Simmel is studied in the article. The concept under discussion is considered as one of the most striking examples of arguments about the destiny of women in the context of essential paradigm. The paradigm is based on the existence of some constant and diametrically opposite content of male and female entities. Georg Simmel argues that modern culture is essentially an expression of man's nature, and is only mistakenly characterized as a universal human creation. Contents objectified by culture bear an impress of the traditional features of the "male a priori", namely, the ability to disengage the center and the periphery of the personal being funding a differentiated approach to the perception of the world. The latter, from the author's point of view, allows one to more correctly state the main women's issue of our time. Does woman join the cultural background created by man or provide an alternative woman's aspect in culture? Does woman have a creative potential force? Analyzing the existing cultural manifestations (medicine, literature, art, household) of the feminine in terms of the classical philosophical binarism, G. Simmel, with all effort to recognize the creative potential of the female, is being forced to admit a secondary purpose of the female sex. However, the actual analysis tools, such as categories of the sensory, the passive, the domestic, the physical, the limited, are close with the essential message of the author. Therefore, they initially create barriers in consideration of women's destiny beyond the forms and criteria of the objective / male culture. Thus, the deeper G. Simmel describes the mighty creativity of the feminine essence, the more obvious is the practical impossibility of recognizing a place in the culture of the feminine manifestation by the objective content of the original culture. No matter how significant the possible or real successes of females are in art, medicine, science, housekeeping and inspiring influence on men, they can rightfully be categorized as "secondary originality". Outstanding achievements of individual women only confirm the general rule: by expanding the subjective aspect of culture, women are not able to create anything fundamentally different, different from the already developed and approved forms of objective male culture. Any consideration of the woman's destiny in the context of essential approach inevitably involves labeling female inferiority and inadequacy. It is also proposed the analysis of women's productive vocation should be made beyond essentialism.

REFERENCES

1. Bourdieu P. *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social Fields: Concepts and Applications]. Translated from French by N.A. Shmatko. Moscow: Institute of Experimental Sociology Publ.; St. Petersburg: Aleteyya Publ., 2005, pp. 286–365.
2. Simmel G. *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow: Yurist Publ., 1996. Vol. 2, pp. 234–265.
3. Habermas J. *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow: Yurist Publ., 1996. Vol. 2, pp. 539–549.
4. Spender D. *Muzhchina sozdaet yazyk* [Man Made Language]. In: Zherebkin S.V. (ed.) *Vvedenie v gendernye issledovaniya* [Introduction to Gender Studies]. Kharkiv: KhTsGI Publ.; St. Petersburg: Aleteyya Publ., 2001. Pt. 2, pp. 775–783.

Received: 10 November 2014

СОЦИАЛЬНАЯ СУБЪЕКТИВНОСТЬ В СТРУКТУРАХ АРТИКУЛЯЦИИ

Рассматривается проблема существования социальной субъективности в структурах артикуляции. Смыслы социального выстраиваются по писаным правилам общения, на пределе существования которых имеются неписанные правила. Объективация социальной субъективности происходит как ее дискурсивное самоопределение в структурах артикуляции, где она, с одной стороны, оказывается тем, кто определяет, – субъектом дискурса артикулируемой «здесь и сейчас» коммуникации по писанным правилам общения, с другой стороны, тем, что определяется, – объектом дискурса по неписанным правилам.

Ключевые слова: связность; различение; неписанные / писанные правила; культурная карта; группа; разметка; нулевая разметка; высокая / слабая артикуляция; неартикулированные элементы; нулевая субъективность; нулевое сообщение.

Актуальность темы обусловлена тем, что в марксистской теории основание общества сводилось к экономическим, материальным отношениям. Развитие современных представлений об обществе ХХI в. требует пересмотра его фундамента, направленности. Так, анализируя существование современного общества, немецкий социолог Никлас Луман предложил положить в его основу понятие коммуникации. Он утверждает, что «это позволяет представить социальную систему как оперативно закрытую систему, состоящую из собственных операций, производящую коммуникации из коммуникаций» [1. С. 4]. Понятие коммуникации становится решающим для определения понятия современного общества. Это означает, что в зависимости от того, как определяют коммуникацию, определяют и общество, а определение понимается здесь в точном смысле этого термина как определение его границ.

По его мнению, коммуникация – это триединство информации, сообщения и понимания. Единичное действие (unit act) коммуникации происходит через различение информации и сообщения. То есть понимание есть условие участия в коммуникации, «если на уровне понимания не будет проводиться различение между сообщением и информацией, коммуникация не состоится» [2. С. 310]. Это значит, что в понимании достигается взаимосвязь между информацией и сообщением, причем в значительной мере за счет языка, потому что если кто-то выражается вербально, ясно, что он хочет сообщить то, что он говорит. «Тогда содержание фиксируется благодаря языку, а сам факт говорения показывает, что он хочет это сообщить» [Там же. С. 310–311].

Согласно его позиции коммуникация с точки зрения логики начинается, если можно так сказать, с понимания, а не с сообщения. Тот, кто что-то сообщает, уже заранее предугадывает, будет ли он понят и будет ли то, что он скажет, принято или не принято, приемлемо или неприемлемо. Проблема заключается в том, что тот, кто делает сообщение, должен позаботиться о его понятности. Это невозможно, если антиципация понятности и антиципация горизонта приема не совпадают в условиях смысла, при которых коммуникация может продолжаться (если речь идет о передаче в абсолютно случайные, неизвестные горизонты приема). То есть коммуникация через время и расстояния происходит как бы на авось или наугад. Это означает, что коммуниканты, не достигающие антиципации в

коммуникации, не имеют возможности ее поддерживать. Если имеет место непонимание, то коммуникация так и так прекращается, независимо от того, принято это или нет, и как это идет – через «да» или «нет». То есть коммуникация создает на каждом шагу бифуркацию восприятия / открытия и отклонения / закрытия системы. Таким образом, согласно Никласу Луману, под коммуникацией следует понимать «некое исторически-конкретное протекающее, зависимое от контекста событие», специфическую операцию, характеризующую исключительно социальные системы, в ходе которой происходит перераспределение знания и незнания.

Как отмечает Ж. Бодрийяр, если мы определяем коммуникацию как нечто иное, нежели просто передача и прием информации, то последняя подвержена обратимости в форме **Feedback** (*обратная связь* – прим. перев.). «Призыв к массам, в сущности, всегда остаётся без ответа» [3. С. 1]. Это значит, что социальное сегодня – это «сила инертного, принцип функционирования [l'efficace]» [Там же. С. 2].

В результате, не имея обратной связи, общество находится в состоянии безответственности (*не-ответа*). Это означает, что, несмотря на отсутствие информации, сообщение существует даже если оно «пустое», оно извещает о своём присутствии (*присутии*). Исходя из триединства понятия коммуникации – информации, сообщения и понимания, – в антикоммуникации существует возможность речи без информации, и тогда коммуникативность сохраняется. Это значит, что проблема коммуникации «без ответа» сводится к «нулевым» сообщениям, к «пустым» знакам, форма которых сохраняется, а их содержание утрачивается. Таким образом, сообщения оказываются симулякрами – ложными подобиями, условными знаками чего-либо, функционирующими в обществе как его заместитель. Социальное рассматривается как «неразличимость равнозначности (бесконечная сумма равнозначных индивидов 1+1+1+1 – это её социологическое определение), но выступает неразличимостью нейтрального, то есть ни того ни другого (*neutral*)» [Там же]. Здесь невозможен обмен смыслами – они тут же рассеиваются, подобно тому как рассеиваются в пустоте атомы. В результате возникает эффект «чёрной дыры» социального, куда оно проваливается – это и есть «предположение смерти социального...» [Там же]. Таким образом, современное общество, по мнению Бодрийяра, антикоммуникативно, в

нём невозможен обмен мыслями и / или смыслами. Произошла «имплозия знака» (последняя состоит в растворении полюсов значения: больше нет ни означающего, ни означаемого).

Социальное сегодня представляет массы, которые «чувствуют, что за полной гегемонией смысла стоит террор схематизации, и, насколько могут, сопротивляются ему, переводя все артикулированные дискурсы в плоскость иррационального и безосновного, туда, где никакие знаки смыслом уже не обладают и где любой из них тратит свои силы на то, чтобы заворачивать и околдовывать, – в плоскость зрелищного. В паре зондаж / молчаливое большинство, к примеру, нет ни противоположных, ни вообще выделенных элементов [*termes differentiels*]; нет, следовательно, и потока социального... погружённые в своё молчание, массы больше не субъект (прежде всего не субъект истории) и, следовательно, не могут войти в сферу артикулированной речи» [3. С. 4–8].

В результате «не-ответа» в «здесь и сейчас» коммуникации и в письменности, в том числе сообщения соответствуют «пустому» посланию. Это значит, что артикуляция в ситуации антикоммуникативности сохраняется.

Таким образом, актуализируются две противоположно направленные позиции в отношении социального. С одной стороны, общество коммуникативно, где понимание – главное условие различения информации и сообщения, с другой – оно антикоммуникативно, где отсутствует информация, но есть сообщение. Данные понятия имеют общее коммуникативное основание – наличие (*a priori*) языка. Это значит, что в ситуации антикоммуникативности сохранение коммуникации можно связывать с «нулевым» артикулированным сообщением, не несущим информации, но необходимым для подтверждения собственного существования. Поскольку коммуникация предполагает обмен мыслями / смыслами, постольку возникает потребность их объективации в структурах артикуляции, актуализируется проблема возможности социального в ситуации антикоммуникативности.

Данную проблематику косвенно затрагивали философы: С. Жижек (концепция непристойной изнанки), З. Бауман, Б. Малиновский (понятие фатического общения), Р. Якобсон (контактоустанавливающая функция языка), Л. Витгенштейн (идея языковых игр).

Коммуникация – от лат. *communicatio*, что означает сообщение, *communicare* – передача, делать общим, беседовать, связывать, сообщать, передавать. Существует «чистая» артикуляция, или «разговор ни о чем». Ее функция (смысл) в установлении контакта. Эта коммуникация называется фатической, или «нулевой», коммуникацией (термин Б. Малиновского). При ее артикуляции коммуникативные средства используются исключительно с целью поддержания самого процесса общения.

Как замечает Б. Малиновский, многие инстинкты и внутренние стремления, такие как страх или агрессия, все типы социальных чувств – амбициозность, тщеславие, жажда власти и богатства – зависят от фундаментальной тенденции, в соответствии с которой простое присутствие других людей становится

для человека необходимым условием его существования. «И тогда язык здесь не зависит от того, что происходит в данный момент, каким бы ни был конкретный контекст ситуации» [4. С. 201].

Фраза, произносимая просто из вежливости как во многих дикарских племенах, так и в европейской гостинице, выполняет функцию, для которой значения слов почти не играют никакой роли: «Когда спрашивают о здоровье, обмениваются замечаниями о погоде, говорят какие-то совершенно очевидные вещи, то все это делается совсем не для обмена информацией, не для того, чтобы объединить людей каким-либо совместным действием, и, уж конечно, не для того, чтобы выразить какую-то мысль» [Там же. С. 213]. Следовательно, фатическая коммуникация существует только ради самой себя и не функционирует как средство для обмена мыслями и / или смыслами. Иначе, люди говорят потому, что умеют говорить, и в этом артикулируемом говорении выражается *связность* социального. Это значит, что существующая «чистая» артикуляция, или «разговор ни о чём», проявляется в фатической коммуникации, смысл которой в установлении контакта (*связи*) между коммуницирующими. Данная связность указывает на предпонимание коммуникантов, на их изначальное «уже» понимание друг друга. Наличие этого предпонимания не требует толкований, доказательств, прописывания. Поэтому данная связность является неписаным правилом социального. Оно обнаруживается в момент нарушения этой связности, например правил вежливости.

Б. Малиновский акцентировал внимание на взаимосвязи речи с контекстом ситуации, отмечая, что не существует никакого определения слова, в котором не присутствовала бы реальность, обозначаемая этим словом. «Нельзя определить вещь, не определяя в то же время артикулированное слово, соединенное с аспектом ситуации» [Там же. С. 223–224]. Согласно Б. Малиновскому, за простотой грамматической структуры скрывается богатство выразительных возможностей благодаря особому положению отдельных элементов этой структуры, а также *контексту ситуации*. Если человек вознамерится понять хотя бы общий ход мысли в предложении, он вначале должен что-то знать о коммуникативной ситуации, в которой эти слова произносятся. Это значит, что речь идет о (*уже*) изначальном понимании людей в фатической коммуникации, взаимосвязанных (*взаимо-связанных*) единым контекстом культуры. В этом отношении фатическая коммуникация проявляет более глубокий уровень контекстуальности или понимания / связности / присутствия герменевтического круга. То есть коммуникативность социального – это *связность*, определяющая стереотипы общества, согласующиеся с *неписаными правилами* общения.

Как отметил Б. Малиновский, люди вступают в личный контакт не для того, чтобы сообщить друг другу некие сведения, а просто затем, чтобы быть вместе. Это означает, что данное общение выполняет контактоустанавливающую функцию, когда отправитель и адресат, предположительно используя один и тот же код, проверяют работу самой системы.

Иными словами, согласно Р. Якобсону, значение любого высказывания в фатической коммуникации может быть понято вне связи с поведением говорящего или слушающего, оно не зависит и от цели их действий, а существует, чтобы «проверить, работает ли канал связи, а также для того, чтобы привлечь внимание собеседника и удержать его в случае надобности» [5]. Таким образом, фатическая коммуникация предполагает использование языка в аспекте того, что называется свободным, бесцельным социальным общением. Всем людям свойственна хорошо известная тенденция объединяться, быть вместе, иметь удовольствие от общения, предъявляя сущностную способность говорения.

В результате фатическое (*артикулируемое*) общение обнаруживает то, что общество коммуникативно и служит объединению людей для подтверждения их социального – совместного – существования (*со-существования*). Этот способ общения (как *со-общения*) не производит смысла, и социальная субъективность в нем также оказывается «нулевой» или *пустой*. Иными словами, в фатическом общении предъявляется «фа(к)тическая» связность социальной общности на «нулевом» уровне *неписаных правил* ее коммуникативной развертки. В результате неписанные правила существуют во всех коммуникациях (*артикуляциях*) как общепринятая данность, утверждая нам реальность коммуникации. Это значит, что социальное без фатического общения существовать не может.

Итак, социальная субъективность предъявляется в структурах артикуляции между писаными (*артикулированными*) и неписаными (*неартикулированными*) правилами общения. Коммуникация (*артикуляция*), производимая «здесь и сейчас», обнаруживает социальное в дискурсивном порядке, маркирует и объективирует смыслы писаных правил общения. Приведя коммуникацию (*артикуляцию*) к пределу, обнаруживаются неписанные правила общества (сообщества), которые проявляются в момент их нарушения. Это значит, что на пределе коммуникации общество находится в «нулевом» состоянии социальной субъективности. Наличие фатической «нулевой» артикулируемой коммуникации, смысл которой в установлении контакта, подтверждает сущностную потребность общества в коммуникации. Это значит, что коммуницирующие в фатической коммуникации (*уже*) понимают друг друга, так как живут в одном широком контексте культуры. В этом отношении фатическая коммуникация проявляет более глубокий уровень контекстуальности или понимания / связности, присутствия герменевтического круга. Как понимание и контекстуальность, неписанные правила, таким образом, оказываются (*уже*) существующими во всех коммуникациях как общепринятая данность, утверждающая реальность коммуникации. Это значит, что артикулируемая «здесь и сейчас» социальность проявляет себя и в артикулируемости в неписаных правилах, которая была (*уже*) когда-то в прошлом, и, тем самым, она глубинная. В результате все правила, которые проговаривались в прошлом, не требуют артикуляции и прописывания. Подобно фатическому общению, не требующему его доказательств, неписанные правила также не требуют ничего, кроме их

подтверждаемости в повторяемости. О них можно говорить только тогда, когда они нарушаются. Это значит, что в ситуации неартикулируемости должно существовать общение, также должна быть и социальность. Неписанные правила проявляются там, где социальность уничтожается и коммуникативность тоже исчезает, например в ситуации безответности (без-ответа). Обнаружение неписаных правил происходит в момент их нарушения.

Таким образом, объективация социальной субъективности производится через предъявление социального писаными (*артикулируемыми*) и неписаными (*неартикулируемыми*) правилами общения. В результате общество, с одной стороны, объективируется (*обнаруживает смыслы*) как фактическая реальность «здесь и сейчас» коммуникации (*артикуляции*), с другой – определяется (*очерчивается*) неписаными правилами общения, нарушения которых все время выбрасывает на границу общества (*со-общества*), тем самым ограничивая (*о-граничивая*) его пределы.

Это значит, что объективация социальной субъективности происходит как ее дискурсивное самоопределение в структурах артикуляции, где она, с одной стороны, оказывается тем, кто определяет, – субъектом дискурса артикулируемой «здесь и сейчас» коммуникации по писаным правилам общения, с другой стороны, тем, что определяется, – объектом дискурса по неписаным правилам. Соответственно, возникает как возможность ее идентификации через саморефлексию (*артикулируемость*), так и возможность самоопределения через объективные (*неартикулируемые*) структуры неписаных правил. Мы полагаем, что определение социальной субъективности имеет смысл только тогда, когда она понимается в аспекте субъект-объектного тождества, в котором социальная субъективность самопредставляется через самоотношение бытия социальной реальности и оказывается точкой означающего со-бытия, т.е. некоторой социальной позицией, существующей в пространстве социальной реальности. Процесс объективации социальной субъективности предъявляется как ее самоманифестация в движении по поверхности социальной реальности, с одной стороны. Нарушениями неписаных правил она как бы прочерчивает линию ее границы – с другой. Тем самым она самопредъявляется, одновременно проявляя структуру социального пространства, которая самоустанавливается как имманентная поверхность самоконструирования социальной субъективности. Смыслы социального дискурса самоопределяются через точку ее самопредставленности в артикулированной «здесь и сейчас» коммуникации.

Таким образом, социальная субъективность подтверждает существование общества в структурах артикуляции, с одной стороны, – в «здесь и сейчас» коммуникации (*артикуляции*), с другой – определяет границы данного общества через нарушения коммуникации, которые выбрасывает на границу (*со-общества*), обнаруживая его пределы. То есть социальная субъективность выступает как субъект в структурах артикулируемого и как объект неартикулируемого дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Луман Н. Понятие общества. URL: <http://u.to/WIPZCA>
2. Луман Н. Введение в системную теорию / под ред. Д. Беккера ; пер. с нем. К. Тимофеева. М. : Логос, 2007. 360 с.
3. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. URL: http://u.to/_PZ1Aw
4. Малиновский Б. Фатическая коммуникация. URL: <http://yahs.ru/ozi>
5. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против» : сб. ст. М., 1975. С. 193–230. URL: <http://u.to/s8wYBQ>
6. Яркеев А.В. Этническая идентичность в дискурсе социального мифа. Ижевск : Удмурт. ун-т, 2009. 180 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 06 декабря 2014 г.

SOCIAL SUBJECTIVITY IN THE STRUCTURES OF ARTICULATION

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 109–112. DOI 10.17223/15617793/391/17

Chigvintseva Olga A. Udmurt State University (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: ochigvintseva@list.ru

Keywords: connectivity; discernment; written/unwritten rules; cultural map; group; markup; zero markup; high / low articulation; unarticulated elements; zero subjectivity; zero message.

Social subjectivity is presented in the structures of articulation between the written (articulated) and unwritten (not articulated) rules of communication. "Here and now" produced communication (articulation) detects the social in the discursive order, marks and objectifies the meanings of written rules of communication. Bringing communication (articulation) to the limit, unwritten rules of a society (community) are detected which manifest themselves at the time of their violation. This means that at the limit of communication society is at a "zero" state of social subjectivity. The presence of the articulated phatic "zero" communication, which has the function of establishing a contact, confirms the essential need of society in communication. This means that the communicants in the phatic communication (already) understand each other, because they live in the same broad cultural context. Thus, this communication reveals a deeper level of contextuality or understanding / connectivity, the presence of the hermeneutic circle. The unwritten rules as understanding and contextuality, therefore, (already) exist in all communications as a given which is generally accepted and thus confirms the reality of communication. Thus, the objectification of social subjectivity is its discursive self-determination in the structures of articulation where it, on the one hand, becomes something that determines, the subject of the discourse of communication articulated "here and now" by the written rules of communication. On the other hand, it is the fact that is determined, the object of discourse according to unwritten rules. Accordingly, there is a possibility of its identification through self-reflection (articulated), and possibility of self-determination through the objective (not articulated) structures of unwritten rules. We suppose that the definition of social subjectivity makes sense only when it is understood in terms of subject-object identity, in which social subjectivity self-determines through self-relation of existence to social reality and is the point of the meaningful co-existence, i.e. a social position that exists in the space of social reality. The process of objectification of social subjectivity is presented as its self-manifestation in motion on the surface of social reality, on the one hand. The process is also presented as violations of unwritten rules as if it draws a line of its borders, on the other hand. Thus, it self-presents while showing the structure of the social space, which self-aligns as an immanent surface of self-construction of social subjectivity. Meanings of social discourse define themselves through the point of its self-representation in communication articulated "here and now".

REFERENCES

1. Luhmann N. *Ponyatie obshchestva* [The concept of society]. Available from: <http://u.to/WIPZCA>.
2. Luhmann N. *Vvedenie v sistemnyuyu teoriyu* [Introduction to systems theory]. Translated from German by K. Timofeev. Moscow: Logos Publ., 2007. 360 p.
3. Baudrillard J. *V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konets sotsial'nogo* [In the shadow of the silent majority, or The end of the social]. Available from: http://u.to/_PZ1Aw.
4. Malinovskiy B. *Faticheskaya kommunikatsiya* [Phatic communication]. Available from: <http://yahs.ru/ozi>.
5. Jacobson R. *Lingvistika i poetika* [Linguistics and Poetics]. In: *Strukturalizm: "za" i "protiv"* [Structuralism: "pros" and "cons"]. Moscow: 1975, pp. 193–230. Available from: <http://u.to/s8wYBQ>.
6. Yarkeev A.V. *Etnicheskaya identichnost' v diskurse sotsial'nogo mifa* [Ethnic identity in the discourse of social myth]. Izhevsk: Udmurt State University Publ., 2009. 180 p.

Received: 06 December 2014

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 069+008

Т.С. Курьянова

СОХРАНЕНИЕ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ОПЫТ НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИК ЮЖНОЙ СИБИРИ

Статья подготовлена в рамках проекта госзадания «Прикладная гуманитаристика: актуализация практически ориентированных подходов в исследовании культуры», код 2111.

Рассматривается проблема сохранения и актуализации нематериального культурного наследия в национальных республиках Южной Сибири. Затрагиваются аспекты нормативно-правового регулирования нематериального культурного наследия на региональном уровне. Предлагается классификация музеефикации объектов нематериального культурного наследия. Предложенный подход реализуется на материалах по деятельности двух музеев – Национального музея им. А.В. Анохина и Национального музея им. Алдан-Маадыр. Делается вывод о том, что нематериальному культурному наследию Алтая и Тывы уделяется внимание как со стороны законодательной сферы, так и музейных практик.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие; законодательство; музеефикация; алтайцы; тувинцы.

Нематериальное культурное наследие является немаловажной составляющей культурного наследия, которое в силу своей уязвимой природы подвержено быстрому исчезновению. Интерес к нему обусловлен глобализационными процессами, стирающими самобытную культуру народов.

Согласно Конвенции «Об охране нематериального культурного наследия», принятой на 32-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО, под термином «нематериальное культурное наследие» предлагается понимать обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними предметы и культурные пространства, признанные сообществами в качестве культурного наследия. Нематериальное культурное наследие, передаваемое от поколения к поколению, постоянно воссоздается сообществами при их взаимодействии с природой и формирует у них чувство самобытности и преемственности, содействуя тем самым уважению культурного разнообразия человечества [1].

В данном определении главным образом задаются границы понятия – обычаи, знания, навыки и формы их выражения. Основным смысловым лейтмотивом предложенного подхода стала идея взаимозависимости нематериального и материального культурного наследия, а также природного наследия. Необходимо отметить ярко выраженную этническую направленность термина «нематериальное культурное наследие», что в некоторой степени роднит его с понятием «традиционная культура», однако последнее семантически значительно шире первого.

С целью конкретизации понятия в Конвенции выделяются области проявления нематериального культурного наследия: 1) устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия; 2) исполнительские искусства; 3) обычаи, обряды, празднества; 4) знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной; 5) знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами [Там же]. Указанный порядок позволяет классифицировать элементы нематериального насле-

дия, что уточняет предметное поле нематериального наследия. Ведущими направлениями в сохранении нематериального культурного наследия в Конвенции указаны мониторинг, учет и актуализация [2].

В Российской Федерации Конвенция так до сих пор и не ратифицирована. Вместе с тем в России уделяется должное внимание сохранению нематериального культурного наследия. Во-первых, для популяризации и осознания значения нематериального культурного наследия и содействия международному культурному диалогу в «Список шедевров устного и нематериального наследия», составляемый в рамках программы ЮНЕСКО, от России занесены два историко-этнографических памятника – культурное пространство и устное народное творчество старообрядческой общины семейских на территории Забайкалья (2001) и национальный якутский эпос «Олонхо» (2005).

Во-вторых, имеется ряд нормативно-правовых актов, посвященных отдельным аспектам нематериального культурного наследия, например Федеральный закон от 6 января 1999 г. № 7-ФЗ «О народных художественных промыслах», Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», Федеральный закон от 17 июня 1996 г. № 73-ФЗ «О национально-культурной автономии» (с изменениями от 21 марта 2002 г.) и т.д.

В-третьих, создаются различные государственные и региональные концепции и стратегии, помогающие наметить ориентиры и выделить приоритеты государственной политики в области нематериального культурного наследия. Принимаются программы государственной поддержки нематериального культурного наследия, в частности с 2006 г. действует Федеральная целевая программа «Культура России», на 2009–2015 гг. разработана Концепция по сохранению нематериального культурного наследия народов Российской Федерации. Следует отметить, что в отечественных концепциях и стратегиях трактовка нематериального культурного наследия приводится по Конвенции ЮНЕСКО 2003 г.

Теперь обратимся к практике работы с богатым, имеющим мировое значение нематериальным наследием.

ем национальных республик Южной Сибири – Алтай и Тывы. Сначала рассмотрим нормативно-правовой аспект. В указанных регионах отмечается более прогрессивный характер регионального законодательства по сравнению с общероссийским. Там приняты законы, регулирующие сферу нематериального культурного наследия и не имеющие федерального аналога: Закон Республики Алтай от 05 декабря 2008 г. № 120-РЗ «О регулировании отношений в области развития нематериального культурного наследия Республики Алтай» [3] и Закон Республики Тыва от 17 января 2013 г. №1770 ВХ-1 «Об охране нематериального культурного наследия Республики Тыва» [4].

В текстах указанных законов присутствуют очевидные аллюзии на Конвенцию «Об охране нематериального культурного наследия» (2003). Так, определение понятия «нематериальное культурное наследие» в законе Республики Тыва тождественно тому же определению из Конвенции (2003). Равным образом соотносятся термины «охрана культурного наследия Республики Тыва» (закон Республики Тыва) и «охрана нематериального культурного наследия» (Конвенция, 2003). Термин «области проявления нематериального культурного наследия» в законе Республики Тыва также заимствуется из Конвенции. Понятие «объекты нематериального культурного наследия», упоминающееся в законах Республики Тыва и Республики Алтай, является вариацией Конвенции на тему областей проявления нематериального культурного наследия с единственным уточнением: объект нематериального наследия должен быть зафиксирован, т.е. внесен в каталог / реестр объектов нематериального наследия. В Законе Республики Алтай данное определение имеет региональную привязку.

Далее в Законах Республики Алтай и Республики Тыва приводятся понятия «государственный реестр объектов нематериального культурного наследия» и «каталог объектов нематериального культурного наследия Республики Тыва», трактуемые как информационные системы, включающие в себя банк данных объектов нематериального культурного наследия.

Дополнительно в Законе Республики Тыва вводится понятие «носители нематериального культурного наследия» для обозначения коренных народов региона, играющие важную роль в создании, сохранении и воссоздании нематериального культурного наследия Республики Тыва.

Внимание к нематериальному культурному наследию в региональном законодательстве свидетельствует о приоритетности данного направления в культурной политике национальных республик.

Помимо нормотворческой деятельности в области нематериального культурного наследия, активно ведется работа по его музеефикации. Музей служит эффективным средством сохранения, презентации и актуализации культурного наследия во всех его ипостасях. Под «музеефикацией нематериального наследия» следует понимать преобразование компонентов нематериального наследия, утративших механизмы естественной трансляции, в объекты музейного показа с целью их максимального сохранения и актуализации. Разработанную М.Е. Каулен [5. С. 106–108] класси-

фикацию способов музеефикации культурного наследия в целом можно приложить и к его нематериальной категории, но с определенной корректировкой. В связи с этим автором статьи предложены следующие способы музеефикации нематериального культурного наследия [6]:

1. Музеефикация объектов недвижимого материального наследия, связанных с нематериальным культурным наследием. Таковыми являются объекты археологического наследия – писаницы, погребальные комплексы, менгиры и пр., которые представляют собой выражение мировоззренческих установок, основанных на мифе, эпосе, обряде.

2. Музеефикация объектов движимого материального наследия, связанных с нематериальным культурным наследием, например предметов обрядовой сферы, праздников, артефактов, связанных с формами выражения знаний и навыков, материалов о технологиях ремесел и промыслов, зафиксированных на аудио-, видео-, цифровых носителях, и др.

3. Реконструкция – создание моделей (имитаций) утраченных элементов нематериального наследия с целью получения информации об их функционировании. В роли носителей традиции могут выступать сотрудники музея, члены музейных клубов и кружков, посетители.

4. Ревитализация, т.е. «оживление», объекта нематериального наследия. Уникальность данного метода заключается в восстановлении способности объектов нематериального наследия к функционированию и самовоспроизведению, будучи включенными в состав «живого музея».

Рассмотренные подходы к музеефикации нематериального культурного наследия могут существовать автономно или в комплексе в зависимости от экспозиционных целей. Их эффективность при работе с нематериальным культурным наследием в музее определяется степенью сохранности элементов жизнедеятельности народа. Для исследователя возникает вопрос о степени аутентичности того или иного конструкта, решаемый путем его верификации. В свою очередь, для рядового посетителя немаловажным является степень аттрактивности и интерактивности конструкта, которая достигается использованием информационных и музейных технологий.

Предложенная классификация включает не только способы музеефикации культурного наследия, но и анимирования музеефицированных объектов. К такому относится музейная педагогика. В качестве наиболее эффективных форм для трансляции нематериального наследия, основанных на партисипативных технологиях и аттрактивности, признаются музейный праздник и музейный фестиваль.

Центрами музеефикации нематериального культурного наследия в рассматриваемых республиках выступают музеи – Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина и Национальный музей Республики Тыва им. Алда-Маадыр. Предложенная классификация форм музеефикации нематериального культурного наследия применима и к деятельности вышеназванных музеев.

Музеефикация объектов недвижимого материального наследия в аутентичном варианте характерна для

музеев под открытым небом. Здесь музеефицируется культурный ландшафт – археологические объекты в природной среде. В указанных традиционных музеях создается модель культурного ландшафта, сочетающая оригиналы и реконструкции. В связи с массивностью некоторых экспонируемых археологических предметов используют открытое фондохранение.

Для Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина таковым является смоделированный культурный ландшафт плато Укок, известный своими грандиозными находками, естественно сохранившимися благодаря особым природно-климатическим условиям в долине плоскогорья Укок. В пространстве открытого фондохранилища размещены предметы быта пазырыкской культуры, реконструкция погребального комплекса, саркофаг «принцессы» Укока.

Другим примером является комплекс «Атриум», представляющий сочетание природных ландшафтов Горного Алтая с историко-культурной реконструкцией основных видов археологических объектов – изваяний, наскальных рисунков, а также музеефицированных элементов традиционной культуры алтайского народа – аила и родника – аржан.

В Национальном музее Республики Тыва им. Алдан-Маадыр реконструированы ландшафт Турано-Уюкской котловины и раскоп кургана Аржаан-2, где было найдено знаменитое «скифское золото». Эти находки составили более 20 кг золотых изделий и стали настоящей сенсацией в археологическом мире. Изящество, мастерство выполнения и орнамента изделий отсылают к мировоззренческим установкам их создателей, а также к нераскрытой современниками технологии изготовления.

Таким образом, органичным переплетением реконструкции, инсталляции и малочисленного, но подлинного материала достигается цель изображения преемственности эпох. Одновременно реконструируются и элементы нематериального культурного наследия – миф, обряд, технология.

Следует отметить, что археологические объекты воспринимаются коренным населением республик как свидетельство их правопреемства на культурные традиции прошлого и принадлежности к таким древнейшим народам, как гунны и скифы.

Перейдем к музеефикации объектов движимого материального наследия, связанных с нематериальным культурным наследием. В музеях указанное направление реализуется посредством фондовой и экспозиционной работой. В фондах Национального музея им. А.В. Анохина и Национального музея Республики Тыва Алдан-Маадыр хранятся предметы быта и духовной культуры, фотографии и картины, отображающие традиционную культуру коренного этноса. Фондовые собрания находят свое отражение в экспозициях и временных выставках. В Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина ведущим сюжетом постоянной этнографической экспозиции является раздел о традиционных религиях «кам янг» (шаманизм) и «ак янг» (бурханизм). В экспозиции представлены ритуальный костюм шамана – кафтан «мандьяк», шапка-птица «куш бёрюк», шаманские

бубны, культовые изображения духов. Здесь же размещены фотографии, иллюстрирующие шаманские камлания конца XIX – начала XX в., войлочный ковер с изображением сюжета из героического эпоса, музыкальные инструменты алтайцев. Экспонируются и личные вещи выдающегося сказителя XX в. А.Г. Калкина. Все эти предметы относятся и к объектам нематериального культурного наследия, поскольку характеризуют обряд, миф, устное творчество.

В художественном секторе экспозиции магистральным направлением является творчество Г.И. Чорос-Гуркина. Примечательно, что в картинах художника – «В юрте Кулуна», «В юрте демичи», «Шаманский бубен», «Ташаур», «Отык. Калта», «Культовое место в аиле» и др. – почти документально изображены сцены охоты, быта, культовых обрядов. Следовательно, работы Г.И. Чорос-Гуркина – не только ценный этнографический источник, но и объекты нематериального культурного наследия.

Основные темы временных выставок: «Одежда народов Республики Алтай», «Люди на границе», «Войлок в традиционной культуре алтайцев», «Горловое пение “кай” в музыкальной культуре алтайцев» и др.

В Национальном музее Республики Тыва им. Алдан-Маадыр этнографическая экспозиция выстраивается из выставок, презентующих узловые элементы традиционной культуры тувинцев – камнерезное искусство («Изобразительное искусство Тувы», «Оживший камень Хертека Тойбухаа», «Легенды эрзинских степей»), музыкальное творчество и горловое пение – хоомей («Хоомей – душа народа»), а также шаманизм («Зов бубнов») и буддизм («Буддизм в Туве»). Благодаря ритуалам, совершаемым время от времени в выставочном пространстве ламами, а также уникальным культовым реликвиям, хранящимся здесь, выставка, посвященная буддизму, приобрела сакральный статус.

Выбор в качестве ключевых объектов показа в этнографическом секторе элементов нематериального наследия – технологии, устное народное творчество, обряд, мировоззрение – объясняется высокой степенью конденсации в них этнической традиции. Тот факт, что многие традиции продолжают в творчестве современников, свидетельствует об их жизнеспособности.

Также музей активно презентует культурное наследие тувинцев посредством передвижных выставок. Открытие такой выставки может предварять музейная акция, в ходе которой репрезентуются элементы нематериального наследия – технологии изготовления предметов ДПИ или горловое пение «хоомей». Такой род деятельности позволяет выгодно позиционировать музей и традиционную культуру тувинцев за пределами республики.

Теперь обратимся к следующим направлениям – реконструкции и ревитализации объекта нематериального наследия. Применительно к национальным музеям Республики Алтай и Тыва данные направления являются сопутствующими предыдущим двум.

Предметные, сюжетные и содержательные реконструкции значительно дополняют экспозиционное

пространство музеев как научно-вспомогательным материалом, так и сконструированными «образами» этнической культуры.

Ревитализация объекта нематериального наследия происходит путем использования методов музейной педагогики в пространстве музеев. Так, общим для двух музеев является проведение экскурсий, лекций, семинаров, тематических классных часов и вечеров для учащихся школ. В указанных формах музейной педагогики превалирует образовательная функция.

Разнообразны музейные праздники, проводимые музеями Республик Алтай и Тыва. В них образовательная функция переплетается с рекреационной. Так, в Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина программа празднования Чага Байрам включает конкурс традиционных алтайских наконных украшений «шанкы», принять участие в котором могут девочки от 12 лет. Участницы конкурса в свободной форме рассказывают о себе, демонстрируют изготовленные ими наконные украшения, при этом сопровождая показ песнями, танцами или стихами на алтайском языке. Также на празднике посетители могут узнать о национальных играх, поучаствовать в викторинах [7]. Таким образом, праздник Чага Байрам актуализирует этнокультурное наследие в материальной (наконные украшения) и нематериальной (технология их изготовления) формах среди молодого поколения. Он является одним из элементов этнофестиваля «Перекресток культур», призванного показать культурное многообразие Республики Алтай и стимулировать толерантность в обществе.

В Национальном музее Республики Тыва им. Алдан-Маадыр проводят музейный праздник «Шагаа», или Новый год по восточному календарю. Указанное мероприятие предназначено преимущественно для детской аудитории. В ходе представления детей зна-

комят с историей и традициями праздника, обучают ритуальному поведению.

При этом инвентарем служат музейные предметы – тувинская национальная одежда, предметы быта – *когээржик*, *домбу*, *хоо*, *хуун*, чашки – *аяктар*, обрядовые предметы – ритуальная ложка *тос-карак*, ритуальные ленточки, жертвенник – *сан салыр*, а также астрагалы – *кажыктар*, *тевек* и др. В программу мероприятия включен игровой компонент – детям предоставляется возможность поиграть в национальные игры: *кажык*, *почекушки*, *закидывание аркана* и т.д. [8]. Данный праздник относится к комплексным формам с совмещенной образовательной и рекреационной функциями. При этом образовательный компонент направлен на формирование этнокультурных компетенций у подрастающего поколения.

Таким образом, нематериальному культурному наследию Алтая и Тывы уделяется внимание как со стороны законодательной сферы, так и музейных практик. Видится, что последние послужили основанием для разработки первых. При этом законодательство в области нематериального наследия опережает федеральное. Основанные на Конвенции «Об охране нематериального культурного наследия» законодательные акты республик не привносят кардинально нового в заложенные Конвенцией принципы. В музейной сфере особое предпочтение отдается музеефикации объектов археологического и этнокультурного наследия вследствие символизации настоящего коренным населением республики через знаки далекого прошлого. Внимание в экспонировании к объектам нематериального культурного наследия указывает на их важность как трансляторов этнокультурной традиции. Привнесение образовательного компонента в виде форм музейной педагогики делает музей местом погружения в традиционную культуру этноса, способствует развитию этнокультурных компетенций и толерантности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конвенция ЮНЕСКО «Об охране нематериального культурного наследия» (2003). Париж, 17 октября 2003 г. // ЮНЕСКО. URL: <http://www.unesco.org/bpi/rus/pdf/03-82-Russe.pdf> (дата обращения: 11.09.2012).
2. Белугина Г.К. Актуализация нематериального культурного наследия в музейно-выставочной и туристическо-рекреационной деятельности (на примере Ивановской области): дис. канд. ... культурологии. Ярославль, 2011. С. 55.
3. Закон Республики Алтай от 05 декабря 2008 г. № 120-РЗ «О регулировании отношений в области развития нематериального культурного наследия Республики Алтай» // Министерство культуры Республики Алтай. URL: <http://www.culture-altai.ru/> (дата обращения: 14.08.2013).
4. Закон Республики Тыва от 17 января 2013 г. №1770 ВХ-1 // Министерство культуры Республики Тыва. URL: <http://tuvaculture.ru> (дата обращения: 12.08.2013).
5. Каулен М.Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М., 2012. С. 106–108.
6. Курьянова Т.С. Актуализация культурного наследия в музеях Южной Сибири: дис. ... канд. ист. наук. Томск: Том. гос. ун-т, 2013. 244 с.
7. В Национальном музее Республики Алтай состоится этнофестиваль «Перекресток культур» // Альтапресс. URL: <http://altapress.ru/story/102320> (дата обращения: 11.10.2013).
8. Тулуш С. Встречаем праздник Шагаа в музее // Национальный музей Республики Тыва им. Алдан-Маадыр. URL: <http://museum.tuva.ru/?p=1840> (дата обращения: 23.10.2013).

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 09 декабря 2014 г.

PRESERVATION OF INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE: THE EXPERIENCE OF THE NATIONAL REPUBLICS OF SOUTH SIBERIA

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 113–117. DOI 10.17223/15617793/391/18

Kuryanova Tatyana S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tanytk_88@mail.ru

Keywords: intangible cultural heritage; legislation; museumification; Altai; Tuva.

In the paper the problem of preserving and actualization of the intangible cultural heritage is considered in the national republics of South Siberia. Interest in the intangible cultural heritage is determined by globalization processes, erasing the original culture of

the peoples. The Convention was signed "On the Protection of Intangible Cultural Heritage" at the 32nd session of the General Conference of UNESCO in 2003. The Convention has not been ratified in the Russian Federation yet. It is noted that the preservation of intangible cultural heritage is given sufficient attention in Russia. The measures for the safeguarding of the intangible cultural heritage at the national level are considered. The aspect of Intangible Cultural Heritage legal regulation in the republics of South Siberia is affected in particular, Altai and Tuva. These Republics adopted regional normative and legal acts regulating the field of intangible cultural heritage that have no federal analogue: the Law of the Altai Republic of December 05, 2008 no. 120-FL "On regulation of relations in the field of intangible cultural heritage of the Altai Republic" and Law of the Republic of Tuva on January 17, 2013 no. 1770 SH-1 "On the Protection of Intangible Cultural Heritage of the Republic of Tuva". Based on the Convention "On the Protection of Intangible Cultural Heritage", acts of the Republic did not bring anything radically new in the principles laid down by the Convention. It is noted that attention to the intangible cultural heritage in regional legislation is related to the priority of this area in the cultural policy of the national republics. The museumification classification of intangible cultural heritage is made. The proposed approach is implemented on the materials on the activities of two museums, the National Museum n.a. A.V. Anokhin and the National Museum n.a. Aldan-Maadyr. In the museum field, particular preference is given to museumification of objects of archaeological and ethno-cultural heritage due to the symbolization of the indigenous population of the republic through the signs of the past. Attention to exhibiting the objects of the intangible cultural heritage indicates their importance as translators of ethno-cultural traditions. It is noted that the introduction of an educational component as a form of museum pedagogy makes the museum a place of immersion in the traditional culture of the ethnic group, promotes the development of ethno-cultural competencies and tolerance. It is concluded that the intangible cultural heritage of the Altai and Tuva receive attention from both the legislative sphere and museum practices.

REFERENCES

1. The UNESCO Convention "On Protection of Intangible Cultural Heritage" (2003). Paris, October 17, 2003. Available from: <http://www.unesco.org/bpi/rus/pdf/03-82-Russe.pdf>. (Accessed: 11th September 2012). (In Russian).
2. Belugina G.K. *Aktualizatsiya nematerial'nogo kul'turnogo naslediya v muzeyno-vystavochnoy i turisticheskoy-rekreatsionnoy deyatel'nosti (na primere Ivanovskoy oblasti)*: dis. kand. kul'turologii [Actualization of intangible cultural heritage in museum-exhibition and tourism and recreational activities in Ivanovo Oblast. Cultural Studies Cand. Diss.]. Yaroslavl, 2011. 55 p.
3. *Zakon Respubliki Altay ot 05 dekabrya 2008 g. no. 120-RZ "O regulirovanii otnosheniy v oblasti razvitiya nematerial'nogo kul'turnogo naslediya Respubliki Altay"* [Law of the Republic of Altai of December 05, 2008 no. 120-RZ "On regulation of relations in the field of intangible cultural heritage of the Altai Republic"]. Available from: <http://www.culture-altai.ru/>. (Accessed: 14th August 2013).
4. *Zakon Respubliki Tyva ot 17 yanvarya 2013 g. №1770 VKh-1* [Law of the Republic of Tuva of January 17, 2013 no. 1770 VH-1]. Available from: <http://tuvaculture.ru>. (Accessed: 12th August 2013).
5. Kaulen M.E. *Muzeifikatsiya istoriko-kul'turnogo naslediya Rossii* [Museification of the historical and cultural heritage of Russia]. Moscow: Eterna Publ., 2012, pp. 106–108.
6. Kur'yanova T.S. *Aktualizatsiya kul'turnogo naslediya v muzeyakh Yuzhnoy Sibiri*: dis. kand. ist. nauk [Actualization of the cultural heritage in the museums of Southern Siberia. History Cand. Diss.]. Tomsk, 2013. 244 p.
7. V Natsional'nom muzee Respubliki Altay sostoit'sya etnofestival' "Perekrestok kul'tur" [The National Museum of the Altai Republic will host an ethnic festival "Crossroads of Cultures"]. *Altapress*. Available from: <http://altapress.ru/story/102320>. (Accessed: 11th October 2013).
8. Tulush S. *Vstrechaem prazdnik Shagaa v muzee* [Celebrating Shaaga holiday in the museum]. Available from: <http://museum.tuva.ru/?p=1840>. (Accessed: 23rd October 2013).

Received: 09 December 2014

МУЗЫКАЛЬНО-ЗВУКОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЕКОРА ДЕРЕВЯННОЙ АРХИТЕКТУРЫ В ОРГАНИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА БАРНАУЛА)

Рассмотрены примеры декоративной деревянной резьбы в оформлении зданий г. Барнаула с точки зрения их музыкально-звуковых характеристик. Музыкально-звуковой код орнаментов берет свое начало в древнерусской и романтической культурных традициях. Обобщенные музыкально-звуковые аналоги барнаульского деревянного декора формируют специфику культурного ландшафта города. Новые территории, основанные на общности их звучания либо на полноценном драматургическом развитии, разрушают представления о статичности архитектуры, стимулируя реципиента к активной креативной позиции.

Ключевые слова: деревянная архитектура; архитектурные элементы; музыкально-звуковые характеристики.

Культурный ландшафт города в его ассоциативной составляющей может формироваться на основе множества атрибутов. Нами выделен музыкально-звуковой подход к выбору атрибутов, который позволяет сделать культурный ландшафт города динамичным, изменчивым, подвижным и многозначным. Такие характеристики культурного ландшафта актуальны и востребованы в условиях современности, так как способны противостоять тенденциям упрощения и потребительства. Кроме этого, новые грани культурного ландшафта города позволяют формировать новую гражданскую позицию его жителя, воспитывать человека в творческой среде с иной ценностной составляющей. Ранее определены основные компоненты модели такого культурного ландшафта города: архитектурные элементы, площади и циклы зданий. Наиболее емким является первый компонент, который нуждается в более пристальном исследовании.

Декор барнаульской деревянной архитектуры разнообразен благодаря работе резчиков из разных местностей, изучения ими различного опыта и обогащению своей палитры техническими приемами и художественными средствами. В Барнауле резьба встречается на карнизах, наличниках, в оформлении крыльца и фризах. Иногда в оформлении дома используется только один вид резьбы, а иногда комплекс. В основном барнаульская резьба пропиловочная по типу техники, редко встречаются примеры плоскорельефной или «глухой» резьбы. Особенность алтайской резьбы в использовании языческих мотивов – солярных знаков, волнистых линий (идеограмм воды и влаги), изображений лилий (крины), виноградных гроздьев, листьев папоротника, побегов хмеля, веток и плодов рябины, S-образных фигур, извивающихся змей, голов коней, птиц, драконов [1]. Анализ основного набора символов и атрибутов орнамента однозначно говорит о глобальности его характера, его философии. В любом случае орнаментальное изображение – это изображение Мира, его устройства, закономерностей. Поэтому следует обратиться к традиционному пониманию мироустройства, дабы приблизиться к расшифровке орнаментального кода. В этой связи чрезвычайно интересными становятся русские романтические и доромантические представления об устройстве Вселенной.

В древних ведических текстах говорится, что сотворение Вселенной происходило по мысли и слову, которое является озвученной мыслью Творца. Сначала по-

явилось огромное яйцо – семя всех существ, единственным компонентом которого был подлинный свет – вечный Брахмо, чудесный, непредставимый, вездесущий, тот, кто есть скрытая причина всего реального и нереального (соединение мужского и женского начала, нечто среднее, ноль). У него было только одно свойство – звук [2]. Исходя из этих представлений, любое явление Мира в своей первооснове принципиально музыкально и живописно, так как связано со звуком и светом.

Более того, Его (Брахмо) называют сверхсветлым светом, эфиром. Сверхсветлый свет, в свою очередь, создал пространство и произвел основу личности, которая небесна [2]. Известно, что основной функцией орнамента является формирование пространства, или, точнее, презентация пространства Мира с помощью определенного набора средств (символов, знаков). Поэтому можно сделать первый вывод: пространство орнамента – это тот же эфир или сверхсветлый свет (Брахмо), музыкальный (звук) и живописный (свет) одновременно.

В древнеарийских текстах эфир является высшим из элементов Мира и называется только одно его свойство – звук, порождающий семь звуков и аккорд. Звуки эфира порождают движение или ветер и у эфира появляются уже два свойства – звук и касание, т.е. инерция. Причем инерция – собственное свойство ветра или движения [2]. Любой орнамент, как известно, фиксирует закономерности строения Мира и представляет периодичность (метр, ритм, темп, время и т.д.) смены явлений Мира, поэтому в орнаменте древнеарийские наблюдения могут быть представлены достаточно точно. Таким образом орнамент представляет собой последовательно развивающуюся цепочку(и) звуков с различными темповыми и метроритмическими характеристиками.

В результате сокращения скорости сверхсвета или эфира, вследствие касания инерции появляется видимый свет, состоящий из семи цветов спектра, которые коррелируются с семью первозвуками [2]. Это объясняет, с одной стороны, сверхзаданность цветового набора любого орнамента, который, как правило, максимально декоративен, что тоже говорит в пользу его музыкальности. С другой стороны, имея цветовой набор орнамента и владея кодом перевода цвета в звук, можно получить буквально нотную запись анализируемого орнамента.

Собственными свойствами света являются звучание, касание и образ, причем последний становится

собственным свойством света. Рожденный из звука и движения видимый свет находится на пограничье, относясь как свет к миру божественному (Прави) и как образ к миру проявленному (Яви). Свет, являющийся настоящим предметом поклонения язычников и не имеющий видимого источника, в древнеиндийских текстах сравнивается со сладостной птицей, обитающей в сердце и солнце. Огонь тоже отождествляют с белой птицей, несущей свет, поэтому изображение нырка и гуся также ассоциируется с белым огнем (светом). На санскрите огонь очищающий звучит как «паванна» (чистый, яркий огонь, свежий ветер, хвалебный гимн). В севернорусских обрядовых песнях водоплавающая птица носит похожее название «паванька, пава, паванна». Таким образом, огонь и хвалебный гимн в санскрите отождествляются с севернорусским образом лебедя, поэтому изображения древнеславянских ритуальных костров VI–VII вв. до н.э. выглядели как фигуры пылающих лебедей, о чем свидетельствуют археологические раскопки. Зная о том, что в древнейшей русской традиции музыкальный лад, связанный с гусями, лебедями, творит музыку космоса, можно относиться к игре на гусях как к ткачеству мировой гармонии. В Ригведе гимнотворчество – это тоже процесс, в котором высшая творческая сила слова (озвученная мысль) создает космос. Поэтому гусяры в процессе творческого озарения каждый раз повторяют акт творения Вселенной. Они гудят, а значит, из звуков, букв и движения создают третий компонент – видимый свет, озаряющий мир, проявленный во Вселенной, весь материальный, иллюзорный Мир [2].

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что пространственный орнамента принципиально озвучено, кроме этого, у изображений водоплавающих птиц, огня, солнца и т.д., достаточно часто встречающихся в наборе элементов деревянного декора архитектуры Барнаула, существуют конкретные музыкальные аналоги. Более того, древние представления о звучащей первооснове Мира, на наш взгляд, можно соотнести с известным православным учением об исихазме, значительно расширяющим границы искомой музыкальности изобразительного искусства.

Существует мнение, что другие варианты орнамента тоже соответствуют определенным музыкальным закономерностям. Если орнамент, например, растительный, животный, геометрический, а лад мажорный или минорный, мелодика может быть построена на нисходящих секундах или восходящих квартах и т.п. Выведение подобных гештальтов, воплощающих потенциально-возможное единство музыки и орнамента [3], пополняет подобные концепции дополнительными возможностями взаимопереводов одного искусства в другое [4, 5].

Исходя из позиций В.В. Кандинского, все, что так или иначе связано с рисунком и чем более этот рисунок абстрактен, все имеет отношение к музыке, мелодичности и т.д. Поэтому можно сделать вывод, что различные варианты развития абстрактных линий, встречающиеся в оформлении наличников в домах Барнаула по ул. Анатолия, 104, 108, 124, 160, пер. Революционный 33, ул. Гоголя, 61, ул. Никитина, 134, 138, 146, ул. Пролетарская, 85, подчиняются музы-

кальным закономерностям развития мелодии, подробно описанным живописным теоретиком [4]. Кроме этого, музыкальность барнаульского деревянного декора складывается из оперирования гештальтами других музыкальных вариантов орнаментов:

- цветы (трелистник) и листья (стебли) (ул. Анатолия, 92, 96, 102, 105, 107, 111, 119, 175, ул. Гоголя, 58а, ул. Никитина, 100, ул. Пролетарская, 78); цветы и листья, расположенные вокруг чаши (ул. Анатолия, 59, 145, 180, ул. Никитина, 119). Известно, что если спроецировать все тоны в пределы одной октавы (как это сделал И. Кеплер в своей «*Harmonice mundi*»), проприсовав все соединительные отрезки, в результате получится схематическое изображение листа растения. Из этого следует, что октава, этот краеугольный камень любой музыкальной системы и основа слухового восприятия музыки, заключает в себе форму листа. Таким образом, получает новое, «психологическое», подтверждение теория И. Гёте об эволюции растений, выводящая, как известно, многообразие растительных форм из простейшей формы листа. Многообразие форм цветка – 2 (4, 8...), 3 (6, 12...), 5 (10...) – можно рассматривать с точки зрения гармонии в качестве морфологических параллелей, соответствующих интервалам трезвучия. Это означает, что в одном цветке одного растения проявляется точное деление на три и в то же самое время – на пять. Даже самым ярлым скептикам придется признать, что в душе каждого растения заключен некий формообразующий прототип, придающий цветку, как и музыке, определенную форму по сходству с музыкальными интервалами [6];

- геометрический орнамент (его совмещение с линейным) использован в декоре домов на ул. Никитина, 79, 102, 104, 108, 136, ул. Анатолия, 140. В своих экспериментах Б. Хироу доказала, что интервалы, образованные гармоническими рядами, порождают устойчивые и геометрически совершенные формы, например круги, державшиеся на экспериментальном экране до тех пор, пока звук не смолк. Негармонические же интервалы порождали формы, геометрически несовершенные и неустойчивые, быстро распадавшиеся. В опытах с человеческим голосом, лазером и зеркалом выяснилось, что две ноты, составляющие гармонический интервал, на экране дают симметричные, геометрически совершенные формы. Результат был особенно ярким и убедительным в тех случаях, когда певцы производили не обычные звуки, а вокальные гармонии. Если же голоса певцов не составляли гармонического интервала, симметрия в изображении отсутствовала [6]. Кроме этого, музыкальность геометрических форм так же широко разработана в теории В.В. Кандинского [4, 7];

- использование декоративной формы пятиконечной звезды в оформлении окон дома на ул. Никитина, 111 несет в себе музыкальность, изначально связанную с пентаклем Пифагора [8–10], хотя связь с Советской эпохой (маршевой) полностью тоже отрицать нельзя;

- арабеска часто используется в декоре разных архитектурных конструкций, материал арабески влияет на предполагаемый тембр ее звучания, а тембр звучания, в свою очередь, имеет тесную связь с географическим ландшафтом [11]. Наиболее интересные арабески

встречаются в орнаментальном оформлении кровли деревянной архитектуры (нами рассмотрены наиболее древние барнаульские строения) [12]. Арабески в упрощенном, точнее, в адаптированном варианте встречаются в барнаульском деревянном зодчестве в оформлении других архитектурных элементов, примером тому может послужить усадьба купцов Шадриных (пересечение ул. Гоголя и Красноармейского проспекта (1914 г.)) и жилой дом на ул. Анатолия, 108. В архитектурном убранстве усадьбы купцов Шадриных мотивы мелодического фрагмента фронтона использованы в декоре балкона, фриза, в доме по ул. Гоголя, 79. В доме на ул. Анатолия, 108 (дом Носовича) к арабеске, являющейся переходным звеном от абсолютно свободной арабески к традиционной форме наличника, приближен декор консолей и наличника. Ярким примером может послужить наличники окон в двухэтажном доме по ул. Анатолия, 52. На разных этажах орнаменты разные, но в обоих случаях – это прихотливое движение линии, симметрично развивающееся относительно вертикального центра. Орнамент на наличниках первого этажа симметричен относительно центральной горизонтальной линии, т.е. все виды ракоходного движения, зеркальных (или относительно зеркальных) отражений, приближающих орнамент к музыке, присутствуют в декоре наличников этого строения.

Анализируя все возможные варианты оформления наличников деревянных сооружений г. Барнаула, следует отметить сходство данных орнаментов с концентрическими музыкальными формами. Основные тенденции развития гомофонных зеркально-симметричных форм в первой половине XIX в. наиболее полно и ярко представлены в творчестве Р. Шумана. Эмоциональная первозданность его музыки, которую отмечал Б. Асафьев, развитое чувственное мышление обусловили такие черты шумановского художественного высказывания, как ассоциативная множественность и афористичность [13. С. 119–120]. Подобное можно отметить и в деревянном декоре зданий. Орнаменты, аналогично пьесам цикла, иногда очень напоминают друг друга, иногда создают контрасты друг другу. Благодаря калейдоскопичности, фантазийности, карнавальности художественно-эстетического мироощущения любой музыкальный образ может послужить импульсом длинной веренице сходных или контрастных впечатлений. Каждый образ шумановской драматургии обычно представлен самостоятельной темой, сконцентрированной в лаконичной структуре [13. С. 119–120]. Орнаментальные варианты (геометрические орнаменты отдельно или мотив чаши с листьями (стеблями)), создавая длинные вереницы сходных впечатлений, образуют самостоятельные циклы, каждый раз разрабатывая единый образ все глубже и глубже. Концентрическая форма представлена у Р. Шумана чаще, в ее простой разновидности характерно применение синтагматического комплекса, объединяющего два или

три тематических элемента. Показательно, что у Р. Шумана, сохраняющего, подобно Ф. Шуберту и Ф. Шопену, связи с жанровой основой песенных форм, этот комплекс обычно складывается в простую двухчастную или трехчастную форму. Воспроизведение комплекса в репризе придает композиции черты расширенной арочной формы [13. С. 119–120]. Во всех орнаментах присутствуют линейные изображения, что говорит в пользу их песенности [14], их двухчастное (трехчастное) строение подтверждает тождественность с возможными музыкальными аналогами.

В XIX столетии лирическая сфера музыкальных образов в концентрической форме господствует в произведениях русских композиторов П.И. Чайковского и Н.А. Римского-Корсакова. Но ни один из них не развивал принцип симметрии столь последовательно, как Р. Шуман, во множестве структурных метаморфоз. Шумановскую трактовку свободной зеркальной симметрии наследует Р. Вагнер, а позднее К. Дебюсси и И.Ф. Стравинский [13. С. 123]. Следовательно, границы поиска музыкальных аналогов деревянных орнаментов могут быть значительно расширены. Обращение к романтической (постромантической) музыкальной практике в этом случае соответствует общей концепции музыкальности. Романтическая теория щедро представлена в декоративных элементах барнаульского деревянного зодчества. Речь идет о музыкальности ордерной системы [5], которая присутствует в оформлении наличников по ул. Никитина, 85, 134, 138, ул. Интернациональной, 88, ул. Гоголя, 58а, 61, ул. Анатолия, 52, 59, 62а, 105, 107, 112, 140, 145, что, в свою очередь, тоже может послужить базой для создания самостоятельного цикла, охватывающего определенный район (территорию) с новым художественно-ассоциативным ландшафтом.

Итак, у алтайской резьбы появляется новое свойство – специфическое звучание, наделяющее ее, помимо всего прочего, динамичностью и изменчивостью. Декор деревянной архитектуры Барнаула обладает богатыми возможностями для формирования новационной музыкально-звуковой составляющей культурного ландшафта города в его ассоциативной части. С одной стороны, деревянные орнаменты зданий становятся базой для организации новых районов (территорий), основанных на общности возможного звучания данных элементов архитектуры. В результате такого подхода культурный ландшафт города становится подвижной, креативной, воспитательной средой для гостей и жителей города. С другой стороны, в этих районах могут обнаружиться более мелкие, скрытые циклы, представленные зданиями, в декоре которых наблюдается некоторое драматургическое развитие. Более сильные связи между элементами возникшего цикла делают культурный ландшафт этого места более рельефным, привлекательным для интерпретации, дальнейшего исследования и восприятия в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанская Т.М. Особенности домовой деревянной резьбы Алтая // Архитектура Алтая XVIII–XX вв. Барнаул : А.Р.Т., 2006. 299 с.
2. Жарникова С.В. Гусли – инструмент Вселенной. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=8H01FvFVJvs>
3. Синцов Е.В. Структурно-пространственные соответствия музыки и орнамента // Электроника, музыка, свет (К 100-летию со дня рождения Л.С. Термена) : материалы конф. Казань : Фэн, 1996. С. 111–114.
4. Кандинский В.В. О духовном в искусстве. Л., 1990. 66 с. URL: <http://yanko.lib.ru/gum.html>
5. Шеллинг Ф.В.Й. Философия искусства. М. : Мысль, 2003. 367 с.

6. Баранов А. Гармоники в точных науках. URL: <http://overtone.ru/docs/?content=item&item=47>
7. Кандинский В.В. Точка и линия на плоскости. СПб. : Азбука, 2001. 560 с.
8. Пентаграмма. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>
9. URL: http://teurgia.org/index.php?option=com_content&view=article&id=334:2010-04-14-08-59-25&catid=18:2009-12-21-14-45-31&Itemid=7
10. URL: <http://www.meganstory.ru/sketch/secrets/pentagram/>
11. Дивакова Н.А. От музыкальной космологии к музыкальной географии культуры // ИПУР : сб. науч. тр. Сибирского института знания и культуры / отв. ред. Е.В. Ушакова, Ю.И. Колужов. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. Вып. 11. 352 с.
12. Прядуха Н.А. Художественно-ассоциативный ландшафт деревянной арабески (на примере архитектурного декора зданий г. Барнаула) // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 382. С. 81–85.
13. Гончаренко С.С. Зеркальная симметрия в музыке. Новосибирск : Консерватория, 1993. 234 с.
14. Дивакова Н.А. Песенность как дополнительное понятие в анализе русского пейзажа // Кросс-культуральное исследование проблем мировидения: философский, психологический, лингвокультурологический аспект : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Рубцовск : Азбука, 2007. С. 172–178.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 29 ноября 2014 г.

MUSIC AND SOUND POTENTIAL OF WOODEN ARCHITECTURE IN ORGANIZING THE CULTURAL LANDSCAPE OF THE CITY OF BARNAUL

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 118–121. DOI 10.17223/15617793/391/19

Pryadukha Natalia A. Scientific and Production Association "Screen" (Barnaul, Russian Federation). E-mail: natasha72_72@mail.ru

Keywords: wooden architecture; architectural elements of music and sound characteristics.

The cultural landscape of the city in its associative component may be formed on the basis of a set of attributes. We have chosen the music and sound approach to the selection of attributes that allows one to make the cultural landscape of the city dynamic, changeable, mobile and multi-valued. Analysis of the core set of characters and attributes of ornament clearly indicates its global character and philosophy. Address to the traditional understanding of the world order led to some conclusions: any phenomenon of the world in its elements is essentially musical and pictorial, as it is connected with sound and light, ornament is the air or ultralight light (Brahma), music (sound) and picturesque (light) at the same time. Any pattern, as is well known, captures regularities of the world and is the frequency (meter, rhythm, tempo, time, etc.) of the changes of the phenomena of the world, so ornament is a consistently growing chain(s) of sounds with different tempo, meter and rhythm characteristics. The color set of any ornament is predetermined; with a set of color and ornament owning the code of translation of color into the sound, one can basically get a notation of the analyzed ornament. The images of waterfowl, fire, sun, etc. that often occur in the elements of wooden decor of Barnaul architecture have specific musical analogs. The analysis of music and sound characteristics of different samples of wooden decor in Barnaul shows that the Altai specifics has a new feature of a specific sound which gives it, among other things, the dynamic and volatile character. The decor of wooden architecture of the city of Barnaul has abundant opportunities for the formation of a novation musical sound component of the cultural landscape of the city, its associative part. On the one hand, wooden ornaments of buildings are the basis for the establishment of new areas (territories) based on the commonality of the possible sound of these elements of architecture. As a result of this approach, the cultural landscape of the city becomes a mobile, creative, educational environment for visitors and residents. On the other hand, these areas may show small, hidden cycles presented by buildings in the decoration of which there is a dramatic development. Stronger links between elements of arising cycles make the cultural landscape of this place more prominent, attractive for interpretation, further research and perception as a whole.

REFERENCES

1. Stepankaya T.M. *Arkhitectura Altaya XVIII–XX vv.* [Altai Architecture of the 18th–20th centuries]. Barnaul: A.R.T. Publ., 2006. 299 p.
2. Zharnikova S.V. *Gusli – instrument Vseleynoy* [Gusli as a tool of the universe]. Available from: <http://www.youtube.com/watch?v=8H01FvFVJvs>.
3. Sintsov E.V. Strukturno-prostranstvennye sootvetstviya muzyki i ornamenta [Structural and spatial matches of music and ornament]. *Elektronika, muzyka, svet (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya L.S. Termena): materialy konf.* [Electronics, music, light (The 100th anniversary of the birth of L.S. Termen): Proc. of the Conference]. Kazan, 1996, pp. 111–114. (In Russian).
4. Kandinskiy V.V. *O dukhovnom v iskusstve* [On the Spiritual in Art]. Leningrad, 1990. 66 p. Available from: <http://yanko.lib.ru/gum.html>.
5. Schelling F.V.Y. *Filosofiya iskusstva* [Philosophy of art]. Moscow: Mysl' Publ., 2003. 367 p.
6. Baranov A. *Garmoniki v tochnykh naukakh* [Harmonics in exact sciences]. Available from: <http://overtone.ru/docs/?content=item&item=47>.
7. Kandinskiy V.V. *Tochka i liniya na ploskosti* [Point and line in a plane]. St. Petersburg: Azbuka Publ., 2001. 560 p.
8. *Pentagramma* [Pentagram]. Available from: <http://ru.wikipedia.org/wiki>.
9. Available from: http://teurgia.org/index.php?option=com_content&view=article&id=334:2010-04-14-08-59-25&catid=18:2009-12-21-14-45-31&Itemid=7.
10. Available from: <http://www.meganstory.ru/sketch/secrets/pentagram/>.
11. Divakova N.A. *Ot muzykal'noy kosmologii k muzykal'noy geografii kul'tury* [From music cosmology to the musical geography of culture]. In: Ushakova E.V., Kolyuzhov Yu.I. (eds.) *IPUR*. Barnaul: Altai State University Publ., 2011. Issue 11.
12. Pryadukha N.A. Art-associative landscape of wooden arabesques (by example of architectural decoration). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2014, no. 382, pp. 81–85. (In Russian).
13. Goncharenko S.S. *Zerkal'naya simmetriya v muzyke* [Mirror symmetry in music]. Novosibirsk: Konservatoriya Publ., 1993. 234 p.
14. Divakova N.A. [Song as an additional term in the analysis of the Russian landscape]. *Kross-kul'tural'noe issledovanie problem mirovideniya: filosofskiy, psikhologicheskiy, lingvokul'turologicheskiy aspekt: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Cross-cultural study of problems of world view: philosophical, psychological, linguoculturological aspect: Proc. of International Scientific and Practical Conference]. Rubtsovsk, 2007, pp. 172–178. (In Russian).

Received: 29 November 2014

ИСТОРИЯ

УДК 94(470) «19»

В.П. Зиновьев

БЮДЖЕТ ГОРНОРАБОЧИХ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

Дан анализ бюджетам горнорабочих Сибири в конце XIX – начале XX в. на основе информации горной отчетности и трудов окружных горных инженеров, санитарных врачей, обследований экономического положения рабочих, проведенного Горным ведомством накануне Первой мировой войны. Расчеты показывают дефицитность бюджета большинства семей горняков Сибири в раннеиндустриальный период.

Ключевые слова: семейный бюджет; горнорабочие Сибири; заработная плата; расходы.

Образование нового индустриального общества становится реальностью только тогда, когда формируется слой людей, имеющих стабильный и достаточный для существования доход, обеспеченный трудом на промышленных предприятиях. Лучшим измерителем этого процесса являются бюджеты рабочих семей. В настоящей статье анализируются бюджеты горнорабочих Сибири конца XIX – начала XX в. с целью выяснить, насколько надежным источником существования была работа на горных промыслах Сибири в это время и насколько прочна была база формирования слоя профессиональных рабочих.

Исследование этого вопроса затрудняется отсутствием бюджетных обследований. Примерные бюджеты горняков, нередко приводимые горными инженерами и врачами, установлены расчетным путем [1–5]. По такой же методике составлены и бюджетные статьи расходов горняков Забайкалья, представленные авторами экономического обследования «Положение рабочего рынка и условий промышленного труда в Забайкалье» [6]. Первичным материалом, по которому можно судить о доходах и расходах рабочих, являются расчетные книжки рабочих. Однако в них зафиксированы не все расходы, не учтены и побочные заработки. Ведомости о распределении заработной платы горнорабочих также могут составить представление о соотношении доходов и расходов. Все эти материалы касаются лишь приисковых рабочих, по другим отраслям почти нет подобных источников.

По нашим подсчетам на материалах врача Ленских приисков Е.Н. Коренева, приисковые рабочие Бодайбинской компании в 1891–1892 – 1898–1899 гг. тратили 40,47% всего заработка на питание, на одежду – 2,23, на обувь – 4,04, на табак, мыло, посуду, спички – 1,52%. Кроме того, 17,47% заработка тратилось в виде денег, из них до 1% – за уплату штрафов, 2–3 – в уплату податей, 3–4 – на возвращение, до 2–3 – в уплату за приготовление пищи, до 2,7 – за размещение жен в казармах, до 5–6% – на покупку товаров в магазинах. Семьям высылалось 16,83% всего заработка. Сбережения рабочих составили 17,34% всех заработанных денег [2. С. 153–156]. Заработок женщин составлял 3% от общей суммы заработной платы рабочих [Там же. С. 147]. Женщин на приисках было в

среднем 17% населения, детей – около 10% [2. С. 35]. На их содержание тратилось не менее 11,12% всей зарплат.

Если бы все рабочие имели семьи на приисках с числом детей не меньше двух, необходимых для воспроизводства рабочей силы, то они не смогли бы прокормить их. Заработок не поднялся бы выше, поскольку женский труд на приисках не нашел бы применения. Расходы рабочих выросли бы до 115,3% их годового заработка. Последняя цифра сложилась бы следующим образом: расход рабочих на приисках, без учета семей, равен 47,71% (58,83–11,12%) + расход на жен (3/4 от содержания мужчины) – 35,78% + расход на содержание двух разнополых детей (2/3 от содержания мужчины) – 31,81%. Таким образом, владельцы Бодайбинской компании не доплачивали рабочим до минимальной стоимости их труда свыше 15%.

На мелких приисках Витимской системы рабочие смогли прокормить только себя, их сбережения ограничивались 15 руб. и менее в год [2. С. 158]. По подсчетам окружного горного инженера В.М. Внуковского, рабочие Северно-Енисейского округа тратили в месяц 15–17 руб., из них на питание – 10–11 руб., на плату кухарке – 50 коп., на одежду, обувь, табак, мыло, спички и прочее – 3–5 руб. [7].

В целом на приисках Сибири в конце XIX в. рабочие, по моим подсчетам, получали в виде задатка 12,9% заработка, уплачивали в подати 2,1%, высылали семьям 5,3%, тратили на приисках наличными 2,6%, получали товарами и продуктами 50,7%, получали при расчете 23,1%, оставались должны 3,3% [8. С. 154].

В составе рабочих преобладали крестьяне, прибывшие на заработки, обычно без семей, экономившие на всем, чтобы получить в конце сезона лишний рубль. На приисках такие рабочие оставляли в среднем 53,3% всего заработка. Если бы они имели семьи на приисках, то не смогли бы их прокормить. Расходы на семьи с двумя детьми составили бы 109% заработанных денег. Отметим, что мы берем примеры реального потребления рабочих, которые были далеки от необходимых норм.

Если же взять за основу необходимые нормы потребления, то заработка приисковых рабочих не хватило бы и на семью из двух человек [Там же. С. 155].

Так, в 1901 г. на приисках Томского округа рабочие на питание, одежду, обувь, мыло, спички, табак потратили бы 82,7% всего заработка (годовой рабочий) или 68,2% (сезонный); в Алтайском округе – соответственно 78,7 и 61,6%; в Южно-Енисейском – 68,6 и 51,6%; Северно-Енисейском – 69,1 и 57,5%. На приисках «Лензото» рабочий потратил бы 68,8% заработка, на Королонских приисках Фризера в Баргузинском округе – 61,7%, на Ленских приисках Орельского – 85,8% [8. С. 154]. Указаны не все необходимые затраты, нужно добавить еще плату кухарке, за стирку, белье, затраты на культурные потребности, на посуду и другие мелочи, которые составят вместе не менее 10% заработка рабочих. Следовательно, годовой рабочий должен был потратить на себя лично от 75 до 95% заработной платы. На семью в четыре человека рабочий потратил бы от 180 до 248% своей заработной платы, т.е. труд приисковых рабочих оплачивался при постоянной работе в 1,8–2,5 раза ниже стоимости, при сезонной – не менее чем в 1,5 раза ниже стоимости.

К началу Первой мировой войны распределение заработка горняков на приисках несколько изменилось. К десятым годам XX в. исчезли задатки, менее 1% стали составлять затраты на посылку денег в уплату податей. Увеличилась высылка денег семьям, несмотря на рост числа семейных рабочих на приисках. Пример Южно-Енисейского округа показывает, что увеличились затраты рабочих наличными – до 16,2%, однако выдача натурой осталась по-прежнему высокой – выше 50%. Сбережения к концу года увеличились больше чем в два раза. Долгов рабочие практически не имели – 0,4–0,6% заработной платы, ранее же они составляли от 3 до 5% [9. Л. 24; 10. Д. 277. Л. 74; Д. 326 Л. 1824; Д. 427. Л. 7; Д. 532. Л. 145].

Примерные бюджеты горнорабочих в 1909–1912 гг. можно найти у И.Ф. Садовникова в книге «Иркутск (Тулун) – Бодайбо в экономическом отношении», у Г.И. Кваши. Раскладка бюджетных статей расхода рабочих «Лензото», приводимая последним, неоднократно использовалась советскими историками [3. С. 34]. Подсчеты И.Ф. Садовникова даны на 1909 г. по Лено-Витимскому району. По его мнению, одинокий рабочий тратил на питание в Олекминской тайге 22 руб. 20 коп., платил кухарке и за стирку белья 2–4 руб. в месяц, на обувь – 4–5 руб., на табак – 1 руб. 10 коп. – 1 руб. 80 коп., на одежду – 6–7 руб., итого – 38–42 руб. С расходами на водку месячное содержание рабочего составляло 43,5–47,5 руб. Садовников учитывал также то, что одежда снашивалась в два раза быстрее обычного. Общие расходы (с мелкими тратами) составляли, таким образом, 55–60 руб. в месяц. Расходы семейного рабочего исчислялись им следующим образом: питание женщины он определил в 3/4 мужской нормы, детей – в 1/3 мужчины. Расход семьи из пяти человек составлял: на питание 57 руб. 80 коп., на табак 1 р. 10 коп. – 1 р. 80 коп., на водку, обувь, мелочи – 8–12 руб., итого – 68–72 руб. Стоимость одежды не учтена им, поскольку эти расходы покрывались заработком женщины. Он соответствовал в среднем 20–25 руб. Значит, расходы семьи из пяти человек равнялись 88–97 руб. в месяц. Заработок же рабочих составлял ниже указанной суммы: по-

торжных и подземных рабочих – 55–65 руб., мастеровых – 80–85 руб. [4. С. 41–43]. Следовательно, одинокий рабочий мог прокормить себя, но сделать сбережения или содержать семью дома из двух человек без побочных заработков или сохранения расходной части было невозможно. Низкооплачиваемые рабочие (конюхи, караульные) имели заработки ниже прожиточного минимума. Лишь мастеровые, которых было 5–6% от общего числа рабочих, могли прокормить семью из четырех человек. Однако, учитывая сложность их труда, сомнительно, чтобы их рабочие руки оплачивались по стоимости.

По подсчетам инженера А.Е. Богдановского, на 1911 г. одинокий рабочий тратил в месяц 43 руб. 42 коп., из них на питание – 64,1%; обувь – 5,4; одежду – 8,5; свечи и табак – 6,3; духовные потребности – 2,5; прочее – 13,2% [5. С. 80–81]. По подсчетам А. Блек, на тот же год, сумма расхода одного рабочего составила 37,5 руб. в месяц [3. С. 35], по подсчетам Г.И. Кваши – 33 руб. [1. С. 20]. Бросается в глаза заниженность подсчетов Кваши. Вероятно, он стремился подогнать расходы рабочих под их средний заработок. Действительно, по поручению «Лензото» он стремился показать отсутствие у рабочих экономических причин для забастовки. Расход семейного рабочего (семья из четырех человек) он определял в 100 руб. в год, а средний заработок – в 617,1 руб. [Там же. С. 3, 20]. Кваша определил расходы на питание для одинокого рабочего в 60 коп. в день, для семейного – в 1 руб. 10 коп. в день (имел в виду семью из четырех человек). Рабочие же «Лензото» показали, что расход одного рабочего равнялся 1 руб. в день, семейного – 1,5 руб. [3. С. 20]. Учтем при этом, что на среднюю семью рабочих и служащих «Лензото» приходилось 0,75 ребенка, а если отбросить более многодетные семьи служащих – не более 0,5 ребенка [11. Л. 9]. Здесь следует добавить, что жены рабочих были, как привило, артельными кухарками и кормились вместе с детьми часто за счет общего котла. К этому можно прибавить, что расходы женатых рабочих на питание были на 10–15% ниже, нежели у одиноких, поскольку они не тратили денег на приготовление пищи. С учетом этого на самом деле расход семейного рабочего «Лензото» не превышал в среднем 1,5 руб. в день.

Г.И. Кваша же, вероятно, перенес эти выводы на семью из четырех человек, тем самым занизив значительно сумму расходов. К тому же Кваша никак не оговаривает отсутствие в подсчетах расходов на одежду и обувь членов семьи рабочего.

Если же за основу подсчетов взять данные Богдановского, то стоимость питания семьи рабочего из четырех человек соответствовала бы на приисках «Лензото» в 1911 г. 720 руб. в год, всех же расходов – 858 руб. При этом учтено, что на одежду и обувь себе и детям зарабатывала жена рабочего. Расходы рабочей семьи на одежду и обувь составляли не менее 100 руб. в год (17/12 расхода взрослого рабочего). Итого расходы семьи рабочего из четырех человек составляли не менее 958 руб. в год, или 80 руб. в месяц. Средний же заработок рабочих равнялся 617,1 руб. в год. Следовательно, имея семьи на приисках в размере, достаточном для воспроизводства рабочей силы, – четыре человека, ра-

бочие не смогли бы их прокормить без побочных заработков в виде подъёмного золота, без заработков жен.

Расход одиноких рабочих, по расчетам Богдановского, составлял в год не менее 521 руб., по расчетам Блека – не менее 450 руб., а по расчетам Кваши – 396 руб. Ближе к истине первые два исчисления. Вычисление автором расходов рабочих «Лензото» на основе минимальных норм потребления дало цифру в 433 руб. 10 коп. Сюда вошли расходы на питание, одежду и обувь, табак, мыло, свечи, белье, духовные потребности, обслуживание (баня, стирка, приготовление пищи), прочие мелкие расходы [5. С. 80–81; 8. С. 156]. Сюда же вошли расходы на вино, а его пили 3/4 рабочих. С ними годовые расходы рабочих достигали 505,1 руб. Одинокие рабочие могли, таким образом, за год при полном рабочем сезоне сберечь до 100 руб. Блек приводит в своей работе следующие данные о сбережениях рабочих «Лензото». За 1903–1912 гг. в Государственную сберегательную кассу от 2 093 рабочих Товарищества поступило 689 222 руб. Если учесть, что в это время на приисках работало

ежегодно от 6,5 до 8 тыс. рабочих, то вкладчики составили 2,5–3% от общего числа рабочих.

По величине вклады распределились так: менее чем 100 руб. – 25,4%; 100–200 руб. – 23,6; 200–500 руб. – 30; свыше 500 руб. – 21%. Следовательно, солидные сбережения свыше 500 руб. смогли сделать около 0,5% всех рабочих Лензото [3. С. 36]. Из вышеизложенного ясно, что даже крупнейшая в золотом деле края золотопромышленная компания, где были наиболее высокие заработки рабочих, оплачивала труд горняков ниже их стоимости не менее чем на треть. Это следствие могучего влияния аграрного переселения в России, скрытой и текущей безработицы, которые в целом по России снижали заработную плату до чрезвычайно низкого уровня. В.И. Ленин, отмечая это, писал, что по уровню заработной платы промышленных рабочих «Россия XX века, Россия третьиюньской “конституции”, стоит ниже рабской Америки» [12. С. 21]. Пример рабочих «Лензото» – лишь частный пример общей для России тенденции.

Таблица 1

Бюджетные наборы приисковых рабочих Сибири в конце XIX – начале XX в.

Наименование предметов потребления	Единица измерения	Нормы потребления в месяц*		
		Для приисков юга Сибири**		Для приисков севера Сибири****
		1895–1909 гг.	1910–1917 гг.***	
Крупа	Фунт	10	3	10
Капуста	Фунт	10	2	10
Мука ржаная	Фунт	65	8	80
Мука пшеничная	Фунт	70	58	0
Крупчатка (2-й сорт)	Фунт	0	24	20
Мясо скотское свежее	Фунт	50	40	50
Масло коровье топленое	Фунт	2	2,5	6
Сало скотское	Фунт	2	0	0
Сахар (рафинад)	Фунт	2,5	2,5	2,5
Соль	Фунт		3	3
Чай кирпичный	Кирпич	0,33	0,33	0,33
Молоко	Фунт	0	60	0
Картофель	Фунт	0	25	0
Азиям (армяк)	Штук	1/12	1/12	1/12
Мыло простое	Фунт	1	1	1
Рубаха ситцевая	Штук	1/6	1/6	1/6
Рукавицы барановые	Штук	1	1	1
Сапоги болотные	Штук	1/6	1/6	1/6
Спички	Штук	2 000	2 000	2 000
Табак (махорка)	Фунт	2	2	2
Свечи сальные	Фунт	1	1	1
Керосин	Фунт	0	0	0
Шапка-татарка	Штук	1/12	1/12	1/12
Шаровары	Штук	1/6	1/6	1/6

*Расчеты автора на основе данных горных окружных инженеров и золотопромышленников: Внукровский В.М. Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности северной части Енисейского горного округа. СПб., 1905. Т. 2. С. 192; Фрейман Э.К. Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Алтайского горного округа. СПб., 1910. С. 97; Садовников И.Ф. Систематический указатель к карте золотопромышленного района Олёкминского горного округа. СПб., 1909. С. 41; Фризер Я.Д. Статистико-экономический очерк Королонских золотых приисков. СПб., 1906. С. 52; Район железной дороги Иркутск (Тулун) – Бадайбо в экономическом отношении. Пг., 1915. С. 80; Кваша Г.И. Статистико-сравнительные сведения о материальном положении рабочих на приисках «Ленского Золотопромышленного Товарищества» // Доклады правления Ленского Золотопромышленного Товарищества о забастовке. СПб., 1912. С. 17; Зиновьев В.П. К экономическому положению горнорабочих Сибири (1895–1914 гг.) // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 8. Рабочие Сибири в период империализма. С. 155.

** Под приисками южной зоны Сибири учтены предприятия Алтайского, Томского, Минусинского, Красноярско-Ачинского, Южной части Енисейского, Восточно-Забайкальского, Ангарского горных округов. Тот же набор продуктов применен и для каменноугольных копей Сибири.

*** Подсчет по данным окружного инженера Томского горного округа: Бересневич И.П. Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Томского горного округа. СПб., 1912. Т. 1. С. 410–421.

**** Прииски северной зоны Сибири – Северной части Енисейского округа, Ленского, Витимского, Зейского горных округов и Баргузинского округа Западно-Забайкальского горного округа.

Приблизительное представление о соотношении заработной платы горняков и их прожиточного минимума в период наиболее высокого уровня реальной

заработной платы горнорабочих могут дать анкеты о заработной плате рабочих за июль 1914 г. В них показано распределение горнорабочих крупнейших пред-

приятый Сибири в зависимости от величины подённых заработков. Зная число фактических рабочих дней в месяц на каждом предприятии, которые также указаны в анкетах, можно без труда вычислить месячную заработную плату в зависимости от подённого заработка. Полученные результаты затем остается только сравнить со стоимостью прожиточного минимума для одного рабочего, семьи из двух человек,

семьи из четырех человек. Последние получены как сумма стоимости бюджетного набора (таблица 1) + расходы на мелкие нужды и обслуживание (10%) + квартирные расходы, если они были.

Для семьи из двух человек норма расходов принята в размере 1,75 нормы холостого рабочего, семьи из 4 человек – 2,42. Полученные результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

Обеспеченность жизни горняков Сибири в июле 1914 г.*

Предприятия	Число рабочих, получающих заработок									
	Не обеспечивающий 1 чел.		Обеспечивающий 1 чел.		Обеспечивающий 2 чел.		Обеспечивающий 4 чел.		Всего учтено рабочих	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Каменно-угольные копи	1 474	30,7	1 832	38,1%	1 040	21,7%	457	9,5%	4 797	100
Прииски с драгами	55	6,6	226	27,2	325	39,2	221	27,0	827	100
Прииски «Лензото»	170	2,8	3 922	63,7	1 845	30,0	225	3,5	6 162	100
Итого	1 699	14,4	5 980	50,7	3 210	27,5	897	7,4	11 786	100

Примечания. Учтены каменноугольные копи Арбагарские, Замятиных, Собещанского, Мильнера, Гришевского тов-ва, Маркевича, Московско-Сибирского общ-ва, Иваново-Матвеевского тов-ва, Судженские, Кемеровская, Кольчугинская; прииски Федоровского общ-ва и общ-ва «Драга», Нижнее, Феодосиевское, Накатаминское, Андреевское управления и мехмастерские «Лензото». Взяты рабочие-мужчины.

* РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 599. Л. 10, 25; Д. 600. Л. 1, 6; Д. 605. Л. 1, 19; Д. 618. Л. 18, 30, 36, 49; Д. 633. Л. 12, 18; Д. 648. Л. 7, 25; Д. 652. Л. 1, 12; Д. 692. Л. 6, 20; Д. 698. Л. 4, 15; Д. 1251. Л. 3, 7; Д. 1317. Л. 17; Оп. 75. Д. 611. Л. 19, 31; Д. 612. Л. 1, 12; Д. 624. Л. 20, 22, 74, 91; Д. 626. Л. 12; Д. 645. Л. 13, 22; Д. 650. Л. 7, 29; Д. 663. Л. 12.

Таким образом, на крупнейших горных предприятиях Сибири, на которых в 1914 г. было занято почти 12 тыс. взрослых мужчин, 1,7 тыс. из них не могли обеспечить своего прожиточного минимума. Это составит 14,4% всех учтенных горняков. Больше всего таких рабочих было на угольных коях – 30,7%, немного на приисках с драгами и у «Лензото» – соответственно 6,6 и 2,8%. Половина рабочих могли обеспечить только себя. Таких на приисках «Лензото» было большинство (63,7%), около 40% на коях и 27,2% на приисках с драгами.

Семью из четырех человек (жена + двое детей) могли обеспечить не многие горняки. На коях таких было 9,5%, на приисках с драгами – 27%, на приисках «Лензото» – 3,5%, всего же 7,4%. Эти цифры в основном совпадают с числом высококвалифицированных рабочих на данных предприятиях, которые получали от 2,5 до 4 руб. за смену. Показательно, что на приисках «Лензото» в целом доля рабочих, могущих обеспечить семью из четырех человек, не превышала 3%, а в механических мастерских она поднималась до 11%.

Значит, даже в период наиболее высокой реальной заработной платы горняки Сибири не получали в большинстве своем доходов, обеспечивающих им прожиточный минимум. Только около 7% наиболее квалифицированных специалистов зарабатывали доста-

точно для прокормления семьи из четырех человек. Их можно отнести к «рабочей аристократии», получавшей минимум для обеспечения воспроизводства рабочей силы. Оставшиеся 93% горняков не могли содержать семьи без постоянных заработков, сверхурочных работ, без заработка остальных членов семьи. Это можно считать общей чертой экономического положения рабочих России. Дефицитность бюджетов большинства рабочих семей России историки неоднократно доказывали подсчетами их расходов и доходов [13; 14. С. 214–242; 15. С. 145–152; 16. С. 94].

Сибирские горнопромышленники забирали у рабочих не только прибавочный, но и часть необходимого продукта (не менее трети). В условиях избытка рабочих рук, когда аграрное перенаселение поставляло постоянно свежие рабочие руки, капиталистов не заботила проблема воспроизводства рабочей силы, представлялось возможным платить ниже ее стоимости. Горняки края упорной борьбой повышали свой жизненный уровень, но он оставался в предвоенные годы чрезвычайно низким, не обеспечивающим элементарных потребностей человека. В годы Первой мировой войны реальная заработная плата горняков катастрофически упала, достигнув к началу 1917 г. 2/3 довоенной. Абсолютно все рабочие не имели в это время прожиточного минимума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кваша Г.И. Статистико-сравнительные сведения о материальном положении рабочих на приисках «Ленского Золотопромышленного Товарищества» // Доклады правления Ленского Золотопромышленного Товарищества о забастовке. СПб., 1912.
2. Корнев Е.Н. Очерк санитарно-экономического положения рабочих на золотых приисках Витимско-Олекминской системы Якутской области : дис. ... д-ра медицины. СПб., 1903. 256, 4 с.
3. Блек А.Л. Рабочие на Ленских золотых приисках // Архив истории труда в России. Пг., 1923. Кн. 10.
4. Садовников И.Ф. Систематический указатель к карте золотопромышленного района Олёкминского горного округа. СПб., 1909.
5. Район железной дороги Иркутск (Тулун) – Бадайбо в экономическом отношении. Пг., 1915.
6. Положение рабочего рынка и условия промышленного труда в Забайкалье в 1914–1915 гг. Иркутск, 1916.
7. Внуковский В.М. Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности северной части Енисейского горного округа. СПб., 1905. Т. 1. С. 444; Т. 2.
8. Зиновьев В.П. К экономическому положению горнорабочих Сибири (1895–1914 гг.) // Из истории Сибири. Вып. 8 : Рабочие Сибири в период империализма. Томск, 1973. С. 130–159.

9. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 543. Оп. 1. Д. 267.
10. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 433. Оп. 1.
11. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 286. Оп. 1. Д. 35.
12. Ленин В.И. Наши успехи // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1969. Т. 23.
13. Условия труда и быта в дореволюционной России. М., 1958.
14. Крузе Э.Э. Положение рабочего класса России в 1900–1914 гг. Л.: Наука, 1976. 300 с.
15. Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России. М.: Наука, 1979. 288 с.
16. Рабочий класс России 1907 – февраль 1917 г. М.: Наука, 1982. 464 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 16 ноября 2014 г.

THE BUDGET OF MINERS IN SIBERIA IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 122–126. DOI 10.17223/15617793/391/20

Zinoviev Vasily P. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vpz@tsu.ru

Keywords: family budget; miners of Siberia; payment; costs.

This article analyzes the budgets of miners in Siberia in the late 19th – early 20th centuries basing on the information from mining reports and works of district mining engineers, health officers, from surveys of the economic situation of workers that the Mining Office carried out on the eve of the First World War. The author calculated that at the end of the 19th century in the fields of Siberia workers received a deposit of 12.9 % of income, paid in taxes 2.1 %, send to families 5.3 %, spent by cash in the fields 2.6 %, received goods and products 50.7 %, got in payment 23.1 %, were to pay back 3.3 %. In the first ten years of the 20th century deposits disappeared, and less than 1% of income was spent as of tax payment. Despite the increase of the number of family workers in the fields, workers started to send more money to the families. For example, in the South-Yenisei district workers' costs in cash were increased to 16.2 %, but payment in kind still remained high, above 50 %. This proves the formation of permanent staff in the fields. Workers' payment forms in July 1914 give a rough idea about the correlation of wages of miners and their living wage during the highest level of miners' real wages. These results are compared with the cost of living for a single worker, a family of two persons and a family of four. The latter were obtained as the sum of the cost of the budget set, plus the costs for small needs and service staff (10 %), plus accommodation costs, if any. The spending rate for a family of two was 1.75 rates of a single worker, a family of four 2.42. The largest Siberian mining companies in 1914 employed almost twelve thousand adult men, and 1.7 thousand of them could not ensure their living wage. This amounts to 14.4 % of all recorded miners. Most of these workers worked in coal-mines, 30.7 %, some in the fields with dredges and in the Lena Goldfields Co's (LENZOTO's) mines, 6.6 % and 2.8 % respectively. Half of the workers could only provide for themselves. There was a majority of these miners in the Lena Goldfields Co's (LENZOTO's) mines (63.7 %), about 40 % in the coal-mines and 27.2 % in the mines with dredges. Not many miners could provide for a family of four. There was 9.5 % in the coal-mines, 27 % in the mines with dredges, 3.5 % in the Lena Goldfields Co's (LENZOTO's) mines, and that was only 7.4 % of them all. These numbers basically tally with the number of highly skilled workers at these enterprises who received from 2.5 to 4 rubles per shift. It is significant that on the whole the proportion of workers able to provide for a family of four was less than 3 % in the Lena Goldfields Co's (LENZOTO's) mines, and in engineering works it increased to 11 %. Calculations show a lack of budget of most families of miners in Siberia in the early-industrial period, which coincided with the all-Russian trend.

REFERENCES

1. Kvasha G.I. *Statistiko-sravnitel'nye svedeniya o material'nom polozenii rabochikh na priiskakh "Lenskogo Zolotopromyshlennogo Tovarishchestva"* [Statistical and comparative information on the financial situation of workers in the mines of Lena Gold Partnership]. In: *Doklady pravleniya Lenskogo Zolotopromyshlennogo Tovarishchestva o zabastovke* [Reports of the Board of Lena Gold Partnership about the strike]. St. Petersburg, 1912.
2. Korenev E.N. *Ocherk sanitarno-ekonomicheskogo polozeniya rabochikh na zolotykh priiskakh Vitimsko-Olekminskoy sistemy Yakutskoy oblasti*. Dissertatsiya na stepen' doktora meditsiny [Essay on the sanitary and economic situation of workers in the gold mines of Vitim-Olekma system in Yakut area. Thesis for the degree of Doctor of Medicine]. St. Petersburg, 1903. 256, 4 p.
3. Blek A.L. *Rabochie na Lenskikh zolotykh priiskakh* [Workers at the Lena goldfields]. In: *Arkhiv istorii truda v Rossii* [Archive of labor history in Russia]. Petersburg, 1923. Book 10.
4. Sadovnikov I.F. *Sistematicheskii ukazatel' k karte zolotopromyshlennogo rayona Olekminskogo gornogo okruga* [Systematic index to the map of the gold-mining district of Olekminsk Mining District]. St. Petersburg, 1909.
5. *Rayon zheleznoy dorogi Irkutsk (Tulun) – Badaybo v ekonomicheskoy otnoshenii* [Irkutsk (Tulun) – Badaybo part of the state railroad economically]. Petersburg, 1915.
6. *Polozenie rabocheho rynka i usloviya promyshlennogo truda v Zabaykal'e v 1914–1915 gg.* [The situation of the labor market and the conditions of industrial labor in the Trans-Baikal region in 1914–1915]. Irkutsk, 1916.
7. Vnukovskiy V.M. *Otchet po statistiko-ekonomicheskoy i tekhnicheskoy issledovaniyu zolotopromyshlennosti severnoy chasti Eniseyskogo gornogo okruga* [Report on statistical, economic and technical study of the northern part of the gold mining district of the Yenisei]. St. Petersburg, 1905. Vol. 1, pp. 444; Vol. 2.
8. Zinov'ev V.P. *K ekonomicheskoy polozeniyu gornorabochikh Sibiri (1895–1914 gg.)* [On the economic situation of miners in Siberia (1895–1914)]. In: *Iz istorii Sibiri* [History of Siberia]. Tomsk, 1973. Issue 8, pp. 130–159.
9. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 543. List 1. File 267.
10. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 433. List 1.
11. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 286. List 1. File 35.
12. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. Moscow, 1969. Vol. 23.
13. *Usloviya truda i byta v dorevolutsionnoy Rossii* [Conditions of work and life in pre-revolutionary Russia]. Moscow, 1958.
14. Kruze E.E. *Polozenie rabocheho klassa Rossii v 1900–1914 gg.* [The position of the working class of Russia in 1900–1914]. Leningrad: Nauka Publ., 1976. 300 p.
15. Kir'yanov Yu.I. *Zhiznennyy uroven' rabochikh Rossii* [Workers' living standards in Russia]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 288 p.
16. *Rabochiy klass Rossii 1907 – fevral' 1917 g.* [The working class of Russia in 1907 – February 1917]. Moscow: Nauka Publ., 1982. 464 p.

Received: 16 November 2014

ПОДАТНОЙ СПОР КУПЦА Г.И. ФУКСМАНА С МИНИСТЕРСТВОМ ФИНАНСОВ В 1913 г.: ФОРМАЛЬНЫЕ ДОВОДЫ И ИХ РЕАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА

В 1913 г. между адвокатом П.В. Вологодским, представлявшим интересы томского мукомола Г.И. Фуксмана, и чиновниками Минфина разгорелся спор, связанный с уплатой промыслового налога за 1911–1912 гг. Вологодский доказывал, что вменённая мельнице Фуксмана прибыль чрезвычайно завышена, причём нарушена должностная инструкция. Чиновники, от податного инспектора до товарища министра, последовательно отклоняли претензии адвоката. В конечном счёте отказ по жалобе опирался на формальное основание – отсутствие у плательщиков, не ведущих правильной бухгалтерии, права обжаловать размер вменённой прибыли. На деле же раскладочным присутствием руководило желание наказать мукомола за повышение мучных цен после западносибирского неурожая 1911 г. «Дело Фуксмана» показывает наличие у чиновников поздней Российской империи возможностей отягощать налогообложение предпринимателей исходя из личных предпочтений, ограниченных, однако, заранее известными рамками закона. Статья опирается на документы из фондов казённой палаты и податного инспектора, впервые вводимые в научный оборот.

Ключевые слова: Фуксман Григорий Ильич; Вологодский Пётр Васильевич; раскладочное присутствие; промысловый налог; западносибирский неурожай 1911 г.; российское купечество начала XX в.

Историки многократно обращались к изучению взаимоотношений дореволюционного предпринимательства и государственной власти [1–7]. Хорошо известно, что предприниматели имели возможность через систему отраслевых, региональных и всероссийских советов съездов и других коллегиальных органов доносить до власти свои пожелания, и эти пожелания учитывались. Известно также, что сотрудничество государства и предпринимателей зависело во многом от государственных заказов, составлявших существенную часть внутреннего рынка. Изучение этих сюжетов привлекательно тем, что здесь выходят на арену крупнейшие фирмы и их объединения, которые делают погоду в условиях «государственно-монополистического» капитализма. При таком подходе за кадром остаётся среднее и мелкое предпринимательство – лавки, магазины, крупные мельницы, консервные заводи, небольшие пароходства и другие им подобные. Между тем именно эти предприятия, по стране исчислявшиеся сотнями тысяч, составляли питательную среду для более крупного производства, необходимое условие повседневного существования экономики.

Из классиков к изучению мелкого, но не отсталого и убогого, а современного и успешного предпринимательства первым подошёл К.Н. Тарновский, однако в силу внешних обстоятельств это направление было приторможено, книга Константина Николаевича вышла лишь посмертно [8]. В настоящее время изучение качественного роста мелких и средних предпринимателей продолжается на местном материале; при этом в центре внимания – внутренняя эволюция явления, а не внешние условия [9, 10].

Григорий Ильич Фуксман – сын купца и сам купец, владелец пароходства, винокуренного и конного заводов и заодно первой (и до 1914 г. – единственной в Томске) паровой мельницы. В пятиэтажном здании мельницы действовала современная 200-сильная машина, трудились 80 рабочих. Не чета базарным лавочникам, Г.И. Фуксман мог себе позволить иметь хороших управляющих, оставлявших на его долю лишь общее руководство семейным делом. Григорий Ильич не гнался за новшествами. По традиции

выкупал первогильдейское свидетельство, что после реформы 1898 г. уже не было необходимо крупному предпринимателю. По старинке вёл дело на собственный капитал и под личную ответственность, не пользуясь частой для начала XX в. практикой превращения единоличной фирмы в акционерную компанию. Человек небезызвестный среди предпринимателей и чиновников губернского центра, он не входил в высший круг сибирских воротил-миллионеров и был далёк от элиты российского предпринимательства.

Один из наёмных работников Г.И. Фуксмана – известный в годы первой российской революции деятель сибирских эсеров, сибирский областник, в будущем – знаменитый председатель колчаковского правительства, юрист по образованию и присяжный поверенный по роду службы Пётр Васильевич Вологодский. В бумагах Томской казённой палаты сохранилась копия доверенности Г.И. Фуксмана, посредством которой купец поручает присяжному поверенному «принять на себя труд по ведению во всех судебных и административных учреждениях всех без изъятия гражданских и уголовных дел моих». Полный перечень связанных с этим полномочий превышает два десятка строк и подытоживается так: «Одним словом, по всем делам моим можете действовать от моего имени по Вашему усмотрению, охраняя мои интересы» [11. Л. 117].

Доверенность выполнена на типографском бланке, в котором пропущены отдельные слова и окончания слов (так, чтобы можно было оформить документ и от одного доверителя, и от нескольких), но уже впечатаны фамилия, имя и отчество адвоката. Значит, заключение договоров о юридическом обслуживании было для П.В. Вологодского делом обычным. Г.И. Фуксман не являлся для него единственным источником дохода. Тем не менее дела своего доверителя будущий премьер-министр вёл тщательно, интерес мукомольного предприятия отстаивал настойчиво и создал массу неприятностей для чиновников Минфина.

Непосредственный толчок спору дало решение 2-го Томского раскладочного присутствия. Рассмотрев поданные предпринимателями налоговые декларации, оно 19 июня 1913 г. обнародовало суммы,

подлежащие уплате за 1912 г. Раскладочные присутствия – детище реформы промыслового налога 1885 г., передовая форма устройства податного аппарата. Ставя задачей взимать налог в зависимости от действительной прибыли предприятий и не имея возможности точно узнать прибыль мелких предприятий, государство использовало опыт самих предпринимателей. Выборные от плательщиков промыслового налога, объединившись вместе с податным инспектором в раскладочном присутствии, проверяли все поданные в начале года «заявления» предпринимателей об оборотах и прибылях года минувшего. Определив по своему разумению сумму оборота плательщика, присутствие умножало её на процент «нормальной прибыльности» по данной отрасли (установленный присутствием же и утверждённый казённой палатой); так вычислялся размер облагаемой прибыли. Действовала «презумпция виновности»: если плательщик не мог безусловно доказать свою правоту, ему приходилось платить налог со всего вменённого ему дохода.

Был только один надёжный способ избежать невыгодной предпринимателю ошибки со стороны присутствия: обзавестись грамотным бухгалтером. Правильные бухгалтерские книги были редкостью среди «неотчётных» (неакционерных) предприятий. Не в каждом уезде на сотню плательщиков приходился хотя бы один обладатель передовой отчётности. В начале века не вели книг и Фуксманы, но столкнувшись с требованием податного инспектора, быстро перестроились¹. По всей видимости, на протяжении ряда лет их книги не вызывали нареканий, и прибыль фирмы определялась в соответствии с декларациями. В 1913 г. присутствие приняло заявленный по мельнице оборот (1 160 тыс. руб. за 1912 г.), но прибыль начислило вчетверо против заявленной (не 61 304, а 232 080 руб.). У Фуксмана и его помощников оставался месяц на подачу возражения.

Первый из сохранившихся в деле ответных документов за подписью П.В. Вологодского – его обращение в Томскую казённую палату от 27 июня с просьбой выдать выписку из журналов 2-го Томского раскладочного присутствия «с указанием данных, коими Раскладочное Присутствие руководствовалось при проектировании процента средней прибыльности в 1912 и 1913 гг.² по группе мельничных предприятий» и выписку из журналов общего присутствия казённой палаты, касающихся утверждения этого процента [12. Л. 16]. Очевидно, присяжный поверенный чётко представлял себе механизм работы учреждений, ведающих промысловый налог.

Однако казённая палата прикрылась законом и инструкцией, которые «не возлагают на податные учреждения обязанности открывать отдельным плательщикам те основания, по которым утверждён тот или иной процент средней прибыльности <...> и не дают плательщикам права возражать против установленного размера этих процентов». Чтобы закрыть вопрос наверняка, палата сослалась даже на решения высшего арбитражного органа страны – Сената, прямо подтверждающие невозможность обжалования «нормальной прибыльности» [12. Л. 20 об. – 21].

Ответ палаты был отправлен 16 июля – за три дня до истечения срока подачи жалоб на раскладку. Но Вологодский успел: 19 июля томское раскладочное присутствие зарегистрировало полученное от него 7-страничное официальное возражение, полное цифр и не лишённое риторической отделки. Оно открывается доводами Вологодского против соображений присутствия об изъятиях бухгалтерских книг предприятия. Часть соображений (о том, что не показан состав чистого капитала на начало и конец года) он назвал недоразумением (перечислив необходимые статьи баланса); ещё в одном случае – со ссылкой, в свою очередь, на сенатское решение – доказывал, что указанная неточность «не может служить основанием для опорожнения торговых книг» [12. Л. 136–139].

Не ограничиваясь обороной, Вологодский атаковал противника: приведя точные ссылки, он напомнил, что инструкция о применении Положения о промысловом налоге требует для установления «нормальной прибыльности» обследовать хотя бы несколько предприятий в каждой группе. Между тем мельница Фуксмана в своей группе по данному участку была единственной. Кому, как не Вологодскому, было знать, что на мельницу инспектор не заходил – значит, ни одно предприятие группы не обследовано, инструкция нарушена.

Помимо формальных доводов, Вологодский обращал внимание чиновников и на экономическую обстановку. Пока палата тянула с ответом на его первый запрос, он успел застать справками о хлебных ценах 1911–1912 гг. от Томской товарной биржи (цены на крупчатку и отруби) и биржи в Новониколаевске (цены на пшеницу). Простыми подсчётами на основе этих цифр Вологодский доказывал, что разница между ценой покупки поставленного на мельницу зерна и ценой продажи муки, которую из этого количества зерна можно получить, т.е. валовой доход, едва покрывает сумму чистой прибыли, вменённой присутствием. На этом основании он требовал если не признать книги, то хотя бы в несколько раз уменьшить процент «нормальной прибыльности».

Присутствие уважило обстоятельность Вологодского и подготовило на редкость подробный ответ. К стандартному бланку журнала заседаний по рассмотрению возражений плательщиков на раскладку (где на «мотивированное заключение» присутствия отводилось менее половины страницы) пришлось добавлять четырёхстраничный вкладыш. Повторив старые претензии к несоблюдению обязательных бухгалтерских форм, присутствие выдвинуло и новые. Сокращение чистого капитала в течение года на 260 тыс. руб., указанное в возражении П.В. Вологодского, при заявленной чистой прибыли в 61 тыс. присутствие назвало внутренним противоречием, свидетельствующим о запутанности счетов предприятия. Уточняя былую претензию по расходу, не относящемуся к мельнице, присутствие пояснило, что этот расход был указан лишь в виде примера. На самом же деле таких расходов довольно много, а ещё больше расходов, точное назначение которых не указано. «Таким образом, – указывало присутствие, – отчетность ведется не только по мельнице, но совместно с нею по всему имуще-

ству владельца мельницы Г. Фуксмана и по лавке его отца И. Фуксмана, а это обстоятельство, как неоднократно разъяснял Правит[ельствующий] Сенат, делает книги неприемлемыми для определения по ним прибыли» [12. Л. 147–150].

Решения участкового присутствия по таким делам подлежали утверждению казённой палаты. Решение по делу Вологодского общее присутствие палаты, при участии выборных от плательщиков, утвердило 26 августа 1913 г. Доводы присутствия, очевидно, показались ему бесспорными, и оно повторило их уже от своего имени, лишь в более чётком изложении [Там же. Л. 151–151 об.].

Таким образом, возражение Вологодского постигла обычная судьба возражений на раскладку. Податные присутствия нечасто признавали собственные ошибки, ещё реже палата бралась исправлять действия своих подчинённых. Доверенный Фуксмана не был единственным, чью жалобу отклонили в тот год во 2-м томском присутствии, но только он продолжил борьбу за пределами губернии.

18 июля 1913 г. Вологодский подал в Томскую казённую палату жалобу на имя министра финансов [Там же. Л. 220–221]. Этот документ (копию которого палата сохранила для себя) проявляет политическую расчётливость его автора. Не отвлекая министра бухгалтерскими подробностями, он целиком сосредоточивается на прегрешении его подчинённых против министерской инструкции. «Не подлежит сомнению, что если бы указанное в п. 3 § 78 Инструкции обследование было бы произведено, Присутствие само убедилось бы, на основании неоспоримых документальных данных, имеющихся в счетоводстве предприятия моего доверителя, что действительная прибыль Ильинской мельницы моего доверителя в 1912 и 1913 гг. не превышает 5–6% и ни в коем случае подобное предприятие не может дать чисто фантастического размера прибыльности в 20%». Инспектору достаточно было прийти и взять неоспоримые документы, а он не пришёл и не взял – такова, коротко говоря, главная мысль жалобы.

Для уяснения расчётов жалобщика показательно сопоставление дат документов. Едва получив отказное решение палаты (от 16 июля) по своей просьбе насчёт справки о методах определения нормальной прибыльности, Вологодский первым делом принимается не за возражение на раскладку (с его «горящим» крайним сроком подачи), а за жалобу министру, которую и подаёт 18 июля. По-видимому, из ответа палаты он уже понял, что на уровне губернии шансов на успех нет. Не исключено, что он даже специально отложил подачу возражения на раскладку до самого последнего дня (19 июля), чтобы отсрочить решение палаты по своему возражению. Как ни мал срок в один день, всё-таки это увеличивало шансы на то, что в палату успеет поступить министерский нагоняй, и это заставит нерадивых исполнителей более чутко подойти к интересам Фуксмана.

Инструкция, на которую ссылался дотошный адвокат, действительно была нарушена. Уже в декабре, при подведении итогов раскладочной кампании, палата мягко поставит на вид инспектору, что упреки

Вологодского «действительно не опровергаются в полной мере данными раскладочного производства» [12. Л. 233–234]. Но перед лицом общего противника дух корпоративной солидарности у руководителей министерства оказался сильнее, чем раздражение неисполнительностью местных чиновников. Ответ из столицы, подготовленный на основе справки из Томска, был не в пользу сибирского мукомола. Однако история подготовки этого ответа показательна. Сопоставляя отношение податного инспектора в палату, доклад палаты в министерство и министерский ответ заявителю, мы можем увидеть скрытую до сих пор пружину разгоревшегося в Томске противоборства.

Инспектор, по требованию палаты отвечая на претензию Вологодского [Там же. Л. 222–223], начал излагать историю с 1912 г. Невыполнение в том году злополучного пункта инструкции он объяснил недавним вступлением в должность, в то же время настаивая на своей правоте по существу дела. Инспектор сообщил, что по бухгалтерским книгам, представленным Г.И. Фуксманом в 1912 г., оборот мельницы за 1911 г. составил 776,6 тыс. руб. «По сведениям Членов Присутствия», эта цифра была заниженной; книги (неверно оформленные) признали негодными, Фуксману вменили прибыль в 1 200 тыс. руб. Почти точное совпадение этой цифры с тем, что сам Фуксман заявил в следующем, 1913 г. (1 160 тыс.), инспектор с воодушевлением выставил на вид как подтверждение оценки присутствия. Ко времени раскладки 1913 г. инспектор уже успел запастись сведениями об основных статьях дохода и расхода мельницы Фуксмана, по которым и вывел прибыль в 20%. О способах сбора этих сведений инспектор умалчивал, но подчеркнул, что цифры были одобрены членами присутствия. Последние ещё и добавили, что «на рынке крупчатка г. Фуксмана (и Горохова) на 25 коп. за куль дороже крупчатки других мукомолов», – значит, при расчёте дохода Фуксмана надо учитывать не среднюю рыночную цену муки, а повышенную.

Забегая вперёд, стоит сказать здесь, что на уровне губернии (в общем присутствии казённой палаты) представители плательщиков выявили ещё одно враждебное Фуксману обстоятельство, не замеченное инспектором. Лавка для продажи муки Ильинской мельницы на базаре, впервые оформленная на имя Г.И. Фуксмана, была ошибочно отнесена инспектором к числу «первогодных» (и потому не включена в раскладку дополнительного промыслового налога). На деле она лишь перешла от отца к сыну и по закону подлежала обложению на общих основаниях [12. Л. 233–234]. Очевидно, чувство солидарности плательщиков в деле Фуксмана оказалось слабее чувства конкуренции.

Итак, если отбросить риторику, доводы инспектора сводятся к поддержке определённых им цифр представителями плательщиков. То ли не утруждая себя переписыванием подробностей, то ли не придавая им первостепенного значения, палата переслала подлинник инспекторского ответа в столичный департамент, от себя же добавила дополнительные обстоятельства.

Пространными цитатами из журналов 2-го и 3-го Томских раскладочных присутствий палата показала, что в 1912 г. они повысили процент «нормальной прибыльности» мукомолов с 10–15 до 20 по одной и той же причине – «ввиду того, что, заготовив на 1911 г. зерно по дешёвой покупной цене, эти предприятия со второй половины 1911 г. продавали муку по сильно поднявшейся цене (под влиянием неурожая)». Сибирский неурожай 1911 г. поставил Западную Сибирь слишком близко к катастрофе, чрезвычайные действия государства и общества по предотвращению голода отняли слишком много сил и денег, чтобы современники могли простить кому-либо наживу на этой беде (действительную или кажущуюся).

Попутно здесь отметим разницу в изображении раскладки 1912 г. противоборствующими сторонами. Вологодский, излагая свои обиды министру, так описывал события: «Раскладочное Присутствие в 1912 и 1913 гг., забрав торговые книги моего доверителя по сомнительным основаниям, установило в 1912 г. оборот его мельницы в 1 200 000 руб., а прибыль в 360 000 руб., уменьшенную впоследствии Казённой палатой до 240 000 вместо значащихся³ по книгам сумм в 776 621 руб. и 51 626 руб., а в 1913 г. приняло оборот по книгам в 1 160 400 руб., а прибыль определила из означенного процента в 232.080 руб. вместо значащейся по книгам в 61 314 руб.» [12. Л. 220 об. – 221]. В изображении Вологодского противостояние 1912 г. было настолько острым, что казённой палате пришлось урезонивать присутствие, пытавшееся назначить мукомолам «нормальную прибыльность» вовсе небывалую – 30%.

Со своей стороны и инспектор, и палата излагают дело проще: инспектор (на основе приводимого им расчёта) предложил 20%, раскладочное присутствие эту цифру утвердило, палата одобрила. Едва ли и инспектору, и палате имело смысл скрывать спор (причём скрывать не умолчанием, а прямым обманом, который легче раскрыть), если бы он имел место. По всей видимости, утверждение Вологодского о попытке вменить Ильинской мельнице 30-процентную прибыльность было отголоском предварительных обсуждений или слухов (в условиях секретности журналов присутствия). Но и в этом случае ясно, что основной накал противостояния пришёлся на первую половину 1912 г., когда тяжкие впечатления от неурожая ещё не стали историей.

Составленный казённой палатой документ лёг в основу министерского ответа от 17 октября 1913 г., который подписали товарищ министра Н.Н. Покровский и директор Департамента окладных сборов А.А. Вишняков [Там же. Л. 227–227 об.]. Оставив в стороне столь ценную для Вологодского инструкцию, автор документа напомнил, что постановления казённой палаты по вопросу о средних процентах прибыльности групп предприятий не подлежат обжалованию со стороны плательщиков. Но ключевой довод сотрудники Минфина заимствовали у Томской казённой палаты. Министерская формулировка ставит действия мукомолов в условиях неурожая в прямую связь с отказным решением: «Я не нахожу в действиях податных учреждений указываемых просителем неправильностей, так как

повышение процентов средней прибыльности <...> по паровым крупчатно-мельничным предприятиям, расположенным в г. Томске и близких его окрестностях и сосредоточенным в руках крупных капиталистов, последовало <...> ввиду того, что эти предприятия со второй половины 1911 года продавали муку по сильно поднявшейся цене (под влиянием неурожая)» [12. Л. 227–227 об.].

Итак, чиновники и «коллеги» позавидовали мукомолам из-за роста цен на муку после западносибирского неурожая 1911 г. Однако логика чиновников содержит существенный изъян. Если сверхприбыль 1911 г. была следствием использования мукомолами дешёвых докризисных запасов зерна, то почему в 1912 г. условия их работы были признаны «неизменившимися» и «нормальная прибыльность» сохранена на уровне 20%? Инспектор, говоря о прибыли 1912 г., подтверждает её расчётом, в котором сопоставляются цена зерна, производственные расходы мельницы, выход муки из зерна, цена муки, объём производства Фуксмана. Даже если все цифры инспектора верны (хотя они ничем не доказаны), всё-таки речь идёт о регулярной прибыли мельницы. В 1912 г. мельница явно не могла пользоваться ещё докризисным зерном (урожая 1909 г.), и значит, прибыль 1912 г. – это прибыль от продажи дорогой муки, полученной из дорогого зерна. Если действительно регулярная прибыль мельничного дела составляла 20%, то сверхприбыль 1911 г. должна была составлять существенно большую величину. Утверждения о сверхприбыли 1911 г. и о «неизменившихся условиях» 1912 г. взаимно противоречивы. Очевидно, этот явный логический изъян маскирует наличие других соображений.

Именно в этом смысле следует рассматривать обзорку про «крупных капиталистов», из доклада казённой палаты перекочевавшую в министерский ответ. Ясно, что это намёк на монополизацию рынка и злонамеренное завышение цен для собственной наживы в ущерб народному интересу. В докладе казённой палаты этот намёк расшифровывался прямо: «Диктуя цены самовольно, мельники не теряют ничего в случае вздорожания продуктов. Так, были даже случаи повышения продажных цен до 50%» [Там же. Л. 224 об.].

Наконец, обратим внимание на то, как постепенно выходил на первый план довод о завышенных ценах 1911 г. Цитаты из журналов раскладочных присутствий ясно показывают, что довод этот идёт снизу, от первой инстанции. Тем не менее в том ответе, который председатель раскладочного присутствия отправляет палате, о неурожаях не упоминается вообще. Казённая палата выводит этот довод из тени – но только во внутренней переписке; обращение же Вологодского по поводу неправильного установления прибыльности отвергается по формальным основаниям (отсутствие у плательщика права обсуждать этот вопрос). И только министерство, которое ведь тоже имело возможность ограничиться тем же самым формальным ответом, главным доводом выставило поведение мукомолов во время кризиса. Почему же местные чиновники при общении с плательщиком маскировали этот козырь? Ясно, что они понимали его юридическую несостоятельность: нельзя повышать налог лишь потому, что

деньги заработаны «нечестно». Затаив досаду на предпринимателя, они искали формальных оснований, чтобы насолить ему, и нашли. Столичные чиновники оказались более смелыми и не постеснялись дать понять плательщику, что корень его бед лежит за пределами фискальных инструкций. При этом они прошли по краю допустимого: повышение цен в неурожайную годину выставлялось как свидетельство повышенного дохода; моральная же неприемлемость этого действия (которая и составляла действительную причину) показывалась лишь намёком.

История безуспешной борьбы Фуксмана в 1913 г. за снижение податного бремени показывает нам особенности правоприменительной практики в России, непосредственно касающиеся взаимоотношений государства и предпринимателей. Налоговое законодательство допускало определённый произвол чиновников при определении прибыли неотчётных предприятий, и чиновники этим правом воспользовались, чтобы взять побольше с купца, который, в их представлении, использовал предосудительный способ зарабатывания денег. Правда, в итоге высшее начальство всё-таки потребовало от податного инспектора более

тщательного соблюдения инструкции о методах установления налогооблагаемой базы. Таким образом, возможность субъективного действия ограничивалась заранее оговорёнными правилами игры. Картина усложняется тем, что чиновников деятельно поддерживали представители плательщиков и на уровне уезда, и на уровне губернии. Таким образом, государство, проявляя в данном случае «узаконенный произвол», действовало в согласии с общественным мнением. При этом возможность такого произвола в отношении предприятий с правильной бухгалтерией была как минимум существенно ограничена.

Перед нами – случай «наполовину полного или наполовину пустого стакана»: факты позволяют подкрепить и тезис о всевластии государства, и положение о юридической защищённости предпринимателей. В таких случаях итоговый вывод зависит от того, с чем сравнивать. Сравнивая положение предпринимателей на закате Российской империи и с дореформенными, и с послереволюционными временами, мы понимаем, что это – время небывалого развития предпринимательских возможностей отстаивать собственные права перед лицом даже высших чиновников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 1901 г. представитель фирмы простодушно пояснил инспектору, что книги за весь минувший год составлены специально для подачи в присутствие, причём незадолго до этого события, т.е., с точки зрения правильной бухгалтерии, подделаны. Это стало достаточным основанием для их отклонения. См.: [13. Л. 56–56 об.].

² Имеется в виду деятельность присутствия в 1912 и 1913 гг. по определению прибыли, соответственно, за 1911 и 1912 гг.

³ В документе – «значущейся».

ЛИТЕРАТУРА

1. Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л.: Наука, 1988.
2. Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны 1914–1917 гг. Л.: Наука, 1967.
3. Лаврычев В.Я. Государство и монополии в дореволюционной России. Проблемы вмешательства абсолютистского государства в экономическую жизнь и воздействия капиталистических монополий на государственный аппарат. М.: Мысль, 1982.
4. Лаврычев В.Я. Крупная буржуазия в пореформенной России 1861–1900 гг. М.: Мысль, 1974.
5. Мосина И.Г. Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. Томск, 1978.
6. Шепелёв Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Л.: Наука, 1987.
7. Шепелёв Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. Проблемы торгово-промышленной политики Л.: Наука, 1981.
8. Тарновский К.Н. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1995.
9. Киселёв А.Г. Фирма на рынках Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. Ханты-Мансийск, 2008.
10. Сорокина Н.Л. Торговые дома Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2013.
11. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 548.
12. ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 549.
13. ГАТО. Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 56.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 декабря 2014 г.

TAX CONTROVERSY BETWEEN MERCHANT GRIGORIY FUKSMAN AND THE TREASURY IN 1913: FORMAL ARGUMENTS AND TRUE REASONS

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 127–132. DOI 10.17223/15617793/391/21

Kirillov Alexey K. Institute of History, SB RAS, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: alkir.nsk@gmail.com

Keywords: Fuksman Grigoriy Ilyich; Vologodsky Pyotr Vasilyevich; *raskladochnoye prisutstviye* (apportionment office); *promyslovy nalog* (entrepreneurial tax); West Siberian crop failure of 1911; Russian merchants at the beginning of the 20th century.

In 1913, a controversy raised between lawyer Pyotr V. Vologodsky, as a representative of Tomsk steam mill owner Grigoriy I. Fuksman, and officials of the Treasury. The controversy concerned the amount of the *promyslovy nalog* (entrepreneurial tax) charged upon the mill for its operations during 1911 and 1912. The position of Vologodsky is expressed in two documents. One of them caused but little trouble to the officials. As stated by law, the representative of Fuksman brought an objection to the *raskladochnoye prisutstviye* (apportionment office). First of all, he tried to prove in his objection that the book-keeping of the enterprise fit the standard and had to be considered the only true source of the mill's profit figure. This was rejected by the *raskladochnoye prisutstviye* and *kazyonnaya palata* (regional Treasury office). Besides, the lawyer provided figures of market prices for crop and flour during 1911 and 1912 in order to prove that the profit rate imputed to Fuksman was much overestimated. This claim was even easier to reject: taxpayers were not allowed to discuss the "normal profit" rates confirmed by *kazyonnaya palata* for each industry. On the eve of

bringing the objection to the *raskladochnoye prisutstviye* Vologodsky sent a complaint to the finance minister. Laying book-keeping details aside, he stressed the breach of the official instruction by the tax inspector when working out "normal profit" figures for mills. Upon receiving this document the ministry requested explanation from the local executives, so we have three different responses to compare. The tax inspector tried to support the validity of his figures by the opinion of the taxpayers' representatives at the *raskladochnoye prisutstviye*. The *kazyonnaya palata* in its reply added a new substantial fact: it explained that the "normal profit" rates at Tomsk district were increased after the West-Siberian crop failure of 1911, when the mills increased prices for their products rapidly. The "normal profit" rates increase was introduced by the *raskladochnoye prisutstviye*, that is by the tax inspector, but he never mentioned this in his explication. Nor had the *kazyonnaya palata* revealed this reason to Vologodsky itself. It was only the deputy minister Nikolay N. Pokrovsky who appeared decisive enough to show to the taxpayer the true background of his tax problems. The case of Fuksman proves that officials of the late Russian Empire did have means to impose heavier tax on entrepreneurs according to their personal preferences, but these means were restricted by certain legal regulation. Thus, the article is a contribution to the issue of entrepreneurs' rights in the late imperial Russia. Besides, it provides some features to the personal portrait of Pyotr V. Vologodsky, a prominent actor of the Russian Civil War as the Prime-Minister under Alexander V. Kolchak (1918–1919). The article is based on the documents from the archival funds of the *Kazennaya palata* and the tax inspector.

REFERENCES

1. Dyakin V.S. *Burzhuziya, dvoryanstvo i tsarizm v 1911–1914 gg. Razlozhenie tret'eiyun'skoy sistemy* [The bourgeoisie, the nobility and the tsarist government of 1911–1914. June-the-third system decomposition]. Leningrad: Nauka Publ., 1988. 229 p.
2. Dyakin V.S. *Russkaya burzhuziya i tsarizm v gody Pervoy mirovoy voyny 1914–1917 gg.* [Russian bourgeoisie and the tsarist government during the First World War of 1914–1917]. Leningrad: Nauka Publ., 1967. 374 p.
3. Laverychev V.Ya. *Gosudarstvo i monopolii v dorevolutsionnoy Rossii. Problemy vmeshatel'stva absolyutistskogo gosudarstva v ekonomicheskuyu zhizn' i vozdeystviya kapitalisticheskikh monopoliy na gosudarstvennyy apparat* [State and monopolies in pre-revolutionary Russia. Problems of absolutist state intervention in economic life and the impact of capitalist monopolies on the state apparatus]. Moscow: Mysl' Publ., 1982. 198 p.
4. Laverychev V.Ya. *Krupnaya burzhuziya v poreformennoy Rossii 1861–1900 gg.* [The big bourgeoisie in the post-reform Russia in 1861–1900]. Moscow: Mysl' Publ., 1974. 281 p.
5. Mosina I.G. *Formirovanie burzhuzii v politicheskuyu silu v Sibiri* [Formation of the bourgeoisie into a political force in Siberia]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1978. 169 p.
6. Shepelev L.E. *Tsarizm i burzhuziya v 1904–1914 gg.* [Tsarism and the bourgeoisie in the 1904–1914]. Leningrad: Nauka Publ., 1987. 272 p.
7. Shepelev L.E. *Tsarizm i burzhuziya vo vtoroy polovine XIX v. Problemy torgovo-promyshlennoy politiki* [Tsarism and the bourgeoisie in the second half of the 19th century. Problems of trade and industrial policy]. Leningrad: Nauka Publ., 1981. 276 p.
8. Tarnovskiy K.N. *Melkaya promyshlennost' Rossii v kontse XIX – nachale XX v.* [Small industry of Russia in the late 19th – early 20th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1995. 269 p.
9. Kiselev A.G. *Firma na rynkakh Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX v.* [Firm in Western Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. Khanty-Mansiysk: Ugra State University Publ., 2008. 243 p.
10. Sorokina N.L. *Torgovye doma Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX v.*: dis. kand. ist. nauk [19th – early 20th centuries. History Cand. Diss.]. Barnaul, 2013.
11. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund F-196. List 3. File 548.
12. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund F-196. List 3. File 549.
13. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund F-200. List 1. File 56.

Received: 18 December 2014

ГЕОИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ И ТЕХНОЛОГИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ

Еще до появления геоинформационных систем историки работали с пространственной информацией, используя в исследованиях традиционные бумажные карты. Появление и распространение ГИС изменило стиль научных исследований, так или иначе связанных с географическими данными. В нашей стране обращение к ГИС тесно связано с развитием теории и практики исторической информатики. На сегодняшний день уже можно говорить об оформлении базовых центров, специализирующихся на создании исторических ГИС, а также складывании основных направлений применения ГИС-технологий.

Ключевые слова: ГИС-технологии; отечественные исторические исследования; тематическая карта; междисциплинарные исследования.

Идеи исторического компьютерного картографирования получают развитие в начале 1990-х гг., после проведения в мае 1994 г. в Европейском университете (Флоренция, Италия) рабочего семинара Международной ассоциации «History and Computing», который имел достаточно выразительное название «Координаты для исторических карт». С этого времени началось осмысление теоретических, а затем и прикладных аспектов компьютерного картографирования в отечественной исторической науке. Таким образом, обращение отечественных исследователей к геоинформационным системам (ГИС) в определенной степени связано с развитием аналогичных технологий на западе, с приобщением к зарубежному опыту в области исторических ГИС.

Первыми отечественными исследователями, обратившимися к историческим ГИС, стали В.Н. Владимир [1. С. 20–24] и Н.В. Пиотух [2. С. 306–327]. В их первых работах переосмыслиются опыт применения картографического метода в исторических исследованиях, а также возможности применения компьютерных технологий и перспектив в сфере исторических исследований [3. С. 297–305]. Впоследствии В.Н. Владимир обобщил теоретический и практический опыт создания исторических ГИС в рамках своей докторской диссертации и многочисленных работах, среди которых выделяется монография, посвященная исторической геоинформатике [4].

Сегодня можно говорить о складывании системы основных российских научных центров, специализирующихся на работе с геоинформационными технологиями, и создании исторических ГИС (Москва, Тамбов, Петрозаводск, Барнаул, Екатеринбург, Томск). При этом на базе каждого центра за годы работы сложились преимущественные направления создания исторических ГИС по конкретной проблематике.

Первые отечественные исторические ГИС-проекты стали разрабатываться в середине 1990-х гг. Московская исследовательница Н.В. Пиотух на примере Новоржевского уезда разработала методику локализации сельских поселений [5. С. 121–122]. Рассматривая региональные особенности систем сельского расселения при воздействии природно-географического фактора, она основывается на материалах Генерального межевания. В качестве дополнительных материалов для локализации использованы как карто-

графические (коллекции планов и атласов уезда), так и некартографические, но содержащие отсылку к пространственному размещению (списки населенных пунктов XVII и XVIII вв.) [6. С. 306–327].

ГИС состоит из карты-основы с нанесенными на нее населенными пунктами XVIII в. с указанием информации о существовании или отсутствии их в XVII в., а также базы данных, содержащей сведения о населенных пунктах, их категориях, населении, сельскохозяйственных угодьях. В этом исследовании ГИС используется как база для пространственного анализа, позволяющая дать хозяйственную характеристику с учетом пространственного фактора. Н.В. Пиотух отмечает, что в размещении населенных пунктов и степени заселенности территории на протяжении XVII–VIII вв. сохранялись аналогичные тенденции [7. С. 190–213].

Созданная ГИС стала положительным примером для реализации крупного исследовательского проекта по созданию атласа Деревской Пятины. В основу электронного историко-географического атласа была положена методика локализации селений на электронной карте, разработанная Н.В. Пиотух [8. С. 205]. Работа над проектом длилась около шести лет под руководством А.А. Фролова. Атлас дает представление о распределении поселений, населения и хозяйственных угодий на рассматриваемой территории. Используя геоинформационные технологии, исследователи актуализируют информацию, связанную с хозяйственно-демографическими характеристиками, а также вводят в научный оборот ценные и редкие источники (например, новгородские писцовые книги) [9. С. 89–91]. Исследование является первым для России опытом локализации столь ранних сельских поселений крупного региона с использованием достижений информационных технологий и детальной проработкой основного корпуса картографических и письменных источников XV–XVIII вв. Уникальность атласа, как отмечают ученые, состоит в том, что он вообрал в себя серию карт по огромной территории за ранний период российской истории (XV в.) на микроуровне – уровне сельских поселений. Авторы говорят о перспективе развития проекта за счет возможности интеграции в уже созданную ГИС документов писцового делопроизводства, а значит, расширения спектра проблем, которые охватит пространственный анализ [8. С. 198–233].

С середины 1990-х гг. историки Алтайского государственного университета начинают активно внедрять в свои исследования геоинформационные технологии. В круг интересов барнаульских исследователей вошла территория собственно Алтайского края и ряда соседних административных образований, некогда входивших в состав Алтайского округа. Один из первых проектов был связан с изучением миграций на территорию Алтайского округа. И.Г. Силиной подробно рассмотрены эти процессы в рамках своей кандидатской диссертации [10].

Коллектив исследователей под руководством В.Н. Владимирова обратился к проблеме движения населения на территорию Алтая, охватив длительный период – с 1865 г. до начала XX в. Для картографирования миграций алтайские историки провели сложную работу по наложению и совмещению карт, используемых в качестве основы. В связи с изменениями административной принадлежности населенных пунктов и границ волостей в ГИС для каждого периода времени созданы отдельные слои с характерным набором зафиксированных территориальных единиц [11. С. 89–90].

В зависимости от степени интенсивности заселения территории алтайские исследователи выделяют периоды активных миграций. Пространственно-географический анализ позволяет проследить сам процесс миграций и отразить на картах предпочтительные территории размещения переселенцев, опираясь на демографические показатели, а также социально-профессиональный состав переселенцев [12].

Тема миграций тесно переплетается с изучением истории образования населенных пунктов. Населенные пункты – это географические объекты, обладающие пространственными и временными характеристиками. Распределение населенных пунктов во времени и пространстве позволяет проследить пространственные аспекты и закономерности процесса заселения региона, а иногда и определить современную специфику населенных пунктов [13. С. 129–131]. Исследователи обращаются также к такому аспекту, как «выживаемость» населенных пунктов, исходя из доли существующих в общем числе на территории каждого административного района. Созданные в процессе исследования тематические карты позволили увидеть то, что без визуализации обнаружить крайне сложно, и еще раз подчеркнуть важность начального этапа колонизации территории Алтая исходя из того, что большинство населенных пунктов существует более 200 лет, а созданные стихийно в начале XX в. столь же быстро исчезали [14. С. 36].

Работа над созданием базы данных «Населенные пункты Алтайского края» велась усилиями исследователей Алтайского государственного университета с середины 90-х гг. В итоговом варианте она включает в себя сведения о 8 400 существующих на сегодняшний день и исчезнувших населенных пунктах с современной географической привязкой. Исследователи выполнили поставленную перед собой задачу по проведению пространственного анализа полученного материала, выявив основные закономерности образования населенных пунктов Алтайского края на про-

тяжении длительного исторического периода [15. С. 25–44].

Колонизация новых территорий связана не только с созданием населенных пунктов, но и с их исчезновением, внутренним перемещением населения по территории. В связи с частыми изменениями границ в основу изучения было положено современное административное деление. По этой же причине была создана серия географических слоев для территории округа с зафиксированным составом территориальных единиц в конкретный период времени [15. С. 27–28]. Основной характеристикой, отражающейся на карте, стало число населенных пунктов, образовавшихся в границах каждого административного района. Таким образом, анализ статистических данных, положенных на географическую основу, позволил представить объективную картину распределения переселенцев.

Результатом изучения истории населенных пунктов стали тематические карты, анализ которых позволил обозначить основные тенденции размещения переселенцев и создания населенных пунктов, а в сочетании с анализом движения населения выявить типы регионов, имеющих потенциал для приема новых переселенцев. Тематические карты, созданные по отдельным хронологическим периодам, отражают процесс заселения, этапы и уровни освоения территории, концентрацию населенных пунктов в разные годы, типологизацию районов в связи с особенностями и временем заселения, демографическое и социально-экономическое развитие населенных пунктов [16. С. 76–85].

Продолжением этих многолетних исследований стала работа Д.В. Колдакова по созданию базы данных по спискам населенных мест Сибирского края за 1926 г. Совместив вновь созданную базу данных с уже существующей ГИС «Населенные пункты Алтайского края», ему удалось охватить новые аспекты развития поселенческой сети Алтайского края: численность населения, национальный состав, отразить хозяйственную деятельность и др. [17. С. 37–46]. Визуализация пространственного размещения населенных пунктов наглядно свидетельствует о том, что в течение короткого времени сотни населенных пунктов прекращали свое существование [18. С. 11–14]. Изучая миграции и образование населенных пунктов, исследователи выявляют основные закономерности образования поселений. Благодаря применению ГИС-технологий им удастся обратить внимание на пространственные аспекты заселения территории [19. С. 310–320].

Пространственный анализ для сопоставления идентичных показателей требует четких границ. Иногда, не имея возможности сравнивать информацию в силу того, что она не совпадает с административным делением, исследователи вынуждены ограничивать хронологические рамки изучения. Не случайно одно из востребованных и ранних направлений работы с историческими ГИС в западноевропейских странах связано с реконструкцией административно-территориального деления [20. С. 12–17]. В нашей стране проблема границ решается по ходу самого исследова-

ния с опорой на имеющиеся данные. И лишь недавно стали появляться работы, посвященные непосредственно реконструкции границ. Одному из аспектов территориального деления – реконструкции приходов как одного из уровней территориального деления Алтайского округа – посвящена ГИС, созданная коллективом исследователей Алтайского государственного университета под руководством В.Н. Владимирова [21]. Исследование является примером того, как с помощью ГИС могут вводиться в оборот и успешно анализироваться новые источники по истории народонаселения, а именно клировые ведомости, ранее довольно редко использовавшиеся в историко-демографических исследованиях. Кроме того, на базе ГИС был проведен пространственный анализ, который позволил выявить особенности и закономерности развития территорий приходов Барнаульского Духовного правления, изменения, произошедшие на уровне отдельных приходов [22. С. 91–92].

Продолжением работы по реконструкции приходов стал проект по изучению административно-территориального деления Алтайского округа, предполагающий рассмотрение различных уровней территориального и административного районирования путем объединения ГИС по церковному и светскому территориальному делению. ГИС «Административно-территориальное деление Алтайского округа» включает сведения о границах уездов и волостей, населенных пунктах и дорожной сети [23. С. 40–42]. Для устранения проблемы недостатка карт и восполнения недостающей информации при создании ГИС использовались источники, косвенно указывающие на географическое положение населенных пунктов, например приговоры сельских старост и оттиски печатей на них, содержащие информацию о населенных пунктах, их волостной принадлежности. Эти сведения являются дополнительным, а иногда единственным источником информации для локализации отдельных населенных пунктов [24].

Екатеринбургские исследователи (Л.Н. Мазур, С.И. Цеменкова) долгое время работают в направлении пространственно-географического анализа. Результат их многолетней работы представлен в виде ГИС «Населенные пункты Свердловской области». На этапе подготовки ГИС под руководством Л.Н. Мазур была создана информационно-справочная система «Города и села Среднего Урала», которая позволяет получать аналитическую информацию в виде краткой или развернутой (в зависимости от запроса) справки о населенных пунктах [25. С. 263–265]. Географическая основа была получена путем комбинации современной карты и исторических данных: на современную карту Свердловской области были перенесены данные о локализации и названиях населенных пунктов по сведениям на 1909 г. Завершающим этапом стало картографирование исторических данных. Полученная ГИС позволяет воссоздать историю освоения и заселения территории Среднего Урала, изучать этнические и религиозные процессы в XVII–XX вв. [26].

Крупнейший отечественный ГИС-центр расположен на базе Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ). Одним из первых междисципли-

нарных проектов петрозаводских ученых стал проект по созданию ГИС «Электронный каталог населенных мест Карелии XV–XX вв.», выполненный при поддержке гранта РГНФ под руководством А.Ю. Жукова [27. С. 460–464]. Проект предусматривает создание поселенческой структуры территории северо-западной части Европейской России на базе статистических и картографических источников. Электронный каталог, положенный в основу одноименной ГИС, позволяет проследить изменения в пространственно-временном контексте, выявить связь между объектами каталога. Связав объекты электронного каталога с атрибутивной информацией, полученной из различных источников, можно получить сведения об объекте, находящемся в базе данных. В случае затруднения локализации населенных пунктов по причине отсутствия их на картах или информации об их расположении в других источниках исследователи обращались к специально созданной вспомогательной ГИС «Топонимия Карелии», также разработанной на базе ПетрГУ [28. С. 155–161].

Созданные петрозаводскими исследователями ГИС стали базой для проведения историко-культурных исследований [29. С. 72–79]. ГИС-технологии позволили сопоставить результаты исследований самых разных направлений, совмещая их на электронной или на итоговой тематической картах. На базе этих проектов уже было реализовано множество других, в том числе по изучению деревянного зодчества, архитектурного облика Карелии [30]. Таким образом, создание ГИС открывает широкие возможности специалистам по изучению не только истории, но и демографии, культурного наследия, языкознания. Объединение усилий всех этих специалистов позволит создать масштабную ГИС.

Городская история в отечественных исследованиях с использованием ГИС представлена преимущественно сквозь призму изучения городской застройки, инфраструктурного развития и архитектурного облика. Это прослеживается в ряде проектов, реализованных в Тамбове, Томске, Нижнем Новгороде. Томский междисциплинарный проект реализуется с 1980-х гг. За это время было накоплено огромное количество картографического и фактического материала по городской застройке. Структура ГИС многослойна: на основе исторического районирования исследователи выделили 10 районов первоначальной застройки. Каждый исторический объект, изображенный на карте, содержит основные характеристики, авторство, принадлежность, фотографию, а также сопровождается текстовой информацией, позволяя выводить лишь необходимую информацию об объектах [31. С. 255–257].

С середины 2000-х гг. тамбовские историки ведут работу по разработке методики реконструкции городской социокультурной инфраструктуры средствами ГИС [32. С. 86–87]. Исследователи Тамбовского государственного университета Р.Б. Кончаков и Е.В. Баранова проделали масштабную работу по сбору целого комплекса карт Тамбова XVIII–XX вв. и некартографических источников, которые были объединены в рамках двух геоинформационных систем: «Тамбов 1914» и «Тамбов 1781», отражающих социальную застройку

XVIII–XX вв. Основной акцент исследователи сделали на развитии сети религиозных и учебных заведений, рассмотрев взаимосвязи социального и пространственного факторов при динамике развития сети социально-культурных учреждений городского центра Тамбова. Пространственный анализ позволил отметить, что отдельные элементы инфраструктуры представлены во взаимосвязи друг с другом. В результате сопоставления двух созданных ГИС выяснилось, что 80% объектов начала XX в. находились в границах городской черты 1781 г., что дает возможность полагать, что основание города было заложено еще в XVIII в. [33].

Созданные по результатам пространственного анализа тематические карты способствуют выявлению временных закономерностей развития социально-культурных сетей. Городская социально-культурная инфраструктура является сложным объектом для изучения, рассмотрение особенностей которого невозможно без учета пространственных характеристик. С помощью ГИС городская инфраструктура представляется как объединение сетей взаимодействующих объектов. К теме реконструкции застройки обращается и нижегородская исследовательница А.А. Акашева. На материале Нижнего Новгорода она показывает возможности среды ГИС для изучения городского пространства. В основе ее исследования лежит база данных «Социокультурная топография города конца XIX в.», объектами которой стали дома и расположенные в них учреждения и заведения, разделенные по функциям и типам [34. С. 49].

Не обходят отечественные исследователи и проблему целесообразности применения ГИС и геоинформационных технологий. Так, тамбовские исследователи В.В. Канищев и Р.Б. Кончаков отмечают, что создание ГИС сразу для нескольких аспектов разви-

тия (на примере анализа рождения и смертности) скажется на результатах, позволяя установить взаимосвязь между этими процессами. Но, как подчеркивают сами историки, вопросы целесообразности создания ГИС приходится решать для каждого исследования отдельно в процессе работы, методом проб и ошибок [35. С. 28–31].

Несмотря на недостаточное пока применение ГИС в исторических исследованиях, все более широкий круг специалистов успешно работает над их созданием и анализом, даже оценив все недостатки и сложности работы с ними. ГИС представляет исследовательский арсенал широких возможностей для решения самых разных исследовательских задач, открывая новые возможности и перспективы. Успех применения ГИС зависит от выбранной темы, правильно поставленной исследовательской задачи, степени целесообразности их применения в каждом конкретном исследовании. При этом, создавая ГИС, следует учитывать возможности ее последующего расширения и дополнения.

Отечественный опыт показывает, что исторические ГИС создаются историками, которым чаще всего приходится не только с нуля постигать программное обеспечение ГИС, но и учитывать многие нюансы подготовки карт с точки зрения географической науки. При этом в последние годы наметились качественные сдвиги в практике применения ГИС, в частности за счет значительно более широкого привлечения специалистов в этой области. Расширяются круг вопросов и тематика публикаций и докладов на конференциях, улучшается качество создаваемых ГИС, более разнообразными стали и источники, положенные в их основу. Думается, что ГИС-технологии не только не сдают свои позиции, а напротив, все больше закрепляются в исторической науке как полноценная технология исторического исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Владимиров В.Н.* Проблемы и перспективы исторического компьютерного картографирования : международный семинар АНС // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 1995. № 13.
2. *Пиотух Н.В.* О возможностях компьютерного картографирования при работе с данными писцовых книг начала XVII и материалами Генерального межевания второй половины XVIII в. // Круг идей: модели и технологии исторической информатики. М., 1996.
3. *Владимиров В.Н.* История, карта, компьютер... (о возможностях исторического компьютерного картографирования) // Круг идей: развитие исторической информатики : труды II конф. АИК / ред. Л.И. Бородин, В.С. Тяжельникова. М., 1995.
4. *Владимиров В.Н.* Историческая геоинформатика: геоинформационные системы в исторических исследованиях. Барнаул, 2005.
5. *Пиотух Н.В.* Запад–Восток: Системы сельского расселения в России второй половины XVIII в. (применение ГИС для сравнительного пространственно-статистического анализа) // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2004. № 32.
6. *Пиотух Н.В.* О возможностях компьютерного картографирования при работе с данными писцовых книг начала XVII в. и материалами Генерального межевания второй половины XVIII в. // Круг идей: модели и технологии исторической информатики. М., 1996.
7. *Пиотух Н.В.* Хозяйственная деятельность крестьянства XVII–XVIII веков с точки зрения пространственного статистического анализа // Источник. Метод. Компьютер. Барнаул, 1996.
8. *Пиотух Н.В., Фролов А.А.* Электронный историко-географический атлас Деревской пятины // Круг идей: электронные ресурсы исторической информатики : труды VIII конф. Ассоциации «История и компьютер» / ред. Л.И. Бородин, В.Н. Владимиров. М., 2003.
9. *Баранов К.В., Кобозев Ю.А., Петров М.И., Пиотух Н.В., Фролов А.А.* Историко-географический атлас Деревской Пятины // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2002. № 30.
10. *Силина И.Г.* Внешние миграции в Алтайский округ в 1865–1905 гг.: источники и методы исследования : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул : Алт. гос. ун-т, 2002.
11. *Владимиров В.Н., Силина И.Г.* Геоинформационные технологии в изучении внутренних миграций // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2006. № 34.
12. *Владимиров В.Н., Колдаков Д.В., Силина И.Г., Токарев В.В.* Пространственные аспекты истории Алтая: значение компьютерного картографирования // Круг идей: традиции и тенденции исторической информатики : труды IV конф. Ассоциации «История и компьютер» / под ред. Л.И. Бородин, И.Ф. Юшина. М., 1997.
13. *Владимиров В.Н., Силина И.Г.* Историко-пространственные аспекты анализа переселенческого движения на территорию Алтайского округа в конце XIX – начале XX в. // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 1998. № 23.
14. *Владимиров В.Н., Силина И.Г., Храмов А.А.* О возможностях исследования истории заселения территории Алтайского округа методами пространственного анализа // Компьютер и экономическая история. Барнаул, 1997.

15. Владимиров В.Н., Колдаков Д.В. Образование населенных пунктов Алтайского края: история во времени и пространстве // История. Карта. Компьютер. Барнаул, 1998.
16. Колдаков Д.В., Силина И.Г., Чибисов М.Е. Пространственно-географический подход к изучению истории населенных пунктов Алтайского края // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. Новосибирск, 2006. Вып. 11.
17. Колдаков Д.В. «Список населенных мест Сибирского края» как источник по истории населенных пунктов Алтая // Пятые научные чтения памяти Ю.С. Булыгина : сб. науч. тр. / под ред. Ю.М. Гончарова, В.А. Скубневского. Барнаул, 2009.
18. Колдаков Д.В. Геоинформационные технологии в изучении поселенческой сети Алтая в 20-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 4.
19. Владимиров В.Н., Силина И.Г. О возможности изучения внутренних миграций средствами геоинформационных систем // Круг идей: Междисциплинарные подходы в исторической информатике : труды X конф. Ассоциации «История и компьютер» / ред. Л.И. Бородкин, И.М. Гарскова. М., 2008.
20. Alves D.R. Using a GIS to reconstruct the nineteenth century Lisbon parishes // Humanities, Computers and Cultural Heritage Proceedings of the XVI international conference of the Association for History and Computing 14–17 September 2005. Royal Netherlands Academy of Arts and Sciences. Amsterdam, 2005.
21. Владимиров В.Н., Силина И.Г., Чибисов М.Е. Приходы Барнаульского духовного правления в 1829–1864 гг. (по материалам клировых ведомостей). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006.
22. Владимиров В.Н., Чибисов М.Е. Применение ГИС для реконструкции православных приходов Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа первой половины XIX в. // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2006. № 34.
23. Колдаков Д.В., Чибисов М.Е. Применение геоинформационных технологий для изучения административно-территориального деления Алтайского округа в XIX – начале XX в. // Вестник Алтайской науки. 2012. № 1.
24. Чекрыжова О.И., Чибисов М.Е. Приговоры сельских старост как источник для пространственного анализа административно-территориального деления Алтайского округа // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2012. № 38.
25. Цеменкова С.И. Картографирование исторических данных: методологические проблемы использования ГИС // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. Вып. 7.
26. Мазур Л.Н., Цеменкова С.И. Разработка ГИС «Населенные пункты Свердловской области»: основные проблемы и методы их решения // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2007. № 35.
27. Ляля Е.В., Жуков А.Ю. ГИС «Электронный каталог населенных мест на Европейском Севере России XV–XX вв.» // Материалы Международной научной конференции «Рябининские чтения – 2007». Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижи». Петрозаводск, 2007.
28. Ляля Е.В. Применение ГИС-технологий для пространственно-временной локализации населенных мест по различным источникам исторической информации. Топонимический материал в «Кодификаторе поселений Карелии» // Материалы симпозиума «Финно-угорская ономастика в ареальном аспекте». Петрозаводск : ИЯЛИ КНЦ РАН, 2007.
29. Шредерс А.М., Ляля Е.В. Практика применения ГИС в историко-культурных исследованиях // Историческая информатика. 2012. № 1.
30. Ляля Е.В. Применение технологий геоинформационных систем для работы с историческими картографическими произведениями // Материалы Всероссийской заочной научной конференции «Проблемы исторической демографии и исторической географии». Н. Новгород, 2007.
31. Авсейков А.С., Нейфельд Е.А., Рюмкин А.И. Особенности организации застройки исторического Томска // Круг идей: историческая информатика в информационном обществе : тр. VII конф. АИИК / ред. Л.И. Бородкин, В.Н. Владимиров, И.Ф. Юшин. М., 2001.
32. Баранова Е., Кончаков Р.Б. Развитие сети социально-культурных учреждений Тамбова XVII–XIX вв. // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2005. № 34.
33. Баранова Е.В. Динамика социально-культурной инфраструктуры г. Тамбова во второй половине XIX – начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Тамбов : Тамбов. гос. ун-т, 2010.
34. Акашева А.А. Нижний Новгород в 1860–1890-е гг. Методика реконструкции социокультурного пространства города : дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2006.
35. Канищев В.В., Кончаков Р.Б. Вопросы целесообразности при формировании историко-демографических и историко-экологических ГИС // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2010. № 36.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 ноября 2014 г.

GEOGRAPHIC INFORMATION SYSTEMS AND TECHNOLOGY IN DOMESTIC HISTORIOGRAPHY: THE MAIN DIRECTIONS OF USE

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 133–139. DOI 10.17223/15617793/391/22

Rygalova Maria V. Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: mariya_rygalova@mail.ru

Keywords: GIS; domestic historical research; thematic map; interdisciplinary research.

The article considers the main directions of geographic information systems (GIS) in historical research in Russia. Before the advent of GIS historians worked with spatial information using studies of traditional paper maps. The appearance and spread of GIS has changed the style of scientific research related to geographic data. More or less noticeable GIS projects have been developed since the mid-90s. One of the first Russian researchers who have turned to historical GIS was N.V. Piotukh and V.N. Vladimirov. Their first works were of a general nature, were full of reconsideration experience in the application of the mapping method in historical research, as well as of the future of computer technology. The main Russian centers specializing in research with historical GIS are Moscow, Tambov, Petrozavodsk, Ekaterinburg, Tomsk, Barnaul. One of the first major projects was to create an atlas of Derevskaya Pyatina on the basis of Moscow State University under the supervision of N.V. Piotukh and A.A. Frolov. From the middle of the '90s, scholars of Altai State University begin to introduce GIS in their research. The main topics of research have become history of settlements, migration. The researchers presented thematic maps for the analysis of the main trends of foundation of settlements and placing different groups of immigrants in the territory as outcomes of spatial analysis. Urban history in domestic studies using GIS is presented mainly through the study of urban planning, infrastructure development and architectural appearance. This can be seen in some of projects implemented in Tambov, Tomsk, Nizhny Novgorod. Tambov researchers R.B. Konchakov and E.V. Baranova developed a technique of urban socio-cultural infrastructure reconstruction using GIS. Petrozavodsk State University has become a center where important projects are realized in the field of historical GIS. Work of Petrozavodsk scholars aims at the reconstruction of the settlement structure in the north-western part of European Russia using statistical and cartographic sources. Despite little domestic research on the creation of historical GIS, there are some noticeable trends of development: expanding research topics, improvement in GIS technology. There also is a database of already existing GIS that can be complemented, improved and used for multidimen-

sional spatial analysis. GIS is research opportunities for the solution of most diverse research tasks by opening up new opportunities and future development.

REFERENCES

1. Vladimirov V.N. Problemy i perspektivy istoricheskogo komp'yuternogo kartografirovaniya: mezhdunarodnyy seminar ANS [Problems and prospects of historical computer mapping: an international seminar ANS]. *Informatsionnyy byulleten' Assotsiatsii "Istoriya i komp'yuter"*, 1995, no. 13.
2. Piotukh N.V. *O vozmozhnostyakh komp'yuternogo kartografirovaniya pri rabote s dannymi pistsovykh knig nachala XVII i materialami General'nogo mezhevaniya vtoroy poloviny XVIII v.* [On the possibilities of computer mapping when working with data cadastres of the early 17th century and materials of General surveying of the second half of the 18th century]. In: Borodkin L.I., Tyazhel'nikova V.S. (eds.) *Krug idey: modeli i tekhnologii istoricheskoy informatiki* [Circle of ideas: models and technologies of historical information]. Moscow, 1996.
3. Vladimirov V.N. *Istoriya, karta, komp'yuter (o vozmozhnostyakh istoricheskogo komp'yuternogo kartografirovaniya)* [History, map, computer (on the possibilities of historical computer mapping)]. In: Borodkin L.I., Tyazhel'nikova V.S. (eds.) *Krug idey: modeli i tekhnologii istoricheskoy informatiki* [Circle of ideas: models and technologies of historical information]. Moscow, 1996.
4. Vladimirov V.N. *Istoricheskaya geoinformatika: geoinformatsionnye sistemy v istoricheskikh issledovaniyakh* [Historical Geoinformatics: geographic information systems in historical research]. Barnaul: Altai State University Publ., 2005. 192 p.
5. Piotukh N.V. Zapad–Vostok: Sistemy sel'skogo rasseleniya v Rossii vtoroy poloviny XVIII v. (primenenie GIS dlya sravnitel'nogo prostranstvenno-statisticheskogo analiza) [East–West: Systems of rural settlement in Russia in the second half of the 18th century (Application of GIS for spatial and comparative statistical analysis)]. *Informatsionnyy byulleten' Assotsiatsii "Istoriya i komp'yuter"*, 2004, no. 32.
6. Piotukh N.V. *O vozmozhnostyakh komp'yuternogo kartografirovaniya pri rabote s dannymi pistsovykh knig nachala XVII i materialami General'nogo mezhevaniya vtoroy poloviny XVIII v.* [On the possibilities of computer mapping when working with data cadastres of the early 17th century and materials of General surveying of the second half of the 18th century]. In: Borodkin L.I., Tyazhel'nikova V.S. (eds.) *Krug idey: modeli i tekhnologii istoricheskoy informatiki* [Circle of ideas: models and technologies of historical information]. Moscow, 1996.
7. Piotukh N.V. *Khozyaystvennaya deyatel'nost' krest'yanstva XVII–XVIII vekov s tochki zreniya prostranstvennogo statisticheskogo analiza* [The economic activity of the peasantry in the 17th and 18th centuries in terms of spatial statistical analysis]. In: *Istochnik. Metod. Komp'yuter* [Source. Method. Computer]. Barnaul, 1996.
8. Piotukh N.V., Frolov A.A. [Electronic historical atlas of Derevskaya pyatina]. *Krug idey: elektronnye resursy istoricheskoy informatiki: trudy VIII konf. Assotsiatsii "Istoriya i komp'yuter"* [Circle of ideas: Electronic resources of historical informatics: Proceedings of VIII Conference of Association "History and Computer"]. Moscow, 2003. (In Russian).
9. Baranov K.V., Kobozev Yu.A., Petrov M.I., Piotukh N.V., Frolov A.A. *Istoriko-geograficheskiy atlas Derevskoy Pyatiny* [Historiographic atlas of Derevskaya Pyatina]. *Informatsionnyy byulleten' Assotsiatsii "Istoriya i komp'yuter"*, 2002, no. 30.
10. Silina I.G. *Vneshnie migratsii v Altayskiy okrug v 1865–1905 gg.: istochniki i metody issledovaniya*: dis. kand. ist. nauk [External migration in Altai district in 1865-1905: sources and methods. History Cand. Diss.]. Barnaul, 2002.
11. Vladimirov V.N., Silina I.G. *Geoinformatsionnye tekhnologii v izuchenii vnutrennikh migratsiy* [Geoinformation technologies in the study of internal migration]. *Informatsionnyy byulleten' Assotsiatsii "Istoriya i komp'yuter"*, 2006, no. 34.
12. Vladimirov V.N., Koldakov D.V., Silina I.G., Tokarev V.V. [Spatial aspects of the history of Altai: the value of computer mapping]. *Krug idey: traditsii i tendentsii istoricheskoy informatiki: trudy IV konf. Assotsiatsii "Istoriya i komp'yuter"* [Circle of ideas: tradition and trend of historical informatics: Proceedings of IV Conference of Association "History and Computer"]. Moscow: 1997. (In Russian).
13. Vladimirov V.N., Silina I.G. *Istoriko-prostranstvennye aspekty analiza pereselencheskogo dvizheniya na territoriyu Altayskogo okruga v kontse XIX – nachale XX vv.* [Historical and spatial aspects of the analysis of migration in the Altai District in the late 19th – early 20th centuries]. *Informatsionnyy byulleten' Assotsiatsii "Istoriya i komp'yuter"*, 1998, no. 23.
14. Vladimirov V.N., Silina I.G., Khramkov A.A. *O vozmozhnostyakh issledovaniya istorii zaseleniya territorii Altayskogo okruga metodami prostranstvennogo analiza* [On the possibility of studying the history of settlement in the Altai District by methods of spatial analysis]. In: Borodkin L.I., Vladimirov V.N. (eds.) *Komp'yuter i ekonomicheskaya istoriya* [Computer and economic history]. Barnaul, 1997.
15. Vladimirov V.N., Koldakov D.V. *Obrazovanie naseleennykh punktov Altayskogo kraya: istoriya vo vremeni i prostranstve* [Formation of settlements in the Altai Territory: history in time and space]. In: Vladimirov V.N. (ed.) *Istoriya. Karta. Komp'yuter* [History. Map. Computer]. Barnaul, 1998.
16. Koldakov D.V., Silina I.G., Chibisov M.E. *Prostranstvenno-geograficheskiy podkhod k izucheniyu istorii naseleennykh punktov Altayskogo kraya* [Spatio-geographical approach to the study of the history of settlements of the Altai Territory]. In: Kholyushkin Yu.P. (ed.) *Informatsionnye tekhnologii v gumanitarnykh issledovaniyakh* [Information technologies in humanitarian research]. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ., 2006. Issue 11.
17. Koldakov D.V. [List of settlements of the Siberian region] as a source for the history of settlements in the Altai]. *Pyatye nauchnye chteniya pamyati Yu.S. Bulygina* [Fifth scientific readings in memory of Yu.S. Bulygin]. Barnaul, 2009. (In Russian).
18. Koldakov D.V. *Geoinformation technologies in the study of the settlement network of the Altai in the 1920s. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*, 2011, no. 4, pp. 11–14. (In Russian).
19. Vladimirov V.N., Silina I.G. [On the possibility of studying internal migration by means of GIS]. *Krug idey: Mezhdistsiplinarnye podkhody v istoricheskoy informatike: trudy X konf. Assotsiatsii "Istoriya i komp'yuter"* [Circle of ideas: Interdisciplinary approaches in historical science: Proceedings of X Conference of Association "History and Computer"]. Moscow, 2008. (In Russian).
20. Alves D.R. Using a GIS to reconstruct the nineteenth century Lisbon parishes. *Humanities, Computers and Cultural Heritage Proceedings of the XVI international conference of the Association for History and Computing* 14–17 September 2005. Royal Netherlands Academy of Arts and Sciences. Amsterdam, 2005.

21. Vladimirov V.N., Silina I.G., Chibisov M.E. *Prikhody Barnaul'skogo dukhovnogo pravleniya v 1829–1864 gg. (po materialam klirovyykh vedomostey)* [Parishes of Barnaul spiritual rule in 1829-1864 (based on Klirovye statements)]. Barnaul: Altai State University Publ., 2006.
22. Vladimirov V.N., Chibisov M.E. Primenenie GIS dlya rekonstruktsii pravoslavnykh prikhodov Kolyvano-Voskresenskogo (Altayskogo) gornogo okruga pervoy poloviny XIX v. [Application of GIS for the reconstruction of Orthodox parishes of Kolyvan-Voskresensky (Altai) Mining District of the first half of the 19th century]. *Informatsionnyy byulleten' Assotsiatsii "Istoriya i komp'yuter"*, 2006, no. 34.
23. Koldakov D.V., Chibisov M.E. Primenenie geoinformatsionnykh tekhnologiy dlya izucheniya administrativno-territorial'nogo deleniya Altayskogo okruga v XIX – nachale XX v. [Application of geographic information technologies for the study of administrative-territorial division of the Altai district in the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Altayskoy nauki*, 2012, no. 1.
24. Chekryzhova O.I., Chibisov M.E. Prigovory sel'skikh starost kak istochnik dlya prostranstvennogo analiza administrativno-territorial'no deleniya Altayskogo okruga [Sentences of village chiefs as a source for the spatial analysis of the administrative-territorial division of the Altai district]. *Informatsionnyy byulleten' Assotsiatsii "Istoriya i komp'yuter"*, 2012, no. 38.
25. Tsemenkova S.I. *Kartografirovanie istoricheskikh dannykh: metodologicheskie problemy ispol'zovaniya GIS* [Mapping of historical data: methodological problems of using GIS]. In: *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'* [Document. Archive. History. Modernity]. Ekaterinburg: Ural University Publ., 2001. Issue 7.
26. Mazur L.N., Tsemenkova S.I. Razrabotka GIS "Naseleennyye punkty Sverdlovskoy oblasti": osnovnye problemy i metody ikh resheniya [GIS "Places of Sverdlovsk Oblast": the main problems and their solutions]. *Informatsionnyy byulleten' assotsiatsii "Istoriya i komp'yuter"*, 2007, no. 35.
27. Lyallya E.V., Zhukov A.Yu. [GIS "Electronic catalog of populated areas in the European North of Russia in the 15th – 20th centuries"]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Ryabininskie chteniya – 2007"* [Proceedings of the International Scientific Conference "Ryabininskie reading – 2007"]. Petrozavodsk, 2007. (In Russian).
28. Lyallya E.V. [The use of GIS technology for spatial and temporal localization of settlements according to various sources of historical information. Toponymic material in The Codifier of Settlements of Karelia]. *Materialy Simpoziuma "Finno-ugorskaya onomastika v areal'nom aspekte"* [Proceedings of the Symposium "Finno-Ugric onomastics in the areal aspect"]. Petrozavodsk, 2007. (In Russian).
29. Shreders A.M., Lyallya E.V. Praktika primeneniya GIS v istoriko-kul'turnykh issledovaniyakh [The practice of using GIS in historical and cultural studies]. *Istoricheskaya informatika*, 2012, no. 1.
30. Lyallya E.V. [Application of GIS technology to work with historical cartography]. *Materialy Vserossiyskoy zaochnoy nauchnoy konferentsii "Problemy istoricheskoy demografii i istoricheskoy geografii"* [Proceedings of the All-Russian correspondence scientific conference "Problems of historical demography and historical geography"]. N. Novgorod, 2007. (In Russian).
31. Avseykov A.S., Neyfel'd E.A., Ryumkin A.I. [Features of the organization of the historical development of Tomsk]. *Krug idey: istoricheskaya informatika v informatsionnom obshchestve: trudy VII konferentsii Assotsiatsii "Istoriya i komp'yuter"* [Circle of ideas: Electronic resources of historical informatics: Proceedings of VII Conference of Association "History and Computer"]. Moscow: 2001. (In Russian).
32. Baranova E., Konchakov R.B. Razvitiye seti sotsial'no-kul'turnykh uchrezhdeniy Tambova XVII–XIX vv. [Development of social and cultural institutions of Tambov in the 17th – 19th centuries]. *Informatsionnyy byulleten' Assotsiatsii "Istoriya i komp'yuter"*, 2005, no. 34.
33. Baranova E.V. *Dinamika sotsial'no-kul'turnoy infrastruktury g. Tambova vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.*: dis. kand. ist. nauk [The dynamics of social and cultural infrastructure of Tambov in the second half of the 19th – early 20th centuries. History Cand. Diss.]. Tambov, 2010.
34. Akasheva A.A. *Nizhny Novgorod v 1860–1890-e gg. Metodika rekonstruktsii sotsiokul'turnogo prostranstva goroda*: dis. kand. ist. nauk [Nizhny Novgorod in 1860–1890s. The technique of reconstruction of socio-cultural space of the city. History Cand. Diss.]. N. Novgorod, 2006.
35. Kanishchev V.V., Konchakov R.B. Voprosy tselesoobraznosti pri formirovaniy istoriko-demograficheskikh i istoriko-ekologicheskikh GIS [The expediency of the formation of the historical-demographic, historical and environmental GIS]. *Informatsionnyy byulleten' Assotsiatsii "Istoriya i komp'yuter"*, 2010, no. 36.

Received: 18 November 2014

СТАНОВЛЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В СИСТЕМЕ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1920-е гг.

Рассматривается процесс становления и распространения физического воспитания в качестве учебной дисциплины в системе народного просвещения в регионах Сибири. Представлена информация о программно-методическом обеспечении учебных занятий физкультуры в сибирских школах и наличии соответствующего кадрового состава. Приводятся сведения о численности школьников, охваченных физкультурными занятиями в регионах.

Характеризуется деятельность В.С. Пируского по организации физического воспитания детей и программно-методического обеспечения сферы физической культуры.

Ключевые слова: физкультура в системе просвещения; физическое воспитание школьников; В.С. Пируский.

Попытки введения физвоспитания в процесс школьного обучения предпринимались в ряде учебных заведений России в конце XIX – начале XX в., однако статус обязательного школьного предмета физическая культура получила только после Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г.

Становление физического воспитания в системе народного просвещения России относится к 20-м гг. XX в. и связано с бурными социально-экономическими и политическими преобразованиями, происходившими в государстве. Именно в этот период новое советское правительство предпринимает ряд мер, способствующих введению военно-физической подготовки в жизнь граждан страны. Повсеместное распространение физического воспитания в тот период преследовало в основном практические цели – подготовку молодежи к трудовой (производственной) деятельности и к вооруженной защите социалистического отечества.

Процессу введения физвоспитания в систему школьного образования страны предшествовал ряд постановлений 1917–1920 гг. Заинтересованность в этом виде воспитания проявили, наряду с профильными организациями, партийные органы, комсомол и военные. В ноябре 1917 г. в Наркомпросе был создан врачебно-санитарный отдел. Возглавившая отдел врач В.М. Бонч-Бруевич (Величкина) проделала значительную работу, направленную на введение физического воспитания в учебный процесс школьников [1. С. 133]. Уже 24 ноября (7 декабря) 1917 г. вышло «Обращение врачебно-санитарного отдела государственной комиссии по народному образованию», где отмечалась необходимость организации гимнастических курсов для учителей в целях проведения физкультурных и спортивно-оздоровительных мероприятий с детской аудиторией и наблюдение за физическим и умственным развитием детей в школах [2. С. 40–41]. В июне 1918 г. на I-м Всероссийском съезде медико-санитарных отделов встал вопрос об организации санаториев и лесных школ для физически слабых и больных детей [1. С. 134].

В октябре 1918 г. была опубликована утвержденная советским правительством «Декларация о единой трудовой школе РСФСР», где говорилось, что физическую культуру и спорт необходимо применять в качестве основных средств физического воспитания [3. С. 4–5]. Это был один из документов советской

власти, определяющий значение физвоспитания в общей системе народного образования. На органы народного образования возлагалось осуществление военно-физической подготовки учащихся школ, что было целесообразно на тот момент [4. С. 25].

В марте 1919 г. VIII съезд партии принял программу, где признал одной из основных задач «самое широкое обучение пролетариев и полупролетариев военному делу и введение преподавания соответственных предметов в школе». После съезда органы Народного комиссариата просвещения и Всеобуча сумели установить тесный контакт и добились некоторых результатов: старшеклассники стали проходить военно-физическую подготовку, в которую были включены гимнастика, игры и строевое обучение. В школах и на спортивных площадках устраивались игры, спортивные соревнования и праздники для детей [Там же].

В апреле 1919 г. в Москве состоялся Первый Всероссийский съезд работников в области физической культуры, спорта и допризывной подготовки. На нем было принято «Положение о допризывной подготовке молодежи», в котором признавалась необходимость всестороннего физического развития молодежи. В документе было положено начало организационным основам советского физкультурного движения и намечены пути его развития [3. С. 5]. Были определены задачи, средства и методы советской физической культуры в условиях военного времени, а также принципы: всесторонности, прикладной (военной) и оздоровительной направленности, объединяемые общими целями коммунистического воспитания. Одной из ключевых задач, поставленных перед организациями Всеобуча, комсомола и Народным комиссариатом просвещения, стала организация систематической работы по физвоспитанию детей и молодежи [4. С. 22, 49].

В октябре 1920 г. III Всероссийский съезд РКСМ принял развернутое решение о развитии физкультуры и спорта среди молодежи. В день открытия съезда выступил В.И. Ленин с речью «О задачах союзов молодежи», где раскрыл сущность коммунистического воспитания и определил его общие задачи. Физическое воспитание подрастающего поколения было признано одним из необходимых элементов общей системы коммунистического воспитания молодежи [5. С. 32]. В постановлении были впервые определены общественно-политический характер советской си-

стемы физвоспитания, идейная коммунистическая направленность и цель [4. С. 26].

В этот же период советское правительство издает декрет «Об охране здоровья детей и подростков», где подчеркивалась необходимость применения в режиме отдыха средств физической культуры [6. С. 107]. По инициативе В.И. Ленина были поставлены вопросы о бесплатном питании детей, о горячих бесплатных завтраках для школьников, о введении физического воспитания в школах молодой республики [Там же. С. 99].

Список перечисленных документов свидетельствует о признании физической культуры в качестве одного из важных средств воспитания, оздоровления и подготовки молодежи к дальнейшей трудовой и военной деятельности с первых лет существования Советского государства.

С момента установления советской власти в сибирских регионах физическое воспитание детей школьного возраста осуществлялось в рамках деятельности организаций Всеобуч (с 1920 г.) и Юных пионеров (с 1923 г.), что было освещено ранее [7. С. 147–153]. Однако не меньший интерес представляет история становления физического воспитания в системе народного просвещения Сибири.

В 1923 г. ВСФК решительно высказался за введение во всех школах физического воспитания как обязательного предмета. Однако экономическая ситуация в стране и напрямую связанное с этим недофинансирование сферы, явная нехватка кадров, в совокупности с другими факторами, делали эту задачу трудно-реализуемой в ближайшей перспективе [4. С. 48].

Несмотря на отдаленность сибирских регионов и более позднее, чем в центральной части страны, установление советской власти, периодико-публицистические источники свидетельствуют о введении физического образования в детских учреждениях Сибири с февраля 1923 г. [8]. Помимо периодических изданий, нами были выявлены сохранившиеся архивные документы, констатирующие факт организации физкультурной работы в 1923/24 уч. г. в школах Томской губернии. Так, в г. Боготол физкультурная работа по линии Наробраза осуществлялась инструктором в двух школах I (169 чел.) и II (209 чел.) ступеней (I ступень – начальная школа с четырехлетним сроком обучения, II ступень – девятилетняя средняя школа). В Анжерско-Судженском районе Томской губернии попытки введения плановой работы в школах были осуществлены также зимой 1923/24 уч. г., однако существенным тормозом стал недостаток соответствующих помещений [9. Л. 108–108 об., 109]. Охват школ физкультурной работой, как и количество учеников-физкультурников, на тот момент был незначительным. Например, из 12 школ г. Щегловска общей численностью 2 300 учащихся, физкультурная работа по линии Наробраза проводилась только в одной школе II ступени преподавателем без специального образования. Остальные организации были объединены при Нардоме. Таким образом, уже в 1923/24 уч.г. в ряде школ Сибири были осуществлены первые попытки введения физкультурных занятий [Там же].

Архивные документы и периодико-публицистические источники, подтверждающие факт вве-

дения физвоспитания в школьную практику в 1923 г. в других губерниях Сибири, нами не были выявлены. Например, в информационной сводке алтайской губернской организации РКСМ за июнь–август 1923 г. отмечалось, что спортивная работа развернулась преимущественно в городах, а преобладающей формой деятельности была организация футбольных команд. Думается, что наличие школьной физкультурной работы однозначно нашло бы отражение в отчетах комсомола, так как являлось существенным плюсом в работе организации. Отсутствие данной информации дает основание предположить, что физвоспитание в школах Алтая в тот период не осуществлялось [10. Л. 1107]. Томская газета «Красное знамя», констатируя факт введения в детских учреждениях Сибири физического образования с 1923 г., вероятней всего характеризовала ситуацию в Томской губернии. Подтверждением этому служат и приведенные ниже архивные данные, свидетельствующие о введении физвоспитания в школьную практику в других регионах Сибири только в 1924/25 уч.г.

Томская губерния на тот период являлась наиболее прогрессивной в деле развития физического воспитания детей, что обуславливалось рядом причин. Организатором физвоспитания данной возрастной категории в Томске стал еще в конце XIX в. врач и общественный деятель В.С. Пируский, реализовавший свои теоретические разработки в практической деятельности «Общества содействия физическому развитию» (1895 г.). В начале 1920-х гг. Владислав Станиславович проделал большую работу по открытию в г. Томске института физической культуры (единственного в Сибири, третьего в стране). В январе 1922 г. Пируский стал заведующим отделом охраны детства при Томском Губздраве, который являлся единственным в Сибири по организационной работе и масштабу. При непосредственном участии Пируского был организован школьно-санитарный отдел при Томском губисполкоме, функционировали детские площадки и т.д. Совокупность этих факторов и наличие квалифицированных кадров в губернии позволили осуществить введение физвоспитания в качестве учебной дисциплины в процесс школьного образования в более ранние сроки, чем в других регионах Сибири [7].

Введение физвоспитания в школьную практику в масштабах страны являлось глобальной задачей, для решения которой требовалось огромное количество квалифицированных работников. Между тем подготовку соответствующих специалистов в начале 1920-х гг. осуществляли в стране всего три вуза, что для Российского государства было совершенно недостаточно. В этой связи особую важность приобрела организация методического сопровождения физкультурной деятельности, осуществление которого входило в компетенцию Методико-пропагандистской коллегии сов. физкульты. В целях проверки качества методического обеспечения организаций, осуществлявших физвоспитание детей в регионах, в июне 1923 г. председатель коллегии направил прошение (от 29.06.1923 г. № 1053) о необходимости наличия (или составления) программ по физическому воспитанию [10. Л. 1249].

В основе примерных программ, составляемых губернскими отделами народного образования в начале

1920-х гг., лежали разработки организации Всевобуч, включавшие содержание занятий физической культурой с детьми и подростками. Помимо этого, в первые годы советской власти создавались примерные программы, основу которых преимущественно составляла «сокольская» гимнастика. В 1921 г. школам предлагался раздел программ ГУСа (Государственного ученого совета) «О ритмическом воспитании» [11. С. 59]. В 1923 г. была представлена «Схематическая программа физического воспитания и трудовых навыков в возрасте от 7 до 18 лет на основе пролетарской физкультуры» (А.А. Зикмунд, А.И. Зикмунд, 1923) [12. С. 180]. Теоретической базой для изучения вопросов физической культуры, с одобрения РКСМ Сибири, являлись: журнал «Муравей» (одобрен резолюцией Московского Губсъезда РКСМ по физической культуре), В.В. Гориневский «Физическое образование», Л. Лигранж «Гигиена упражнений», В.Е. Игнатьев «Физическое воспитание», П.Ф. Лесгафт «Руководство по физическому образованию детей школьного возраста». Таким образом, в начале 1920-х гг. в стране уже имелись определенные теоретические и научно-методические разработки в области физического воспитания детей, которые советская власть попыталась внедрить в практику.

Наличие квалифицированных специалистов в г. Томске позволило сопровождать процесс физического воспитания в некоторых школах Сибири соответствующим программно-методическим обеспечением уже с начала 1920-х гг. В составлении программ для Западно-Сибирского региона активное участие принимал В.С. Пируцкий, сотрудничавший в научно-исследовательской работе по физическому воспитанию детей с коллегами по Томскому институту физической культуры. Программа по физическому воспитанию, по которой проводилась работа в учреждениях Соцвоса Западной Сибири с детьми в возрасте 7–15 лет (три группы: 7–9 лет, 9–12, 12–15 лет), была составлена в первой половине 1923 г. В ней были прописаны адекватные возрастной категории упражнения, виды спорта и игры. Имели место, в соответствии с идеологической линией руководящей партии, также партийные игры. Таким образом, в программе были обозначены попытки введения методики и учтены возрастные особенности. Качество данной программы было достаточно высоким, так как в ее составлении принимали участие компетентные специалисты. В программе была представлена специальная литература для подготовки: Г. Демени и Ж. Филипп «Теоретический и практический курс физвоспитания», В. Гориневский, И. Махонин «Курс сокольской гимнастики» и т.д. В июле 1923 г. данная программа была направлена председателю методико-пропагандистской коллегии сов. физкульты. Можем предположить, что направление программ физвоспитания сибирских школьников в центральные органы было сделано с целью выявления их научно-методического уровня и адекватности решаемым на тот момент государственным задачам [10. Л. 1241–1244, 1246–1250]. Между тем обеспечить программами все школы Сибири не представлялось возможным, так как они были в рукописном виде, что существенно затрудняло их распространение по региону.

В 1924 г. в регионах Сибири была осуществлена попытка введения программного единообразия в школьную физкультуру. Вопрос организации физвоспитания школьников стал одним из центральных на заседании Сибсовета ФК при Сибревкоме 14 июня 1924 г., где первым обсуждался доклад Сибнаробраза. В целях усиления работы по физическому воспитанию школьников, согласно постановлению ВЦИК от 14 апреля 1924 г., было решено разработать программы для школ I и II ступени и увязать ее с программами ГУСа. Помимо этого, был принят ряд других решений: организовать при школах площадки для игр и занятий физическими упражнениями на воздухе; проводить летние школьные экскурсии; организовать при школах и детдомах санитарные комиссии и кружки физкультуры и т.д. [13. Л. 36–37].

Вопрос о создании мест для занятий физкультурой школьников Сибири частично был решен уже летом 1924 г., когда были организованы летние сады, детские площадки и т.п. Например, в г. Боготол функционировало три детских площадки, а в Анжерско-Судженском районе физкультурная работа летом 1924 г. осуществлялась на 5 детских площадках с общим количеством детей до 900 человек (всего учащихся 4 500 чел.) [9. Л. 108–108 об., Л. 109]. В зимний период была предпринята попытка оборудования при школах зимних площадок для игр, катков, ледяных горок и т.п. [14. Л. 71]. Данные сооружения являлись простейшими и в большинстве – примитивными, а их создание не требовало ни больших капиталовложений, ни особых технических затрат.

Гораздо острее для сибирских регионов стоял вопрос обеспечения программно-методическими материалами с участием квалифицированных специалистов в сфере физической культуры. К 1924 г. институт физической культуры в Томске – единственное профильное высшее учебное заведение за Уралом – был закрыт. Между тем оставшиеся в городе специалисты рассмотрели на первом Губернском совещании работников по физической культуре (03.01.1925 г.), в числе других вопросов, работу по физической культуре в пионерских отрядах и в школе, в связи с использованием программы ГУС [15. Л. 12–12 об.].

Здесь уместно будет отметить, что физвоспитание школьников Томской губернии распространялось достаточно успешно. Так, по неполным данным Томского ГубОНО, уже в 1924 г. физическим воспитанием только в Томской губернии были охвачены 32 школы I и II ступени. Занятия с 6 450 занимающимися осуществляли 16 инструкторов [16. Л. 73]. Всего в 1924/25 уч. г. в Томске, Мариинске и Томском округе насчитывалось 38 847 учеников школ I и II ступеней. Исходя из этих данных, мы можем констатировать, что в 1924 г. около 16% школьников в Томской губернии посещали занятия физкультуры. Архивные источники подтверждают факт, что в школах Соцвоса уже в 1924/25 уч. г. физкультура преподавалась в обязательном порядке: в школах I ступени – по 1 часу, II ступени – по 2 часа в неделю [17. Л. 912]. Для взрослого контингента учащихся в вечерних школах физкультура не входила в категорию обязательных предметов. Разделение учащихся производилось по

гендерному признаку. Занятия проводились в школьных помещениях инструкторами физической культуры (16 инструкторов) и на 6 детских площадках (12 инструкторов). Занятиями физкультурой были охвачены 32 детских дома, где численность занимающихся составила 1 635 чел. [16. Л. 73; 17. Л. 912].

Помощь в работе с детьми в Томской губернии оказывали различные структуры. Так, Военно-спортивный комитет объединил работу 8 кружков (405 чел.), обслуживаемых комсоставом [16. Л. 73]. Финансирование работы с детьми было заложено и в смете Томского губсовета ФК. В 1924 г. планировалось устройство площади ФК им. Ленина, на которой должны были базироваться четыре отделения: дошкольное, школьное, переходное, спортивное, что создавало возможность систематизации учебно-тренировочного процесса школьников [18. Л. 692–693 об.]. Помимо этого, в уездах и районах Томской губернии насчитывалось еще 9 кружков (1 376 чел.), работу в которых осуществляли 7 инструкторов [16. Л. 73].

Помощь различных структур и организаций в губерниях имела огромное значение, так как бедность Наркомата просвещения не позволяла развернуть работу по физвоспитанию в должном объеме, особенно в сибирских условиях. Сибсовет ФК при Сибревкоме в декабре 1924 г. указал на данное обстоятельство в контексте неудовлетворительной работы образовательных структур по повсеместному введению физвоспитания в школы, которое усугублялось отсутствием соответствующих помещений для физвоспитания при школах и работой самих школ с большой перегрузкой в несколько смен [14. Л. 70 об.].

Введение физического воспитания в учебный процесс образовательных учреждений Сибири проходило неравномерно. Так, в Омской губернии, в отличие от Томской, к началу 1925 г. физкультура в качестве обязательного предмета преподавалась только в 10 школах и 6 детских домах (около 3 000 чел.). Охватить физкультурой все школы и детские дома в полном объеме не было возможности. В кружках на добровольной основе занималось около 500 чел. [Там же].

В 1924 г. в губерниях Сибири началась работа по введению физвоспитания в учебный процесс школьников сельской местности. Помощь в этом важном деле должны были оказать советы ФК на местах, необходимость усиления работы которых констатировали губернские исполкомы Сибири летом 1924 г. Для развития физической культуры в деревне, губоно должны были принять меры к обеспечению ведения занятий по физкультуре с 1924/25 уч. г. в более людных сельских школах. Соответствующие кадры планировалось подготовить на текущих летних курсах учителей. Для привлечения молодежи сельской местности от 16 лет к физической культуре планировалось использовать волостные пункты допризывной физподготовки губвоенкомата [13. Л. 3].

Ввиду острой нехватки и низкой квалификации физкультурных кадров было решено подготовить руководителей физкультурных ячеек для сельской местности. Создание районных курсов для руководителей физкультурных ячеек планировалось с целью обучения элементам «правильно обоснованной физкульту-

ры» для работы с крестьянской молодежью. 2 июня 1924 г. зам. председателя Томского совета ФК В.С. Пируцкий направил в Губком РКСМ составленный им краткий учебный план курсов физкультурных руководителей ячеек, рассчитанный примерно на 15 часов [18. Л. 421, 423].

В изданиях советского периода указывалось, что «к осени 1924 г. физическое воспитание как обязательный предмет осуществлялось только в 823 школах, а к осени 1925 г. – в 2 182 школах, расположенных в центральных городах страны: Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове. Например, в Москве физвоспитанием было охвачено 60% школ, в то время как по стране эта цифра не превышала 3%. Школьные физкультурные кружки существовали в школах крупных городов, охватывая ничтожный процент учащихся» [4. С. 48]. Однако архивные данные сибирских регионов свидетельствуют о наличии физкультурной работы не только в центральных районах страны, но и в сибирской глубинке. Более того, сделав скидку на реалии того времени, мы можем констатировать, что физвоспитание в школах отдельно взятых губерний Сибири осуществлялось вполне успешно.

11–15 ноября 1925 г. на Втором Всесибирском совещании по физической культуре (Новониколаевск) были подведены итоги развития физической культуры в Сибирских регионах, в том числе и в школах. Если на 1 января 1924 г. численность физкультурников Сибири достигла 15 тыс. человек, то к ноябрю 1925 г. она составила уже 70 тыс. человек. Численный состав физкультурников по губерниям распределялся следующим образом:

- Иркутская – 30 тыс. человек, из них в школах 21 тыс. человек;
- Новониколаевская – 10 тыс. человек, из них в школах 5 200 человек;
- Омская – 8 тыс. человек, из них в школах – 4 тыс. человек;
- Томская – 7 тыс. человек, из них в школах – 4 тыс. человек;
- Енисейская – 5 тыс. человек, из них в школах – данные отсутствуют;
- Алтайская – 2 тыс. человек, из них в школах – данные отсутствуют.

Представленная статистика отражает примерную картину состояния физкультурного движения, что было отмечено в протоколе совещания. Сбор более точной информации на тот период был практически невозможен. Одной из главных причин была большая удаленность населенных пунктов, достигавшая 1 000 км, от центров губерний и отсутствие связи с ними большую часть года. Однако и эти данные позволяют констатировать факт наличия физкультурной работы в школе, хотя и не дают возможности оценить ее истинный масштаб. В отчетах не указывалось, какими формами физкультурных занятий были охвачены школьники, но анализ представленных ранее документов позволяет нам сделать вывод о наличии как обязательных занятий физкультурой в школах, так и внеурочных форм организации процесса физического воспитания [14. Л. 74 об.].

Помимо подведения итогов, повестка дня Второго Всесибирского совещания по физической культуре

включала вопросы распространения физической культуры среди ЮП и в школе в связи с новыми программами Наркомпроса, ГУСа [13. Л. 8 об.; 14. Л. 76–77]. В резолюции II Сибирского совещания указывались конкретные меры, направленные на стабилизацию процесса физического воспитания в школах Сибири. Для реализации новых программ ГУСа по физическому воспитанию было решено разгрузить школьные здания и оборудовать специальные помещения для занятий физкультурой. В школах, где специальные помещения отсутствовали, занятия должны были проходить на воздухе. В школах II ступени, не имевших таких помещений, работу по физкультуре предполагалось проводить, используя помещения советов ФК; осуществлялось оборудование площадок для игр, катков, снежных горок. Занятия физкультурой в школах I ступени должны были проводиться строго в соответствии с программами ГУСа. Было принято решение и относительно формирования кадрового состава: осуществлять подготовку воспитателей и учителей школ I ступени через постановку физкультуры в педтехникумах, специальных краткосрочных курсах и летних учительских курсах. Для распространения педагогического опыта было решено начать освещение вопросов по физкультуре в Сибирском педагогическом журнале [14. Л. 98].

Однако осуществить мобильную подготовку кадрового состава не представлялось возможным. Практически по всей Сибири занятия со школьниками вели учителя, не имевшие соответствующей квалификации, а их переподготовка Губнаробразом не проводилась. Однако следует отметить, что вопросы по физической культуре освещались на учительских конференциях. Для повышения квалификации, например, в Омской губернии функционировала группа самосовершенствования в составе 30 педагогов и инструкторов [9. Л. 108–109; 14. Л. 69; 16. Л. 73; 17. Л. 912].

Помимо невысокой квалификации кадров, явно ощущался их численный недостаток. Например, в Омской губернии к началу 1925 г. процесс физического воспитания детей (около 3 000 чел.) осуществляли всего 6 руководителей [14. Л. 69]. Занятия по физкультуре с 6 450 школьниками в Томской губернии в тот же период проводили 16 инструкторов [16. Л. 73].

Для оказания квалифицированной помощи школьным преподавателям была введена должность штатного инструктора-организатора при губоно [14. Л. 55]. В его компетенцию входили правильная постановка физкультурной работы в школах, разрешение назревших вопросов в ГСФК, отстаивание интересов школьного физвоспитания. Изыскание средств в органах образования на содержание инструктора-организатора было необходимой мерой, так как обеспечение программами занятий имелось на тот момент не во всех школах Сибири. Однако факты свидетельствуют, что подобные кадры в сибирских регионах были редкостью. Например, в январе 1925 г. в г. Барнауле в школах ОНО постоянно работающий инструктор при губоно отсутствовал, как и организационное руководство по физическому воспитанию [14. Л. 55]. Несмотря на важность данной работы, штатная единица инструктора-организатора во многих округах

оставалась вакантной и в 1926 г. [19. Л. 18]. В целом работа по физическому воспитанию в школах в первой половине 1920-х гг. осуществлялась при отсутствии всяких указаний и контроля ведомственного начальства ОНО, не было средств, помещений, связи с Советами ФК. Проведение обязательных занятий было целиком возложено на преподавателей, воспитателей и инструкторов школ и детучреждений, не имевших специального, а в большинстве – среднего образования. Таким образом, качество проведения занятий было явно низким. Аналогичная ситуация наблюдалась в 1925 г. в Томской, Омской, Алтайской и других губерниях [14. Л. 55, 69; 17. Л. 912].

В середине 1925 г. наблюдалось усиление руководства физическим воспитанием со стороны партийных органов. В свете июльской резолюции ЦК РКП(б) 1925 г. по вопросу о задачах партии в области физической культуры было осуществлено достаточно четкое разграничение компетенций ведомств. Ответственность за объединение и согласование деятельности всех организаций, ведущих работу по физической культуре, обозначение общего направления и руководство физкультурой в учебном и научно-методическом отношении вошли в компетенцию советов ФК. Непосредственное руководство физическим воспитанием школьников было возложено на органы Наркомпроса [17. Л. 889].

В конце 1925 г. из-за отсутствия средств в органах образования имело место увольнение преподавателей физвоспитания. В этой связи Сибсовет ФК настаивал на принятии Советами ФК соответствующих мер для оказания поддержки органам народного образования. Только совместными усилиями в тот момент можно было добиться успеха в стабилизации процесса физического воспитания школьников [Там же. Л. 890]. Между тем, в связи с завершением работы по районированию Сибири, повсеместно шла работа по созданию новой сети окружных советов ФК при окружных исполкомах, что существенно повысило уровень занятости физкультурных работников. Единственную помощь, которую могли оказать советы ФК на тот период, было составление программно-методического обеспечения [Там же. Л. 889].

Обеспечить общее направление учебной работы по физической культуре, в том числе и органов просвещения, должна была учебно-программная секция учебно-технического комитета совета ФК. В ее компетенцию входило: изменение программы занятий по физической культуре в школах, детдомах, среди ЮП и т.д.; рассмотрение и утверждение программы различных соревнований, праздников и т.п.; знакомство с постановкой методической работы по ведомствам и т.д. Таким образом, обеспечение школ программным материалом было возложено на компетентный орган. В целях повышения квалификации местных работников по физкультуре было признано необходимым создание объединения всех работников при Учебтехкоме для регулярных (еженедельных) занятий по проработке вопросов как теоретического, так и практического порядка [17. Л. 890].

Данная мера была необходимой, поскольку к качеству подготовки преподавателей, особенно школ, бы-

ли серьезные претензии. В 1925 г. Сибирский совет ФК принял решение о проведении экспертизы для выявления уровня подготовки физкультурных кадров. Вопрос о программе и порядке экспертизы педагогов по физической культуре был утвержден на заседании Сибирского Совета ФК при Сибревкоме 4 июля 1925 г. (протокол № 13) [14. Л. 107–108]. Экспертизе подвергались все инструкторы-руководители физкультурных занятий в школах, детдомах, клубах, пионеротрядах, площадках, не прошедшие курсы в специальных учебных заведениях. От прохождения освобождались учителя школ I ступени, осуществлявшие проведение занятий физической культурой на основании программ ГУСа, и руководители физвоспитания в дошкольных учреждениях, получившие подготовку в специальных учебных заведениях. После прохождения экспертизы все преподаватели подразделялись на две категории: старшая и младшая, о чем выдавалось соответствующее удостоверение. Старшие инструкторы имели право самостоятельно руководить занятиями и нести ответственность за их постановку. Младшие инструкторы допускались к занятиям под руководством старших и фактически являлись их помощниками. Экспертиза проводилась в обязательном порядке в губернских городах ГСФК, для чего создавались специальные комиссии. Была создана программа экспертизы для руководителей физическими занятиями, включавшая теоретическую и практическую части, а также проверку политзнаний [14. Л. 109–110]. Как ожидалось, проведенная к началу 1926 г. экспертиза кадрового состава сибирских регионов выявила его низкий квалификационный уровень.

Кадровая проблема в органах ОНО стояла очень остро. Помимо низкой квалификации преподавателей физкультуры в школах, наблюдалась их явная нехватка. Так, на заседании 3-го Сибирского краевого совещания работников физической культуры (02.03.1926 г.) констатировалось, что обеспеченность 445 школ Сибкрая штатом преподавателей физкультуры составляла только 50%. Деятельность Сибирского ОНО по постановке физкультурной работы была признана неудовлетворительной [19. Л. 20 об.].

Единообразие в условиях оплаты инструкторов физической культуры в округах отсутствовало, что вызывало их миграцию. Большинство инструкторов, по свидетельству архивных источников, преследовали «материальную сторону, не отдавая делу физической культуры». Самая сложная ситуация с кадровым обеспечением в Сибири наблюдалась к концу 1920-х гг. в Томском округе. Если в начале 1926 г. в округе работу в кружках и школах осуществляли 48 инструкторов физической культуры, а на ноябрь 1927 г. их насчитывалось только 30 (при численности занимающихся 12 508 чел., из которых 9 966 – школьники). В силу недостатка инструкторских сил в Томском округе часть районных, а также городских кружков и большинство школ оставались необслуженными. Окросвет ФК осуществлял руководство школами путем их структурирования работниками Совета ФК, письменных директив, программ. Оказать помощь в решении кадрового вопроса Совет ФК не имел возможности. Для повышения квалификации инструкторов в Томске

был создан кружок самосовершенствования, однако по районам подобная работа не проводилась [20. Л. 6–6 об., 9; 21. Л. 345].

В 1927 г. Наркомпросом РСФСР, а затем Наркомпросами других республик, были составлены единые и обязательные учебные планы и программы по физическому воспитанию для всех школ I и II ступени. Последующие школьные программы СССР стали разрабатываться и утверждаться как единые и обязательные для всех школ [12. С. 181]. Введение единых программ и учебных планов должно было устранить разноречивость в школьном физическом воспитании, которое было признано обязательным предметом школьного обучения. Основными формами физвоспитания стали обязательные учебные занятия и необязательные – внешкольные в форме спортивных развлечений, игр, плясок и экскурсий [4. С. 84].

К этому времени отряд сибирских школьников-физкультурников существенно увеличился: в 1927 г. по всей Сибири в школах I ступени было объединено 30 448 физкультурников, а в школах II ступени – 13 500 [22]. Архивные источники свидетельствуют, что введение в 1927 г. обязательных школьных программ в сибирских регионах ситуацию кардинально не изменило. На краевом совещании по физической культуре, состоявшемся в апреле 1928 г. в Новосибирске, отмечалось: «Плохая постановка физкультуры в школе... У нас нет твердой программы, в которой можно было бы ориентироваться в работе, как в школе, так и физкультурных массах. Приходится самим работникам на местах вырабатывать, иногда выдумывать свои программы». Оценивая уровень квалификации имевшихся работников и их количество, мы можем предположить, что проводимая работа среди школьников имела очень низкий уровень [23].

В 1928 г. регионах Западной Сибири была осуществлена подготовка специалистов физического воспитания, в том числе для школ: были организованы курсы для преподавателей школ, совхозов, машинотракторных станций и рабочих коллективов по 47-часовой программе в Бугримском, Кургатском, Колыванском, Маслянинском, Черепановском и Чулымском округах [24. С. 71]. В качестве инструкторов подбирались демобилизованные воины из числа комсомольцев, занимавшихся физкультурно-спортивной деятельностью. Безусловно, стать специалистом за 47 часов невозможно, но слушатели курсов хотя бы имели определенное представление о предстоящей работе и могли структурировать имевшиеся и вновь полученные знания. Подготовка специалистов того же профиля, но уже на более качественном уровне (трех- и четырехмесячные курсы) была осуществлена в Новосибирске в 1930 г. [25. С. 56].

Некоторые улучшения в постановке физкультурной работы, связанное с активизацией бюро ФК при различных ведомствах, наблюдались в конце 1928 – начале 1929 г. Однако деятельность бюро ФК при органах образования в основном ограничивалась городскими рамками. Например, организованное при томском ведомстве бюро ФК сумело сосредоточить усилия на руководстве физкультурной работой с городскими школьниками, в сельской местности провести аналогичную работу не представлялось возмож-

ным. Средства для выезда инструктора в районы не выделялись [26. Л. 14 об.].

В 1929 г. Наркомпрос РСФСР утвердил новые учебные планы для школ II ступени, по которым на физическое воспитание отводилось по 2 часа в неделю [1. Л. 148].

25–30 марта 1929 г. ВСФК провел 3-ю научно-методическую конференцию, где главным был вопрос «Учет работы по физической культуре в школе». Физическая культура стала полноценным предметом в школе, и ее учет сводился к формам регистрации в общешкольном журнале всех учащихся, ведению группового дневника и выявлению достижений школьников в приобретении навыков по физической культуре. Проведенный педагогический анализ программ ГУСа по физической культуре выявил их соответствие массовости и доступности. Проект программ был проработан Центральным ИФК при строгом учете возрастных особенностей [27. Л. 155, 157]. Таким образом, физкультура заняла равнозначное место в ряду других школьных дисциплин. Реальные возможности образовательных структур Сибирских регионов не позволили довести качество преподавания данной дисциплины до желаемого уровня. Однако этот факт не умаляет значения проделанной работы по введению физвоспитания в учебный процесс сибирских школьников.

Исследование показало, что общероссийская тенденция становления и распространения физического воспитания в системе просвещения была характерна и для Западной Сибири. На основании архивных и периодикопублицистических источников мы можем констатировать факт введения физвоспитания в учебный процесс ряда школ уже с 1923 г. и придания с 1924 г. этой дисциплине статуса обязательного школьного предмета. Более широкое распространение в школах физкультура получила в 1924/25 уч. г. Физкультурной работой, осуществляемой в системе просвещения Сибири, был охвачен и ряд небольших населенных пунктов, что дает основание внести уточнения в общероссийскую историческую картину распространения физвоспитания в системе просвещения [17. Л. 912]. Регионы столкнулись с проблемами, характерными для всей страны: явная нехватка средств, квалифицированных кадров и руководящих работников, что существенно снижало качество работы с детьми. Однако всего за десятилетие в области физического воспитания школьников произошли кардинальные изменения: фактически внедренная в первой половине 1920-х гг. в систему школьного образования физическая культура к концу десятилетия была признана полноценным предметом, что было подтверждено в материалах сибирских регионов. Свои явные очертания система физического воспитания школьников приобрела лишь к концу 1930-х гг., о чем мы будем говорить в следующих публикациях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Столбов В.В. История физической культуры : учеб. М. : Просвещение, 1989. 288 с. : ил.
2. Основные постановления, приказы и инструкции по вопросам советской физической культуры и спорта 1917–1957 гг. / сост. И.Г. Чудинов. М. : Физкультура и спорт, 1959. 390 с.
3. Царик В.Т., Макаричев Н.А. Физическая культура и спорт в СССР в цифрах и фактах (1917–1961 гг.). М. : Физкультура и спорт, 1962. 171 с.
4. Физкультура и спорт в СССР / под ред. Г.Б. Хотянова. М. : Физкультура и спорт, 1967. 352 с.
5. ВЛКСМ в резолюциях его съездов и конференций. М. : Молодая гвардия, 1929. С. 32–34.
6. Столбов В.В. История и организация физической культуры и спорта. М. : Просвещение, 1982. 286 с.
7. Сарычева Т.В. История становления и распространения физического воспитания детей в Западной Сибири в 1920-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 381. С. 147–153.
8. Красное знамя. 1923. 17 июня.
9. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1364.
10. ЦДНИ ТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 32.
11. Гайл В.В. История физической культуры и спорта. Екатеринбург, 2006.
12. Голощапов Б.Р. История физической культуры и спорта : учеб. пособие. М. : Академия, 2004. 312 с.
13. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. 188. Оп. 1. Д. 38.
14. ГАО. Ф. 188. Оп. 1. Д. 207.
15. ЦДНИ ТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 177.
16. ЦДНИ ТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 329.
17. ЦДНИ ТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 209.
18. ЦДНИ ТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 75.
19. ЦДНИ ТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 297.
20. ЦДНИ ТО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 420.
21. ЦДНИ ТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 210.
22. 30 июля Всесибирский праздник физкультуры // Красное знамя. 1927. 10 мая.
23. Волков В. // Красное знамя. 1928. 20 апр.
24. Носов И.А. Физическая культура и спорт в Западной Сибири (XVII в. по 1945 г.). Хроника. События. Люди. Новосибирск : Новосибирск, 2012. Т. 1. 316 с.
25. Майзлин М., Геркач Л. Школа бодрости и здоровья: Спортивный Новосибирск за 50 лет. Новосибирск : Зап.-Сиб. книжн. изд-во, 1967. 70 с.
26. ЦДНИ ТО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 415.
27. ГАО. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 3.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 ноября 2014 г.

FORMATION OF PHYSICAL EDUCATION IN THE SYSTEM OF PUBLIC EDUCATION IN WESTERN SIBERIA IN THE 1920S

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 140–147. DOI 10.17223/15617793/391/23

Sarycheva Tatyana V. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sarycheva_tv_1@mail.ru

Keywords: physical culture in the system of education; schoolchildren's physical education; V.S. Pirusskiy.

The formation of physical education in the system of public education in Russia refers to the 1920s. It is documentarily proved that in a number of Siberian children's institutions (Tomsk Province) physical education was introduced in 1923. The number of schools and schoolchildren involved into the process of physical education was not large at that moment. The introduction of physical education at educational establishments of Siberia started in 1924/25. In the same year there started a work on organization of physical education of rural schoolchildren. In 1920s Tomsk Province was a leader in involving schoolchildren in physical education. Despite the lack of financing, teachers and material base, the number of schoolchildren athletes was growing fast. In 1927 schools of Siberia of the first stage had 30448 athletes and schools of the second stage 13500. The physical work with Siberian schoolchildren was carried out by teachers without any special education. In the middle of the 1920s in order to help them there was created a new post of instructor-organizer, which was vacant in most localities. The most positive factor in 1928 was that the specialists' training in short courses started including staff for schools of Western Siberia. The programs of physical education composed in the regions were corrected according to the new standards of the Educational Commissariat. The prominent innovator in the sphere of physical education, V.S. Pirusskiy, became the author of numerous programs on physical education. The first programs on physical training teaching at schools of Western Siberia were made in the first half of 1923. Meanwhile the problem of methodological support of Siberian schools was urgent until the end of 1920. The research showed that the all-Russian trend of forming and spreading physical training in the system of education was topical in Western Siberia, too. The Siberian regions faced the problems typical for the whole country: lack of funds and qualified teaching staff. It influenced negatively the quality of work with children. Nevertheless, the subject of physical education introduced into the system of school education in the first half of 1920 was admitted as a compulsory subject. It was proved in the materials of Siberian regions.

REFERENCES

1. Stolbov V.V. *Istoriya fizicheskoy kul'tury* [History of Physical Education]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1989. 288 p.
2. Chudinov I.G. *Osnovnye postanovleniya, prikazy i instruktsii po voprosam sovetskoy fizicheskoy kul'tury i sporta 1917–1957 gg.* [Basic decrees, orders and instructions on the Soviet physical culture and sport in 1917–1957]. Moscow: Fizkul'tura i sport Publ., 1959. 390 p.
3. Tsarik V.T., Makartsev N.A. *Fizicheskaya kul'tura i sport v SSSR v tsifrah i faktakh (1917–1961 gg.)* [Physical Culture and Sports of the USSR in facts and figures (1917–1961)]. Moscow: Fizkul'tura i sport Publ., 1962. 171 p.
4. Khotyanov G.B. (ed.) *Fizkul'tura i sport v SSSR* [Physical Culture and Sport in the USSR]. Moscow: Fizkul'tura i sport Publ., 1967. 352 p.
5. *VLKSM v rezolyutsiyakh ego s"ezdov i konferentsiy* [Young Communist League in the resolutions of its congresses and conferences]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 1929, pp. 32–34.
6. Stolbov V.V. *Istoriya i organizatsiya fizicheskoy kul'tury i sporta* [History and organization of physical culture and sports]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1982. 286 p.
7. Sarycheva T.V. The history of formation and popularization of physical education among children in Western Siberia in the 1920s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2014, no. 381, pp. 147–153. (In Russian).
8. *Krasnoe znamya*, 1923. 17 June.
9. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1. List 1. File 1364.
10. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 3. List 1. File 32.
11. Gayl V.V. *Istoriya fizicheskoy kul'tury i sporta* [History of physical culture and sports]. Ekaterinburg, 2006. 72 p.
12. Goloshchapov B.R. *Istoriya fizicheskoy kul'tury i sporta* [History of Physical Culture and Sports]. Moscow: Akademiya Publ., 2004. 312 p.
13. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 188. List 1. File 38.
14. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 188. List 1. File 207.
15. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 3. List 1. File 177.
16. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 3. List 1. File 329.
17. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 3. List 1. File 209.
18. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 3. List 1. File 75.
19. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 3. List 1. File 297.
20. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 76. List 1. File 420.
21. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 3. List 1. File 210. Page 345.
22. 30 iyulya Vsesibirskiy prazdnik fizkul'tury [July 30. The All-Siberian feast of Physical Education]. *Krasnoe znamya*, 1927. 10 May.
23. Volkov V. *Krasnoe znamya*, 1928. 20 April.
24. Nosov I.A. *Fizicheskaya kul'tura i sport v Zapadnoy Sibiri (XVII v. po 1945 g.). Khronika. Sobytiya. Lyudi* [Physical Culture and Sports in Western Siberia (17th c. till 1945). Chronicle. Events. People]. Novosibirsk, 2012. Vol. 1, 316 p.
25. Mayzlin M., Gerkach L. *Shkola bodrosti i zdorov'ya: Sportivnyy Novosibirsk za 50 let* [The school of vigor and health: the 50 years of Sporty Novosibirsk]. Novosibirsk: Zap.-Sib. knizh. izd-vo Publ., 1967. 70 p.
26. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 78. List 1. File 415.
27. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-906. List 1. File 3.

Received: 28 November 2014

ТОМСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ ПРОФЕССОРА Б.П. ТОКИНА

Работа выполнена при поддержке гранта Правительства РФ П 220 в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории современности» № 14.B25.31.0009

На материалах архивных документов, документальных публикаций, источников личного происхождения и периодической печати в статье реконструирован томский период жизни и деятельности известного советского биолога, ученого и педагога Бориса Петровича Токина. Особое внимание уделено его деятельности на посту директора (ректора) Томского государственного университета, а в годы Великой Отечественной войны – председателя Томского комитета ученых, одного из первых в стране, объединившего усилия ученых для решения актуальных задач помощи фронту и тылу.

Ключевые слова: Томск; университет; наука; образование; Великая Отечественная война.

Известный российский биолог, общественный деятель, видный организатор науки Б.П. Токин прожил долгую жизнь, был свидетелем многих событий XX в. со всеми его трагедиями и достижениями.

Б.П. Токин родился 8 (21) февраля 1900 г. в селе Грушевка Аткарского уезда Саратовской губернии. В 1907 г. семья переехала в г. Вольск, где Борис Петрович сначала окончил 4 класса высшей нормальной школы, а в 1918 г. – Вольское реальное училище. Много лет спустя (1969 г.) он был удостоен звания почетного гражданина г. Вольска, по сути, своей малой родины.

Борис Петрович рано начал трудовую деятельность. После школы подрабатывал мальчиком-разборщиком в местной типографии по примеру своего брата Николая, а окончив реальное училище, он некоторое время занимался репетиторством. Принимал активное участие в событиях, вызванных революцией 1917 года. С мая по август 1917 г. состоял в партии левых эсеров, а в 1918 г. вступил в ряды РКП (б). Участвовал в работе различных выборных органов в Вольске, Саратове [1. С. 422].

С августа 1920 г. по январь 1921 г. находился на партийной работе в Белоруссии, избирался делегатом VIII Всероссийского съезда Советов (1920). В январе 1921 г. был отозван ЦК РКП (б) для работы в Москву. В 1922 г. он командировался на партийную работу в Сибирь. В 1923–1924 гг. служил в рядах Красной армии, преподавал политграммоту красноармейцам. Затем была учеба сначала на медицинском факультете, а затем на биологическом отделении физико-математического факультета по циклу экспериментальной зоологии и экспериментальной морфологии I Московского университета, который Б.П. Токин окончил в 1930 г. Уже тогда определилась последующая направленность его научных интересов. Еще в университете он увлекся вопросами теоретической биологии, цитологии, гистологии, эмбриологии. Его учителями были такие выдающиеся биологи, как Н.Н. Кольцов, М.М. Завадовский, А.С. Серебровский, А.Н. Северцов, И.М. Кулагин [2. С. 4].

Во время учебы в университете Б.П. Токин работал в лаборатории экспериментальной биологии Московского зоопарка, где и «начал специализацию в области динамики развития, лидерами которой были Н.К. Кольцов и М.М. Завадовский» [Там же. С. 52]. Последний возглавлял лабораторию и являлся первым

научным руководителем Токина. В дальнейшем Б.П. Токин неоднократно вспоминал те принципы, которых придерживался его первый руководитель: «Не подавлять творческую инициативу молодых ученых, терпимо относиться к критике, к “инакомыслию”» [2. С. 52–53].

После окончания университета Б.П. Токин занялся исследованиями в области клеточного деления. Poleмизируя со знаменитым советским биологом, автором концепции морфогенетического поля, профессором А.Г. Гурвичем, он создает учение о митогенетических лучах, основные тезисы которого были им изложены в монографии «Митогенетические лучи», вышедшей в свет в 1933 г. Митоз в теории Токина представлялся как заключительный период жизненного цикла клетки [Там же. С. 53–54].

На Всесоюзном съезде зоологов СССР, а позднее на Международном цитологическом конгрессе, состоявшемся в Амстердаме в 1930 г., Б.П. Токин презентовал результаты своих опытов и исследований по обнаружению митогенетических лучей и показал, какие широкие возможности для биологических и небиологических исследований влечет за собой это открытие [Там же. С. 55].

Одно из таких «возможных» направлений апробировал сам Б.П. Токин в опытах с измельченными тканями луковицы как возможного источника митогенетических лучей. Именно в тот момент он, по сути, приблизился к одному из главных открытий в своей жизни – к открытию вещества, которое позже назовут фитонцидами.

Фитонцид – это биологически активное вещество, обладающее сильным бактерицидным и антисептическим действием. В дальнейшем Б.П. Токин еще не раз возвращался к этому открытию, однако широкие круги биологов оно заинтересовало только в послевоенный период [3. Л. 11].

Интересен и вопрос о происхождении наименования вновь открытого вещества. Как вспоминал коллега Б.П. Токина профессор ТГУ Б.Г. Иоганзен, «Б[ориса] П[етровича] не раз упрекали за неправильное формирование термина “фитонциды”, который противоречит сложившейся практике формирования аналогичных названий – бактерициды, инсектициды, ихтиоциды и т.д., в которых указывается не природа излучаемых веществ, а убиваемый ими объект» [Там же].

Сам Б.Г. Иоганзен в докладе на конференции, посвященной столетию ТГУ (1980), пролил свет на то,

как было придумано это название. Корень термина «фитон» включал в себя, по его словам, начальные буквы фамилий трех исследователей: Филатова, Токин, Неболюбова.

С 1931 г. Б.П. Токин возглавлял лабораторию механики развития животных, был директором Биологического института им. К.А. Тимирязева в Москве, продолжая исследования в области эволюционных процессов и факторов эволюции, «жизненного цикла», или онтогении, клетки и др. В 1935 г. он побывал в Великобритании, в Кембридже, где несколько месяцев работал на базе лаборатории английского биолога К. Уолдингтона. Результатом многолетних исследований стала присвоенная ему в 1935 г. степень доктора биологических наук [1. С. 424].

1936 г. датирует начало нового периода в жизни Б.П. Токина. Именно в этом году он был назначен директором Томского государственного университета (ТГУ). Б.П. Токин прибыл в Томск 3 августа 1936 г., о чем жителям города было сообщено со страниц газеты «Красное знамя» [4. 1936. 6 авг.].

Уже упомянутый Б.Г. Иогансен, в то время ученый секретарь Биологического научно-исследовательского института (НИИББ) при ТГУ, позднее вспоминал: «Помню, как осенью 1936 г. Б[орис] П[етрович] собрал в свой кабинет руководителей кафедр и университетских НИИ для разговора о научно-исследовательской работе в университете. <...> После беседы <...> мы поняли, что теперь в университете главным делом преподавателей будет научная деятельность, а на этой основе подъем на новый уровень всего учебного процесса» [3. Л. 2].

В записке по вопросам работы ТГУ, составленной уже 8 августа 1936 г., т.е. через 5 дней после приезда в Томск, на имя первого секретаря Западно-Сибирского обкома ВКП(б) Р.И. Эйхе Б.П. Токин писал: «Замечательное географическое положение (почти центр Сибири), замечательные природные условия, уже имеющаяся сносная база для развертывания работ 50-тилетнего Ун-та, крайне острая нужда в квалифицированных кадрах для высшей школы и 2-й ступени дают право поставить вопрос о необходимости правительственного декрета о Томском ун[иверсите]те, предусматривающем превращение его в советский, социалистический город-университет, в “Советский Гейдельберг” или “Кембридж”» [5. Л. 60].

Однако высокий потенциал «города-университета» резко контрастировал с реальным положением дел в вузах города в целом и в ТГУ в частности. Главным фактором, сдерживающим развитие, по мнению нового директора, был острый дефицит кадров.

Лучше всего кадрами в то время был обеспечен физико-математический факультет, который, как писал Б.П. Токин, стоял «не ниже лучших университетов Советской страны» [Там же. Л. 55]. Противоположность ему представлял химический факультет, где проблем с преподавательским составом не было лишь на кафедре органической химии. Студенты-химики из-за нехватки преподавателей были предоставлены сами себе. В записке директор ТГУ указал на срочную необходимость еще до начала учебных занятий через Москву обеспечить университет тремя профессорами:

по аналитической, физической, а также коллоидной химии. Решение проблемы нехватки профессорско-химиков имело тем более важное значение, что в деле подготовки кадров для Советской Сибири химфак ТГУ призван был играть едва не ключевую роль [5. Л. 56–57].

Более благополучным для Б.П. Токина оказался геолого-почвенно-географический факультет. Но, тем не менее, отсутствие на факультете географической специальности, а также необходимость в «руководителях физической и экономической географии» сдерживали развитие этого факультета [Там же. Л. 57].

Более экспертную оценку Б.П. Токин дал биологическому факультету, на котором он сам возглавил кафедру дарвинизма и динамики развития животного организма. Ознакомившись с состоянием дел, он пришел к выводу, что «за исключением кафедры (физиологии растений) и лаборатории [П.В.] Савостина и отчасти [А.В.] Морозова (гидробиология), факультет резко отстал от современной экспериментальной биологической науки» [Там же. Л. 57]. Высокой оценки был удостоен профессор П.В. Савостин, о поддержке которого Б.П. Токин ратовал перед высшими инстанциями. Правда, открытый в 1935 г. Биологический институт, находившийся к моменту приезда Токина в стадии формирования, он посчитал «ненужным» в структуре университета [Там же. Л. 58].

Нехватка учебных, лабораторных помещений, квартир для научных работников, неудовлетворительное исполнение обязанностей отдельными сотрудниками (заместитель директора по учебной части Н.П. Загорский), плохое положение отдельных кафедр (кафедра социально-экономических дисциплин) – все это стало частью той реальности, с которой столкнулся Б.П. Токин, приехав в Томск и возглавив ТГУ. Он писал Р.И. Эйхе о том, что требуется «специальный декрет», который помог бы наладить надлежащим образом работу университета. В той же записке Б.П. Токин поставил вопрос «о целесообразности созыва руководителей вузов Западно-Сибирского края на совещание для обсуждения вопроса о взаимном обмене кадрами» [Там же. Л. 60].

В обязательствах, составленных коллективом ТГУ к чрезвычайному съезду Советов, основные задачи университета определялись в русле постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О работе учебных заведений и о руководстве высшей школой» [Там же. Л. 45].

В свою очередь руководство университета обязывалось обеспечить достойные условия для студентов и преподавателей, с наибольшими удобствами организовать учебный процесс. Это включало в себя, прежде всего, приведение преподавания на кафедрах университета к современному уровню, повышению уровня успеваемости студентов, их активное участие в научной и общественной деятельности. По инициативе Б.П. Токина актовый зал Фундаментальной библиотеки был преобразован в студенческий читальный зал на 300 мест со всеми удобствами, был оборудован кабинет партийного просвещения. Планировалось реорганизовать зоологический, минералогический, геологический музеи [Там же. Л. 48, 59].

В числе научно-исследовательских задач было выдвинуто, например, максимальное использование дефектоскопа (прибора для обнаружения внутренних дефектов в металлических изделиях) на практике, в частности на транспорте, работа над монографией «Физика твердого тела» (В.Д. Кузнецов вместе с научным коллективом СФТИ), помощь промышленным предприятиям (разработка вопроса об «электрическом поведении диэлектриков при высоких температурах для горячих цехов Кемеровского комбината») и т.д. [5. Л. 46, 47].

Многие из задач, поставленных самими учеными (в числе подписавшихся под обязательствами были профессор В.Д. Кузнецов, М.Д. Рузский, Б.П. Токин и др.), останутся актуальными и в годы Великой Отечественной войны.

Будучи директором университета, Б.П. Токин вел научные исследования, руководил научным семинаром при НИИБ, заведовал кафедрой дарвинизма и динамики развития животного организма (до 10 февраля 1937 г.), а затем кафедрой динамики (механики) развития животного организма [6. С. 112–113]. Помимо этого он читал лекции студентам биологического факультета. Профессор Н.Н. Карташова писала о нем: «Воспоминания, связанные с Борисом Петровичем Токиным, всегда самые светлые, самые добрые. Это был интересный, живой человек, талантливый ученый и прекрасный педагог. <...> На его лекции не нужно было загонять студентов, контролировать посещаемость, аудитории всегда были полными, и внимание и интерес к лекциям Бориса Петровича никогда не исчезали» [7. Л. 1].

Однако вскоре наступила черная полоса в жизни Бориса Петровича, связанная с его отстранением от должности директора ТГУ, а затем и арестом. Вот как вспоминал об этом Б.Г. Иоганзен: «Наступили праздники Великого Октября. 7 декабря 1937 г. собравшиеся утром на демонстрацию с недоумением заметили, что Б[орис] П[етрович] идет не во главе университетской колонны, а в составе биологического факультета. 9 ноября мы прочли приказ наркома просвещения А. Бубнова относительно отстранения Б.П. от должности директора университета» [3. Л. 5].

На заседании партийного комитета ТГУ, состоявшемся 10 ноября 1937 г., обсуждался вопрос о члене ВКП (б) Б.П. Токине, которого обвиняли в связи с «врагами народа». Материалы, как было сказано на заседании, поступили от московских организаций. Результатом стало исключение Б.П. Токина из партии «как выходца из мелкобуржуазной семьи, бывшего члена эсеровской партии, имеющего близкого родственника арестованного и не оправдавшего партийного и политического доверия» [8. Л. 87].

22 ноября «дело Б.П. Токина» рассматривали уже на закрытом партийном собрании. Секретарь парткома И.А. Абраменко, коллега Токина по биологическому факультету, ознакомил членов партийной организации с обвинениями Токина в том, что тот, будучи директором Биологического НИИ им. Тимирязева в Москве, был связан с врагами народа, среди которых был Э.С. Бауэр, выдающийся советский биолог-теоретик (1890–1938). В качестве вины Б.П. Токину

были предъявлены его прошлое членство в партии левых эсеров, связь с братом, жена которого оказалась «троцкисткой» и др. Кроме того, нашлись и томские «прегрешения». Так, например, утверждалось, что он, «будучи директором университета <...> не разоблачал врагов народа, не принимал мер к этому» [9. Л. 88–89].

Б.П. Токин в ходе собрания попытался опровергнуть обвинения в его адрес, хотя и признал некоторые свои «ошибки» в работе в должности директора университета [Там же. Л. 89 об.].

Выступавшие на собрании помощник директора университета по заочному сектору А.Е. Абрамович, а также исполнявший с 6 ноября 1937 г. обязанности директора ТГУ М.Г. Журавков поддержали обвинения в адрес Токина [8. Л. 90–90 об.].

В заключительном слове Б.П. Токин, обращаясь к партийцам, сказал: «Я прошу партийную организацию оставить меня в партии, я не мыслю быть вне партии, прошу парторганизацию учесть, что я активно боролся с врагами народа, накажите [так в тексте] меня, и я постараюсь исправить ошибки, которые я имел» [9. Л. 92].

Однако партсобрание подтвердило ранее принятое решение парткома об исключении из партии Б.П. Токина. «За» проголосовало 30 человек, участвовавших в собрании, «против» не выступил никто [Там же]. Заседание Томского бюро горкома ВКП (б) утвердило это решение.

В феврале 1938 г. Б.П. Токина арестовали. Позднее он вспоминал о дне своего ареста: «Невозможно писать о ночи с 9-е на 10-е февраля 1938 года, хотя отчетливо вспоминаются все минуты этой ночи. Тяжело. Страдания за Родину, за партию. Удивление, которое вполне может перейти в сумасшествие. Во мне были мысли и чувства, родившиеся в героический период Октябрьской революции, святой энтузиазм человека, рожденного революцией, преданность партии. <...> Нет сил и сейчас переживать кошмары прошлого. <...> Все ушло в историю. То было 45 лет назад! Неужели было? Не мрачная ли это фантазия» [10. Л. 3–5]. В заключении он провел ровно год, а в феврале 1939 г. был оправдан и восстановлен в партии.

С 1 марта он был назначен профессором кафедры анатомии, гистологии и эмбриологии ТГУ, а с декабря 1939 г. снова стал заведовать кафедрой динамики (механики) развития животного организма ТГУ [6. С. 113].

С началом Великой Отечественной войны наступил новый важный этап в жизни Б.П. Токина, связанный с организацией и функционированием Томского комитета ученых (ТКУ).

Накануне войны Томск был самым крупным научно-образовательным центром Сибири. В первые месяцы войны в Томск из европейской части страны было эвакуировано несколько вузов и НИИ. Вспомогательная об академике А.А. Заварзине, прибывшем в Томск 24 декабря 1941 г., Б.П. Токин так описывал Томск тех дней: «Далекий от фронта город жил напряженной, взбудораженной, боевой жизнью. В нем разместились десятки мощных эвакуированных предприятий, где рождалось оружие, снаряжение для армии...

В Томске оказались украинские, московские и ленинградские ученые» [11. С. 6].

В течение 1941–1942 гг. в Томске находились около 900 профессоров и доцентов (при 130 тыс. жителей) [6. С. 113]. На собрании ученых г. Томска, состоявшемся 7 января 1943 г., Б.П. Токин в своем докладе заметил по этому поводу: «Не так уж много найдется городов, где бы концентрировалось такое количество ученых, как в Томске» [12. Л. 135 об.].

Ученые Томска, среди которых были профессора В.Д. Кузнецов, А.Г. Савиных, Б.П. Токин и др., в первые же дни войны выступили с инициативой объединить усилия научного сообщества для оказания помощи фронту. Комитет ученых, по их мнению, должен был стать координатором усилий вузовских коллективов, лабораторий, НИИ, отдельных исследователей г. Томска и выполнял бы функцию главного связующего звена между наукой и производством, обществом и властью в условиях военного времени.

30 июня 1941 г. состоялось организационное заседание, на котором секретарь Томского городского комитета ВКП (б) В.И. Барахнин сообщил о том, «что горком ВКП (б), обсудив предложение, внесенное проф. Кузнецовым В.Д. и единодушно поддержанное учеными города Томска, считает необходимым поддержать ценную инициативу ученых и решил организовать Комитет томских ученых по оказанию помощи промышленности, транспорту и сельскому хозяйству в военное время» [13. Л. 1].

Первым и бессменным председателем ТКУ стал Б.П. Токин (избран на оргсобрании 30 июня). В разные годы в состав ТКУ входили В.Д. Кузнецов, К.Н. Шмаргунов, А.Г. Савиных (заместители председателя), И.Н. Бутаков, И.В. Геблер, А.П. Бунтин, В.К. Белиловский и др.

Так началась история Томского комитета ученых, который в течение войны собрал под своим началом все научные силы города и играл доминирующую роль в деле усилий, направленных на оказание помощи фронту, промышленности, транспорту и сельскому хозяйству.

2 июля 1941 г. состоялось общегородское собрание научных работников г. Томска, на котором Б.П. Токин выступил с докладом о задачах ученых в связи с начавшейся войной. Он в частности заявил: «Итак, надо безжалостно исключить из планов научно-исследовательской работы те темы, которые не имеют отношения к обороне, не имеют значения для промышленности, транспорта, сельского хозяйства, безжалостно исключить абстрактные темы. Необходимо сосредоточить внимание, мобилизовать силы и средства для действительно ведущей актуальной тематики» [4. 1941. 5 июля].

Речь, по сути, носила программный характер, выражала те принципы, которыми должен был руководствоваться ученый во время войны: оперативно реагировать на запросы промышленности и фронта, разработка актуальной тематики – главный приоритет исследователя.

Б.П. Токин говорил также о необходимости установления тесного сотрудничества между разными вузами, исследователями, лабораториями и производ-

ством, чтобы максимально сократить срок реализации на практике научных идей.

В заключение своего доклада он заявил: «Война будет нелегкая, потребуются немало жертв. Мы пройдем через огромные испытания. Ученые Томска клянутся не пожалеть сил, здоровья, крови и даже своей жизни, чтобы вместе со всем советским народом победить фашистов» [4. 1941. 5 июля].

В отчете о работе Томского комитета ученых, составленном 16 августа 1941 г. для председателя Всесоюзного комитета по делам высшей школы при Совнаркоме СССР С.В. Кафтanova, в качестве задач, стоявших перед ТКУ в военное время, назывались «форсированная постановка новых исследований», «использование всех достижений науки на укрепление обороны страны», «координирование работы ученых для скорейшего разрешения актуальных проблем», «помощь изобретателям и рационализаторам, подготовка специалистов» [14. Л. 11].

Исходя из этого, томские ученые в годы войны занимались обслуживанием оборонных предприятий, помощью промышленным предприятиям Кузбасса, предприятиям и учреждениям Томска, транспорту, сельскому хозяйству, госпиталям, санитарным службам армии, а также «пропагандистской деятельностью по мобилизации науки и техники на службу обороны страны» [15. Л. 4–5, 8–9].

Несколько слов о структуре ТКУ. Она включала бюро, пленумы и комиссии. Всего за годы войны было проведено 7 общих заседаний комитета (6 в 1941 г. и 1 в 1944 г.), 2 заседаний бюро (оба летом 1941 г., в июле и августе), которое являлось главной координирующей и управляющей структурой ТКУ летом 1941 г., 56 заседаний президиума (структуры, преемственной бюро и заседавшей регулярно с сентября 1941 г. по октябрь 1944 г.), из которых 7 состоялось в 1941 г., 27 – в 1942 г., 13 – в 1943 г., 8 в 1944 г. и 1 в 1945 г. Кроме того, с сентября 1941 г. по ноябрь 1942 г. почти ежемесячно проходили пленумы ТКУ, на которых, помимо ученых-членов ТКУ, присутствовали представители производства (инженеры, директора, рационализаторы фабрик и заводов Томска), а также городской и областной власти (члены горкома и обкома ВКП (б)).

Таким образом, интенсивность работы ученых на протяжении военных лет менялась и была прямо сопряжена с ситуацией на фронте. Наиболее напряженный этап деятельности ТКУ пришелся на начальный период Великой Отечественной войны: с июня 1941 г. по ноябрь 1942 г., когда состоялось 14 заседаний пленума и 31 заседание президиума.

Выступая на заседании президиума Центрального комитета Союза работников высшей школы и научных учреждений 6 марта 1942 г., Б.П. Токин отметил: «Деятельность ученых – это есть проявление исключительного подъема патриотического чувства ученых. Комитет ученых в 16–17 чел. – это патриотическая семья. <...> Создалась какая-то особая интимная дружелюбность ученых разных специальностей, разных возрастов и они этим живут. В Комитет приходят для обмена мнениями, приходят, когда возникают новые мысли» [16. Л. 46–47].

По словам Б.П. Токина, деятельность комитета ученых распространялась на всю Сибирь. «В комитет входили выдающиеся деятели науки и техники. Комитет стремился мобилизовать науку и производственные силы Сибири на помощь фронту» [11. С. 6].

В годы Великой Отечественной войны Б.П. Токин продолжал заведовать кафедрой динамики (механики) развития животного организма. Кафедра регулярно устраивала научные совещания с участием всех биологов города, на которых присутствовали от 30 до 40 человек [17. Л. 53 об.]. Борис Петрович и сотрудники кафедры постоянно консультировали врачей по лечебному применению растительных бактерицидов [18. Л. 31].

Но все-таки главным делом Б.П. Токина в тот период являлось руководство ТКУ. Он осуществлял огромную организаторскую деятельность, координируя работу отдельных звеньев и структур комитета. Его подпись стояла под каждым протоколом заседаний комитета. Б.П. Токин являлся главным связным между городской, областной, республиканской властью и научным сообществом. Он контролировал дисциплину среди членов ТКУ: выносил выговоры отсутствующим на совещаниях, ратовал о поощрении отличившихся. Организация новых структур ТКУ, в том числе и творческих бригад, часто происходила по его инициативе. Тем не менее решения комитета по всем важным проблемам принимались на коллегиальной основе.

Вот один из конкретных эпизодов из работы ТКУ. На заседании президиума ТКУ, состоявшемся 30 октября 1941 г., слушался вопрос о решении Томского горисполкома по выселению Западно-Сибирского геологического разведывательного треста Главгеологии Наркомнефти в сельскую местность. Изучив детально вопрос, комитет сделал вывод о нецелесообразности данного решения. Дело в том, что камеральная работа требовала постоянной связи с лабораториями и учеными томских вузов, а также постоянного доступа к специальным библиотекам. В результате было принято решение добиться от горисполкома отмены постановления и поручить это профессору Томского индустриального института М.К. Коровину [13. Л. 59–60].

Еще один пример. В первой половине 1942 г. членами комитета велась активная подготовка к совещанию ученых Новосибирской области, которое было запланировано на июнь 1942 г. В ходе заседания пленума ТКУ, состоявшегося 16 февраля 1942 г., было решено для подготовки к совещанию организовать следующие комиссии: металлообрабатывающую, электро-радиотехническую, энергетическую, химическую, транспортную, топливную, по цветным, черным и нерудным ископаемым, сельскохозяйственную [Там же. Л. 77]. Подобного рода мероприятия имели важное значение для систематизации научных разработок, обмена опытом между учеными, мониторинга текущих исследований. Ход подготовки к совещанию контролировался президиумом ТКУ и лично Б.П. Токиным.

На расширенном заседании пленума от 8 декабря 1942 г. обсуждался вопрос о выдвижении монографии Б.П. Токина «Бактерициды растительного происхождения» на Сталинскую премию. Открытые Б.П. Токиным еще в конце 1920-х гг. фитонциды в военное

время оказались чрезвычайно полезными. По поводу работы Бориса Петровича в самых одобрительных тонах высказались профессора В.Д. Кузнецов, С.А. Адамов, Д.Д. Яблоков, А.А. Заварзин, Д.И. Гольдберг. По итогам заседания было решено «представить от Томского комитета ученых работу проф. Б.П. Токина на Сталинскую премию» [13. Л. 110–110 об.]. Профессор П.С. Купалов в рецензии на книгу так отзывался о научном открытии Б.П. Токина: «Исследования Б.П. Токина теоретически освещают многие факты, казавшиеся ранее загадочными. <...> Б. Токин в широком эволюционном аспекте выясняет биологическое значение феномена фитонцидов. <...> Общебиологическое значение открытых Б. Токиным явлений бесспорно, и нужно надеяться, что лаборатория Б. Токина, биологи и врачи доведут исследования до полного логического конца» [19. С. 93].

Плодотворная и эффективная деятельность ТКУ уже в первый год войны вызвала повышенное внимание к нему ученых из других городов и областей Сибири. На протяжении 1941–1942 гг. комитеты ученых были организованы также в Омске, Кемерове, Новосибирске и Новокузнецке.

Работа комитетов ученых в Сибири за годы Великой Отечественной войны не просто «позволила в короткий срок мобилизовать научные силы, направить их деятельность на решение военнo-хозяйственных проблем» [20. С. 150], но и значительно обогатила научный потенциал сибирских регионов, результатом чего стало образование в системе Академии наук СССР его Западно-Сибирского филиала в 1943 г.

Т.Н. Петрова в монографии «Деятельность партийных организаций Западной Сибири по усилению творческого содружества науки с производством в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)» писала: «Опыт организационной и массовой работы, умение координировать усилия ученых разных специальностей для решения важнейших оборонных народнохозяйственных задач томичи охотно передавали другим. Многие в этом отношении сделал председатель Томского комитета Б.П. Токин, замечательный организатор и большой энтузиаст творческого содружества науки с производством» [21. С. 82].

После отъезда в Ленинград в июне 1946 г. Б.П. Токин неоднократно приезжал в Томск, где читал лекции студентам, председательствовал в Государственной экзаменационной комиссии; вел переписку со своим заместителем в Комитете ученых, директором СФТИ профессором В.Д. Кузнецовым, хранительницей Гербария ТГУ Л.П. Сергиевской и другими томскими коллегами. До конца своей жизни Б.П. Токин был профессором Ленинградского государственного университета, в котором в 1949 г. основал кафедру эмбриологии. В 1950 г. Б.П. Токин удостоился Сталинской премии III степени за монографию «Фитонциды», с 1967 г. был президентом Ленинградского общества естествоиспытателей, в 1971 г. удостоился звания Героя Социалистического Труда [1. С. 427]. До последних дней (умер 16 сентября 1984 г.) он оставался активным участником не только научной, но и общественной жизни.

Вспоминая о томском периоде жизни, Борис Петрович в 1959 г. писал своим коллегам по Томску: «Я прожил и [про]работал порядочный “кусоч” своей жизни в Томске. Нередко было нелегко. Но и времена были интересные, и работа была интересная» [22].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Профессора Томского университета : библиографический словарь* / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, Л.Л. Берцун, А.В. Литвинов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 2. 544 с.
2. *Б.П. Токин – ученый и гражданин* : Вып. 1 / ред. Г.П. Короткова. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 136 с.: ил.
3. *Воспоминания Б.Г. Иоганзена* // Музей истории ТГУ.
4. *Красное знамя*. Орган Томского горкома ВКП(б) и городского Совета депутатов трудящихся. Томск.
5. *Государственный архив Новосибирской области (ГАО)*. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 1100.
6. *Ректоры Томского университета: Биографический словарь (1988–2003)* / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, К.В. Петров, А.В. Литвинов, К.В. Зленко. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. Т. 5. 188 с.: ил.
7. *Воспоминания Н.Н. Карташовой*. 1 л. // Музей истории ТГУ.
8. *Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО)*. Ф. 115. Оп. 2. Д. 34.
9. ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 2. Д. 33.
10. *Из воспоминаний Б.П. Токина о Томске*. 5 л. // Музей истории ТГУ.
11. *Б.П. Токин*. Последние годы жизни и творчества академика А.А. Заварзина // Проблемы современной биологии (Тр. Ленинградского общества естествоисп. Т. 81–82. Вып. 1.) Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1972. С. 3–20.
12. ЦДНИ ТО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 10.
13. ЦДНИ ТО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 2.
14. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 36.
15. ЦДНИ ТО. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 1.
16. ГАО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 221.
17. *Государственный архив Томской области (ГАТО)*. Ф. Р-815. Оп. 19. Д. 34.
18. ГАО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 964.
19. *Купалов П.С.* Рец.: Б. Токин с участием А. Коваленок, Г. Неболюбовой, И. Торопцева, Л. Ферри и А. Филатовой. Бактерициды растительного происхождения (фитонциды) // Природа. 1943. № 4. С. 92–93.
20. *Осташко Т.Н.* Наука и ученые Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2002. 154 с.
21. *Петрова Т.Н.* Деятельность партийных организаций Западной Сибири по усилению творческого содружества науки с производством в годы Великой Отечественной войны (1951–1945 гг.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1968. 390 с.
22. *Письмо Б.П. Токина* от 3 октября 1959 г. // Музей истории ТГУ.

Статья представлена научной редакцией «История» 25 ноября 2014 г.

TOMSK PERIOD IN THE LIFE OF PROFESSOR B.P. TOKIN

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 148–154. DOI 10.17223/15617793/391/24

Fominykh Sergey F., Stepnov Alexey O. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sergei.fominykh1940@mail.ru; ASAOM@yandex.ru

Keywords: Tomsk; university; science; education; Great Patriotic War.

The article is devoted to the life and work of Boris Petrovich Tokin. Particular emphasis is placed on the Tomsk period (1936–1946). During this period he was the Director (Rector) of Tomsk State University for some time (from August 1936 to November 1937). In this short time, B.P. Tokin paid special attention to developing research and educational activities of the university, the first Siberian university. Under him, the Assembly Hall of the Fundamental Library of the University was transformed into a student's reading room. In the article on the basis of documents and memories, events were reconstructed associated with the removal of B.P. Tokin from his office as the Director, his expulsion from the party in November 1937 and subsequent arrest in February 1938. A year later, B.P. Tokin was acquitted for innocence, restored in the party and continued to work at the University of Tomsk first as a professor of the Department of Anatomy, Histology and Embryology (from March 1, 1939), and in December 1939 he was appointed Head of the Dynamics (mechanics) of the Animal Organism Department. The article reflects the activities of B.P. Tokin as a scientist. For a long time he was engaged in the problems of cell division, in research on the ontogeny of the cells, the nature of mitogenic rays. The result was the discovery of plant-derived microbicides, called phytoncides. Later, in 1950, already in the Leningrad period of his life, B.P. Tokin was awarded the Stalin Prize, the title of Hero of Socialist Labor. Shortly after the beginning of the Great Patriotic War, B.P. Tokin became the head of Tomsk Scholar Committee to promote the industry of transport and agriculture in wartime. The first of such public bodies in the country, it had worked throughout the years of the war and joined the efforts of scientists of different specialties. On the eve of the war, Tomsk was the largest scientific and educational center of Siberia. In the first months of the war, several universities and research institutes were evacuated from the European part of the country. About 900 professors and associate professors out of 130 thousand inhabitants lived in Tomsk at the time. As Chairman of Tomsk Scholar Committee B.P. Tokin fully realized diverse organizational activities. Protocols of meetings of the presidium, plenum and bureau of Tomsk Scholar Committee give a clear idea about what kind of contribution to the victory over the enemy Tomsk scientists made. The committee extended its activities over the whole Siberia. The paper provides concrete examples of various work of the Committee in the interests of defense and national economy. It is emphasized that it allowed mobilizing the scientific resources, directing their activities to the quick solution of military-economic problems, strengthening the cooperation of science and industry.

REFERENCES

1. Fominykh S.F., Nekrylov S.A., Bertsun L.L., Litvinov A.V. *Professors of Tomsk State University: bibliographical dictionary* [Professors of Tomsk State University: Bibliographical Dictionary]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1998. Vol. 2, 544 p.
2. Kороткова G.P. (ed.) *B.P. Tokin – uchenyy i grazhdanin* [B.P. Tokin as a scientist and citizen]. Leningrad: Leningrad State University Publ., 1988. Issue 1, 136 p.

3. *Vospominaniya B.G. Ioganzena* [Memories of B.G. Ioganzen]. History Museum of TSU.
4. *Krasnoe znamya*. Organ Tomskogo gorkoma VKP (b) i gorodskogo Soveta deputatov trudyashchikhsya [An agency of Tomsk city committee of the CPSU (b) and the City Council of People's Deputies]. Tomsk.
5. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-3. List 10. File 1100.
6. Fominykh S.F., Nekrylov S.A., Petrov K.V., Litvinov A.V., Zlenko K.V. *Rektory Tomskogo universiteta: Biograficheskiy slovar' (1988–2003)* [Rectors of Tomsk State University: A Biographical Dictionary (1988-2003)]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2003. Vol. 5, 188 p.
7. *Vospominaniya N.N. Kartashovoy* [Memories of N.N. Kartashova]. History Museum of TSU. 1 page.
8. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 115. List 2. File 34.
9. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 115. List 2. File 33.
10. *Iz vospominaniy B.P. Tokina o Tomske* [From the memoirs of B.P. Tokin of Tomsk]. History Museum of TSU. 5 pages.
11. Tokin B.P. *Poslednie gody zhizni i tvorchestva akademika A.A. Zavarzina* [The last years of the life and work of academician A.A. Zavarzin]. In: *Problemy sovremennoy biologii* [Problems of modern biology]. Leningrad: Leningrad State University Publ., 1972, pp. 3–20.
12. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1078. List 1. File 10.
13. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1078. List 1. File 2.
14. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 3. File 36.
15. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1078. List 2. File 1.
16. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-4. List 6. File 221.
17. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 19. File 34.
18. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 1. File 964.
19. Kupalov P.S. Rets.: B. Tokin s uchastiem A. Kovalenok, G. Nebolyubovoy, I. Toroptseva, L. Ferri i A. Filatovoy. Bakteritsidy rastitel'nogo proiskhozhdeniya (fitontsidy) [Review: B. Tokin with Kovalenok A., Nebolyubova G., Toroptsev I., Ferry L. and Filatov A. Participating. Bactericides of plant origin (phytoncids)]. *Priroda*, 1943, no. 4, pp. 92–93.
20. Ostashko T.N. *Nauka i uchenye Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Science and scientists in Siberia during World War II]. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ., 2002. 154 p.
21. Petrova T.N. *Deyatel'nost' partiynykh organizatsiy Zapadnoy Sibiri po usileniyu tvorcheskogo sodruzhestva nauki s proizvodstvom v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1951–1945 gg.)* [Activity of the party organizations of Western Siberia to enhance creative collaboration between science and production in the Great Patriotic War (1951-1945)]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1968. 390 p.
22. *Pis'mo B.P. Tokina ot 3 oktyabrya 1959 g.* [Letter of B.P. Tokin on October 3, 1959]. History Museum of TSU.

Received: 25 November 2014

ПРАВО

УДК 343.953

Р.Л. Ахмедшин

ТАКТИКА ДОПРОСА ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

Рассматриваются отдельные аспекты тактики допроса иностранных граждан. В основе предлагаемой тактики лежит криминалистическая характеристика рассматриваемой группы. Тактические приемы сгруппированы по стадиям допроса. Рассматривается тактика применительно к анкетной стадии, стадии свободного рассказа, стадии уточняющих вопросов и стадии дополнительных вопросов.

Ключевые слова: допрос; тактика; иностранные граждане.

Интегрированность современной России в мировое сообщество объективно предопределяет возникновение ситуации вовлечения граждан иных государств в сферу расследования преступлений. Учитывая социокультурные и психологические отличия граждан иных государств от граждан России, целесообразна разработка тактических рекомендаций по допросу иностранцев.

Представляются не только не состоятельными, но и этически несостоятельными тактические рекомендации по допросу иностранцев, базирующиеся на необходимости особой, более тщательной подготовки к допросу. Так, встречаются рекомендации о том, что «готовясь к допросу иностранца, следователь должен с особым вниманием изучить материалы уголовного дела» [1. С. 409], «вопросы, обращенные к иностранному гражданину... должны отличаться особой корректностью и тактичностью» [Там же]. Данные рекомендации представляются этически несостоятельными, так как вводят какой-то особый статус для граждан других государств по сравнению с гражданами России. Принципиальные особенности статуса иностранцев на допросе действительно имеются, но только процессуальной природы. К числу немногих процессуальных рекомендаций допроса иностранцев относится рекомендация о том, что иностранных граждан, обладающих иммунитетом от российской юрисдикции, можно привлекать к участию в следственных действиях лишь по их просьбе или с их согласия, что фиксируется в письменной форме.

Криминалистическая характеристика допрашиваемого-иностранца. Тактическая линия допроса может варьироваться в силу принадлежности допрашиваемого к одной из значимых по объему группе лиц:

- граждан государств, входящих в СНГ, выделяемых в особую группу в силу ментального единства с гражданами России вследствие единого прошлого и мало различающегося настоящего;
- иностранных граждан, малознакомых с культурой и образом жизни современной России, негативно настроенных к нашей стране;
- иностранных граждан, малознакомых с культурой и образом жизни современной России, позитивно или нейтрально настроенных к нашей стране.

Необходимость изучения личности допрашиваемого перед допросом, конечно, остается актуальной и

при подготовке к допросу иностранца. Несколько увеличивается только объем изучения личности, который помимо биографического, психологического и социального аспекта включает также культурно-психологический. Отметим, что здесь кроется вероятность совершения тактической ошибки. Наиболее известные факты о культурно-психологических особенностях граждан того или иного государства часто не имеют никакого отношения к объективности. Граждан нашей страны часто воспринимают как диких, агрессивных алкоголиков, мы также приписываем представителям чужих стран гипертрофированные характеристики, возникающие вследствие установки на восприятие в чужой жизни ярких, далеких от средних (типовых) характеристик.

Вышесказанное требует использования при изучении культуры другого государства формулы «они такие» вместо привычной для обыденного мировосприятия формулы «они такие, потому что».

Отличительной чертой тактики допроса иностранцев выступает учет и использование особенностей восприятия и анализа ими информации как следствия существования специфического социопсихологического (национального) мировосприятия. Особенность тактики допроса иностранца применительно к самой структуре допроса не просматривается, отличие – в содержании стадий допроса.

Представляется, что тактика допроса представителей первой выделенной группы будет малоотличима от тактики допроса гражданина России, хотя, без сомнения, ряд процессуальных формальностей соблюсти придется.

Особенности подготовки к допросу. Особенностью допроса иностранца часто выступает обстоятельство невладения последним русским языком полностью или в достаточной мере, а следовательно, необходимость присутствия на допросе переводчика (ст. 59, 169 УПК РФ).

Несмотря на многонациональное население нашей страны, у многих следователей, в силу малого опыта общения с представителями других культур, не наблюдается навыка лингвистической адаптации. Таким следователям трудно произнести имя, фамилию и отчество допрашиваемого, нетипичные для лингвистической культуры следователя. Следовательно, тактически целесообразно потренироваться в произнесении имени допрашиваемого и иных участников рас-

следования, возможных названиях населенных пунктов и географических объектов и т.д. Возможно, необходимо также выяснить транскрипцию их написания, чтобы не внести ошибок в протокол допроса.

Перед началом допроса следователь должен убедиться, что переводчик и допрашиваемый не только используют один язык, но и одинаково хорошо владеют диалектом, на котором будут даны показания. Данные о схожести или идентичности используемого диалекта целесообразно внести в протокол допроса. Также следователь должен выяснить взаимоотношения допрашиваемого и переводчика, наличие в их биографиях общих этапов, существование конфликтных моментов между ними как представителями различных культур, так как владение одним языком не означает единства культурного.

Отметим, что в случае присутствия на допросе иностранного гражданина переводчика, последнего необходимо расположить ближе к следователю, чем к допрашиваемому. В случае негативного отношения допрашиваемого к следователю создается иллюзия противодействия допрашиваемому двух лиц – следователю и переводчику. В случае достижения психологического контакта со следователем допрашиваемый постарается «присоединиться» к иным участникам допроса, в целях своего психологического комфорта, не противопоставляя себя кажущемуся дуэту – следователю и переводчику. Следователю необходимо рассмотреть возможность предоставления переводчику списка основных вопросов, планируемых на допросе, чтобы обеспечить оперативный и адекватный перевод. Также указанный список целесообразно предоставить, чтобы не допустить неполиткорректного использования терминов. Классическим примером неадекватного понимания термина является неприемлемость ряда негроидных культур термина «негр» как оскорбительного. Скажем больше: термин «афро» часто воспринимается как оскорбительный негроидами – гражданами США.

Необходимо представить переводчика допрашиваемому, указав не только факт владения переводчиком его функциональными навыками, но и общие с допрашиваемым обстоятельства биографии, мировосприятия, культурные, национальные особенности личности лица, обеспечивающего перевод показаний допрашиваемого. Тактическая целесообразность выбора переводчиком лица, знакомого допрашиваемому, однозначно быть решена не может. Конечно, факт знакомства допрашиваемого с переводчиком будет способствовать психологическому контакту в процессе допроса, однако вероятность причастности переводчика к расследуемым событиям также существует, что предопределяет необходимость очень осторожно выбора фигуры переводчика.

Вопрос о необходимости существования тактической самостоятельности переводчика спорен и ждет своего решения в последующих исследованиях, но мы полагаем, что проявление какой бы то ни было инициативы переводчиком в процессе допроса недопустимо, а о самостоятельности тактической можно говорить только в контексте стадии подготовки к допросу.

Еще одной проблемной ситуацией является возможность допросить лицо, не владеющее русским языком, следователем, владеющим языком допрашиваемого. Вполне возможна ситуация, когда следователь владеет языком, на котором желает давать показания иностранец. Закон не запрещает вести допрос на этом языке, которым следователь владеет свободно, что значительно оптимизирует общение с допрашиваемым, способствуя установлению психологического контакта с ним. Однако необходимо понимать, что следователь и переводчик – это различные процессуальные фигуры, а вопрос совмещения процессуальных функций однозначно решен быть не может. В случае необходимости, полагаем, следователь может совместить эти функции, если согласие на подобное совмещение, данное допрашиваемым-иностранцем, внесено в протокол допроса.

В отечественной криминалистической науке, в случае владения следователем языком допрашиваемого, высказываются рекомендации составлять на данном же языке и протокол допроса. Впоследствии же с помощью приглашенного переводчика перевести протокол на язык судопроизводства и приобщить независимый перевод к делу. Представляется, что в силу ресурсозатратности данная рекомендация тактически нецелесообразна, хотя, без сомнения, место дискуссии в понимании рассматриваемого вопроса сохраняется.

Значимым с тактической точки зрения является выбор места допроса иностранного гражданина. Необходимо учитывать, что казенная обстановка действует на людей, чувствующих себя в изоляции, психологически, а именно такая установка характерна для лиц, пребывающих в другом государстве, намного более подавляющей, нежели чем на граждан этого государства. Учитывая вышесказанное, отметим, что, как и в случае допроса несовершеннолетнего, желательно избегать допроса в государственных учреждениях. Наоборот, будучи допрошенными, в помещении дипломатического или консульского представительства иностранные граждане, особенно из стран Европы и США (в силу стереотипов навязанных средствами массовой информации этих стран), чувствуют себя полностью защищенными, сама обстановка присутствия официальных лиц обеих сторон стимулирует самолюбие допрашиваемого, понижая его психологический потенциал сопротивления воздействию. Последнее положение действует в наибольшей степени в отношении иностранных граждан, малознакомых с культурой и образом жизни современной России, негативно настроенных к нашей стране.

В современной криминалистической литературе рекомендуется осуществлять вызов на допрос иностранцев, прибывших в страну в составе делегаций, туристических групп, морских круизов и т.п. через руководителей этих групп, делегаций. Учащиеся-иностранцы могут быть вызваны через администрацию учебных заведений, землячества и иные организации, в которые они входят. Пребывающие в России на постоянной основе специалисты и рабочие могут быть вызваны через администрацию фирм или учреждений.

При подготовке к допросу следователь должен продумать вопрос о том, как иностранец, не знающий

языка и города, сможет отыскать место допроса. Простейшим решением данной проблемы является приложение к повестке вызова на допроса карты с маршрутом к месту проведения допроса от заявленного места пребывания иностранного гражданина. Естественно, карта должна быть составлена с использованием языка, используемого будущим допрашиваемым. Составление подобного маршрута на иностранном языке не проблематично в силу наличия большого количества компьютерных программ ориентирования, адаптированных под многие иностранные языки.

Для иностранных граждан, малознакомых с культурой и образом жизни современной России, позитивно или нейтрально настроенных к нашей стране, тактически оптимальна организация допроса на «нейтральной» территории. В рассматриваемом случае целесообразен выбор достаточно оживленной территории, ассоциирующейся в сознании допрашиваемого лица со стереотипными образами современных детективов.

Отметим, что если допрашиваемый, пребывающий на территории России в качестве туриста, должен в скором времени убыть из нашего государства, то целесообразно провести допрос как можно скорее. В данном случае место проведения допроса становится тактически второстепенным. В рассматриваемом случае допрашиваемому целесообразно объяснить, что получение от него интересующей следствие информации является залогом отсутствия неудобств, связанных с задержкой отъезда на его родину, которые потенциально возможно могут наступить в случае недобросовестного поведения допрашиваемого. Таким образом, необходимо проводить мысль о том, что взаимодействие со следствием для допрашиваемого является благом.

Кроме переводчика при допросе иностранного гражданина может присутствовать адвокат и, по просьбе допрашиваемого, сотрудник консульского или дипломатического представительства его страны, что предопределяет использование тактики противодействия ранее рассмотренной. Все переговоры о месте, времени допроса с участием этих лиц ведутся руководителем следственного подразделения только через МИД.

Особенности анкетной стадии. Традиционно в анкетно-формальной стадии допроса переводчику разъясняются его права и обязанности, он предупреждается об уголовной ответственности за заведомо неправильный перевод по ст. 207 УК РФ; иностранцу же разъясняют его право давать показания на избранном им языке и право отвода переводчика. Пожелание допрашиваемого давать показания с помощью переводчика или без него отражается в протоколе допроса.

Во время анкетной стадии допроса целесообразно внесение в протокол биографических данных о личности допрашиваемого, после собственноручного их написания на чистом листе бумаге допрашиваемым, в целях избегания ошибки.

Со второй половины XX в. в криминалистике существует не всегда обоснованное предположение о презумпции незнания основных процессуальных прав и обязанностей допрашиваемого, однако это не всегда

соответствует действительности в век информации. Знание же норм уголовного процесса другого государства, без сомнения, доступно преимущественно лицам с высшим юридическим образованием. Признаком высокой степени подготовленности следователя к допросу будет выступать знание им норм уголовного процессуального закона страны допрашиваемого. Ознакомив допрашиваемого-иностранца с нормами УПК РФ, следователь может изложить их в сравнении с нормами государства допрашиваемого, что может способствовать лучшему усвоению последним норм российского права.

Крайне значимы тактические рекомендации по проведению анкетно-контактной стадии допроса. Позволим себе высказать рекомендацию свести до минимума беседу по установлению психологического контакта с допрашиваемым-иностранцем, малознакомым с культурой и образом жизни современной России, негативно настроенным к нашей стране. Анти-российская пропаганда активно использует образ карательного правосудия как нечто свойственное нашему государству; переубедить взрослого человека, не мотивированного на изменение мировосприятия, представляется нам крайне энергозатратным и труднореализуемым.

Установка на выискивание допрашиваемым доказательств свойственного русским следователям коварства в беседе, не затрагивающей вопросы расследуемого события, только поспособствует психологической мобилизации допрашиваемого. Таким образом, в силу сказанного отметим ограниченную по кругу лиц ценность тактической рекомендации о проведении вводной части допроса в форме беседы общего характера, в которой могут быть затронуты вопросы, близкие и понятные допрашиваемому-иностранцу [1. С. 413].

Попытки допрашиваемого иностранца, принадлежащего к рассматриваемой группе, придать обсуждаемым событиям политической характер необходимо тактично пресекать нестандартными фразами, имеющими элемент логической несостоятельности, например: «мы же с вами взрослые люди, а не политики»; «оставим политические дискуссии озабоченным мужчинам (если допрашиваемый женщина) / женщинам-домохозяйкам (если допрашиваемый мужчина) / подросткам в Интернете (если в поведении допрашиваемого наблюдаются сексуальные aberrации)»; «у вас вид человека, переросшего политический экстремизм масс» и пр.

Необходимо постоянно подчеркивать мысль, что нас интересуют только обстоятельства произошедшего преступного события, а не политические взгляды его участников. Если в силу стереотипов допрашиваемый-иностранец относится к следователю как представителю Российского государства негативно, попытки достичь психологического контакта будут неудачными. В этом случае допрашиваемый не только сохранит негативное отношение к Российскому государству, но и начнет относиться к следователю как к лицу, не имеющему никакой ценности в силу отсутствия у него основополагающих корпоративных (государственно-культурных) ценностей.

Наоборот, предварительная беседа в целях установления психологического контакта с допрашиваемым-иностранцем, малознакомым с культурой и образом жизни современной России, позитивно или нейтрально настроенным к нашей стране, будет способствовать психологическому сближению участников допроса.

Особенности стадии свободного рассказа. В процессе допроса следователь, как известно, должен оценивать поступающую от допрашиваемого информацию, анализируя его поведенческие сигналы. В процессе анализа поступаемых сигналов следователь должен помнить, что допрашиваемый может принадлежать к культуре, в которой трактовка поведенческих сигналов иная, чем в культуре следователя. Классическим примером выступает стереотип реагирования болгарскими на согласие или несогласие с собеседником. Традиционно желая сказать «да» или согласиться с собеседником, представители болгарской нации качают головой слева направо, а желая сказать «нет» или проявить несогласие с собеседником, производят наклоны головой сверху вниз. Не так широко известен факт, что подобное поведение также присуще грекам, румынам, македонцам и индусам. В нашей же культуре, как известно, головой качают в знак несогласия, а кивают – наоборот. Жители Мальты в знак отрицания касаются кончиками пальцев подбородка, повернув кисть вперед. Японцы в этом случае покачивают ладонями из стороны в сторону, а арабы откидывают голову назад.

Понятно, что следователь, не знающий об этих особенностях, неправильно оценит поступающую ему в процессе допроса информацию.

Культурно-психологические особенности могут определять не только содержание невербального (бессловесного) поведения, но и его формы. Речь идет о привычной для следователя интонации речи. Даже с учетом типологических особенностей допрашиваемых существует условная интонационная «норма» (применительно к большинству языковых культур). Оценивая речь представителей иных культур, следователь делает выводы на основе имеющегося опыта, полученного в контексте культуры родной, что может предопределить неправильные выводы.

Зная о закономерностях, возникающих в процессе сообщения допрашиваемым ложных показаний, следователь должен акцентировать внимание на ускорении и / или замедлении речевого фона допрашиваемого. Однако наличие в речи избыточного количества громких горловых звуков, свойственных, в частности, для лиц – выходцев с Кавказа, может ввести в заблуждение следователя, создав у него иллюзию вол-

нения допрашиваемого. Следовательно, может создаться неадекватная ситуация внимания к обстоятельствам, не имеющим значение для расследования преступного события. Аналогичные обстоятельства наблюдаются в процессе допроса иностранцев, язык которых характеризуется непривычной для нас тягучестью, например у жителей прибалтийских и скандинавских государств. Интонационные замедления в речи таких допрашиваемых возможно заметить, только если специально настроиться на их ожидание.

Особенности стадии уточняющих вопросов. В стадии уточняющих вопросов следователь склонен к использованию сравнительных, идиоматических, диалектных форм, однако необходимо помнить, что адекватный перевод с русского языка этих форм на иностранный часто затруднителен, а порой и невозможен. Из сказанного следует, что существует тактическая нецелесообразность использования названных форм речи.

Особенности стадии дополнительных вопросов. Учитывая, что любой человек полагает, что культурно-психологические традиции есть нечто малоизменное и стабильное, в стадии дополнительных вопросов необходимо остановиться именно на них. Рассмотрим яркий пример: урбанизированная европейская традиция, ставящая индивидуализм во главу всего, предопределяет при наличии выбора склонность человека располагаться в месте наименьшей концентрации людей. Так, заходя в автобус, рассматриваемое лицо будет склонно занять место в ряду, где сидит наименьшее количество человек.

Коллективистское азиатское мировосприятие, наоборот, склонно к выбору места большей концентрации людей, т.е. в рассматриваемой ситуации с автобусом лицо с азиатским менталитетом будет склонно занять место в ряду, где сидит наибольшее количество человек. Подобное поведение характерно для значительного количества граждан Южной и Северной Кореи, Вьетнама, Камбоджи, Таиланда.

Непонимание рассматриваемого явления может привести к ошибке при анализе материалов расследования, поэтому необходимо постоянно сопровождать центральные моменты показаний вопросом о том, насколько описываемое поведение допрашиваемого для него типично и почему. Таким образом, следователь совершит ошибку, увидев умысел человека, в событии, которое было обусловлено только привычкой.

Представляется, что именно в силу малой освоенности с культурами мира для допрашивающего стадия дополнительных вопросов на допросе будет представлять наибольшую сложность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бастрыкин А.И. Криминалистика. Техника, тактика и методика расследования преступлений : науч.-практ. пособие. СПб. : Юридический центр Пресс, 2009. 460 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 6 сентября 2014 г.

TACTICS OF INTERROGATION OF FOREIGN CITIZENS

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 155–159. DOI 10.17223/15617793/391/25

Akhmedshin Ramil L. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: raist@sibmail.com

Keywords: interrogation tactics; tactic.

The integration of modern Russia in the world community objectively determines the situation involving citizens of other states in the field of crime investigation. Given the socio-cultural and psychological differences of citizens of other states against Russian citizens development of tactical recommendations for interrogation of aliens is expedient. In modern forensic literature it is recommended to make a call on the interrogation of foreign nationals entering the country with delegations and tourist groups, etc. through the leaders of these groups and delegations. Students-foreigners can be induced through the administration of educational institutions, associations and other organizations to which they belong. Experts and workers staying in Russia on a permanent basis can be induced through the administration of companies or institutions. In preparation for the interrogation, the investigator should consider the question of how a foreigner, not knowing the language and the city, will be able to find the place of interrogation. The simplest solution to this problem is to attach a map with the route to the place of interrogation from the declared place of residence of a foreign citizen to the agenda of the call to questioning. Naturally, the card must be compiled using the language used by the person to be questioned. The preparation of such a route in a foreign language is not problematic due to the presence of a large number of computer programs of orientation adapted to a large number of foreign languages. For foreign citizens unfamiliar with the culture and way of life of modern Russia, neutrally or positively minded towards our country, it is tactically optimal to organize interrogation on a "neutral" territory. In this case, the appropriate choice is a lively area associated in the mind of the interrogated person with stereotypical images of modern detectives. During the interrogation of a foreign citizen, in addition to the interpreter, a lawyer and, at the request of the person questioned, a consular or diplomatic representative of their country can be present, which implies the use of tactics of counteraction to the previously considered one. All negotiations regarding the location, time of interrogation with the participation of these persons are conducted by the head of the investigative unit only through the Ministry of Foreign Affairs.

REFERENCES

1. Bastrykin A.I. *Kriminalistika. Tekhnika, taktika i metodika rassledovaniya prestupleniy* [Forensics. Technique, tactics and methods of crime investigation]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2009. 460 p.

Received: 06 September 2014

ПЕРЕСМОТР НЕ ВСТУПИВШИХ В ЗАКОННУЮ СИЛУ ПРИГОВОРОВ, ПОСТАНОВЛЕННЫХ СУДОМ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ, В РОССИИ: ТРАДИЦИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

Рассматриваются значение и формы пересмотра приговоров, постановленных судом с участием присяжных заседателей, в России, Англии и Франции. Приведены позиции российских дореволюционных процессуалистов о невозможности распространения апелляции на приговоры, постановленные судом с участием присяжных заседателей. В результате анализа апелляционных оснований отмены приговоров суда присяжных по действующему УПК РФ сделан вывод об их идентичности ранее действующим кассационным основаниям. Также сделан вывод о несоответствии распространения апелляции на приговоры суда присяжных российским правовым традициям.

Ключевые слова: суд присяжных; апелляция; кассация; пересмотр приговоров; правовые традиции; международные стандарты уголовного правосудия.

История российского судопроизводства и судебная правоприменительная практика зарубежных стран свидетельствуют о том, что, несмотря на всё стремление и прилагаемые усилия, направленные на постановление правосудного приговора в первой инстанции, сохраняется возможность совершения ошибок, которые препятствуют вынесению законного, обоснованного и справедливого решения по соответствующему спору. Судебные ошибки при рассмотрении уголовных дел способны нанести тяжелые последствия для участников судебного разбирательства, поскольку именно посредством уголовного судопроизводства разрешаются вопросы ограничения (лишения) основных прав и свобод человека и гражданина, а также вопросы, связанные с воздаянием за совершение самого опасного вида правонарушения – преступления. Не вызывает сомнений, что только приговор, вынесенный на основании закона и отвечающий требованиям справедливости, преобладающим в обществе, способен выполнить стабилизирующую функцию и сгладить социальную напряженность в конфликте потерпевший – преступник.

Известный русский правовед, сенатор П.И. Люблинский считал, что назначение правосудия – не решение правового спора и не осуществление карательного права государства, а постановление правосудного приговора, в котором заинтересованы не только участники конкретного разбирательства, но и само государство в лице судебных органов, наделенных правом разрешать одну из древнейших и жизненно необходимых форм реализации властных полномочий – разрешение судебных споров [1. С. 36–37].

Судопроизводство с участием присяжных заседателей отличается от правосудия без участия народного элемента рядом особенностей, которые неоднократно были предметом научных статей, диссертаций и монографий. Основной особенностью является, конечно же, деление суда на «судей права» и «судей факта». По нашему мнению, такое деление является не только системообразующим для суда присяжных, но и способствует если не полному исключению ошибок при производстве по конкретному делу, то по крайней мере их сокращению. Одновременно с этим практика рассмотрения судебных дел судом с участием присяжных заседателей как в дореволюционной,

так и в современной России показывает, что такие гарантии не могут исчерпывающе обеспечить постановление правосудного приговора в первой инстанции. В связи с этим очевидна необходимость в возможности пересмотра приговоров суда присяжных в вышестоящих судебных инстанциях. Возникает вопрос, в каких именно формах суд вышестоящей инстанции должен осуществлять пересмотр приговоров, постановленных судом с участием присяжных заседателей. Неправильно выбранная форма пересмотра приговоров суда присяжных, при которой вышестоящая судебная инстанция будет обладать всей полнотой полномочий по пересмотру не только вопросов права, но и фактических обстоятельств дела и, соответственно, правом отмены вердикта присяжных заседателей, сведет на нет значение суда присяжных. В такой ситуации суд присяжных фактически превратится из функционирующего механизма рассмотрения уголовных дел с участием представителей народа в его карикатуру, его значение будет сугубо декларативным.

Актуальность вопроса о возможных формах пересмотра приговоров, постановленных судом с участием присяжных заседателей, объясняется, во-первых, значением суда присяжных, во-вторых, имплементацией в отечественный уголовный процесс международных стандартов уголовного правосудия.

Так, на протяжении столетий суд присяжных характеризовался как «лучшее средство отправления правосудия» [2. С. 529], «суд общественной совести» [3. С. 214], «палладиум личной свободы и политической независимости народной, ревностный страж общественной безопасности, строгий судья злодеяний» [4. С. 43–44], «средство разрешения нестандартных ситуаций, где из-за тяжести возможных последствий опаснее погрешить против справедливости, нежели против веления абстрактной правовой нормы» [5. С. 81]. При разработке нового УПК РФ законодатель руководствовался главной задачей по приведению уголовно-процессуальных норм, регулирующих процедуру разрешения наиболее острых конфликтов, возникающих между государством и личностью, в соответствии с Конституцией РФ и международно-правовыми нормами в области прав и свобод человека [6. С. 98; 7. С. 85; 8. С. 105–106]. Практика свидетель-

ствует, что такая «гармонизация» отечественного и зарубежного законодательства не всегда соответствует традициям отечественного уголовного процесса, а «реформирование» судопроизводства порой отличается малой научной и теоретической проработкой. Примером последнего стал Федеральный закон от 29.12.2010 № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» [9], который распространил апелляционный порядок пересмотра судебных актов на приговоры, постановленные судом с участием присяжных заседателей. Названные поправки в УПК РФ не соответствуют традициям пересмотра приговоров, постановленных судом с участием присяжных заседателей, которые берут своё начало с момента становления суда присяжных в дореволюционной России.

До судебной реформы 1864 г. уголовное судопроизводство отличалось многочисленностью судебных инстанций, которые современники называли «одинадцатью мытарствами» [10. С. 2], их налагающаяся компетенция приводила к невыносимой волоките в рассмотрении уголовных дел. Авторы приводят примеры, по которым дела в одной первой инстанции «залеживались» по 10–15 лет [11. С. 229], производство по другим составляло более 20 лет [12. С. 323], по третьим делам издавалось до 12 противоречащих друг другу судебных приказов о порядке направления дел в вышестоящую инстанцию [11. С. 229].

Такое состояние судопроизводства явилось причиной проведения радикальных реформ, по завершении которых был принят Устав уголовного судопроизводства 1864 г. Именно в эпоху судебной реформы 1864 г. в отечественном уголовном процессе впервые вводится институт суда присяжных и складывается чёткий и структурированный порядок пересмотра его приговоров.

Устав уголовного судопроизводства 1864 г. стал результатом кропотливой работы членов Государственного совета, министров, сенаторов и профессоров, представителей всего юридического сообщества России, вплоть до секретарей уездных судов [13; 14. С. 37–38; 15. С. 341–437; 16. С. 22–32, 44–51; 17. С. 9–43, 101–137; 18; 19. С. 13].

Итогом такой работы стало принятие Устава уголовного судопроизводства 1864 г., который, по замечанию немецкого правоведа К. Миттермайера, стоит «выше даже многих новейших законодательных работ» [20. С. 16]¹.

Устройство и деятельность суда присяжных регламентировали 2 из 4 законодательных актов, составляющих Судебные уставы 1864 г.: Учреждение судебных установлений [21] (требования к присяжным заседателям, порядок составления их общих и очередных списков) и Устав уголовного судопроизводства [22] (процедура участия присяжных заседателей в судебном процессе, их права и обязанности, вынесение ими вердикта и т.д.).

При этом необходимо отметить, что дореволюционный суд присяжных не был альтернативной формой

судопроизводства и не зависел от волеизъявления подсудимого, в отличие от действующего УПК РФ. Так, судом присяжных рассматривались все уголовные дела, по которым подсудимому могло быть назначено наказание, связанное с лишением свободы или ограничением (лишением) сословных прав, под которым понимались: потеря дворянства, лишение почетных титулов, чинов, знаков отличия, духовного звания, запрещение находиться на государственной службе, участвовать в выборах (ст. 201 УУС, ст. 43, 50 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных [23]).

Введение суда присяжных поставило и вопрос о возможных формах пересмотра его приговоров. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. предусматривал апелляционный и кассационный порядки пересмотра не вступивших в законную силу приговоров. При этом законодателем была однозначно установлена возможность обжалования приговоров, постановленных судом с участием присяжных заседателей, только в кассационном порядке, апелляция для суда присяжных была исключена. В юридической литературе дореволюционной эпохи практически не встречаются предложения распространения апелляции на приговоры, постановленные судом с участием присяжных заседателей. Наоборот, процессуалисты в своем большинстве приходили к выводу, что кассационный порядок пересмотра приговоров является единственно возможным для суда присяжных. Выводы авторов опираются на соотношение сущностных качеств апелляции и суда присяжных.

По мнению профессора В.К. Случевского, «апелляция может быть применена только по отношению к тем судебным приговорам, которые мотивируются, так как только основания этих приговоров могут быть проверены по существу. Между тем приговоры присяжных не мотивируются, а поэтому приговоры их едва-ли могут быть подведены под действие апелляционного порядка обжалования» [24. С. 625]. Действительно, при апелляции суд вышестоящей инстанции пересматривает дело по существу по правилам суда первой инстанции как в отношении юридических, так и фактических обстоятельств дела [25. С. 28]. Вопросы факта при рассмотрении дела судом присяжных относятся к исключительной компетенции присяжных заседателей, разрешение таких вопросов фиксируется в вердикте присяжных заседателей (ст. 7 УСУ, ст. 754 УУС). Таким образом, апелляция при пересмотре приговора должна была бы проверить и вердикт присяжных заседателей на соответствие его фактическим обстоятельствам дела, что является невозможным, поскольку он не содержит доводов, которыми руководствовались присяжные заседатели при ответе на поставленные вопросы.

А.Ф. Кони указывает, что при разработке Устава уголовного судопроизводства имели место предложения по обяzywанию присяжных заседателей «составлять письменное мотивированное решение, чтобы можно было убедиться, что они его постановили основательно», однако такое предложение было расценено как «курьёз», поскольку, как пишет автор, «присяжные заседатели разрешают дела по внутрен-

нему убеждению, которое складывается свободно и независимо, согласно с тем, что они видят и слышат на суде. Это коренное свойство суда присяжных. От них не ожидается и не может быть требуема мотивировка их решений. Оно складывается под влиянием внутренней переработки той массы разнородных впечатлений, которое производит на них разбирательство дела» [12. С. 205, 212, 328]. Ему вторят слова Н.Н. Полянского: «Суд присяжных не мотивирует своих приговоров. Присяжные заседатели говорят: “да, виновен” или: “нет, не виновен” по соображениям, которые остаются скрытыми для обвиняемого и для общества... суд присяжных, как суд общественной совести, ничем, кроме своей совести, не стеснен в постановлении приговора (вердикта)... Между тем требовать от присяжных, чтобы они мотивировали свой приговор, невозможно, во-первых, потому, что они вербуются из самых различных слоев общества, в том числе и из круга лиц, не обладающих никаким образованием, во-вторых, потому, что при сравнительно значительном составе суда присяжных (12 человек) нередко было бы слишком затруднительно уловить мотивы, по которым каждый из них склонился к тому или другому решению» [26. С. 63].

Н.В. Давыдов объяснял невозможность апелляционного обжалования приговоров, постановленных судом с участием присяжных заседателей, тем обстоятельством, что апелляции подлежат «мелкие дела», которые были «изъяты из ведения суда присяжных» [27. С. 46].

И.Г. Щегловитов, отмечая, что «вердикт присяжных есть окончательное решение и по общему правилу издавна не подлежал обжалованию в апелляционном порядке», следующим образом определял соотношение апелляции и суд присяжных: «Суд присяжных дает уголовному правосудию возможность отказаться от одного чрезвычайно тягостного для уголовного правосудия института, без которого, однако, обходиться нельзя, когда нет присяжных заседателей. Я говорю об апелляции по уголовным делам. Нет в уголовном судопроизводстве более болезненного порядка рассмотрения уголовных дел, как тот, который сводится к апелляции. Болезненность этого порядка особенно ощущается у нас в России при нашем необъятном пространстве и естественной, вследствие этого, отдаленности наших судов от местного населения» [28. С. 34].

Таким образом, не вступившие в законную силу приговоры, постановленные судом с участием присяжных заседателей, которые относились к окончательным (ст. 854, 941 УУС), могли быть обжалованы по жалобам (протестам) участвующих в деле лиц лишь в кассационном порядке в Уголовный кассационный департамент Правительствующего сената в двухнедельный срок со дня объявления приговора (ст. 1, 114 УСУ, ст. 833, 855, 865, 905, 910 УУС)². Кассационными основаниями отмены приговоров, постановленных судом с участием присяжных заседателей, являлись:

1) явное нарушение прямого смысла закона и неправильное толкование его при определении преступления и рода наказания (п. 1 ст. 912 УУС);

2) нарушение «обрядов и форм столь существенных, что без соблюдения их невозможно признать приговор в силе судебного решения» (п. 2 ст. 912 УУС);

3) нарушение «пределов ведомства или власти, законом предоставленной судебному установлению» (п. 3 ст. 912 УУС).

Впервые апелляция для суда присяжных стала возможной на родине этого института – в Англии. Результатом споров, длившихся в парламенте более 60 лет, стал Закон об уголовной апелляции от 28 августа 1907 г.³, который, по замечанию П.И. Люблинского, являлся «бесспорно самым радикальным и самым важным из принятых в Англии за последнее пятидесятилетие законов, касающихся уголовного судопроизводства и судопроизводства» [31. С. 41]. Действительно, значение Закона об апелляции 1907 г. трудно переоценить: впервые была утверждена единая система пересмотра судебных актов по уголовным делам, отвечающая современным запросам осуществления правосудия и не основанная на устаревших правовых традициях. Дальнейшее развитие форм английской апелляции не носило столь «революционного» характера, оно отличалось относительной последовательностью и было выражено в принятии ряда законов, которые изменяли ранее установленный порядок.

«Революционность» нового закона профессор Н.Н. Полянский объясняет следующим образом: «...он (Закон об апелляции от 1907 г. – А.С.) знаменовал собой отказ от двух начал английского уголовного процесса, которые веками считались непоколебимыми, а именно: никто не может быть осужден за “преступление” иначе, как по единогласному решению 12 своих сограждан, и 2) присяжные являются высшими судьями по вопросам факта» [30. С. 209].

Закон 1907 г. допускал апелляционным судом, который представлял собой отделение по уголовным делам Высокого суда и состоял из 8 судей и лорда главного судьи, пересмотр приговоров суда присяжных по вопросам факта с возможностью последующей кассации обвинительного вердикта присяжных заседателей, а значит, и постановленного на основании него приговора (п. 1 ст. 1, п. 2 ст. 4 Закона об апелляции 1907 г. [31. С. 121–151]).

Такая апелляция называлась апелляцией против осуждения. Обвинительный вердикт присяжных заседателей при апелляции против осуждения подлежал отмене в следующих случаях: 1) вердикт «неразумен или не может быть сохранен в виду имеющихся доказательств»; 2) «неправильное решение юридического вопроса»; 3) «по какой-либо причине случилась ошибка в правосудии (miscarriage of justice)» (абз. 1 п. 1 ст. 4 Закона об апелляции 1907 г.). Однако перечисленные основания к отмене приговоров, постановленных судом с участием присяжных заседателей, не носили безусловного характера, в каждом конкретном случае апелляционный суд давал оценку «был ли существенный ущерб для правосудия», и если такового

не было – вердикт оставался в своей силе (абз. 2 п. 1 ст. 4 Закона об апелляции 1907 г.). Так, впервые была установлена правовая основа оставления вердикта присяжных заседателей в силе при наличии формальных оснований к его отмене путем применения апелляционной инстанцией «оговорок», получивших в дальнейшем широкое распространение [32. С. 529]. Второй вид апелляции – апелляция против приговора – представлял собой отмену только приговора, постановленного на основании вердикта присяжных заседателей.

Современное апелляционное судопроизводство в Англии регламентируется Законом об апелляции 1968 г., консолидировавшим ранее принятые законы об апелляции 1907, 1964 и 1966 гг., а также Законом об апелляции по уголовным делам 1995 г., который изменил и дополнил отдельные нормы Закона от 1968 г. [33. С. 144].

Значение применения «оговорок» было в значительной степени утрачено в связи с принятием Закона об апелляции 1995 г., который внес изменения в закон 1968 г. и установил единственное основание для удовлетворения апелляции против осуждения – «ненадежность решения о виновности» (conviction is unsafe) [Там же. С. 147].

Таким образом, при обжаловании осуждения любое нарушение должно оцениваться Апелляционным судом⁴ с точки зрения наличия или отсутствия сомнений в вердикте присяжных заседателей. Не вызывает сомнений, что критерий «ненадежности» вердикта имеет достаточно расплывчатое содержание. Это, с одной стороны, придает значительную гибкость судебной правоприменительной практике по формированию возможных случаев «ненадежности» вердиктов присяжных заседателей, с другой – облегчает задачи суда второй инстанции, решившего произвольно отказать в удовлетворении апелляции даже при наличии существенных нарушений, допущенных Судом короны.

Во Франции приговоры суда присяжных никогда не подлежали апелляционному обжалованию. Коренные изменения в пересмотре приговоров суда присяжных произвел закон от 15.06.2000. Как указывает Л.В. Головкин, названный закон, по мнению французских процессуалистов, явился «самой яркой реформой после появления кодекса 1958», «самым впечатляющим» положением самого закона ученое сообщество признало учреждение апелляционного порядка пересмотра приговоров суда присяжных, введение которого было расценено не иначе как «смерть догмы», царившей в уголовном процессе Франции более 200 лет [35. С. 89, 95]. Автор пишет, что «...согласно концепции периода Великой французской буржуазной революции “народ-суверен” не ошибается в принципе... Любое его решение по существу должно восприниматься как истина в последней инстанции, поэтому ни о каких двух судебных инстанциях рассмотрения такого рода уголовных дел (первой и апелляционной) речь идти не могла» [Там же. С. 95].

Апелляционному обжалованию подлежат только обвинительные приговоры, постановленные судом с участием присяжных заседателей, по жалобам осуж-

денного, прокурора, гражданского истца и ответчика (в части гражданского иска), подаваемым через Кассационный суд Франции в течение 10 дней с момента вынесения приговора (ст. 380-1, 380-2, 380-9, 380-14 УПК Франции 1958 г. [36]). Апелляционным судом выступает другой суд ассизов, назначаемый уголовной палатой Кассационного суда Франции, но в расширенном коллегиальном составе (12 членов жюри), производство ведется по правилам суда первой инстанции (ст. 296, 380-1 УПК Франции 1958 г.). Обвинительный приговор апелляционного суда ассизов может быть обжалован в кассационную инстанцию в общем порядке; оправдательные приговоры – только в порядке кассации в интересах закона (ст. 572 УПК Франции 1958 г.)⁵.

В России апелляционная форма пересмотра приговоров, постановленных судом с участием присяжных заседателей, была впервые введена уже упомянутым Федеральным законом от 29.12.2010 № 433-ФЗ. Большинство оценок указанного закона учеными-процессуалистами носят критический характер [38. С. 3–8; 39. С. 18–20]. Такая критика по большому счету, даже применительно к тематике пересмотра приговоров суда присяжных, является заслуженной. Достаточно привести в качестве примера положение, в соответствии с которым основаниями отмены или изменения судебных решений, вынесенных с участием коллегии присяжных заседателей, являются основания, предусмотренные п. 2–4 ст. 389.15 УПК РФ:

- существенное нарушение уголовно-процессуального закона;
- неправильное применение уголовного закона;
- несправедливость приговора.

То есть те же основания, которые в ранее действующей редакции УПК РФ были кассационными (п. 2–4 ст. 379 УПК РФ). Как и прежде, «несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции» не является основанием отмены приговоров, постановленных судом с участием присяжных заседателей. Возникает вопрос: о какой апелляции для суда присяжных может идти речь без пересмотра вышестоящей судебной инстанцией фактических обстоятельств дела? То есть апелляция для суда присяжных пересматривает только вопросы права, вопросы факта остаются вне пределов её компетенции. Пересмотр приговоров суда присяжных по фактическим обстоятельствам, по нашему мнению, является недопустимым. Однако зачем, сохраняя по сути кассационные основания пересмотра приговоров, постановленных судом с участием присяжных заседателей, создавать «апелляцию» для суда присяжных? Указанное не согласуется ни с правовыми традициями, ни с теорией уголовного процесса. Также не достигаются цели, ради которых апелляция должна распространиться на все категории дел, согласно которым каждый имеет право на пересмотр его дела по существу более опытным и компетентным судом. В Англии и Франции, которые являются наиболее типичными представителями англо-американской и континентальной пра-

новых систем соответственно, апелляция для суда присяжных не носит формальный характер, как по УПК РФ, и поэтому её введение носило, как отмечалось, «революционный» характер. При вступлении в силу с 1 января 2013 г. Федерального закона от 29.12.2010 № 433-ФЗ никакой «революции» не произошло, а получился «институциональный хаос» [40].

На основании изложенного следует сделать вывод, что возможным способом пересмотра приговоров, постановленных судом с участием присяжных заседателей, является кассационный порядок («чистая кассация»), только он соответствует предназначению суда присяжных, теории уголовного процесса

и традициям российского судопроизводства. Международные стандарты в части распространения апелляции на все категории дел нельзя проецировать на суд присяжных, поскольку тезис о том, что судьи-профессионалы являются «более опытным и компетентным судом» в отношении коллегии присяжных заседателей является по меньшей мере некорректным. По нашему мнению, апелляция (в её строгом значении) для суда присяжных без ущерба для последнего возможна по французской модели, когда соответствующее уголовное дело пересматривается расширенной коллегией присяжных заседателей, однако это является предметом отдельного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сенатор Правительствующего Сената, профессор И.Я. Фойницкий относительно достоинств новых законоположений, введенных Судебными уставами, говорил: «Гласность суда устранила влияние канцелярии и взяточничества; состязательность повела к развитию энергичной деятельности сторон в процессе; устранение формальной теории доказательств оградило общественную безопасность от преступников наиболее опасных; ограничение судебного разбирательства по существу двумя инстанциями, а в некоторых случаях даже одной, значительно ускорило ход уголовного дела; отделение судебной власти от административной поставило судебную деятельность на высоту, какой она никогда прежде не достигала» [4. С. 43–44].

² Необходимо отметить, что после реформы 60-х гг. XIX столетия Правительствующий Сенат формируется как высший судебный орган, независимый от административной и законодательной властей. В связи с этим С.К. Гогель отмечает, что «кассационные департаменты своими решениями по уголовным делам, своими циркулярными разъяснениями действительно руководят всем судебным делом в духе законности, не зная над собой никакой власти, вынося окончательные, не подлежащие обжалованию решения» [29. С. 135], именно Сенат осуществлял «высшее руководство и надзор за новыми судебными установлениями» [Там же. С. 104].

³ Апелляция в правовой системе Англии обозначает любую форму пересмотра приговоров по уголовным делам, инициированную стороной по делу. Кассационный порядок пересмотра приговоров в понимании континентальной правовой системы отсутствует. Так, Н.Н. Полянский отмечает, что разделение форм пересмотра приговоров на апелляцию и кассацию столь чуждо, что в «Британской энциклопедии» под словом «кассация» содержатся разъяснения, согласно которым словосочетание «кассационный суд» употребляется как название «апелляционного суда» [30. С. 121].

⁴ Законом от 9 августа 1966 г. полномочия по рассмотрению апелляций по уголовным делам были переданы от отделения по уголовным делам Высокого суда Апелляционному суду, в составе которого было образовано соответствующее отделение [34. С. 23].

⁵ Кассация в интересах закона имеет своей целью не пересмотр вступившего в законную силу приговора, который непоколебим, а получение толкования закона вышестоящим судом на будущее время [37. С. 60].

ЛИТЕРАТУРА

1. Люблинский П.И. Новая теория уголовного процесса // Журнал Министерства юстиции. 1864. № 1. С. 104–145.
2. Великие и выдающиеся, знаменитые и известные личности об уголовном судопроизводстве: хрестоматия / сост. И.В. Смольникова. М. : Юрлитинформ, 2012. 688 с.
3. Кони А.Ф. Избранные труды и речи. М. : Издательство Юрайт, 2011. 589 с.
4. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб. : Типография Т-ва «Общественная польза», 1912. Т. 1. 567 с.
5. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С.А. Пашин. М. : Республика, 1992. 111 с.
6. Алексеева Л.А. Реализация общепризнанных принципов и норм международного права в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2003. № 3 (44). С. 98–106.
7. Энтин М. Справедливое судебное разбирательство по праву Совета Европы и Европейского Союза // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2003. № 3 (44). С. 85–97.
8. Судебная реформа: итоги, приоритеты, перспективы : материалы конф. / науч. ред. Л.Б. Алексеева, П.А. Лупинская. М. : Изд-во МОНФ, 1997. 349 с.
9. Российская газета. № 297. 31.12.2010.
10. Гессен И.В. Судебная реформа. СПб. : Типолитография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1905. 267 с.
11. Давыдов Н.В., Полянский Н.Н. Судебная реформа. М. : Книгоиздательство «Объединение», 1915. 381 с.
12. Кони А.Ф. Собрание сочинений : в 8 т. / под общ. ред. В.Г. Базанова и др. М. : Юридическая литература, 1967. Т. 4. 541 с.
13. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть первая // Вводная статья, стр. II. СПб., 1866.
14. Джанишев Г.А. Основы судебной реформы (к 25-летию нового суда). Историко-юридические этюды : сб. ст. М. : Типография М.П. Щепкина, 1891. 364 с.
15. Джанишев Г.А. С.И. Зарудный и судебная реформа // Сборник статей. М. : Типография Т-ва Рябушинских, 1914. 520 с.
16. Джанишев Г.А. Страница из истории судебной реформы. Д.Н. Замятин. М. : Типолитография И.Н. Кушнерова, 1883. 155 с.
17. Джанишев Г.А. Эпоха великих реформ : Т. 2. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2008. 496 с.
18. Нольде А.Э. К.П. Победоносцев и судебная реформа. СПб. : Типография «Общественное лицо», 1915. 42 с.
19. Филиппов М.А. Судебная реформа в России: Судостроительство. СПб. : Типография А. Моригеровского, 1871. Т. 1, ч. 1. 631 с.
20. Миттермайер К. Новый проект русского уголовного судопроизводства // Журнал Министерства юстиции. 1864. № 22.
21. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть третья. СПб. : Издание Государственной Канцелярии, 1866. (Далее – УСУ).
22. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть вторая. СПб. : Издание Государственной Канцелярии, 1866. (Далее – УУС).
23. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Издано Н.С. Таганцевым. 7-е изд., пересм. и доп. СПб., 1892.
24. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство-судопроизводство. СПб., 1913. 683 с.

25. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1897. 405 с.
26. Полянский Н.Н. Уголовный процесс. Уголовный суд, его устройство и деятельность : лекции. М., 1911. 200 с.
27. Давыдов Н.В. Несколько лекций по уголовному процессу. М., 1909. 104 с.
28. Щегловитов И.Г. Суд присяжных (из лекций по русскому судоустройству). СПб. : Сенатская типография, 1913. 51 с.
29. Гогель С.К. Правительствующий Сенат в XIX столетии. СПб. : Сенатская типография, 1911. 210 с.
30. Полянский Н.Н. Уголовное право и уголовный суд в Англии. М. : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1937. 248 с.
31. Люблинский П.И. Очерки уголовного суда и наказания в современной Англии. СПб. : Сенатская типография, 1911. 725 с.
32. Уолкер Р. Английская судебная система. М. : Юрид. лит., 1980. 631 с.
33. Гуценко К.Ф., Головкин Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс в западных государствах. М. : Зеркало-М, 2001. 480 с.
34. Боботов С.В., Чистяков Н.Ф. Суд присяжных: история и современность. М. : Манускрипт, 1992. 149 с.
35. Головкин Л.В. Реформа уголовного процесса во Франции // Государство и право. 2001. № 8. С. 89–98.
36. Уголовно-процессуальный кодекс Франции. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 411 с.
37. Боботов С.В. Буржуазная юстиция. Состояние и перспективы развития. М., 1989. 256 с.
38. Ковтун Н.Н. Апелляционное, кассационное и надзорное производство по уголовным делам в контексте соответствия международно-правовому стандарту // Международное уголовное право и международная юстиция. 2013. № 3. С. 3–9.
39. Тарасов А.А. Об апелляционном пересмотре решения суда присяжных // Уголовное судопроизводство. 2011, № 3. С. 18–20.
40. Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / под общ. ред. Н.А. Колоколова // СПС «КонсультантПлюс».

Статья представлена научной редакцией «Право» 18 января 2015 г.

REVIEW OF AN OTHERWISE FINAL JURY TRIAL DECISION: LEGAL TRADITION AND INTERNATIONAL LAW STANDARDS OF CRIMINAL JUSTICE

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 160–166. DOI 10.17223/15617793/391/26

Kamnev Aleksandr S. Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: aleksandr-kamnev@mail.ru

Keywords: jury trial; appeal; cassation; review of decision; legal tradition; international law standards of criminal justice.

This article examines forms of appeal of the jury trial decision in Russia, England and France. The present problem is becoming a critical issue today because of the significance of jury trial itself and the implementation of the international law standards of criminal justice into the Russian criminal procedure system. Current practice shows that harmonization of Russian and foreign legislation does not always correspond to Russian legal tradition and the reforming of legal procedure sometimes lacks theoretical grounds. The amending of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and entitling a person to appeal all types of cases was aimed at guaranteeing that everyone shall have the right to have their case revised by a more experienced and competent court. However, the possibility to file appeals against the decision rendered by jury trial has failed to produce the expected result, since comparing jury trial and professional judges and calling the latter "more experienced and competent" cannot be considered to be correct. Moreover, appealing the decisions rendered by jury trial does not comply with legal tradition and theory of criminal procedure. In fact, according to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation it is a formal act of a routine nature so long as the grounds for appealing the jury trial decision are as follows: a violation of criminal procedure law, a wrong application of the criminal law, and the injustice of the verdict, i.e. the same grounds that used to be the ones for cassational appeal as stipulated in Sections 2–4, Article 379 of the RF Criminal Procedure Code. "A discrepancy between the court's conclusions set out in the verdict and the actual circumstances of the criminal case established by the court of the first instance" still fails to be the ground for revoking the jury trial decision. This enables us to make a conclusion that cassation procedure is one of the possible ways to review the decision rendered by jury trial, since this is the only procedure that coincides with the function of jury trial, theory of criminal procedure and Russian legal tradition. International law standards with regard to entitling a person to appeal all types of cases cannot be projected onto jury trial issues. Besides, it is the French tradition in filing an appeal (in its strictest sense) against the decision rendered by jury trial that can be implemented without affecting the latter; here the criminal case is revised by jurors and a professional judge.

REFERENCES

1. Lyublinskiy P.I. Novaya teoriya ugovornogo protsessa [A new theory of the criminal process]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*, 1864, no. 1. S. 104–145.
2. Smol'nikova I.V. *Velikie i vydayushchiesya, znamenitye i izvestnye lichnosti ob ugovornom sudoproizvodstve: khrestomatiya* [The great and outstanding, famous and well-known personalities of the Criminal Procedure]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2012. 688 p.
3. Koni A.F. *Izbrannye trudy i rechi* [Selected works and speeches]. Moscow: Yurayt Publ., 2011. 589 p.
4. Foyntitskiy I.Ya. *Kurs ugovornogo sudoproizvodstva* [A course of criminal proceedings]. St. Petersburg: Tipografiya t-va "Obshchestvennaya pol'za" Publ., 1912. Vol. 1, 567 p.
5. Pashin S.A. *Kontseptsiya sudebnoy reformy v Rossiyskoy Federatsii* [The concept of judicial reform in the Russian Federation]. Moscow: Respublika Publ., 1992. 111 p.
6. Alekseeva L.A. Realizatsiya obshchepriзнannykh printsipov i norm mezhdunarodnogo prava v Ugovorno-protsessual'nom kodekse Rossiyskoy Federatsii [Implementation of the generally recognized principles and norms of international law in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Konstitutsionnoe pravo: vostochnoevropeyskoe obozrenie*, 2003, no. 3 (44), pp. 98–106.
7. Entin M. Spravedlivoe sudebnoe razbiratel'stvo po pravu Soveta Evropy i Evropeyskogo Soyuzu [Fair trial in Law of the Council of Europe and the European Union]. *Konstitutsionnoe pravo: vostochnoevropeyskoe obozrenie*, 2003, no. 3 (44), pp. 85–97.
8. Alekseeva L.B., Lupinskaya P.A. (eds.) *Sudebnaya reforma: itogi, priority, perspektivy : materialy konf.* [Judicial reform: results, priorities and prospects: Conference Proceedings]. Moscow: Izd-vo MONF Publ., 1997. 349 p.
9. *Rossiyskaya gazeta*, 2010, no. 297. December 31.
10. Gessen I.V. *Sudebnaya reforma* [Judicial reform]. St. Petersburg: Tipolitografiya F. Vaysberga i P. Gershunina Publ., 1905. 267 p.

11. Davydov N.V., Polyanskiy N.N. *Sudebnaya reforma* [Judicial reform]. Moscow: Knigoizdatel'stvo "Ob"edinenie" Publ, 1915. 381 p.
12. Koni A.F. *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Works: in 8 vols.]. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ., 1967. Vol. 4, 541 p.
13. *Sudebnye Ustavy 20 noyabrya 1864 goda, s izlozheniem rassuzhdeniy, na koikh oni osnovany* [Judicial charters of November 20, 1864, outlining the arguments they are based on]. St. Petersburg, 1866. Pt. 1, p. II.
14. Dzhanshiev G.A. *Osnovy sudebnoy reformy (k 25-letiyu novogo suda). Istoriko-yuridicheskie etyudy* [Fundamentals of judicial reform (to the 25th anniversary of the new court). Historical and legal studies]. Moscow: Tipografiya M.P. Shchepkina Publ., 1891. 364 p.
15. Dzhanshiev G.A. *S.I. Zarudnyy i sudebnaya reforma* [S.I. Zarudny and judicial reform]. Moscow: Tipografiya T-va Ryabushinskikh Publ., 1914. 520 p.
16. Dzhanshiev G.A. *Stranitsa iz istorii sudebnoy reformy. D.N. Zamyatin* [A page from the history of judicial reform. D.N. Zamyatin]. Moscow: Tipolitografiya I.N. Kushnereva Publ., 1883. 155 p.
17. Dzhanshiev G.A. *Epokha velikikh reform* [The era of great reforms]. Moscow: Izdatel'skiy dom "Territoriya budushchego" Publ., 2008. Vol. 2, 496 p.
18. Nol'de A.E. *K.P. Pobedonostsev i sudebnaya reforma* [K.P. Pobedonostsev and judicial reform]. St. Petersburg: Tipografiya "Obshchestvennoe litso" Publ., 1915. 42 p.
19. Filippov M.A. *Sudebnaya reforma v Rossii: Sudoustroystvo* [Judicial Reform in Russia: Judicial system]. St. Petersburg: Tipografiya A. Morigerovskogo Publ., 1871. Vol. 1, pt. 1, 631 p.
20. Mittermayer K. *Novyy proekt russkogo ugovornogo sudoproizvodstva* [The new project of Russian criminal proceedings]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*, 1864, no. 22.
21. *Sudebnye Ustavy 20 noyabrya 1864 goda, s izlozheniem rassuzhdeniy, na koikh oni osnovany* [Judicial charters of November 20, 1864, outlining the arguments they are based on]. St. Petersburg, 1866. Pt. 3.
22. *Sudebnye Ustavy 20 noyabrya 1864 goda, s izlozheniem rassuzhdeniy, na koikh oni osnovany* [Judicial charters of November 20, 1864, outlining the arguments they are based on]. St. Petersburg, 1866. Pt. 2.
23. *Ulozhenie o nakazaniyakh ugovornykh i ispravitel'nykh 1885 goda* [The Code of Criminal and Correctional Penalties of 1885]. St. Petersburg: N.S. Tagantsev Publ., 1892.
24. Sluchevskiy V.K. *Uchebnik russkogo ugovornogo protsessa. Sudoustroystvo-sudoproizvodstvo* [A textbook of the Russian criminal procedure. Judicial system-trial]. St. Petersburg, 1913. 683 p.
25. Viktoriy S.I. *Russkiy ugovorny protsess* [Russian criminal procedure]. Moscow, 1897. 405 p.
26. Polyanskiy N.N. *Ugovorny protsess. Ugolovnyy sud, ego ustroystvo i deyatel'nost' : lektsii* [Criminal procedure. Criminal trial, its structure and activities: lectures]. Moscow, 1911. 200 p.
27. Davydov N.V. *Neskol'ko lektsiy po ugovornomu protsessu* [Several lectures on criminal procedure]. Moscow, 1909. 104 p.
28. Shcheglovitov I.G. *Sud prisyazhnykh (iz lektsiy po russkomu sudoustroystvu)* [Jury trial (from lectures on Russian Judiciary)]. St. Petersburg: Senatskaya tipografiya Publ., 1913. 51 p.
29. Gogel' S.K. *Pravitel'stviyushchiy Senat v XIX stoletii* [Governing Senate in the 19th century]. St. Petersburg: Senatskaya tipografiya Publ., 1911. 210 p.
30. Polyanskiy N.N. *Ugolovnoe pravo i ugovorny sud v Anglii* [Criminal Law and Criminal Court in England]. Moscow: Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu SSSR Publ., 1937. 248 p.
31. Lyublinskiy P.I. *Ocherki ugovornogo suda i nakazaniya v sovremennoy Anglii* [Essays on the criminal trial and punishment in contemporary England]. St. Petersburg: Senatskaya tipografiya Publ., 1911. 725 p.
32. Walker R. *Angliyskaya sudebnaya sistema* [English judicial system]. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ., 1980. 631 p.
33. Gutsenko K.F., Golovko L.V., Filimonov B.A. *Ugolovnyy protsess v zapadnykh gosudarstvakh* [Criminal proceedings in the western states]. Moscow: Zerkalo-M Publ., 2001. 480 p.
34. Bobotov S.V., Chistyakov N.F. *Sud prisyazhnykh: istoriya i sovremennost'* [The jury trial: past and present]. Moscow: Manuscript Publ., 1992. 149 p.
35. Golovko L.V. *Reforma ugovornogo protsessa vo Frantsii* [Reform of the criminal procedure in France] *Gosudarstvo i pravo*, 2001, no. 8, pp. 89–98.
36. *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Frantsii* [The Code of Criminal Procedure of France]. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2004. 411 p.
37. Bobotov S.V. *Burzhuaznaya yustitsiya. Sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Bourgeois justice. Status and prospects of development]. Moscow: Nauka Publ., 1989. 256 p.
38. Kovtun N.N. *Apellyatsionnoe, kassatsionnoe i nadzornoe proizvodstvo po ugovornym delam v kontekste sootvetstviya mezhdunarodno-pravovomu standartu* [Appeal, cassation and review proceedings in criminal cases in the context of relevant international legal standards]. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya*, 2013, no. 3, pp. 3–9.
39. Tarasov A.A. *Ob apellyatsionnom peresmotre resheniya suda prisyazhnykh* [On appellate review of the decision of the jury]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo*, 2011, no. 3, pp. 18–20.
40. Kolokolov N.A. (ed.) *Apellyatsiya, kassatsiya, nadzor: novelly GPK RF, UPK RF. Pervyy opyt kriticheskogo osmysleniya* [Appeal, cassation, supervision: Novellas in RF Civil and Criminal Procedure Codes. The first experience of critical interpretation]. "KonsultantPlyus" Legal System.

Received: 18 January 2015

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ РАННЕФЕОДАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ЧИНГИСХАНА

Рассматриваются формирование внутренних и внешних характеристик государственности в период правления Чингисхана; вождизм как форма правления в регулировании межплеменных отношений до формирования Монгольской империи.

Ключевые слова: «Великая Яса»; Лев Гумилёв; вождизм; Чингисхан; курултай; военная демократия.

История возникновения и развития государственности и права Монгольской империи периода чингизитов привлекает внимание многих ученых начиная с Л.Н. Гумилёва, В.А. Рязановского, А.И. Гусейнова, Б.Я. Владимирцова, Г.К. Гинса, К. Алинге и А.Ю. Якубовского.

В статьях И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля и других ученых монгольские кочевники изображались как дикие варвары, которые не имели государственности, уничтожали и поработали другие государства; данное мнение существовало до начала XX в. Так, И. Кант видел в монгольских племенах только то, что они объединились под знаменами Чингисхана с целью захвата и уничтожения других государств. Дж. Тойнби указывал, что существуют империи, которые были созданы европейцами (демократические государства), и евроазиатские (деспотичные государства), которые после возникновения быстро распадались в силу того, что в них не было демократии, как в европейских странах.

Одним из первых ученых, глубоко исследовавших историю кочевых племен Центральной Азии, был Лев Гумилёв, который дал следующую характеристику народам, заселявшим монгольские степи: «Великая Монголия – держава, сложившаяся в 1-й половине XIII в. в результате завоевательных войн Чингисхана и его преемников и включавшая в себя самую большую в мировой истории смежную территорию от Дуная до Японского моря и от Новгорода до Юго-Восточной Азии. Столицей государства стал г. Каракорум. В период расцвета включало в себя обширные территории. Во второй половине XIII в. начался распад империи на улусы, во главе которых стояли чингисиды» [1. С. 412].

В настоящей статье мы предлагаем исследовать вопросы вождизма как формы правления периода Чингисхана, возникновения государственности и первые признаки формирования Монгольской империи.

Феномен вождизма существовал в родоплеменных отношениях в силу того, что он был единственной формой правления в межплеменных отношениях и возник в тот период, когда было необходимо объединение разрозненных племен под властью одного человека – Чингисхана.

Еще в юности Темучин (Чингисхан) выделялся среди своих сверстников тем, что мог сплотить вокруг себя нукеров (преданных дружинников), возглавить их для совершения набегов на другие племена; особенно он ненавидел татар, так как считал, что именно они виновны в смерти его отца. К концу XII в. он снискал славу багатура (богатыря) и стал одним из главных лидеров в монгольских степях.

Однако этого Темучину было недостаточно, и в 1203 г. он разгромил кереитов (одно из сильнейших племен), а в следующем году командовал 45-тысячным войском и выступил в поход против найматов и кереитов. Разгромить полностью их не удалось, так как они, перебравшись через р. Иртыш, бежали на запад в кипчакские степи. Темучин завоевал буирнурских татар, которые проживали в верховьях Енисея, и окончательно покорил разрозненные племена кереитов, меркитов и найманов, завершив тем самым объединение монгольских и татарских племен.

В 1206 г. Темучин, собрав курултай, был провозглашен Чингисханом, и это не удивительно. У монгольских и татарских племен появился реальный вождь, он заявил, что необходимо покорить другие территории, которые простираются как на юг, так и на запад от монгольских степей.

Д.В. Ольшанский дает следующую характеристику вождизму: «Вождизм – тип властных отношений, основанный на личной преданности персоне, обладающей верховной властью. С другой стороны, это властный институт, свойственный патриархально-родовым обществам, основанный на личном господстве военного или религиозного предводителя» [2. С. 35]. Думается, необходимо согласиться с данным мнением. Иными словами, «арифметика» государства может быть выражена формулой «вождество + насилие = государство» [3. С. 172].

Так все-таки, исходя из данной формулы, в период прихода к власти Чингисхана в монгольских степях было государство или вождество?

Признаками государства принято считать:

- единую организацию политической власти, которая распространяется на все население в пределах определенной территории;
- полный суверенитет государства, самостоятельную власть, осуществление независимой внешней политики;
- наличие аппарата власти, управления и принуждения;
- организацию и осуществление государственным аппаратом власти на правовых основах [4. С. 69];
- наличие столицы государства, где должны существовать все органы власти (этот признак государственности важен для монголо-татарских племен).

В современный период важно изучить и знать, что такое вождизм, поэтому в данной статье мы предлагаем следующие признаки вождизма:

- личностные качества вождя, его способность влиять на массы;

– политические, экономические и другие обстоятельства, побуждающие нации и народности следовать за вождём;

– исторические предпосылки, повлиявшие на национальные чувства людей;

– наличие аппарата управления, который создается вождём;

– единое управление вождя, когда он представляет в своем лице и судью, и адвоката, и исполнителя своих властных решений путем насилия;

– наследование власти вождя от отца после его смерти;

– право осуществлять функцию управления массами и не более.

Таким образом, установив феномен вождизма и определив признаки государственности, мы предлагаем рассмотреть становление монгольской государственности с учетом того, что она возникла на основе внешних и внутренних факторов.

К внешним факторам становления монгольской государственности мы относим:

– *Родоплеменную борьбу и приход к власти Чингисхана.* Так, в конце XII в. на территории Центральной Азии, где кочевали представители монгольских и татарских племен, начался процесс разложения родоплеменных общественных отношений и становления раннефеодальных отношений.

Данный процесс имел длительный характер за счет борьбы между разными племенами за сферы влияния и за захват татарскими и монгольскими родами скотоводческих пастбищ и стад. Особенность родоплеменной борьбы заключалась в объекте борьбы: для монголов и татар земля не представляла ценности, как для стран Европы в XII в., ценностью были территории, где можно было пасти овец и лошадей. Поэтому образование раннефеодальной государственности на территории Центральной Азии имело свои особенности, в отличие от образования государств в Европе. Данная борьба должна была закончиться тем, что сильный род приходит к власти, а более слабые подчиняются ему.

В 1206 г. борьба закончилась тем, что к власти пришел род Темучина, который был позже признан на всеобщем курултае (съезде) кочевых народов Центральной Азии Чингисханом (дословно «Повелитель неба», но данный перевод является спорным и может толковаться по-разному) [5. С. 340]. Приход к власти Темучина – это признак вождества, естественного процесса родоплеменных отношений в раннефеодальный период, когда происходит разложение одного общественного строя и замена более совершенным – феодальным, а вождь способствует тому, чтобы этот процесс шел быстрее.

– *Социальное расслоение родов (обохов) на богатых и бедных.* В результате перехода от родоплеменных отношений к феодальным возникли два типа неравенства в татаро-монгольском обществе: экономическое (собственность на скот, лошадей и имущество) и социальное (появление в роду богатых и бедных).

Данное расслоение общества, как отметил Б.Я. Владимирцов, привело к появлению «степной аристократии» [6. С. 560], т.е. богатых князей или ханов. Среди членов общества появились понятия

«низшие» и «высшие» аристократы и установились иерархические традиции подчиняться и властвовать. Некоторые богатые роды путем покорения более слабых в результате межплеменной борьбы, обращали их в рабство (унаганбогол). Среди монголов появилась богатая знать, как в феодальных обществах средневековой Европы. Происходит расслоение монгольского общества на нойонов (господ, или феодалов), монгольских «рыцарей» – на багатуров (храбрый; ср. с русским «богатырь») и сеценов (мудрых). На более низкой ступени иерархической лестницы находились простолюдины, имеющие статус свободных. Их называли «карачу», дословно черные. Еще ниже были рабы. Большинство из них в этот период не были индивидуально связаны с личностью господина, но являлись членами побежденного рода, обязанными, как и род в целом, служить победителям. С формированием класса «багатуров» начался процесс феодальной интеграции ранней Монгольской империи.

Можно сделать вывод, что появились первые признаки раннефеодального государства:

– *Объединение монголо-татарских племен.* Территория Монгольской империи в период Чингисхана была условной. Многие ученые пишут, что Монгольская империя в период своего расцвета в XIII в. простиралась от Азии до Черного моря и далее. С приходом к власти Чингисхана произошло окончательное объединение монголо-татарских племен и начался постепенный процесс образования раннефеодального государства, а в странах Восточной Европы, части Средней Азии, Китая, Закавказья и Руси происходил обратный процесс разложения феодального общества на отдельные территории с отсутствием централизованной власти. Развитие феодальные государства Восточной Европы, Средней Азии и Руси, по сравнению с отсталыми монгольскими племенами, могли противостоять монголо-татарскому нашествию, но Чингисханом было создано особое военно-племенное объединение по принципу «нет монгольского населения, есть монгольское войско» [7. С. 35]. Данный принцип позволил осуществить планы полководца по захвату больших территорий.

– *Кочевой образ жизни в империи военного типа как специфическая особенность монгольских и татарских племен того периода.* Когда в 1206 г. Темучина объявили Чингисханом, первым делом он провел военную реформу.

Военной организации была подчинена вся система предгосударственного управления, воинский уклад делил войско на десятки, десятки – на сотни, сотни – на тысячи, а десять тысяч – это один «тумен», или, по-русски, тьма. Темучин, подчинив себе многие роды монголов и татар, выдвинул идею покорения мира, сплотил вокруг себя родовую знать, создал особое военное государственное управление. Военная реформа, осуществленная Чингисханом, дала свои результаты [8. С. 85]. Вся система управления была подчинена одной идее захвата других территорий. Именно поэтому были достаточно легко завоеваны обширные земли и изменен уклад жизни многих народов Восточной Европы и Средней Азии, а некоторые племена и народы были фактически уничтожены.

К внутренним факторам становления монгольской государственности мы относим следующие:

– В раннефеодальный период не было единого административного центра, как в государстве, в силу кочевого образа жизни монголов и татар. Китайский советник Чингисхана Елюй-Чуцай писал: «Империю можно завоевать верхом на коне, но управлять ею с седла невозможно» [9. С. 105–113]. Чингисхан как талантливый полководец и руководитель понимал, что на захваченных им обширных территориях невозможно управлять без системы управления, ведя кочевой образ жизни.

– Главным органом управления был курултай (съезд), на котором представители племен могли принимать важные межплеменные решения [10. С. 86]. Понятие «курултай» вошло в употребление на рубеже XII–XIII вв. Чингисхан придавал очень важное политическое значение всенародному съезду племен монголов и татар. Многие ученые отмечают существование курултая в 1206 г., когда были приняты Яса и решение о захвате Китая и Средней Азии.

– Правовой основой монгольской государственности в раннефеодальный период была «Великая Яса». К сожалению, до нашего времени Яса как источник монгольского права не дошла.

О существовании источника права монголов – Ясы – упоминают Рашид-ад-дин, Джувейни, Макризи, Ибн-Баттут и другие авторы, но мы думаем, что они не могли по своему усмотрению представить обществу записи, которые не существовали в период империи чингизидов. Одним из первых о Ясе Чингисхана упоминает персидский историк Джувейни, который много путешествовал по обширной территории Монгольской империи. Яса представляет собой отдельные выдержки, в которых указывается, как необходимо поступать в той или иной ситуации. Например, за провозглашение себя вождем, не избранным на общем совете, – смерть. Тому, кто помогает одному из двух спорящих между собой, без различия возраста и знатности – смерть. Трусу, лгуну, прелюбодею, содомиту, вору, предателю без различия возраста и знатности – смерть [11. С. 25].

– Территориальное разграничение Монгольской империи. В ходе завоевания Китая полководец понимал, что для эффективного управления захваченными земля-

ми необходимо разделение их на определенные территории – улусы (уделы). Вся Средняя Азия вошла в состав Монгольской империи. Хорезм вместе с Казахстаном оказался в будущей Золотой Орде – улусе Джучи, старшего сына Чингисхана [12. С. 86].

Таким образом, до созыва курултая в 1206 г. формой правления в родоплеменных отношениях был вождизм и вождем был Чингисхан, который объединил разрозненные племена монголов и татар как насильственным, так и ненасильственным путем. С учетом всех факторов, которые были представлены в настоящей статье, после объединения племен и созыва курултая в 1206 г. возникло предгосударственное формирование на территории монгольских степей с постепенным становлением Монгольской империи. В нем уже были аппарат управления, единая территория на монгольских степях Центральной Азии, единая политическая власть, но это еще не все признаки государственности. Происходило ее формирование, и этот процесс шел постепенно, но формой правления был вождизм. Курултай как съезд племен способствовал реализации замыслов вождя, но не более того, и курултаю не стоит приписывать демократические общественные отношения, как это может показаться на первый взгляд.

В начальный период правления Чингисхана не было столицы. Аппарат управления носил скорее номинальный характер. «Великая Яса» как источник монгольского права была важна для формирования государственности, но не была публичным документом.

Предгосударственный период истории родоплеменного строя К. Маркс и Ф. Энгельс называют «военной демократией». Термин этот был введен американским историком Л. Морганом для характеристики древнегреческого общества в период его перехода от родовой общины к так называемой соседской [13. С. 16]. С мнением Маркса и Энгельса стоит согласиться, так как государственность (или военная демократия [14. С. 107]) объединяет три элемента управления: военного вождя, совет вождей и народное собрание.

Таким образом, можно сделать вывод, что формой правления в период Чингисхана был вождизм. С провозглашением Темучина «Властителем неба» начался процесс формирования предгосударственности до высшей его формы – Монгольской империи, и этот процесс имел длительный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лев Гумилёв. Энциклопедия / гл. ред. Е.Б. Сыдыков ; сост. Т.К. Шанбай. М. : Худ. лит., 2013.
2. Ольшанский Д.В. Политическая психология. М., 2002.
3. Белков П.Л. Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995.
4. Хропанюк В.Н. Теория государства и права : учеб. / под ред. В.Г. Стрекозова. 2-е изд. М. : Интерстиль, 1999.
5. Рахманалиев Рустан. Империя тюрков. Великая цивилизация. Гл. 5. 2013.
6. Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М. : Вост. лит., 2002.
7. Империя Чингисхана / Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова. М. : Вост. лит., 2006.
8. Кобрин В.Б., Федоров В.А. История СССР с древнейших времен до 1861 года : учеб. / под ред. Н.И. Павленко. М. : Просвещение, 1989.
9. Рязановский В.А. Монгольское право (преимущественно обычное) : исторический очерк. Харбин, 1931.
10. Энциклопедический словарь. Выпущен акционерским издательским обществом в 1890–1907 годах Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 5.
11. Кучер П.А. Великая Яса Чингисхана.
12. Кобрин В.Б., Федоров В.А. История СССР с древнейших времен до 1861 года : учеб. / под ред. Н.И. Павленко. М. : Просвещение, 1989.
13. Черниловский З.М. Всеобщая история государства и права. М. : Юрист, 2000.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 39 т. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1954.

Статья представлена научной редакцией «Право» 06 сентября 2014 г.

FORMATION OF THE FEUDAL STATE IN CENTRAL ASIA DURING THE REIGN OF GENGHIS KHAN

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 167–170. DOI 10.17223/15617793/391/27

Shirizhik Vyacheslav M. Tuvan State University (Kyzyl, Russian Federation). E-mail: shirizhik-vm@yandex.ru

Keywords: "Great Yasa"; Lev Gumilev; leadership; Genghis Khan; kurultay; military democracy.

In the works of Kant, Hegel, F. et al., Mongolian nomads were portrayed as savage barbarians who had no statehood and destroyed and enslaved other states. This view existed until the beginning of the 20th century. Thus, Kant saw the Mongol tribes united under the banner of Genghis Khan in order to capture and destroy other countries. J. Toynbee pointed out that there are empires that were created by Europeans, i.e. Democracies and by Eurasians, i.e. despotic states that appeared quickly and so decayed as they lacked the democracy of European countries. One of the first scholars who began to investigate in depth the history of the nomadic peoples of Central Asia was Lev Gumilev, who described the peoples who inhabited the Mongolian steppes as a Power established in the first half of the thirteenth century as a result of conquest wars of Genghis Khan and his successors, the largest ever territory from the Danube to the Sea of Japan and from Novgorod to Southeast Asia. The external factors of formation of the Mongolian state include: 1. Tribal fighting and the coming to power of Genghis Khan. Thus, at the end of the 12th century on the territory of Central Asia, inhabited by the representatives of the Mongolian nomads and Tatar tribes, tribal social relations were ruined and feudal relations were formed. 2. There is social stratification in the kins into the rich and the poor. As a result of the transition from tribal relations to feudal ones, two types of inequality appeared: economic (ownership of cattle, horses and property) and social (rich and poor people in kins) in the Tatar-Mongolian society. 3. The union of the Mongol-Tatar tribes. The territory of the Mongol Empire in the period of Genghis Khan was conditional. Many scholars write that the Mongol Empire was in its peak in the 13th century. The internal factors of formation of the Mongolian state include: 1. In the early feudal period, there was no administrative center due to the nomadic lifestyle of the Mongols and Tatars. 2. The main governing body was Kurultay (Congress), where representatives of the tribes could make important tribal decisions. The concept of kurultay came into use at the turn of the 12th and 13th centuries, Genghis Khan gave a very important political significance to the nationwide Congress of Tatar and Mongol tribes. 3. The legal basis of the Mongolian state in the early feudal period was the "Great Yasa". The laws have not been preserved as a document. 4. The territorial delineation of the Mongol Empire. During the conquest of China, the commander realized that for effective management of the conquered territories the state must be divided into certain areas, uluses. Therefore, we conclude that the form of government during the period of Genghis Khan was the cult of the leader. With the proclamation of Timuchin "master of the sky", the process of formation of pre-state began to its higher form of the Mongol Empire and the process had a long way of development.

REFERENCES

1. Sydykov E.B. (ed.) *Lev Gumilev Entsiklopediya* [Lev Gumilev Encyclopedia]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 2013.
2. Ol'shanskiy D.V. *Politicheskaya psikhologiya* [Political psychology]. St. Petersburg: Piter Publ., 2002. 576 p.
3. Belkov P.L. *Rannee gosudarstvo, predgosudarstvo, protogosudarstvo: igra v terminy?* [Early state pre-state, proto-state: playing with terms?]. In: Popov V.A. (ed.) *Rannie formy politicheskoy organizatsii: ot pervobytnosti k gosudarstvennosti* [Early forms of political organization: from savagery to the state]. Moscow: Vostochnaya literatura RAS Publ., 1995.
4. Khropanyuk V.N. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Interstil Publ., 1999. 377 p.
5. Rakhmanaliev R. *Imperiya tyurkov. Velikaya tsivilizatsiya* [Empire of the Turks. Great civilization]. Moscow: RIPOL-Klassik Publ., 2009. Ch. 5.
6. Vladimirtsov B.Ya. *Raboty po istorii i etnografii mongol'skikh narodov* [Work on the history and ethnography of the Mongolian peoples]. Moscow: Vostochnaya literatura RAS Publ., 2002. 557 p.
7. Kradin N.N., Skrynnikova T.D. *Imperiya Chingis-khana* [The Empire of Genghis Khan]. Moscow: Vostochnaya literatura RAS Publ., 2006. 557 p.
8. Kobrin V.B., Fedorov V.A. *Istoriya SSSR s drevneyshikh vremen do 1861 goda* [History of the USSR from ancient times to 1861]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1989. 559 p.
9. Ryazanovskiy V.A. *Mongol'skoe pravo (preimushchestvenno obychnoe): istoricheskiy ocherk* [Mongolian law (mostly customary): a historical sketch]. Kharbin, 1931.
10. *Entsiklopedicheskiy slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona* [Collegiate Dictionary of F.A. Brockhaus and I.A. Efron]. St. Petersburg: Brokgauz-Efron Publ., 1890–1907. Vol. 5.
11. Kucher P.A. *Velikaya Yasa Chingis-khana* [The Great Yasa of Genghis Khan]. Available from: <http://www.rulit.me/books/velikaya-yasa-chingis-hana-read-284185-1.html>.
12. Kobrin V.B., Fedorov V.A. *Istoriya SSSR s drevneyshikh vremen do 1861 goda* [History of the USSR from ancient times to 1861]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1989. 559 p.
13. Chernilovskiy Z.M. *Vseobshchaya istoriya gosudarstva i prava* [General History of State and Law]. Moscow: Yurist Publ., 2000. 576 p.
14. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1955–1981. Vol. 21.

Received: 06 September 2014

ЭКОНОМИКА

УДК 336.64

А.И. Бородин

КОНЦЕПЦИЯ МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ ФИНАНСОВЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ ПРЕДПРИЯТИЯ

Исследована сущность финансового потенциала предприятия, разработана концепция управления финансовым потенциалом с позиции системного подхода. Осуществлены постановка и решение актуальной задачи разработки концепции механизма управления финансовым потенциалом предприятия, эффективность которого во многом зависит от того, насколько данный механизм будет соответствовать реализуемым в процессе экономической реформы целям и задачам повышения инвестиционной активности хозяйствующих субъектов и действенности государственного регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: финансовый потенциал предприятия; системный подход; управление потенциалом; методы управления; потенциал.

В современных условиях хозяйствования нестабильность функционирования отечественных предприятий приобретает все более массовый характер, а эффективность деятельности в значительной мере зависит от их финансового потенциала. Проведенные автором исследования показали, что на данный момент общий уровень научных разработок по проблемам формирования и реализации финансового потенциала предприятий отстает от потребностей хозяйственной практики. Так, финансовый потенциал предприятия выступает источником и ускорителем эффективного расширенного воспроизводства на всех уровнях хозяйствования. Чем больше величина финансового потенциала предприятия и эффективность его использования, тем более конкурентоспособно предприятие во внешней среде, а значит, и результаты его деятельности более высоки. Рост финансового потенциала предприятий позволяет увеличить объем валовой продукции, валовой выручки и, как следствие, – валового и чистого дохода предприятий. Следовательно, улучшаются экономические условия и источники расширенного воспроизводства на предприятиях, достигается их экономическая состоятельность и рыночная адаптация.

Значительный вклад в исследование вопросов, связанных с управлением финансовым потенциалом предприятия, внесли такие ученые-экономисты, как З.А. Васильева, В.Ю. Касанов, Е.А. Неживенко, Е.В. Попов, В.М. Родионова, Л.С. Сосненко, О.С. Федорин, М.А. Федотова, М.Т. Шафиков и др. Однако проведенный автором анализ показал, что в настоящее время нет единого мнения относительно сущности финансового потенциала предприятия, кроме того, в научной литературе раскрываются только отдельные аспекты управления им, что и предопределило актуальность исследования.

Таким образом, целью статьи является разработка с позиции системного подхода механизма управления финансовым потенциалом предприятия, направленного на обеспечение его эффективной адаптации к изменениям во внешней и внутренней среде с учетом управления финансовыми ресурсами и финансовым равновесием для достижения и сохранения устойчивого функционирования, динамичного и сбалансированного развития предприятия.

Прежде всего, для определения понятия «финансовый потенциал предприятия» с позиции данного исследования необходимо проанализировать трактовки различных авторов таких отдельных категорий, как «потенциал» и «финансовый потенциал».

В этимологическом значении термин «потенциал» происходит от латинского *potential* – сила, скрытая возможность, способность, сила, могущая проявиться при известных условиях [1. С. 198].

В Советском энциклопедическом словаре приводится следующее определение термина «потенциал»: «...средства, запасы, источники, имеющиеся в наличии и могущие быть мобилизованы, приведены в действие, использованы для достижения определенных целей, осуществления плана; решения какой-либо задачи; возможности отдельного лица, общества, государства в определенной области» [2. С. 1047].

Между приведенными выше толкованиями термина «потенциал» есть много общего. В них говорится о совокупности каких-либо возможностей в какой-то сфере. Следовательно, термин «потенциал» целесообразно использовать с точки зрения совокупных возможностей субъекта хозяйствования в финансовой сфере.

Анализ публикаций по проблеме определения финансового потенциала выявляет слабую её проработку на уровне отдельной отрасли и особенно на уровне предприятия [3]. В некоторых публикациях лишь констатируется тот факт, что вопросы определения и оценки потенциала отдельных субъектов хозяйствования остались в стороне от внимания исследователей.

Так, М.Т. Шафиков считает, что финансовый потенциал необходимо анализировать во взаимосвязи со свойственной каждой общественно-экономической формации производственными отношениями, возникающими между отдельными работниками, трудовыми коллективами, а также управленческим аппаратом предприятия, организации, отраслей народного хозяйства в целом по поводу полного использования их способностей к созданию материальных благ и услуг [4. С. 237]. В данном определении, на наш взгляд, показана достаточно важная черта финансового потенциала. Однако финансовый потенциал в равной степени зависит от уровня развития производственных сил.

Изучая финансовый потенциал субъекта хозяйствования, целесообразно обратиться и к такому определению, как «рыночный финансовый потенциал». Ряд публикаций по теории финансового потенциала посвящен показателю «рыночный финансовый потенциал предприятия», однако четкого и ясного представления о его структуре пока также не существует [5].

Таким образом, проведенные исследования показали, что, несмотря на разнообразие интерпретаций изучаемого понятия, можно отметить ряд моментов, присущих большинству подходов.

В структуре рыночного финансового потенциала субъекта хозяйствования отдельным блоком выделяют ресурсы, имеющиеся в распоряжении предприятия. Целесообразность такого подхода во многом зависит от глубины анализа и уровня системы стратегического управления на предприятии в целом.

Кроме ресурсной составляющей, в современной экономической теории выделяют блок управления. В нем, как правило, различают три подсистемы: планирования – нацелена на выявление будущего потенциала успеха; реализации – имеет задачами создание нового потенциала и превращение существующего в факторы успеха; контроля – выполняет функции проверки эффективности осуществления планов и решений и постоянного контроля за достоверностью плановых предпосылок.

Анализ последних публикаций, посвященных проблемам определения потенциала субъекта хозяйствования, позволяет выделить наиболее удачный подход, предложенный О.С. Федориным и И.М. Репиным, согласно которому к предметным составляющим финансового потенциала субъекта хозяйствования необходимо отнести: потенциальные финансовые показатели производства прибыльности, ликвидности, платежеспособности, потенциальные инвестиционные возможности [1].

На наш взгляд, финансовый потенциал промышленного предприятия – это отношения, возникающие на предприятии по поводу достижения максимально возможного финансового результата при условии:

- наличия собственного капитала, достаточного для выполнения условий ликвидности и финансовой устойчивости;
- возможности привлечения капитала в объеме, необходимом для реализации эффективных инвестиционных проектов;
- рентабельности вложенного капитала;
- наличия эффективной системы управления финансами, обеспечивающей прозрачность текущего и будущего финансового состояния.

Финансовый потенциал предприятий представляет собой не только способность предприятия привлечь и рационально использовать внутренние и внешние финансовые ресурсы, но и важнейшую функцию воспроизводства производственной мощности предприятия. Следовательно, увеличение доходов предприятий расширяет внутренние источники инвестиций, а также повышает инвестиционную надежность и привлекательность предприятий для внешних инвесторов. По мере роста производствен-

ной мощности предприятия увеличивается его финансовый потенциал, что влечет за собой увеличение конкурентоспособности предприятия в целом. То есть финансовый потенциал характеризуется финансовой независимостью предприятия, его финансовой устойчивостью и кредитоспособностью (ликвидностью). В свою очередь, финансовый потенциал хозяйствующего субъекта складывается под влиянием двух основных групп факторов:

- обусловливающих накопление финансовых ресурсов предприятия;
- влияющих на формирование финансовых потребностей предприятия.

Таким образом, обобщая вышеизложенные подходы, под финансовым потенциалом предприятия следует понимать совокупность имеющихся в наличии у предприятия, а также нереализованных финансовых ресурсов, которые, с одной стороны, обеспечивают возможность субъекта хозяйствования решать свои текущие и стратегические задачи, а с другой – способность самого субъекта хозяйствования использовать эти финансовые ресурсы, что в совокупности обеспечивает его устойчивое функционирование и развитие.

Основываясь на результатах исследования проблем управления финансовым потенциалом субъекта хозяйствования, считаем целесообразным представить концепцию механизма управления финансовым потенциалом (см. рис. 1).

При формировании концепции управления финансовым потенциалом предприятия следует использовать следующие принципы научного познания.

Системность – не элементы сами по себе составляют суть целого (системы), а наоборот, целое как первичное порождает при своем делении элементы системы. Согласно данному исследованию все компоненты системы управления финансовым потенциалом взаимосвязаны и в своей совокупности помогают достичь общей поставленной цели.

Адаптивность – предложенная концепция решения проблемы должна быть максимально приспособлена к потребностям хозяйственной практики. Система управления финансовым потенциалом предприятия должна обладать свойством устойчивого функционирования под влиянием факторов внешней среды.

Динамичность – процесс управления финансовым потенциалом субъекта хозяйствования непрерывен и чувствителен к изменениям внешней среды.

Целенаправленность – составляющие разработанной концепции в комплексе должны быть ориентированы на достижение единой поставленной цели.

Научность – при разработке концепции должны быть соблюдены принципы научного познания.

Перспективность – предложенная концепция должна быть направлена на перспективу, отвечать потребностям современных условий хозяйствования и быть актуальной не только в нынешних условиях, но и в будущем.

Альтернативность – при построении концепции механизма управления финансовым потенциалом субъекта хозяйствования следует обеспечивать альтернативность других направлений достижения и со-

хранения предприятием конкурентоспособности и как следствие – устойчивого функционирования.

Оптимальность – число элементов системы должно быть оптимальным. В нашем случае элементы системы управления финансовым потенциалом субъекта хозяйствования, управление которыми направлено на достижение и сохранение конкурентоспособности, это совокупность трех основных комплексов методов:

- управления финансовыми ресурсами предприятия;
 - управления взаимодействия предприятия с внешней и внутренней средой;
 - управления финансового равновесия предприятия.
- Каждый из указанных комплексов методов состоит из совокупности конкретных инструментов и способов управления финансовым потенциалом предприятия.

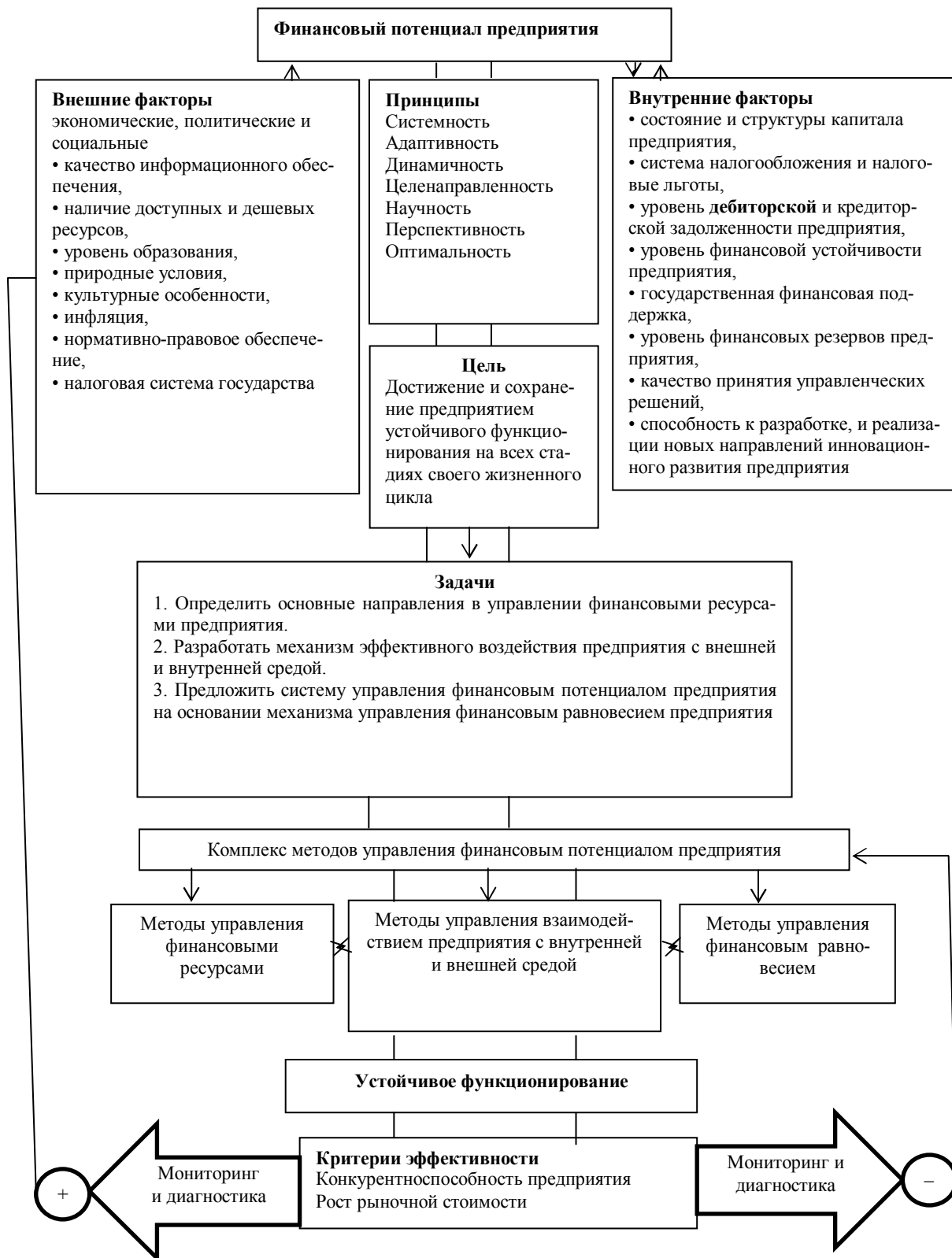

Рис. 1. Концепция механизма управления финансовым потенциалом предприятия

С позиции данного исследования считаем целесообразным использование конкурентоспособности предприятия в качестве критерия эффективности управления финансовым потенциалом субъекта хозяйствования.

Для того чтобы использовать конкурентоспособность предприятия как критерий эффективности системы управления финансовым потенциалом, необходимо указать основные методы оценки конкурентоспособности предприятия.

Установлено, что комплексный подход к оценке конкурентоспособности предприятия реализуется при помощи метода интегральной оценки, содержащего два элемента: критерий, характеризующий степень удовлетворения потребностей потребителя, и критерий эффективности производства. Преимуществом этого метода является простота расчета и возможность однозначной интерпретации результатов, а основной недостаток заключается в неполной характеристике деятельности предприятия.

Важной составляющей анализа конкурентоспособности при управлении финансовым потенциалом предприятия является изучение адаптивности и инновационности предприятия. При этом менеджмент предприятия фактически приводит к выбору уровней развития адаптивности и инновационности и осуществлению выбора соотношения по критерию конкурентоспособности.

Как показали проведенные исследования, представляется целесообразным к интегральной оценке конкурентных преимуществ применять системный, комплексный и нормативный подходы.

Так, с позиции системного подхода при интегральной оценке конкурентных преимуществ предприятия как системы следует отдельно оценивать факторы внешнего окружения и внутренней структуры системы.

При использовании комплексного подхода при оценке конкурентных преимуществ предприятия следует учитывать технические (технический уровень производства и выпускаемой продукции и т.п.), правовые (стабильность демократических преобразований, системность и обоснованность законодательных актов по различным направлениям права), рыночные (потенциал рынка, сила конкуренции, открытость, маркетинг и т.д.), научные (глубина анализа экономических законов и закономерностей, законов организации, широта и глубина применения научных подходов, современных методов), экономические (рентабельность, устойчивость, финансовые инструменты, обеспеченность ресурсами и т.д.), психологические и другие аспекты обеспечения конкурентоспособности, а также их взаимовлияния.

Применение нормативного подхода к оценке будет побуждать организовывать нормирование и мониторинг конкретных факторов преимуществ конкретных объектов.

Как правило, качественные методы оценки конкурентоспособности имеют низкий уровень математической формализации, отличаются трудоемкостью реализации и прерывистостью оценки. Они не дают возможности использовать оценку конкурентоспособности при анализе и определении направления

укрепления конкурентных позиций предприятия. Отсутствие эффективных методов оценки, которые позволяют количественно описать конкурентное положение предприятия, затрудняет процесс использования этой важной характеристики при принятии решений в процессе управления предприятием.

Следовательно, методики оценки конкурентоспособности преимущественно носят не описательный, а экономический, количественный характер. Показатель конкурентоспособности отображает самые существенные итоги деятельности и будущие возможности всех служб и подразделений предприятия, а также его способность реагировать на изменения факторов внешней среды.

На данный момент наиболее распространенными методами в западных странах (где конкурентоспособности уделяется наибольшее внимание) являются методы оценки конкурентоспособности в соответствии с рыночной долей и индекс Херфиндла–Хершмана [6]. Руководствуясь долей рынка, довольно проблематично разработать стратегию повышения конкурентоспособности предприятия. Она дает возможность лишь объективно зарегистрировать те или иные изменения в конкурентной позиции, но не позволяет рассмотреть причины таких изменений, тем более разработать меры реагирования. Кроме того, данный показатель не отображает всех требований, которые выдвигаются к оценке разными группами пользователей.

Более полную оценку конкурентоспособности предприятия позволяют получить методы, которые базируются на теории эффективной конкуренции. В соответствии с этой теорией более конкурентоспособными являются те предприятия, где лучше всего организованы производство и сбыт продукции, эффективное управление финансами.

Более целесообразным видится рассмотрение особенностей процессного подхода в контексте управления финансовым потенциалом предприятия.

Процессный подход в управлении финансовым потенциалом предприятия – это подход, определяющий рассмотрение деятельности любой компании как сети бизнес-процессов, связанных с целями и миссией этой компании, являющийся важнейшим признаком совершенного управления. Процессный подход нацелен на повышение гибкости бизнеса, сокращение времени реакции на изменения рынка и внешней среды, улучшение результатов деятельности предприятия [4].

На основании вышесказанного с позиции данного исследования представляется целесообразным для оценки конкурентоспособности пользоваться не одним конкретным методом, а системой показателей, позволяющих определить, конкурентоспособно ли предприятие в целом, что позволит качественно оценить эффективность системы управления финансовым потенциалом субъекта хозяйствования. Для определения, является ли функционирование предприятия устойчивым, считаем целесообразным изучение системы основных показателей его деятельности (в первую очередь рентабельности, ликвидности, финансовой самостоятельности) и тенденции их изменения. Если динамика показателей относительно стабильна и нет тен-

денции к снижению основных показателей (в том числе и конкурентоспособности), то цель управления финансовым потенциалом предприятия достигнута.

Таким образом, в работе осуществлены постановка и решение актуальной задачи разработки концепции механизма управления финансовым потенциалом предприятия, эффективность которого во многом за-

висит от того, насколько данный механизм будет соответствовать реализуемым в процессе экономической реформы целям и задачам повышения инвестиционной активности хозяйствующих субъектов и деятельности государственного регулирования в этой сфере, что свидетельствует о необходимости дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева З.А. Иерархия понятия конкурентоспособности субъектов рынка // Маркетинг в России и за рубежом. 2006. № 2. С. 81–89.
2. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Сов. энцикл., 1987.
3. Родионова В.М., Федотова М.А. Финансовая устойчивость предприятия в условиях инфляции. М.: Перспектива, 2005. 420 с.
4. Манюшко Е.В., Бородин А.И. Процессно-ориентированное бюджетирование в промышленной компании. Изд-во LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co.KG, Germany, 2012. 169 с.
5. Бородин А.И., Шаш Н.Н., Белокрылова О.С. Теоретические аспекты управления финансовым потенциалом предприятия // Экономика в промышленности. 2013. № 1. С. 76–83.
6. Катасонов В.Ю. Финансово-инвестиционный потенциал экономики: механизмы формирования и использования : учеб. М.: Анкил, 2005. 328 с.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 05 декабря 2014 г.

THE CONCEPT OF THE MECHANISM OF MANAGEMENT IN THE FINANCIAL POTENTIAL OF THE ENTERPRISE

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 171–175. DOI 10.17223/15617793/391/28

Borodin Alexander I. Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: aib-2004@yandex.ru

Keywords: financial potential of enterprise; system approach; management in potential; methods of management; potential.

In the article the essence of financial capacity of the enterprise is investigated; the concept of management by financial potential from a position of system approach is developed. When using an integrated approach in assessing competitive advantages of the enterprise, it is necessary to consider technical (technological level of production and products, etc.), legal (stability of democratic transformations, systemacity and validity of acts in various directions of the law, market (capacity of the market, competition force, openness, marketing, etc.), scientific (depth of the analysis of economic laws and regularities, organization laws, width and depth of application of scientific approaches, modern methods), economic (profitability, stability, financial instruments, security with resources, etc.), psychological and other aspects of ensuring competitiveness, and also their interference. As a rule, qualitative methods of competitiveness assessment have a low level of mathematical formalization, labor input of realization and intermittence of assessment. They do not allow using competitiveness assessment in the analysis and definition of the direction of strengthening of competitive positions of the enterprise. Lack of effective methods of assessment which allow to describe quantitatively the competitive position of the enterprise complicates the process of use of this important characteristic at decision-making in enterprise management. Therefore, techniques of assessment of competitiveness mainly have not descriptive, but economic, quantitative character. The indicator of competitiveness displays the most essential results of activity and future opportunities of all services and enterprise divisions, and also its ability to react to changes of factors of environment. Statement and solution of the topical problem of development of the concept of the mechanism of management is carried out by the financial capacity of the enterprise whose efficiency in many respects depends on how this mechanism will answer the purpose realized in the course of an economic reform and problems of increase of investment activity of managing subjects and effectiveness of state regulation in this sphere. From the position of the conducted research it is advisable to use a system of the indicators for assessment of competitiveness rather than a single method. The system allows to determine whether the enterprise as a whole is competitive, which helps estimate qualitatively the effectiveness of management of the financial potential of the subject of managing. In order to determine whether the enterprise functioning is stable, we consider expedient to study the main indicators of its activity (first of all, profitability, liquidity, independence) and tendencies of their change. If the dynamics of the indicators is rather stable and there is no tendency to decrease in the main indicators (including competitiveness), the goal of management is reached by the financial capacity of the enterprise.

REFERENCES

1. Vasil'eva Z.A. Definition hierarchy of competitiveness of market players. *Marketing v Rossii i za rubezhom – Journal of Marketing in Russia and Abroad*, 2006, no. 2, pp. 81–89. (In Russian).
2. Prokhorov A.M. (ed.) *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar': v 2 t.* [Great Encyclopedic Dictionary: in 2 vols.]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1991. Vol. 2.
3. Rodionova V.M., Fedotova M.A. *Finansovaya ustoychivost' predpriyatiya v usloviyakh inflyatsii* [Financial stability of the enterprise in terms of inflation]. Moscow: Perspektiva Publ., 2005. 420 p.
4. Manyushko E.V., Borodin A.I. *Protsessno-orientirovannoe byudzhetrovanie v promyshlennoy kompanii* [Process-oriented budgeting in an industrial company]. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co.KG, Germany, 2012. 169 p.
5. Borodin A.I., Shash N.N., Belokrylova O.S. *Teoreticheskie aspekty upravleniya finansovym potentsialom predpriyatiya* [Theoretical aspects of the financial potential of the enterprise]. *Ekonomika v promyshlennosti*, 2013, no. 1, pp. 76–83.
6. Katasonov V.Yu. *Finansovo-investitsionnyy potentsial ekonomiki: mekhanizmy formirovaniya i ispol'zovaniya* [Financial and investment potential of the economy: mechanisms of formation and use]. Moscow: Ankil Publ., 2005. 328 p.

Received: 05 December 2014

АГРАРНЫЕ РЫНКИ СТРАН БРИКС: УСЛОВИЯ СОВМЕСТНОГО ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 14-36-50497-мол_нр. на тему «Исследование инновационной деятельности на аграрных рынках стран БРИКС».

Анализируются аграрные рынки БРИКС, имеющие наибольшее значение для развития экономики этих стран и для мирового хозяйства в целом, а также обосновывается необходимость разработки и внедрения межгосударственного института, обеспечивающего эффективное продвижение инноваций в сельском хозяйстве, на аграрных рынках стран БРИКС.

Ключевые слова: страны БРИКС; аграрные рынки; инновации; институт; развитие; самоорганизация.

С целью выделения аграрных рынков при обобщении статистических данных применяются методы классификации, группировки, экономико-статистического, общего экономического анализа. Для разработки модели института используются методология системного подхода (направления, кибернетики и синергетики), а также модель самоорганизующейся системы.

Анализ аграрных рынков БРИКС необходим для того, чтобы определить, в каких рынках в наибольшей степени заинтересованы все страны БРИКС и, соответственно, на каких из них наиболее целесообразно осуществление совместного регулирования и совместного внедрения инноваций. Аграрный сектор любой страны в сложных международных политико-экономических ситуациях зачастую оказывается наиболее уязвимым и одним из первых принимает на себя удар изменившейся конъюнктуры мировой экономики и политики. В то же время аграрный сектор является стратегически важным сектором экономики, большая часть продукции которого удовлетворяет базовые потребности населения. Следовательно, одной из приоритетных задач для всех экономических агентов должно стать обеспечение стабильности и условий для инновационного развития аграрного сектора.

Сегодня для Российской Федерации одним из приоритетных направлений взаимодействия в сельском хозяйстве является интеграция со странами БРИКС, что обосновывается не только принятыми санкциями, но, прежде всего, тем, что по многим видам сельскохозяйственной продукции суммарное производство стран БРИКС достигает 30–50% от мирового объема, активно усиливается совместное сотрудничество в других сферах деятельности.

Исследования стран БРИКС, проводимые М.А. Бекон, Т.А. Ланьшиной, И.Г. Чирковой и другими учеными, показывают, что до последнего времени на аграрных рынках БРИКС не проводилось единой скоординированной инновационной политики [1–3].

Сложившаяся в 2014 г. политико-экономическая ситуация в мире, а также итоги шестого саммита стран БРИКС, проходившего в июне 2014 г. в г. Форталеза (Бразилия), дают основания говорить о новых перспективах совместного развития стран БРИКС, в том числе в аграрном секторе. Можно выделить несколько ключевых положений, способствующих интеграции стран БРИКС.

Во-первых, в Форталезской декларации объявляется о подписании Соглашения о создании Нового

банка развития (НБР) в целях мобилизации ресурсов для финансирования инфраструктурных проектов и проектов в области устойчивого развития в странах БРИКС и других странах с формирующейся рыночной экономикой и развивающихся странах [4. П. 11].

Во-вторых, лидеры стран БРИКС заявили о необходимости развития диалога в рамках БРИКС в целях поощрения международного обмена и сотрудничества и содействия инновациям, научным исследованиям и разработкам [4. П. 23].

В-третьих, в Форталезской декларации говорится о намерении развивать сотрудничество в области сельского хозяйства и обмениваться информацией, касающейся стратегии обеспечения доступа к продовольствию для наиболее уязвимых слоев населения, ослабления негативных последствий изменения климата для продовольственной безопасности и адаптации сельского хозяйства к изменению климата [4. П. 61].

На основе данных Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (Food and Agriculture Organization, ФАО) можно ранжировать производство сельскохозяйственной продукции по объемам выпуска в стоимостном выражении (табл. 1). К десятке лидеров в мировом производстве относятся следующие продукты: молоко, рис, мясо (КРС, свинина, курица), пшеница, соевые бобы, томаты, тростниковый сахар, куриные яйца.

Для обеспечения совместного развития, связанного с продвижением инноваций на аграрных рынках стран БРИКС, необходимо определить, какие аграрные рынки наиболее важны для всех стран БРИКС, какие особенности развития аграрного сектора есть у каждой страны.

В табл. 2 приведены данные по БРИКС по десяти лидирующим в мировом производстве продуктам питания и сельскохозяйственной продукции. Расчеты доли БРИКС в мировом производстве аграрных продуктов произведены на основе стоимостной оценки, при этом доля БРИКС в мировом производстве в тоннах отличается незначительно.

Мы можем отметить, что по всем лидирующим аграрным рынкам в мировой экономике доля производства БРИКС превышает 25%, а по четырем (рис, свинина, тростниковый сахар, куриные яйца) составляет около 50% мирового выпуска. Получается, что БРИКС выступают значимыми или доминирующими производителями на этих рынках. При этом для БРИКС наибольшее значение по стоимости имеет

производство риса, на втором месте – производство свинины, на третьем – мясо КРС, на четвертом – молоко коровье, на пятом – мясо курицы. Хотя в разрезе стран не все рынки являются таковыми. Например,

производство риса входит в топ 20 для всех стран БРИКС, кроме ЮАР, а производство свинины – для всех стран БРИКС, кроме Индии, что связано с климатическими и религиозными факторами.

Таблица 1

Производство сельскохозяйственной продукции в мировой экономике, 2012 г. [5]

Ранг в мире	Продукт	Производство, тыс. долл.	Производство, т
1	Молоко, коровье цельное	187 277 186	625 753 801
2	Рис-сырец	185 579 591	738 187 642
3	Мясо КРС, местное	169 476 916	62 737 255
4	Свинина, местная	166 801 086	108 506 790
5	Мясо курицы, местное	132 085 858	92 730 419
6	Пшеница	79 285 036	671 496 872
7	Соя	60 692 327	241 142 197
8	Томаты	59 108 521	161 793 834
9	Сахар тростниковый	57 858 551	1 842 266 284
10	Яйца куриные в скорлупе	54 987 685	66 372 549

Таблица 2

Аграрные рынки стран БРИКС

Ранг в мире	Продукт (рынок)	Значимость продукта для стран БРИКС (продукт входит в топ 20 по объему производства в каждой страны)	Производство БРИКС в 2012 г., тыс. долл.	Доля БРИКС в мировом производстве по стоимости в 2012 г., %
1	Молоко коровье, цельное	Да, для всех стран БРИКС	48 025 626	25,6
2	Рис-сырец	Для всех стран БРИКС, кроме ЮАР	94 697 002	51,0
3	Мясо КРС, местное	Да, для всех стран БРИКС	51 718 464	30,5
4	Свинина, местная	Для всех стран БРИКС, кроме Индии	84 999 041	51,0
5	Мясо курицы, местное	Да, для всех стран БРИКС	37 710 209	28,5
6	Пшеница	Для всех стран БРИКС, кроме Бразилии	31 856 221	40,2
7	Соя	Для всех стран БРИКС, кроме Китая и России	20 934 253	34,5
8	Томаты	Да, для всех стран БРИКС	27 493 649	46,5
9	Сахар тростниковый	Для всех стран БРИКС, кроме Китая и России	34 645 478	59,9
10	Яйца куриные в скорлупе	Да, для всех стран БРИКС	27 413 297	49,9

Примечание. Показатели таблицы рассчитаны авторами на основе данных ФАО [5].

Относительно рынка молока можно отметить, что хотя для всех стран БРИКС он является одним из ключевых, тем не менее, только Индия и ЮАР за счет внутреннего производства полностью удовлетворяют внутренний спрос. Бразилия покрывает свои текущие потребности за счет внутреннего производства на 97%, Китай – на 88%, Россия – на 80%, соответственно эти страны являются импортерами молока (на 2013 г.).

Рассмотрев лидирующие в мировом производстве аграрные рынки, мы смогли выделить только пять аграрных, которые для каждой из стран БРИКС включены в топ 20 наиболее важных продуктов питания и сельскохозяйственной продукции, а именно: мясо КРС местное, молоко коровье цельное, мясо курицы местное, томаты, яйца куриные в скорлупе. Однако данные табл. 2, показывающие существенные доли БРИКС в мировом сельскохозяйственном производстве на отдельных рынках, предопределяют расширение указанного списка до 10 позиций с точки зрения совместного их регулирования и создания институтов для совместного внедрения инноваций – это рынки молока, зерновых (риса, пшеницы, сои), мяса (КРС, свинина, курица), томатов, куриных яиц, тростникового сахара.

Развитие аграрного сектора развивающихся стран, в том числе стран БРИКС, в современных условиях связано с необходимостью решения целого комплекса

проблем, так как указанные факторы влияют и на инновационную активность хозяйствующих на них субъектов:

- истощение и деградация земли и воды, негативное воздействие на окружающую среду;
- увеличивающееся население земли и соответственно необходимость увеличения сельскохозяйственного производства;
- проблема голода. По данным ФАО ООН, более 842 млн человек на 2014 г. хронически голодают, при этом 70% голодающих проживают в сельских районах развивающихся стран [6];
- нехватка капитала у малых и средних фермерских хозяйств [7];
- низкая производительность труда в сельском хозяйстве;
- разрыв в ценах на продукцию сельского хозяйства и других отраслей не в пользу сельского хозяйства и аграрных стран;
- неразвитость аграрной инфраструктуры отдельных стран;
- растущая зависимость сельского хозяйства и аграрных рынков от функционирования агропромышленных транснациональных компаний;
- проблема биологической безопасности. Использование генетически модифицированных организмов

(ГМО) и синтетически модифицированных организмов (СМО), используемых в пищевых и сельскохозяйственных продуктах, представляющих риски для здоровья человека и окружающей среды [8];

– заимствование инноваций у развитых стран и отставание в их внедрении, особенно на уровне малых фермерских хозяйств.

Проблемы аграрного сектора развивающихся стран сегодня носят международный характер, поэтому их уже невозможно решить только в рамках национального регулирования, необходимы международные институты.

Одним из таких институтов является Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, которая осуществляет поддержку аграрного сектора стран – членов ФАО через различные фонды и программы, в том числе совместные программы ФАО и правительств, направленные на достижение следующих целей:

- устранение голода и недоедания, обеспечение продовольственной безопасности;
- увеличение и улучшение обеспеченности товарами и услугами сельского хозяйства, лесного хозяйства и рыболовства;
- сокращение бедности в сельской местности;
- включение инклюзивных и эффективных сельскохозяйственных и продовольственных систем на местном, национальном и международном уровнях;
- повышение устойчивости источников жизнеобеспечения к угрозам и кризисам;
- поддержка семейного фермерства;
- борьба с вирусами и др.

Одна из ключевых программ ФАО – Программа технического сотрудничества (The Technical Cooperation Programme (TCP)) – была запущена в 1976 г. и является частью регулярной программы ФАО, финансируемой за счет взносов ее членов. Она поддерживает целевые, краткосрочные и стимулирующие проекты, которые решают технические проблемы в области сельского хозяйства, рыболовства, лесоводства и сельского населения. Проекты, поддерживаемые TCP, должны давать реальные немедленные и экономически эффективные результаты, содействуя повышению продовольственной безопасности и снижению уровня бедности, а также стимулируя изменения в долгосрочном развитии [9].

Важным источником финансирования развития сельского хозяйства являются целевые фонды ФАО, основная деятельность которых сосредоточена на стимулирующих проектах по решению долгосрочных структурных проблем бедного населения (70% которого находится в сельском секторе) – в сферах создания новых рабочих мест и получения доходов.

Кроме того, действует созданный ФАО Целевой фонд продовольственной безопасности, целью которого является обеспечение продовольственной безопасности и предотвращение чрезвычайных ситуаций от трансграничных вредителей и болезней животных и растений.

В табл. 3 приведены суммы поддержки по текущим проектам ФАО, доступные для стран БРИКС на 01 января 2014. Основная часть проектов рассчитана на пе-

риод до 2015–2017 гг., отдельные – до 2019–2021 гг. Безусловным лидером по получению поддержки является Бразилия, аккумулировав 48% суммы, доступной для всех стран БРИКС. Меньше всего на развитие сельского хозяйства предназначено для России: чуть менее 8% от агрегированного показателя.

Таблица 3

Поддержка Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН проектов, направленных на развитие аграрного сектора стран БРИКС [9]

Страна	Суммы поддержки по текущим проектам, доступные на 01.01.2014, долл.
Бразилия	97 374 096
Россия	15 990 022
Индия	46 643 138
Китай	25 863 366
ЮАР	16 927 358

Анализ проектов и программ ФАО, с одной стороны, показал, что хотя многие проекты направлены на стимулирование инноваций в отдельных областях сельского хозяйства, но среди них нет комплексных проектов или программ, направленных на развитие инновационной активности в целом в аграрном секторе.

С другой стороны, проблемы аграрного сектора стран БРИКС настолько сложны, что для их решения нужны именно инновационные проекты, внедряемые на уровне наднациональных институтов.

На сегодняшний день саммиты и встречи министров стран БРИКС служат площадкой для достижения двусторонних и многосторонних договоренностей между странами [10]. Тем не менее страны БРИКС пока не являются интеграционной группировкой и не имеют наднациональных органов регулирования. Соответственно, и аграрная политика стран БРИКС, проводимая национальными правительствами, и конкретные политические меры, принимаемые для решения аграрных проблем, остаются разрозненными.

Это приводит к выводу о необходимости создания некоего межгосударственного института и связанных с ним внутригосударственных институтов, которые бы способствовали развитию аграрного сектора стран БРИКС и обеспечили эффективное продвижение новаций в нем как на уровне каждой страны, так и на уровне всей группы. Наличие такого института позволит организовать качественное развитие аграрного сектора в экономике стран БРИКС. Дадим ему условное название: Институт развития аграрных рынков стран БРИКС (далее Аграрный институт развития БРИКС).

Возникает вопрос о методологии построения Аграрного института развития БРИКС. В совместном заявлении лидеров стран БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) (г. Екатеринбург, 2009 г.) подчеркивается позиция в пользу более демократического и справедливого многополярного миропорядка, основанного на верховенстве международного права, равноправии, взаимном уважении, сотрудничестве, скоординированных действиях и коллективном принятии решений всеми государствами [11. П. 12].

В Форталезской декларации 2014 г. БРИКС рассматривают как важную движущую силу процесса постепенного преобразования и реформирования ны-

нешних институтов в рамках перехода к более представительной и справедливой системе управления, способной генерировать более инклюзивный глобальный рост и содействовать обеспечению стабильности, мира и процветания во всем мире [4. П. 5].

По нашему мнению, для реализации заявленной позиции о построении взаимоотношений между странами БРИКС, в том числе в области инноваций и сельского хозяйства, на принципах справедливости,

равноправия и сотрудничества может быть целесообразным использование модели самоорганизующейся системы системного подхода [12, 13].

Использование модели самоорганизующейся системы предполагает не только исполнение, но и возможность изменения норм и правил (институтов) самими элементами системы в условиях постоянно изменяющейся внутренней и внешней среды, что обеспечивает эффективную адаптацию и качественное развитие системы.

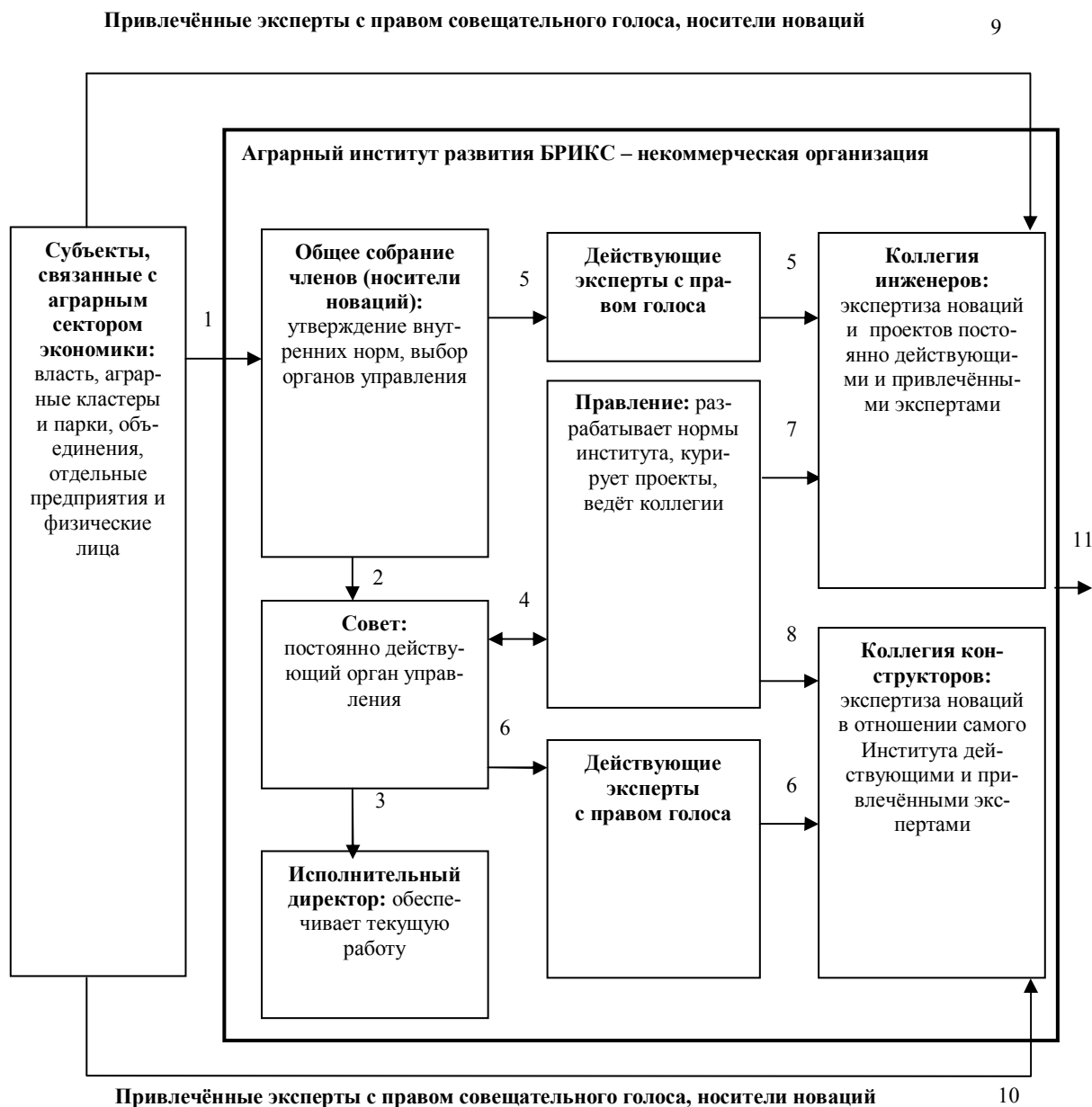

Рис. 1. Структура Аграрного института развития БРИКС

Исходя из тезиса о перспективах перехода БРИКС на другую модель экономического управления, в основе которой лежат принципы справедливого управления, и из принципов самоорганизации системного подхода, нами разработаны требования к Аграрному институту развития БРИКС:

Аграрный институт развития БРИКС должен обеспечивать самоорганизацию и кооперацию всех заинтересо-

ванных участников на паритетных началах для реализации социально и экономически значимых инноваций.

Аграрный институт развития БРИКС необходимо создавать на базе организации, целью и основной функцией которой являются выявление, продвижение, кураторство (попечение), аутсорсинг новаций и проектов в аграрном секторе, в том числе на рынках сельхозпродукции и продуктов питания.

Аграрный институт развития БРИКС должен быть связан с отраслевыми объединениями сельскохозяйственных производителей, фермеров, участников аграрного рынка и агропромышленными кластерами (парками) для привлечения максимального широкого круга участников процесса продвижения новаций, а также для ответственного размещения работ и услуг для реализации этих новаций и проектов.

Аграрный институт развития БРИКС должен регулировать взаимодействие по поводу продвижения новаций как на основе общих внутренних норм, к которым присоединились участники, так в перспективе на основе совместных норм (законов) стран БРИКС, регулирующих деятельность данного Аграрного института развития. Страны БРИКС должны присоединиться к общей норме (межгосударственному соглашению), которое описывает принципы работы института развития.

Участниками Аграрного института развития БРИКС могут быть те физические лица и организации, которые занимаются или участвуют в проектной деятельности в аграрном секторе, т.е. в том или ином качестве участвуют в реализации новаций и проектов.

Структура Аграрного института развития БРИКС представлена на рис. 1.

Потенциальными участниками Аграрного института развития БРИКС могут быть любые субъекты, связанные с аграрным сектором экономики (рис. 1, стрелка 1). Сам Аграрный институт развития БРИКС должен быть организован на основе некоммерческой организации, имеющей членство. Равноправными членами данной некоммерческой организации должны быть субъекты, связанные с аграрным сектором экономики, которые участвуют в проектной инновационной деятельности в качестве носителей проектов, разработчиков, инвесторов, экспертов и т.д.

Общее собрание некоммерческой организации избирает из своего состава членов и председателя Совета (стрелка 2) и руководителей и председателя Правления (стрелка 4).

В соответствии с требованиями к самоорганизующейся системе председатель, члены Совета и руководители Правления должны периодически переизбираться.

Совет осуществляет управление деятельностью Аграрного института развития БРИКС в период между проведением общих собраний. Председатель Совета формирует Исполнительную дирекцию, которая осуществляет хозяйственную деятельность в некоммерческой организации (стрелка 3).

Правление осуществляет кураторство проектов и новаций, организует и проводит работу коллегий (см. рис. 1, стрелки 7 и 8).

Все члены Аграрного института развития БРИКС имеют право голоса в Коллегии инженеров (стрелка 5). Члены Совета имеют право голоса в Коллегии конструкторов (стрелка 6).

Коллеция инженеров осуществляет экспертизу новаций и проектов силами постоянно действующих экспертов от Правления и членов института развития (стрелки 5 и 7), а также силами привлечённых экспер-

тов, которые не являются членами института, но имеют право совещательного голоса (стрелка 9).

Коллеция конструкторов осуществляет экспертизу проектов и новаций в отношении самого Аграрного института развития БРИКС силами постоянно действующих экспертов от членов Совета и Правления (стрелки 6 и 8), а также силами привлечённых экспертов, которые не являются членами НКО с правом совещательного голоса (стрелка 10).

На выходе (стрелка 11) результат деятельности Аграрного института развития БРИКС – введённые в опытную и рабочую эксплуатацию проекты и реализованные на аграрных рынках новации.

На рис. 2 представлена концепция технологии работы Аграрного института развития БРИКС.

В Аграрном институте развития БРИКС должны быть приняты нормы, регулирующие состав структуры организации (института) и регламент взаимодействия участников института. Соответственно, став членами института, субъекты присоединяются к нормам данного института.

Носители (разработчики) представляют свои новации на различных стадиях готовности в Аграрный институт развития БРИКС. Правление совместно с носителем новации или руководителем проекта доводит описание проекта до принятых в институте требований. Правление организует заседание Коллегии конструкторов и предварительно осуществляет рассылку материалов новации (проекта) среди членов Коллегии конструкторов, приглашает сторонних заинтересованных принять участие в экспертизе проекта или новации.

По факту экспертизы проекта (новации) принимается решение о его дальнейшем продвижении. Проект попадает в открытый список значимых проектов и новаций, который может быть организован как «электронное табло» по стадиям готовности, по приоритетам, с кратким описанием. Аграрный институт развития БРИКС создаёт условия, чтобы это табло проектов и новаций было общеизвестным в аграрном секторе с тем, чтобы свести носителей новаций (проектов) с необходимыми разработчиками, инвесторами, заказчиками, потенциальными потребителями. Сам Аграрный институт развития БРИКС оказывает консалтинговую помощь по разработке бизнес-плана проекта (новации), ведёт работу с инвесторами.

По ходу движения от этапа к этапу разработки проект проходит подробную экспертизу Коллегии инженеров, т.е. каждый раз принимается решение о дальнейшем сопровождении проекта Аграрным институтом развития БРИКС.

Таким образом, для всех заинтересованных сторон процесс развития проекта (новации) открыт и к моменту его внедрения потенциальный потребитель будет готов его воспринять.

Чтобы реализовать описанную выше технологию работы международного Аграрного института развития БРИКС в электронном виде в сети Интернет в режиме реального времени, необходимо внедрение электронной системы внешнего юридически значимого документооборота между странами БРИКС, что, в свою очередь, требует единого правового поля в области электронной подписи и электронного взаимодействия.

Рис. 2. Технология работы Аграрного института развития БРИКС

Межгосударственное сотрудничество стран БРИКС на основе Аграрного института развития БРИКС может способствовать продвижению инноваций на аграрных рынках, где наибольший совместный интерес представляют рынки молока, зерновых (риса, пшеницы, сои), мяса (КРС, свинина, курица), томатов, куриных яиц, тростникового сахара.

Создание Аграрного института развития БРИКС позволит повысить производительность аграрного сектора стран БРИКС, снизить транзакционные издержки на аграрных рынках, степень монополиза-

ции аграрных рынков, повысить качество производимого сырья и продуктов питания.

Аграрный институт развития БРИКС, с одной стороны, будет способен выявлять и способствовать продвижению и реализации новаций и проектов с учётом интересов как носителей проектов, так инвесторов и потребителей.

С другой стороны, наличие такого института развития снизит до минимума влияние монополий и власти на принятие решений по внедрению инноваций в аграрный сектор стран БРИКС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бек М.А., Бек Н.Н. Сравнительный анализ экономического развития стран БРИКС: роль инвестиций, инноваций, менеджмента и институтов // Менеджмент инноваций. 2013. № 3. С. 190–204.
2. Ланьшина Т.А. Инновационное развитие стран БРИКС // Международная экономика. 2013. № 6. С. 82–89.
3. Чирикова И.Г., Грибанова Ю.А. Комплексное развитие сельских территорий России в контексте международной трудовой интеграции // Вестник НГАУ. 2014. № 31. С. 208–214.
4. Форталезская декларация (принята по итогам шестого саммита БРИКС, г. Форталеза, Бразилия, 15 июля 2014 года). Форталезская декларация и Форталезский план действий // Официальный интернет-сайт Администрации Президента РФ. М., 2014. URL: <http://kremlin.ru/news/46227> (дата обращения: 15.10.2014).
5. Food and Agricultural Commodities Production, 2012 // Food and Agriculture Organization of the United Nations. FaoStat. 2014. URL: <http://faostat.fao.org/site/339/default.aspx> (access date: 29.09.2014).
6. The State of Food and Agriculture. Innovation in family farming // Food and Agriculture Organization of the United Nations. Rome, 2014. URL: <http://www.fao.org/3/a-i4040e.pdf> (access date: 05.11.2014).
7. Положение дел в области сельского хозяйства и продовольствия // Продовольственная и сельскохозяйственная организация объединенных наций. Рим, 2012. URL: <http://www.fao.org/docrep/017/i3028r/i3028r.pdf> (access date: 26.09.2014).
8. Suppan Steve From GMO to SMO: How Synthetic Biology Evades Regulation // Institute for Agriculture and Trade Policy. USA, July 2014. URL: <http://www.iatp.org/documents/from-gmo-to-smo-how-synthetic-biology-evades-regulation> (access date: 08.11.2014).
9. Technical Cooperation Programme // Food and Agriculture Organization of the United Nations. FAO, 2014. URL: <http://www.fao.org/tc/tcp> (access date: 01.11.2014).
10. Россия в БРИКС // Официальный интернет-сайт Министерства иностранных дел РФ. М., 2014. URL: <http://www.brics.mid.ru/brics.nsf> (дата обращения: 17.10.2014).
11. Совместное заявление лидеров стран БРИК, 2009 // Официальный интернет-сайт Министерства иностранных дел РФ. М., 2014. URL: <http://www.mid.ru/brics.nsf/WEBsamBric/F204322D9ED6118EC3257853003F4BD2> (дата обращения: 17.10.2014).
12. Фомин Э.В. Общий системный подход и социально-экономические системы (от управления к самоорганизации). Кн. 1: Общий системный подход / Э.В. Фомин, Ю.А. Фомина. М.: ЛЕНАНД, 2014. 160 с.
13. Редчикова Н.А., Фомина Ю.А. Инновационная деятельность на аграрных рынках стран БРИКС: Экономика России в XXI веке: сб. науч. тр. XI Междунар. науч.-практ. конф. «Экономические науки и прикладные исследования: фундаментальные проблемы модернизации экономики России», посвященной 110-летию экономического образования в Томском политехническом университете / под ред. Г.А. Барышевой, Л.М. Борисовой. Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2014. Т. I. С. 253–261.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 12 января 2015 г.

BRICS AGRICULTURAL MARKETS: CONDITIONS FOR COOPERATIVE INNOVATION DEVELOPMENT

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 176–182. DOI 10.17223/15617793/391/29

Fomina Yulia A. Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: Fomina-u-a@yandex.ru

Redchikova Natalia A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: natako@yandex.ru

Keywords: BRICS countries; agricultural markets; innovations; institute; development; self-organization.

Cooperation development on the agricultural markets of the BRICS countries is one of the most promising directions for the Russian Federation in current conditions. Because the BRICS countries total production of many key agricultural products reaches 30–50 % of their world production. Fortaleza Declaration 2014 confirms the intention of the BRICS countries to develop cooperation in the field of agriculture. The aim of our research is to analyze the BRICS countries agricultural markets which are most significant for the development of the BRICS economies and the global economy. Also the aim is to substantiate the need of an international institution that provides effective development and implementation of innovations on the BRICS countries agricultural markets. According to our analysis, the most important agricultural markets for the BRICS countries are the markets of milk, grain (rice, wheat), meat (pig, cattle, chicken), tomatoes, eggs (hen, in shell). Accordingly, these markets are most perspective in terms of their co-regulation and the establishment of institutions for joint innovations. The agricultural sector of developing countries, including the BRICS countries, has a range of problems which should be solved. There is a depletion and degradation of land and water; negative impact on the environment; the need to increase agricultural production; the problem of hunger; the problem of bio-security and many others. The problems of the BRICS countries agricultural sector are so complex that to solve them we need innovative projects implemented at the level of international institutions. But the BRICS countries are not an economic integration group yet and they do not have any common regulators. So the BRICS countries agricultural policy is carried out by national governments, and policy measures taken to solve agricultural problems remain fragmented. Thus, establishment of an international institute and related domestic institutions which could promote the development of the BRICS countries agricultural sector and the implementation of effective innovations is becoming an increasingly important issue nowadays. We would like to suggest the Institute of Agrarian Markets Development of the BRICS countries (BRICS Agrarian Development Institute). The model of the BRICS Agrarian Development Institute is based on the methodology of the systems approach (the directions of cybernetics and synergetics) and on the model of a self-organizing system. Requirements for the BRICS Agrarian Development Institute are designed according to the BRICS principle of fair governance and to the systems approach principle of self-organization. The structure of the BRICS Agrarian Development Institute is based on the model of a self-organizing system. The concept of the BRICS Agrarian Development Institute technology is introduced in this paper. Technology of the BRICS Agricultural Development Institute can be implemented as an on-line technology (in electronic form through the Internet in mode of real time). But it requires the introduction of the electronic external legally significant document circulation among the BRICS countries. The BRICS Agrarian Development Institute will reveal and promote innovations and projects taking into account the interests of the project stakeholders. The Institute will ensure the qualitative development of the BRICS countries agricultural sector.

REFERENCES

1. Bek M.A., Bek N.N. Comparative analysis of economic development of BRICS: the role of investment, innovation, management and institutions. *Menedzhment innovatsiy*, 2013, no. 3, pp. 190–204. (In Russian).
2. Lan'shina T.A. BRICS countries' national systems of innovation. *Mezhdunarodnaya ekonomika*, 2013, no. 6, pp. 82–89. (In Russian).
3. Chirkova I.G., Gribanova Yu.A. Complex development of rural territories in Russia in the context of international labor integration. *Vestnik NGAU*, 2014, no. 31, pp. 208–214. (In Russian).
4. The official website of the Russian Federation Presidential Administration. *Fortaleza Declaration (adopted at the end of the sixth summit of BRICS, Fortaleza, Brazil, July 15, 2014). Fortaleza Declaration and Fortaleza Plan of Action*. Moscow, 2014. Available from: <http://kremlin.ru/news/46227>. (Accessed: 15th October 2014). (In Russian).
5. Food and Agriculture Organization of the United Nations. *Food and Agricultural Commodities Production, 2012*. FaoStat. 2014. Available from: <http://faostat.fao.org/site/339/default.aspx>. (Accessed: 29th September 2014).
6. Food and Agriculture Organization of the United Nations. *The State of Food and Agriculture. Innovation in family farming*. Rome, 2014. Available from: <http://www.fao.org/3/a-i4040e.pdf>. (Accessed: 05th November 2014).
7. Food and Agriculture Organization of the United Nations. *The State of Agriculture and Food*. Rome, 2012. Available from: <http://www.fao.org/docrep/017/i3028r/i3028r.pdf>. (Accessed: 26th September 2014). (In Russian).
8. Suppan S. *From GMO to SMO: How Synthetic Biology Evades Regulation*. Institute for Agriculture and Trade Policy. USA, July 2014. Available from: <http://www.iatp.org/documents/from-gmo-to-smo-how-synthetic-biology-evades-regulation>. (Accessed: 08th November 2014).
9. Food and Agriculture Organization of the United Nations. *Technical Cooperation Programme*. FAO, 2014. Available from: <http://www.fao.org/tc/tcp>. (Accessed: 01st November 2014).
10. The official website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. *Rossiya v BRIKS [Russia in BRICS]*. Moscow, 2014. Available from: <http://www.brics.mid.ru/brics.nsf>. (Accessed: 17th October 2014).
11. The official website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. *Sovmestnoe zayavlenie liderov stran BRIK, 2009* [The joint statement by the leaders of the BRIC countries, 2009]. Moscow, 2014. Available from: <http://www.mid.ru/brics.nsf/WEBsamBric/F204322D9ED6118EC3257853003F4BD2>. (Accessed: 17th October 2014).
12. Fomin E.V., Fomina Yu.A. *Obshchiy sistemnyy podkhod i sotsial'no-ekonomicheskie sistemy (ot upravleniya k samoorganizatsii)* [The total systems approach and socio-economic systems (from management to self-organization)]. Moscow: LENAND Publ., 2014. Book 1, 160 p.
13. Redchikova N.A., Fomina Yu.A. [Innovative activities in the agricultural market of the BRICS countries]. *Ekonomika Rossii v XXI veke : sb. nauch. tr. XI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. "Ekonomicheskie nauki i prikladnye issledovaniya : fundamental'nye problemy modernizatsii ekonomiki Rossii"* [Economy of Russia in the 21st century: Proc. of XI International Scientific and Practical Conference "Economics and applied research: fundamental problems of modernization of the Russian economy"]. Tomsk, 2014. Vol. 1, pp. 253–261. (In Russian).

Received: 12 January 2015

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

УДК 73.3

И.В. Иванова

РАЗРАБОТКА МОДЕЛИ СОПРОВОЖДЕНИЯ САМОРАЗВИТИЯ УЧАЩИХСЯ ВО ВНЕУРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ОСВОЕНИЯ ФГОС НАЧАЛЬНОГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ СЕЛЬСКИХ ШКОЛ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Калужской области, проект 14-16-40007 а(р) «Разработка и апробация модели сопровождения саморазвития учащихся во внеурочной деятельности в условиях освоения ФГОС начального общего образования (на примере сельских школ Калужской области)».

Представлено авторское видение конструирования модели сопровождения саморазвития учащихся во внеурочной деятельности в освоении ФГОС начального общего образования в сельских школах. Описаны структура модели, условия ее реализации, ожидаемые результаты. Особое внимание уделено методическому блоку сопровождения. Предложено краткое описание авторских программ внеурочной деятельности социально-педагогической направленности «Мой новый мир» и «Маленький принц», которые могут найти широкое применение в региональной образовательной практике.

Ключевые слова: модель сопровождения; внеурочная деятельность; Федеральные государственные стандарты начального общего образования.

Характерной чертой современного этапа обновления образовательного процесса является ориентация на максимальную индивидуализацию сопровождения развития учащихся, призванную обеспечить достижение результатов и эффектов в их личностном, социальном и интеллектуальном развитии. Именно так ставится вопрос в Федеральном государственном образовательном стандарте нового поколения, в «Законе об образовании в РФ», в материалах национальной образовательной инициативы «Наша новая школа». Важной задачей деятельности образовательных организаций становится оказание помощи растущему человеку в процессе самосозидания и саморазвития, обретения подлинного призвания. Акцент в воспитательной практике образовательных учреждений постепенно смещается в сторону поддержки становления в растущем человеке ярко индивидуального, развития у него способности к самопознанию, самоопределению, самореализации.

Активное распространение и внедрение в педагогическую реальность идей гуманизации образования позволили отечественным дидактам и практикам выделить проблему создания условий, комплексной поддержки и сопровождения в образовании индивидуальной траектории становления личности человека, его саморазвития. По словам отечественных психологов Г.А. Цукерман и Б.М. Мастерова, «проблема саморазвития буквально ворвалась в современное педагогическое сознание...» [1. С. 6].

Современные взгляды отечественных психологов на проблему саморазвития личности едины в принципиальном утверждении, согласно которому в процессе саморазвития человек приобретает много новых качеств и способностей, которые ранее не были актуализированы, что демонстрирует большую широту смысла саморазвития (К.А. Абульханова-Славская, Б.С. Братусь, Д.А. Леонтьев, В.Г. Маралов, Н.Н. Михайлова, Н.А. Низовских, А.Б. Орлов, Г.А. Цукерман, И.С. Якиманская и др.).

В качестве одного из условий, способного обеспечить саморазвитие учащихся, в современной образовательной практике выступает внеурочная деятельность, которой сегодня отведена особая роль в развитии и воспитании подрастающего поколения. Согласно материалам по внедрению ФГОС начального общего образования (далее ФГОС НОО), под **внеурочной деятельностью** следует понимать образовательную деятельность, осуществляемую в формах, отличных от классно-урочной, и направленную на достижение планируемых результатов освоения основной образовательной программы начального общего образования. Эта деятельность в начальной школе принципиально отличается от учебной и призвана решать ряд очень важных задач: обеспечить благоприятную адаптацию ребенка в школе; оптимизировать учебную нагрузку учащихся; улучшить условия для развития ребенка; учесть возрастные и индивидуальные особенности детей [2].

Сквозной, интегрирующей линией решения задач внеурочной деятельности является комплексное (психолого-педагогическое, методическое, информационное) сопровождение процесса внутреннего развития личности каждого учащегося в пространстве внеурочной деятельности.

Особую актуальность проблема сопровождения саморазвития учащихся во внеурочной деятельности приобретает сегодня в условиях сельских школ, поскольку, во-первых, в сельской местности особенно остро стоит проблема профилактики правонарушений, наркомании и других асоциальных проявлений среди несовершеннолетних, что выявляет потребность в организации социально значимого досуга, во-вторых, многие сельские школы, к примеру в Калужской области, с 2013/14 учебного года перешли на реализацию ФГОС НОО, что предопределило необходимость проектирования и реализации авторских образовательных программ внеурочной деятельности с учетом социальных запросов, сложившихся образо-

вательных тенденций и учета направленности личности учащихся, в связи с чем многие учителя столкнулись с рядом трудностей, в частности психолого-педагогического характера.

Вместе с тем следует констатировать, что на сегодняшний день отсутствуют должная теоретико-методологическая проработка модели сопровождения саморазвития учащихся во внеурочной деятельности, а также методические разработки для учителей по данной тематике.

Одними из путей решения данной проблемы видятся проектирование и реализация модели сопровождения саморазвития учащихся во внеурочной деятельности в условиях освоения ФГОС НОО (на примере сельских школ Калужской области), которая обеспечит личностное, интеллектуальное и социальное саморазвитие учащихся.

Таким образом, актуальность решения проблемы проектирования модели сопровождения саморазвития учащихся во внеурочной деятельности в условиях освоения ФГОС НОО и ее экспериментальной апробации на базе сельских школ Калужской области определяется ориентацией на индивидуализацию образовательного процесса как приоритетным направлением модернизации образования, а также социальными условиями и образовательными факторами, сложившимися сегодня в сельской местности.

Модель сопровождения саморазвития учащихся во внеурочной деятельности в освоении ФГОС НОО в сельских школах видится как система:

- включающая в себя структурные блоки: методическое, психолого-педагогическое и информационное сопровождение саморазвития учащихся;

- основанная на принципах гибкости, вариативности, индивидуализации, творческого взаимодействия (термин П.К. Анохина) всех участников образовательного процесса, учета возрастных и индивидуальных особенностей учащихся, учета региональных особенностей образовательного пространства сельской школы;

- опирающаяся на выработанные адекватные механизмы психолого-педагогического сопровождения учащихся (активно-деятельностная основа притязаний на признание, соподчинение мотивов в иерархичном превалировании нравственных норм, мотив самоприятия и стремления к саморазвитию, профилактика и коррекция негативных психологических и личностных образований);

- оснащенная технологией мониторинга измерения результатов ее функционирования касательно каждого структурного блока (методического, психолого-педагогического, информационного).

Целью реализации модели является стимулирование саморазвития учащихся во внеурочной деятельности в освоении ФГОС НОО. В качестве **частных задач** определены следующие: создание условий (методических, психолого-педагогических, информационных), обеспечивающих возможность саморазвития личности младших школьников во внеурочной деятельности в освоении ФГОС НОО в условиях сельской школы.

Модель требует соблюдения определенного **периода условий**, позволяющих реализовать основные

концептуальные идеи саморазвития учащихся во внеурочной деятельности:

- **учет регионального компонента образовательного пространства** (в данном случае сохранение космического наследия Калужского края, что предопределило включение идей космического воспитания (по К.Э. Циолковскому) в содержание авторских программ внеурочной деятельности для младших школьников);

- создание и поддержание развивающей среды внеурочной деятельности (через применение принципов СО-трудничества детей и взрослых);

- обновление форм и методов внеурочной деятельности через включение таких, которые способствуют осуществлению самопознания и саморазвития учащихся (в нашем случае это включение в авторские программы внеурочной деятельности практикоориентированных технологий личностного роста: арттерапевтических практик, написание писем героям произведений, в частности Экзюпери «Маленький принц», применение методов рефлексии самопознания, саморазвития и самопрогнозирования: заполнение и анализ карт маршрутов индивидуального саморазвития, ведение дневников личностного роста; применение следующих форм организации занятий: практикумы или первые образовательные пробы, социальные пробы, дискуссии в парах, круглые столы, тренинги, ролевые проигрывания в группах, экскурсии, миниконференции и т.д.);

- модернизация методической базы пространства внеурочной деятельности конкретной сельской школы с учетом требований ФГОС НОО, имеющихся образовательных запросов и предложений (ресурсов школы);

- выбор и использование адекватных механизмов методического, психолого-педагогического и информационного сопровождения с учетом ресурсов конкретной сельской школы, индивидуальных психологических особенностей учащихся;

- оснащение диагностическим комплексом: а) модели сопровождения (системе мониторинга результативности реализации каждого блока модели: методического, психолого-педагогического, информационного); б) мониторингом отслеживания динамики уровня саморазвития учащихся (показатель качества реализации модели).

Как было отмечено, модель сопровождения саморазвития учащихся во внеурочной деятельности в освоении ФГОС НОО в сельских школах видится нами в структурном единстве трех ее блоков: методического, психолого-педагогического и информационного.

В данной статье остановимся на освещении методического блока модели, который, в свою очередь, включает в себя два уровня. Реализация **программно-методического уровня сопровождения** представлена разработкой авторских программ внеурочной деятельности по линии ФГОС НОО и методических рекомендаций по их реализации; подготовкой методических материалов для учителей по вопросам составления и реализации индивидуальных маршрутов саморазвития младших школьников во внеурочной деятельности; подготовкой методических рекомендаций

для учителей по вопросам применения приемов самопознания и саморазвития в условиях внеурочной деятельности в освоении ФГОС НОО. Реализация **образовательного уровня методического сопровождения** содержательно представлена проведением семинаров для учителей по реализации авторских программ внеурочной деятельности для младших школьников; проведением обучающих семинаров для учителей по проектированию программ внеурочной деятельности разной направленности по линии ФГОС НОО. В его контексте предусмотрена организация индивидуальной методической помощи учителям в модернизации имеющихся и разработке новых программ внеурочной деятельности с учетом направленности личности младших школьников и имеющихся ресурсов сельских школ; проведение мастер-классов / семинаров-практикумов для учителей по проектированию и реализации индивидуальных маршрутов саморазвития учащихся во внеурочной деятельности, использованию приемов самопознания и саморазвития.

Важным аспектом реализации модели сопровождения саморазвития учащихся во внеурочной деятельности в освоении ФГОС НОО в сельских школах является применение авторских образовательных программ, направленных на решение задач, провозглашенных приоритетными в освоении стандартов: содействие интеллектуальному, духовно-нравственному и физическому развитию личности младших школьников, становлению и проявлению их индивидуальности, накоплению субъектного опыта участия и организации индивидуальной и совместной деятельности по познанию и преобразованию самих себя и окружающей действительности, формирование мировоззренческих установок подрастающего поколения.

Тенденции модернизации современного образования РФ и сложившиеся социальные условия (в частности, в сельской местности) предопределили необходимость разработки и реализации авторских программ внеурочной деятельности для младших школьников «Мой новый мир» и «Маленький принц». В программах отражена специфика регионального компонента, а именно космическое наследие Калужского края. Программы реализуются на базе сельских школ Юхновского района Калужской области.

Программа внеурочной деятельности «Мой новый мир» (автор И.В. Иванова) является адаптационной программой социально-педагогической направленности и ориентирована на детей 6–8-летнего возраста. Программа опирается на тенденции развития современного ребенка, учет направленности личности каждого ребенка и ориентирована на осуществление психолого-педагогической поддержки детей в плане выявления и снятия барьеров развития, предполагает проведение работы, направленной на снижение уровня тревожности, агрессии, профилактику девиантного поведения. В 2012 г. программа «Мой новый мир» отмечена дипломом победителя Первого Всероссийского конкурса авторских программ, учебно-методических материалов и электронных ресурсов по развитию творческой активности детей, подростков и молодежи «Поддержка творческих инициатив обуча-

ющихся и воспитанников в системе российского образования», ФИРО.

Целью программы является оказание психолого-педагогического сопровождения детям в адаптации к учению как новому виду деятельности, срок реализации программы – 2 года.

Задачи программы: познавательные (знакомство с правилами поведения в школе, других общественных местах; формирование готовности применения правил этики и психологии общения; обучение детей пользоваться вербальными и невербальными средствами общения); **развивающие** (развитие нравственной основы коммуникативного процесса, коммуникативных способностей детей, их инициативы и активности, развитие компонентов эмоционально-волевой сферы личности: саморегуляции, самоконтроля в отношении проявления своего эмоционального состояния в ходе общения; развитие адекватной оценочной деятельности, направленной на анализ собственного поведения и поступков окружающих людей; предупреждение и снижение уровня тревожности; снижение уровня конфликтности, агрессивности; развитие рефлексии поведения); **воспитательные** (сплочение детского коллектива; формирование навыков сотрудничества с детьми и взрослыми; формирование ценности дружбы и семьи, уважения к старшим; воспитание нравственно-этических качеств личности; воспитание толерантной личности).

Занятия по программе проводятся в групповой форме. Периодичность занятий – 2 раза в неделю. Форма организация занятий – игровая. На занятиях используются сюжетно-ролевые, дидактические игры, ролевое моделирование, упражнения, тематические беседы, техники и приемы саморегуляции, рисуночные методы, метод направленного воображения, игры. Предлагаемые в содержании программы темы изучаются на практическом уровне (через систему психологических игр, упражнений, творческих заданий, арттерапевтических приемов, организацию тренингов), поскольку эти методы и приемы несут в себе самостоятельное психологическое содержание.

Отличительная особенность программы состоит в активном применении арттерапевтических приемов, сопровождающих воспитательную деятельность. Арттерапия в рамках реализации программы используется как метод развития творческого потенциала личности, как основа реализации потенциальных возможностей личности ребенка младшего школьного возраста. На занятиях с детьми находят применение элементы изотерапии, лепкотерапии и сказкотерапии, поскольку именно они наиболее близки по восприятию детям. Использование данных техник позволяет развивать психические процессы ребенка, раскрывать его внутренний мир чувств и переживаний, работать со страхами, корректировать отношение к себе и миру, формировать умения сотрудничать в коллективе.

Программа 1-го года обучения представлена пятью разделами («Узнаем друг друга», «Мир правильного общения», «Азбука понимания», «Помоги мне», «Мои достижения») и направлена на помощь младшему школьнику в адаптации к учебе как новому виду деятельности.

Программа 2-го года обучения представлена тремя разделами («Правила общения», «Сила общения», «Тренинги общения») и направлена на развитие коммуникативных навыков у детей младшего школьного возраста.

Методическое обеспечение программы заключается в применении *ведущих методов обучения* (метод передачи знаний, который имеет важное значение для усвоения элементарных психологических знаний о себе и окружающих; метод проблемного обучения, позволяющий побудить интерес у детей к разрешению возникающих проблемных ситуаций; метод творческого проектирования, позволяющий применять на практике полученные знания в области этики и психологии общения); *методов воспитания* (нравственный пример педагога, личностный эталон, метод персонификации воспитания).

Также применяются методы, основанные на *практико-ориентированных технологиях личностного роста* и реализующие задачи развития личности, которые мы специально адаптировали с учетом специфики учебной ситуации и возможностей младшего школьного возраста: *а) активные методы творческого самовыражения*, направленные на то, чтобы научить ребенка понимать свою индивидуальность, выражать себя творчески, а также постигать уникальность личности вообще через понимание себя и другого человека; *индивидуальная и коллективная изотерапия* (например, «Общение инопланетян (пойми меня)», «Ученики с другой планеты», «Семья с другой планеты»); *индивидуальная и коллективная лепкатерапия* (например, «Пойми меня»); *индивидуальная и коллективная библиотерапия* (например, «Каким я буду в старости»; *б) психолого-педагогические методы и технологии*: слушание и анализ адаптационных сказок (по М.А. Панфиловой «Лесная школа» [3]); *психологические игры и упражнения*; *тренинги* (вербального и невербального общения, этики и психологии общения); *техники психолого-педагогической поддержки* в плане адаптации детей к школьному обучению, снижения уровня тревожности, агрессивности и т.д.

Результаты освоения программы 1-го года обучения следующие:

Предметные: представления о морально-этических нормах и правилах поведения в школе и других общественных местах; предметные умения: умения правильно вести себя в обществе, общаться в коллективе, строить поведение в соответствии с нравственно-этическими нормами; привычка мыслить и действовать в соответствии с психологической культурой.

Метапредметные: наличие представлений о значении моральных норм и правил поведения в обществе; умения строить умозаключения, делать выводы; осуществлять планирование своего поведения; организовывать совместную деятельность в группе; умение управлять своей деятельностью, осуществлять контроль и ее коррекцию, проявлять инициативность и самостоятельность, осознанно использовать речевые средства для организации общения.

Личностные: опыт самопознания и творческой деятельности, сотворчества с детьми, педагогом, ро-

дителями; наличие ориентации на выполнение моральных норм, способности к решению морально-этических проблем, оценки своих поступков; снижение уровня тревожности и агрессивности, развитие эмоционально-волевой и ценностно-смысловой сфер личности.

Результаты освоения программы 2-го года обучения:

Предметные: знание правил этики и психологии общения, правил составления творческих проектов; предметные умения: владение компонентами этики общения (знакомство, приветствие, прощание, ведение беседы по телефону, общение с родителями, сверстниками, взрослыми людьми); применять знания правил общения на практике, строить поведение в соответствии с нравственно-этическими нормами; привычка мыслить и действовать в соответствии с психологической культурой.

Метапредметные: наличие представлений о применении средств вербального и невербального общения и осознанно их использовать для организации общения; строить умозаключения, делать выводы; осуществлять планирование своего поведения; организовывать совместную деятельность в группе, умение управлять своей деятельностью, осуществлять контроль и ее коррекцию, проявлять инициативность и самостоятельность, осознанно использовать речевые средства для организации общения.

Личностные: опыт самопознания и творческой деятельности; опыт сотворчества с детьми, педагогом, родителями по созданию совместных творческих проектов; наличие ориентации на выполнение моральных норм, способности к решению морально-этических проблем, оценки своих поступков; снижение уровня тревожности и агрессивности, развитие эмоционально-волевой и ценностно-смысловой сфер личности.

Критерии оценки результативности прохождения программы. Результат занятий по программе предполагает изменения в поведении ребенка: активное общение со сверстниками; умение слушать других; умение применять приемы вежливого общения; умение учитывать мнения других в процессе совместной работы.

Механизм оценки результатов: наблюдение за тем, как ребенок взаимодействует со сверстниками на переменах и занятиях (критерии: активность, дружелюбие, умение решать споры); заинтересованное, активное участие ребенка в сюжетно-ролевых и других играх, тренингах общения, выполнении творческих проектов; анализ результатов мониторингов развития личности по программе.

Основными формами подведения итогов реализации программы «Мой новый мир» являются: наблюдение за индивидуальными достижениями каждого учащегося, за уровнем развития специальных способностей и психических процессов, открытые занятия с участием родителей. В конце обучения проводится занятие, открытое для родителей, на котором воспитанники демонстрируют подготовленный творческий проект «Человек – планета».

Программа внеурочной деятельности «Мой новый мир» в структуре образовательного процесса имеет *характер общего психолого-педагогического сопро-*

вождения, ее содержание направлено на развитие каждого ребенка с учетом индивидуальных особенностей личности. Особенно полезна программа для детей, имеющих психологические проблемы в общении, поведенческие проблемы, для таких учащихся ее прохождение может войти в индивидуальный маршрут личностного развития и представлять собой вариант педагогической поддержки. Исходя из этого, психолог может рекомендовать прохождение программы «Мой новый мир», опираясь на результаты беседований с родителями, бесед с ребенком и итоги проведенного мониторинга (уровень развития коммуникативных умений, преобладающая мотивация, уровень тревожности и агрессивности ребенка).

Программа «Мой новый мир» может представлять интерес для учителей, реализующих внеурочную деятельность по линии ФГОС НОО, педагогов дополнительного образования, а также для специалистов системы образования, занимающихся психолого-педагогическим сопровождением младших школьников.

В контексте реализации ФГОС начального, общего и основного образования особенно востребованными стали программы внеурочной деятельности, направленные на духовно-нравственное воспитание учащихся. В частности, согласно ФГОС НОО, в число нормативных документов, составляющих в содержание основной образовательной программы начального общего образования, входит «Программа духовно-нравственного развития и воспитания». Актуальность духовно-нравственного развития и воспитания подрастающего поколения определена «Концепцией духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования» [4], согласно которой одним из приоритетных направлений образования должно стать формирование мировоззренческих установок подрастающего поколения.

В марте 2013 г. на заседании Экспертного совета по инновационной и экспериментальной деятельности в управлении образования города Калуги была рассмотрена **программа внеурочной деятельности по духовно-нравственному развитию младших школьников «Маленький принц»** (автор: И.В. Иванова), которая была рекомендована к реализации на базе средних общеобразовательных школ г. Калуги в рамках ФГОС НОО. Программа «Маленький принц» является авторской, отмечена дипломом победителя Первого Всероссийского конкурса авторских программ, учебно-методических материалов и электронных ресурсов по развитию творческой активности детей, подростков и молодежи «Поддержка творческих инициатив обучающихся и воспитанников в системе российского образования», ФИРО, 2012 г.

Программа прошла успешную апробацию в контексте организации внеурочной деятельности на базе средних общеобразовательных школ г. Калуги (МБОУ «СОШ № 1», МБОУ «СОШ № 8», МБОУ «СОШ № 25» и МБОУ «СОШ № 30»). Сейчас программа реализуется также на базе сельских общеобразовательных школ Юхновского района Калужской области.

Программа внеурочной деятельности «Маленький принц» имеет социально-педагогическую направленность и ориентирована на детей 7–11-летнего возраста.

Целью программы являются самопознание, саморазвитие, самовоспитание и самопрогнозирование через усвоение морально-этических норм и развитие их ценностно-смысловой сферы, срок реализации программы – 2 года.

Задачи программы: познавательные (знакомство с художественным произведением Экзюпери «Маленький принц»; освоение морально-этических норм, основных моральных категорий, знакомство с правилами поведения в обществе, индивидуальными качествами личности и способами их выражения; формирование умений проводить анализ высказываний художественного текста; знакомство с социальным проектированием, планированием проектов, способами их оформления и презентации); **развивающие** (стимулирование развития нравственной устойчивости личности младшего школьника, эмоционально-волевой сферы, коммуникативных способностей личности, логического мышления через анализ текста, творческого мышления в процессе творческого самовыражения; развитие умений рефлексии и самопрогнозирования, умений осуществлять самопознание и самопрогнозирование по результатам образовательных проб; развитие умений построения маршрута индивидуального саморазвития на основе рефлексии); **воспитательные** (формирование мировоззренческих установок личности; воспитание нравственно-этических и духовно-нравственных качеств, умений правильно вести себя в обществе; воспитание толерантной личности; формирование готовности к оказанию помощи себе и окружающим, свершению добрых дел и добрых поступков; формирование навыков сотрудничества с детьми и взрослыми). Задачи приобретают особую актуальность в свете реализации ФГОС начального общего образования.

Новизна программы состоит в том, что она построена с **учетом принципов космического воспитания**, т.е. рельефно отражает региональный компонент образования в Калужском крае. Главной идеей космического воспитания, по А.В. Хуторскому, является активная творческая эволюция человека от низшей свободы к высшей, к богочеловеку. Образование человека заключается в личном самосозидании, расширении микрокосма до подобного ему макрокосма [5]. Космическое воспитание можно соотносить с духовно-нравственным воспитанием, целью которого является духовное самопознание личности в опоре на общечеловеческие ценности жизни и культуры; воспитание личности, способной и готовой к жизненному выбору и самоконтролю. В этом смысле образование понимается как расширение возможностей личности, раскрытие ее внутреннего мира, нравственного начала. Эти представления о человеке и его развитии близки к экзистенциализму как учению о построении своей судьбы и являются общей чертой идей космического воспитания мыслителей-космистов.

Программа «Маленький принц» построена на содержательной основе художественного произведения Антуан де Сент-Экзюпери – одного из первых пилотов авиачеты, который работал во Франции, Африке, Южной Америке, военного летчика, принимавшего участие во Второй мировой войне. Незадолго до сво-

ей гибели Экзюпери написал одну небольшую, совсем не похожую на другие сказку «Маленький принц» и сам ее иллюстрировал. Сказка, рассказанная Антуаном де Сент-Экзюпери, – мудрая и человечная, и автор ее не только поэт, но и философ. «Маленький принц» – поэтическая сказка о мужестве и мудрости безыскусной детской души и о таких важных «недетских» понятиях, как жизнь и смерть, любовь и ответственность, дружба и верность. Автор и герои сказки помогают детям открывать тайны понимания мира, формировать мировоззренческие основы жизни. Осознанию глубокого заложенного смысла произведения способствуют и книжные иллюстрации – рисунки, выполненные автором, которые рассматривают дети.

«Детство есть тайна. Эта тайна откроется только тому, у кого к ней есть шифры» (Карл Ясперс). В качестве «шифра» к миру детства в программе «Маленький принц» выступает процесс СО-действия и СО-творчества детей и педагога в процессе литературного анализа художественного произведения Экзюпери «Маленький принц». Метод литературного анализа художественного произведения дает возможность сформировать осознанное отношение детей к сложным рассматриваемым понятиям и явлениям (сущность понятий «добро» и «зло», «жизнь» и «смерть», «нравственность», «идеал», «ценность» и т.д.), осмыслить суть философских идей, заложенных в высказываниях героев произведения (например, «Самого главного глазами не увидишь. Зорко одно лишь сердце»; «Искать надо сердцем»; «И сердцу нужна вода»; «Если ты сумеешь правильно судить себя, значит, ты поистине мудр» и др.).

Выбор художественного произведения Экзюпери «Маленький принц» определен следующими факторами:

- мировоззренческая тематика произведения для детей, позволяющая открывать тайны понимания мира, формировать мировоззренческие основы жизни;

- яркий творческий, привлекательный для детей образ Маленького принца – главного героя произведения, ребенок, носитель духовно-нравственного начала, который имеет все возможности стать «значимым» для детей на пути их самовоспитания;

- наличие основных мировоззренческих, духовно-нравственных, моральных принципов в виде ярких высказываний;

- наличие рисунков автора к каждой главе произведения, рассматривание и анализ которых в совокупности с методом проблемной беседы и методом переживания позволяет сделать процесс формирования мировоззренческих установок личности естественным и осознанным;

- космическая направленности произведения (мальчик с другой планеты, рассказ про астронома, космос), что позволяет осуществлять воспитание в духе космизма. Согласно русским ученым-космистам (К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский, К.Н. Вентцель, Н.Ф. Федоров), духовно-нравственная сущность человека, развитие его ума и нравственности есть основа воспитания и образования. Космическое воспитание можно соотносить с духовно-нравственным воспитанием, целью которого является духовное самопознание

личности в опоре на общечеловеческие ценности жизни и культуры; воспитание личности, способной и готовой к жизненному выбору и самоконтролю. В этом смысле образование понимается как расширение возможностей личности, раскрытие ее внутреннего мира, нравственного начала. Таким образом, реализация программы по духовно-нравственному развитию младших школьников «Маленький принц» может рассматриваться как программа космического воспитания.

Программа ориентирована на достижение воспитательных результатов трех уровней. Программой заложена возможность перехода от воспитательных результатов знаниевого уровня к практико-ориентированным воспитательным результатам.

Содержание программы первого года обучения направлено на познание учащимися основ духовно-нравственного содержания, их осмысление, приобретение социального знания об общественных нормах, о социально одобряемых и не одобряемых формах поведения в обществе, получение опыта переживаний и позитивного отношения к базовым ценностям общества (человек, семья, Отечество, мир, знания, труд, культура), что обеспечивает достижение воспитательных результатов первого и второго уровней (согласно ФГОС начального общего образования в части внеурочной деятельности).

Содержание программы второго года обучения направлено на обобщение полученных знаний, их применение на практике, получения опыта самостоятельного общественного действия. Выполнение учащимися социальных проектов направлено на достижение воспитательных результатов третьего уровня.

Специфика области развития духовно-нравственной личности и личностного прогнозирования ребенка младшего школьного возраста определяет своеобразие программы «Маленький принц», что, в свою очередь, выражается в необходимости применения педагогических и психологических методов и приемов обучения и воспитания в их синтезе. Также на методику программы оказывает закономерное влияние содержание произведения Экзюпери «Маленький принц».

Программа 1-го года обучения представлена четырьмя разделами («Знакомство», «Первые образовательные пробы. Самопознание», «Размышляю вместе с Маленьким принцем. Самовоспитание», «Рефлексия. Самопознание, саморазвитие и самопроектирование»), ее содержание основано на сюжетной линии произведения Экзюпери.

Программа 2-го года обучения представлена восьмью разделами («Я. Помощь себе», «Мои родители. Помощь родителям», «Мой класс. Помощь классу», «Наша школа. Помощь школе», «Наши младшие друзья», «Мы уважаем старшее поколение», «Учу этике и этикету своих маленьких товарищей», «Рефлексия»), реализация ее содержания предполагает выполнение учащимися социальных проб и проектов.

Программой предусмотрено применение следующих **методов обучения**: *метод передачи знаний*, который имеет важное значение для усвоения элементарных психологических знаний о себе и окружающих; *метод литературного анализа художественно-*

го произведения, который дает возможность сформировать осознанное отношение детей к сложным рассматриваемым понятиям и явлениям; *метод проблемного обучения*, пронизывающий все занятия и позволяющий побудить интерес у детей к разрешению возникающих проблемных ситуаций в плане самовоспитания; *методы интерактивного обучения* (ведение дискуссий в группе, ролевых дискуссий в парах, использование метода «мозгового штурма»); *метод самообучения* (самостоятельный отбор детьми тем для подготовки докладов и выступлений по тематике нравственного совершенствования и личностного роста на основе анализа карт маршрутов индивидуального саморазвития группы; самостоятельная подготовка содержания докладов и их обсуждение на занятиях); *метод наблюдения*, дающий возможность изучения психических явлений; *метод социального проектирования*, позволяющий применять на практике полученные знания в области нравственно-этической ориентации (в контексте данной программы).

Методы воспитания: нравственный пример педагога; *личностный эталон*; *метод персонификации воспитания*, который позволяет содействовать духовно-нравственному воспитанию подрастающего поколения средствами духовной связи с личным опытом, с опытом семьи (в процессе подготовки к занятиям активная позиция принадлежит не только педагогам, учащимся, но и родителям, которые делятся своим опытом; важно, чтобы каждый ребенок почувствовал себя и своих близких напрямую причастными к событиям, важным и знаменательным для всех); *метод обеспечения переживания*, основывающийся на том, что понимание действительности происходит тогда, когда оно основано на эмоциональном отклике (только переживая эмоции, ребенок способен осознавать сущность явлений, задумываться о происходящем и учиться делать выводы, опираясь на сформированные ценностные ориентации).

Использование таких методов позволяет естественным образом побудить ребенка к активному размышлению и, как следствие, формировать нравственные ценностные установки подрастающего поколения.

Кроме известных в педагогике методов обучения и воспитания, в методике реализации программы «Маленький принц» используются методы, основанные на **практико-ориентированных технологиях личностного роста**, и реализующие задачи развития личности, которые мы специально адаптировали с учетом специфики учебной ситуации и возможностей младшего школьного возраста:

1) активные методы творческого самовыражения, направленные на то, чтобы научить ребенка понимать свою индивидуальность, выражать себя творчески, а также постигать уникальность личности вообще через понимание себя и другого человека:

- *арттерапевтические практики* как метод творческого самовыражения и самопознания в художественных видах деятельности (индивидуальная и коллективная изотерапия, лепкатерапия, библиотерапия);

- *составление коллективных панно* с целью развития коммуникативных способностей младших школь-

ников (например, «Коллективный портрет Маленького принца», «Наш мир детства»);

- *написание писем различным героям и существующим людям* с целью проговаривания своих идей, закрепления достигнутого уровня развития (например, «Письмо Маленькому принцу», «Письмо королю с астероида», «Письмо пьянице», «Письмо тщеславному “глухому” человеку», «Письмо честолбцу», «Письмо занятому человеку»);

2) метод рефлексии самопознания, саморазвития и самопрогнозирования:

- *заполнение и анализ карт маршрутов индивидуального саморазвития* (в текущем и итоговом режиме) как материализация идейных замыслов, закрепление достигнутого уровня саморазвития и проектирование перспектив личностного роста каждым ребенком;

- *ведение дневников личностного роста* (на каждом занятии), в котором материализуются обобщения и выводы, к которым пришел каждый ребенок в итоге размышлений на текущем занятии. Введение дневников личностного роста развивает системность и структурность мышления, психологически закрепляет и оформляет полученное знание, способствует развитию рефлексии.

Основные формы проведения занятий:

- *практикумы или первые образовательные пробы* как форма погружения учащихся в различные виды деятельности, задачей метода является помощь в самопознании, осознании своих характерных особенностей и предпочтений, начальная профилизация и самопрогнозирование, формирование готовности к самоанализу. Тематика занятий с элементами включения детей в разные образовательные пробы (примеры тем: «Я люблю рисовать с Маленьким принцем. Я – художник», «Летаем вместе с Маленьким принцем. Я – конструктор», «Дом для барашка. Я – архитектор, «Что такое космос. Я – астроном»);

- *социальные пробы*, включающие метод социального проектирования;

- *дискуссии в парах* (тематика дискуссий «Почему не стоит быть эгоистом? Как стать отзывчивым человеком?», «Чем я могу помочь людям?»);

- *круглые столы* (пример темы «Кем я хочу стать»);

- *ролевые проигрывания в группах* (например, тема «Фонарики», 1-я группа детей выступает в роли фонариков, играя роль воспитателей, 2-я группа – гости планеты, играют роль воспитанников. Тема беседы «Ценные советы по личностному росту»);

- *экскурсии*. По итогам анализа заполненных карт маршрутов индивидуального саморазвития определяется тематика экскурсионных программ, направленная на нравственное и интеллектуальное обогащение, первичное профессиональное определение на пути самопознания. Варианты экскурсионных программ: посещение Дома-музея К.Э. Циолковского; Драматического театра; производства / завода; картинной галереи / художественного музея; участие в конференции школьников в качестве слушателей;

- *миниконференции*, предусматривающие выступления детей с докладами по выбранным ими темам в

контексте нравственного совершенствования и личностного роста, учитывающие результаты анализа карт маршрутов индивидуального саморазвития. Варианты тем мини-конференций: Что мне нравится и не нравится в людях? Как стать добрее? Как исправить эгоизм? Почему надо думать не только о себе? Зачем нужны друзья? Как быть хорошим другом? Почему важно уважать старших? Что находится в музеях, галереях? Что там интересного? Как я могу помочь окружающим? Каким может быть мой вклад в изменение окружающего мира?..

Основные формы подведения итогов по каждому разделу: заполнение и анализ карт маршрутов индивидуального саморазвития, сравнительный анализ карт маршрутов индивидуального саморазвития ребенка (в текущем и итоговом режиме); проблемные беседы; итоговые занятия, открытые для родителей и педагогов.

Реализация программы «Маленький принц» учитывает ведущие методы осуществления идей «Концепции духовно-нравственного развития личности в сфере общего образования»: индивидуально-личностное развитие, которое может быть реализовано в условиях индивидуального подхода к учащимся; интегративность программы духовно-нравственного воспитания (в данном случае в структуре и содержании программы «Маленький принц» происходит интеграция литературного, социально-педагогического и психологического блоков обучения младших школьников).

Результаты освоения программы 1-го года обучения:

Предметные: понимание смысла произведения Экзюпери «Маленький принц»; умения проводить анализ высказываний художественного текста; знание морально-этических норм, основных моральных категорий, правил поведения в обществе, индивидуальных качеств личности и способов их выражения; умения выражать эмоции и чувства, правильно вести себя в обществе, строить поведение в соответствии с нравственно-этическими нормами; умения проводить рефлексию, осуществлять самопознание и самопрогнозирование по результатам образовательных проб; строить маршруты индивидуального саморазвития на основе рефлексии.

Метапредметные: умения управлять своей деятельностью, осуществлять контроль и ее коррекцию, проявлять инициативность и самостоятельность, иметь навыки сотрудничества; умения работать с информацией, строить умозаключения, делать выводы, осуществлять планирование своего поведения, организовывать совместную деятельность в группе.

Личностные: опыт самопознания и творческой деятельности, сотворчества с детьми, педагогом, родителями; повышение уровня нравственной устойчивости личности и развитие эмоционально-волевой сферы; формирование познавательной мотивации.

Результаты освоения программы 2-го года обучения:

Предметные: знание особенностей разработки, реализации, оформления и презентации социальных проектов; практическое применение знаний морально-этических норм, основных моральных категорий,

правил поведения в обществе; способность выражать эмоции и чувства, правильно вести себя в обществе, строить поведение в соответствии с нравственно-этическими нормами, проводить рефлексию, осуществлять самопознание и самопрогнозирование, строить маршруты индивидуального саморазвития на основе рефлексии.

Метапредметные: умения управлять своей деятельностью, осуществлять контроль и ее коррекцию, проявлять инициативность и самостоятельность, иметь навыки сотрудничества; умения работать с информацией, строить умозаключения, делать выводы, осуществлять планирование своего поведения, организовывать совместную деятельность в группе.

Личностные результаты: опыт самопознания и творческой деятельности, сотворчества с детьми, педагогом, родителями; повышение уровня развития эмоционально-волевой сферы и нравственной устойчивости личности; наличие готовности к оказанию помощи классу, школе, старшему поколению, заботе о малышах; формирование познавательной мотивации.

Критерии оценки результативности прохождения программы. Результат занятий по программе предполагает изменения в поведении ребенка, выражающем готовность к духовному росту и нравственному самосовершенствованию: умение применять элементарные приемы вежливого общения, умение слушать других, активное общение со сверстниками, умение учитывать мнения других в процессе совместной работы, умение оценивать поведение по категориям нравственности, готовность к принятию участия в изменении поведения другого человека (готовность убедить, показать пример поведения), чтение книг и ведение бесед нравственного содержания, тактичное общение с ровесниками и взрослыми людьми, проявление уважения к старшим людям, готовность и потребность к оказанию помощи людям.

Механизм оценки результатов: наблюдение за тем, как ребенок взаимодействует со сверстниками (критерии: активность, дружелюбие, умение решать споры); заинтересованное, активное участие ребенка в играх, беседах; активность участия в социальных проектах; оказании помощи людям; анализ результатов мониторинга развития личности по программе.

Основными **формами подведения итогов реализации программы 1-го года обучения** являются: заполнение и анализ карт маршрутов индивидуального саморазвития; сравнительный анализ карт маршрутов индивидуального саморазвития ребенка (динамика развития ценностно-смысловой сферы, нравственных установок, личностных достижений); наблюдение за индивидуальными достижениями каждого обучающегося, поведением, уровнем развития специальных способностей.

Основными **формами подведения итогов реализации программы 2-го года обучения** являются: заполнение и анализ карт маршрутов индивидуального саморазвития; сравнительный анализ карт маршрутов индивидуального саморазвития ребенка (динамика развития ценностно-смысловой сферы, нравственных установок, личностных достижений); участие ребенка в социальных проектах; итоговое заня-

тие «Наши достижения», открытое для педагогов и родителей.

С нашей точки зрения, космическое воспитание может стать достойной идеологической основой проектирования и реализации программ духовно-нравственного развития и воспитания подрастающего поколения. Считаем, что опора программ духовно-нравственной направленности на содержательные линии литературных произведений таит в себе богатые возможности в плане формирования ценностно-смысловой сферы детей.

Итак, в контексте рассмотрения возможностей внеурочной деятельности в решении приоритетных задач воспитания и социализации младших школьников особую актуальность приобрели разработка и применение в образовательной практике программ внеурочной деятельности. В данном контексте заметим, что в соответствии с требованиями Постановления Правительства Российской Федерации «Об осуществлении мониторинга системы образования» (Постановление от 5 августа 2013 г. № 662), которое вступило в силу с 1 сентября 2013 г. [6], каждая программа должна быть

оснащена системой диагностики. Содержание положений Постановления содержит указание на обеспечение систематического стандартизированного наблюдения за состоянием системы образования и динамикой изменений результатов её функционирования и развития путём сбора данных, обработки, систематизации и хранения полученных сведений, а также непрерывного системного анализа и оценки состояния и перспектив развития образования вне зависимости от вида, уровня и направленности образовательных программ, организационно-правовых форм и ведомственной принадлежности организаций, входящих в систему образования. Одна из функций мониторинга, согласно документу, состоит в обеспечении усиления результативности функционирования образовательной системы за счет повышения качества принимаемых для нее управленческих решений.

В соответствии с данными требованиями авторские программы «Мой новый мир» и «Маленький принц» оснащены системами диагностики, которые выстроены с учетом задач, на решение которых направлена их реализация (табл. 1, 2).

Таблица 1

Мониторинг развития личности по прохождении программы внеурочной деятельности «Мой новый мир»

№ п/п	Критерии	Методы диагностики
I. Диагностика уровня достигнутых предметных результатов		
1	Владение предметным знанием по направлению образовательной деятельности (<i>оценка знаний правил общения и поведения в обществе</i>)	Наблюдения за тем, как ребенок взаимодействует со сверстниками на переменах и занятиях (критерии: активность, дружелюбие, умение решать споры); за поведением детей в ситуации выбора, проблемной ситуации, ролевой игре
2	Опыт предметной деятельности	Оценка психологических навыков (привычка мыслить и действовать в соответствии с психологической культурой); оценка поведения ребенка. Методы: наблюдение, беседа с родителями
II. Диагностика уровня достигнутых метапредметных результатов		
1	Регулятивный компонент (<i>умение управлять своей деятельностью, осуществлять контроль и ее коррекцию, проявлять инициативность и самостоятельность</i>)	Наблюдение. Беседа «Комфортно ли тебе в школе?»
2	Коммуникативный компонент (<i>анализ уровня развития коммуникативных способностей, анализ достигнутого уровня навыков сотрудничества</i>)	Методика «Потребность в общении» (М.Р. Гинзбург). Социометрическая игра «Секрет». Методика Рене Жили (Межличностные отношения младшего школьника – отношение к родителям, педагогам...) Наблюдение. Беседы с родителями
3	Познавательный компонент (<i>диагностика уровня развития логического мышления</i>)	Методика оценки логического мышления «Четвертый лишний». Наблюдения за поведением детей
III. Диагностика уровня достигнутых личностных результатов		
1	Самоопределение (<i>анализ внутренней позиции, самооценки, самоуважения</i>)	Методика измерения уровня самооценки личности Будасси. Методика изучения ценностей «Если бы ты был волшебником. Если бы у тебя была волшебная палочка», «Мой герой». Наблюдение
2	Смыслообразование (<i>выявление преобладающей мотивации, границ знания / незнания, самоорганизация свободного времени</i>)	Методика определения потребности в достижениях (М.Р. Гинзбург). Анкета «Самоорганизация свободного времени». Наблюдение
3	Морально-этическая ориентация (<i>определение ориентации на выполнение моральных норм, способности к решению морально-этических проблем, оценки своих поступков</i>)	Методика «Картинки предметные» («КП») на выявление ценности (Н.И. Непомнящая). Методика М.И. Шиловой «Уровни нравственной воспитанности». Наблюдение за поведением детей на занятиях, общением со сверстниками и взрослыми людьми
4	Творческое мышление	Диагностика Е.П. Торренса «Креативность» (модифицированные субтесты). Анализ творческих продуктов деятельности, выполненных в итоге арттерапевтических практик
5	Направленность личности	Ориентационная анкета Б. Басс «Определение направленности личности»
6	Тревожность	Методика диагностики уровня школьной тревожности Филлипса. Цветорисуночный тест диагностики психических состояний младших школьников (А.О. Прохоров, Г.Н. Генинг). Наблюдения
7	Агрессивность	Методика «Кактус». Наблюдения

Мониторинг развития личности по прохождении программы внеурочной деятельности «Маленький принц»

№ п/п	Критерии	Методы диагностики
I. Диагностика уровня достигнутых предметных результатов		
1	Владение предметным знанием по направлению образовательной деятельности (<i>оценка знаний морально-нравственных и ценностно-смысловых категорий, анализ умений (чем для самого ребенка становятся те знания и способы действия, которые он приобретает в процессе обучения)</i>)	Наблюдения: – за грамотностью, полнотой и глубиной ответов учащихся, характером рассуждений, глубиной анализа текста художественного произведения; – поведением учащихся во время прохождения образовательных и социальных проб; – поведением детей в ситуации выбора, проблемной ситуации, ролевой игре; – распознаванием и называнием эмоций, чувств, состояний человека, персонажей произведения. Анализ заполнения карт маршрутов индивидуального саморазвития, сравнительный анализ карт маршрутов индивидуального саморазвития ребенка в текущем режиме (динамика развития ценностно-смысловой сферы, нравственных установок, личностных достижений)
2	Опыт предметной деятельности	Анализ портфолио учащегося (социальные проекты). Оценка психологических навыков (привычка мыслить и действовать в соответствии с психологической культурой)
II. Диагностика уровня достигнутых метапредметных результатов		
1	Регулятивный компонент (<i>умение управлять своей деятельностью, осуществлять контроль и ее коррекцию, проявлять инициативность и самостоятельность</i>)	Шкала социального самоконтроля (ШСС). Наблюдение за поведением
2	Коммуникативный компонент (<i>анализ уровня развития коммуникативных способностей, навыков сотрудничества</i>)	Методика «Потребность в общении» (М.Р. Гинзбург). Социометрия. Наблюдение
3	Познавательный компонент (<i>анализ учений работать с информацией, диагностика уровня развития логического мышления</i>)	Наблюдение за поведением детей
III. Диагностика уровня достигнутых личностных результатов		
1	Самоопределение (<i>анализ внутренней позиции, самооценки, самоуважения</i>)	Методика измерения уровня самооценки личности Будасси. Наблюдение
2	Смыслообразование (<i>выявление преобладающей мотивации, границ знания / незнания, самоорганизация свободного времени</i>)	Анкета «Самоорганизация свободного времени». Наблюдение
3	Морально-этическая ориентация (<i>определение ориентации на выполнение моральных норм, способности к решению морально-этических проблем, оценки своих поступков</i>)	Методика «Картинки предметные» («КП») на выявление ценности (Н.И. Непомнящая). Наблюдение за поведением детей в ходе выполнения социальных проектов, общения со сверстниками и взрослыми людьми
4	Творческое мышление	Анализ творческих продуктов деятельности, выполненных в итоге арттерапевтических практик
5	Направленность личности	Ориентационная анкета Б. Басс «Определение направленности личности». Наблюдение за поведением детей в ходе выполнения первых профессиональных проб, социальных проектов

Приведенный в таблицах диагностический инструментарий носит рекомендательный характер. Выбор видов диагностических процедур (наблюдение, беседа, опросник и т.д.) педагог делает самостоятельно. К проведению диагностик по различным параметрам может привлекаться психолог, социальный педагог.

Ведущая задача осуществления педагогами мониторинга развития личности в ходе освоения программы внеурочной деятельности заключается в отслеживании динамики развития учащихся, слежение за результативностью реализации используемых методов и образовательных технологий, выстраивании на основе рефлексии оптимальных условий для саморазвития каждого ребенка путем предложения индивидуальных образовательных маршрутов, траекторий личностного роста и т.д. Данные, полученные в результате мониторингов развития личности ребенка по прохождению им образовательной программы, служат основой для осуществления рефлексии качества педагогического труда, выступают основанием для модернизации программ, построения индивидуальных маршрутов раз-

вития для каждого ребенка. Результаты использования мониторинга динамики развития личности детей могут быть применены в управленческой деятельности образовательной организации [7].

Основным результатом реализации модели сопровождения саморазвития учащихся во внеурочной деятельности в освоении ФГОС НОО является **положительная динамика саморазвития учащихся в контексте освоения программ внеурочной** по критериям:

а) развитие ценностно-смысловой сферы личности (показатели: готовность к присвоению социальных норм, ценностей культуры, ориентация на выполнение моральных норм, способности к решению морально-этических проблем, оценки своих поступков);

б) развитие личностной сферы (показатели: позитивная «Я-концепция», уверенность в себе, сформированная потребность и готовность к самопознанию и саморазвитию);

в) развитие мотивационно-деятельностной сферы личности (показатели: увлеченность делом, высокая

мотивация, самостоятельность, социальная активность, ответственность, способность к самоорганизации, готовность к пониманию, принятию других, сотрудничеству);

г) развитие креативной сферы личности (творческая направленность личности, оригинальность и гибкость творческого мышления).

Данные показатели оценки учтены при проектировании мониторингов.

Кроме этого, результатами реализации модели являются:

- повышение профессиональной компетентности учителей, администрации в вопросах организации сопровождения саморазвития учащихся в условиях внеурочной деятельности по линии ФГОС НОО в условиях сельских школ (критерии: уровень освоения, готовность применения и использование в практике внеурочной деятельности образовательных технологий, направленных на стимулирование саморазвития учащихся; готовность к созданию программ внеурочной деятельности в освоении ФГОС НОО с учетом требований Стандарта, социальных запросов и направленности личности учащихся; готовность к осуществлению психолого-педагогического сопровождения саморазвития личности учащихся в образовательном процессе);

- предоставление широких образовательных возможностей для саморазвития младших школьников во внеурочной деятельности в освоении ФГОС НОО в сельской школе через реализацию индивидуальных маршрутов саморазвития (критерии: наличие реализации в школе разнообразных программ внеурочной деятельности различной направленности в целях обеспечения возможности выбора индивидуального маршрута саморазвития во внеурочной деятельности);

- объединение усилий образовательных организаций для внедрения современных технологий, инновационных проектов (критерий: участие в реализации модели сопровождения саморазвития учащихся во внеурочной деятельности различных организаций: образовательных (организации дополнительного образования, среднего общего образования, высших учебных заведений и т.д.), предприятий различного профиля (в случае реализации внеурочной деятельности по типу учебно-производственного комплекса, к примеру «школа – вуз – производственное предприя-

тие» как УПК по организации внеурочной деятельности научно-технической направленности));

- эффективность использования методических, информационных и психолого-педагогических ресурсов образовательных организаций, задействованных в реализации модели сопровождения (результативность данного показателя напрямую зависит от объединения усилий образовательных организаций для внедрения современных технологий, инновационных проектов (отражен выше), критерий эффективности: качество и разнообразие созданных в рамках реализации модели образовательных, методических, психолого-педагогических и информационных продуктов (авторские программы внеурочной деятельности, информационные программы сопровождения учащихся, методические рекомендации, конспекты занятий, разработки тренингов и т.д.));

- удовлетворение профессиональных запросов участников образовательного процесса;

- возможность диссеминации достигнутого опыта реализации сопровождения саморазвития учащихся в освоении ФГОС в условиях сельских школ в региональной образовательной практике.

Прогнозируемая научная значимость подхода видится в том, что исследование позволит внести вклад в систему инновационного проектирования содержания внеурочной деятельности учащихся в освоении ФГОС НОО в сельских школах; покажет возможность обновления содержания внеурочной деятельности в сельских школах в целях реализации личностного подхода в образовании; раскроет возможности мобилизации ресурсов развития индустрии свободного времени в целях стимулирования личностного роста учащихся; определит пути осуществления психолого-педагогического, методического и информационного сопровождения саморазвития учащихся во внеурочной деятельности в условиях освоения ФГОС НОО; покажет эффективность использования инновационных технологий внеурочной деятельности в саморазвитии учащихся, активизации процессов позитивной социализации.

Модель сопровождения саморазвития учащихся может найти широкое применение в образовательной практике внеурочной деятельности в условиях освоения Федеральных государственных образовательных стандартов начального общего образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цукерман Г.А., Мастеров Б.М. Психология саморазвития. М.: Интерпракс, 2000. 288 с.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования (Утвержден приказом Минобрнауки России от 06.10.2009 г. № 373). М., 2009.
3. Панфилова М.А. Лесная школа: коррекционные сказки и настольная игра для дошкольников и младших школьников. М.: ТЦ «Сфера», 2002.
4. Стандарты второго поколения «Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования» / сост. А.Я. Данилюк, А.М. Кондаков, В.А. Тишков. М., 2011.
5. Хуторской А.В. Педагогика русского космизма. М.: Частная школа, 1993. № 2. С. 11–22.
6. Постановление Правительства Российской Федерации «Об осуществлении мониторинга системы образования» (Утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 5 августа 2013 г. № 662). П. 3-и.
7. Иванова И.В., Логинова Л.Г. Технология мониторинга развития личности учащихся в дополнительном образовании // Нижегородское образование. 2013. № 3. С. 113–118.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 02 декабря 2014 г.

DEVELOPING A MODEL OF STUDENTS' SELF-DEVELOPMENT SUPPORT IN EXTRACURRICULAR ACTIVITIES IN RURAL SCHOOLS OF KALUGA OBLAST IN THE CONTEXT OF PRIMARY EDUCATION FSES

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 183–194. DOI 10.17223/15617793/391/30

Ivanova Irina V. Kaluga State University (Kaluga, Russian Federation). E-mail: IvanovaDIV@yandex.ru

Keywords: model support; extracurricular activities; federal state standards of primary education.

An important task of educational institutions in Russia is assisting a growing person in the process of self-creation and self-development, gaining a true vocation, which is reflected in the "Law on Education in Russia", in proceedings of federal state educational standards, and in a new generation of national educational initiative "Our New School". According to the Federal state educational standards in primary education, one of the conditions that can provide self-development of students today is extracurricular activities. In the present situation demanded is the design and implementation of the model of self-development support of students in extracurricular activities in the context of the Federal state standards of elementary general education which will provide personal, intellectual and social self-development of students. Of particular relevance is solving the problem of self-development support of students in extracurricular activities in rural areas, due to the existing social conditions and established educational factors. A team of scholars built and prepared for experimental testing an author's model of supporting students' self-development in extracurricular activities on the basis of the rural schools of Kaluga Oblast. The model is intended to address a key objective to encourage the self-development of younger schoolboys in extracurricular activities. It is based on the principles of flexibility, variability, individualization and creative interaction of all participants in the educational process, taking into account the age and individual characteristics of students, regional peculiarities of educational environment of rural schools. It has a three-tier structure and includes methodological, psychological pedagogical and information support. It is based on the developed mechanisms of psycho-pedagogical support of students (active basis for claims to recognition, motifs subordination with the hierarchical prevalence of moral norms, the motif of self-acceptance and desire for self-development, prevention and correction of negative psychological and personality structures). It is built with the definition of the conditions for its implementation in educational practice, vision of the results and design of the tools for their assessment. The practical significance of the study lies in the fact that the present model can be widely used in the regional educational practice in the context of extracurricular activities organization of younger students.

REFERENCES

1. Tsukerman G.A., Masterov B.M. *Psikhologiya samorazvitiya* [Psychology of self-development]. Moscow: Interpraks Publ., 2000. 288 p.
2. Federal State Educational Standard of primary education (approved by the order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of 06.10.2009 no. 373). Moscow, 2009. (In Russian).
3. Panfilova M.A. *Lesnaya shkola: korrektsionnye skazki i nastol'naya igra dlya doskol'nikov i mladshikh shkol'nikov* [Forest School: correctional fairy tales and a board game for preschoolers and primary school children]. Moscow: TTs "Sfera" Publ., 2002.
4. Danilyuk A.Ya., Kondakov A.M., Tishkov V.A. *Standarty vtorogo pokoleniya "Kontseptsiya dukhovno-nravstvennogo razvitiya i vospitaniya lichnosti grazhdanina Rossii v sfere obshchego obrazovaniya"* [Standards for the second-generation "The concept of spiritual and moral development and education of the personality of the citizen of Russia in the field of general education"]. Moscow, 2011.
5. Khutorskoy A.V. *Pedagogika russkogo kosmizma* [Pedagogy of Russian cosmism]. *Chastnaya shkola*, 1993, no. 2, pp. 11–22.
6. Resolution of the Government of the Russian Federation "On monitoring the system of education" (approved by the Government of the Russian Federation on August 5, 2013 no. 662). Point 3-I.
7. Ivanova I.V., Loginova L.G. *Tekhnologiya monitoringa razvitiya lichnosti uchashchikhsya v dopolnitel'nom obrazovanii* [The technology of monitoring the development of personality of students outside the classroom]. *Nizhegorodskoe obrazovanie*, 2013, no. 3, pp. 113–118.

Received: 02 December 2014

ВОЗМОЖНОСТИ ОЗДОРОВИТЕЛЬНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ДЛЯ ЖЕНЩИН ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА (55–68 ЛЕТ)

Представлена методико-практическая технология построения занятий оздоровительной физической культурой у женщин пожилого возраста с учетом уровня физической подготовленности и индивидуальных особенностей занимающихся. Основная цель таких занятий – оказать общеукрепляющий оздоровительный эффект. Применение разработанной методико-практической технологии является эффективным средством повышения уровня функционального состояния сердечно-сосудистой системы у женщин пожилого возраста.

Ключевые слова: методико-практическая технология; функциональное состояние; сердечно-сосудистая система; пенсионный возраст.

Процесс старения населения в развитых странах мира и в России создает сложную демографическую ситуацию. По состоянию на 1 января 2013 г. почти каждый пятый житель России, а это 33,1 млн чел., находился в возрасте старше трудоспособного (для женщин это возраст старше 55 лет, для мужчин – старше 60 лет). За прошедшие 10 лет численность лиц пенсионного возраста выросла на 3 млн чел., а за последний год – с 32,4 млн до 33,1 млн чел. При этом ожидается, что продолжительность жизни в РФ в ближайшие годы будет расти и к 2018 г. должна составить не менее 74 лет; к 2020 г. – 75,7 лет, в том числе у мужчин – 71,2 года, у женщин – 80 лет. В связи с этим проблема сохранения высокой работоспособности и продления активной жизни для лиц старшей возрастной группы является актуальной.

По мнению специалистов, этому может способствовать широкое использование средств оздоровительной физической культуры (ОФК) [1–3]. В рамках Стратегии развития массового спорта в России до 2020 г. выделены такие приоритетные задачи, как привлечение максимально возможного количества людей к регулярным оздоровительным занятиям ФК, в том числе лиц пожилого возраста. В докладе рабочей группы Совета при Президенте РФ по развитию ФК и спорта «О развитии массового спорта и физического воспитания населения» (март 2014 г.) отмечено, что, несмотря на позитивную динамику реализации программы с 2011 г., существуют некоторые проблемы. В первую очередь, они связаны с повышением двигательной активности граждан в возрасте старше 30 лет и недостаточной эффективностью использования возможностей ФК для оздоровительной цели. По состоянию на 31 декабря 2012 г. среди различных возрастных групп населения систематически занимаются ФК и спортом 6,1 млн чел. в возрасте от 30 до 59 лет, или 9,7% общей численности данной возрастной группы, а в возрасте 60 лет и старше – 0,6 млн чел., или 2,2%, причем число женщин в 2–3 раза меньше мужчин. Для повышения двигательной активности лиц старшей возрастной группы согласно государственной программе «Развитие ФК и спорта в Томской области на 2011–2015 гг.» используются различные мероприятия, связанные с развитием массового спорта по месту жительства и в образовательных учреждениях. В то же время попытки создания эффективных, физиологически обоснованных двига-

тельных режимов для пожилого возраста встречают значительные трудности, так как многие механизмы изменений при старении остаются невыясненными [1]. Учитывая вышесказанное, целью настоящего исследования стала разработка методико-практической технологии построения занятий по ОФК для женщин пожилого возраста и оценка ее эффективности.

В работе представлены результаты исследования 25 неработающих и не имеющих противопоказаний к занятиям ОФК женщин (55–68 лет). Выборка была сформирована с учетом функционального состояния сердечно-сосудистой системы (ССС) и посещаемости более 75% от общей продолжительности разработанного годичного курса ОФК. Критериями исключения послужили возраст (старше 70 лет), наличие любых острых и хронических заболеваний в стадии обострения, а также некоторые хронические заболевания различных систем организма II–III стадии. В качестве контроля были использованы результаты исследования исходного состояния до начала систематических занятий.

В качестве методов исследования мы использовали анализ научно-методической литературы, педагогическое наблюдение, педагогический эксперимент, анкетирование и тестирование с целью определения функционального состояния СССР (тонометрия, пульсометрия). Статистическая обработка данных была проведена с помощью программы STATISTICA 8.0 и включала расчет описательных выборочных параметров, проверку на нормальность распределения данных (Shapiro-Wilk's test) и сравнительный анализ зависимых (t-test for dependent samples, Wilcoxon matched pairs test). За статистически значимое различие принимали $p \leq 0,05$.

Первичное педагогическое наблюдение самостоятельных занятий ФК у женщин в возрасте от 55 до 68 лет. В наблюдаемой группе самостоятельные занятия проходили два раза в неделю (понедельник, пятница) в вечернее время (19.00). Продолжительность каждого занятия составляла 30–35 мин. Границы между частями занятия отсутствовали. Все занятие строилось на комплексе общеразвивающих упражнений, выполняемых в основном на месте. Упражнения выполнялись довольно интенсивно, фазы отдыха были не регламентированы (слишком длинные или слишком короткие). С точки зрения теории и методики физического воспитания (ФВ) самостоятельные занятия имели организационные ошибки [4]:

- нарушена структура построения занятий (отсутствуют части занятия);
- объем и интенсивность физической нагрузки (ФН) не подбираются с учетом половозрастных и морфофункциональных особенностей занимающихся;
- в ходе занятия не ведется самоконтроль за состоянием своего организма.

При любой форме организации занятий ФК очень важен систематический контроль [1, 3, 5]. Не адекватная ФН для людей пожилого возраста может способствовать ухудшению состояния здоровья (особенно при наличии уже существующих отклонений) или привести к нежелательным травмам [4, 6]. Произвести регистрацию частоты сердечных сокращений (ЧСС) во время занятий не представлялось возможным, так как не были определены части занятия. Однако различия в показаниях ЧСС до и после заня-

тия свидетельствуют о значительной ФН. Время восстановления составляет в среднем 5–6 мин. Динамика изменения ЧСС в ходе самостоятельного занятия представлена на рис. 1. Для оценки влияния данного занятия на организм занимающихся была рассчитана величина верхней допустимой границы пульса по формуле

$$\text{ЧСС}_{\text{max}} = 220 - 0,7 \cdot \text{возраст (в годах)}. \quad (1)$$

При среднем возрасте группы 60 лет верхняя допустимая граница пульса (ЧСС_{max}) равна 112 уд./мин. Самостоятельное занятие вызывает увеличение пульса до 96 уд./мин, что составляет 86% от максимального. Такое увеличение ЧСС не оказывает оздоровительного эффекта (так как норма ЧСС при занятии оздоровительной направленности в данном возрасте не должна превышать 60–75% ЧСС_{max}).

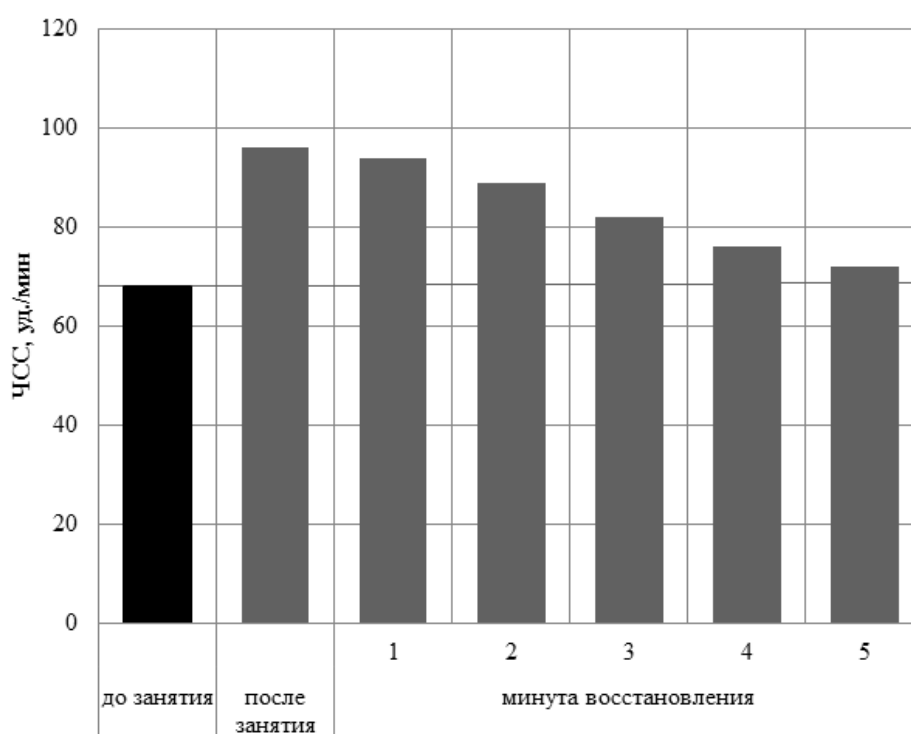

Рис. 1. Динамика изменения ЧСС во время самостоятельных занятий и в период восстановления

Краткое содержание методико-практической технологии построения занятий ОФК у женщин в возрасте от 55 до 68 лет. При построении занятий ОФК с женщинами пожилого возраста необходимо учитывать не только уровень физической подготовленности, но и индивидуальные особенности занимающихся [1, 7–11]. Важно на основе комплексного подхода подбирать адекватные физические упражнения [5], отвечающие целям и задачам физического воспитания в данном возрасте, и способствовать формированию оптимального двигательного режима (табл. 1). Методико-практическая технология построения занятий с женщинами пожилого возраста представлена на рис. 2. Краткое описание содержания методико-практической технологии представлено в табл. 2. Реализация основных задач представленной технологии осуществляется с использованием комплексных тренировочных занятий. Они включают в себя

различные физические упражнения, взятые из оздоровительной гигиенической гимнастики, дыхательной гимнастики «Цигун» в сочетании с оздоровительной ходьбой и занятиями на лыжах.

Занятия проводятся по общепринятой схеме, состоящей из трех частей (подготовительная, основная и заключительная). Примерное соотношение времени, отведенного на подготовительную, основную и заключительную части комплексного тренировочного занятия ОФК с женщинами пожилого возраста, представлено на рис. 3. Физические упражнения, особенно в подготовительной части занятия, подбираются с учетом индивидуальных особенностей, регламентированных по объему и интенсивности, направленных на сохранение подвижности опорно-двигательного аппарата и укрепление кардиореспираторной системы.

Рекомендации к недельному двигательному режиму (не менее 6 ч) для лиц пожилого возраста согласно Государственным требованиям к физической подготовленности населения РФ

№	Виды двигательной активности	Временной объем в неделю, мин	
		50–59 лет	60–69 лет
1	Утренняя гимнастика	Не менее 180	Не менее 140
2	Виды двигательной активности в процессе трудовой деятельности (производственная физкультура)	75	
3	Организованные занятия в спортивных секциях и кружках, в группах здоровья и общей физической подготовки	Не менее 90	Не менее 90
4	Самостоятельные занятия физической культурой и спортом	Не менее 120	Не менее 130
5	В отпускное время ежедневный двигательный режим должен составлять не менее 2 ч		

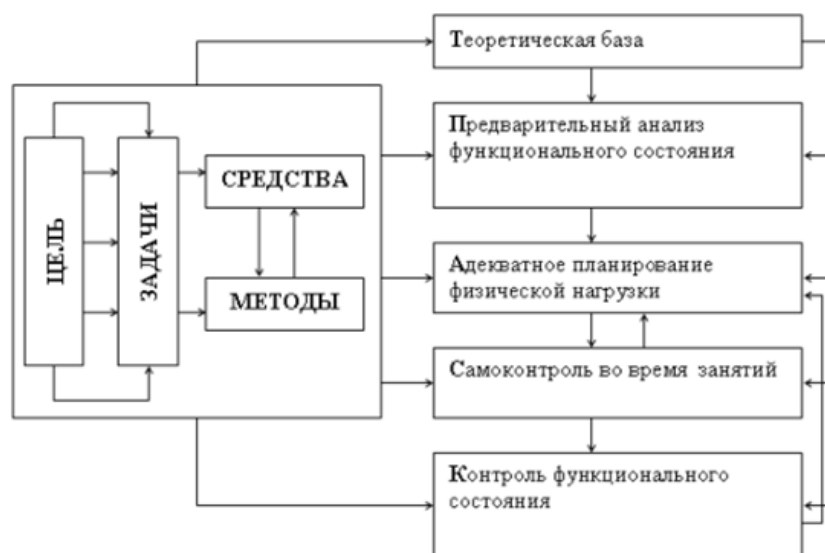

Рис. 2. Методико-практическая технология построения занятий ОФК с женщинами пожилого возраста

Краткое содержание методико-практической технологии построения занятий с женщинами пожилого возраста

Структурные составляющие	Содержание
Цель	Оказать общеукрепляющий оздоровительный эффект, в том числе способствовать улучшению функционального состояния сердечно-сосудистой системы
Задачи	Укрепление и сохранение здоровья, повышение общей выносливости, профилактика заболеваний сердечно-сосудистой системы
Средства	Комплекс общеразвивающих упражнений на основе дыхательной гимнастики в сочетании с циклическими видами деятельности
Методы	Общепедагогические и специфические [4]
Инвентарь	Гимнастические коврики, палочки, теннисные мячи, мешочки с песком

В целом продолжительность *подготовительной части занятия* составляет 10–15 мин и включает общеразвивающие упражнения, упражнения на дыхание. В комплекс общеразвивающих упражнений включены как статические упражнения (выполняемые на месте стоя и сидя), так и динамические (упражнения в движении) – различные виды ходьбы в медленном и умеренном темпе. В этой части занятия физические упражнения распределены в следующем соотношении: ходьба и ее различные варианты – 5–8% времени, общеразвивающие упражнения – 30–35% времени и дыхательные упражнения – 30–40% времени. *Основная часть занятия* составляет 30–40 мин и включает общеразвивающие упражнения как статического, так и динамического характера, с использованием и без использования

предметов. Особое внимание уделяется дыханию – динамичный вдох, незначительная задержка дыхания после вдоха, глубокий, медленный, полный выдох. *Заключительная часть занятия* составляет 10–15 мин. Здесь используются упражнения в положении, сидя, лежа; упражнения на расслабление, выполняемые под спокойную медленную музыку. С оздоровительной целью в данном возрасте рекомендуется ФН 60–75% ЧСС_{max}. В наблюдаемой группе рекомендуемый диапазон оптимальной ЧСС составляет от 63 до 87 уд/мин (согласно расчетам по формуле (1)). Индивидуальные границы интенсивности подбираются в зависимости от пола и физической подготовленности.

Таким образом, на протяжении всего периода педагогического эксперимента занятия ОФК в наблюда-

емой группе проводили согласно представленной методико-практической технологии. Были устранены обнаруженные ранее организационно-методические ошибки, что позволило с большей эффективностью проводить самостоятельные занятия ФК. Дополни-

тельно были проведены беседы с занимающимися по основам оздоровительных тренировок, самоконтролю функционального состояния, правилами питания, самостоятельным занятиям гигиенической гимнастикой (табл. 3).

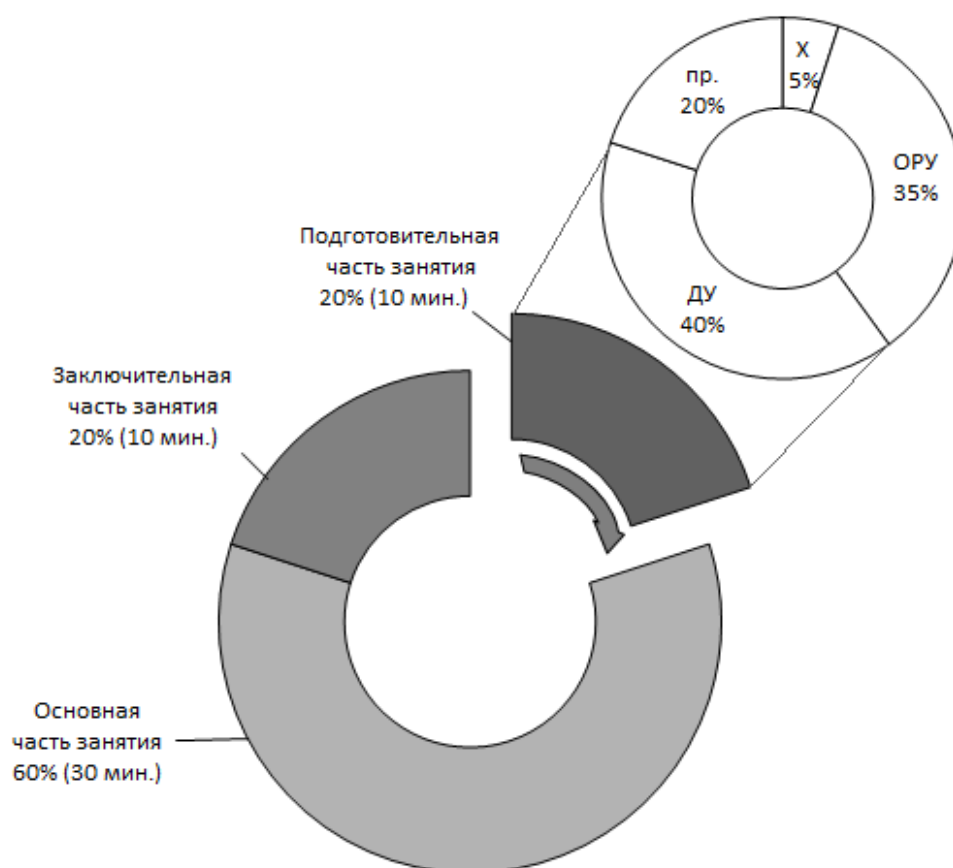

Рис. 3. Примерное соотношение времени, отведенного на подготовительную, основную и заключительную части комплексного тренировочного занятия ОФК с женщинами пожилого возраста: Х – ходьба, ОРУ – общеразвивающие упражнения, ДУ – дыхательные упражнения, пр. – прочие физические упражнения

Таблица 3

Рекомендации по организации двигательного режима для женщин пожилого возраста

Ежедневно	Еженедельно	Ежегодно
– УТГ; – рациональное питание; – самоконтроль (в том числе ЧСС, АД)	– занятия ОФК 3 раза в неделю (дыхательная гимнастика, терренкур, ходьба на лыжах); – консультации врача (при необходимости)	– цикл ОФК; – тестирование функционального состояния ССС; – диспансеризация

Примечание. УТГ – утренняя гигиеническая гимнастика; АД – артериальное давление.

Оценка эффективности применения разработанной методико-практической технологии построения занятий ОФК у женщин в возрасте от 55 до 68 лет. Для оценки эффективности применения разработанной методико-практической технологии построения занятий по ОФК было проведено текущее наблюдение за самочувствием, динамикой основных функциональных показателей (ЧСС, АД), переносимостью нагрузок в естественных условиях тренировочных занятий. Для достоверной трактовки результатов тестирования были соблюдены одинаковые основные условия и методы исследований. При первичном педагогическом наблюдении за структурой самостоятельных занятий женщин по-

жилого возраста и предварительном измерении реакции ССС на данную нагрузку стало очевидным, что ФН является высокоинтенсивной для наблюдаемой группы. После устранения организационно-методических ошибок и внесения изменений в структуру и содержание программы по ОФК повторно провели тестирование функционального состояния занимающихся (через 3 мес и 1 год систематических занятий). Результаты повторного исследования (через 3 мес) АД и пульса статистически значимо не отличались от первичного исследования, в то время как заключительное тестирование через год занятий выявило отличия. Результаты представлены в табл. 4.

Результаты измерения ЧСС и АД в наблюдаемой группе

Этап наблюдения	До физической нагрузки			После физической нагрузки (первая минута восстановления)		
	ЧСС, уд./мин	АД, мм рт. ст.		ЧСС, уд./мин	АД, мм рт. ст.	
		АДс	АДд		АДс	АДд
До начала занятий ОФК	71 ± 7	146 ± 6	86 ± 4	86 ± 6	174 ± 6	86 ± 4
Через 3 мес. занятий	70 ± 6	148 ± 4	84 ± 6	84 ± 4	172 ± 4	86 ± 5
Через 1 год занятий	66 ± 6*	146 ± 2*	82 ± 2*	66 ± 3*	158 ± 2*	81 ± 3*

Примечание. АДс – систолическое артериальное давление, АДд – диастолическое артериальное давление. * – статистически значимые различия между показателями до начала и через 1 год занятий ОФК ($p \leq 0,05$).

Результаты тестирования функционального состояния ССС через 1 год занятий ОФК статистически значимо улучшились (табл. 4). В целом данные повторного и заключительного тестирования свидетельствуют об увеличении ЧСС не более чем на 65% по сравнению с исходным уровнем, АДс увеличивается на 5–8 мм рт. ст., в то время как АДд уменьшается на 1–5 мм рт. ст. Такая нормотоническая реакция говорит о правильной приспособляемости ССС к ФН. При регистрации ЧСС на ФН во время и после занятия у всех занимающихся отмечены положительные изменения. Снижение ЧСС к концу тренировочного занятия после заключительной части и период восстанов-

ления не более 3–4 мин (рис. 4, 5). Относительные результаты исследования ЧСС у всех занимающихся находятся в одних и тех же пределах. ЧСС на пике ФН во время основной части тренировочного занятия в наблюдаемой группе у всех занимающихся составила до 65% ЧСС_{max}, что говорит об адекватной ФН. При проведении данного методико-практического комплекса отмечается положительный результат реакции ССС на занятия по ОФК. Увеличение ЧСС происходит в допустимых границах и отвечает направленности занятия. Время восстановления после ФН составляет не более 3 мин, что свидетельствует об адекватной ФН для данной половозрастной группы.

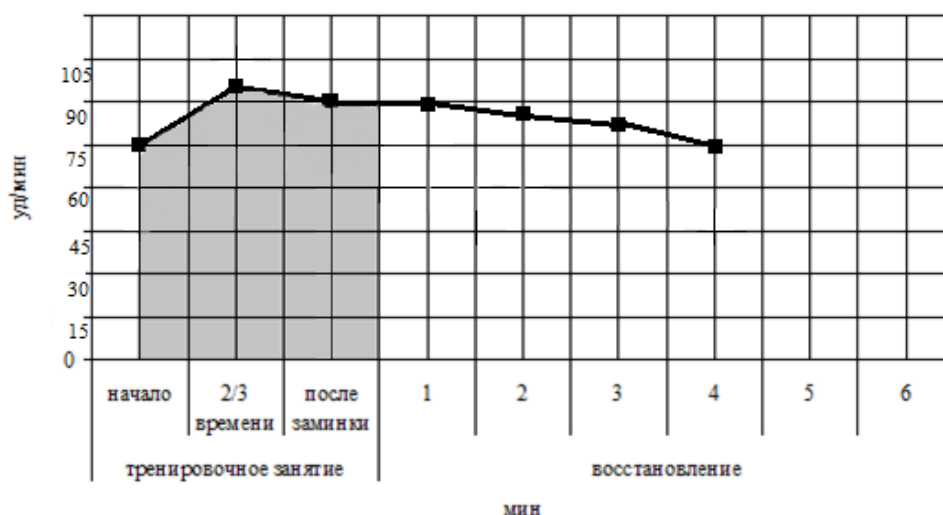

Рис. 4. Динамика ЧСС до начала занятий ОФК с женщинами пожилого возраста

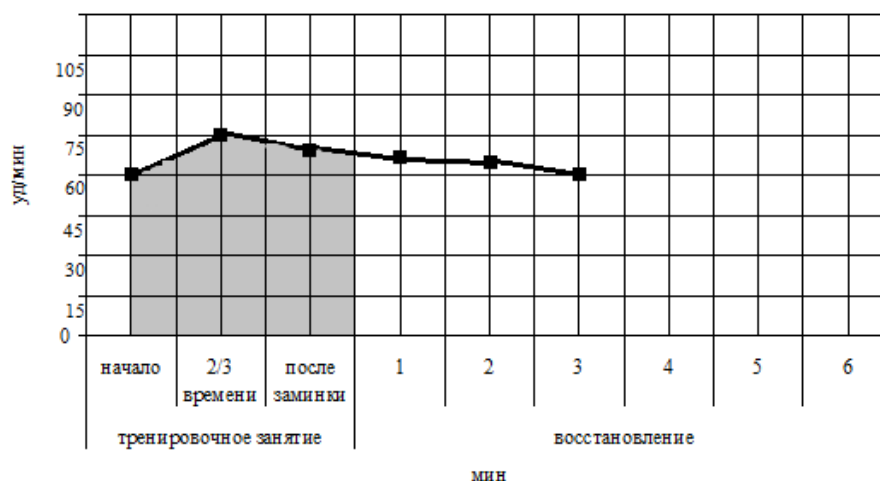

Рис. 5. Динамика ЧСС через 1 год занятий ОФК с женщинами пожилого возраста

Таким образом, для женщин пожилого возраста, имеющих отягощенный клинический анамнез, ОФК является одним из средств, позволяющих приостановить возрастную инволюцию физических качеств, поддерживать адаптивные механизмы на высоком уровне и продлить активную жизнедеятельность. При составлении программы ОФК для женщин пожилого возраста необходимо индивидуально подбирать объем и интенсивность физических упражнений, а также вести постоянное наблюдение за динамикой функционального состояния ССС. Предложенная методико-практическая технология построения

занятий ОФК для женщин в возрасте от 56 до 68 лет включает гигиеническую гимнастику, дыхательную гимнастику, элементы оздоровительной ходьбы и занятий на лыжах. Показано, что применение разработанной методико-практической технологии является эффективным средством повышения уровня функционального состояния ССС. В наблюдаемой группе отмечена нормотоническая реакция ССС – увеличение ЧСС не более чем на 65% по сравнению с исходным уровнем, АДс увеличивается на 5–8 мм рт. ст., в то время как АДд уменьшается на 1–5 мм рт. ст.

ЛИТЕРАТУРА

1. Педагогические и организационные особенности двигательного режима людей зрелого и пожилого возраста / Д.Н. Гаврилов [и др.] // Теория и практика физической культуры. 2002. № 4. С. 44–47.
2. Гаврилов Д.Н., Романова Е.Е., Малинин А.В. Двигательная активность и долголетие: организационные и педагогические аспекты // Теория и практика физической культуры. 2003. № 3. С. 9–12.
3. Капитанов С.Н., Кабачкова А.В., Шилько В.Г. Самостоятельные занятия физической культурой у мужчин в возрасте от 36 до 44 лет // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 360. С. 148–151.
4. Холодов Ж.К., Кузнецов В.С. Теория и методика физического воспитания и спорта. М.: Академия, 2009. 296 с.
5. Лисицкая Т.С. Принципы оздоровительной тренировки // Теория и практика физической культуры. 2002. № 8. С. 6–14.
6. Солодков А.С., Сологуб Е.Б. Физиологические особенности организма людей пожилого возраста и их адаптация к физическим нагрузкам // Физиология человека. Общая. Спортивная. Возрастная: учеб. М.: Терра-Спорт; Олимпия Пресс, 2001. С. 126–146.
7. Physical activity of middle-age adults aged 50–65 years in view of health recommendations / W. Mynarski et al. // Eur. Rev. Aging Phys. Act. 2014. Vol. 11, № 2. P. 141–147.
8. Physical Activity and Public Health in Older Adults: Recommendation From the American College of Sports Medicine and the American Heart Association / M. Nelson et al. 2007. Vol. 116. P. 1094–1105.
9. Adherence to physical exercise recommendations in people over 65 – the SNAC-Kungsholmen study / E. Rydwick et al. // Eur. J. Public Health. 2013. Vol. 23, № 5. P. 799–804.
10. Effect of different types of exercise on postural balance in elderly women: A randomized controlled trial / M.R. de Oliveira et al. // Arch. Gerontol. Geriatr. Vol. 59, № 3. P. 506–514.
11. An intergenerational approach in the promotion of balance and strength for fall prevention – a mini-review / U. Granacher et al. // Gerontology. Vol. 57, № 4. P. 304–315.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 12 декабря 2014 г.

IMPROVING PHYSICAL TRAINING FOR WOMEN AGED 55–68

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 195–201. DOI 10.17223/15617793/391/31

Kabachkova Anastasiia V., Dmitrieva Anastasiia M. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: avkabachkova@gmail.com; nastenka-dmitrieva92@mail.ru

Keywords: methodological and practical technology; functional status; cardiovascular system; retirement age.

Aging is a natural phenomenon that touches all people during their life. This phenomenon is characterized by biological changes such as muscle mass and strength reduction, loss of mobility and balance and motor coordination impairment. All these changes contribute to an increased risk of different diseases among the elderly. According to experts, the use of recreational physical training can help slow the aging process. Physical activity helps reduce the risk of mortality, cardiovascular morbidity and cognitive decline. At the same time, attempts to create effective, physiologically-based motor modes for the elderly encounter considerable difficulties, as many changes during aging remain unclear. In developing a work out with elderly women not only the level of physical fitness, but also individual characteristics must be taken into account. It is important to choose appropriate exercises to meet the goals and objectives of physical education at the given age and foster the optimal motor mode. We have developed a methodical and practical technology of developing work outs with elderly women. The implementation of the main objectives of the presented technology is carried out using complex training exercises. They include a variety of exercises taken from health improving hygienic gymnastics to skiing. Thus, for elderly women burdened with clinical history the recreational physical training is one of the means to stop the age involution of physical qualities, to maintain a high level of adaptive mechanisms and prolong active life. In drawing up the program of the recreational physical training for elderly women it is necessary to individually select the amount and intensity of exercise, as well as to conduct ongoing monitoring of the dynamics of the functional state of the cardiovascular system. The proposed methodology and practical technology of the recreational physical training for women aged 56 to 68 includes hygienic gymnastics, breathing exercises, elements of Nordic Walking and skiing. It is shown that the application of the developed techniques and practical technology is an effective means of improving the functional state of the cardiovascular system. In the observed group a normotonic reaction of the cardiovascular system was noted: the increase in the heart rate is not more than 65 % compared to the basic level, the systolic blood pressure increases by 5 to 8 mmHg, whereas diastolic blood pressure reduces by 1–5 mmHg.

REFERENCES

1. Gavrilov D.N. Pedagogicheskie i organizatsionnye osobennosti dvigatel'nogo rezhima lyudey zrelogo i pozhilogo vozrasta [Pedagogical and organizational features of motor mode of mature and elderly people]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*, 2002, no. 4, pp. 44–47.

2. Gavrilov D.N., Romanova E.E., Malinin A.V. Dvigatel'naya aktivnost' i dolgoletie: organizatsionnye i pedagogicheskie aspekty [Motor activity and longevity: organizational and pedagogical aspects]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*, 2003, no. 3, pp. 9–12.
3. Kapitanov S.N., Kabachkova A.V., Shil'ko V.G. Independent occupations by physical culture at men at the age from 36 till 44. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2012, no. 360, pp. 148–151. (In Russian).
4. Kholodov Zh.K., Kuznetsov V.S. *Teoriya i metodika fizicheskogo vospitaniya i sporta* [Theory and methods of physical education and sport]. Moscow: Akademiya Publ., 2009. 296 p.
5. Lisitskaya T.S. Printsipy ozdorovitel'noy trenirovki [Principles of fitness training]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*, 2002, no. 8, pp. 6–14.
6. Solodkov A.S., Sologub E.B. *Fiziologicheskie osobennosti organizma lyudey pozhilogo vozrasta i ikh adaptatsiya k fizicheskim nagruzkam* [Physiological features of the body of elderly people and their adaptation to physical stress]. In: *Fiziologiya cheloveka. Obshchaya. Sportivnaya. Vozrastnaya* [Human Physiology. General. Sport. Age]. Moscow: Terra-Sport, Olimpiya Press Publ., 2001, pp. 126–146.
7. Mynarski W. et al. Physical activity of middle-age adults aged 50–65 years in view of health recommendations. *Eur. Rev. Aging Phys. Act.*, 2014, vol. 11, no. 2, pp. 141–147. DOI: 10.1007/s11556-014-0138-z
8. Nelson M. et al. Physical Activity and Public Health in Older Adults: Recommendation From the American College of Sports Medicine and the American Heart Association. *Med Sci Sports Exerc*, 2007, vol. 116, pp. 1094–1105.
9. Rydwick E. et al. Adherence to physical exercise recommendations in people over 65 – the SNAC-Kungsholmen study. *Eur. J. Public Health*, 2013, vol. 23, no. 5, pp. 799–804. DOI: 10.1093/eurpub/cks150
10. de Oliveira M.R. et al. Effect of different types of exercise on postural balance in elderly women: A randomized controlled trial. *Arch. Gerontol. Geriatr.*, 2014, vol. 59, no. 3, pp. 506–514. DOI: 10.1016/j.archger.2014.08.009
11. Granacher U. et al. An intergenerational approach in the promotion of balance and strength for fall prevention – a mini-review. *Gerontology*, 2011, vol. 57, no. 4, pp. 304–315. DOI: 10.1159/000320250

Received: 12 December 2014

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

УДК 556.314

Ю.В. Колубаева

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ ПОДЗЕМНЫХ ВОД ЗОНЫ АКТИВНОГО ВОДООБМЕНА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ КОЛЫВАНЬ-ТОМСКОЙ СКЛАДЧАТОЙ ЗОНЫ

Работа выполнена при финансовой поддержке грантов РФФИ № 14-05-31095-мол_а, № 13-05-98070-р_сибирь_а и № 13-05-00062_А.

Описан макро- и микрокомпонентный состав подземных вод зоны активного водообмена провинции умеренно-влажного климата на примере северной части Колывань-Томской складчатой зоны. Показано, что на фоне подземных вод с общей минерализацией около 500 мг/л выделяются загрязненные воды, в которых максимально встреченные концентрации отдельных макро- и микрокомпонентов превышают не только фоновые значения, но и ПДК для питьевых вод нередко во много раз. В этом случае повышенные содержания макрокомпонентов вносят существенный вклад в величину общей минерализации, которая иногда превышает 1 г/л.

Ключевые слова: подземные воды; Колывань-Томская складчатая зона; макро- и микроэлементы; загрязненные воды.

Введение

Результаты изучения химического состава подземных вод северной части Колывань-Томской складчатой зоны нами уже приводились в работе [1]. На данном этапе представляется интересным наиболее подробно охарактеризовать химический состав подземных вод района исследований. Дело в том, что территория северной части Колывань-Томской складчатой зоны представляет собой достаточно сложную природно-техногенную систему, включающую ряд антропогенных объектов. Среди таких можно назвать водозаборы, многочисленные поселки и деревни, а также располагающийся в пределах объекта исследований Северный промышленный узел (СПУ) г. Томска. Спецификой наших исследований является еще и то, что мы, по существу, имеем дело с самой верхней гидродинамической зоной – зоной активного водообмена, которая, как известно, наиболее всего подвержена антропогенному воздействию. В этой связи актуальность проводимых исследований приобретает еще большую значимость.

Материалом для проводимых исследований послужили данные, полученные в ходе полевых работ 1992–2000 гг., 2008 и 2013 гг. Кроме того, в работе обработан и обобщен материал предыдущих лет большого коллектива исследователей, полученный в ходе тематических работ при участии П.А. Удодова, В.М. Матусевича, С.Л. Шварцева, Ю.Г. Копыловой и многих других сотрудников Национального исследовательского Томского политехнического университета (НИ ТПУ) [2–5]. Стационарно воды исследовались в Проблемной научно-исследовательской гидрогеохимической лаборатории ТПУ, зарегистрированной в Системе аналитических лабораторий Госстандарта России. При интерпретации и обобщении данных использовались химические анализы 601 точки опробования подземных вод рыхлых отложений и 138 точек опробования подземных вод коренных пород.

Краткая характеристика района

Изучаемая территория в административном отношении расположена в юго-восточной части Западной

Сибири, в пределах Томского района Томской области (рис. 1). В северо-восточном направлении от административного центра Томской области (г. Томска) располагается зона СПУ, приуроченная к краевой части Томь-Яйской междуречной равнины, прорезаемой р. Большая Киргизка.

Исследуемый район в ландшафтном отношении относится к подтаежной подзоне таежной зоны и характеризуется гумидным климатом. В орографическом отношении район представляет собой слабо расчлененную эрозионно-аккумулятивную равнину в западной части и низменную аккумулятивную равнину в восточной части, абсолютные отметки водоразделов колеблются от 190 до 270 м с общим уклоном к северу [4–6]. Основными водными артериями района являются притоки рек Томь и Яя, имеющие широтное или близкое к нему направление.

В геолого-гидрогеологическом отношении особенностью Колывань-Томской складчатой зоны является наличие двух структурных этажей. Верхний этаж рыхлых мезокайнозойских отложений вмещает в себя пластово-поровые воды, нижний этаж древнего палеозойского фундамента – трещинные воды зоны выветривания и тектонических нарушений. Подземные воды верхнего и нижнего этажей разделены глинистыми водоупорными породами кор выветривания, имеющими региональное распространение. Однако в долинах рек и на отдельных участках водоразделов глины коры выветривания могут отсутствовать, что обуславливает гидравлическую связь между водоносными комплексами обоих этажей [4, 6, 7].

Основные результаты

Химический состав подземных вод представлен в табл. 1. Установленные средние содержания отдельных компонентов в подземных водах, приведенные в таблице, преимущественно характеризуют их естественное природное состояние и отвечают фоновому уровню. Для определения фоновых содержаний компонентов химического состава вод применялся аппарат математической статистики: были рассчитаны

основные параметры распределения – среднее арифметическое (геометрическое), дисперсия выборки, медиана, мода, максимальное и минимальное значения, выборочный коэффициент эксцесса и выборочный коэффициент асимметрии. За фоновые принима-

лись средние значения с учетом закона распределения. Было установлено, что распределение химических элементов большинства выборок подчиняется логнормальному закону распределения, реже – нормальному.

Рис. 1. Обзорная схема района исследований

Как показал анализ полученных данных (табл. 1), подземные воды рыхлых отложений по величине общей минерализации являются пресными при среднем значении 507 мг/л (с пределами от 104 до 1 229 мг/л), нейтральными при среднем pH – 7,4 (от 6,0 до 8,2), от очень мягких до очень жестких (общая жесткость изменяется от 0,9 до 14,6 мг.-экв./л). Если принять во внимание химические компоненты, содержание которых превышает 25 мг.-экв.%, то порядка 86% вод от общего количества анализов оказываются по анионно-катионному составу гидрокарбонатными кальциевыми, около 13% приходится на гидрокарбонатные кальциево-магниевые воды и лишь в нескольких пробах отмечены воды с преобладающей в катионном составе ролью магния (гидрокарбонатные магниевые-кальциевые), в единичных случаях встречены гидрокарбонатно-хлоридные кальциевые воды и гидрокарбонатные кальциево-натриевые. Средняя концентрация SO_4^{2-} составляет 5,8 мг/л (изменяясь от 1 до 80 мг/л). Содержание Cl^- отмечено во всех опробованных точках и колеблется в достаточно широком диапазоне: от 0,5 до 78 мг/л при среднем значении 5,0 мг/л. Для Na^+ характерно невысокое среднее значение, равное 11 мг/л.

В подземных водах коренных пород значения общей минерализации варьируют от 354 до 784 мг/л при средней величине 527 мг/л (табл. 1). Эти воды характеризуются слабощелочной реакцией среды (среднее pH 7,6) с пределами от 6,9 до 8,2. Общая жесткость изменяется от 4,0 до 9,7 мг.-экв./л (от умеренно жестких до очень жестких). По химическому составу это также воды преимущественно гидрокарбонатные

кальциевые (79% от общего количества анализов) и порядка 18% составляют воды гидрокарбонатного кальциево-магниевых состава, в единичных пробах встречаются гидрокарбонатные магниевые-кальциевые и гидрокарбонатно-хлоридные кальциевые воды. Средняя концентрация SO_4^{2-} в водах нижнего этажа составляет 6,3 мг/л (с пределами от 1 до 53 мг/л). Содержание Cl^- изменяется от 1,4 до 121 мг/л при среднем значении 6,6 мг/л, средняя концентрация Na^+ в этих водах составляет 12 мг/л.

Что касается азотистых соединений, то можно сказать, что в водах верхнего мезокайнозойского этажа содержания NO_2^- варьируют практически от полного отсутствия – 0,0015 до 1,2 при среднем 0,05 мг/л; NO_3^- – от 0,05 до 200 при среднем 0,4 мг/л; NH_4^+ – от 0,015 до 3,8 мг/л (среднее 0,5). В водах нижнего палеозойского этажа NO_2^- отмечены в концентрациях от 0,0015 до 0,9 при среднем 0,01 мг/л; NO_3^- – от 0,05 до 69 мг/л (среднее 0,5); NH_4^+ – от 0,015 до 2,5 со средним значением 0,4 мг/л.

Подземные воды района исследований характеризуются высокими концентрациями в водах железа общего (табл. 1). Значительные содержания в водах железа, а также повсеместное присутствие аммония свидетельствуют о существовании в регионе железомарганцево-аммонийной гидрогеохимической провинции, выделяемой Н.А. Ермашовой [8]. Концентрации данного элемента варьируют в водах рыхлых отложений от 0,09 до 37,2 (единичный случай) при среднем 0,5 мг/л и от 0,15 до 8,4 при среднем 0,7 мг/л – в водах коренных пород.

Химический состав подземных вод

Компонент раствора	Подземные воды рыхлых отложений			Подземные воды коренных пород		
	Минимум	Среднее	Максимум	Минимум	Среднее	Максимум
pH	6,0	7,4	8,2	6,9	7,6	8,2
Жесткость, мг-экв./л	0,9	5,9	14,6	4,0	6,1	9,7
CO ₂ , мг/л	1,5	12,7	116	1,5	18,5	127
HCO ₃ ⁻ , мг/л	49	375	680	265	385	565
SO ₄ ²⁻ , мг/л	1,0	5,8	80	1,0	6,3	53
Cl ⁻ , мг/л	0,5	5,0	78	1,4	6,6	121
Ca ²⁺ , мг/л	16	93	210	54	97	166
Mg ²⁺ , мг/л	0,5	14,2	63	0,5	15,6	52
Na ⁺ , мг/л	1,4	11	55	5,0	12	46
K ⁺ , мг/л	0,23	1,6	22	0,2	1,7	18,5
NO ₂ ⁻ , мг/л	0,0015	0,05	1,2	0,0015	0,01	0,9
NO ₃ ⁻ , мг/л	0,05	0,4	200	0,05	0,5	69
NH ₄ ⁺ , мг/л	0,015	0,5	3,8	0,015	0,4	2,5
Si, мг/л	0,9	5,3	9,7	2,3	6,2	12
Fe общ, мг/л	0,09	0,5	37,2	0,15	0,7	8,4
Минерализация, мг/л	104	507	1 229	354	527	784
F ⁻ , мкг/л	90	230	1 180	90	250	510
Bг, мкг/л	0,3	44	200	3,3	41	172
Ba, мкг/л	2,5	44,6	175	7,2	56,0	210
Sr, мкг/л	9,0	378	1 597	9,0	430	1447
Li, мкг/л	2,4	13,4	45	5,0	13,3	38
Al, мкг/л	5,0	85	2 650	5,0	203	500
Ti, мкг/л	0,3	1,5	81	0,3	2,5	70
V, мкг/л	0,3	0,7	10	0,3	1,1	20
Cr, мкг/л	0,9	5,4	76	0,2	5,3	40
Co, мкг/л	0,01	0,4	5,9	0,1	0,5	3,4
Ni, мкг/л	0,3	1,9	23,5	0,3	2,8	100
Cu, мкг/л	0,05	0,8	138	0,05	1,3	5,8
Zn, мкг/л	0,6	12,0	2 830	0,1	12,1	900
Cd, мкг/л	0,05	0,15	12	0,05	0,1	15
Pb, мкг/л	0,05	1,4	26	0,05	1,8	25
As, мкг/л	2,0	5,1	70,5	2,0	4,8	26,4
Ag, мкг/л	0,03	0,24	3,5	0,03	0,3	5,0
Au, мкг/л	0,001	0,01	0,3	0,001	0,01	0,2
Sb, мкг/л	0,01	0,12	3,1	0,01	0,1	6,5
Hg, мкг/л	0,005	0,05	4,5	0,005	0,05	2,9
Кол-во анализов	601			138		

Таким образом, можно сказать, что концентрации многих макрокомпонентов в водах палеозойских образований сопоставимы с концентрациями этих же веществ в водах мезокайнозойских отложений. Это, вероятно, связано с наличием в большинстве случаев гидравлической связи трещинных вод коры выветривания с водами зон тектонических нарушений и последних – с водами верхнего структурного яруса. Хотя по средним содержаниям все же имеются некоторые отличия, видна некоторая разница в величинах общей минерализации, которая имеет наиболее высокое минимальное значение в водах коренных пород по сравнению с водами рыхлых отложений и немного повышенное среднее.

Как показывают данные проведенных исследований, основные солеобразующие компоненты в подземных водах, представленные гидрокарбонат-ионом и кальцием, связаны прямой корреляционной зависимостью между собой и общей минерализацией вод. Величина коэффициента корреляции (r) составляет соответственно 0,94 и 0,86 для вод рыхлых отложений и 0,92 и 0,82 – для вод коренных пород. Если к этому добавить, что в подавляющем большинстве случаев воды являются нейтральными или слабощелочными, пресными по величине общей минерализации, формирующимися в условиях преобладания выпадающих осадков над испарением, то становится очевидным,

что здесь мы имеем дело с типичными подземными водами выщелачивания. Об этом же свидетельствуют невысокие средние содержания хлоридов, сульфатов и натрия. Все вышесказанное хорошо иллюстрируется диаграммами зависимостей содержаний главных ионов от значений общей минерализации (рис. 2), на которых видно, что концентрации ионов SO₄²⁻, Cl⁻ и Na⁺ практически не увеличиваются с ростом солёности вод, т.е. все они имеют сугубо подчиненное значение в составе солей.

Необходимо отметить, что на общем фоне формирующихся в этих условиях вод выделяются такие, в которых концентрации некоторых компонентов превышают не только их естественный фон в десятки и даже сотни раз, но и ПДК для питьевых вод [9]. Как показывает анализ данных таких вод, минерализация в них растет за счет HCO₃⁻ и Ca²⁺, в большинстве случаев они имеют ту же формулу ионно-солевого состава, что и остальные (т.е. являются гидрокарбонатными кальциевыми), и околонейтральную pH, а значит, не несут в себе признаков начального этапа континентального засоления, природа их формирования иная. В этом нам и предстоит разобраться. Так, из всего диапазона имеющихся данных мы выделили группу точек с признаками загрязнения, характеристика их химического состава представлена в табл. 2. Из таб-

лицы видно, что, как правило, в таких водах наблюдается одновременное присутствие целого ряда компонентов с повышенными и даже очень высокими концентрациями. Содержания SO_4^{2-} и Cl^- хотя и не превышают ПДК для питьевых вод, но все же являются достаточно высокими, особенно в пробах с максимальными значениями минерализации. То же самое, в целом, характерно и для содержаний HCO_3^- , Ca^{2+} , Mg^{2+} , Na^+ . Особое внимание хотелось бы обратить на присутствие в повышенных количествах азотистых соединений. Наиболее всего это касается NO_3^- , концентрации которого достигают 200 мг/л в водах рыхлых отложений. По-видимому, распределение содержаний биогенных веществ в подземных водах исследуемой территории является вполне закономерным и отражает природно-антропогенные условия формирования их химического состава. Ведь если посмотреть данные табл. 2, то можно увидеть, что, как правило,

места, в которых были отобраны эти воды, либо находятся непосредственно в населенных пунктах, либо располагаются поблизости от объектов загрязнения. В частности, это касается родников, приуроченных к долине реки Большой Киргизки, где, как известно, располагается зона СПУ г. Томска. Например, уровень содержания железа в водах, по сравнению с соединениями азота, в меньшей степени определяется действием антропогенных факторов, о чем свидетельствует достаточно слабая связь концентраций железа с наличием антропогенных источников (за исключением двух точек наблюдения).

Вполне закономерным является и то, что в водах рыхлых отложений, как наиболее уязвимых с точки зрения загрязнения, наблюдаемые повышенные концентрации элементов макрокомпонентного состава вод (табл. 2) имеют более высокие значения по сравнению с водами коренных пород.

Т а б л и ц а 2

Химический состав подземных вод с признаками загрязнения

Показатель	Воды рыхлых отложений									Воды коренных пород			ПДКп
	Т. н. 1214 (колодец, приток р. Ушайка)	Т. н. 253 Д (колодец, ост. п. 41 км)	Т. н. 957 (колодец, д. Родионово)	Т. н. 691 (колодец, р. Колбиха)	Т. н. 807 (родник, р. Б. Киргизка)	Т. н. 1119 (колодец, д. Сафроново)	Т. н. 259 Д (скважина, д. М. Протопопово)	Т. н. 1287 (колодец, д. Меженниновка)	Т. н. 958 (колодец, д. Родионово)	Т. н. 1528 (родник, р. Ушайка)	Т. н. 1583 (скважина, д. Светиловка)	Т. н. 910 (родник, р. Б. Киргизка)	
рН	7,1	7,0	6,6	6,8	6,8	6,8	7,13	6,8	6,6	7,6	7,8	7,8	6–9
Жесткость, мг-экв./л	6,0	6,6	6,0	7,5	8,0	10,0	12,0	10,4	14,6	5,5	7,4	7,9	7
HCO_3^- , мг/л	286	378	368	370	295	380	680	634	561	390	378	306	
SO_4^{2-} , мг/л	18	7	20	16	12	45	2,6	70	80	9	24	16	500
Cl^- , мг/л	23	6	18	18	56	53	64	44	78	5	19	121	350
Ca^{2+} , мг/л	98	113	94	132	140	140	190	178	210	78	116	138	
Mg^{2+} , мг/л	13,4	11,2	15,9	11,0	12,2	36,0	30,6	18,3	49,0	19,5	19,5	12,2	
Na^+ , мг/л	17,6	6,7	13,2	8,8	10,8	5,0	16,7	55,0	38,4	11,0	12,5	46,0	200
K^+ , мг/л	0,7	5,7	10,5	1,0	1,5	1,0	10,3	1,7	10,0	7,2	0,6	4,5	
NO_2^- , мг/л	0,005	0,002	0,005	0,005	0,005	1,2	0,02	0,0015	0,6	0,2	–	0,005	3,0
NO_3^- , мг/л	44	0,4	14	45	85	79	0,1	4	200	0,5	69	55	45
NH_4^+ , мг/л	0,6	1,9	0,7	0,4	0,4	2,4	2,1	0,03	1,5	2,5	0,16	0,5	2 по N
Si, мг/л	–	6,5	–	3,9	5,1	–	5,5	5,0	–	7,1	12,0	5,6	10
Fe общ, мг/л	0,15	6,25	0,5	0,5	0,3	0,15	37,2	0,2	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3
Минерализация, мг/л	501	527	554	602	613	742	994	1005	1229	523	640	700	1000
F ⁻ , мкг/л	290	230	–	90	90	–	430	150	–	400	160	90	1500
Br, мкг/л	13	1,0	62	–	86	31	200	153	22	39	13,4	48	200
Ba, мкг/л	21	–	36	–	16	32	–	93	42	160	27	16	100
Sr, мкг/л	–	180	–	–	–	–	–	730	–	410	480	–	7000
Li, мкг/л	13	2,4	13	19	23	–	–	29	34	16	11	38	30
Ct, мкг/л	2,7	–	2,6	–	1,5	4,1	–	10,6	2,1	5,5	3,2	2,7	50
Co, мкг/л	0,14	–	0,34	–	0,13	0,35	–	0,35	0,32	0,9	0,14	0,3	100
Ni, мкг/л	1,2	–	1,6	1,2	1,0	1,0	–	2,2	0,3	13,7	0,7	2,6	100
Cu, мкг/л	1,3	2,1	2,3	0,2	0,4	2,3	7,1	0,05	1,5	1,0	1,0	0,15	1000
Zn, мкг/л	8,6	130	32	9,1	1,0	43	13	28	14,3	56	50	8,0	5000
Cd, мкг/л	0,15	0,2	0,14	0,07	0,2	0,2	0,2	0,05	0,3	0,3	0,15	0,4	1
Pb, мкг/л	1,0	1,3	2,7	0,4	0,7	1,3	11	0,6	1,7	0,6	2,0	1,6	30
As, мкг/л	4,2	–	2,0	2,0	2,0	7,0	–	15	2,0	9,6	2,0	2,0	50
Hg, мкг/л	–	0,05	0,7	2,1	0,24	–	0,11	0,005	0,87	0,005	0,08	0,13	0,5
Формула ионно-солевого состава	HCO_3/Ca	HCO_3/Ca	HCO_3/Ca	HCO_3/Ca	HCO_3/Ca	$\text{HCO}_3/\text{Ca-Mg}$	HCO_3/Ca	HCO_3/Ca	HCO_3/Ca	$\text{HCO}_3/\text{Ca-Mg}$	HCO_3/Ca	$\text{HCO}_3-\text{Cl}/\text{Ca}$	

Примечание. ПДКп – предельно-допустимые концентрации компонентов для питьевых вод.

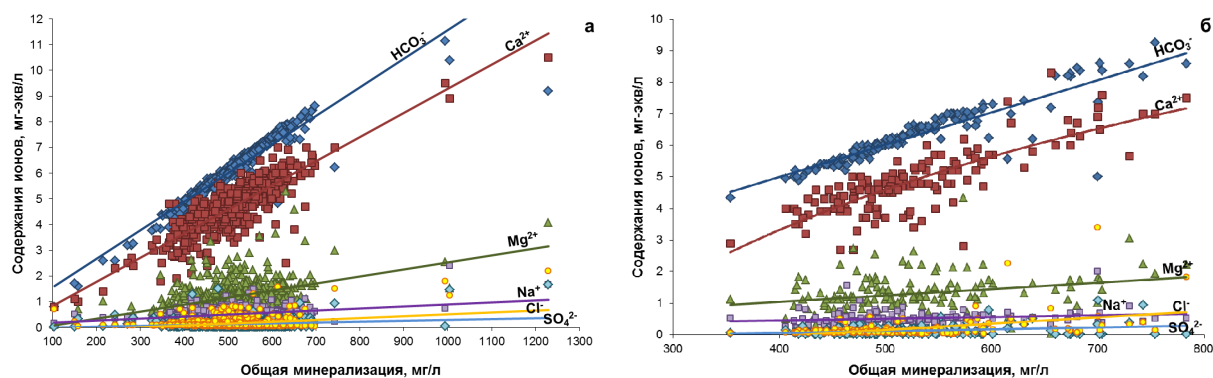

Рис. 2. Зависимость содержаний ионов HCO_3^- , Ca^{2+} , Mg^{2+} , Na^+ , SO_4^{2-} и Cl^- от степени их минерализации для подземных вод:
а – рыхлых отложений; б – коренных пород

Анализ микрокомпонентного состава подземных вод (табл. 1) показывает, что превышения ПДК наблюдаются в водах рыхлого мезокайнозойского водоносного этажа по содержанию таких элементов, как Ba, Li, Al, Cr, Cd, As, Hg и Br; в водах отложений палеозойского возраста – по содержанию Ba, Li, Al, Ni, Cd и Hg. Хотя из числа перечисленных такие микроэлементы, как Li, Al, Cr, As, Br и Ni, в повышенных концентрациях встречаются лишь в единичных пробах. Проанализировав химический состав загрязненных подземных вод (табл. 2), можно констатировать, что далеко не всегда повышенные содержания микроэлементов связаны с загрязнением. Так, в концентрациях (и то не в максимально наблюдаемых для территории объекта исследований), превышающих ПДК для питьевых вод, были отмечены лишь Ba, Li и Hg. В остальных же случаях встречаемые в отдельных точках высокие концентрации некоторых микроэлементов (табл. 1), как правило, вообще никак не связаны с загрязнением. Дело в том, что источниками обогащения подземных вод микроэлементами в пределах изучаемой территории зачастую выступает природный фактор, а именно обогащенная и рудная минерализация горных пород и зоны разрывных нарушений. Так, на территории Томь-Яйского междуречья имеются следующие основные типы эндогенной минерализации: полиметаллический (ведущие элементы – Pb, Cu, Zn, сопутствующие – Ag, Ba, Ni, Co, Cd, As, Mo, Sb, Sr, Ge, Be, Zr, Hg) и сурьмяно-ртутный (ведущие элементы – Sb и Hg, сопутствующие – Pb, Cu, Zn, As, Ag, Sb, Ba) [4, 5].

Наибольшее количество проб с повышенными содержаниями микрокомпонентов (которые никак не связаны с загрязнением) в водах рыхлых отложений и коренных пород приходится на Cd, Ba и Hg. Что касается Cd, то гидрогеохимическими съемками [10] были выявлены контрастные аномалии кадмия в районе среднего течения р. Ушайка и в верховьях притока у пос. Плотниково. При фоновом содержании менее 0,5 мкг/л и ПДК 1 мкг/л содержание кадмия здесь достигает 5–6 мкг/л (по нашим данным, для вод нижнего этажа – 15 мкг/л). Аномалии кадмия здесь объясняются связью природных вод с минерализованными зонами разрывных нарушений. О повышенном «ртутном фоне» района, значительном развитии тектонических нарушений и влиянии палеозойского фундамента на металлогению пород чехла свидетельствует

частая встречаемость ртути в породах палеозоя и в перекрывающих рыхлых осадках [10]. Повышенные содержания Hg, установленные, в частности, в пределах Корниловского участка в породах палеозоя и перекрывающих их осадках, связаны с зонами тектонических нарушений. Установлено, что ртутная минерализация локализуется вблизи зон тектонических нарушений в породах различного стратиграфического уровня вне связи с проявлениями магматизма. Высокие ее концентрации (выше ПДК = 0,5 мкг/л) отмечаются в отдельных точках и в протяженных участках по бассейну р. Ушайка. Наибольшее сосредоточение повышенных концентраций бария отмечается в бассейне р. Тугояковка, также он встречается и в отдельных точках по площади исследований. Предпосылкой его появления в подземных водах, вероятно, служат горные породы.

Выводы

По результатам проведенных исследований изучаемой нами зоны активного водообмена можно сказать, что, в целом, геохимические особенности подземных вод верхнего и нижнего этажей выражаются в однообразии анионно-катионного состава – гидрокарбонатные воды с преобладанием роли кальция. Показано также, что в соответствии со специфическими геолого-гидрогеологическими особенностями структуры Колывань-Томской складчатой зоны, а именно двухъярусным ее строением, изучаемые подземные воды верхнего и нижнего структурных этажей хотя и являются близкими по средним значениям компонентов химического состава, но все же имеют определенные отличия по их содержанию.

На фоне подавляющей части вод, формирующихся в ненарушенных природных условиях, со средней минерализацией около 500 мг/л выделяются воды с явными признаками загрязнения. Данная группа вод выделяется в основном по спектру загрязняющих элементов макрокомпонентного состава. При этом существенный вклад в величину их общей минерализации, помимо основных солеобразующих HCO_3^- и Ca^{2+} , вносят такие элементы, как SO_4^{2-} , Cl^- и NO_3^- . Повышенные содержания микрокомпонентов далеко не всегда связаны с загрязнением, зачастую их присутствие в подземных водах обязано природным факторам и связано, как правило, с минерализованными зонами разрывных нарушений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колубаева Ю.В., Шварцев С.Л., Копылова Ю.Г. Геохимия вод северной части Колывань-Томской складчатой зоны // Известия вузов. Геология и разведка. 2010. № 2. С. 50–58.
2. Шварцев С.Л. Гидрогеохимия зоны гипергенеза. 2-е изд. испр. и доп. М.: Недра, 1998. 366 с.
3. Геологическая эволюция и самоорганизация системы вода – порода. Т. 2: Система вода – порода в условиях зоны гипергенеза / С.Л. Шварцев [и др.]; отв. ред. Б.Н. Рыженко. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. 389 с.
4. Удодов П.А., Матусевич В.М., Григорьев Н.В. Гидрогеохимические поиски в условиях полужакрытых геологических структур Томь-Яйского междуречья. Томск: Изд-во ТГУ, 1965. 202 с.
5. Удодов П.А., Паршин П.Н., Левашов Б.М. и др. Гидрогеохимические исследования Колывань-Томской складчатой зоны. Томск: Изд-во ТГУ, 1971. 283 с.
6. Гидрогеология СССР. Т. XVI: Западно-Сибирская равнина (Тюменская, Омская, Новосибирская и Томская области). М.: Недра, 1970. 368 с.
7. Врублевский В.А., Нагорский М.П., Рубцов А.Ф., Эрвье Ю.Ю. Геологическое строение области сопряжения Кузнецкого Алатау и Колывань-Томской складчатой зоны. Томск: Изд-во ТГУ, 1987. 96 с.
8. Ермашова Н.А. Геохимия подземных вод зоны активного водообмена Томской области в связи с решением вопросов водоснабжения и охраны: автореф. дис. ... канд. геол.-минерал. наук. Томск, 1998. 44 с.
9. СанПиН 2.1.4.1074-01. Питьевая вода. Гигиенические требования к качеству воды централизованных систем питьевого водоснабжения. Контроль качества. М.: Информационно-издательский центр Минздрава России, 2002. 100 с.
10. Ахмадицин Н.Ю., Дубинский О.А., Капишников О.П., Скогорева А.С., Рубцов А.Ф., Уткин Ю.В., Черникова Т.И., Черняева Е.И., Черняев Е.В., Шамахов А.Ф., Домаренко В.А., Янкович Е.П. Геологическая карта Российской Федерации. Масштаб 1: 200 000 (издание второе). Лист О-45-XXXII (Тайга). Объяснительная записка. СПб., 2007. 269 с.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 20 октября 2014 г.

THE CHEMICAL COMPOSITION OF THE GROUNDWATERS OF THE ACTIVE WATER EXCHANGE ZONE OF THE NORTHERN PART OF THE KOLYVAN-TOMSK FOLDED ZONE

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 202–208. DOI 10.17223/15617793/391/32

Kolubaeva Yuliya V. *Tomsk Division of Trofimuk Institute of Petroleum-Gas Geology and Geophysics, SB RAS; Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Kolubaeva@inbox.ru*

Keywords: groundwaters; Kolyvan-Tomsk folded zone; macro and trace elements; contaminated waters.

This work describes the chemical composition of the groundwater of the active water exchange zone of a moderately moist climate area on the example of the northern part of the Kolyvan-Tomsk folded zone. Administratively, the study area is located in the southeastern part of Western Siberia, in Tomsk Oblast and takes the Tom-Yaya interfluvium. In the geological and hydrogeological studies regarding the territory of interest there are two structural stages. The upper stage of unconsolidated Mesozoic-Cenozoic deposits accommodates stratified pore water; the lower stage of an ancient Paleozoic basement has crack water of weathering zone and tectonic disturbances. Groundwater of the upper and lower stages is separated by clay waterproof rocks of weathering crusts having a regional distribution. The material for the studies was provided by data obtained in the course of field work in the period from 1992 to 2013. Permanently waters were investigated in the Problem Research Hydrogeochemical Laboratory of National Research Tomsk Polytechnic University. In the interpretation and compilation of chemical analyses 601 sampling points in the groundwater of unconsolidated deposits and 138 sampling points of groundwater bedrock were used. It has been shown that the tested waters are representative leaching groundwater having total salinity up to 1 g/l, a neutral or weakly alkaline pH and preferably calcium hydrocarbonate composition. They are characterized by low average content of chlorides, sulfates and sodium. Micro composition of groundwater has a wide range of components with concentrations often elevated. The source of enrichment is often a natural factor: enrichment and mineralization of rocks and zones of faults. It was also noted that, along with the natural factor in the formation of the chemical composition of groundwater, there is an anthropogenic effect. In this case, there may be a simultaneous presence in a water sample of a number of components with high and even very high concentrations, not only in relation to the background content, but also in comparison with the MAC for drinking water. In general, the hydrogeochemical characteristics of groundwater of the upper and lower stages are expressed in a rather low differentiation of mineralization, and the monotony of anion-cation composition – bicarbonate water with a predominance of the role of calcium. In almost all waters (except anthropogenic) the amount of HCO_3^- , Ca^{2+} and Mg^{2+} ions is generally about 90 % of the water-dissolved salts, which meets the continental genesis of sedimentary rocks and the origin of water infiltration. In general, the chemical composition of the groundwater of the studied landscape zone (zone of southern taiga) is typical for waters not exposed to the processes of continental salinization. Concentrations of many components in the waters of the Paleozoic formations are comparable to the concentrations of the same substances in the waters of the Meso-Cenozoic sediments. This is probably due to the presence in most cases of the hydraulic connection between the aquifer complexes in both stages.

This work was supported by grant RFBR № 14-05-31095-mol_a, № 13-05-98070-r_sibir_a and № 13-05-00062_A

REFERENCES

1. Kolubaeva Yu.V., Shvartsev S.L., Kopylova Yu.G. Geokhimiya vod severnoy chasti Kolyvan'-Tomskoy skladchatoy zony [Geochemistry of waters north of the Kolyvan-Tomsk folded zone]. *Izvestiya vuzov. Geologiya i razvedka*, 2010, no. 2, pp. 50–58.
2. Shvartsev S.L. *Gidrogeokhimiya zony gipergeneza* [Hydrogeochemistry of the supergenesis zone]. Moscow: Nedra Publ., 1998. 366 p.
3. Ryzenko B.N. (ed.) *Geologicheskaya evolyutsiya i samoorganizatsiya sistemy voda – poroda* [Geological evolution and self-organization of the system water – rock]. SB RAS Publ., 2007. Vol. 2, 389 p.
4. Udodov P.A., Matusevich V.M., Grigor'ev N.V. *Gidrogeokhimicheskie poiski v usloviyakh poluzakrytykh geologicheskikh struktur Tom'-Yayskogo mezhdurech'ya* [Hydrogeochemical research in semi-closed geological structures of the Tom-Yaya interfluvium]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1965. 202 p.
5. Udodov P.A., Parshin P.N., Levashov B.M. et al. *Gidrogeokhimicheskie issledovaniya Kolyvan'-Tomskoy skladchatoy zony* [Hydrogeochemical study of the Kolyvan-Tomsk folded zone]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1971. 283 p.

6. *Gidrogeologiya SSSR* [Hydrogeology of the USSR]. Moscow: Nedra Publ., 1970. Vol. 16, 368 p.
7. Vrublevskiy V.A., Nagorskiy M.P., Rubtsov A.F., Erv'e Yu.Yu. *Geologicheskoe stroenie oblasti sopryazheniya Kuznetskogo Alatau i Kolyvan'-Tomskoy skladchatoy zony* [Geological structure of the contact area of Kuznetsk Alatau and the Kolyvan-Tomsk folded zone]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1987. 96 p.
8. Ermashova N.A. *Geokhimiya podzemnykh vod zony aktivnogo vodoobmena Tomskoy oblasti v svyazi s resheniem voprosov vodosnabzheniya i okhrany*: avtoref. dis. kand. geol.-mineral. nauk [Geochemistry of groundwater of active water exchange zone in Tomsk Oblast in connection with water supply and conservation. Abstract of Geology and Mineralogy Cand. Diss.]. Tomsk, 1998. 44 p.
9. SanPiN (Sanitary Regulations and Standards) 2.1.4.1074-01. *Pit'evaya voda. Gigienicheskie trebovaniya k kachestvu vody tsentralizovannykh sistem pit'evogo vodosnabzheniya. Kontrol' kachestva* [Drinking water. Hygienic requirements for water quality of centralized drinking water supply systems. Quality control]. Moscow: Information and Publishing Center of Russian Ministry of Health Publ., 2002. 100 p.
10. Akhmadshchin N.Yu., Dubinskayte O.A., Kapishnikova O.P., Skogoreva A.S., Rubtsov A.F., Utkin Yu.V., Chernikova T.I., Chernyaeva E.I., Chernyaev E.V., Shamakhov A.F., Domarenko V.A., Yankovich E.P. *Geologicheskaya karta Rossiyskoy Federatsii. Masshtab 1: 200 000 (izdanie vtoroe). List O-45-XXXII (Tayga). Ob'yasnitel'naya zapiska* [Geological map of the Russian Federation. Scale 1: 200 000 (second edition). Sheet O-45-XXXII (Taiga). Explanatory note]. St. Petersburg, 2007. 269 p.

Received: 20 October 2014

ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ СУХОПУТНЫХ ТРАКТОВ НА ТЕРРИТОРИИ КОЛЫВАНО-ВОСКРЕСЕНСКОГО ВЕДОМСТВА В 1760–1762 гг.

На территории Колывано-Воскресенского ведомства с 1760 по 1762 г. была организована крупномасштабная исследовательская экспедиция. Несколько исследовательских партий одновременно изучали обширную территорию Горного Алтая с севера на юг – от устья р. Бия до р. Бухтарма – и с запада на восток – от Усть-Каменогорской крепости до Телецкого озера. Во время экспедиции тщательно исследовались старые азиатские тракты, как заброшенные, так и используемые местными кочевыми племенами. Был получен богатый физико-географический, гидрографический и картографический материал ранее не изученной территории. В отчетах экспедиции описаны маршруты прокладываемых сухопутных и водных трактов, а также трудности передвижения в горной местности и особенности преодоления водных препятствий. Планирование и организация трактов осуществлялись с учетом таких важных факторов, как рельеф исследуемой территории, наличие водных препятствий и климатические условия.

Ключевые слова: Алтай; физико-географические условия; исследовательская экспедиция.

С разработкой месторождений и строительством меде- и сереброплавильных заводов на территории горного ведомства было неразрывно связано и развитие инфраструктуры. Появились новые населенные пункты и тракты для транспортировки руды и сообщения между месторождениями, заводами и деревнями. К этому времени заметно увеличилась численность русского населения. И горнорудные предприятия, и население нуждались в защите от воинственных кочевников. По указу российской императрицы Елизаветы Петровны поручалось тайному советнику и сибирскому губернатору Федору Ивановичу Соимонову организовать секретную заграничную экспедицию.

Экспедиция должна была исследовать обширную территорию от Усть-Каменогорской крепости до Телецкого озера, так как «...по иртышской линии от Убинского форпосту до Усть-Каменогорской крепости единственно от Западной стороны рекою Иртышом и то только летним временем закрыты а от восточной стороны ни какова закрытия не имеют» [1. Л. 41 об.]. К тому же в 1758 г. обострились отношения Российской империи с Китаем, так как последний стал претендовать на территорию побежденного им Джунгарского ханства, которое непосредственно граничило с Российской империей. В связи с этим необходимо «...построить на устье реки Бухтармы крепость для сдержания от Норзайсана иногда неприятельских намерениях плывущих судов с военными людьми и припасами а или для точного и навсегда безопасного прикрытия верхних мест поселений тож и вне границ имевших и впредь еще изыскиваемых рудников не меньшеж... ясаиных народов закрыть линию посредством строящихся на оную крепостей и редутов» [Там же. Л. 42 об.].

Летом 1760 г. были организованы две исследовательские партии, перед которыми ставилась задача найти и описать удобные для строительства укреплений и мест поселения на территории от верховий р. Бухтарма до Телецкого озера. Первая партия начала исследования от Усть-Каменогорской крепости до устья Бухтармы и далее к ее верховьям. Вторая партия формировалась в Бехтемирском станце Кузнецкой линии и должна была пройти к Телецкому озеру, а

затем, поднявшись вверх по р. Чулышман, преодолеть хребты и выйти к верховьям Бухтармы.

Первая партия, выйдя из Усть-Каменогорской крепости 10 июня, продвигалась по гористой местности вдоль правого берега Иртыша до устья Бухтармы, преодолев расстояние в 80 верст 250 сажень. От устья вверх по течению Бухтармы отряд продвигался без проводников. Дорога, удобная для продвижения, исследовалась при помощи малых посыльных команд, шедших впереди. В качестве ориентира использовался старый азиатский тракт, заросший травой и деревьями, проложенный вдоль Бухтармы. Этот тракт позволял обходить труднопроходимые места. Партией составлялись подробные планы местности и изыскивались места, пригодные для строительства крепостей и редутов.

На протяжении всего сухопутного пути от Усть-Каменогорской крепости до верховья Бухтармы тракт пролегал по горам с крутыми склонами. Но наиболее трудным отрезком считался путь длиной в 12 верст в верховьях Бухтармы, где из-за крутых и высоких скалистых берегов команде приходилось преодолевать шесть бродов.

Вторая партия под командованием инженер-капитана Плутова начала свой путь 17 июня от Бехтемирского редута, расположенного в нижнем течении р. Бия. Переправившись через Бию, команда направилась к урочищу под названием Сростки на р. Катунь. Затем следовала вверх по Катунь до правого ее притока р. Майма, откуда тракт шёл к южной части Телецкого озера. К устью р. Чулышман, впадающей в Телецкое озеро, команда прибыла 6 июля, преодолев расстояние в 207 верст.

Народ, кочующий у устья Чулышмана, на вопросы команды утверждал, «что от устья реки Башкауз, куда надлежало следовать тракта ни какого нет и онная река течение свое имеет между высоких каменных гор ущельем а имеетца де тракт вверх пореке Чулышману верст до тридцати или более и будут на тракте не способныя и не проходимыя места, яко то превысокия каменистыя горы, чрез которыя нетолько чтоб с со вьюшными, но и с порожними лошадыми перейти никак не возможно...» [1. Л. 46]. Для того чтобы удостовериться в сказанном, была организова-

на небольшая команда, которая отправилась налегке вверх по р. Чулышман.

Тракт шёл вдоль Чулышмана 20 верст по лугам, затем верст 10 по галечнику, где травяная растительность отсутствовала. Следующие 10 верст тракт пролегал по крутым скалистым склонам. Далее высокие скалистые берега подошли вплотную к реке, и продвигаться верхом на лошадях стало невозможно. Командой было принято решение двигаться в юго-западном направлении вдоль р. Иджиган (ныне Эдиган), чтобы выйти к Катунь. Протяженность пути от Чулышмана до Катунь составила 106 верст. Изученная территория, по мнению инженер-капитана Паутова, признана не пригодной для строительства оборонительной линии и путей сообщений, а также «...и за неимением удобных сенокосов також и за краткостью во оном месте летнего и теплого воздуха на которых горах и в июле месяце снег лежал...» [1. Л. 47].

Достигнув устья р. Иджиган, партия Паутова 30 июля вернулась в Бехтемирский редут, так и не выполнив поставленной задачи – дойти до верховий Бухтармы.

По указу генерал-майора Веймарна и бригадира Фрауендорфа помимо наикротчайшего и удобного пути между Катунью и Бухтармой надлежало найти пригодные пахотные земли, «...ибо бес поселения и размножения хлебопашества, около тех рудников а паче около Усть-Каменогорской крепости обойтица ни как не возможно, дабы чрез то поселение в поставке как на иртышскую так и на колыванскую линии правянтта казенных убытков и великих затруднении миновать было можно» [Там же. Л. 48].

Альтернативным вариантом Чулышмано-Бухтарминской оборонительной линии предлагалась линия от Новиковского форпоста, расположенного при устье правого притока Бии р. Нея (ныне Неня), до устья р. Иша, правого притока Катунь. Далее линия планировалась по левому берегу Катунь до устья р. Сема, затем через рр. Чарыш и Ульбу до Усть-Каменогорской крепости. Однако в данном случае обширная территория между Катунью и Телецким озером оставалась бы не защищенной, а следовательно, местное население, искавшее у России покровительства, и недавно найденные рудники также оказались открытыми для разбойных нападений джунгар.

В связи с этим 24 января 1761 г. тайный советник и губернатор Соймонов учинил следующее постановление: «1-е что к поселению при тех новых линиях на хлебопашество людей удобных мест недовольно еще отыскано, 2-е между вершинами Бухтармы и озера Телецкого нетокмо не удобныя но и не проходимыя места показаны, 3-е а хотя от озера Телецкого на реку Катуню чрез сто шесть верст тракт исыскан но по осмотру явился весьма трудной...» [1. Л. 48 об.].

Весною 1761 г. была организована исследовательская экспедиция из трех партий.

Первая партия под командованием инженер-майора Петрулина начала свой путь 27 мая из Усть-

Каменогорской крепости. Партия подробно изучила территорию по маршруту от Усть-Каменогорской крепости до устья Бухтармы и далее по правому берегу до истоков Бухтармы. В соответствии с заданием была построена крепость при устье этой реки, составлены планы местности. Подробно осмотрены все дороги, пролежавшие в левобережье Иртыша и Бухтармы, которыми пользовались кочевые племена.

Команда описывала рельеф, речную сеть и растительность территории, по которой пролегал маршрут. Так, например, в трактовом журнале от 4 июня было записано: «Поутру выступили лагерем и со всею командою следуючи от начлега чрез превысокия каменистыя горы с которых и спустились в крутой лог к речке Черемшанке на 450 сажень и от оной шли чрез лес пихтовник к речке Пихтовке до которой перешли по тракту пятьдесят сажень и чрез которая впред подлежит мост построить подовольности лесу пихтового...» [1. Л. 90 об.].

Получены сведения о расстояниях между географическими объектами, а также определялось расстояние, ежедневно проходимое командой.

В имеющихся документах сообщалось, что до прихода русских здесь уже имелись тракты, именуемые как «калмыцкие дороги», некоторые из которых были давно заброшены, а некоторые до сих пор использовались. Один из таких трактов пролегал по правому берегу Иртыша от р. Курчум до р. Бухтарма, пересекая которую уходил в южном направлении.

Вторая партия под командованием майора Фоедина и инженер-капитана Паутова начала свой маршрут 8 июня из крепости Катунской. Партия следовала вверх по р. Катунь до устья р. Сема, где разделилась на две части. Одна пошла вверх по Семе и достигла верховий Бухтармы. Вторая, достигнув устья р. Иджиган, правого притока Катунь, вышла к верховьям Бухтармы.

В путевом журнале упоминается, что маршрут частично пролегал по «азиатской дороге». Эта азиатская дорога проходила вдоль рек Большой и Малый Улекем (ныне Б. и М. Ильгумень), далее тянулась вверх по р. Караколь до устья Тенгизского истока, затем вверх по левому берегу р. Джело (ныне Урсул).

Третья партия под командованием секунд-майора Поливанова, инженер-поручика Карцева 10 июня вышла из Чагирского рудника. Партия по долине Чарыша достигла устья р. Иня, где разделилась на две части. Одна продолжала путь вверх по Чарышу, а вторая шла по р. Иня. От верховий упомянутых рек они шли в сторону Бухтармы.

Следуя по основному маршруту, каждая партия отправляла в стороны на расстояние 30–50 верст небольшие отряды, которые дополнительно описывали и примечали пригодные к поселению, хлебопашеству и сенокосным покосам земли. Большое внимание уделялось также описанию видов произрастающих деревьев и пригодности их к строительству крепостей, редутов и мостов.

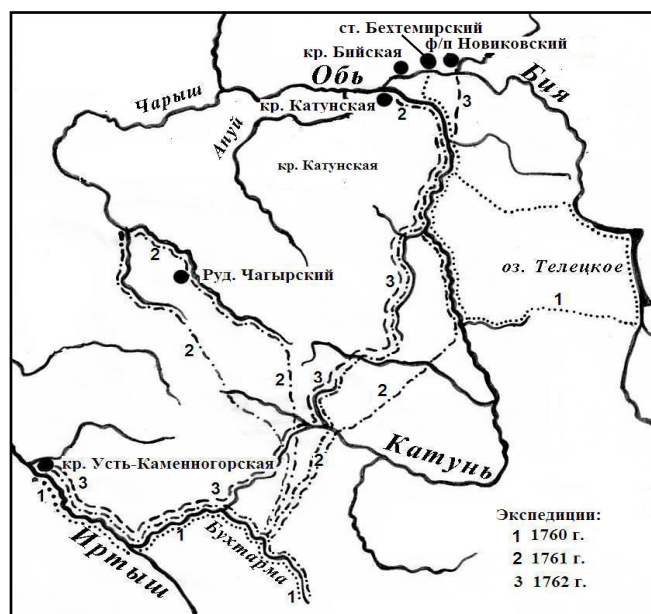

Рис. 1. Маршруты экспедиции 1760–1762 гг.

По материалам экспедиции 1761 г. было сделано заключение: «безсумненно явствует за непроходимыми гористыми каменистыми утесами и другими непреодолимыми естественными препятствиями намеренное занятие линиею от вершин Бухтармы по берегам рек Большого и Малого Хаиркумина и реки Кокусун по берегу реки Катунь, и вниз по оной до устья небольшой с восточной стороны в Катуню впадающей реки Иджигана, с коего места до устья впадающей в озеро Телецкое реки Чулышмана уже в прошлом 761-м году все места описанными, и хотя трудными по проходимости состоят ни коим образом исполница не может» [1. Л. 2 об.].

В 1762 г. была организована заключительная исследовательская экспедиция под командованием инженер-майора Василия Петрулина и инженер-капитана Паутова. Экспедицией были выбраны места, пригодные к строительству оборонительных укреплений, с прилегающими к ним пахотными землями и покосами. Специальные отряды сразу же приступали к строительству укреплений, которых всего планировалось построить 36.

Первая дистанция планируемой оборонительной линии, была описана инженер-майором Петрулиным и состояла из двух частей.

Первая часть дистанции протянулась от Усть-Каменогорской крепости вверх по правому берегу р. Иртыш до устья р. Бухтарма, «пресека множеством числа небольших между гор и каменье с великим стремлением текущих рек расстоянием в семьдесят трех верстах...» [Там же. Л. 53 об.]. Завозить провиант в укрепления было возможно из Усть-Каменогорской крепости по Иртышу.

Вторая часть первой дистанции пролегла от устья Бухтармы до устья Большого Хаир-Кумина, ее правого притока, и далее вверх по течению этой реки до ее верховий. Об этом отрезке дистанции в документах говорилось следующее: «всего от устья Бухтармы до упомянутых вершин реки Большого Хаир-

кумина имеетца расстояние на сто четырнадцать верст и сто шестьдесят сажень в коих как в Бухтарме так и в Хаиркумине с северной и северзападной сторон впадает множественное число крайне быстрых с великим разлитием вод подверженных и между высокими по большей части каменистых гор и косягоров с большим стремлением текущих реки и ключи» [1. Л. 53 об. – 54]. Общая протяжённость первой дистанции составила 187 верст 181 сажень.

Плавание крупными судами по Иртышу до устья Бухтармы и выше по течению было возможно лишь в период половодий. В межень путь преграждали пороги вблизи устья Бухтармы. Что же касается сухопутного тракта, то на некоторых отрезках пути было возможным перевозить провиант на телегах, но большей частью лишь на вьючных лошадях.

Вторая дистанция оборонительной линии состояла из шести частей и была описана капитаном Паутовым, квартирмейстером Карцовым и поручиком Уксусниковым.

Первая часть дистанции начиналась с северного склона хр. Холзун, откуда брала свое начало р. Малый Хаир-Кумин (ныне р. Банная). Маршрут пролегал по левому берегу этой реки до места ее впадения в р. Кокса. У устья Малого Хаир-Кумина маршрут пересекал Коксу и далее пролегал по левому берегу последней, до устья р. Большого Суугаш, левого притока Коксы: «...расстояние от вершин как Большого так и Малого Хаиркуминов, до устья реки Большого Суугаша имеетца сорок верст по большей части сперва чрез гористыя каменистыя и крайне трудныя косокрыныя, а потом уже чрез низкия топкия и кочкватые места...» [Там же. Л. 54–54 об.].

Вторая часть дистанции пролегла от р. Кокса вверх по течению р. Большой Суугаш. Вначале маршрут проходил по левому берегу Большого Суугаша, затем пересекал его и до верховий пролегал по правому берегу. «Расстояниеж от устья до вершин оного Большого Суугаша линиею простираетца на сорок на шесть верст и

сто пятьдесят сажень, сперва по восточному берегу чрез ровныя места, а потом по перправе той реки по правому или западному берегу, чрез каскагористыя болотные и кочковатые места» [1. Л. 54 об.].

Третья часть дистанции протянулась от верховий р. Суугаш, преодолевая водораздел между реками Суугаш и Джело (ныне Урсул. – А.М.) и далее вниз по левому берегу р. Джело до левого его притока. Этим левым притоком Джело является река, вытекающая из оз. Тенгиз (ныне Тенгинские озёра. – А.М.). Расстояние от верховий Суугаша до устья Тенгизского истока составило 32 версты 350 сажений.

Четвертая часть дистанции протянулась от устья Тенгизского истока вверх по правому берегу до самого озера. Далее оборонительная линия преодолевала два хребта и выходила к верховьям р. Семы, левого притока Катунь. Длина дистанции составила 34 версты.

Пятая часть дистанции пролегла от верховий р. Сема по правому ее берегу вниз по течению. У места, где с левой стороны в Сему впадает р. Черга, линия пересекала Сему и далее продолжалась по левому берегу до самого ее устья. Общая протяженность пятой части второй дистанции составила 67 верст. Земли, пригодные для хлебопашества и сенокосов, измерялись десятинами. Наиболее пригодные земли отмечались в долинах Семы и Катунь, но и здесь нередко встречались низинные заболоченные места. Бедные почвы были отмечены в верховьях Большого Хаир-Кумина и Малого Хаир-Кумина. Достаточное количество земельных угодий, пригодных для хлебопашества, отмечалось и в бассейне р. Кокса.

Шестая часть второй дистанции начиналась от устья р. Сема и пролегла вниз по левому берегу Катунь до впадения правого притока – р. Иша. Общая протяженность линии от устья Семы до устья р. Иша составила 70 верст 300 сажений.

Седьмая, завершающая часть дистанции линии, пересекала Катунь у устья р. Иша и далее пролегла вдоль р. Березовка до Новиковского форпоста. Здесь планируемая линия должна была примкнуть к Кузнецкой оборонительной линии. Расстояние от устья р. Иша до Новиковского форпоста составляло 13 верст. Общая длина второй дистанции, протянувшейся от верховий р. Малого Хаир-Кумина (водораздел хр. Холзун) до Новиковского форпоста, составила 327 верст. Протяженность всей планируемой линии от Усть-Каменогорской крепости до Новиковского форпоста составила 514 верст 181 сажень.

Подробно описывались берега рек, где указывалась их заболоченность, каменистость, наличие скал, близко подступающих к руслу и т.д., что, в свою очередь, было важно для организации сухопутных трактов вдоль рек.

После изучения полученных во время экспедиций физико-географических и гидрографических материалов по исследуемой части Колывано-Воскресенского ведомства были сделаны следующие выводы.

1. Характерной особенностью рек являлось быстрое течение и частые их разливы в результате таяния

снегов и большого количества осадков, что затрудняло организацию паромных переправ и строительства мостов.

2. Сухопутные тракты были труднопроходимыми, о чем свидетельствуют документы: «дороги или лучше сказать тропинки между сих гор и множества речек проложенныя стало тесными и нужными быть должны что иногда с опасностью а всегда с великою нуждою только на вьюжных лошодах по оным проследовать можно» [1. Л. 6–6 об.].

3. Места, максимально удобные для строительства крепостей и редутов, виделись малопригодными, так как находились либо высоко в горах, либо в узких ущельях. Это обстоятельство еще осложнялось тем, что снег в глубоких ущельях таял лишь в первой половине лета, а зимой из-за глубоких снегов транспортное сообщение полностью прекращалось и, соответственно, поставка провианта на линию не могла быть возможной. Транспортировка грузов была возможна только сухопутными трактами в течение четырех месяцев в году.

Учитывая все перечисленные факты, организация оборонительной линии от Усть-Каменогорской крепости до Новиковского форпоста была признана трудноосуществимой, дорогостоящей, невыгодной для государства. Было принято решение строить оборонительную линию от Усть-Каменогорской крепости до Бийской. Линия была построена и проходила через среднее течение р. Убы, верховья р. Алей, среднюю часть Чарыша и со средней части р. Ануй вниз по течению до места слияния Бии и Катунь. Линия сохраняла свое стратегическое значение до конца XVIII в. По оборонительной линии были организованы сухопутные тракты, обеспечивающие сообщение между крепостями, форпостами, редутами линии и рудниками, населенными пунктами.

Исследовательские экспедиции 1760–1762 гг. получили богатый физико-географический, гидрографический и картографический материал территории Колывано-Воскресенского ведомства. В отчетах экспедиций описаны трудности передвижения в горной местности и особенности преодоления водных препятствий в горных районах. Планирование и организация трактов осуществлялись с учетом таких важных факторов, как рельеф исследуемой территории, наличие водных препятствий и климатические условия.

Результаты экспедиционных работ имели большую практическую значимость, которая выражалась в формировании стратегически важных путей сообщения, необходимых для сообщения между укреплениями оборонительной линией на крайних рубежах Российской империи. Некоторые из трактов, исследованных экспедициями в 1760–1762 гг., получили свое дальнейшее развитие и являются и ныне важными транспортными путями Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Центр хранения архивных фондов Алтайского края. Ф. 1. Оп. 1. Д. 373. Т. 1.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 15 октября 2014 г.

PHYSIOGRAPHIC PRECONDITIONS FOR BUILDING OVERLAND ROADS IN KOLYVAN-VOSKRESENSK DEPARTMENT IN 1749–1762

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 209–213. DOI 10.17223/15617793/391/33

Maloletko Anton A. Siberian Research Institute of Agriculture and Peat of Russian Academy of Agricultural Sciences (Tomsk, Russian Federation). E-mail: maloletko.ant@yandex.ru

Keywords: Altai; physiographic conditions.

In the middle of the 18th century, the infrastructure development on the territory of the Kolyvan-Voskresensk department was inseparably linked with the development of the fields and the construction of the copper and silver smelting plants. New settlements and paths for the transportation of the ore were constructed. The connection ways between fields, river piers, plants and villages were established. The number of the Russian population had increased considerably by then. Both the mining enterprises and the population needed to be protected from militant nomads. Empress Elizaveta Petrovna issued a decree about the organization of a confidential foreign expedition to the south from the Kolyvan-Voskresensk department. Privy Councilor and Siberian Governor Fyodor Ivanovich Soymonov was appointed responsible for the expedition organization. The expedition continued from 1760 to 1762. During this time research parties studied the intensive territory of the Mountain Altai region from north to south – from the mouth of the Biya River to the Bukhtarma River; and from west to east – from the Ust-Kamenogorsk fortress to Teletskoe Lake. The expeditions studied carefully the old Asian paths, both deserted and still used by the local nomad tribes. Much attention was paid to the study of the physiographic components: relief, climate, surface water, vegetation. The cartographic material of the studied territory was received. Later, both the cartographic material and the traveling notes were preserved at the storage centre of the archival funds of the Altai Territory. When passing the route, the groups noted places suitable for the construction of defense works, ploughing and hay-making. The experts studied the rivers: rifts, sand banks, the speed of a current and the depth of the rivers; suitability of the rivers for navigation was also estimated. After studying the received physiographic and hydrographic materials of the studied part of the Kolyvan-Voskresensk department, the following conclusions were made. The rapid current of the rivers and frequent floods as a result of snow thawing and large amounts of precipitation were a feature of the Mountain Altai rivers. These circumstances complicated organization of ferries and construction of bridges. Overland roads were difficult ways for movement because they were narrow tracks which lay on the abrupt stony slopes of the mountains. Only pack horses could pass these tracks. The places for building fortresses and redoubts were low-suitable because they were situated either in the mountains at a big height or in the narrow gorges. This circumstance was more difficult because of the snow in the deep gorges that thawed in the first half of summer only. Therefore, the transport communication stopped completely in winter due to the deep snow. Accordingly, overland transportation of loads was possible four months a year only. After considering all these facts, the organization of the defense line from the Ust-Kamenogorsk fortress to the Novikovskiy outpost was estimated as an impracticable, expensive and non-profitable project for the state. As a result, a decision to build the defense line from the Ust-Kamenogorsk fortress to the Biysk fortress was made. In a short time, the defense line was built. It passed through the average stream of the Urba River, through the riverhead of the Aley River, the middle part of the Charysh River and from the Anuy River downstream to the junction of the Biya and the Katun Rivers. The defense line kept its strategic significance till the end of the 18th century. The overland roads supporting the communication between the fortresses, the outposts, the redoubts of the line, the mines and the settlements were built along the defense line. The research expeditions of 1760–1762 received a considerable physiographic, hydrographic and cartographic material of the territory of the Kolyvan-Voskresensk department. The difficulties of movement in the mountain district and the features of the water obstacles overcoming were described in the expedition reports. Such important factors as the topography of the researched territory, the water obstacles and the climatic conditions were considered when planning and constructing roads. The expedition results became the base for the formation of the strategically important ways of communication between the fortifications of the defense line at the distant boundaries of the Russian Empire. Some of the roads, which were investigated by expeditions in 1760–1762, received further development. Nowadays, they are important transportation routes of the Russian Federation.

REFERENCES

1. Center for Preservation of Archive Funds of the Altai Territory. Fund 1. List 1. File 373. Vol. 1.

Received: 15 October 2014

ВОДНЫЙ БАЛАНС СИСТЕМЫ ОЗЁР ШИРА – ИТКУЛЬ (ХАКАСИЯ)

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ 14-35-50576 мол_нр.

Выполнен расчёт водного баланса озёр Шира и Иткуль, расположенных в аридной зоне в Республике Хакасия (Российская Федерация). Несмотря на то что водоёмы расположены в 3–4 км друг от друга, солёность оз. Шира составляет 12–30 г/кг, оз. Иткуль – менее 1 г/кг. Показано, что озёра гидравлически связаны, причём оз. Иткуль может рассматриваться как сточное. Отток воды из него в оз. Шира ориентировочно оценивается в размере 5 433–8 149 тыс. м³/год (в среднем 6791 тыс. м³/год). С учётом этого только оз. Шира может рассматриваться как бессточный водоём с испарительным механизмом формирования минерализации и химического состава его вод. Озеро Иткуль характеризуется более интенсивным водообменом. Вследствие этого испарение с его водной поверхности в июне–июле не приводит к такому, как в оз. Шира, концентрированию солей. Кроме того, наблюдается меньшее время взаимодействия озёрных вод с донными отложениями.

Ключевые слова: озёра Шира и Иткуль; Хакасия; водный баланс.

Введение

Озеро Шира – меромиктическое озеро площадью около 36 км² и солёностью вод 12–24 г/кг, расположенное в степной зоне на территории Республики Хакасия (Российская Федерация) и активно используемое для рекреационных и бальнеологических целей [1, 2]. Этот водоём давно и достаточно подробно исследуется с различных точек зрения, но до последнего времени не получен убедительный ответ, почему в 3–4 км от него расположено ещё одно большое озеро – Иткуль, но уже с пресной, а не солоноватой (по классификации О.А. Алёкина) водой

[3]. Для ответа на данный вопрос привлекались различные гипотезы [1, 4, 5], но, по мнению авторов, ключевое влияние на формирование примерно в одних и тех же физико-географических условиях столь разных по гидрохимии водных объектов оказывают гидрологические факторы.

Объект и методика исследований

Объектами исследования являются озёра Шира и Иткуль (рис. 1), некоторые гидрологические и гидрохимические характеристики которых приведены в табл. 1.

Таблица 1

Гидрологическая и гидрохимическая характеристика озёр Шира и Иткуль [1, 3]

Показатель	Единицы измерения	Озеро Шира	Озеро Иткуль
Средняя глубина	м	11,0	9,1
Максимальная глубина	м	24,0	17,0
Площадь акватории	км ²	35,90	23,25
Площадь водосбора	км ²	1020	372
Основные притоки	–	р. Сон	Р. Карыш, ручьи Карасук и Шел-Сух
Водотоки, вытекающие из озера	–	–	Руч. Тушинский (в р. Туим; пересыхает в межень)
Высотная отметка среднего уреза воды	м БС	352,9	456,2
Суммарное содержание растворённых солей	г/кг	12–31	0,6–0,7

Математическая модель формирования водного баланса какой-либо территории в общих чертах имеет следующий вид [6]:

$$Y_t = X_t + Z_t - E_t \pm \Delta U_t + A_{1,t} - A_{2,t} \pm I_t, \quad (1)$$

где Y_t – слой суммарного водного стока (поверхностного $Y_{s,t}$ и подземного $Y_{g,t}$) за период времени t (за месяц Y_m или год Y_y); X_t – слой атмосферного увлажнения; Z_t – слой водопритока из смежных водосборов; E_t – слой испарения с поверхности водосбора (E_w) или озёра (E_L) с учетом конденсации влаги (за месяц E_m или год E_y); ΔU_t – изменение влагозапасов в водосборе (ΔU_w) или озере (ΔU_L) за месяц (ΔU_m) или год (ΔU_y); $A_{1,t}$ и $A_{2,t}$ – сброс сточных вод и забор воды; I_t – потери воды на льдообразование (или приток воды, образующейся при таянии льда в весенний период; для месяцев с положительными среднемесячными температурами воздуха и в целом для года $I_t = 0$). В среднемноголетнем разрезе (для статистически однородного периода по условиям фор-

мирования и изменения стока) в первом приближении обычно предполагается, что величина ΔU_y стремится к нулю. Величина I_t может ориентировочно определена с использованием формулы Ф.И. Быдина [7]:

$$I_m = F_a \cdot 0,11 \cdot \sqrt{\sum T_{a<0}}, \quad (2)$$

где F_a – площадь зеркала, м²; $\sum T_{a<0}$ – сумма отрицательных среднемесячных температур атмосферного воздуха, °С.

Месячное «эффективное» атмосферное увлажнение X_m определяется как сумма значений слоя дождей $P_m(l)$ и водоотдачи $h_m(sm)$ из сезонного снежного покрова, сформировавшегося в холодный период года [8]:

$$X_m = P_m(l) + h_m(sm), \quad (3)$$

$$\frac{dW_{sn,m}}{dt} = P_m(h) - h_{sm,m} - E_m, \quad (4)$$

где $W_{sn,m}$ – месячные влагозапасы в снежном покрове; $P_m(h)$ – месячные твердые атмосферные осадки. Водоотдача из снежного покрова вычислена по зависимости от температуры атмосферного воздуха вида

$$h_m(sm) = k_{sm} \cdot T_{a,m}, \quad (5)$$

где $T_{a,m}$ – средняя месячная температура атмосферного воздуха; k_{sm} – коэффициент, по смыслу аналогичный коэффициенту стаивания при среднемесячных значениях покрытия водосбора снегом и стаивания снега, при котором начинается водоотдача [8, 9].

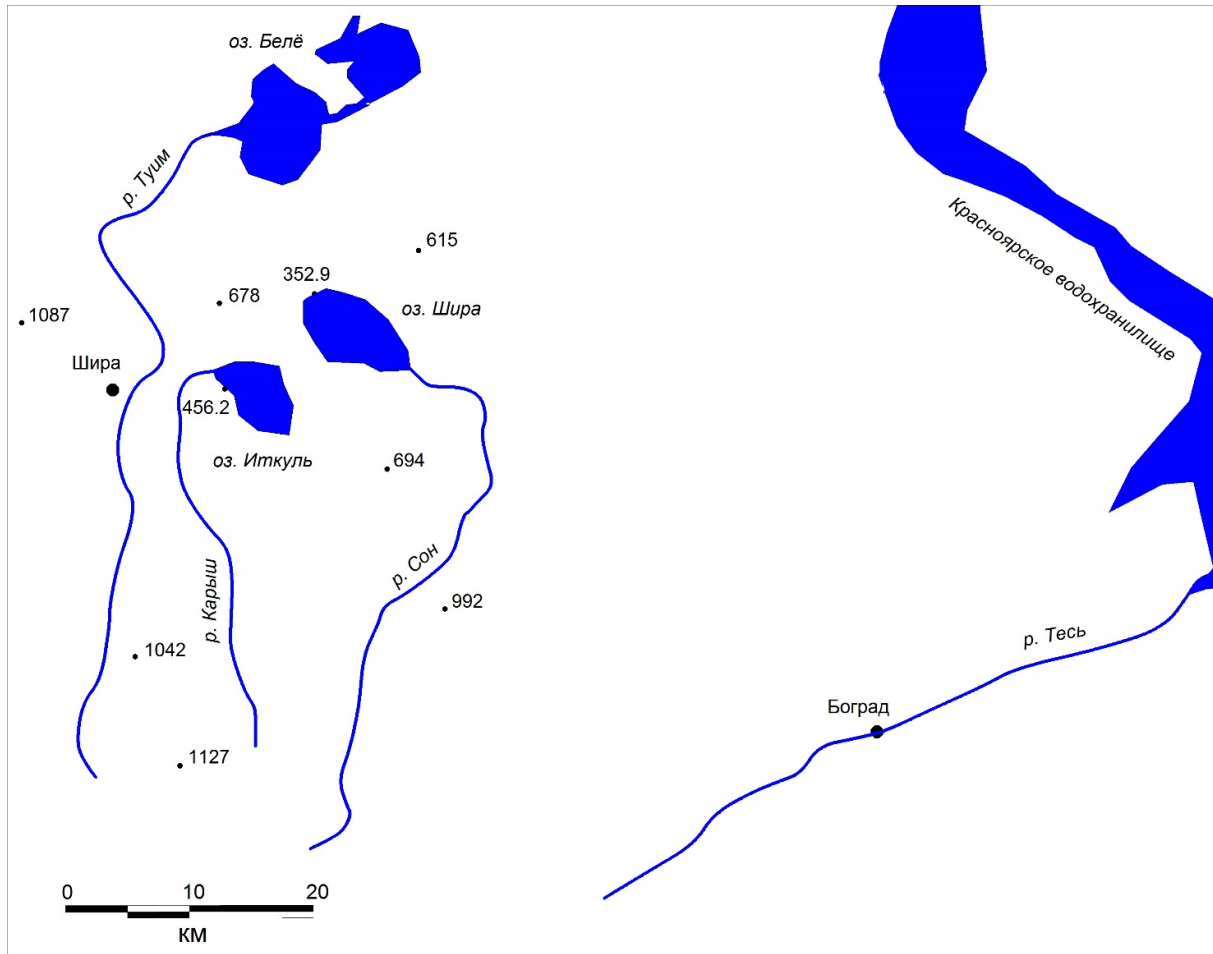

Рис. 1. Схема расположения озёр Шира и Иткуль и высотные отметки поверхности водосборов (значения среднего уреза воды в озёрах: Шира – 352,2 м; Иткуль – 456,2 м)

Месячное испарение с поверхности водосбора $E_{w,m}$ при оценке современного состояния окружающей среды в тёплый период года определяется по методу М.И. Будыко [10–12]:

$$E_m = k_E \cdot E_{0,m} \cdot \frac{W_{slb,m} + W_{sle,m}}{2 \cdot W_{sl0,m}}, \quad (6)$$

$$W_{sle,m} = \frac{W_{slb,m} \cdot \left(1 - \frac{k_E \cdot E_{0,m}}{2 \cdot W_{sl0,m}}\right) + X_m - Y_m}{1 + \frac{k_E \cdot E_{0,m}}{2 \cdot W_{sl0,m}}}, \quad (7)$$

где k_E – безразмерный эмпирический коэффициент; $W_{slb,m}$ и $W_{sle,m}$ – продуктивные влагозапасы почвы (в метровом слое) на начало и конец месяца; $W_{sl0,m}$ – продуктивные влагозапасы почвы (в метровом слое) при наименьшей влагоёмкости, задаются по материалам наблюдений или литературным данным [10, 11,

13]; $E_{0,m}$ – испаряемость. Расчёт влагозапасов почвы проводится с первого месяца, в течение которого в среднем наблюдаются талые грунты или происходит их интенсивное оттаивание (в южнотаёжной подзоне Западной Сибири – обычно в апреле, в подзоне средней тайги – в апреле и мае). При этом начальное значение влагозапасов $W_{slb,0}$ и коэффициент k_E определяются путем подбора, исходя из условия

$$\frac{E_{w,y} - (X_y - Y_y)}{X_y - Y_y} = 0. \quad (8)$$

Испаряемость $E_{0,m}$ вычисляется, согласно [9, 10], по формуле

$$E_{0,m} = 0,69 \cdot N_m \cdot k_{D,m} \cdot (e_{s,m} - e_m), \quad (9)$$

где N_m – количество суток в месяце; $k_{D,m}$ – коэффициент турбулентной диффузии, рассчитываемый в зависимости от средней месячной скорости ветра; $e_{s,m}$ – среднее месячное парциальное давление водяного пара в воздухе; e_m – среднее месячное давление насыщенного пара по температуре испаряющей поверхности

сти [10, 11]. При отрицательных температурах воздуха испарение с поверхности снежного покрова вычисляется по формуле П.П. Кузьмина [14]:

$$E_m = 0,34 N_m D_{a,m}. \quad (10)$$

Испарение с водной поверхности определялось, согласно [15], по формуле

$$E_{L,m} = 0,14 \cdot N_m \cdot (e_{s,m} - e_m) \cdot (1 + 0,72 \cdot v_2), \quad (11)$$

где v_2 – среднее значение скорости ветра на высоте 2 м, м/с.

Слой месячного подземного стока $Y_{g,m}$ определяется интерполяцией между значениями стока в феврале и декабре; с декабря по март подземный сток принимается равным речному. Величина $\Delta U_{L,m}$ в режиме

изучения фактического водного баланса озера определяется по уравнению (1) по известным данным об уровнях воды и их связи с площадью акватории по формуле усечённой пирамиды [16]:

$$\Delta U_{L,m} = \frac{\Delta Z}{3} \cdot (F_{a,1} + F_{a,2} + \sqrt{F_{a,1} \cdot F_{a,2}}), \quad (12)$$

где ΔZ – сечение изобат; $F_{a,1}$ и $F_{a,2}$ – площади акватории, ограниченные изобатами.

Более подробное описание математической модели водосбора и алгоритм моделирования приведены в [17]. Калибровка модели проводилась по данным гидрометрических наблюдений на р. Сон у п. Спиринская заимка (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Исходные данные для моделирования водопритока в оз. Ши́ра

Период	Модуль водного стока р. Сон у п. Спиринская заимка в среднем за 1967–1985 гг., л/(с·км²)	Модуль водного стока р. Туим у с. Туим в среднем за 1970–1985 гг., л/(с·км²)	Средняя температура воздуха на м. Ши́ра [18], °С	Средние атмосферные осадки на м. Ши́ра [2], мм
Январь	0,11	1,19	–18,5	6
Февраль	0,08	1,12	–17,2	5
Март	0,20	1,25	–8,9	5
Апрель	1,09	3,06	1,3	19
Май	0,92	2,57	8,9	31
Июнь	0,92	2,15	15,6	50
Июль	1,19	2,81	17,7	77
Август	1,05	2,57	14,9	55
Сентябрь	0,86	2,43	8,8	27
Октябрь	0,74	2,23	1,2	18
Ноябрь	0,35	1,49	–9,1	7
Декабрь	0,17	1,19	–16,4	7
Среднее за год	0,64	2,00	–1,1	–
Сумма за год	–	–	–	306

Исходные данные для определения атмосферного увлажнения и испарения приняты согласно [1, 2, 18, 19] по данным метеостанции Ши́ра, расположенной в нескольких километрах от исследуемых водоёмов. Влагозапасы в метровом слое почвы на начало апреля (152,3 мм) и коэффициент k_{sm} (0,43 мм/(сут·°С)) определены обратным расчётом по формулам (1–4). Забор воды из оз. Иткуль принят по данным [2] в размере 135 тыс. м³/мес., а сброс сточных вод в оз. Ши́ра – равным забору воды из оз. Иткуль.

Результаты исследования и их обсуждение

Выполненные расчёты позволили получить общую картину формирования водного баланса озёр Иткуль и Ши́ра (табл. 3, 4), основными особенностями которого является следующее.

В среднем за многолетний период в водосборе р. Сон и, соответственно, оз. Ши́ра в весенне-летний период происходит накопление влагозапасов, а в осенний и зимний – их сработка (рис. 2). Наибольшее среднее месячное испарение с поверхности водосбора приурочено к августу (77 мм/мес.), испарение с водной поверхности – к июню (132 мм/мес.) и июлю (131 мм/мес.).

Водоприток в оз. Иткуль несколько выше, чем предполагалось ранее, причём настолько, что обеспечивается сток из озера. Часть этого стока приурочена к руч. Тушинскому, в маловодные периоды пересы-

хающему, а в многоводные – впадающему в оз. Орлово, а затем в р. Туим [2]. Учитывая, что поверхностный сток обычно начинается после накопления определённого влагозапаса в почвогрунтах, то можно предположить, что русловый сток из оз. Иткуль осуществляется на фоне подземного стока.

Озеро Ши́ра расположено в 3–5 км от оз. Иткуль, а уровни в первом водоёме примерно на 100 м ниже, чем во втором. Можно предположить, что сток из оз. Иткуль в сторону оз. Ши́ра (наряду с подрусловым стоком руч. Тушинского и подземным стоком в сторону оз. Берёзовое) является наиболее естественным механизмом выравнивания дисбаланса влаги. Возможности стока в сторону оз. Ши́ра вполне подтверждаются результатами геологических работ ФГУП «Красноярскгеолсъемка» (доизучение, масштаб съёмки 1: 200 000), выполненных в Кузнецком Алатау на Сорской площади в 1993–2001 гг.

Невязка водного баланса оз. Ши́ра, вычисленная по уравнению (1) для известных значений Y_i , X_i , E_i , ΔU_i , $A_{1,i}$, $A_{2,i}$, I_i , может рассматриваться как сумма водопритока из смежных водосборов Z_i и водообмена с берегами и ложем. Если допустить, что водообмен с ложем и берегами коррелирует с изменением влагозапасов в водосборе ΔU_i (рис. 2) и в целом за год также стремится к нулю, то значение невязки годового баланса может быть интерпретировано как объём перетока воды из оз. Иткуль в оз. Ши́ра (табл. 3, 4).

Рис. 2. Внутригодовое распределение испарения ($E(W)$, с поверхности водосбора) и изменения влагозапасов (dU) водосбора р. Сон у п. Спиринская Заимка в среднем за многолетний период

По полученным данным, эта величина составляет 6 791 тыс. м³/год, или примерно 0,22 м³/с, что сопоставимо со среднемноголетними расходами воды рек Туим у п. Туим и Тесь у п. Боград (по 0,23 м³/с) и несколько меньше нормы стока р. Сон у п. Спиринская Заимка (0,31 м³/с). Погрешность измерения расходов воды методом «скорость – площадь» обычно не менее 5%, а расчётное определение элементов водного баланса – около 20% [20], или 1 358 тыс. м³/год. Соответственно, годовой сток воды из оз. Иткуль в оз. Ши́ра в среднем за многолетний период ориентировочно оценивается в диапазоне от 5 433 до 8 149 тыс. м³/год (от 0,17 до 0,26 м³/с соответственно).

Таблица 3

Водный баланс оз. Ши́ра, тыс. м³

Период	Атмосферные осадки на поверхность озера	Испарение с водной поверхности, тыс. м ³	Суммарный водоприток р. Сон	Подземный приток с водосбора (кроме р. Сон)	Сброс стоков	Потери воды на льдообразование	Изменение объёма озёрных вод по уровням воды	Невязка баланса – подземный водоприток из оз. Иткуль*
Январь	200,4	0,0	168,8	109,1	0,0	23 708,3	–352,1	22 878,0
Февраль	100,2	0,0	116,7	75,4	0,0	28 064,8	352,1	28 124,7
Март	0,0	0,0	319,7	92,7	0,0	30 072,3	1 058,5	30 894,9
Апрель	1 272,5	1 790,5	1 660,0	98,5	0,0	11 669,8	2 839,1	14 776,0
Май	1 109,3	3 579,2	1 441,0	111,0	0,0	–121 608,3	1 070,8	–118 350,8
Июнь	1 784,2	4 754,9	1 396,2	116,2	135,0	0,0	1 074,2	3 883,8
Июль	2 771,5	4 695,7	1 862,7	129,3	139,5	0,0	358,8	2 093,3
Август	1 956,6	3 560,3	1 637,5	138,4	139,5	0,0	–3 571,2	–2 180,6
Сентябрь	954,9	1 968,5	1 306,1	142,8	0,0	0,0	2 138,2	2 788,1
Октябрь	631,8	845,0	1 156,9	156,7	0,0	0,0	–1 070,8	–1 256,8
Ноябрь	0,0	0,0	534,9	160,5	0,0	10 219,0	0,0	9 810,2
Декабрь	200,4	0,0	270,8	175,0	0,0	17 874,2	–3 897,6	13 330,5
Год	10 981,8	21 194,0	11 871,3	1 505,6	414,0	0,0	0,0	6 791,2

* Невязка баланса интерпретируется в целом для года как водоприток из оз. Иткуль, по месяцам – как сумма водопритока из оз. Иткуль, водообмен с ложем и берегами и изменение объёма воды при образовании и таянии ледяного покрова.

Таблица 4

Водный баланс оз. Иткуль, тыс. м³

Период	Атмосферные осадки на поверхность озера	Испарение с водной поверхности, тыс. м ³	Суммарный водоприток р. Карыш	Подземный приток с водосбора (кроме р. Карыш)	Забор воды	Потери воды на льдообразование	Отток воды в оз. Ши́ра*	Изменение объёма озёрных вод**
Январь	129,8	0,0	441,7	369,0	0,0	15 556,5	22 878,0	–37 494,0
Февраль	64,9	0,0	370,3	309,4	0,0	18 346,8	28 124,7	–45 727,0
Март	0,0	0,0	477,0	345,8	0,0	19 635,6	30 894,9	–49 707,7
Апрель	824,1	1 159,6	1 215,1	337,9	0,0	7 717,6	14 776,0	–21 276,1
Май	718,4	2 318,0	1 056,5	352,4	0,0	–80 173,9	–118 350,8	198 334,1
Июнь	1 155,5	3 079,4	876,8	344,2	135,0	0,0	3 883,8	–4 721,7
Июль	1 794,9	3 041,1	1 181,6	359,0	139,5	0,0	2 093,3	–1 938,3
Август	1 267,1	2 305,7	1 076,3	362,3	139,5	0,0	–2 180,6	2 441,1
Сентябрь	618,5	1 274,9	963,5	353,8	0,0	0,0	2 788,1	–2 127,2
Октябрь	409,2	547,2	906,2	368,9	0,0	0,0	–1 256,8	2 393,9
Ноябрь	0,0	0,0	566,1	360,2	0,0	7 074,7	9 810,2	–15 958,5
Декабрь	129,8	0,0	449,4	375,5	0,0	11 842,8	13 330,5	–24 218,6
Год	7 112,2	13 725,9	9 580,4	4 238,5	414,0	0,0	6 791,2	0,0

* Отток воды из оз. Иткуль принят равным невязке водного баланса оз. Ши́ра, а изменение объёма озёрных вод вычислена по уравнению (1).

** Изменение объёма воды в оз. Иткуль предположительно содержит систематическую ошибку вследствие неучёта стока в р. Туим и оз. Берёзовое.

Если принять, что ширина потока из оз. Иткуль в оз. Ши́ра составляет примерно 6 км, средняя мощность водоносных отложений – 75 м, уклон – 0,00295 (м/м), то средняя скорость движения подземных вод будет 0,041 м/сут, а коэффициент фильтрации – 1,391 м/сут.

В течение года водный баланс исследуемых озёр характеризуется, во-первых, преобладанием испаре-

ния с водной поверхности над приходными компонентами в июне–июле, что свидетельствует о существенной роли испарительного механизма формирования химического состава озёрных вод в этот период (табл. 3, 4).

Во-вторых, оз. Иткуль, строго говоря, нельзя признать бессточным водоёмом вследствие оттока воды

по русловой сети в р. Туим и в виде фильтрационного потока – в р. Туим и рядом расположенные водоёмы. Следовательно, испарение оказывает значительно меньшее влияние на формирование химического состава вод оз. Иткуль в сравнении с оз. Ши́ра, что и является ключевой причиной различия минерализации двух водоёмов (до 1 г/кг в оз. Иткуль и 12–30 г/кг – в оз. Ши́ра).

В-третьих, в зимние месяцы происходит изъятие значительных объёмов воды на льдообразование, а в мае (фактически в апреле и мае), напротив, – их относительно резкое поступление в озеро. В оз. Ши́ра это, предположительно, приводит к поддержанию устойчивой стратификации водных масс за счёт того, что верхние слои менее плотные по сравнению с нижними. Для пресного оз. Иткуль эта разница не столь существенна и компенсируется ветровым перемешиваем и внутриозёрными течениями.

Заключение

В результате выполненного исследования показано, что в аридной зоне примерно в одинаковых

физико-географических условиях могут наблюдаться существенные различия в формировании водного баланса крупных озёр, которые определяют кардинальное различие в минерализации и химическом составе их вод. В рассмотренном случае озёра Ши́ра и Иткуль представляют собой гидравлически связанную систему (каскад) водоёмов, последний из которых выполняет роль сточного водохранилища.

Подземный сток из пресного оз. Иткуль в оз. Ши́ра с солёностью 12–30 г/кг ориентировочно составляет 5 433–8 149 тыс. м³/год (в среднем 6 791 тыс. м³/год). С учётом этого только оз. Ши́ра может рассматриваться как бессточный водоём с испарительным механизмом формирования минерализации и химического состава его вод. Озеро Иткуль характеризуется более интенсивным водообменом, в условиях которого: 1) испарение с водной поверхности в июне–июле не приводит к такому, как в оз. Ши́ра, концентрированию солей; 2) наблюдается меньшее время взаимодействия озёрных вод с донными отложениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Природный комплекс и биоразнообразие участка «Озеро Ши́ра» заповедника «Хака́сский»* / под ред. В.В. Непомнящего. Абакан : Хакас. книжн. изд-во, 2011. 420 с.
2. Гусева Н.В., Копылова Ю.Г., Хвощевская А.А., Сметанина И.В. Химический состав соленых озер Северо-Минусинской котловины, Хака́сия // *Известия Томского политехнического университета*. 2012. Т. 321, № 1. С. 163–168.
3. *Природный комплекс и биоразнообразие участка «Озеро Иткуль» заповедника «Хака́сский»* / под ред. В.В. Непомнящего. Абакан : Хакас. книж. изд-во, 2010. 418 с.
4. *Природные воды Ширинского района республики Хака́сия* / под ред. В.П. Парначёва. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2003. 183 с.
5. Banks D., Parnachev V.P., Frengstad B., Holden W., Karnachuk O.V., Vedernikov A.A. The evolution of alkaline, saline ground – and surface waters in the southern Siberian steppes // *Applied Geochemistry*. 2004. V. 19, № 12. P. 1905–1926.
6. Loucks D.P., Van Beek E. Water resources systems planning and management. An Introduction to Methods, Models and Applications. Turin : UNESCO Publishing, printed by Ages Arti Grafiche, 2005. 679 p.
7. Лебедев В.В. Гидрология и гидрометрия в задачах. Л. : Гидрометеиздат, 1955. 551 с.
8. Гельфан А.Н. Динамико-стохастическое моделирование формирования талого стока. М. : Наука, 2007. 279 с.
9. Бефани Н.Ф., Калинин Г.П. Упражнения и методические разработки по гидрологическим прогнозам. Л. : Гидрометеиздат, 1983. 390 с.
10. Методические рекомендации по оценке влияния хозяйственной деятельности на сток средних и больших рек и восстановлению их характеристик / под ред. Е.Э. Булаховской. Л. : Госкомгидромет, 1986. 78 с.
11. Методические рекомендации по учету влияния хозяйственной деятельности на сток малых рек при гидрологических расчетах для водохозяйственного проектирования / под ред. Е.Э. Булаховской. Л. : Госкомгидромет, 1986. 168 с.
12. Будыко М.И. Тепловой баланс земной поверхности. Л. : Гидрометеиздат, 1956. 255 с.
13. Лучишева А.А. Практическая гидрология. Л. : Гидрометеиздат, 1976. 440 с.
14. *Ресурсы поверхностных вод СССР*. Т. 15 : Алтай и Западная Сибирь. Вып. 2 : Средняя Обь. Л. : Гидрометеиздат, 1972. 408 с.
15. Методика расчёта водохозяйственного баланса водных объектов. Утв. Приказом МПР России от 30.11.2007 г. № 317. М. : МПР России, 2007. 41 с.
16. Богословский Б.Б. Озероведение. М. : Изд-во МГУ, 1960. 335 с.
17. Савичев О.Г. Математическое моделирование формирования водного стока рек Западной Сибири // *Инженерные изыскания*. 2012. № 8. С. 40–48.
18. СНиП 23-01-99*. Строительная климатология. М. : Госстрой России, ГУП ЦПП, 2003. 162 с.
19. *Ресурсы поверхностных вод СССР*. Т. 16 : Ангаро-Енисейский район. Вып. 1 : Енисей. Л. : Гидрометеиздат, 1973. 723 с.
20. *Мелиорация и водное хозяйство*. Т. 5 : Водное хозяйство / под ред. И.И. Бородавченко. М. : Агропромиздат, 1988. 399 с.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 07 ноября 2014 г.

WATER BALANCE OF THE SHIRA – ITKUL LAKE SYSTEM (KHAKASSIA)

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 214–219. DOI 10.17223/15617793/391/34

Savichev Oleg G. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: OSavichev@mail.ru

Guseva Natalia V. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: guseva24@yandex.ru

Abdullaev Bahrom D. Institute of Hydrogeology and Engineering Geology of O.K. Lange (Tashkent, Uzbekistan). E-mail: BahromAbdullaev@freemail.uz

Keywords: Shira Lake; Itkul Lake; Khakassia; water balance.

Shira and Itkul lakes (the lake water surface areas are 35.90 and 23.25 km² respectively) are located in the steppe zone in Khakassia (Russian Federation). The distance between lakes is 3 to 4 km. The conditions of water resource formation for both reservoirs are similar. However, the salinity of Shira Lake is 12–30 g/kg, the salinity of Itkul Lake is less than 1 g/kg. The mathematical model of lake water balance formation on the average for the long-term period was developed for an explanation of these differences. The evaporation from the catchment surfaces at the snow cover presence was calculated using the P.P. Kuzin method. The M.I. Budyko

method was used in case of snow cover absence. The evaporation from water surfaces was estimated using the turbulent diffusion method (depending on the wind velocity and humidity deficit). The catchment moistening was calculated as the sum of liquid atmospheric precipitation and snow melt. The annual water redistribution is considered due to the formation and melting of the seasonal ice cover. The Son River flow into Shira Lake was determined using long-term observation data delivered by the Russian Federal Hydrometeorology and Environmental Monitoring Service (Roshydromet). The Karysh River flow into Itkul Lake was estimated according to the annual mean discharge, which is 1.6 L/(s·km²). The annual mean discharge was calculated as the mean value of the Son River flow (at the point near village Spirinskaya Zaimka) and the Tuim River flow (at the point near village Tuim). The groundwater inflow to the lakes corresponds to the groundwater discharge into rivers (the Son River for Lake Shira and the Karysh River for Lake Itkul). The groundwater discharge corresponds to the river flows from December to February. From March till November it is defined by linear interpolation between the values for February and December. Wastewater dump in Shira Lake corresponds to the water drawoff from Itkul Lake. The annual change of the volume of waters of Shira Lake is calculated according to the Roshydromet data about average monthly lake water levels. The difference between water inflow and outflow in Shira Lake is determined. This difference as a whole for one year can be considered as groundwater inflow. Its average volume is 6791,000 m³/year (the calculation error is 5433,000–8149,000 m³/year). The groundwater inflow is possible from Itkul Lake, the water level in which is 100 m higher than that in Shira Lake. Thus the average groundwater velocity is 0.041 m/day, and the value of hydraulic conductivity is 1.391 m/day. Thus, these lakes are connected (hydraulic connection). Itkul Lake can be considered as the drainage lake. Only Shira Lake can be considered as a reservoir without a water flow. The mechanism of its water salinity formation is determined, first of all, by evaporation of water. Itkul Lake is characterized by more active water exchange in comparison with Shira Lake. Therefore, evaporation from its water surface in June–July does not result in the high salinity like in Shira Lake. Besides, little time of water-sediment interaction is observed.

REFERENCES

1. Nepomnyashchiy V.V. (ed.) *Prirodnyy kompleks i bioraznoobrazie uchastka "Ozero Shira" zapovednika "Khakasskiy"* [Nature complex and biodiversity of the Lake Shira area of Khakassky Reserve]. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izd-vo Publ., 2011. 420 p.
2. Guseva N.V., Kopylova Yu.G., Khvashchevskaya A.A., Smetanina I.V. Chemical composition of salt lakes in Severo-Minusinsk depression, Khakasiya. *Izvestiya Tomskogo politehnicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk Polytechnic University*, 2012, vol. 321, no. 1, pp. 163–168. (In Russian).
3. Nepomnyashchiy V.V. (ed.) *Prirodnyy kompleks i bioraznoobrazie uchastka "Ozero Itkul" zapovednika "Khakasskiy"* [Nature complex and biodiversity of the Lake Itkul' area of Khakassky Reserve]. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izd-vo Publ., 2010. 418 p.
4. Parnachev V.P. (ed.) *Prirodnye vody Shirinskogo rayona respubliki Khakasiya* [Natural water of Shira District of the Republic of Khakassia]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2003. 183 p.
5. Banks D., Parnachev V.P., Frengstad B., Holden W., Karnachuk O.V., Vedernikov A.A. The evolution of alkaline, saline ground – and surface waters in the southern Siberian steppes. *Applied Geochemistry*, 2004, vol 19, no. 12, pp. 1905–1926. DOI: 10.1016/j.apgeochem.2004.05.009
6. Loucks D.P., Van Beek E. *Water resources systems planning and management. An Introduction to Methods, Models and Applications*. Turin: UNESCO Publishing, printed by Ages Arti Grafiche, 2005. 679 p.
7. Lebedev V.V. *Gidrologiya i gidrometriya v zadachakh* [Hydrology and hydrometrics in problems]. Leningrad: Gidrometeoizdat Publ., 1955. 551 p.
8. Gel'fan A.N. *Dinamiko-stokhasticheskoe modelirovanie formirovaniya talogo stoka* [Dynamic-stochastic modeling of snowmelt runoff formation]. Moscow: Nauka Publ., 2007. 279 p.
9. Befani N.F., Kalinin G.P. *Uprazhneniya i metodicheskie razrabotki po gidrologicheskim prognozam* [Exercises and methodological developments in hydrological forecasts.]. Leningrad: Gidrometeoizdat Publ., 1983. 390 p.
10. Bulakhovskaya E.E. (ed.) *Metodicheskie rekomendatsii po otsenke vliyaniya khozyaystvennoy deyatel'nosti na stok srednikh i bol'shikh rek i vosstanovleniyu ikh kharakteristik* [Guidelines for assessing the impact of economic activity on the stock of medium and large rivers and the restoration of their characteristics]. Leningrad: Goskomgidromet Publ., 1986. 78 p.
11. Bulakhovskaya E.E. (ed.) *Metodicheskie rekomendatsii po uchetu vliyaniya khozyaystvennoy deyatel'nosti na stok malyykh rek pri gidrologicheskikh raschetakh dlya vodokhozyaystvennogo proektirovaniya* [Guidelines for the calculation of the influence of economic activity on the runoff of small rivers with hydrological calculations for water use design]. Leningrad: Goskomgidromet Publ., 1986. 168 p.
12. Budyko M.I. *Teplovy balans zemnoy poverkhnosti* [Heat balance of the earth's surface]. Leningrad: Gidrometeoizdat Publ., 1956. 255 p.
13. Luchsheva A.A. *Prakticheskaya gidrologiya* [Applied Hydrology]. Leningrad: Gidrometeoizdat Publ., 1976. 440 p.
14. *Resursy poverkhnostnykh vod SSSR* [Surface water resources in the USSR]. Leningrad: Gidrometeoizdat Publ., 1972. Vol. 15, issue 2, 408 p.
15. *Metodika rascheta vodokhozyaystvennogo balansa vodnykh ob'ektov. Utv. Prikazom MPR Rossii ot 30.11.2007 g. no. 317* [The methodology of calculation of the water balance of water bodies. Approved by the Order of the Ministry of Natural Resources of Russia on 30.11.2007 no. 317]. Moscow: Russian Ministry of Natural Resources Publ., 2007. 41 p.
16. Bogoslovskiy B.B. *Ozerovedenie* [Limnology]. Moscow: Moscow State University Publ., 1960. 335 p.
17. Savichev O.G. Mathematic modeling of the water runoff of the taiga zone rivers. *Inzhenernye izyskaniya – Engineering Surveys*, 2012, no. 8, pp. 40–48. (In Russian).
18. SNiP (Construction Rules and Regulations) 23-01-99*. *Stroitel'naya klimatologiya* [Building Climatology]. Moscow: Gosstroy Rossii, GUP TsPP Publ., 2003. 162 p.
19. *Resursy poverkhnostnykh vod SSSR* [Surface water resources in the USSR]. Leningrad: Gidrometeoizdat Publ., 1973. Vol. 16, issue 1, 723 p.
20. Borodavchenko I.I. (ed.) *Melioratsiya i vodnoe khozyaystvo* [Irrigation and Water Management]. Moscow: Agropromizdat Publ., 1988. Vol. 5, 399 p.

Received: 07 November 2014

КРУПНОМАСШТАБНЫЕ РЕЖИМЫ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА И СОГЛАСОВАННОСТЬ ИЗМЕНЕНИЙ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ СТРУКТУРЫ ПОЛЯ АТМОСФЕРНЫХ ОСАДКОВ В АЛТАЙСКОМ РЕГИОНЕ

Анализируется влияние изменений современного глобального климата на структуру поля осадков в Алтайском регионе. Тренд в динамике годовых сумм незначим. Незначительный рост происходил за счет осадков теплого полугодия. Выявлено уменьшение осадков холодного полугодия на большинстве станций. Обнаружено увеличение изменчивости в период похолодания последних полутора десятилетий в регионе на фоне замедления глобального потепления. Выявлен отклик режима осадков в регионе на механизм Эль-Ниньо.

Ключевые слова: Алтайский регион; атмосферные осадки; климатические структуры; Эль-Ниньо.

Для понимания отклика региональных экосистем на крупномасштабные климатические изменения очень важно оценить трансформацию полей основных параметров климата в эти периоды. В данной статье приведены результаты анализа изменений пространственно-временной структуры поля атмосферных осадков в Алтайском регионе (территория Алтайского края и Республики Алтай) за период 1961–2013 гг. Полагаем, необходимо регулярное системное обновление информации о состоянии всех характеристик эколого-климатического потенциала регионов, тем более на фоне меняющегося климата.

Сезонная структура, пространственная и межгодовая изменчивость сумм осадков – один из важнейших факторов, характеризующих состояние экосистем разного уровня и особенности природопользования соответствующих регионов. Взаимозависимости различных факторов – одна из основных закономерностей природных систем. Так, например, изменения количества осадков в Алтайском регионе существенно влияют на объем материкового стока в Карское море (бассейн Северного Ледовитого океана). Вариации притока пресных вод влияют на соленость океана, температуру воды, структуру течений, что, в комплексе, сказывается на изменениях площади оледенения Арктики. В свою очередь, состояние ледяного покрова Арктики влияет на структуру крупномасштабной атмосферной циркуляции, которая во многом определяет интенсивность и частоту атмосферных осадков территории. Кроме того, в силу актуальности проблемы сокращения оледенений Алтая, которое связывают с потеплением климата в последние десятилетия [1–3], учет изменения осадков несет в себе самостоятельную информацию: при смене преобладающих циркуляционных условий происходят изменения в сезонной структуре осадков, что, например, может выражаться в уменьшении зимних осадков. А данный факт даже при стабильно приземной температуре может способствовать уменьшению оледенения. Кроме того, на территориях с неравномерным распределением осадков по сезонам, к которым относится и рассматриваемый регион, в условиях недостаточного и неустойчивого увлажнения крайне важна оценка изменений в структуре режима атмосферных осадков, являющихся основным источником влажности почвы, пригодной для использования в сельском хозяйстве.

Характеристики современного режима осадков для некоторых станций Алтайского края и Республики Ал-

тай приведены в работах [4–8]. Исследователи отмечают неравномерный уровень увлажнения территории, неравномерное распределение осадков в течение года, высокую межгодовую изменчивость, что сказывается на развитии природных объектов и деятельности человека, особенно сельскохозяйственной. В предлагаемом исследовании охвачены данные количества атмосферных осадков с 42 станций Алтайского региона за период 1961–2013 гг. Оценка пространственно-временной структуры режима осадков исследуемой территории осложнена расположением метеостанций горной части региона главным образом в широких долинах и котловинах и почти отсутствием их на склонах и высокогорьях. Поэтому анализ режима осадков в этой части региона отражает чаще всего фоновые тенденции.

Современное распределение средних сумм осадков по территории сохраняет основные закономерности предыдущих периодов. Алтайский регион за счет особенностей орографии является мощным конденсатором влаги. Происходят вынужденный подъем приходящих на территорию воздушных масс, усиление процессов конденсации и выпадения осадков, углубление транзитных циклонов и образование локальных, обострение фронтов окклюзированных циклонов, формирование местных климатов. В этой связи повышенным годовым количеством осадков выделяется полоса предгорий и низкогорий Алтая и Салаира, с возрастанием годовых сумм с запада на восток, где они достигают 1 500 мм (см. рис. 1).

В среднем за период 1961–2013 гг. максимум осадков отмечен на ст. Яйло (885,6 мм). На юго-востоке, особенно в межгорных котловинах, изолированных от западного переноса высокими хребтами, выпадает минимум осадков, например в Чуйской степи на ст. Кош-Агач 123,4 мм. Пониженным количеством осадков характеризуются также северо-западная и западная части Алтайского края. Центральный Горный Алтай (Аккем, Кара-Тюрек), открытый влиянию атмосферных процессов над сибирскими равнинами и среднеазиатской территории, отличается контрастностью климата и характеризуется средними суммами осадков, около 500 мм. Для равнинной северо-западной части характерны годовые суммы осадков менее 400 мм. Ленточные боры способствуют увеличению сумм выпадающих осадков за счет усиления шероховатости подстилающей поверхности, способствующей возрастанию турбулентности воздушных потоков [8].

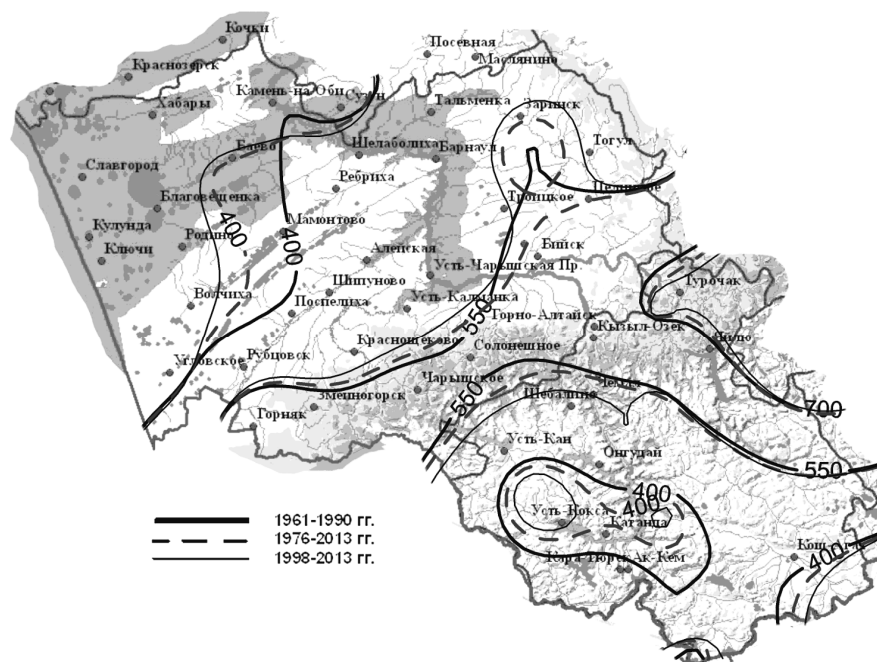

Рис. 1. Пространственное распределение средних годовых сумм осадков в Алтайском регионе в разные периоды

В данной работе рассматривались три периода, соответствующие современным климатическим колебаниям в глобальном температурном режиме. Период 1961–1990 гг. рекомендован Всемирной метеорологической организацией как период для расчета климатических норм [1]. Период 1976–2013 гг. соответствует периоду наибольшей выраженности современного глобального потепления, широко обсуждаемого на всех информационных площадках. После 1998 г. рядом исследователей фиксируется замедление потепления, а в некоторых регионах, как и в Алтайском, похолодание [9]. Проведенный анализ показал, что от периода к периоду произошло расширение полосы повышенных осадков региона (рис. 1).

Значительная пространственная неоднородность изменений в режиме осадков региона обусловлена, прежде всего, рельефом местности, который, как известно, является одним из основных климатообразующих факторов. Ранее [9] нами выявлено, что основной вклад в общую изменчивость сумм осадков на станциях равнинной части региона вносят ни тренд, ни годовой ход, а самые изменчивые составляющие временных рядов – отклонения, которые включают в себя периодичности различного масштаба и остатки (недетерминированная составляющая). Распределение по территории доли вклада отклонений в общую изменчивость временных рядов годовых сумм осадков показало высокую согласованность их внутренней структуры в разных частях региона (рис. 2).

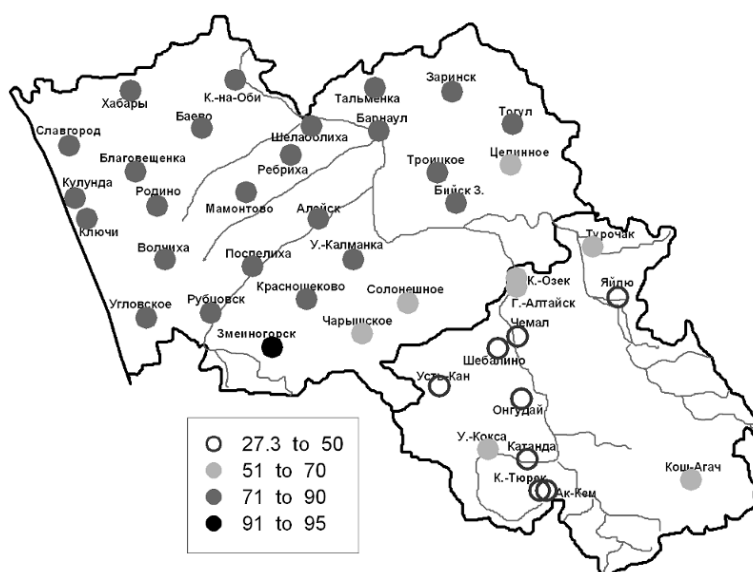

Рис. 2. Пространственное распределение доли вклада отклонений в общую изменчивость рядов средних годовых сумм осадков в Алтайском регионе в среднем за 1961–2013 гг.

Территория исследования разделилась на две части: с существенным вкладом глобальных процессов в изменения режима осадков и с определяющей ролью периодических составляющих и местных условий. Так, на станциях, относящихся к первому и третьему классам [9], от 70 до 95% изменчивости рядов осадков определяются отклонениями (периодичности плюс остатки). Напротив, в горной части региона, на станциях четвертого класса, где следовало ожидать максимального определяющего влияния местных условий на режим осадков, вклад отклонений почти везде до 50% (см. рис. 2), т.е. в более сложном рельефе изменчивость сумм осадков практически в равной степени определяется и отклонениями, и сезонным ходом. Проверка структуры рядов осадков в разные периоды показала, что доля вклада составляющих отклонений в общую изменчивость варьирует почти на всех станциях не более чем на 4%. Выделяются только станции Тогул, Троицкое, Усть-Чарышская, Рубцовск, на которых изменения вклада отклонений в общую изменчивость рядов в разные периоды осреднения составили около 12%.

Вклад долговременного тренда на всех станциях, кроме Кулунды, составляет всего сотые или десятые

доли процента суммарной изменчивости [9]. Это обстоятельство объясняет отсутствие явно выраженной долговременной тенденции в изменении среднего месячного количества осадков за период 1961–2013 гг.: в среднем по территории 0,51 мм/мес./10 лет при изменении от 1,51 мм/мес./10 лет на станции Усть-Чарышская до 2,46 мм/мес./10 лет на станции Кулунда. Оценка по критерию Стьюдента подтвердила, что эти тренды нельзя считать достоверными. В целом же по России, по данным [10], величина тренда годовых сумм атмосферных осадков за период 1976–2013 гг. составила 0,9 мм/мес./10 лет, для Западной Сибири – 2,0 мм/мес./10 лет. Таким образом, региональный отклик полей осадков на глобальное потепление на данном этапе развития процесса не существует. Происходят, скорее, колебания в режиме осадков как в годовом, так и в сезонном масштабах.

Из исходных временных рядов годового и сезонного разрешения для рассмотренных периодов были получены ряды аномалий, показывающих на сколько процентов средние суммы осадков соответствующего периода отличаются от нормы. Для большинства станций изменчивость осадков по абсолютному значению не превысила 10% (рис. 3).

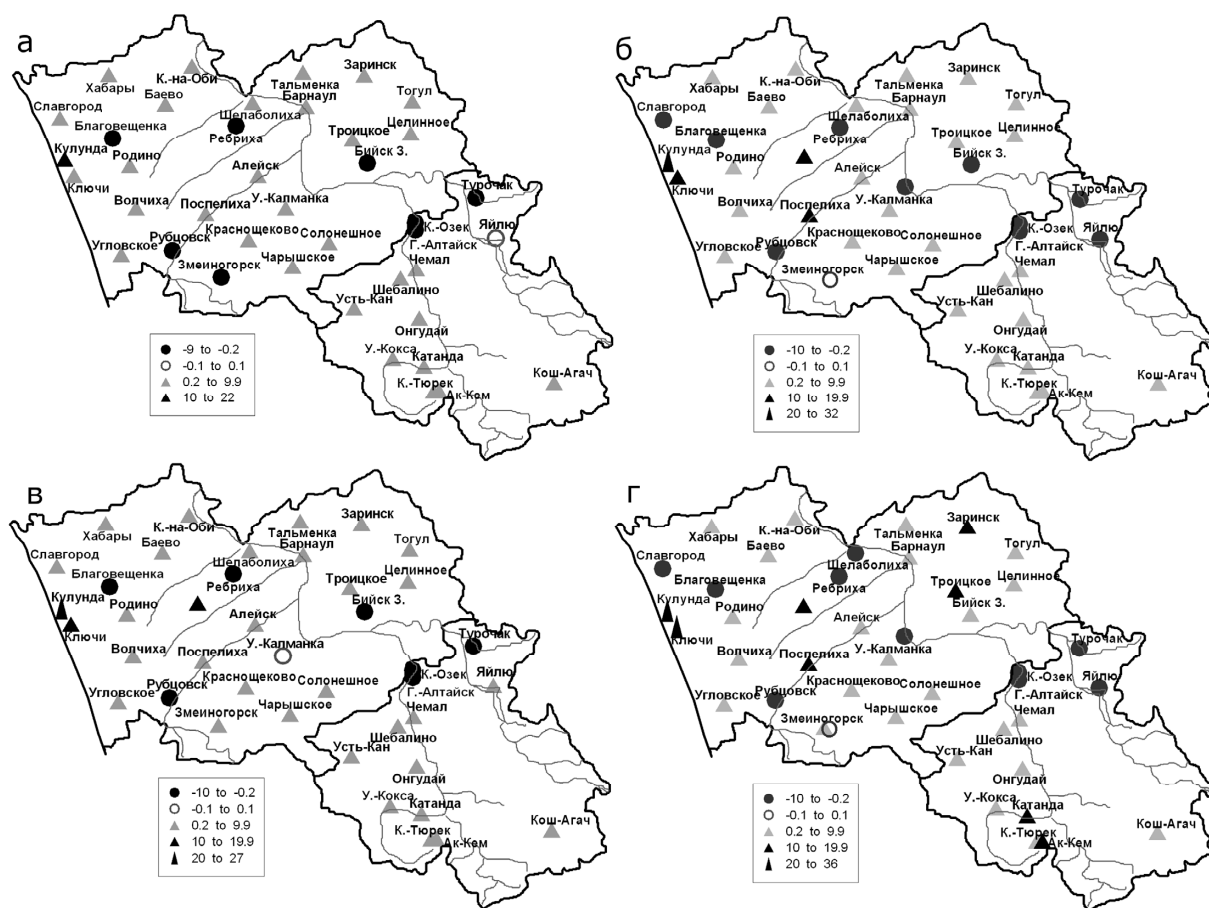

Рис. 3. Пространственное распределение в Алтайском регионе аномалий годовых сумм осадков (%), для периодов: а – 1976–2013 гг.; б – 1991–2013 гг.; в – 1981–2010 гг.; з – 1998–2013 гг.

Согласованность изменений в режиме осадков прослеживается в среднегорье и высокогорье, здесь в рассмотренные периоды по сравнению с нормой осадков выпало больше, опять же, не более чем на

10%. В равнинной части региона выявлены разнонаправленные отклонения от нормы (рис. 3). Максимальный рост годовых сумм осадков в рассмотренные периоды зафиксирован в степных районах Алтайского

региона, на станциях Кулунда и Ключи. Тем не менее на станциях Славгород, Благовещенка, расположенных там же, начиная с 1990-х гг. наблюдалось уменьшение сумм осадков (см. рис. 3, б, з). Этот факт подтверждает неравномерность пространственного выпадения осадков и сильную их зависимость от местных условий.

В 1976–2013 гг., в период современного глобального потепления [1], по сравнению с периодом 1961–1990 гг. на большинстве станций (тридцать из сорока двух) произошло незначительное увеличение годовых сумм осадков. Лишь на восьми станциях отмечено уменьшение осадков, которое также не превышает 10%. Для периода 1991–2013 гг., не пересекающегося с базовым, в целом пространственное распределение тенденций сходное (рис. 3, б). Большой рост годовых сумм выявлен только для средней части алтайских равнин: на станциях Мамонтово, Поспелиха, Ключи –

более 10%, на станции Кулунда – более 30%. В этот период осреднения увеличилось до десяти число станций с уменьшением годовых сумм осадков по сравнению с периодом 1961–1990 гг. Изменения среднего режима осадков в 1981–2010 гг. по сравнению с 1961–1990 гг. имели тот же характер, что и в 1991–2013 гг. В период похолодания последних полутора десятилетий в Алтайском регионе на фоне уменьшения скоростей глобального потепления отклонения от нормы на шести станциях составили более 10%, а на станциях Кулунда и Ключи – более 20%, т.е. изменчивость в режиме осадков увеличилась.

Для оценки внутригодовой структуры отдельно рассматривались осадки теплого (ТП; апрель–октябрь) и холодного (ХП; ноябрь–март) полугодий. На рис. 4 представлено распределение аномалий по полугодиям для периода 1976–2013 гг.

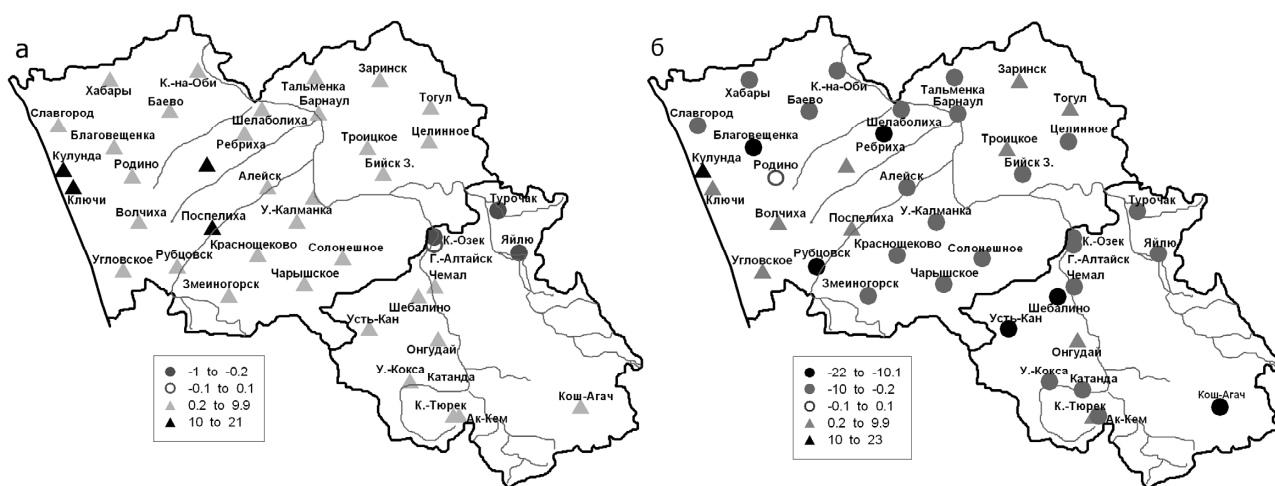

Рис. 4. Пространственное распределение аномалий сезонных сумм осадков в Алтайском регионе (%), осредненных за период 1976–2013 гг.: а – ТП; б – ХП

В ТП практически на всей территории на фоне глобального потепления происходил незначительный рост количества осадков (рис. 4, а). Хотя начало периода аккумуляции льда в ледниках Алтая, как правило, относят к концу августа – началу сентября, осадки ХП примерно можно соотносить с количеством твердых осадков, выпадающих в регионе и оказывающих значительное влияние на баланс и размеры ледников. Рост осадков ХП отмечен лишь на некоторых станциях. К сожалению, станция Актру не функционирует, поэтому оценить современные изменения в режиме осадков в районе горно-ледникового бассейна Актру – опорного объекта Сибири, включенного в Мировую сеть мониторинга ледников, не представляется возможным. На большинстве станций наблюдалось уменьшение осадков, причем до 22% от нормы (см. рис. 4, б). На высокогорных станциях Кош-Агач и Ак-Кем уменьшение сумм твердых осадков составило –12 и –5,6% соответственно. Таким образом, в данный период, соответствующий так называемому глобальному потеплению, в Алтайском регионе твердых осадков выпадало меньше, а рост годовых сумм осадков происходил за счет осадков ТП. Стоит отметить, что на станциях Кош-Агач и Ка-

ра-Тюрек отмечено уменьшение осадков ХП в рассмотренные периоды за исключением последнего, когда на станции Кош-Агач незначительное увеличение сумм осадков наблюдалось в оба полугодия. В целом на всех станциях существенных изменений внутригодовой структуры режима осадков не произошло. Доля осадков ТП в разные периоды остается в интервале 50–86%, а доля осадков ХП – 14–34%. В среднем по региону доля осадков ТП незначительно увеличилась от 65,5% в период 1961–1990 гг. до 67,5% в период 1976–2013 гг., уменьшив на 2% долю осадков ХП.

Об изменчивости структуры поля любой характеристики климата судят также по изменению уровней экстремумов. Как правило, влажными считают годы, когда выпадает более 120% осадков от нормы, а сухими – 80% от нормы. Анализ динамики отклонений от нормы годовых сумм для всех станций позволил выявить наиболее сухие, в порядке убывания охваченной территории, годы: 1997, 1962, 1974, 2009, 1965, 2011, 1967. По тому же принципу ранжир влажных лет: 2009, 2002, 1972, 1984, 1987, 1993, 2000, 2013. Сразу обратил на себя внимание 1997 г. – год сильнейшего Эль-Ниньо, которому на многих станци-

ях соответствует минимальное количество годовых осадков за рассмотренный период (1961–2013 гг.). Эль-Ниньо 1997 г. считают «феноменом века» [11]. В настоящее время ожидается новое такое событие, но однозначно спрогнозировать его интенсивность ученым пока не удалось. С колебанием Эль-Ниньо – Ла-Нинья ряд ученых связывают около 38% годовой дисперсии глобальных и полушарных осадков над сушей [12]. На совпадение с такими событиями были проверены остальные экстремальные годы. В результате получено, что отклик режима осадков в Алтайском регионе на это глобальное событие выражен, но неравнозначен. В 1997 г. почти на половине станций региона наблюдалось годовое количество осадков, минимальное за рассмотренный период, на остальных – локальный минимум. Причем минимумы, на многих станциях абсолютные, характерны и для осадков ТП и ХП 1997 г. Из перечня самых сухих лет на периоды средних Эль-Ниньо [13] приходятся 1965 и 2009 гг.

На данном этапе можно заключить, что резкое уменьшение количества осадков на большинстве станций Алтайского региона наблюдается в периоды очень сильных Эль-Ниньо. В то же время для другой половины станций самые сухие годы за исследованный период приходятся на годы с устойчивой отрицательной аномалией в Тихом океане – с событием Ла-Нинья: 1962, 1974, 2011. Влажные годы и самые влажные годы в регионе также соответствуют периодам Эль-Ниньо, но слабее выраженным. Механизм отклика режима осадков Алтайского региона на эти события требует углубленных исследований. Эта задача осложняется еще и тем, что само явление Эль-Ниньо – Южное колебание испытывает трансформации и к настоящему времени выявлено два типа сценариев его эволюции: до 1970-х гг. и с 1980-х гг., когда на изменение характера самого Эль-Ниньо наложилось ослабление холодной фазы этого колебания (Ла-Нинья) [11]. Полагаем, что характер проявления этой аномалии во внетропических широтах в каждом случае имеет свои особенности, так как процесс накладывается на разные состояния крупномасштабной атмосферной циркуляции. Кроме того, отклик климатической оболочки на любые воздействия нелинеен. В любом случае крупнейшие события Эль-Ниньо, что соответствует крупнейшим выбросам тепла и влаги в атмосферу, сказываются на режиме осадков внутриконтинентального Алтайского региона.

Действительно, наряду с циклами порядка 11, 14, 20, 30 и 40 лет в рядах годовых сумм осадков на всех станциях были выявлены циклы порядка 2–5, 6–8 лет.

Для выделения скрытых периодичностей был использован подход, описанный в [14]. Период 2–5 лет соответствует характерной периодичности Северо-Атлантического колебания. Влияние этой осцилляции на динамику параметров климата в Алтайском регионе вполне предсказуемо, так как преобладающее направление перемещения воздушных масс на данных широтах западное. На большей части станций 6- и 8-летняя гармоника оказалась ведущей, т.е. вносящей наибольший вклад в изменчивость рядов осадков. В среднем с таким периодом повторяются события Эль-Ниньо. Каждые 6–8 лет на большинстве станций Алтайского региона выпадает малое количество осадков, что способствует усилению засухливости и повышению пожароопасности в эти годы. 1997 г. пришелся на минимум 6-летнего цикла осадков и максимум летней температуры в 18-летнем цикле. В этот год был отмечен максимум числа лесных пожаров в Алтае за вторую половину XX в. – начало XXI в. Известно, что при резонансных сочетаниях гармоник различной продолжительности наблюдаются наиболее выраженные экстремумы температуры и сумм осадков.

Эта закономерность касается и всех рассмотренных станций. Если, например, обратиться к ситуации 1997 г., то такой глубокий минимум осадков был сформирован наложением минимума увлажненности в 6- и 11-летнем циклах. Для всех станций 11-летняя гармоника в рядах осадков полностью совпадает по фазам с 11-летней гармоникой, выделенной в рядах чисел Вольфа. Временной ход соответствующих гармоник для разных станций совпадает, что говорит о едином факторе или комплексе факторов, формирующих такой согласованный отклик в режиме осадков региона. Колебания сумм осадков в этих двух циклах формируют изменения в их динамике амплитудой до 40 мм. Точное совпадение их по фазе имеет квазипериодичность, что возможно просчитывать и использовать в прогнозировании.

Полученные в работе результаты показали, что изменения глобального климата, диагностируемые мировым сообществом по динамике осредненной по полушарию приземной температуры [1], не спровоцировали к настоящему времени существенных трансформаций в пространственно-временном режиме атмосферных осадков Алтайского региона. Наблюдаются его согласованные по территории исследования колебания с характерными периодами, свидетельствующими об отклике режима осадков в Алтайском регионе на внешние воздействия различных масштабов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Изменения климата*, 2013 г.: Физическая научная основа. Вклад Рабочей группы I в Пятый оценочный доклад Межправительственной группы экспертов по изменению климата / Т.Ф. Стокер, Д. Цинь, Дж.К. Платтнер и др. Кембридж, Соединенное Королевство ; Нью-Йорк, США : Кембридж юниверсити пресс, 2013. 222 с.
2. Барашкова Н.К., Волкова М.А., Кузевская И.В., Чередыко Н.Н. Метеорологические условия высокогорной части Республики Алтай: современные характеристики, оценки изменчивости, влияние на режим ледников // *Лёд и Снег*. 2013. № 4 (124). С. 23–29.
3. Нарожный Ю.К. Ресурсная оценка и тенденции изменения ледников в бассейне Актру (Алтай) за последние полтора столетия // *МГИ*. 2001. Вып. 90. С. 117–125.
4. Харламова Н.Ф. Климатические особенности плоскогорья Укок и прилегающих территорий // *Известия АГУ*. 2004. Вып. 33, № 3. С. 71–77.
5. Лузгин Б.Н. Большой Алтай как климатический барьер // *Известия АГУ*. 2007. Вып. 55, № 3. С. 39–46.

6. Казакова Е.С., Севастьянов В.В. Климатические условия Северо-Западного Алтая // Материалы IV Международной научно-практической конференции «Современные проблемы геоэкологии и природопользования горных территорий». Горно-Алтайск, 2009. С. 44–48.
7. Севастьянов В.В. Климатические ресурсы Горного Алтая и их прикладное использование. Томск, 2009. 252 с.
8. Харламова Н.Ф., Козлова Д.С. Статистические характеристики режима атмосферных осадков в Алтайском регионе // Известия АлтГУ. 2014. Вып. 83, № 3–1. С. 145–150.
9. Чередыко Н.Н., Журавлев Г.Г., Кусков А.И. Оценка современных климатических тенденций и синхронности их проявления в Алтайском регионе // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 379. С. 200–208.
10. Доклад об особенностях климата на территории Российской Федерации за 2013 год. М., 2014. 109 с.
11. Семенов Е.К. Грандиозные последствия далекого «Эль-Ниньо» // Россия в окружающем мире. 1999. С. 197–212.
12. Mokhov I.I., Smirnov D.A. El-Nino/Southern Oscillation drives North Atlantic Oscillation as revealed with nonlinear techniques from climatic indices // Geophys. Res. Lett. 2006. V. 33. P. L03708, doi:10.1029/2005GL024557.
13. Андрианова О.Р., Белевич Р.Р., Скипа М.И. Экстремумы в среднегодовых характеристиках Черного моря как следствие дальних проявлений Эль-Ниньо // Экологическая безопасность прибрежной шельфовой зоны. 2005. № 13. С. 364–374.
14. Крутиков В.А., Прейс Ю.И., Кусков А.И., Чередыко Н.Н. Цикличность торфообразовательного процесса на юге лесной зоны Западной Сибири // Известия Томского политехнического университета. 2010. Т. 317, № 1. С. 46–51.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 20 октября 2014 г.

LARGE-SCALE MODES OF CLIMATE CHANGE AND THE CONSISTENCY OF CHANGES IN THE SPATIO-TEMPORAL STRUCTURE OF THE FIELD OF ATMOSPHERIC PRECIPITATION IN THE ALTAI REGION

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 220–226. DOI 10.17223/15617793/391/35

Cheredko Natalia N. Institute of Monitoring of Climatic and Ecological Systems SB RAS (Tomsk, Russian Federation). E-mail: atnik3@rambler.ru

Zhuravlev Georgy G. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ggz50@sibmail.com

Keywords: Altai region; precipitation; climate structures; El Niño.

Today the regional response to the global changes in modern climate is a very urgent problem. In this article the impact of large-scale modes of modern climate change on a particular space-time structure of the fields in annual and seasonal precipitation amounts in the Altai region has been analyzed. A significant trend in the dynamics of annual precipitation on the background of increasing global temperatures in recent decades has not been fixed. The insignificant growth of the annual amounts was due to precipitation in the warm half of the year. The decrease of precipitation in the cold half of the year at most stations was revealed. The maximum increase in annual precipitation in all the considered periods was recorded in the steppe regions of the Altai region, at stations Kulunda and Klyuchi. Considerable spatial heterogeneity of changes in precipitation in the region is primarily due to the terrain relief. Relief, as it is known, is one of the basic climate factors. The study area has two parts. In the first part, global processes (the trend, annual variation) make a significant contribution to the changes in precipitation. In the second part, the periodic components and local conditions have a decisive influence. So, at the stations belonging to the first and third classes, from 70 to 95% of the variability of precipitation series is determined by deviations (frequency, remnants). The second part is the mountainous part of the region. These stations belong to the fourth class. Here, one would expect the maximum influence of local conditions on the precipitation regime. But the deviations almost everywhere here are up to 50%. Thus, in the more difficult terrain, the variability of precipitation is almost equally determined by both deviations and global factors. The consistency in changing the seasonal structures of these climatic characteristics is shown. The increase in the variability of precipitation during the cold period in the recent fifteen years in the Altai region on the background of the decreasing speed of global warming was found. The response was revealed in the precipitation regime in the region to the mechanism El Niño – Southern Oscillation. This response is contradictory. At this stage, we can conclude that the sharp decrease in the amount of precipitation at most stations of the Altai region is observed in the periods of very strong El Niño. At most of the stations six- and eight-year-old harmonics were leading, that is making the greatest contribution to the variability of precipitation series. On average, the events of El Niño repeat with such a period. The obtained results have shown that the global climate change now is not provoked by substantial transformations in the space-time mode of precipitation of the Altai region. Its oscillations are observed with typical periods showing the response of the precipitation regime in the Altai region to the external events of different scales.

REFERENCES

1. Stocker T.F., Qin D., Plattner G.-K., Tignor M., Allen S.K., Boschung J., Nauels A., Xia Y., Bex V., Midgley P.M. (eds.) *Izmeneniya klimata, 2013 g.: Fizicheskaya nauchnaya osnova. Vklad Rabochey gruppy I v Pyatyy otsenochnyy doklad Mezhpriatel'stvennoy gruppy ekspertov po izmeneniyu klimata* [Climate Change 2013: The Physical Science Basis. Contribution of Working Group I to the Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change]. Cambridge, United Kingdom and New York, NY, USA: Cambridge University Press, 2013. 222 p.
2. Barashkova N.K., Volkova M.A., Kuzhevskaya I.V., Chered'ko N.N. Meteorological conditions of high-mountain part of the Altai Republic: present-day characteristics, estimates of variability, and effect on glaciers regime. *Led i Sneg – Ice and Snow*, 2013, no. 4 (124), pp. 23–29. (In Russian).
3. Narozhnyy Yu.K. Resursnaya otsenka i tendentsii izmeneniya lednikov v basseynе Aktru (Altay) za poslednie poltora stoletiya [Resource assessment and trends of glaciers in the Aktru basin (Altai) over the past 50 years]. *MGI*, 2001, issue 90, pp. 117–125.
4. Kharlamova N.F. Climatic characteristic of Ukok Plateau and adjoining territories. *Izvestiya AltGU – The News of Altai State University*, 2004, issue 33, no. 3, pp. 71–77. (In Russian).
5. Luzgin B.N. Bol'shoy Altay kak klimaticheskii bar'er [Big Altai as a climate barrier]. *Izvestiya AltGU – The News of Altai State University*, 2007, issue 55, no. 3, pp. 39–46.
6. Kazakova E.S., Sevast'yanov V.V. [The climatic conditions of the North-Western Altai]. *Materialy IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Sovremennye problemy geoekologii i prirodnopol'zovaniya gornyykh territoriy"* [Proceedings of the IV International Scientific-Practical Conference "Modern Problems of Geoecology and environmental mountain areas"]. Gorno-Altaysk, 2009, pp. 44–48. (In Russian).

7. Sevast'yanov V.V. *Klimaticheskie resursy Gornogo Altaya i ikh prikladnoe ispol'zovanie* [Climatic resources of the Altai Mountains and their applications]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University Publ., 2009. 252 p.
8. Kharlamova N.F., Kozlova D.S. Statistical Characteristics of Atmospheric Precipitation Regime in the Altai Region. *Izvestiya AltGU – The News of Altai State University*, 2014, issue. 83, no. 3–1, pp. 145–150. (In Russian).
9. Chered'ko N.N., Zhuravlev G.G., Kuskov A.I. Estimation of modern climate trends and their synchronicity in the Altai region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2014, no. 379, pp. 200–208. (In Russian).
10. *Doklad ob osobennostyakh klimata na territorii Rossiyskoy federatsii za 2013 god* [Report on the peculiarities of climate in the Russian Federation in 2013]. Moscow, 2014. 109 p.
11. Semenov E.K. *Grandioznye posledstviya dalekogo "El'-Nin'o"* [Grandiose consequences of the distant El Niño]. In: *Rossiya v okruzhayushchem mire* [State of Russia in the surrounding world]. 1999, pp. 197–212.
12. Mokhov I.I., Smirnov D.A. El-Nino-Southern Oscillation drives North Atlantic Oscillation as revealed with nonlinear techniques from climatic indices. *Geophys. Res. Lett.*, 2006, vol. 33, p. L03708. DOI: 10.1029/2005GL024557.
13. Andrianova O.R., Belevich R.R., Skipa M.I. Ekstremumy v srednegodovykh kharakteristikakh Chernogo morya kak sledstvie dal'nikh proyavleniy El'-Nin'o [Extrema in the average characteristics of the Black Sea as a result of long-range displays of El Niño]. *Ekologicheskaya bezopasnost' pribrezhnoy shel'fovoy zony*, 2005, no. 13, pp. 364–374.
14. Krutikov V.A., Preys Yu.I., Kuskov A.I., Chered'ko N.N. Tsiklichnost' torfoobrazovatel'nogo protsessa na yuge lesnoy zony Zapadnoy Sibiri [Cyclicality of peat-forming process in the south of the forest zone of Western Siberia]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2010, vol. 317, no. 1, pp. 46–51.

Received: 20 October 2014

БИОЛОГИЯ И ХИМИЯ

УДК 665.939.358; 612.396.11

Н.Г. Габрук, Ву Тхи Лиен, Буй Тхи Зьонг

СОРБЦИЯ ИОНОВ МЕДИ БУРЫМИ ВОДОРОСЛЯМИ *SARGASSUM SWARTZII*

Данная работа представляет результаты изучения сорбции ионов меди морскими бурыми водорослями *Sargassum swartzii*, предоставленными Институтом биологии (Вьетнам) в рамках научного сотрудничества. На основе экспериментальных результатов определены характеристические условия извлечения ионов Cu^{2+} из водных растворов бурыми водорослями *Sargassum swartzii*. Соотношение сорбент : сорбат составляет 1 : 17, в процессе сорбции ионов меди pH растворов изменяется в диапазоне 2,0–2,8, максимальное извлечение (70%) достигается при pH = 3,5, оптимальная температура сорбции составляет 323 К.

Ключевые слова: кинетика сорбции; меди; бурые водоросли; загрязнение; тяжелые металлы.

Введение

В условиях активной антропогенной деятельности загрязнение природных пресных вод тяжелыми металлами стало особо острой проблемой. Достаточно сказать, что для тяжелых металлов не существует надежных механизмов самоочищения. Сорбционные методы успешно применяются для решения этой проблемы [1. С. 3].

Известно, что водоросли *Sargassum swartzii* обладают высокой катионообменной емкостью за счет содержания в них альгиновых кислот и их солей. Это позволяет использовать их в качестве носителя для биосорбентов [2. С. 54; 3. С. 4311]. Кроме того, они удовлетворяют требованиям, предъявляемым к сорбентам для очистки воды и продуктов питания, а именно не содержат токсичных компонентов, удобны в использовании и имеют невысокую стоимость. В данной работе предпринята попытка оценить поглотельную активность морских бурых водорослей *Sargassum swartzii* (Вьетнам).

Объекты и методы исследования

Объектами исследования являются бурые водоросли *Sargassum swartzii*, предоставленные институтом биологии (Вьетнам) в рамках научного сотрудничества [4. С. 511]. Образец водорослей подготавливали, растирая и просеивая через сито с диаметром отверстий 0,35 мм. В качестве сорбата использовали раствор меди. Выбор обусловлен высокой токсичностью и наличием в сточных водах меди, образующейся в результате использования медьсодержащих ядохимикатов.

Изучение сорбции ионов Cu^{2+} проводили в статических условиях при комнатной температуре. В колбы, содержащие навеску сорбента, помещали модельный раствор CuSO_4 с определенной концентрацией. Содержимое в колбе периодически встряхивали, время экспозиции составило от 30 мин до 5 ч. Исследования сорбционной активности проводили при разных значениях pH, который устанавливали добавлением HCl различной концентрации. Растворы отделяли от твердой фазы фильтрованием через бумажный фильтр

«синяя лента». Концентрацию ионов Cu^{2+} определяли фотоколориметрическим методом на фотоколориметре LEKI SS 1207 [5. С. 330]. В данной работе необходимую температуру поддерживали с использованием термостата.

Эффективность процесса сорбции оценивали степенью извлечения ионов меди из раствора (S , %), которую рассчитывали по формуле

$$S = \frac{C_0 - C_p}{C_0} \times 100,$$

где C_0 – исходная концентрация ионов меди в растворе, ммоль/л; C_p – равновесная концентрация ионов меди в растворе, ммоль/л.

В задачу исследования входило определить оптимальную массу навески сорбента, влияние температуры и pH на эффективность сорбции ионов меди бурыми водорослями.

Результаты и их обсуждение

Для установления оптимальной массы навески готовили серию навесок ($\pm 0,01$) от 0,5 до 5 г бурых водорослей, которые заливали 50 мл стандартного раствора меди. Сорбцию проводили в статических условиях при периодическом встряхивании, время экспозиции составило 20 мин. Затем фильтрованием отделяли раствор Cu^{2+} . Зависимость степени извлечения ионов Cu^{2+} от массы сорбента представлена на рис. 1.

Как видно, при массе сорбента $m = 3,0$ г степень извлечения тяжелого металла была максимальной и составила около 14%.

Для исследования закономерностей сорбции ионов Cu^{2+} фиксировали изменение pH фильтратов при различных начальных концентрациях модельных растворов и степень извлечения при этом ионов меди. Результаты представлены на рис. 2.

При взаимодействии сорбент – сорбат pH фильтратов увеличивается, следовательно, концентрация протонов в растворе в процессе сорбции уменьшается. Это позволяет предположить, что процесс сорбции на водорослях идет по ионному обмену (катионный обмен).

Как видно из рис. 2, степень извлечения ионов Cu^{2+} при начальной концентрации металла

$C_0 = 0,05$ М примерно в 4 раза выше, чем при $C_0 = 0,2$ М, что соответствует отношению между исходными концентрациями, однако на исходных малых концентрациях степень извлечения больше. Этот факт подтверждает, что обменный характер сорбции связан с наличием карбоксильных групп альгиновых кислот, а также карбоксильных групп галактуроновых кислот пектиноподобных соединений, присутствующих

в бурых водорослях в качестве балластных веществ.

В экспериментах по изучению кинетики сорбции ионов Cu^{2+} установлено, что сорбционное равновесие устанавливается достаточно быстро – через 60 мин после взаимодействия сорбент – сорбат, максимальная сорбция составляет 0,6 ммоль/г (рис. 3).

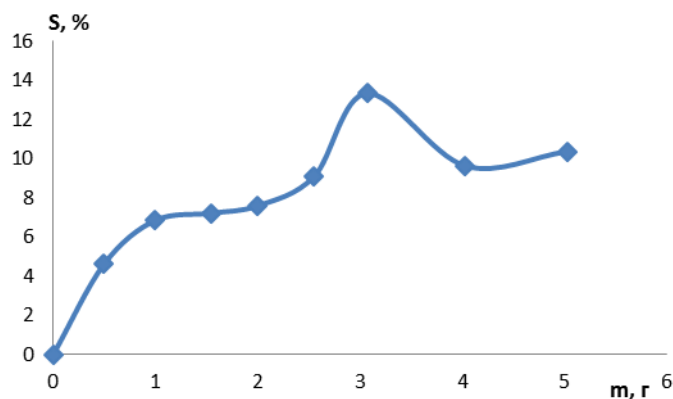

Рис. 1. Влияние массы сорбента на степень поглощения ионов меди

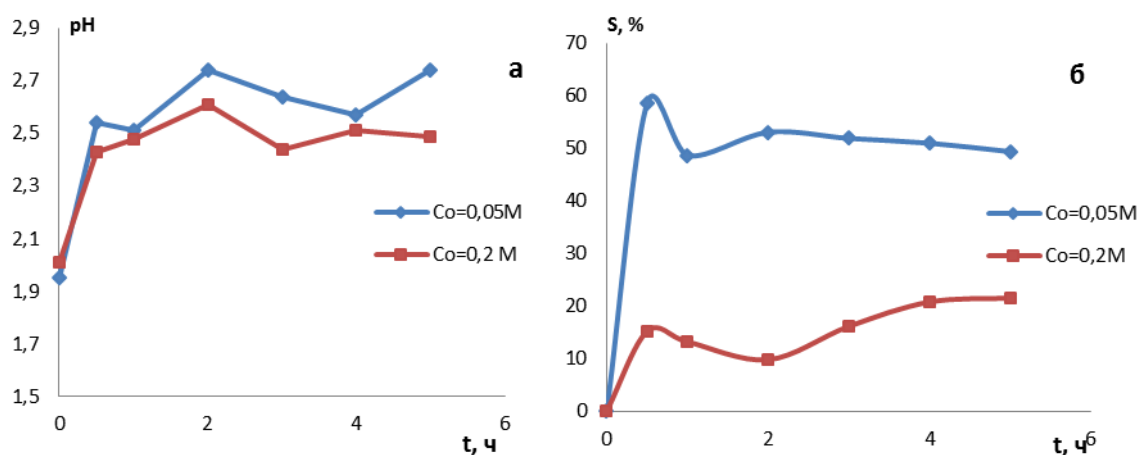

Рис. 2. Изменение pH фильтратов (а) и изменение степени извлечения (б) после сорбции Cu^{2+} на водоросли

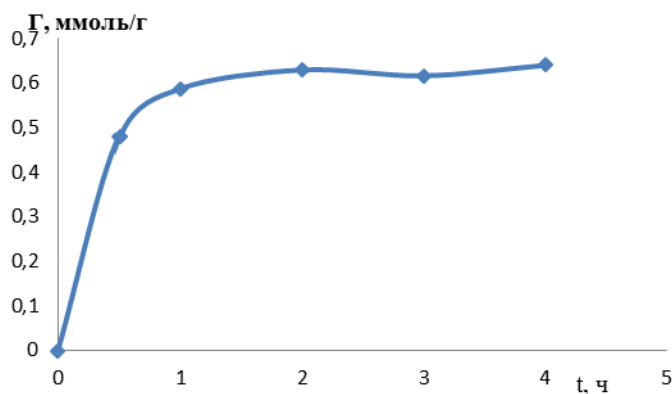

Рис. 3. Кинетика сорбции ионов Cu^{2+} на водорослях

Сорбционная способность бурых водорослей в основном обусловлена наличием альгиновых кислот и их солей. Согласно данным работы [6. С. 85] молекулы альгиновой кислоты линейны и содержат

остатки двух гексуроновых кислот – β -D-маннуроновой и α -L-гулууроновой, находящихся в пиранозной форме и связанных 1-4-связями (рис. 4). Альгиновые кислоты могут различаться соотноше-

нием маннурановой (М) и гулурановой кислот (G), а также распределением мономерных звеньев вдоль цепи полимера.

Важную роль при работе с сорбентами, содержащими группы кислот подобного типа, играет кислотность среды, определяющая состояние и реакционную способность функциональных групп сорбента. От

кислотности среды также зависит и состояние ионов металла в растворе. При $\text{pH} < 2,64$ медь находится в виде катиона Cu^{2+} , при $2,64 < \text{pH} < 4,82$ – в виде $\text{Cu}(\text{OH})^+$ и при $\text{pH} > 4,82$ образуется осадок $\text{Cu}(\text{OH})_2$ ($C_{\text{CuSO}_4} = 0,05 \text{ M}$). Поэтому в данной работе изучали влияние pH раствора на степень извлечения меди (рис. 5).

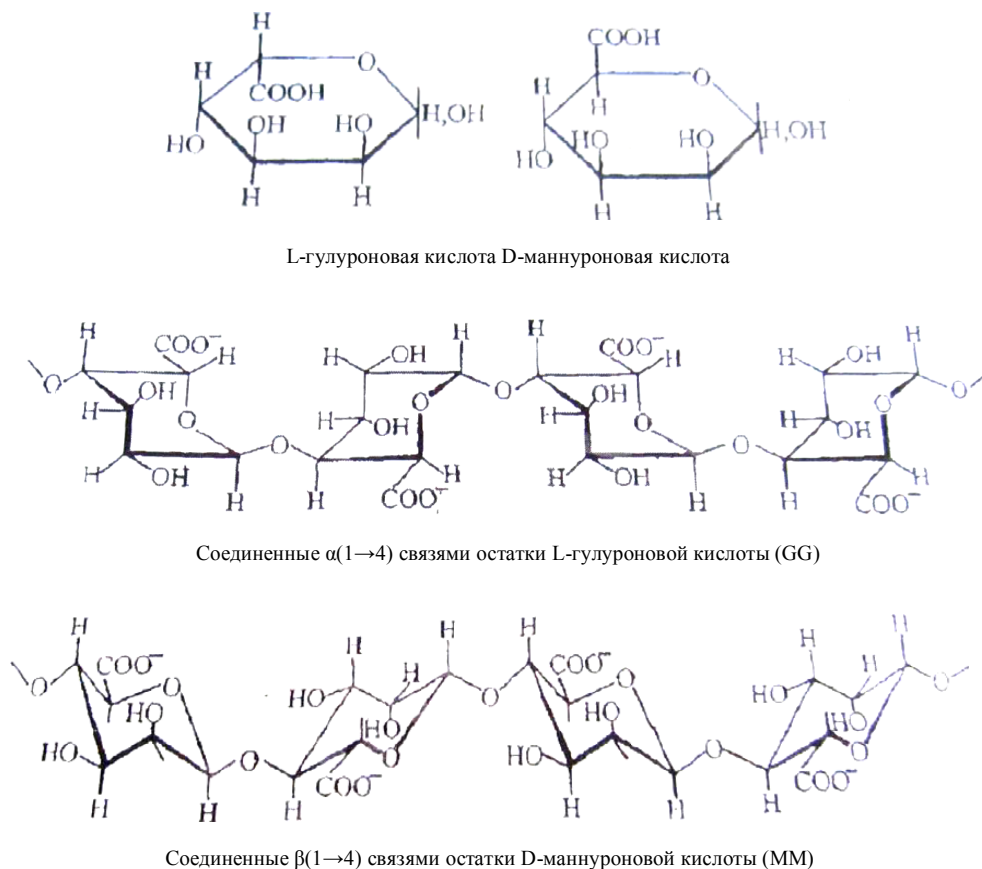

Рис. 4. Полимерные блоки альгиновой кислоты. GG – гулурановая последовательность, MM – маннурановая последовательность

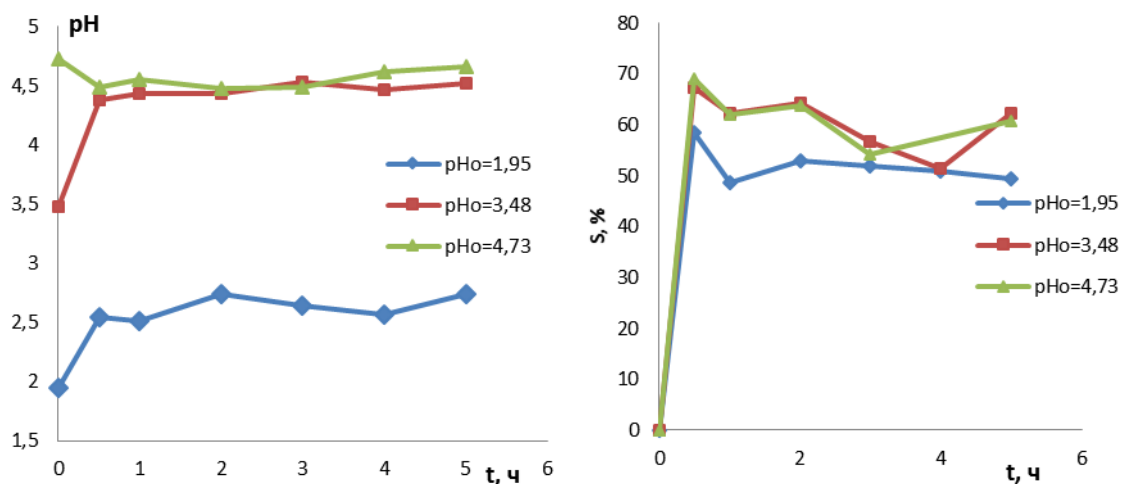

Рис. 5. Влияние pH на степень извлечения ионов меди

Видно, что полученные кривые во всех исследуемых областях pH имеют экстремальный характер. В области низких значений pH ($\text{pH} = 1,95$) поглощение обусловлено ионами меди, с уменьшением кислотности изменение степени поглощения обусловлено

электростатическим взаимодействием гидроксидов меди и, возможно, даже частичным осаждением меди в виде гидроксида. Следовательно, pH необходимо контролировать и его значение не должно превышать 3,5.

Влияние температуры на сорбционную активность показано на рис. 6.

Можно отметить, что степень извлечения меди возрастает с ростом температуры и равновесие достигается после 30 мин контакта. Однако при высокой температуре ($T = 358 \text{ K}$) после одного часа контакта степень извлечения падает. Такой характер поглощения может

быть связан с перераспределением мономерных звеньев по всей цепи полимера, потому что гулуонатная последовательность создает пространственные условия для прочного связывания двухвалентных катионов металлов [6. С. 85]. Увеличение эффективности сорбции с повышением температуры указывает на эндотермический характер происходящих процессов.

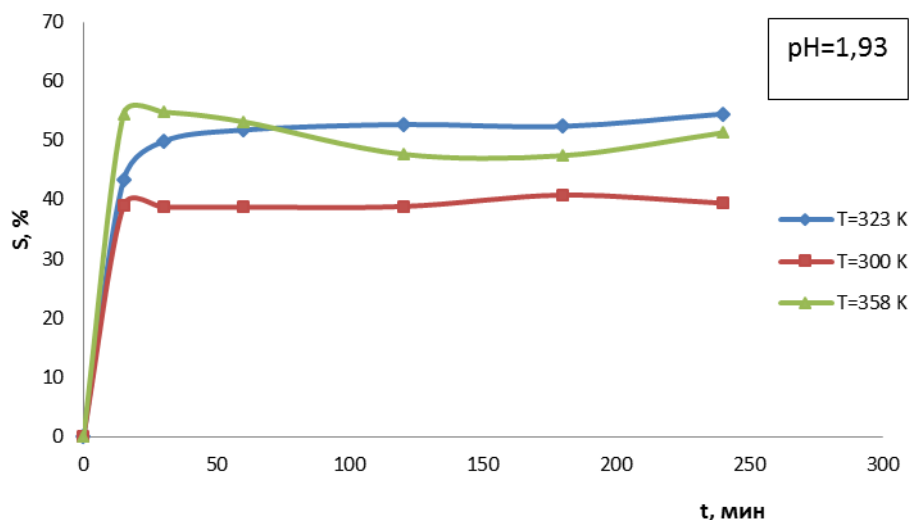

Рис. 6. Влияние температуры на степень извлечения ионов меди бурыми водорослями

Закключение

Полученные результаты позволяют констатировать, что бурые водоросли *Sargassum Swartzii* можно использовать в качестве сорбента растительного происхождения. Установлено, что они поглощают до 70% ионов меди, при этом в процессе сорбции происходит

изменение pH от 2,0 до 2,8. Проведенные исследования позволили определить оптимальные условия извлечения Cu^{2+} из водных растворов: соотношение сорбент : сорбат составило 1:17, кислотность среды при этом составляет 3,5, оптимальная температура сорбции составляет 323 K. Процесс сорбции имеет эндотермический характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирнов А.Д. Сорбционная очистка воды. Л. : Химия, 1982. 168 с.
2. Toichkin A.M., Firsov Yu.K. Morfometricheskie harakteristiki buroy vodorosli *Cystoseira barbata* kak pokazatel kachestva pribrezhnykh vod Chernogo morya [Morphometrical characteristics of the brown algae *Cystoseirabarbata* as an indicator of the quality of coastal water of the Black] // *Ecologiya moray*. 2008. Vol. 76. P. 54–60.
3. Davis A. A review of the biochemistry of heavy metal biosorption by brown algae. *Waterresearch*. 2003. Vol. 37. P. 4311–4330.
4. Ву Тхи Лиен. Изучение сорбции ионов тяжелых металлов на бурых водорослях *Sargassum swartzii* // Актуальные вопросы науки и техники : сб. ст. студенческой Междунар. науч.-практ. конф. Воронеж : Руна. 2014. С. 51–54.
5. Ву Тхи Лиен, Нгуен Динь Тьен. Сорбционная активность поверхности модифицированных гидроксипатитов // Научная инициатива иностранных студентов и аспирантов российских вузов : сб. докл. V Всерос. науч.-практ. конф. Томск : Изд-во ТПУ, 2012. Т. 1. С. 330–334.
6. Тунакова Ю.А. Оценка сорбционной емкости биополимерных сорбентов на основе альгинатов в отношении металлов / Ю.А. Тунакова, Е.С. Мухаметшина, Ю.А. Шмакова // *Вестник КТУ*. 2011. № 12. С. 85–86.

Статья представлена научной редакцией «Биология и химия» 05 декабря 2014 г.

SORPTION OF COPPER IONS BY BROWN ALGAE *SARGASSUM SWARTZII*

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 227–231. DOI 10.17223/15617793/391/36

Gabruk Natalia G., Vu Thi Lien, Bui Thi Duong. Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation).

E-mail: gabruk@bsu.edu.ru; bimatuahanhphuc.2012@yandex.ru; buiduong.sun@gmail.com

Keywords: sorption kinetics; copper; brown algae; pollution; heavy metals.

Instead of using mainly bacteria, it is also possible to use mainly algae to clean waste water because many of the pollutant sources in waste water are also food sources for algae. Certain heavy metals are also important for the natural functioning of algae. Because marine environments are normally scarce in these metals, some marine algae have developed efficient mechanisms to gather these heavy metals from the environment and take them up. These natural processes can also be used to remove certain heavy metals from the environment. The use of algae has several advantages over normal bacteria-based bioremediation processes. One major advantage in the removal of pollutants is that this is a process that under light conditions does not need oxygen. Instead, as pollutants are taken up and digested, oxygen is added while carbon dioxide is removed. Uptake of metals by living microalgae occurs in two steps: one takes place rapidly and is essentially independent of cell metabolism – “adsorption” onto the cell surface. The other one is

lengthy and relies on cell metabolism – "absorption" or "intracellular uptake". Nonviable cells have also been successfully used in metal removal from contaminated sites. Since copper is a widely used material, there are many actual or potential sources of copper pollution. Copper may be found as a contaminant in food, especially shellfish, liver, mushrooms, nuts and chocolate. Briefly, any processing or container using copper material may contaminate the product, such as food, water or drink. Copper is essential to human life and health but, like all heavy metals, is potentially toxic as well. This work reports the results of a study regarding the copper binding equilibria of dead biomass from the seaweed *Sargassum Swartzii* (Vietnam). The adsorption study on removal of copper ions from aqueous solution by brown marine algae *Sargassum Swartzii* was performed under static experimental conditions. In this work the optimal weight of algae in sorption copper ions was determined. The effect of pH and temperature on biosorption of copper ions by brown algae was studied. The biomass of the marine algae *Sargassum* species demonstrated a good capacity of copper biosorption, highlighting its potential for effluent treatment processes. This biosorbent is widely available and easy to find. The kinetics of copper biosorption by inactive biomass of marine algae *Sargassum* species was fast, reaching 60 % of the total biosorption capacity in thirty minutes. Thermodynamically, the biosorption of copper ions is endothermic. Therefore, marine algae can be used to treat effluents with heavy metals, with an advantage that it can be regenerated and is widely available along the seashores.

REFERENCES

1. Smirnov A.D. *Sorbtsionnaya ochistka vody* [Sorption purification of water]. Leningrad: Khimiya Publ., 1982. 168 p.
2. Toichkin A.M., Firsov Yu.K. Morfometricheskie kharakteristiki buroy vodorosli *Cystoseira barbata* kak pokazatel kachestva pribrezhnykh vod Chernogo morya [Morphometrical characteristics of the brown algae *Cystoseira barbata* as an indicator of the quality of coastal water of the Black Sea]. *Ecologiya morey*, 2008, vol. 76, pp. 54–60.
3. Davis A. A review of the biochemistry of heavy metal biosorption by brown algae. *Water Research*, 2003, vol. 37, pp. 4311–4330. DOI: 10.1016/S0043-1354(03)00293-8
4. Vu Thi Lien. [A study of sorption of heavy metal ions by the brown algae *Sargassum swartzii*]. *Aktual'nye voprosy nauki i tekhniki: sbornik statey studencheskoy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Topical issues of science and technology: proc. of the student international scientific-practical conference]. Voronezh, 2014, pp. 51–54. (In Russian).
5. Vu Thi Lien, Nguyen Dinh Tien. [Sorption activity of the surface of synthesized modified hydroxyapatites]. *Nauchnaya initsiativa inostrannykh studentov i aspirantov rossiyskikh vuzov: sb. dokl. V Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Science Initiative of foreign undergraduate and graduate students of Russian universities: Proc. of V Russian scientific and practical conference]. Tomsk, 2012. Vol. 1, pp. 330–334. (In Russian).
6. Tunakova Yu.A., Mukhametshina E.S., Shmakova Yu.A. Otsenka sorbtsionnoy emkosti biopolimernykh sorbentov na osnove al'ginatov v otnoshenii metallov [Assessment of the sorption capacity of biopolymer sorbents based on alginates to metals]. *Vestnik KTU – Herald of Kazan Technological University*, 2011, no. 12, pp. 85–86.

Received: 05 December 2014

СВОЙСТВА ПИРОГЕННЫХ ТОРФЯНЫХ ЭУТРОФНЫХ ПОЧВ БОЛОТА ТАГАН (ЮГ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

*Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований
(грант № 13-05-98026 р Сибирь-а).*

В работе затронута проблема пирогенной деградации торфяных почв на территории Томской области и приведена оценка последствий необратимых изменений. Проведено исследование физико-химических и морфологических свойств пирогенных торфяных почв на эутрофном болоте Таган, расположенном в древней ложбине стока Обь-Томского междуречья в подтаежной подзоне. Выявлено, что пирогенные горизонты претерпели изменения по всему комплексу физических и химических свойств: увеличилась зольность, а также содержание подвижных соединений фосфора и калия в поверхностных горизонтах. Самые значительные изменения происходят в верхних горизонтах почв.

Увеличение содержания элементов питания служит доводом в пользу сельскохозяйственного использования почв болота Таган. Но так как болото расположено в пригородной зоне города Томска и является регулятором водного режима водотоков, вносит вклад в поддержание стабильного уровня грунтовых вод, используемых Томским водозабором, то для улучшения экологической обстановки близлежащей территории предложено провести рекультивацию пирогенного участка болота Таган, направленную на использование данного участка под лесопосадки.

Ключевые слова: болота; пирогенные торфяные почвы; Западная Сибирь; Томская область.

Введение

Торфяные почвы на Западно-Сибирской равнине являются одними из наиболее распространенных почв. На юге равнины их ареал сокращается, и чаще всего они приурочены к депрессиям рельефа с грунтово-водным типом питания. Торфяные залежи относятся к эутрофному типу со слабокислой или нейтральной реакцией и повышенным содержанием питательных элементов, а водный режим отличается нестабильностью, что вызывает увеличение вероятности их возгорания, в сравнении с более северными территориями. Пожары вызывают глубокую деградацию почв, снижают численность микрофлоры и в целом ухудшают экологическую обстановку на таких территориях [1, 2]. Кроме того, пожары на крупных торфяных массивах, находящихся вблизи крупных промышленных населенных пунктов, охватывают значительные территории и вызывают сильное длительное задымление, нарушая работу транспортной инфраструктуры. Последствия пирогенной деградации торфяных почв имеют различные, тесно связанные между собой аспекты – сельскохозяйственные, экологические, социальные, природоохранные [3]. Учитывая актуальность проблемы пирогенной деградации торфяных почв и ее малую изученность, особенно на территории Томской области, нами были начаты исследования свойств почв на пирогенном участке торфяного месторождения Таган, чтобы привлечь внимание к затронутой проблеме и оценить последствия необратимых деградационных изменений.

Целью наших исследований было изучение морфологических и химических свойств торфяных эутрофных пирогенных почв болота Таган подтайги юго-востока Западной Сибири (юг Томской области).

Методики исследования

В качестве объекта исследования выбрано торфяное месторождение Таган, находящееся в 11 км от

города Томска. На данном месторождении с 1961 г. проводятся научные исследования сотрудниками Томского государственного педагогического университета. В 2007 г. сотрудниками лаборатории «Агро-экология» при Томском государственном педагогическом университете на месторождении Таган заложен исследовательский стационар [4].

Торфяное месторождение Таган располагается в древней ложбине стока Обь-Томского междуречья, выходящей на вторую надпойменную террасу р. Томи. Общая площадь месторождения 4 670 га со средней глубиной 3,4 м [4, 5]. Минеральное дно торфяного месторождения неровное, с отдельными западинами и возвышенностями, общий уклон повторяет уклон местности. Фундамент здесь залегает на глубинах около 500 м и представлен сильно метаморфизированными породами докембрия и палеозоя [6]. Более поздние отложения юрского и мелового периода представлены песчано-глинистыми породами и комковатыми глинами преимущественно континентального генезиса. Аллювиальные отложения перекрываются современными озерными, озерно-болотными образованиями. Озерно-болотные образования представлены легкими и тяжелыми пылеватыми суглинками, нередко с примесью торфа, включением ракушек, тяжелыми супесями, органоминеральными отложениями. Они развиты под торфяной залежью на небольших по площади разряженных участках в виде слоев мощностью от 0,5 до 3,1 м.

Растительность болота Таган в настоящее время находится в эвтрофной фазе развития и представлена древесно-осоковым, осоковым, осоково-сфагновым и травяно-кустарничковыми фитоценозами.

Часть болота осушена и выработана. Длительность осушения составляет 40 лет, расстояние между каналами 80 м. Первоначальный профиль торфяной залежи достигал 9,3 м, остаточный 1–1,4 м [5–7].

Исследования проводились на пирогенном участке выработанной части, на северо-востоке месторождения Таган. Этот участок был сработан до мощности

торфяной залежи 0,3–0,5 м и претерпел пирогенное воздействие около 5 лет назад. На данном участке авторами работы были выбраны участки с разными растительными сообществами и заложены три разреза пирогенно измененных торфяных почв, отличающих-

ся мощностью. Для каждого почвенного разреза было сделано морфологическое описание (рис. 1, табл. 1). Почвы всех трех разрезов охарактеризованы как болотные торфяные низинные пирогенно измененные почвы.

Разрез № 1

Разрез № 2

Разрез № 3

Рис. 1. Болотные торфяные низинные пирогенно измененные почвы болота Таган (фото А.О. Лайком)

Разрез № 1. Рельеф: грядово-мочажинный болотный комплекс, гряды хорошо выражены. Микрорельеф выражен ясно, представлен кочками и западинами. Древесный ярус представлен сильно угнетенной березой (*Betula pubescens* Ehrh.), елью (*Picea obovata* Ledeb.), тополем (*Populus nigra* L.). Кустарничково-травяной ярус представлен багульником (*Ledum palustre* L.), крапивой (*Urtica dioica* L.), осокой (*Carex* L.), подмаренником (*Galium* sp.).

Разрез № 2. Рельеф слабоволнистый, микрорельеф представлен кочками. В древесном ярусе встречается сильно угнетенная береза (*Betula pubescens* Ehrh.), тополь (*Populus nigra* L.). Кустарничково-травяной ярус представлен багульником (*Ledum palustre* L.), крапивой (*Urtica dioica* L.).

Разрез № 3. Рельеф слабоволнистый, микрорельеф выражен ясно, представлен небольшими кочками и западинами. Древесный ярус, представлен сильно угнетенной березой (*Betula pubescens* Ehrh.), елью (*Picea obovata* Ledeb.). Подлесок – кустарниками малины (*Rubus idaeus* L.); травяной ярус – крапивой (*Urtica dioica* L.), осокой (*Carex* L.).

В морфологических описаниях объектов исследования наблюдаются разные мощности пирогенного и торфяного слоя, что определяется рельефом поверхности участка.

В каждом разрезе были отобраны образцы торфяных почв в соответствии с ГОСТ 5396-77 в пятикратной повторности и определены следующие показатели: зольность по ГОСТ 11306-83, обменная кислотность потенциметрическим методом по ГОСТ 11623-89 на иономере «И-500» (Россия). Подвижные формы фосфора, калия, аммонийного азота извлекали из почвы 0,2 молярным раствором соляной кислоты при соотношении почвы к раствору 1:50. В соляно-кислой вытяжке колориметрическим методом на спектрофотометре «Helios Gamma» (США) определяли: соединения фосфора в виде синего фосфорно-молибденового

комплекса, железо с сульфосалициловой кислотой, аммонийный азот с реактивом Несслера. Калий определяли методом пламенной фотометрии в соответствии с ГОСТ 27894.6.88 на пламенно-фотометрическом анализаторе жидкости «ПАЖ-2» (Украина). Нитратный азот определяли в водной вытяжке (соотношение 1:50) с помощью фенолдисульфокислоты. Статистическая обработка данных выполнялась с помощью программы Microsoft Office Excel с доверительным интервалом 0,95. В табл. 1 и 2 приведены средние арифметические значения показателей с двусторонним доверительным интервалом для пяти повторностей.

Результаты исследования и обсуждение

Почвы исследуемых нами объектов отнесены к пирогенно измененным торфяным почвам [2, 8], в профиле которых пожарами уничтожены только поверхностные горизонты. Такие почвы сохраняют свое плодородие в послепирогенный период и могут быть использованы в земледелии после выполнения простых агрономических или агромелиоративных мероприятий [2, 9]. Наибольшему пирогенному воздействию подверглись верхние горизонты торфяных почв. И, как правило, основные изменения в структуре и свойствах отмечаются именно в этих горизонтах [10].

Анализ полученных результатов показал, что зольность по профилю торфяных пирогенных почв, вследствие пожаров, имела повышенные значения в поверхностных горизонтах (табл. 2). К середине профиля данный показатель постепенно снижался, достигая исходных (генетических) значений мало-зольных эвтрофных торфяных почв болота Таган [5]. Ниже по профилю отмечалось увеличение зольности, связанное с приближением к подстилающим породам (табл. 2).

Морфологическое описание болотных торфяных низинных пирогенно измененных почв болота Таган

Горизонт	Мощность, см	Описание горизонта
Разрез № 1		
A ₀	0–1	Слаборазложившаяся хвоя, ветки березы и ели, присутствуют мелкие корни травяной растительности
Pir	1–6	Ржаво-охристый, переход резкий, граница неровная, волнистая. Горизонт отличается особой липкостью
Cn	6–7	Черного цвета, уплотнен, сухой (спрессованные угли)
TE	7–36	Торф бурого цвета, однородный, уплотнен, присутствуют корни травяной и древесной растительности
G	36–53+	Легкий суглинок, с признаками оглеения. Присутствуют ржавые пятна окиси железа. Уплотнен, влажноват
Разрез № 2		
A ₀	0–0,5	Слаборазложившиеся листья березы, присутствуют хвоя, листья крапивы, мелкие корни травяной растительности
Pir	0,5–1	Темно-бурый с ржавым оттенком, присутствуют темные пятна золы, пластичная, переплетена мелкими корнями травяной растительности. Переход резкий по окраске. Граница волнистая
Cn	1–3	Черно-бурый, рыхлый, густо переплетен корнями травяной растительности. Переход неясный по окраске. Граница волнистая
TE ₁	3–20	Светло-бурый, присутствуют корни травяной растительности, уплотнена, влажновата, переход неясный по окраске
TE ₂	20–63	Бурый, однородный, среднеразложившийся, частично присутствуют корни травяной растительности, уплотнена, переход по окраске неясный
TE ₃	63–99	Темно-бурый, однородный, разложившийся, влажная, уплотнена, переход резкий по окраске и плотности
G	99–113+	Легкий суглинок, сырой, плотный, серовато-сизый с ржавыми пятнами окиси железа
Разрез № 3		
A ₀	0–1	Слаборазложившаяся травяная растительность, присутствуют ветки березы, неразложившиеся стебли и листья
Pir	1–7	Ярко-кирпичный с желтыми пятнами, вязкий, присутствуют корни травяной растительности. Переход резкий по окраске
Cn	7–8	Темно-бурый с черными пятнами, плотный, обуглившийся, присутствуют корни травяной растительности. Переход резкий по окраске
TE ₁	8–23	Бурый, среднеразложившийся, присутствуют корни древесной и травяной растительности
TE ₂	23–35	Бурый, но светлее предыдущего, среднеразложившийся, уплотнен, присутствует минеральная часть. Переход неясный по окраске и плотности
TE ₃	35–44	Темно-серый, неоднородный с вкраплениями минеральной части, влажный, рыхлый. Переход неясный по окраске
G	44–50+	Легкий суглинок, серовато-сизоватый. Присутствуют ржавые потеки окиси железа, сырой, уплотнен

Примечание. Pir – горизонт углей и золы; TE – торфяной эуτροφный горизонт; TE₁ – торфяной неразложившийся горизонт; TE₂ – торфяной среднеразложившийся горизонт; TE₃ – торфяной разложившийся горизонт; Cn – обуглившийся горизонт; Gr – глеевый горизонт.

Другой важный химический показатель почв – кислотность (pH) – также изменился. Значение pH торфяных почв болота Таган [4, 5, 11] варьировало в пределах 5,41–6,52 ед. pH. Кислотность же пирогенно измененных почв в верхних горизонтах разрезов 1–3 имела слабощелочную реакцию среды (7,29–7,93 ед. pH). Это обусловлено повышенной концентрацией в золе верхнего горизонта пирогенных торфяных почв углекислых солей щелочно-земельных металлов. Далее, вниз по профилю, слабощелочная реакция среды сменялась слабокислой (табл. 2).

В процессе сгорания торфяных залежей произошли существенные изменения и в содержании питательных элементов в профиле почв. Наибольшее содержание нитратного и аммонийного азота в исследуемых почвах отмечалось также в верхних горизонтах пирогенно измененных почв (табл. 2). Такое распределение соединений азота вызвано снижением уровня болотных вод на исследуемых участках в результате пирогенного воздействия. На фоне уменьшения влажности произошла механическая усадка торфа, повысилась температура залежи, увеличилась аэрированность профиля, восстановительные условия сменились на окислительные [2, 11, 12]. Понижение уровня болотных вод стимулировало биологическую активность торфяной почвы, вследствие чего усилились процессы аммонификации и нитрификации в торфяной залежи, которые привели к увеличению содержа-

ния аммонийного и нитратного азота, что и отмечается во всех трех разрезах.

Известно, что торфяные почвы бедны фосфором [5]. Проведенные ранее исследования на болоте Таган показали, что содержание подвижных соединений фосфора варьирует от 12,42 до 1380,94 мг/100 г сухой почвы [Там же]. Согласно литературным данным, в торфяных почвах, в отличие от минеральных почв, содержание фосфора может колебаться в широких пределах (от 0,08–0,15% в верховых до 0,6% в низинных торфах в расчете на абсолютно сухой торф). Это является характерной особенностью распределения фосфора в торфах [13].

Максимальное содержание фосфора в большинстве торфяных залежей приурочено к самому верхнему, наиболее аэрируемому слою. Это свидетельствует о ярко выраженной его биологической аккумуляции [Там же]. Увеличение концентрации фосфора на глубинах в средней части профиля месторождения Таган связано с особенностями процесса накопления фосфора на данном торфяном месторождении. Максимум содержания P₂O₅ в разрезе № 2 приурочен к нижней части профиля почвы, характеризующейся повышенной зольностью и накоплением железа на границе с минеральной породой (табл. 2).

Высокие значения содержания оксидов железа в верхних слоях почв обусловлены концентрированием его в результате пожара. При пирогенном воздействии на торфяную почву органическая составляющая уле-

тучивается, а минеральная, нелетучая, часть остается. В результате образуется зола торфяной почвы с концентратом микро- и макроэлементов (Fe, Al, Ni и др.). Высокое содержание фосфора одновременно с высоким содержанием железа в торфяной залежи разрезов

№ 1 и 2 объясняется вивианитовым характером пород. Разрез № 3 отличается резким падением содержания фосфора и железа вследствие присутствия в торфяном слое минеральных включений, которые отмечаются в профиле с глубины 0,23 м.

Т а б л и ц а 2

Характеристика болотных торфяных низинных пирогенно измененных почв болота Таган

Глубина, см	A, %	pH	N-NH ₄	N-NO ₃	P ₂ O ₅	K ₂ O	Fe ₂ O ₃
			мг/100 г сухой почвы				
Разрез № 1							
0–1	77,25	7,93	69,89 ± 2,71	8,74 ± 0,17	688,59 ± 8,93	41,11 ± 0,26	221,10 ± 8,93
1–6	83,35	7,55	142,53 ± 5,81	6,67 ± 0,03	779,33 ± 6,94	35,89 ± 0,05	292,12 ± 4,52
6–7	17,42	6,27	128,53 ± 4,52	1,63 ± 0,13	343,12 ± 5,74	11,16 ± 0,02	96,18 ± 2,19
7–36	8,47	6,14	59,75 ± 1,75	0,81 ± 0,06	162,83 ± 3,11	4,88 ± 0,03	200,04 ± 3,22
36–53	11,91	6,28	47,71 ± 2,11	1,25 ± 0,07	159,03 ± 0,97	9,01 ± 0,04	48,52 ± 1,46
Разрез № 2							
0–0,5	57,17	7,29	48,51 ± 1,39	7,01 ± 0,19	522,41 ± 5,04	9,54 ± 0,16	141,08 ± 8,93
0,5–1	62,88	7,34	51,15 ± 2,44	6,52 ± 0,07	179,77 ± 1,24	12,02 ± 0,07	200,02 ± 1,94
1–3	13,86	7,78	66,25 ± 1,43	6,06 ± 0,03	99,13 ± 2,44	46,39 ± 0,07	145,08 ± 8,74
3–20	9,19	6,03	68,05 ± 2,03	3,36 ± 0,13	115,63 ± 2,71	28,15 ± 0,08	220,17 ± 1,11
20–63	7,68	5,79	88,08 ± 3,07	1,31 ± 0,27	76,42 ± 3,53	3,58 ± 0,05	112,23 ± 0,97
63–99	7,25	5,91	48,68 ± 1,33	4,35 ± 0,24	132,59 ± 4,35	3,41 ± 0,03	72,24 ± 1,44
99–113	9,42	6,52	69,01 ± 2,38	2,16 ± 0,03	80,88 ± 2,39	2,28 ± 0,14	43,51 ± 1,19
Разрез № 3							
0–1	71,01	7,92	–	–	–	–	–
1–7	81,16	7,55	159,96 ± 11,34	2,54 ± 0,14	4,17 ± 0,44	24,38 ± 0,03	62,53 ± 1,24
7–8	16,41	6,04	111,27 ± 5,96	2,02 ± 0,17	4,36 ± 0,86	3,95 ± 0,17	12,75 ± 0,44
8–23	11,12	6,04	34,53 ± 3,63	0,59 ± 0,07	4,32 ± 0,88	–	76,09 ± 1,71
23–35	50,71	6,19	72,52 ± 2,51	2,08 ± 0,03	4,22 ± 0,18	2,10 ± 0,07	116,07 ± 3,53
35–44	92,23	6,21	42,91 ± 2,17	0,45 ± 0,13	5,05 ± 0,11	3,15 ± 0,06	35,14 ± 1,35

Примечание. А – зольность, «–» – образец не анализировался.

Содержание подвижного калия в исследуемых почвах низкое (табл. 2). Так как калий отличается высокой подвижностью, то его соли, не усвоенные растениями, вымываются грунтовыми водами. Поэтому накопление калия нестабильно [13]. Содержание калия в исследуемых почвах изменялось от 1,16 до 46,39 мг/100 г сухой почвы. Наибольшее содержание калия отмечается в верхних слоях разрезов. Это обусловлено концентрированием солей щелочноземельных металлов в золе верхнего горизонта пирогенных торфяных почв.

Заключение

Исследуемые торфяные почвы относятся к пирогенно измененным почвам, в профиле которых пожарами уничтожены только поверхностные горизонты и сохранен органогенный слой. Под слоем золы находится углистая, уплотненная масса не полностью сгоревшего торфа. Далее залегает органоген-

ный горизонт и наблюдается резкий переход к минеральной части.

Пирогенные горизонты претерпели изменения не только в морфологическом строении, но изменились и химические свойства. Самые значительные изменения произошли в верхних слоях почв. На всех трех объектах увеличились кислотность, зольность, содержание подвижных элементов питания – P₂O₅, K₂O, N-NO₃, N-NH₄. Увеличение содержания элементов питания служит доводом в пользу сельскохозяйственного использования почв болота Таган. Но так как болото располагается на водоразделе и является регулятором водного режима и источником водного питания фауны, оно должно быть внесено в охраняемый фонд [14]. Кроме того, на территории болота Таган, расположенного в пригородной зоне Томска, произрастает сосновый лес. Для улучшения экологической обстановки близлежащей территории данное болото целесообразнее внести в охраняемый фонд, предварительно проведя рекультивацию пирогенных торфяных почв под лесопосадки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зайдельман Ф.Р., Шваров А.П. Пирогенная и гидротермическая деградация торфяных почв, их агроэкология, песчаные культуры земледелия, рекультивация. М. : Изд-во МГУ, 2002. 168 с.
2. Лисс О.Л., Абрамова Л.И., Аветов Н.А. и др. Болотные системы Западной Сибири и их природоохранное значение / под ред. проф. В.Б. Куваева. Тула : Гриф и К°, 2001. 584 с.: ил.
3. Кулижский С.П., Блохин А.Н. Использование данных о физико-химических свойствах почв юга Сибири при оценке устойчивости к внешним воздействиям // Вестник Томского государственного университета. Биология. 2009. № 3. С. 95–102.
4. Инишева Л.И., Виноградов В.Ю., Голубина О.А. и др. Болотные стационары Томского государственного педагогического университета, Томск : Изд-во ТГПУ, 2010. 118 с.
5. Инишева Л.И., Порохина Е.В., Аристархова В.Е., Боровкова А.Ф. Выработанные торфяные месторождения, их характеристика и функционирование. Томск : Изд-во ТГПУ, 2007. 225 с.
6. Сурков В.С., Жеро О.Г. Фундамент и развитие платформенного чехла Западно-Сибирской плиты. М. : Недра, 1981. 143 с.

7. Смирнов О.Н., Голубина О.А., Порохина Е.В., Сергеева М.А. Динамика биохимической активности и газового режима в торфяной залежи эвтрофного болота // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. Т. 123, № 8. С. 187–192.
8. Зайдельман Ф.Р. Изменение свойств пирогенных образований и растительности на сгоревших осушенных торфяных почвах полесий // Почвоведение. 2003. № 11.
9. Горельский В.А., Жильцов К.Н., Штейнберг А.С. Численное моделирование самовозгорания торфа вследствие низкочастотных колебаний температуры / под ред. проф. А.А. Глазунова // Известия высших учебных заведений. Физика. Томск, 2011. С. 53–57.
10. Горельский В.А., Жильцов К.Н. Исследование возникновения торфяных пожаров вследствие колебаний температур // Вестник Томского государственного университета. Математика и механика. 2012. № 3(19). С. 49–55.
11. Порохина Е.В., Голубина О.А. Ферментативная активность в торфяных залежах болота Таган // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. Т. 122, № 7. С. 171–177.
12. Уланов А.Н. Торфяные и выработанные почвы южной тайги Евро-Северо-Востока России. Киров, 2005. 319 с.
13. Ефимов В.Н. Торфяные почвы и их плодородие. Л.: Агропромиздат. Ленингр. отд., 1986. 264 с.
14. Кулешский С.П. Эффективный способ использования природоохранных территорий // Вестник Томского государственного университета. Биология. 2008. № 1. С. 42–56.

Статья представлена научной редакцией «Биология и химия» 22 января 2015 г.

PROPERTIES OF PYROGENIC EUTROPHIC PEAT SOIL OF TAGAN MIRE (SOUTH OF TOMSK OBLAST)

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 232–237. DOI 10.17223/15617793/391/37

Golubina Olga A. Siberian State Medical University, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mtgolubin@yandex.ru

Gorelski Vasily A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

Zhiltsov Konstantin N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Konstantin@niipmm.tsu.ru

Laikom Anna O. Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: agroecol@yandex.ru

Keywords: moors; pyrogenic peat bog; Western Siberia, Tomsk Oblast.

We consider the problem of pyrogenic degradation of peat soils. Studies conducted in Tomsk Oblast on the eutrophic Tagan mire. The mire is located in the ancient hollow runoff between the Ob and Tom rivers, on the second terrace above the floodplain of the Tom River. Studies were carried out on the dried and depleted area of the mire. The initial depth of the peat deposit reached 9.3 m, residual 1–1.4 m. The plot was exposed to fire five years ago. For the study three cuts of different capacity were laid. Soil that we have studied is attributed to pyrogenic modified peat soils. Fire destroyed only its surface horizons. Soils like this retain their fertility after the fire. They can be used in agriculture after simple agronomic or agromeliorative measures. The study of physical, chemical and morphological properties of the pyrogenic peat soils was conducted. In selected samples ash content, moisture content, acidity, content of N-NH₄, N-NO₃, K₂O, P₂O₅, F₂O₃ were determined. It was revealed that the pyrogenic horizons have changed in the full range of properties (morphological structure, physical and chemical properties). After the pyrogenic impact changes of physical and chemical properties were observed. Ash content, content of N-NH₄, N-NO₃, K₂O, P₂O₅, F₂O₃ increased. The most significant changes occur in the upper soil horizons. Ash content of the pyrogenic soil increased from 7.25 to 83.25 %. The acidity of the soil after the fires increased from 6.0 to 7.93 pH units. Soil moisture decreased and mechanical shrinkage has occurred. As a result, the reservoir temperature increased, the aeration profile decreased. Reducing conditions changed to oxidizing conditions. The biological activity of the soil increased. The process of ammonification and nitrification in the peat deposit increased. Therefore, the content of ammonium and nitrate nitrogen in the soil sections increased. The high values of iron oxide content in the upper soil layers (up to 292 mg / 100 g dry soil) were caused by its concentrating in the fire. Phosphorus oxide in the upper horizons also has higher values up to 779.33 mg / 100 g of dry soil. The high content of phosphorus and iron in the peat deposit of cuts is explained by the vivianite nature of the rocks. K₂O content in these soils changed from 1.16 to 46.39 mg / 100 g dry soil. The increase of fertile elements is an argument in favor of the agricultural use of the Tagan mire soil. But the mire is located in the suburban area of the city of Tomsk. The mire is a regulator of the water regime of watercourses; it contributes to the maintenance of a stable level of groundwater. To improve the environmental situation of the surrounding area it is suggested to recultivate the pyrogenic portion of Tagan mire and then use the plot of the mire for afforestation.

This work was partially supported by the Russian Foundation for Basic Research (grant № 13-05-98026 p Siberia-a).

REFERENCES

1. Zaydel'man F.R., Shvarov A.P. *Pirogennaya i gidrotermicheskaya degradatsiya torfyanykh pochv, ikh agroekologiya, peschanye kul'tury zemledeliya, rekul'tivatsiya* [Pyrogenic and hydrothermal degradation of peat soils, their agroecology, farming sands, reclamation]. Moscow: Moscow State University Publ., 2002. 168 p.
2. Liss O.L., Abramova L.I., Avetov N.A. et al. *Bolotnye sistemy Zapadnoy Sibiri i ikh prirodookhrannoe znachenie* [Marsh systems of Western Siberia and their environmental significance]. Tula: Grif i K° Publ., 2001. 584 p.
3. Kulizhskiy S.P., Blokhin A.N. Physico-mechanical properties of soils on the example of the humus-accumulative soil horizons south of Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Biologiya – Tomsk State University Journal of Biology*, 2009, no. 3, pp. 95–102. (In Russian).
4. Inisheva L.I., Vinogradov V.Yu., Golubina O.A. et al. *Bolotnye statsionary Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Marsh stations of Tomsk State Pedagogical University]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University Publ., 2010. 118 p.
5. Inisheva L.I., Porokhina E.V., Aristarkhova V.E., Borovkova A.F. *Vyrabotannye torfyanye mestorozhdeniya, ikh kharakteristika i funktsionirovanie* [Developed peat deposits, their characteristics and functioning]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University Publ., 2007. 225 p.
6. Surkov V.S., Zhero O.G. *Fundament i razvitie platformennogo chekhla Zapadno-Sibirskoy plity* [The foundation and development of the platform cover of the West Siberian Plain]. Moscow: Nedra Publ., 1981. 143 p.
7. Smirnov O.N., Golubina O.A., Porokhina E.V., Sergeeva M.A. Dynamics of biochemical activity and gas regime of eutrophic bog. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2012, vol. 123, no. 8, pp. 187–192. (In Russian).

8. Zaydel'man F.R. Izmenenie svoystv pirogennykh obrazovaniy i rastitel'nosti na sgorevshikh osushennykh torfyanykh pochvakh polesiy [Changing the properties of igneous formations and vegetation on the burnt drained peat soils of forest areas]. *Pochvovedenie*, 2003, no. 11.
9. Gorel'skiy V.A., Zhil'tsov K.N., Shteynberg A.S. Chislennoe modelirovanie samovozgoraniya torfa vsledstvie nizkochastotnykh kolebaniy temperatury [Numerical simulation of spontaneous combustion of peat as a result of low-frequency oscillations in temperature]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Fizika – Russian Physics Journal*, Tomsk, 2011, vol. 54, no. 10, pp. 53–57.
10. Gorel'skiy V.A., Zhil'tsov K.N. Investigation of peat ignition due to temperature fluctuations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Matematika i mekhanika – Tomsk State University Journal of Mathematics and Mechanics*, 2012, no. 3(19), pp. 49–55. (In Russian).
11. Porokhina E.V., Golubina O.A. Enzymatic activity in peat deposits of Tagan bog. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2012, vol. 122, no. 7, pp. 171–177. (In Russian).
12. Ulanov A.N. *Torfyanye i vyrabotannye pochvy yuzhnoy taygi Evro-Severo-Vostoka Rossii* [Peat and developed soils of the southern taiga of the Euro-North-East of Russia]. Kirov, 2005. 319 p.
13. Efimov V.N. *Torfyanye pochvy i ikh plodorodie* [Peat soil and its fertility]. Leningrad: Agropromizdat Publ., 1986. 264 p.
14. Kulizhskiy S.P. Effective way of use of nature protection territories. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Biologiya – Tomsk State University Journal of Biology*, 2008, no. 1, pp. 42–56. (In Russian).

Received: 22 January 2015

ДРЕВЕСНЫЕ КОМПОЗИЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ НА ОСНОВЕ КАРБАМИДОФОРМАЛЬДЕГИДНЫХ СМОЛ, МОДИФИЦИРОВАННЫХ ГЛИКОЛУРИЛОМ

Работа поддержана грантом по конкурсу, проводимому Министерством образования и науки Российской Федерации на основании Постановления Правительства Российской Федерации от 9 апреля 2010 г. № 218, по отбору организаций на право получения субсидий на реализацию комплексных проектов по созданию высокотехнологичных производств; договор № 02.G25.31.0048.

Представлены результаты по влиянию модифицирующей добавки для клеевых композиций на основе карбамидоформальдегидного олигомера на физико-механические характеристики низкотоксичных древесных материалов. Установлено, что древесные композиционные материалы обладают пониженной эмиссией формальдегида и сохраняют приемлемые эксплуатационные характеристики при использовании модифицированных карбамидоформальдегидных адгезивов.

Ключевые слова: древесностружечные плиты; предел прочности на изгиб; водостойкость; модифицированные карбамидоформальдегидные связующие; эмиссия формальдегида в древесных композиционных материалах.

Введение

Древесные композиционные материалы, в частности древесностружечные плиты (ДСП), получили широкое распространение в качестве конструкционных материалов для мебельной и строительной промышленности, прежде всего, из-за возможности переработки низкосортной древесины и древесных отходов. Кроме того, древесные плиты на порядок дешевле древесины, имеют низкую усадку в процессе их прессования, легко подвергаются механической обработке, а также обладают хорошими прочностными характеристиками. Основная задача, которая возникает при использовании таких материалов, – обеспечение экологической безопасности, поскольку в качестве связующего при получении ДСП используются карбамидоформальдегидные смолы (КФС). При производстве материалов и в процессе их эксплуатации происходит выделение формальдегида, который является канцерогеном.

Для получения малотоксичных плит ДСП класса Е-1 содержание формальдегида должно быть не более 10 мг/100 г плиты. Соответственно, необходимо использовать КФС с уменьшенным молярным соотношением формальдегида к карбамиду до $F:K = (1,0–1,15)$. Древесные материалы на основе таких смол обладают низкой водостойкостью и физико-механическими характеристиками [1–3]. Для повышения физико-механических свойств и устойчивости к воде в древесных материалах в качестве связующих используют меламинакарбамидоформальдегидные смолы [4–6]. Однако их применение ограничено из-за высокой стоимости связующих и снижения производительности производства.

Целью настоящей работы явилось исследование влияния модифицирующей добавки, в качестве которой был выбран гликолурил, на токсикологические и физико-механические характеристики древесных композиционных материалов.

Экспериментальная часть

Для проведения исследований выбрана коммерческая карбамидоформальдегидная смола марки КФМТ-15, мо-

дифицированная гликолурилом. Характеристики модифицированных КФС определены в соответствии с методиками [7] и представлены в табл. 1.

Лабораторные однослойные ДСП с расчетной плотностью 750–800 кг/м³ и толщиной 16 мм получены из осмоленной стружки при следующем соотношении: 86% – древесная стружка хвойных и лиственных пород, 14% – клеевая композиция, содержащая модифицированную КФС и катализатор отверждения в количестве 5%. Сформированный древесный ковер подавался в прессовальную машину Fontijne TP 600 с температурой платформ 180°C и усилием смыкания 550 кН, продолжительность прессования составила 240 с.

Токсичность ДСП определялась по соответствующей методике [8], физические свойства ДСП (плотность, влажность, разбухание в воде) – в соответствии с нормативной документацией [9]. Предел прочности при изгибе и растяжении в древесных материалах определялся на лабораторной испытательной машине IMAL IBX 600-V.

Обсуждение результатов

Исследование влияния токсичности ДСП на основе КФС, модифицированных гликолурилом (рис. 1), показало, что при увеличении количества модификатора снижается эмиссия формальдегида, причем модифицирование более 2% не вносит видимого вклада. Скорее всего, это связано с дополнительным связыванием метилольных групп, которые влияют на выделение формальдегида из материалов, с использованием КФС на основе гликолурила.

Как известно [1, 2], дополнительное количество карбамида в карбамидоформальдегидной клеевой композиции также приводит к связыванию формальдегида в древесных материалах, ухудшая при этом физико-механические свойства древесных материалов.

Модифицирование КФС гликолурилом не приводит к существенному падению предела прочности при изгибе образцов древесных материалов (табл. 2). По-видимому, гликолурил влияет на подвижность и гибкость олигомерной цепи (схема 1). Поскольку

при прессовании древесным материалам присуща усадка за счет удаляемых низкомолекулярных веществ, то после прессования в древесно-смоляной композиции создаются остаточные напряжения и дефекты [10. С. 103]. Увеличение разветвленности макромолекулы противодействует возникновению

глобулярной структуры, что мешает протеканию реакции в глубине сетчатых агрегатов. Соответственно развернутая структура макромолекулы обеспечивает большую прочность композиционного соединения за счет большой равномерности сшивок, одинаково работающих в силовом поле.

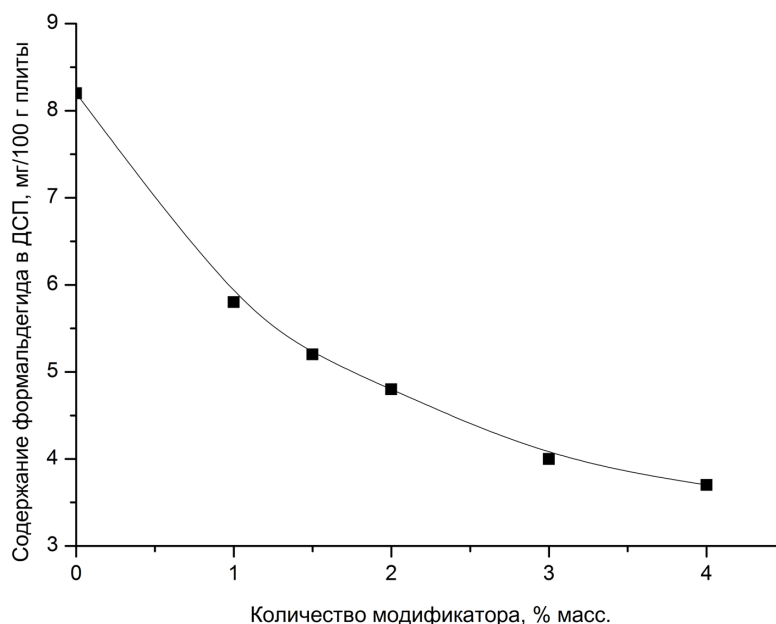

Рис. 1. Влияние модифицирующей добавки на эмиссию формальдегида в ДСП

Таблица 1

Качественные показатели карбамидоформальдегидной смолы

Характеристика	Норма по ТУ 6-06-12-88	Содержание гликолурила, % мас.				
		1	1,5	2	3	4
Водородный показатель	7,5–8,5	7,70	7,71	7,61	7,81	7,59
Условная вязкость, с	40–60	52	57	50	45	42
Массовая доля сухого остатка, % мас.	66,0 ± 2,0	66,6	66,2	66,4	67,2	66,9
Время отверждения, с	50–70	52	56	58	57	56
Массовая доля свободного формальдегида, % мас.	0,15	0,12	0,13	0,14	0,14	0,15

Таблица 2

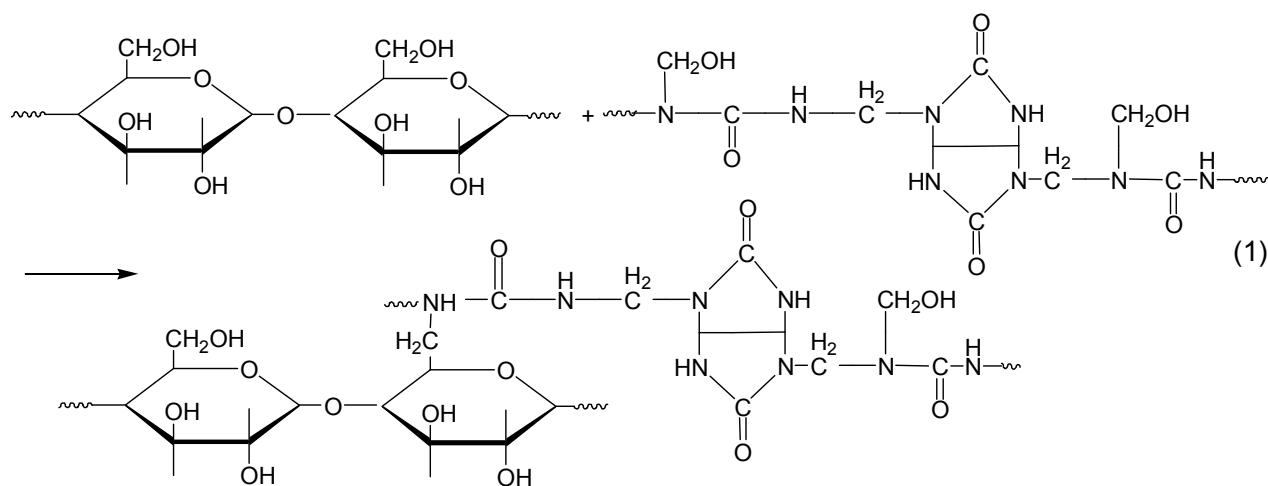
Физико-механические свойства древесных материалов на основе модифицированных карбамидоформальдегидных смол

Физический показатель	Содержание гликолурила, % мас.					
	0	1	1,5	2	3	4
Плотность ДСП, кг/см ³	811	811	803	801	802	745
Разбухание в воде, %	30,8	28,5	30,1	34	36	38
Предел прочности при изгибе, МПа	16,0	18,6	17,8	20,6	16,4	16,7

Таблица 3

Токсикологические и физико-механические характеристики образцов опытно-промышленной партии ДСП

Показатель	ДСП на основе смолы марки КФМТ-15	ДСП на основе смолы марки КФМТ-15, модифицированной гликолурилом
Предел прочности при растяжении перпендикулярно к пласти плиты, МПа	0,47	0,51
Предел прочности при изгибе, МПа	15,7	17,8
Разбухание в воде, %	27,4	21,2
Содержание формальдегида в плите, мг/100 г плиты	8,2	5,4

(1)

При добавлении модифицирующей добавки (более 2%) происходит снижение количества метилольных групп, которые участвуют в формировании химической связи с древесными частицами (схема 1), что приводит к повышению хрупкости древесных композиционных материалов. Таким образом, закономерно понижается индифферентность к воде (табл. 2) и снижаются прочностные характеристики древесных материалов.

На основе проведенных экспериментов на производственной площадке ООО «Томлесдрев» была выпущена карбамидоформальдегидная смола, модифицированная гликолурилом в количестве 2%. Получена опытно-промышленная партия трехслойных ДСП при существующих на предприятии технологических режимах. В табл. 3 представлены результаты физико-механических и токсикологических показателей ДСП на основе модифицированной гликолурилом КФС.

Из табл. 3 видно, что в древесных композиционных материалах на основе модифицированной КФС в 1,5 раза снижается эмиссия формальдегида, а

также улучшаются физико-механические характеристики.

Заключение

Показана возможность использования модифицированных гликолурилом карбамидоформальдегидных адгезивов для создания древесностружечных плит, обладающих пониженной эмиссией формальдегида. Установлено, что оптимальное количество модификатора в карбамидоформальдегидном олигомере, которое не приводит к падению физико-механических характеристик материалов на его основе, составляет 2%. Проведены промышленные испытания по созданию модифицированных гликолурилом карбамидоформальдегидных смол и трехслойных опытно-промышленных древесно-стружечных плит на их основе, которые показали снижение токсичности на 40%, по сравнению с древесными плитами немодифицированного связующего, и сохранение всех физико-механических показателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шалаиов А.П., Стрелков В.П. Перспективы производства древесных плит. Проблемы экологической безопасности древесноплитной продукции // Древесные плиты: теория и практика : сб. докл. 15-й Междунар. науч.-практ. конф. Балабаново: ВНИИДРЕВ, 2012. С. 3–17.
2. Zeli Que, Takeshi Furuno, Sadanobu Katoh, Yoshihiko Nishino. Effects of urea-formaldehyde resin mole ratio on the properties of particleboard // Building and Environment. 2007. Vol. 42. P. 1257–1263.
3. Янковский Н.А., Степанов Н.А. Горловское открытое акционерное общество «Концерн Стирол». Способ получения карбамидоформальдегидной смолы. Патент РФ №. 99119213. Заявл. 01.09.1999. Оpubл. 20.12.2000.
4. US 8088881B2 Storage stable melamine-urea-formaldehyde resin and application thereof. Byung Young. No, William K. Motter, David M. Harmon. Filed jun. 25, 2008 published dec. 31, 2009
5. No B.Y., Kim M.G. Evaluation of melamine-modified urea-formaldehyde resins as particleboard binders // J. Appl. Pl. 2007. Vol. 106, № 3. P. 4148–4156.
6. Zynska Krystyna, Mazur Jacek, Ofwinowska Hanna, Krystosik Alicja. Zywiec aminowe do produkcji tworzyw drewnopodobnych. Cz. I. Badanie procesu kondensacji // Polim-towrz. Wielkocasteczk. 1992. Vol. 37, № 1. P. 25–30.
7. ГОСТ 14231-88. Смолы карбамидоформальдегидные. Технические условия
8. ГОСТ 27678-88. Плиты древесностружечные и фанера. Перфораторный метод определения содержания формальдегида.
9. ГОСТ 10634-88. Плиты древесностружечные. Методы определения физических свойств.
10. Леонович А.А. Физико-химические основы образования древесных плит. СПб.: ХИМИЗДАТ, 2003. 192 с.

Статья представлена научной редакцией «Биология и химия» 22 января 2015 г.

WOOD COMPOSITE MATERIALS BASED ON GLYCOLURIL-MODIFIED UREA-FORMALDEHYDE RESINS

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 238–241. DOI 10.17223/15617793/391/38

Perminova Daria A., Malkov Victor S., Kurzina Irina A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vyatkinadasha@gmail.com

Babushkina Tatiana B. Tomsklesdrev Ltd. (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vyatkinadasha@gmail.com

Keywords: particle boards; bending strength; water resistance; modified urea-formaldehyde binders; formaldehyde emission in wood composite materials.

Urea-formaldehyde oligomers are urea and formaldehyde polycondensation products and are used as adhesives for wood composite materials. Currently, urea-formaldehyde resins are cheaper and more available than other binders. Composite materials on their base are easily exposed to mechanical processing. These materials also have acceptable parameters of mechanical strength and hardness. It is known that the main disadvantage of urea-formaldehyde resins is high concentration of free formaldehyde and its emission during the formation and subsequent application of wood composite materials. According to the International Agency for Research on Cancer data, formaldehyde is a carcinogen of the first category. It is known that an easy way to reduce toxicity is to decrease the urea / formaldehyde molar ratio. However, the extremely low molar ratio leads to the reduction of the reactivity of oligomers. It also has a negative effect on the physical and mechanical properties of wood materials based on thereof. The technology to synthesize melamine-urea-formaldehyde resins has a wide application. Structural materials based on these types of resins have low toxicity, high water resistance and high strength performance. However, a high content of melamine in resin (about 30–40 %) is required to achieve such high performance. This significantly increases the costs of materials based on melamine-urea-formaldehyde resins. Thus, one can conclude that both the modifier and modification method are effective in case they do not influence drastically the technological processes used to manufacture the resins and resin-based materials, and simultaneously are able to reduce the toxicity of both resins and panels without changing their basic technical characteristics and improving the physical and mechanical properties of wood composite materials. In the present work the results of the influence of a modifying additive for urea-formaldehyde resins on physical and mechanical properties and toxicity of wood materials are presented. It is established that the increase of glycoluril quantity in urea-formaldehyde resin allows reducing the emission of formaldehyde from the particle board. It is shown that optimal quantity of glycoluril as a modifier of urea-formaldehyde resin, which does not allow a decrease of the physical mechanical properties, is two percent. Production experiments established toxicity reducing by 40 % of particle boards based on glycoluril-modified urea-formaldehyde resins in comparison with particle boards based on unmodified binders.

REFERENCES

1. Shalashov A.P., Strelkov V.P. Perspektivy proizvodstva drevesnykh plit. Problemy ekologicheskoy bezopasnosti drevesnoplitnoy produktsii [Prospects for production of wood-based boards. Problems of ecological safety of wood-based panels]. *"Drevesnye plity: teoriya i praktika": sb. dokl.v 15-y Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* ["Wood-based panels: Theory and Practice": Proc. of 15th International scientific and practical conference]. Balabanovo, 2012, pp. 3–17. (In Russian).
2. Zeli Que, Takeshi Furuno, Sadanobu Katoh, Yoshihiko Nishino. Effects of urea-formaldehyde resin mole ratio on the properties of particleboard. *Building and Environment*, 2007, vol. 42, pp. 1257–1263. DOI: 10.1016/j.buildenv.2005.11.028
3. Yankovskiy N.A., Stepanov N.A. Gorlovka Open Joint Stock Company "Concern Styrol". A method for producing urea-formaldehyde resin. RF Patent no. 99119213. Filed Sept. 01, 1999. Published Dec. 20, 2000.
4. US 8088881B2 Storage stable melamin-urea-formaldehyde resin and application thereof. Byung Young. No, William K. Motter, David M. Harmon. Filed June 25, 2008 published Dec. 31, 2009
5. No B.Y., Kim M.G. Evaluation of melamine-modified urea-formaldehyde resins as particleboard binders. *J. Appl. Pl.*, 2007, vol. 106, no 3, pp. 4148–4156. DOI: 10.1002/app.26770
6. Zynska K., Mazur J., Ofwinowska H., Krystosik A. Zywiec aminowe do produkcji tworzyw drewnopodobnych. Cz. I. Badanie kinetyki kondensacji. *Polim-towrz. Wielkocząsteczk.*, 1992, vol. 37, no. 1, pp. 25–30.
7. GOST 14231-88. Smoly karbamidoformal'degidnye. Tekhnicheskie usloviya [State Standard (GOST) 14231-88. Urea-formaldehyde resins. Specifications].
8. GOST 27678-88. Plity drevessnostruzhechnye i fanera. Perforatornyy metod opredeleniya soderzhaniya formal'degida [State Standard (GOST) 27678-88. Flakes and plywood. Perforating method for determination of formaldehyde].
9. GOST 10634-88. Plity drevessnostruzhechnye. Metody opredeleniya fizicheskikh svoystv [State Standard (GOST) 10634-88. Flakes. Methods for determination of physical properties].
10. Leonovich A.A. *Fiziko-khimicheskie osnovy obrazovaniya drevesnykh plit* [Physical and chemical basis of wallboard formation]. St. Petersburg: KhIMIZDAT Publ., 2003. 192 p.

Received: 22 January 2015

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБДРАШИТОВА Мария Овсеевна – канд. филол. наук, доцент кафедры методики преподавания иностранных языков Томского политехнического университета. E-mail: abdrashitova@tpu.ru

АБДУЛЛАЕВ Бахромжон Дадажонович – науч. сотр. Института гидрогеологии и инженерной геологии им. О.К. Ланге Государственного комитета Республики Узбекистан по геологии и минеральным ресурсам (г. Ташкент, Узбекистан). E-mail: BahromAbdullaev@freemail.uz

АНТОШИНА Елена Васильевна – канд. филол. наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин Томского экономико-юридического института. E-mail: arancia@mail.ru

АХМЕДШИН Рамиль Линарович – д-р юрид. наук, профессор кафедры криминалистики Томского государственного университета. E-mail: raist@sibmail.com

БАБУШКИНА Татьяна Борисовна – гл. технолог цеха производства ДСП ООО «Томлесдрев» (г. Томск). E-mail: vyatkinadasha@gmail.com

БАЛЬ Вера Юрьевна – канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета. E-mail: ver_bal@sibmail.com

БАЛЬЧИНДОРЖИЕВА Оюна Баировна – канд. филос. наук, ст. преподаватель кафедры философии Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ). E-mail: baoyu2008@yandex.ru

БИЧЕВИН Анатолий Геннадьевич – соискатель кафедры новейшей русской литературы Иркутского государственного университета. E-mail: bichevin.an@yandex.ru

БОЛОТНИКОВА Олеся Николаевна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: bolotnikovao@mail.ru

БОРОДИН Александр Иванович – д-р экон. наук, профессор кафедры экономики и финансов фирмы Высшей школы экономики (г. Москва). E-mail: aib-2004@yandex.ru

БРЕДИХИН Сергей Сергеевич – аспирант кафедры философских наук Челябинской государственной академии культуры и искусств. E-mail: sergei189@mail.ru

Буй Тхи Зыонг – студентка биолого-химического факультета Белгородского государственного университета. E-mail: buiduong.sun@gmail.com

Бу Тхи Лиен – магистрант кафедры общей химии Белгородского государственного университета. E-mail: bimatuahanhphuc.2012@yandex.ru

ГАПОНОВ Александр Сергеевич – ст. преподаватель кафедры социальной философии, онтологии и теории познания Томского государственного университета. E-mail: gaponov@sibmail.com

ГАБРУК Наталья Георгиевна – канд. биол. наук, доцент кафедры общей химии Белгородского государственного университета. E-mail: gabruk@bsu.edu.ru

ГАРБУЙО Илария – ст. преподаватель кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: ilariagarbujo@gmail.com

ГОЛУБИНА Ольга Александровна – канд. хим. наук, доцент кафедры химии Сибирского государственного медицинского университета (г. Томск). E-mail: mtgolubin@yandex.ru

ГОРЕЛЬСКИЙ Василий Алексеевич – д-р физ.-мат. наук, вед. науч. сотр. НИИ прикладной математики и механики Томского государственного университета. E-mail: vassili@mail2000.ru

ГУСЕВА Наталья Владимировна – канд. геол.-минерал. наук, доцент кафедры гидрогеологии, инженерной геологии и гидрогеоэкологии Томского политехнического университета. E-mail: guseva24@yandex.ru

ДМИТРИЕВА Анастасия Михайловна – магистрант кафедры спортивно-оздоровительного туризма, спортивной физиологии и медицины Томского государственного университета. E-mail: nastenka-dmitrieva92@mail.ru

ДЫДРОВ Артур Александрович – канд. филос. наук, доцент кафедры философии и социологии Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск). E-mail: zenonstoik@mail.ru

ЕВСТРОПОВ Максим Николаевич – канд. филос. наук, доцент кафедры истории философии и логики Томского государственного университета. E-mail: stropov@gmail.com

ЖИЛЬЦОВ Константин Николаевич – мл. науч. сотр. НИИ прикладной математики и механики Томского государственного университета. E-mail: Konstantin@niipmm.tsu.ru

ЖУРАВЛЕВ Георгий Георгиевич – канд. геогр. наук, доцент кафедры метеорологии и климатологии Томского государственного университета. E-mail: ggz50@sibmail.com

ЗИНОВЬЕВ Василий Павлович – д-р ист. наук, зав. кафедрой отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: vprz@tsu.ru

ИВАНОВА Ирина Викторовна – канд. психол. наук, доцент кафедры социальной адаптации и организации работы с молодежью Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: IvanovaDIV@yandex.ru

КАБАЧКОВА Анастасия Владимировна – канд. биол. наук, доцент кафедры спортивно-оздоровительного туризма, спортивной физиологии и медицины Томского государственного университета. E-mail: avkabachkova@gmail.com

КАМНЕВ Александр Сергеевич – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: aleksandr-kamnev@mail.ru

КИРИЛЛОВ Алексей Константинович – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. сектора истории второй половины XVI – начала XX века Института истории СО РАН (г. Новосибирск); доцент кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета. E-mail: alkir.nsk@gmail.com

КИСЕЛЕВ Виктор Ильич – канд. социол. наук, доцент кафедры экономики и социального управления Новокузнецкого филиала-института Кемеровского государственного университета. E-mail: ilichsteel@mail.ru

КОЛУБАЕВА Юлия Викторовна – мл. науч. сотр. лаборатории гидрогеохимии и геоэкологии Томского филиала Института нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН; инженер кафедры гидрогеологии, инженерной геологии и гидрогеоэкологии Томского политехнического университета. E-mail: Kolubaeva@inbox.ru

КОРНИЛЬЦЕВА Ирина Борисовна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: irinakorniltseva@mail.ru

КУЗНЕЦОВА Светлана Сергеевна – мл. науч. сотр. лаборатории общей и сибирской лексикографии, аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: optu@sibmail.com

КУРЗИНА Ирина Александровна – д-р физ.-мат. наук, зав. лаборатории каталитических исследований Томского государственного университета. E-mail: vyatkinadasha@gmail.com

КУРЬЯНОВА Татьяна Сергеевна – канд. ист. наук, инженер-исследователь научно-инновационной лаборатории «Современные музейные и экскурсионно-туристические технологии» Томского государственного университета. E-mail: tanytk_88@mail.ru

ЛАЙКОМ Анна Олеговна – ассистент лаборатории «Агроэкология» Томского государственного педагогического университета. E-mail: agroecol@yandex.ru

МАЛОЛЕТКО Антон Алексеевич – канд. геогр. наук, науч. сотр. лаборатории торфа и экологии НИИ сельского хозяйства и торфа Россельхозакадемии (г. Томск); доцент кафедры географии Томского государственного университета. E-mail: maloletko.ant@yandex.ru

МАЛЬКОВ Виктор Сергеевич – канд. хим. наук, ст. науч. сотр. лаборатории каталитических исследований Томского государственного университета. E-mail: vyatkinadasha@gmail.com

МАРТЫНЕНКО Татьяна Сергеевна – аспирант кафедры истории и теории социологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: ts.martynenko@gmail.com

ПЕРМИНОВА Дарья Алексеевна – аспирант кафедры физической и коллоидной химии, мл. науч. сотр. лаборатории каталитических исследований Томского государственного университета. E-mail: vyatkinadasha@gmail.com

ПРЯДУХА Наталия Анатольевна – канд. искусствоведения, науч. сотр. лаборатории гуманитарных наук ООО Научно-производственного объединения «Экран» (г. Барнаул). E-mail: natasha72_72@mail.ru

РЕДЧИКОВА Наталия Александровна – канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и агробизнеса Томского государственного университета. E-mail: natako@yandex.ru

РЫГАЛОВА Мария Владимировна – аспирант кафедры документоведения, архивоведения и исторической информатики Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: mariya_rygalova@mail.ru

САВИЧЕВ Олег Геннадьевич – д-р геогр. наук, профессор кафедры гидрогеологии, инженерной геологии и гидрогеоэкологии Томского политехнического университета. E-mail: OSavichev@mail.ru

САРЫЧЕВА Татьяна Валерьевна – канд. пед. наук, доцент кафедры физического воспитания Томского политехнического университета; докторант кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: sarycheva_tv_1@mail.ru

СТЕПНОВ Алексей Олегович – студент исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: ASAOМ@yandex.ru

ФОМИНА Юлия Андреевна – канд. экон. наук, доцент кафедры инновационного и проектного управления Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: Fomina-u-a@yandex.ru

ФОМИНЫХ Сергей Федорович, – д-р ист. наук, зав. кафедрой современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

ХИТРУК Екатерина Борисовна – канд. филос. наук, доцент кафедры социальной философии, онтологии и теории познания Томского государственного университета. E-mail: lubomudr@vtomske.ru

ЧЕРЕДЬКО Наталья Николаевна – канд. геогр. наук, мл. науч. сотр. лаборатории геоинформационных систем Института мониторинга климатических и экологических систем СО РАН (г. Томск). E-mail: atnik3@rambler.ru

ЧИГВИНЦЕВА Ольга Александровна – ст. преподаватель кафедры государства и права Филиала Удмуртского государственного университета в г. Воткинске. E-mail: ochigvintseva@list.ru

ШИРИЖИК Вячеслав Михайлович – ст. преподаватель кафедры гражданского права и процесса Тувинского государственного университета (г. Кызыл). E-mail: shirizhik-vm@yandex.ru

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является общенаучным периодическим изданием. Первоначально он выходил под названием «Труды Томского государственного университета», в 1998 г. издание университетского журнала было возобновлено уже под новым названием, и всего к 2015 г. было выпущено 389 номеров. В настоящее время журнал «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Национальный исследовательский Томский государственный университет», редакция журнала «Вестник ТГУ».

Телефон 8(382-2)–52-96-67

Факс 8(382-2)–52-98-46

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from the authors or authors' institution.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Editorial Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050

Tel: 8(382-2)–52-96-67

Fax: 8(382-2)–52-98-46

Executive Editor: Dmitry Katunin

E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Общенаучный периодический журнал

2015 № 391 Февраль

Главный редактор (председатель научно-редакционного совета)

Э.В. Галажинский

Ответственный редактор выпуска

Д.А. Катунин

ФИЛОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ.
ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА. НАУКИ О ЗЕМЛЕ. БИОЛОГИЯ И ХИМИЯ

Печатная версия журнала

зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.

ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Электронная версия журнала

зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.

ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж).

Электронная версия журнала находится в сети Internet по адресу

[http:// www.journals.tsu.ru/vestnik](http://www.journals.tsu.ru/vestnik)

Адрес редакционного совета

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. ТГУ. Журнал «Вестник ТГУ»

Телефон 8+(382-2)–52-96-67

Подписано к печати 20 февраля 2015 г.

Формат 60 × 84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.

Цифровая печать. Усл. печ. л. 28,6. Тираж 250 экз. Заказ № 860.

Редакторы: Ю.П. Готфрид, Н.А. Афанасьева

Корректор – А.Н. Воробьева

Оригинал-макет К.В. Полькиной

Дизайн обложки – Л.Д. Кривцова

Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании

Издательского Дома Томского государственного университета

634050, г. Томск, Ленина, 36

Телефон 8+(382-2)–53-15-28